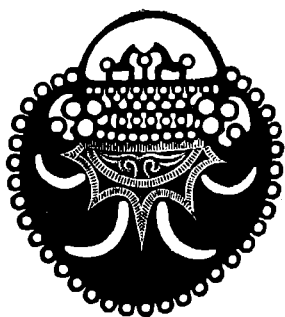

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

2

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постраничная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек) название, журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

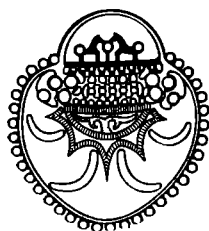
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавитов, должны быть дублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1957

Редакционная коллегия

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
И. Т. Кругликова, отв. секретарь,
А. М. Беленицкий, **С. Н. Бибииков**, **В. Д. Блаватский**, **Л. А. Голубева**,
Л. А. Евтюхова, **А. Л. Монгайт**, **А. П. Окладников**, **Т. С. Пассек**,
Б. Б. Пиотровский, **Б. А. Рыбаков**, **А. П. Смирнов**

СТАТЬИ

Д. А. КРАЙНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИВОТНОВОДСТВА В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

(По материалам пещерной стоянки Таш-Аир I)

Проблема происхождения животноводства является одной из важных проблем изучения истории развития первобытного общества, так как от правильного ее решения зависит и правильное понимание социально-экономического уклада и духовной культуры послепалеолитического человека.

По вопросу о происхождении животноводства написано большое количество трудов, но большинство их касается главным образом зоологической стороны вопроса, историческая же сторона его еще недостаточно выяснена и разработана. До сих пор остаются нерешенными такие важные вопросы, как место и время происхождения домашних животных, причины приручения и одомашнения животных, значение начального животноводства и его формы, время возникновения животноводства как ведущей основы хозяйства первобытного человека и другие.

«Краеугольным камнем» разбираемой нами проблемы является вопрос о месте и времени приручения и одомашнения животных. Относительно места происхождения домашних животных существуют разнообразные взгляды, но в основном их можно свести к двум противоположным мнениям:

1. Все главные виды домашних животных произошли в так называемых древних культурных центрах и оттуда распространились на остальные территории.

2. Домашние животные возникли в разных местах, независимо друг от друга, там, где имелись соответствующие условия и наличие диких форм.

Существуют и промежуточные мнения, примиряющие два первых.

Основываясь на том, что в так называемых древних культурных центрах домашние животные появляются раньше, чем в других местах, и что там имелись исходные дикие формы, существующие и сейчас, защитники первого мнения отрицают автохтонность происхождения домашних животных. Они считают, что последние распространялись из древних культурных очагов разными путями: путем миграции населения, заимствования домашнего скота, заимствования навыков одомашнения и т. д.

Долгое время считалось, что центром одомашнения растений и животных была Азия. Е. А. Богданов считал таким центром Среднюю Азию, откуда домашний скот благодаря переселению людей проник в Иран, Индию, Месопотамию, Египет, Африку и затем в Европу¹. Н. Березин, отмечая неизученность начальных этапов в развитии животноводства, писал, что основными очагами одомашнения животных были страны

¹ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных. М., 1913, стр. 19.

Ближнего Востока, Средней и Южной Азии и Северной Африки¹. Г. Чайлд считает центрами одомашнения Афразию, где, по его мнению, имелись в наличии полезные виды диких растений и животных².

Можно привести еще десятки высказываний приверженцев этого «восточного гипноза», как его справедливо назвала В. В. Гольмстен³. Безусловно, все эти высказывания имеют под собою какую-то почву. Никто не станет отрицать значения культурных центров и их влияния на «периферию», но нельзя ставить развитие последней в полную зависимость от этих культурных центров. Также нельзя, судя по наличию в этих центрах диких форм животных, вести одомашнение только оттуда, так как дикие сородичи имеются и в других местах. Открытия последних лет в области археологии и палеозоологии опровергают указанные выше взгляды. Л. Адамец поставил вопрос о самостоятельном происхождении древних европейских домашних животных из местных диких форм⁴. А. Браунер также высказался за самостоятельное первичное одомашнение некоторых видов в европейской части СССР⁵. С. Н. Боголюбский намечает места происхождения домашних животных еще шире, считая основными центрами доместики южную и центральную области Евразии и центральные и восточные области Африки⁶. И. Г. Пидопличко устанавливает местные центры одомашнения на Украине⁷.

Находки костей домашних животных в неолитических стоянках Украины, Подонья, Крыма подтверждают самостоятельное происхождение домашних животных на территории Восточной Европы. По-видимому, помимо основных центров доместики животных, существовали и местные там, где имелись дикие сородичи (предки) домашних животных и соответствующие условия для одомашнения. Одомашнение животных происходило не в одной какой-либо местности, и это не есть дело одного какого-либо народа. Разные народы, в разных местах земли и в разное время приручали и одомашнивали диких животных. Разный состав стада и различная последовательность в приручении отдельных животных у разных племен времени неолита и бронзы также свидетельствуют о правильности этого вывода. Только путем детального изучения отдельных археологических культур можно установить, является ли происхождение домашних животных местным или заимствованным.

Что касается времени их происхождения, то по этому вопросу также нет единого мнения. Известно лишь одно, что домашние животные сильно изменились, пройдя длительную эволюцию. Это позволяет нам отнести процесс первичного одомашнения к очень отдаленному от нас времени. Вопрос о времени происхождения домашних животных запутала так называемая «внезапность» появления домашнего скота «в готовом виде», которую отмечают многие археологи и зоологи.

В. А. Городцов писал о том, что с наступлением металлического периода в Египте как бы внезапно появляются вполне развитыми земледелие и скотоводство⁸. Е. А. Богданов отмечал внезапность появления домашнего

¹ Н. Березин. Исчезнувшие домашние животные Египта, Палестины и Сирии. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940, стр. 391.

² Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 58.

³ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Тр. Лаборатории генетики АН СССР, вып. I, Л., 1933, стр. 96—97.

⁴ Л. Адамец. Общая зоотехника. М., 1931, стр. 15—28.

⁵ А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. Тр. Лаборатории генетики АН СССР, вып. I, 1933, стр. 109—156.

⁶ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, т. I, М., 1940, стр. 24—26.

⁷ Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 164.

⁸ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 73.

скота в культуре Анау¹. Г. Чайлд сообщает о наличии готового земледелия и скотоводства в поселениях неолитической (тасийской) культуры Египта². С. Н. Бибиков, рассматривая вопрос о скотоводстве трипольцев, также констатирует факт «внезапности» появления пяти или даже шести видов домашних животных в раннем Триполье³. Появление домашнего скота «в готовом виде» отмечается и для андроновской культуры⁴, энеолитических культур Закавказья⁵ и т. д. Такое «внезапное» появление почти всех видов домашнего скота в конце неолита и начале энеолита дало повод к разной трактовке данного явления. Некоторые буржуазные ученые пытались обосновать теорию об извечности домашних животных (известно, что впоследствии людям не удавалось одомашнить новых животных). Многие палеозоологи и археологи объясняют «внезапность» появления домашних животных заимствованием. Например, С. Н. Бибиков объясняет «внезапное» появление скотоводства у трипольцев заимствованием, возможно, даже не животных, а навыков одомашнения⁶. В. И. Громова считает трипольское скотоводство заимствованным из восточной части Средиземноморья⁷. Объяснение «внезапности» появления домашних животных только заимствованием будет неправильным выходом из положения. Встав на эту точку зрения, мы не выйдем из «заколдованного круга», так как не найдем исходной точки животноводства, ибо и в Египте, и в Палестине, и в Средней Азии, и в Средиземноморье, и в Европе оно также появляется «внезапно» и «в готовом виде». По-видимому, надо искать иное объяснение «внезапности».

Бесспорно, что домашний скот не мог появиться «внезапно», «в готовом виде»; дикие животные не могли сразу превратиться в домашних. Чтобы такой скачок произошел, должен был пройти длительный процесс накопления новых черт. Морфологические изменения накапливались у животных постепенно. На первых ступенях одомашнения кости диких и одомашненных животных отличить невозможно. Затем появились переходные формы, отмечаемые зоологами, и, наконец, животное как бы «внезапно» приобретает все черты домашнего животного. Поэтому «внезапность» надо рассматривать как своеобразный скачок после длительного процесса развития. Резкие морфологические изменения являются результатом изменения в содержании скота в связи с окончательным становлением животноводства как одной из ведущих систем нового производящего хозяйства. На основании вышеизложенного, а также палеозоологических и этнографических данных мы должны признать до появления домашних животных «в готовом виде» существование длительного периода приручения, одомашнения и начальных стадий животноводства. Находки за последние годы костей домашних животных в датских кбёккенмеддингах⁸, в бескерамических слоях неолитических поселений Палестины⁹, в раннеолитических слоях Украины¹⁰, в мезолитических стоянках Африки¹¹, в мезо-

¹ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 97.

² Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 91.

³ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, стр. 191.

⁴ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 123.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 7—8.

⁶ С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 191.

⁷ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, М.—Л., 1940, стр. 110—111.

⁸ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947, стр. 11.

⁹ L'Antiquité Classique, т. XXIV, вып. 2, Brussel, 1955.

¹⁰ В. М. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры. (Доклад на сессии Института археологии АН УССР зимой 1956 г.); А. Добровольский. Восьма Ігреньська неолітична стоянка. Археологічні пам'ятки УССР, т. 2, Київ, 1944, стр. 250.

¹¹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 60.

литических слоях крымских стоянок¹, а также находки повозок при раскопках памятников ямной культуры, указывающих на раннее применение тягловой силы животных², обнаружение позднепалеолитических и мезолитических петроглифов с изображением домашних животных³, бесспорное приручение собаки в конце палеолита и т. д.— все это требует значительного удревнения начальных стадий животноводства.

Считая бесспорным существование развитого животноводства на юге СССР в конце позднего неолита и энеолита (трипольской и ямной культур, энеолита Закавказья и пр.), большинство археологов все еще не решается отнести происхождение животноводства древнее этого времени. Среди отдельных специалистов растет, однако, уверенность в раннем появлении домашних животных.

Еще В. А. Городцов предполагал существование в неолите земледелия и скотоводства, которые, по его мнению, не выходили за рамки первичной стадии развития⁴. А. Я. Брюсов высказал предположение, что южные племена «на грани перехода от раннего к развитому неолиту, по всем вероятностям не позднее IV тысячелетия до н. э., перешли к земледелию и скотоводству»⁵. Возникновение скотоводства на юге СССР, по его мнению, мы должны отнести к концу V тысячелетия до н. э. В. М. Даниленко на основании изучения неолита Украины пришел к выводу о существовании всех видов домашних животных в раннем неолите Побужья⁶. С. Н. Боголюбский, соглашаясь с одомашнением некоторых животных в мезолите, пишет о заметном развитии животноводства и земледелия в неолите⁷. Г. Кларк считает поздний неолит уже временем развитого животноводства⁸. Г. Чайлд, анализируя хозяйство неолитических поселений тасийской культуры в Египте (V тысячелетие до н. э.), считает необходимым отодвинуть начало земледелия и животноводства еще на целую стадию вглубь веков⁹.

По-видимому, там, где животноводство имеется «в готовом виде» в неолите и энеолите, время его возникновения относится к мезолиту или концу палеолита. Исходя из неравномерности истории развития человеческого общества, следует предполагать у разных племен и народов разное время появления животноводства. Вопрос о времени происхождения животноводства необходимо поэтому решать не вообще, а только лишь для отдельных археологических культур.

Решение вопроса о времени одомашнения животных частично зависит и от выяснения причин, приведших к развитию животноводства. Чтобы правильно подойти к выяснению причин происхождения животноводства, необходимо оговорить разницу между приручением и одомашнением. Это не одно и то же. Приручение всегда предшествует одомашнению, но не всегда за приручением может следовать одомашнение. Из 2000 видов млекопитающих, известных в наше время, одомашнено всего 10—11 видов. Домашние животные появляются только на определенной стадии развития человеческого общества, не все сразу и не в случайном порядке, а в таком, который носит следы целесообразности. Приручение и одомашнение животных стало возможным только благодаря длительному знаком-

¹ Таш-Аир I, Шан-коба, Мурзак-коба, Фатьма-коба, Замиль-коба I, Замиль-коба II, Алимовский навес и др.

² О. І. Тереножкін. Курган Сторожова могила. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 183. (Остатки повозок и модели их найдены во многих местах: в Нижнем Поволжье, Украине, Бессарабии и Венгрии. Эти находки датируются III—II тысячелетием до н. э. Они указывают на существование развитого животноводства в энеолите).

³ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 60.

⁴ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 73.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 200.

⁶ В. М. Даниленко. Ук. доклад.

⁷ С. Н. Боголюбский. Ук. соч., стр. 15.

⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 123—134.

⁹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 60.

ству человека с животными в процессе развития охотничьего хозяйства. Охотясь в течение тысячелетий на определенных животных, человек узнавал их привычки и повадки и, только накопив огромный опыт, передовавшийся из поколения в поколение, он смог прийти к одомашнению животных. Некоторые специалисты пытаются объяснить приручение и одомашнение не обстоятельством, вытекающими из хозяйственной деятельности человека, а различными случайными причинами¹, как, например: 1) приручением молодых особей, взятых на охоте для забавы или из сострадания; 2) симбиозом — вынужденным сосуществованием человека и животных²; 3) приручением тотемных, священных, животных; 4) самоприручением стад, за которыми следовал человек, становясь постепенно их вожаком, и самоприручением отдельных животных; 5) содержанием молодых особей в неволе как «запасов живого мяса» и т. д.

Все эти способы могли существовать, но они не решают вопроса о возникновении животноводства. Ни самоприручение, ни симбиоз и никакие другие способы не объяснят нам, почему только в конце палеолита начинается одомашнение животных. Нельзя считать серьезным объяснением этого явления и мнение В. В. Гольмстен о том, что «привязанность к удобствам постоянного жилища заставила людей искать способов сделать его еще более постоянным, вводить новые производства, в числе которых было не только земледелие, но и скотоводство»³. Положение Г. Чайлда о приоритете природных условий⁴ также не может служить достаточным объяснением. Прав М. О. Косвен⁵, выводя приручение и одомашнение животных из хозяйственной деятельности человека, но сюда надо добавить и значение природных условий, стимулировавших переход к новым формам хозяйства.

После отступления ледника в природе произошли большие изменения, которые повлекли за собой изменения в распределении животных и растений. В самом начале голоцена вымерли такие животные, как мамонт, сибирский носорог, гигантский олень и др.; отошли на север животные холодного климата и сильно сузили свои ареалы такие животные, как дикая лошадь, осел, сайга и т. д.⁶

Это не могло не отразиться на охотничьем хозяйстве человека, так как оно зависело от состава и количества животных. Мы видим, как в конце палеолита и в мезолите происходят крупные изменения в хозяйстве и в социальном устройстве первобытного общества. Совершенствуется техника выделки кремневых орудий, приведшая в мезолите, с одной стороны, к развитию вкладышевых, режущих и метательных орудий и, с другой стороны, к появлению крупных двусторонних рубящих и колющих орудий. Изменяются и способы охоты с распространением на юге таких животных, как благородный олень, кабан, косуля и пр., ставших основными промысловыми животными. Изобретаются лук и стрелы, приручается собака как охотничье животное и т. д. Наряду с хозяйственными изменениями, подготовленными всем предыдущим развитием, изменяется социальный и духовный уклад первобытно-родовой общины. Родовые отношения усложняются в связи с хозяйственными сдвигами и ростом населения. Крупные коллективы палеолитических охотников на мамонта распадаются на мелкие; наблюдается расселение людей, освоение новых пространств и

¹ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 87—88; Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 40.

² Г. Чайлд объясняет появление животноводства в Африке изменением природных условий. По его мнению, уменьшение оазисов и отделение их благодаря засухе пустынными полосами (после оледенения) привело к вынужденному сосуществованию рядом человека и животных. «Такое невольное и близкое сосуществование людей и животных и могло явиться причиной, породившей между ними тот вид симбиоза, который подразумевался под понятием «одомашнение животных» (Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 57—58).

³ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 90.

⁴ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 57.

⁵ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 72.

⁶ И. Г. Пидопличко. История фауны степей. Животный мир СССР, т. III. М.—Л., 1950, стр. 517.

Рис. 1. Внешний вид навеса Таш-Аир I

несколько обособленное развитие отдельных локальных групп мезолитического человека. Схематизация искусства и распространение захоронений мезолитического человека указывают на новые явления и в его духовной культуре. В так называемое азильско-тарденуазское время в зоне распространения каспийской культуры наблюдается узкая специализация охоты и постепенный упадок ее значения в хозяйстве человека. В добывании пищи приобретают значение и усиленно развиваются усложненное собирательство и рыболовство и возникает новая форма хозяйственной деятельности — содержание животных в неволе (одомашнение) как создание запасов «живого мяса». Переход к производству пищи — сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаков, и приручению, разведению и отбору животных относится, по словам Г. Чайлда, к изобретениям, носящим характер экономической революции, «величайшей в исто-

рии человечества после того, как человек овладел искусством добывать огонь»¹. Однако последняя не возникла внезапно, а имеет глубокие корни в хозяйственном развитии человеческого общества и в его природном окружении. Мезолитическая эпоха является переходной эпохой от присваивающего хозяйства к производящему и от полупассивного сосуществования с природой — к активному воздействию на нее. На юге все это, возможно, привело уже в раннем неолите к оседлости и господству новых форм хозяйства (земледелия и животноводства).

* * *

Скудость сведений о древнейшем животноводстве, недостаточность костных материалов из последовательных культурных отложений, отсутствие публикаций костных остатков по отдельным стоянкам, неполноценность зоологических анализов — все это затрудняет решение проблемы животноводства в ее общем освещении; но по отдельным культурам к настоящему моменту накопилось достаточно материалов для широких выводов.

Раскопанная нами в 1937—1940 гг. пещерная стоянка Таш-Аир I (в Крыму) дала десять последовательных культурных наслоений, начиная с конца верхнего палеолита и кончая поздним средневековьем (рис. 1 и 2). Костный материал из этой многослойной стоянки, изученный и определенный Н. А. Сугробовым², дает возможность судить об изменениях фауны юго-западного Крыма, начиная с конца палеолита и до современности. Изменения в качественном и количественном составе костных остатков, прослеженных в строгой стратиграфической последовательности, а также весь комплекс находок в Таш-Аир I позволяют сделать некоторые выводы о месте и времени приручения и одомашнения отдельных видов животных, о смене разных стадий животноводства и их значении в хозяйстве

¹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 55.

² Работа Н. А. Сугробова по изучению костных остатков Таш-Аир I консультировалась В. И. Громовым; к сожалению, Н. А. Сугробов, погибший на фронте во время Великой Отечественной войны, не успел расширить работу и дать исчерпывающую характеристику фауны Таш-Аир I.

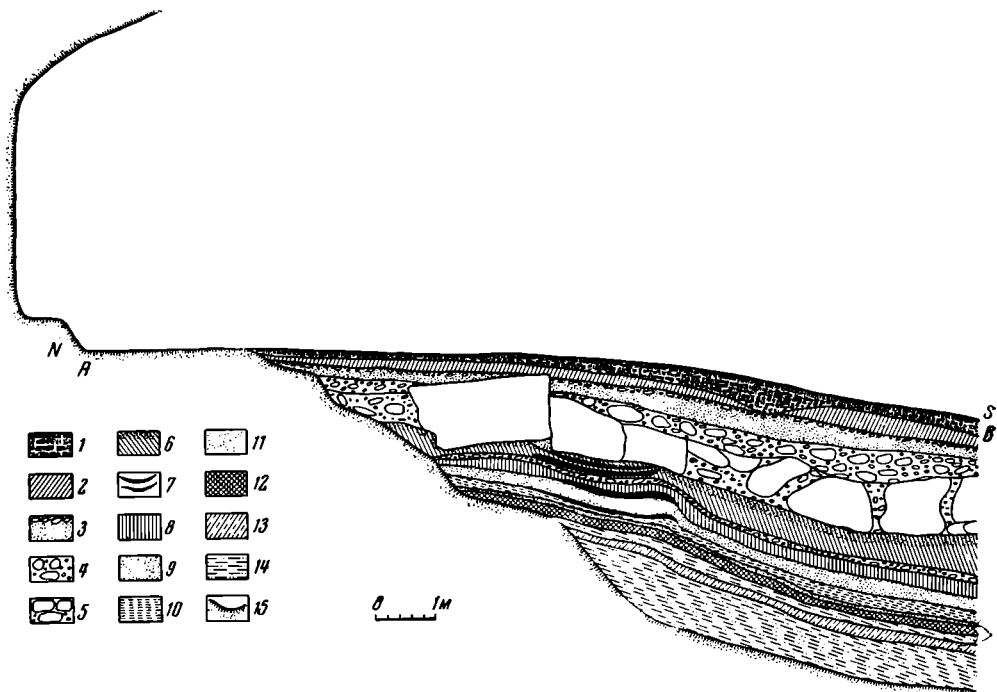

Рис. 2. Профиль раскопок Таш-Аир I

1 — современный почвенный слой, 2 — средневековый и позднеатаврский слой, 3 — кизил-кобанский слой, 4 — камни и желтый суглинок с редкими находками эпохи бронзы, 5 — обломки камней и каменных глыб с потолка навеса, 6 — слой ранней бронзовой эпохи и поздненеолитический слой, 7 — кострища, 8 — слой средне-неолитический, 9 — прослойка желтого суглинка, 10 — тарденуазский слой, 11 — прослойка желто-серого суглинка, 12 — азильский слой, 13 — мадленский слой, 14 — желтобессовидный суглинок, 15 — скалистое дно пещеры

первобытных обитателей юго-западного Крыма в послепалеолитическое время.

Видовой состав фауны Таш-Аир I характерен для послепалеолитических стоянок Крыма. Он состоит из млекопитающих степных и лесных ви-

Таблица 1

Видовой состав фауны Таш-Аир I (по костям и особям)

Наименование животных	Слой IX Мадлен		Слой VIII Азиль		Слой VII Тарденуаз		Слой VI Ранний неолит		Слой Va Развитой неолит		Слой Vb Бронза		Слой IV Кизил-Коба		Слой III Тавро-скифы		Слой II Средневековье		Слой I Современность	
	к*	о**	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о
Кабан-свинья	27	2	64	3	104	3	57	2	840	16	363	7	83	3	11	1	19	2	2	1
Крупный рогатый скот	—	—	—	—	2	1	16	2	45	4	54	3	20	2	8	1	45	4	4	1
Мелкий рогатый скот	—	—	1	1	—	—	9	1	15	2	32	2	—	—	18	2	41	6	11	1
Лошадь	—	—	—	—	—	—	1	1	5	1	—	—	8	1	7	1	40	2	1	1
Осел	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	2	1	15	3	3	1
Собака	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Копролиты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Благородный олень	1	1	11	2	22	2	22	2	88	3	61	2	14	2	6	2	5	1	—	—
Косуля	1	1	6	1	2	1	6	1	36	3	7	1	13	3	1	1	5	1	—	—
Камышевый кот	—	—	—	—	2	1	1	1	2	1	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—
Заяц	—	—	5	1	2	1	4	1	21	1	4	1	14	2	9	1	—	—	—	—
Птицы	—	—	2	—	—	—	—	—	20	—	—	—	39	—	—	—	4	—	—	—
Грызуны	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Барсук	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—

* кости

** особи

+ есть

дов животных, мелких хищников, грызунов, птиц и домашних животных. Приводимая нами таблица 1¹ дает представление о видовом составе всех культурных наслоений, о соотношении определяемых костных остатков и минимального количества особей². Для решения поставленной нами проблемы необходимо более подробно остановиться на характеристике костных остатков каждого вида в отдельности.

Собака (*Canis familiaris*)

В стоянке Таш-Аир I костные остатки собаки обнаружены в слое Va, времени позднего неолита; в слое IX, относимом нами к позднемадленскому времени, найдены копролиты собаки. Находки костей домашней собаки наблюдались во многих стоянках Крыма, относимых к азило-тарденуазскому времени³ (стоянки Сюрень II⁴, Шан-коба⁵, Мурзак-коба⁶, Фатьма-коба⁷, Замиль-коба I⁸ и др.). Приведенные факты позволяют заключить, что крымский первобытный человек уже в конце палеолита имел прирученную и одомашненную собаку. Этот вывод подтверждается находками костей домашней собаки в ряде позднепалеолитических стоянок СССР и Западной Европы. На стоянках Афонтова гора близ г. Красноярска было найдено два черепа и кости конечностей собаки⁹; часть челюсти и копролиты собаки были обнаружены в Тимоновской палеолитической стоянке¹⁰, в Бердыжской стоянке на Соже¹¹ и в ряде палеолитических стоянок Франции и Испании найдены кости особей, близких к домашней собаке¹². В мезолитическую эпоху кости домашней собаки на стоянках встречаются чаще¹³. В неолите и позднее домашние собаки имеют еще более широкое распространение с ясной дифференциацией подвидов.

Большинство исследователей считает, что предками домашней собаки были волк и шакал. Исследование костей собаки из палеолитических и мезолитических стоянок показывает их волкообразную разновидность¹⁴. Что касается древнейших собак Крыма, то, по исследованию А. А. Беляницкого-Бирули, их кости почти ничем морфологически не отличаются от волка и уступают его костям только по размеру, а собака из стоянки Сюрень II близка к северной лайке¹⁵. В. А. Городцов сближает ее с видом

¹ Таблица составлена на основании количества определяемых костей и минимального количества определяемых особей.

² Костные остатки Таш-Аир I имеют характер обычных кухонных остатков. 70% их неопределимы, что затрудняет полное восстановление фауны.

³ Я применяю термины «мадленский», «азильский» и «тарденуазский» не в качестве стадий культуры, а как указатель времени.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II-ой Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934.

⁵ С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-коба и Мурзак-коба в Крыму. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130.

⁶ Его же. Грот Мурзак-коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940, стр. 174.

⁷ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 117.

⁸ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-коба I. Сборник статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 30.

⁹ M. Pavlova. Mammifères postérieurs trouvés sur les bords du Volga près de Senguilei. Ежегодник Русского палеонтологического общества, т. IX, 1931; В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. I, Л., 1932, стр. 166.

¹⁰ В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, стр. 151.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 152.

¹³ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 129.

¹⁴ В. И. Громов. Остатки древнейшего человека и современной ему фауны. Жизнь Сибири, 1924, № 5—6.

¹⁵ А. А. Беляницкий-Бируля. Предварительное сообщение о хищниках (*Canis*) из четвертичных отложений Крыма. Доклады АН СССР, 1930, стр. 139—140.

Таблица 2

Видовой состав фауны Крыма времени палеолита и мезолита
(по основным стоянкам)

Наименование животных	Мустье							Верх- ний па- леолит	Азиль				Тарденуаз													
	Кош-коба	Кник-коба	Чекурча	Шайган-коба	Волчий грот	Чагарак-коба	Староселье	Кабан	Бахчисарайск. стоянка	Аджи-коба	Аджи-коба I слой	Сюрень-I	Таш-Анр I	Бурая-кая	Замиль-коба I	Шан-коба	Фатъма-коба	Таш-Анр I	Сюрень II	Музрак-коба	Фатъма-коба	Черкез-кермен	Замиль-коба I	Таш-Анр I	Шан-коба	Кукрек
Мамонт	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Носорог	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Бизон	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Лошадь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Северный олень	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Благородный олень	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Большерогий олень	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Косуля	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дикий осел	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Козел	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кабан	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Муфлон	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Баран	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Собака (домашняя)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Волк	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Гигантский олень	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пещерный медведь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пещерная гиена	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сайга	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Песец	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Степная лисица (корсак)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Обыкн. лисица	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пещерный лев	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Медведь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Барсук	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Бобр	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рысь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Камышевый кот	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Зяец	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сурук	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дикая кошка	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

*Canis familiaris palustris*¹, что также говорит о ее волкообразности². По-видимому, древнейшая крымская собака имела своим предком волка. В Крыму волк прослеживается с мустьерского времени и известен в более поздних стоянках³. (См. табл. 2). Этот факт и сходство костных остатков древней крымской собаки с волком приводят нас к заключению о местной, а не заимствованной доместики собаки.

Почему же человек первым из всех животных приручил волка и «создал» домашнюю собаку раньше других животных и каковы основные причины этого приручения? По этому поводу имеются различные мнения: собака была приручена 1) как друг и сторож, 2) как источник пищи — «жи-

¹ В. А. Городцов. К истории приручения собаки, стр. 153.

² Зоологами выяснено, что на ранних этапах распространялись два вида волкообразных собак: *Canis familiaris palustris* и *Canis familiaris Inostranzewi*.

³ Например, в таких стоянках, как Кник-коба, Сюрень I, Сюрень II, Шан-коба, Фатъма-коба, Замиль-коба I.

вой запас мяса» и, наконец, 3) как необходимое условие успешной охоты на диких животных.

Первая точка зрения ¹ вряд ли соответствует действительности, так как она не объясняет, почему только в конце палеолита у человека появилась потребность в приручении собаки. Сторожить еще было нечего, ибо первобытный человек не имел накоплений, а другая собака становится значительно позже, после длительного сосуществования с человеком.

Второе мнение основано на том, что костные остатки собаки встречаются среди пищевых отбросов, что часто они расколоты для добывания мозга и на некоторых костях имеются нарезки, расчленения ². Собака могла, конечно, служить пищей первобытного человека. Однако собачье мясо никогда не являлось существенной частью питания (кости собак в ранних стоянках попадают буквально единицами). Неясно также, почему человеку понадобилось приручать для пищи волка, а не другое какое-либо животное, например кабана, тем более, что волк труднее приручается, чем кабан. Волк не являлся промысловым животным, так как его кости редки в кухонных отбросах. Наконец, мы имеем ряд находок черепов и костей собак из ранних стоянок ³, не разбитых с целью добывания мозга. Все эти соображения не позволяют согласиться с защитниками указанного положения. Собаки поедались палеолитическим, мезолитическим, неолитическим и более поздним человеком в исключительных случаях ⁴. Собаки поедались и человеком бронзового века, но мы, однако, не утверждаем, что они существовали у него как «живой запас мяса».

Нельзя согласиться и с предположением, что основным условием приручения собаки и других животных явилось сравнительно обеспеченное существование людей мезолитического времени ⁵. Если охота (благодаря изобретению лука и стрел) была, собирательство и рыболовство привели к сравнительному избытку пищи, то зачем тогда нужно было приручать собаку «как источник пищи и живой запас мяса»? Подобные взгляды не объясняют нам, почему именно в конце палеолита и в мезолите появляется домашняя собака. Решение этого вопроса надо искать в хозяйственной деятельности позднепалеолитического человека и окружающих его условиях.

Выше мы писали об условиях, создавшихся в конце палеолита в хозяйстве человека и в его природном окружении. К концу палеолита в стоянках Крыма наблюдается значительное обеднение фауны ⁶. По существу, основными промысловыми видами теперь являются кабан, благородный олень и косуля. В этих новых условиях человеку приходилось перестраивать свое охотничье хозяйство, искать новые способы его ведения; иначе ему грозила голодная смерть, так как «никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» ⁷. Не блага жизни толкали человека на изменение способов охоты и искание новых форм хозяйства, а возросшие потребности и необходимость. Нам представляется, что в этих новых создавшихся условиях и следует искать причины изобретения лука и стрел, приручения собаки, появления животноводства и других изменений в хозяйственной жизни мезолитического человека. Поэтому предположение о том, что собака появляется в конце палеолита как необходимое условие нового прогрессивного

¹ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 129.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. О нарезках на палеолитических костях. Сообщение ГАИМК, № 8, 1931, стр. 27.

³ Афонтова гора, Ладожская стоянка, датские кьёккенмеддинги и др.

⁴ В периоды систематических голодовок или употреблялись в пищу как священное животное в особых случаях.

⁵ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 86.

⁶ Стоянки мезолита по сравнению со стоянкой Сюрень I дают резкое сужение фауны (см. табл. 2).

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 95.

способа успешной охоты на диких животных и является наиболее вероятным.

Свидетельством приручения собаки для целей охоты может служить рисунок на стенах убежища под скалой в Альпере (юго-восточная Испания), относящийся к концу плейстоцена или к началу голоцена¹. На нем изображена сцена охоты человека с луком и стрелами на оленей, козлов, быков и пр., а рядом с этими животными, пораженными стрелами, изображена собака — помощник охотника. По-видимому, уже в палеолите собаки принимали участие в облавной охоте при гоне зверей². В мезолите, в связи с изобретением лука и стрел и с интенсификацией охоты, примитивное собаководство становится повсеместным. Уже одно это говорит о его хозяйственном значении.

В. В. Гольмстен, не соглашаясь с предположением о приручении собаки как охотничьего животного, считает, что «первоначальное приручение собаки, как и многих других зверей, могло не преследовать и, вероятно, не преследовало никаких практических целей. Использование ее возникло как следствие приручения, и случайное явление (подчеркнуто нами.— Д. К.) привело в целесообразную хозяйственную деятельность»³. Если встать на эту точку зрения, то все развитие производительных сил первобытного общества (появление ручного рубила, лука и стрел, топора, металлических изделий и т. д.) надо признать случайным явлением. К моменту приручения собаки человеку, безусловно, были известны ее охотничьи свойства. Человек встретил волка на охотничьей тропе в глубокой древности. С мустьерского времени он мог наблюдать за охотой волка на других животных, возможно, иной раз и отбивал у него загнанную дичь. Сначала это было случайным явлением, а потом человек, изучив прекрасные качества волка как гончего животного, стал использовать эти качества в свою пользу. С другой стороны, волк мог бродить за людьми и подъедать остатки пищи; это привело человека и волка к совместному сосуществованию. Этнографы приводят много примеров такого тесного общения человека с волком⁴. Но одомашнение волка нельзя связывать только с самоприручением, считая, что «дикая собака снюхалась с человеком сама»⁵. Теория «самоприручения» не ставит вопроса о причинах одомашнения. Собака почти всюду является самым древним домашним животным, и это явление не случайное, а закономерное. Одомашнение волка облегчалось его всеядностью и тем, что его щенят можно было легче добыть, чем других животных. Человек приручил волка и сделал из него послушное орудие своей воли; это было огромным шагом вперед на пути завоевания и подчинения природы человеку. По-видимому, приручение собаки имело не меньшее значение для первобытного охотника, чем освоение лука со стрелами.

Кабан (*Sus scrofa ferus*)

Костные остатки кабана-свиньи встречены во всех наслоениях стоянки Таш-Аир 1 (см. табл. 1), но по количеству и качеству они неодинаковы. В слое IX (мадленское время) преобладают мелкие особи и найден только один клык крупного секача. В слое VIII (азильское время) количество костей кабана возрастает больше, чем в слое VII. Особенно крупных особей нет. В слое VII (тарденуазское время) количество костей и особей еще более увеличивается; наряду с крупными, встречаются и мелкие осо-

¹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 54.

² Г. П. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, М.—Л., 1940, стр. 136.

³ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 87.

⁴ Около лагерей североамериканских индейцев часто можно наблюдать волков, бродящих около поселений и питающихся отбросами.

⁵ Н. Я. Марр. Одомашнение собаки. Проблемы происхождения домашних животных, вып. 1. Тр. лаборатории генетики АН СССР, Л., 1933, стр. 69.

би. В слое VI (раннеэолитическое время) вместе с крупными найдены и мелкие особи, но особенно крупных нет. Замечается некоторое изменение костных остатков. В слое Va (развитой неолит) количество костных остатков и особей резко увеличивается (количество костей — в 15 раз, а особей — в 8 раз по сравнению с предыдущим слоем). Преобладают мелкие особи, но есть и крупные. Форма скелета и зубов имеет уже иной характер, близкий к домашнему виду. В слое Vб (эпоха бронзы) количество костей и особей уменьшается; есть крупные и мелкие особи; последние преобладают, но и самые крупные мельче, чем в предыдущем слое. В слое IV (кизил-кобинское время) количество костей и особей резко уменьшается. Соотношение крупных и мелких особей такое же, как и в предыдущем слое, но кости крупных — мельче. В слое III (тавро-скифское время) и в следующих слоях (II и I) наблюдается уменьшение количества костей. Имеются мелкие и крупные особи, но последние мельче, чем в предыдущих слоях. Приведенная нами характеристика костных остатков кабана по всем наслоениям стоянки дает картину постепенного превращения дикой свиньи в домашнюю. В ранних слоях трудно отличить кости дикой свиньи от одомашненной, и только в слое Va, как бы «внезапно», появляются кости домашней свиньи. Мы не можем признать это время началом приручения и одомашнения по следующим причинам: 1) домашняя свинья не могла появиться сразу «в готовом виде»¹; 2) приручению, и особенно одомашнению, должен был предшествовать большой отрезок времени, необходимый для этого²; 3) костные остатки всех слоев указывают на постепенность процесса одомашнения; 4) кости домашней свиньи в развитом неолите имеются и в соседних культурах (трипольской и раннеямной).

«Внезапное появление» домашней свиньи в слое Va следует, по-видимому, отнести за счет изменений в условиях ее содержания. Относительно длительности приручения свиньи мнения специалистов расходятся. Опыты, проведенные над свиньей, показывают, что она приручается и дичает очень быстро, активно реагируя на ухудшение или улучшение условий содержания. Однако эти аргументы не опровергают большой длительности периода приручения и одомашнения. Во-первых, при начальном свиноводстве не было резких изменений в условиях содержания свиньи в диком и одомашненном состоянии. Молодняк и супоросные матки, пойманные дикими, находясь в загонах, получали такое же содержание, как и в диком состоянии. Г. Кларк подчеркивает зависимость содержания животных в доисторическое время от природы³. Во-вторых, не было резкого разграничения между домашними и дикими видами⁴, так как содержащиеся в неволе особи пополнялись дикими экземплярами. Поэтому на первых стадиях одомашнения не наблюдается резкой разницы между дикими и одомашненными животными. Должны были пройти тысячелетия, чтобы такая разница образовалась⁵. Приручить свинью человек мог быстро, но для одомашнения нужно было длительное время. Только в процессе длительного опыта содержания в неволе прирученных диких особей первобытный человек осознал всю важность домашнего животноводства и сумел создать условия для его развития. Если в слое Va мы имеем явно домашнюю свинью, то, предполагая на ее приручение и одомашнение значительное время, мы должны будем

¹ О появлении домашней свиньи «в готовом виде» извне не может быть и речи. Кaban встречается с мустьерского времени в Крыму, и кости домашней свиньи не имеют разницы с местной дикой свиньей.

² Так, В. И. Цалкин указывает: «От начала периода одомашнивания основных домашних животных нас отделяют многие тысячелетия. За это время домашние животные под влиянием человека и природных условий изменились». См. В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 8.

³ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 126.

⁴ Там же.

⁵ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 47.

отнести начало приручения свиньи к азильскому времени, а возможно, и раньше. Уже в мустьерскую эпоху крымский первобытный человек охотился на дикого кабана, что подтверждается находками его костей в стоянках Киик-коба и Сюрень I (см. табл. 2). Начиная с конца палеолита, костные остатки кабана увеличиваются во всех крымских стоянках¹, и с эпохи мезолита кости кабана доминируют над всеми другими видами животных, составляя более 50% общего состава, что говорит о большом значении мяса дикой свиньи в пище первобытного человека. Усиленная охота на кабана привела человека к близкому знакомству с его повадками и биологическими особенностями, что способствовало приручению. Кризис охотничьего хозяйства в мезолите, вызванный ростом населения, выросшими потребностями и резкими изменениями в природе, неизбежно должен был привести к новым формам хозяйства. В недрах охотничьего первобытного общества появляются первые опыты приручения животных, выросшие в дальнейшем в животноводство.

Эти данные подкрепляются и анализом костных остатков, найденных в стоянке Таш-Аир I. Начиная со слоя IX (мадленское время) и до эпохи бронзы количество костей кабана на стоянке неуклонно возрастает. Рост количества и преобладание в ранних слоях (азило-тарденуазское время) молодняка над старыми особями указывает на осенний забой молодняка, а следовательно, и на содержание диких свиней в загонах. Начиная со слоя VI (раннего неолита) наблюдается некоторое измельчание кабана в росте, что объясняется началом оседлости и изменениями в условиях содержания свиньи. Наконец, в слое Va (развитой неолит) свинья приобретает черты домашнего животного благодаря дальнейшему изменению в условиях содержания.

Приручение и одомашнение кабана облегчалось присущими ему особенностями: всеядностью и неприхотливостью; большой плодовитостью (10—12 поросят); быстрым вырастанием молодняка; легкостью приручения по сравнению с другими животными²; большой распространенностью кабана в Крыму в азило-тарденуазское время³.

В. И. Громов и В. И. Громова первые высказали предположение о приручении свиньи в мезолите, базируясь на преобладании среди костных остатков костей молодых особей⁴. С. Н. Бибииков⁵, П. П. Ефименко⁶, М. В. Воеводский⁷, А. А. Формозов⁸, А. Д. Столяр⁹ и другие исследователи Крыма сходятся во мнении о приручении свиньи и собаки в мезолитическую эпоху¹⁰.

¹ Стоянки Шан-коба, Мурзак-коба, Фатъма-коба, Замиль-коба I, Замиль-коба II, Таш-Аир I и др.

² Жители Марокко, где водятся дикие кабаны, одомашнивают их с большой легкостью и предпочитают держать «пойманных», а не домашних (см. Г. П. Адлерберг. К вопросу о происхождении домашних свиней. Тр. Лаборатории генетики АН СССР, вып. I, стр. 186).

³ Потепление климата после отступления ледника, распространение смешанных лесов, широкие долины рек с плавнями и камышами способствовали распространению кабана в Крыму.

⁴ В. Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма. Тр. Советской секции Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода, вып. I, Л., 1937, стр. 52—97.

⁵ С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-коба и Мурзак-коба в Крыму, стр. 130.

⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 599.

⁷ М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 114. М. В. Воеводский считает, что вопрос об одомашнении свиньи в мезолите Крыма представляет большой интерес, но не может быть разрешен при современном уровне знаний о мезолите.

⁸ А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 70.

⁹ А. Д. Столяр. К вопросу об одном очаге одомашнения свиньи на юге Европейской части СССР в мезолитическое время. (Доклад на Сессии ИИМК в апреле 1956 г.)

¹⁰ В 1941 г. мною было высказано предположение о приручении и о одомашнении свиньи и собаки в Крыму в мезолитическое время. См. Д. А. Крайнов. Послепалеолитические культуры Крыма. (Доклад в марте 1941 г. на заседании Ученого совета ГИМ).

Однако, считая фактом приручение и одомашнение собаки и свиньи в мезолитическую эпоху, указанные исследователи не развивают этого вопроса и не придают ему должного значения как новому фактору в хозяйстве мезолитического человека.

Мелкий рогатый скот

Кости мелкого рогатого скота¹ начинают встречаться в Таш-Аир I со слоя VIII (азильское время), где найдена только одна кость. В слое VII (тарденуазское время) кости овцы-козы не встречены. В слое VI (ранне-неолитическое время) найдено небольшое количество костей овцы не очень крупного размера, близкой к домашнему виду. В слое Va (развитой неолит) кости овцы, найденные в большем количестве, уже принадлежат домашнему виду (рост нормальный). В слое Vб (эпоха бронзы) количество костей вдвое больше и они ничем не отличаются от костей современной овцы. В слое IV (кизил-кобинское время) кости мелкого рогатого скота не найдены, но это не значит, что у жителей не было его. В слое III (тавро-скифское время) кости овцы встречаются в достаточном количестве, и уже в слое II (раннее средневековье) овца по особям превышает всех остальных животных, а по количеству костей стоит наравне с крупным рогатым скотом. Находки костей мелкого рогатого скота в слое VIII (стоянка Таш-Аир I) могут указывать на начало его приручения.

В других стоянках Крыма овца-коза встречена в азильском и тарденуазском слоях Замиль-коба I² и в тарденуазском комплексе Шан-коба³. Находки костей домашней овцы в слое VI (стоянка Таш-Аир I) и в тарденуазском слое стоянки Замиль-коба I⁴ подтверждают ее раннее (мезолитическое) появление в крымских стоянках. Находки в мезолитических поселениях Северной Африки костей овцы-козы, петроглифы с изображением прирученных баранов и изображение прирученного муфлона на шумерийском сосуде IV тысячелетия до н. э.⁵ еще раз свидетельствуют в пользу нашего предположения. В мезолитическом пещерном поселении около аула Чох в горной части Дагестана найдены кости домашних овцы и козы⁶.

Зоологами установлено, что овца является древнейшим одомашненным животным и, возможно, была приручена одновременно с кабаном. Как никакое другое животное, домашняя овца в процессе своего развития претерпела большие анатомические и психические изменения. В силу этих глубоких изменений очень трудно отыскать среди современных диких пород ее прародителей. В Европе в настоящее время насчитывается несколько видов дикой овцы: *ovis vignei* (распространен от Эльбруса до Тибра), *ovis pusimon* (Сардиния, Корсика, Сицилия, а в мезолите распространялся и в Альпах)⁷, *ovis orientalis* — рыжий муфлон (Кипр, Малая Азия, Иран). Зоологи считают дикого муфлона предком европейской домашней овцы⁸. По сведениям Е. А. Богданова, муфлон легко приручается и дает

¹ Кости овцы трудно отличить от костей козы и поэтому мы несколько условно будем называть кости, найденные в Таш-Аир I, костями мелкого рогатого скота (овцы, козы).

² Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 24.

³ М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 117.

⁴ Кости домашней овцы, найденные на площадке перед пещерой Замиль-коба I, определены Е. И. Беляевой. Возможно, они могли попасть в тарденуазские слои и из верхнего слоя — более позднего.

⁵ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 59. Следует отметить, что Г. Чайлд очень осторожно датирует эти поселения мезолитическим временем, не исключая возможности некоторого повышения их даты.

⁶ Сообщение П. П. Ефименко на заседании секции палеолита сессии ИИМК АН СССР в 1956 г.

⁷ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 131.

⁸ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 219; А. А. Браунер. Ук. соч.; Г. Кларк. Ук. соч., стр. 131.

плодовитое потомство¹. В Крыму кости овцы в диком виде встречаются редко, но с глубокой древности.

Находки костей дикого барана в мустьерской стоянке Киик-коба и дикого муфлона в тарденуазском слое Шан-коба (см. табл. 2) позволяют предполагать непрерывное существование в Крыму дикого барана². В связи с этим мы можем только предполагать его местное происхождение, но утверждать это пока трудно. Зоологи намечают разные центры его родины — Азию³, восточное Средиземноморье и пр.⁴ Нам важен, однако, не этот вопрос, а факт приручения и одомашнения овцы-козы в мезолите и ее значение в хозяйстве человека.

Крупный рогатый скот

В стоянке Таш-Аир I кости крупного рогатого скота начинают встречаться со слоя VII (тарденуазское время), но их здесь еще немного. В слое VI количество костей быка увеличивается в восемь раз, а особей — в два раза. Кости такие же крупные, как и в слое VII. В слое Va (развитой неолит) количество костей и особей еще более увеличивается. Кости, оставаясь крупными, приобретают новые черты, близкие к костям домашнего вида. В слое Vб соотношение количества костей и особей то же. Кости продолжают оставаться крупными. Наряду с молодыми особями есть и старые. В слое IV (кизил-кобинское время) наблюдается некоторое снижение количества костей и особей⁵. Судя по костям, в это время было два вида крупного рогатого скота — крупный и низкорослый (мелкий). В слое III (тавроскифское время) встречаются кости очень крупных особей. Следует отметить, что в последующих двух слоях кости также крупных размеров. Этот факт имеет большое значение для решения вопроса о раннем одомашнении крупного рогатого скота. Костный анализ показывает постепенные качественные изменения крупного рогатого скота. Начиная с тарденуазского времени, идет непрерывная линия его развития и роста количества, что уже говорит о приручении и одомашнении. С тарденуаза и до современности этот скот в основном продолжает оставаться крупным, что также подтверждает его раннее приручение и одомашнение; наличие переходных форм от диких к домашним свидетельствует не о заимствовании скота «в готовом виде», а о постепенном местном процессе доместикации. Дикий крупный бык встречается в крымских стоянках, начиная с мустьерского времени и кончая азийским (см. табл. 2). В тарденуазских слоях основных стоянок Крыма⁶ он уже не встречается, что может указывать на его исчезновение как объекта охоты или на его приручение. Непрерывное наличие его костей в Таш-Аир I с тарденуазского времени подтверждает правильность последнего мнения. К сожалению, для Крыма не выяснен вид существовавшего здесь дикого быка (*Bos primigenius* или *Bison*). Зоологами до сих пор «не выяснены отличия костей скелета рода *Bison* и *Bos*»⁸. По-видимому, родоначальником крымского крупного рогатого скота был *Bos primigenius* (тур). О воз-

¹ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 227.

² По-видимому, для его существования были необходимые условия, так как и сейчас в Крымском заповеднике живут дикие муфлоны.

³ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 216; Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 60.

⁴ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 110—111.

⁵ Это снижение может быть кажущимся явлением, так как кизил-кобинцы имели постоянные жилища уже не в пещерах, а на открытых местах.

⁶ Стоянки Шан-коба, Мурзак-коба, Фатъма-коба, Замиль-коба I и др.

⁷ Тур, по мнению А. Браунера, был первоначально степным животным, а потом человек загнал его в леса. Этот факт подтверждают И. А. Рубцов и Б. С. Виноградов. См. И. А. Рубцов и Б. С. Виноградов. Влияние человека на животный мир степной зоны. Животн. мир СССР, т. III. М.—Л., 1950, стр. 540—542. По-видимому, тур был загнан на яйлу (в горные леса) человеком и стал редко встречаться в стоянках.

⁸ В. И. Громова. Роль палеозоологии в деле изучения происхождения домашних животных. Тр. Лаборатории генетики АН СССР, стр. 56—62.

возможностях его одомашнения в причерноморско-азовских степях писал еще А. Браунер¹. В. И. Громова также считает тура единственным предком европейского крупного рогатого скота².

Почти все исследователи отмечают большую величину крупного рогатого скота в эпоху неолита и ранней бронзы. В Анау ранний домашний бык был крупным и лишь в эпоху бронзы выродился в мелкую торфяную породу³. В трипольской культуре встречаются две породы крупного рогатого скота: крупная, близкая к туру по размерам, и мелкая, близкая к торфяному или северному скоту⁴. Э. Р. Штерн считал остатки крупных костей быка, найденных в Петренах, родственными туру⁵. Такая же картина наблюдается и в швейцарских свайных постройках, где есть и крупный (от тура) и мелкий (торфяной) скот⁶. И. Г. Пидопличко установил для Триполья местное одомашнение быка, которое происходило путем гибридизации бизона и тура⁷. А. Добровольский нашел в VIII Игреной стоянке кости двух пород рогатого скота, крупного и мелкого (*Bos primigenius* и *Bos brachyceros*), относящиеся к IV тысячелетию до н. э.⁸ Позднее на территории срубной культуры, а также в Закавказье, в энеолитических поселениях и курганах бронзового века тоже наблюдается большая величина крупного рогатого скота, относимого к одомашненному туру⁹. Таким образом, наличие крупных видов рогатого скота в неолите и ранней бронзе указывает на приручение тура, водившегося и в Европе, и в Азии, и в Африке. Г. Кларк считает, что обе породы, и мелкая, и крупная, произошли от тура, а уменьшение роста он объясняет условиями содержания¹⁰. Костные остатки крупного рогатого скота из Таш-Аир I не противоречат общему положению о приручении тура в Европе. Здесь имеются две породы (крупная и мелкая) так же, как и в других местах. Наличие в слое Va уже домашних особей заставляет нас отнести начало приручения крупного рогатого скота к тарденуазскому времени, а одомашнение — к раннему неолиту.

Лошадь (*Equus Caballus*)

Костные остатки лошади появляются в Таш-Аире I в слое VI (ранне-неолитическое время). Найдена одна кость. В слое Va количество костей лошади увеличивается. В слое Vб костей лошади не обнаружено. В слое IV (время кизил-кобинской культуры) кости отличаются крупными размерами, по-видимому, они принадлежат домашней лошади. В последующих слоях кости лошади продолжают встречаться, увеличиваясь в количестве только в эпоху раннего средневековья.

Небольшое количество костей лошади в стоянке Таш-Аир I может свидетельствовать или о ее небольшой роли в хозяйстве древнего горного Крыма, или о ее ином хозяйственном назначении, а именно в качестве тягловой силы. Дикая лошадь встречается в крымских стоянках с мустьерского времени и существует непрерывно в эпоху палеолита и мезолита (см. табл. 2). Наличие исходной дикой формы дает нам право утверждать факт местного приручения лошади. А. Браунер высказывал предположение о возможности одомашнения лошади в Причерноморье¹¹. По поводу

¹ А. Браунер. Ук. соч., стр. 128.

² В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 56.

³ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 175.

⁴ В. И. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. Ежегодник зоологического музея АН СССР, 1927, стр. 88—89.

⁵ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII АС, т. I, 1907, стр. 34.

⁶ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 136.

⁷ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 181.

⁸ А. Добровольский. Ук. соч.

⁹ Б. Б. Пистровский. Ук. соч., стр. 7.

¹⁰ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 130.

¹¹ А. Браунер. Ук. соч., стр. 112—114.

времени приручения лошади имеются различные взгляды. Г. Кларк считает, что в Западной Европе она появляется в конце неолита, а широкое распространение получает в эпоху бронзы¹. Е. А. Богданов предполагал, что лошадь приручалась неоднократно и даже в сравнительно недавнее время². На нашей территории она встречается уже в раннетрипольской культуре³, в раннем Анау⁴, в афанасьевской культуре⁵, в андроновской⁶, в могильниках Закавказья конца II тысячелетия⁷; у племен срубной культуры существовало уже развитое коневодство⁸. Таким образом, для СССР наиболее раннее появление лошади отмечается только для Триполья и Анау. В. И. Громова считает нерешенным вопрос о существовании домашней лошади в неолите⁹. По-видимому, лошадь была приручена в разных местах, в разное время и для разных целей; но, как правило, она псявляется позже других домашних животных. Уже в эпоху бронзы у многих скотоводческих племен она служила средством передвижения. В Крыму она, возможно, появилась в неолите, вероятно, в качестве тягловой силы.

Осел (*Equus Asinus*)

Среди костных остатков Таш-Аир I кости осла встречаются редко и в сравнительно небольшом количестве. В слое VII (азильского времени) найдена одна кость дикого осла. Начиная со слоя Vb (эпоха ранней бронзы), кости домашнего осла встречаются непрерывно. В слое IV (поздняя бронза) были обнаружены кости мула.

Дикий осел обнаружен во многих крымских стоянках мустьерского, верхне-палеолитического и мезолитического времени (см. табл. 2). Первобытный обитатель Крыма охотился на него с глубокой древности, но приручил только в эпоху бронзы (по-видимому, в хозяйственных целях¹⁰). Наличие мула в слое IV (XII—VIII вв. до н. э.) подтверждает приручение осла с эпохи бронзы. Наличие во II слое (раннее средневековье) большого количества костей и особей осла указывает на его возросшее хозяйственное значение. А. Браунер упоминает о разведении домашнего осла в горном Крыму и в историческое время¹¹. Появление домашнего осла в Крыму с эпохи бронзы не противоречит данным современной науки. А. Браунер приводит факты об изображениях домашних ослов с III тысячелетия до н. э. в Вавилоне и со второй половины III тысячелетия до н. э. в Египте¹². По сведениям Е. А. Богданова, греки знали мула еще за 1000 лет до н. э.¹³

На этом мы заканчиваем характеристику костных остатков из Таш-Аир I и разбор вопроса о происхождении отдельных видов домашних животных в юго-западном Крыму. Мы сознательно не остановились на описании и характере костных остатков диких животных, принадлежащих в основном благородному оленю, косуле и кабану.

О начальных формах животноводческого хозяйства. Установив по костному материалу стоянки Таш-Аир I место и время возникновения всех

¹ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 128.

² Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 313—346.

³ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 191.

⁴ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 331.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы. МИА, № 46, 1956, стр. 70—71.

⁶ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, 1940, стр. 66.

⁷ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 8.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 74.

⁹ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 101.

¹⁰ В горных местностях ослы и мулы незаменимы в качестве вьючных животных, так как они выносливы и нетребовательны к пище.

¹¹ А. Браунер. Ук. соч., стр. 126.

¹² Там же.

¹³ Е. А. Богданов. Ук. соч., стр. 354.

основных видов домашних животных в юго-западном Крыму, нам остается дать характеристику начальных стадий животноводства¹. Появление в мезолите почти всех видов домашних животных, за исключением лошади и осла, заставляет нас пересмотреть вопрос о хозяйстве мезолитического человека в Крыму. Выяснение значения ранних стадий животноводства представляет большую трудность, так как археологические данные очень скудны. Во-первых, нелегко выделить из среды мезолитических кремней орудия, относящиеся к животноводству, и, во-вторых, сами костные остатки прирученных и одомашненных животных нелегко отличить от костей их диких сородичей, так как зоологи еще не выяснили трудно уловимые признаки отличия в костях диких и одомашненных животных на ранних стадиях развития животноводства. Для того чтобы подойти к решению этого вопроса, необходимо дать краткую характеристику тех условий, которые окружали мезолитического человека Крыма.

После отступления ледника климат Крыма стал постепенно изменяться в сторону потепления и к тарденуазскому времени приблизился к современному. Соответственно с климатом изменялись флора и фауна Крыма. Горная часть Яйлы и склоны гор были покрыты разнообразными породами смешанных лесов. На Яйлах лес не был сплошным, а имел парковый характер с перемежающимися лугами. Во многих местах были небольшие озера и значительное количество источников. Широкие долины рек были покрыты зарослями камыша и лозняка, где водились кабаны и камышевый кот; в лесах и горах бродили благородные олени, дикие быки, косули, дикие бараны и рыси; в степях обитали сайга, дикая лошадь и дикий осел. В связи с изменениями в фауне изменились и методы охоты. Приручается собака как охотничье-гончее животное, изобретаются лук и стрелы, способы охоты становятся разнообразнее: но, несмотря на интенсификацию охоты, она одна не могла прокормить возросшее население горного Крыма. Развиваются собирательство, рыболовство и другие промыслы добывания пищи. В этих условиях и появляются зачатки животноводства.

С. Н. Боголюбский, исходя из учета социально-экономического развития первобытного общества, пришел к совершенно правильному выводу, что «вероятнее всего, стимулом к развитию животноводства было возрастание населения и отсутствие достаточного воспроизведения дикого зверя для промысловой охоты, что и вызвало необходимость искусственного разведения животных»². Действительно, мы видим, как в мезолите увеличивается число стоянок, что можно объяснить не только измельчением коллективов, но и ростом населения. Сокращение территории и объектов охоты привело к необходимости добывания мясной пищи путем содержания и разведения животных в неволе. Это содержание (главным образом молодых особей) в мезолите еще не превратилось в производство. При ранних формах животноводства не было большого различия между дикими и домашними животными, так как, по-видимому, в их существовании не было больших перемен. На примитивной стадии животноводства животные не могли изменяться, так как их выращивали и убивали, не получая от них потомства; затем шло новое пополнение молодыми особями, захваченными на охоте. Живогные значительное время года сами добывали себе пищу, живя в особях загонах (как бы в естественных условиях). Известно, что туземцы Больших Андаманских островов и негритосы Малайского полуострова помещают пойманных на охоте молодых кабанов в загонах внутри своих поселений и кормят их, пока те не вырастут. Малайцы с Никобарских островов держат полуруч-

¹ Считаю необходимым оговориться, что наши выводы о более раннем происхождении животноводства могут иметь значение не только для юго-западного Крыма, но для всего нашего Юга.

² С. Н. Боголюбский. Ук. соч., стр. 16.

Таблица 3

Общее процентное соотношение диких и домашних животных по материалам стоянки Таш-Аир I (по костям и особям)

Азия		Тарденуаз		Ранний неолит		Развитый неолит		Энеолит и бронза		Кизил-Коба		Тавро-скифы		Средневековье		Современность	
к*	о**	к	о		о		о	к	о	к	о	к	о	к	о	к	о
Домашние животные																	
72,2	44,4	79,1	44,4	72,2	54,5	86,5	74,2	86	72,2	70,4	76,6	74	60	94,5	89,5	—	—
Дикие животные																	
27,8	55,6	20,9	55,6	27,8	45,5	13,5	25,8	14	27,8	29,6	23,4	26	40	5,9	10,5	—	—

* кости

** особи

ных кабанов, выпуская их на пастбища небольшими группами¹. Древние бритты, по свидетельству Страбона, огородив обширное пространство поваленными деревьями, строили в нем хижины и размещали скот, хотя и не на долгое время². Подобные же загоны мог делать и человек из Таш-Аир I, перегородив устье балки или ущелья³.

На первоначальной стадии примитивного животноводства (вернее, содержания скота в неволе) состав стада был очень ограничен. Содержали главным образом молодняк свиней и мелкого рогатого скота. Что касается крупного рогатого скота, то в тарденуазское время только началось его приручение. Кроме того, уже существовало собаководство. Свиней и собак было легче содержать благодаря их всеядности⁴, а для мелкого и крупного рогатого скота приходилось, возможно, создавать иные условия. Даже на этой ранней стадии примитивное животноводство (содержание полуприрученного скота) имело большое значение в хозяйстве охотника азиало-тарденуазского времени, так как давало значительное количество мяса, шкур, кожи, шерсти, жира и кости для поделок. Молодых поросят было легче добыть, чем убить крупного кабана. Ловля молодых и выкармливание их в неволе и привело к осознанию пользы одомашнения. На ранней стадии животноводства разведение свиней имело большее значение, чем разведение других животных. Процентное соотношение по костям и особям диких и одомашненных животных, найденных на стоянке Таш-Аир I, дает следующие цифры. Слой VIII (азильское время): диких животных по количеству костей — 27%, по особям — 55,6%; одомашненных животных по костям — 72,2%, по особям — 44,4%. Слой VII (тарденуазское время): диких животных по костям — 20,9%, по особям — 55,6%; одомашненных животных по костям — 79,1%, по особям — 44,4%. Соотношение остается почти одинаковым (табл. 3).

Цифры указывают на то, что примитивное животноводство становится на одинаковую ступень с охотой. В условиях мезолитического времени

¹ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 90; Ф. Ратцель. Народоведение, т. II. СПб., 1903, стр. 336.

² Г. Кларк. Ук. соч., стр. 127.

³ До сих пор в горах Кавказа, под Сочи, колхозники отпускают своих свиней на волю, и те бродят вокруг селения, питаются в лесу желудями, буковыми и грецкими орехами, каштанами, кореньями и т. д. Глубокой осенью их ловят. Бывают случаи их ухода с дикими кабаном и одичания.

⁴ Возможно, моллюски раковин *Helix vulgaris* шли в пищу не человеку, а свинье. Находки огромного количества раковин совпадают с находками костей свиной (пропорциональное увеличение по слоям и исчезновение раковин с упадком свиноводства).

Таблица 4

Процентное соотношение видов по минимальному числу особей по материалам стоянки Таш-Аир I (исключая птиц)

Наименование животных	Слой IX	Слой VIII	Слой VII	Слой VI	Слой Va	Слой Vб	Слой IV	Слой III	Слой II	Слой I
Кабан-свинья	50	33,4	33,4	18,2	51,6	38,8	20	10	10,2	20
Крупный рогатый скот	—	—	11,1	18,2	12,9	16,6	13,4	10	21	20
Мелк. рогатый скот	—	11,1	—	9,1	6,4	11,1	—	20	31,5	20
Лошадь	—	—	—	9,1	3,3	—	6,6	10	10,5	20
Осел	—	11,1	—	—	—	5,6	6,6	10	15,7	20
Собака	Копро- литы	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Благородный олень	25	22,2	22,2	18,1	9,6	11,1	13,4	20	5,2	—
Косуля	25	11,1	11,1	9,1	9,6	5,6	20	10	5,2	—
Заяц	—	11,1	11,1	9,1	3,3	5,6	13,4	10	—	—
Камышевый кот	—	—	11,1	9,1	3,3	—	6,6	—	—	—
Барсук	—	—	—	—	—	5,6	—	—	—	—
Лисица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грызуны	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

в юго-западном Крыму вырастает новая отрасль хозяйства — животноводство, которое постепенно растет, хотя охота и собирательство еще главенствуют. Прimitивное животноводство получает свои ресурсы из охоты. В это время идет накопление опыта в технике содержания скота и количественное накопление стада, приведшие постепенно к качественному изменению животноводства в неолите.

Эпоха раннего неолита юго-западного Крыма характеризуется дальнейшим потеплением климата и, возможно, увлажнением¹. В области выделки кремневых призматических пластинок неолитический человек ушел далеко вперед по сравнению с предыдущим периодом. По-видимому, появляются в большем количестве ножи и «серпы» со вкладышами. Впервые появляется грубая остродонная керамика, развивается оседлость, и, возможно, появляется мотыжный земледелие. Если в предыдущую эпоху становления домашних животных процентное соотношение между дикими и одомашненными животными было 1:1, то в эпоху раннего неолита (VI—V тысячелетие до н. э.) это соотношение изменяется в пользу животноводства. По данным таблицы 3, в раннем неолите диких животных по костям содержится 27,8%, по особям — 45,5%. Домашних животных по костям — 72,2%, по особям — 54,5%. Если исключить из состава костей диких животных единичные кости (непромыслового) камышевого кота, то соотношение по особям будет 40% и 60% (в пользу домашних животных). Эти цифры говорят об огромном сдвиге в развитии животноводства. Увеличивается количество крупного рогатого скота. Одинаковое количество особей свиньи и крупного рогатого скота свидетельствует об их одинаковом хозяйственном значении. Появление оседлости в раннем неолите способствовало развитию животноводства и мотыжного земледелия. Возможно, эта оседлость и была вызвана развитием этих двух форм хозяйства. Доказательством появления оседлости служат следующие факты:

1. Мощность культурного слоя по сравнению с предыдущей эпохой увеличилась в несколько раз.

2. Кострища становятся не только мощными и с большой прокаленностью почвы, но и располагаются они друг над другом на одном месте, что указывает на бытование здесь в течение долгого времени одной и той же группы людей.

¹ Раковины *Helix vulgaris* распространяются в большем количестве, что указывает на некоторое увлажнение.

3. Культурный слой выходит на площадку перед пещерой, чего в предыдущих слоях не было. Это говорит о том, что пещера из зимнего убежища стала постоянным жилищем человека.

4. Находок становится значительно больше, чем в предыдущих слоях, и состав инвентаря изменяется. Появляется керамика, костяные орудия, костяные украшения, мотыги костяные, большое количество вкладышевых форм и пр.

5. Наконец, само распределение остатков вокруг костра в определенном порядке свидетельствует о постоянном обитании.

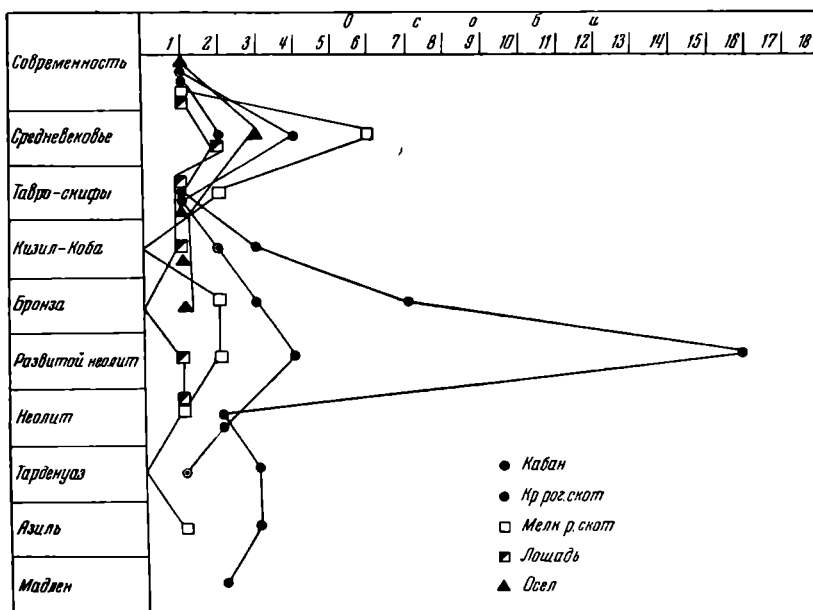

Рис. 3. Диаграмма развития животноводства по материалам Таш-Аир I (по особям)

С появлением оседлости и количественного увеличения стада появляется и забота о содержании скота. По-видимому, с эпохи раннего неолита начинается заготовка кормов, о чем свидетельствует резкое увеличение вкладышей из разрубленных пластинок и четырехугольников, которыми оснащались костяные и деревянные основы ножей и «серпов», служивших для заготовки корма (ветвей, веников, коры деревьев и т. п.) Известно, что листья и ветви до половины прошлого века шли в корм скоту. Для прокормления коровы еще в средние века нужно было до 1000 веников по 1 кг весом¹. Известно, что тур питался зимой ветвями кустарников и деревьев, корой и пр. и для его прокорма нужны были большие запасы. Возможно, уже в это время существовали выпасы животных². Можно считать, что время раннего неолита в Крыму является временем становления животноводства и примитивного земледелия, но они еще не являются ведущими формами хозяйства. Наряду с ними существуют охота, собирательство и рыболовство. Только с ростом значения крупного рогатого скота животноводство становится на твердую почву и превращается в производящее хозяйство. Находки костей домашних быков в стоянке Каменная могила, на VIII Игреньской стоянке и Васильевском мезолитическом могильнике подтверждают наш вывод о существовании животноводства в раннем неолите Крыма.

¹ Г. Кларк. Ук. соч., стр. 127.

² Об изменениях в содержании скота говорят частичные морфологические изменения в костях животных.

Начиная со слоя Va (времени развитого неолита — IV—III тысячелетие до н. э.), картина хозяйства первобытного обитателя Крыма резко изменяется. Животноводство и мотыжное земледелие становятся основами хозяйства. Процентное соотношение диких и домашних животных значительно изменяется. Диких — по костям — 13,5%, по особям — 25,8%, а домашних по костям — 86,5%, по особям — 74,2%. Уже сами цифры говорят о возросшем значении животноводства (см. табл. 4). В составе стада происходят резкие изменения как в количественном, так и в качественном отношении. Костные остатки свиньи увеличиваются в пятнадцать раз, а количество особей — в восемь раз¹ (см. табл. 4 и диаграмму развития животноводства по материалам Таш-Аир 1). Крупный рогатый скот, судя по костям, увеличивается в три раза, а по особям — в два раза. Увеличиваются в количестве и остальные животные (лошадь и мелкий рогатый скот).

В строении скелетов животных происходят некоторые морфологические изменения. По своим признакам они становятся близкими к современному домашнему животному. В видовом составе стада преобладают свиньи и крупный рогатый скот (см. диаграмму), затем идет мелкий рогатый скот и лошадь. Увеличение количества костей и особей указывает на рост стада и развитие животноводства; морфологические изменения указывают на изменение условий в содержании скота, а следовательно, и на форму самого животноводства. Дальнейшее развитие оседлости, начавшейся с раннего неолита, и все предыдущее развитие крымского первобытного человека привели его к развитию пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия, без которого пастушеское скотоводство не могло существовать.

Таблица 5

Количественное соотношение пластинок-вкладышей и скребков по наслоениям Таш-Аир I

Наименование предмета	Слой IX	Слой VIII	Слой VII	Слой VI	Слой Va	Слой Vб	Слой IV	Слой III	Слой II	Слой I
Пластины-вкладыши (с ретушью, выемками и без ретуши)	7	10	48	84	255	25	—	—	—	—
Четырехугольники из разрубленных пластинок	6	29	21	48	135	35	2	—	—	—
Скребки (разные)	4	4	7	37	44	8	2	—	—	—

Примитивное животноводство перерастает в развитое; присваивающее хозяйство уступает первенствующее место новому, производящему хозяйству. Животноводство и земледелие становятся на твердый путь дальнейшего развития. Образуется припоселковое стадо. В связи с его увеличением потребовалась и усиленная заготовка корма. Эту заготовку производили при помощи определенных ножей с кремневыми вкладышами. Развитой неолит в Крыму является временем расцвета микроиндустрии и вкладышевой техники. Совпадение этого расцвета с развитием скотоводства и земледелия — явление не случайное. По-видимому, и то и другое взаимно обуславливалось (см. табл. 5). Вероятно, в развитом неолите уже существовал отгон скота на Яйлу в летние месяцы. Стоянки

¹ Количество костей того или иного вида часто не соответствует истинному количеству съеденных и убитых животных. Поэтому подсчет особей крайне проблематичен, «чем больше того или иного вида, тем дальше отстает от действительности результат подсчета особей» (в сторону уменьшения). См. В. И. Цалкин. Ук. соч., стр. 122.

Яялы в большинстве своем датируются этим временем и более поздним¹. Возможно, лошадь в это время уже применялась для верховой езды², на наличие собаки в слое Va говорит о применении ее для охраны стада.

В эпоху бронзы (конец III и II тысячелетие до н. э.) животноводство продолжает совершенствоваться, хотя процентное соотношение между дикими и домашними животными остается почти то же. Изменяется видовой состав стада: уменьшается количество свиней и увеличивается количество крупного рогатого скота. В курганных погребениях ямно-катакомбного времени в Крыму встречаются частые захоронения костей быка, а иногда целых туш и находки фигурок быка, свидетельствующие о его культе³. Культ быка указывает на его большое значение в хозяйстве человека. Бык в это время служил и тягловой силой. Возможно, что в это время появляется молочное хозяйство. Кости лошади в культурных слоях бронзового века отсутствуют. Вероятно, ее не ели, и она служила тягловой силой.

Впервые появляется домашний осел. Его появление указывает на развитие яялажного скотоводства и, возможно, было вызвано необходимостью расширения межплеменных связей. Морфологические изменения в скелетах овец, свиньи (в сторону уменьшения размеров) и появления мелких особей крупного рогатого скота свидетельствуют об изменениях в питании животных.

В эпоху развитой бронзы (XII—VIII вв. до н. э.) роль свиньи еще более снижается. Крупный рогатый скот имеет ведущее значение. Бытуют как бы «две породы» — очень мелкий и крупный скот. Появление мелкого скота говорит об ухудшении питания. Развивается молочное хозяйство. В стоянках и курганах этого времени в Крыму встречаются сосуды со сквозными дырочными (дуршлаг) для производства сыра. Появляется мул; лошадь достигает крупных размеров. Основной ведущей формой хозяйства этого времени было уже земледелие⁴.

О дальнейшем развитии и значении животноводства судить только по материалам Таш-Аир I трудно, так как со времени поздней кизил-кобинской культуры (X—VII вв. до н. э.) постоянное обитание первобытного человека в пещерах кончается и если в них и встречаются небольшие культурные наслоения, оставленные пастухами, то по ним нельзя дать правильной оценки. Судя по костным остаткам раннего средневековья и сравнительным данным, можно заключить, что в это время ведущее значение в животноводстве переходит к овцеводству.

Настоящая статья не исчерпывает всех данных о развитии животноводства в юго-западном Крыму. Мною сделана только попытка поставить вопрос о более раннем происхождении и развитии животноводства.

---

¹ Быстрое уничтожение лесов на Яяле зависело не от развития охоты, а от развития животноводства, особенно яялажного, появляющегося позднее.

² Это можно предположить по малому количеству костей лошади и по сравнительным данным. Появление повозок в III тысячелетии до н. э. в ямной культуре говорит о применении тягловой силы (волов или лошадей). В афанасьевской культуре (Зап. Сибирь, II тысячелетие до н. э.) лошадь была уже верховой.

³ Культ быка существовал в Крыму, на Кавказе, в Подонье и Приднепровье с энеолита. В Триполье и Усатове культ быка сочетался с культом богини плодородия. В Крыму культ быка появляется в ямно-катакомбный период и продолжает существовать у тавров в позднее время, а отголоски его прослеживались у горных жителей Крыма до недавнего времени.

⁴ Об этом свидетельствуют так называемые кизил-кобинские поселения, в которых найдены зерновые ямы, зерна злаков, зерноотерки и т. д. Кроме того, само расположение поселений этого времени говорит о росте значения земледелия.

КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРИКАМЬЕ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О СЛОЖЕНИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эпоха поздней бронзы — чрезвычайно важное время в истории племен, населявших Прикамье. В это время были заложены основы хозяйства с преобладанием земледелия и скотоводства, и сформировались зачатки патриархального родового строя, дальнейшее развитие которых можно наблюдать в эпоху раннего железа в ананьинском обществе.

Вопрос о том, как сложилась культурная общность ананьинских племен на территории, примерно равной современной Франции, также нельзя решить без изучения культур эпохи поздней бронзы, известных в этой обширной области.

При изучении памятников ананьинской культуры два очень важных вопроса остались для меня неясными: 1) как сложилось ананьинское единство на такой обширной территории, как Прикамье, и 2) каким образом и почему ананьинское общество, достигшее высокой степени развития (степени, близкой к так называемой военной демократии), не пошло в своем развитии дальше, а, напротив, распалось в последующее время, в эпоху пьяноборской культуры.

Данная работа посвящена в основном выяснению вопроса о сложении ананьинского единства. Однако, наблюдая за процессом сложения ананьинской культуры, можно будет выявить некоторые элементы, послужившие факторами ее последующего распада.

Для выяснения первого вопроса необходимо определить, какие археологические памятники эпохи поздней бронзы, предшествующей ананьинской, известны в науке на территории, где позже жили ананьинские племена. Рассмотрим сплошную область их расселения на прилагаемой карте (рис. 1).

В эпоху поздней бронзы здесь известно несколько групп различных племен, оставивших археологические памятники, относящиеся к разным культурам. Так, в Чусовском Прикамье известна большая группа памятников, принадлежащих турбинским племенам. На Нижней Каме и прилегающих к устью Камы берегах р. Волги и ее притоков расселилась еще более крупная группа, оставившая поселения луговского или приказанского типа; по р. Белой и ее притокам имеется третья группа стоянок типа Курман-тау; в южной Башкирии известны памятники андроновской, абашевской и срубной культур. Последние имеются также в южной пограничной зоне расселения ананьинских племен на рр. Волге и Утке.

Следует отметить неодинаковую изученность отдельных районов этой обширной территории. Так, археологическими работами, особенно раскопками последних десятилетий, сравнительно хорошо изучены район устья, нижнего и отчасти среднего течения р. Чусовой — на севере, а также район Нижней Камы и часть Средней Волги — на юге. Работами дореволюционных и, отчасти, советских исследователей (А. А. Спицына, П. А. Пономарева, Ф. Д. Нефедова, А. А. Штукенберга, Н. Ф. Высоцкого и др.),

хотя и небольшими раскопками, изучены берега р. Вятки и ее притоков. Между тем бассейн Средней Камы (точнее, ее течение между гг. Молотовым и Сарапулом) очень слабо изучен и почти неизвестен в литературе. В 40—50-х гг. XX в. рекогносцировочным отрядом экспедиции Молотовского университета была обследована часть этой территории — берега

Рис. 1. Схематическая карта расселения турбинских, приказанских, анапнинских племен и распространения памятников абашевского типа на Ю. Урале

р. Камы от г. Оханска до с. Сайгатки — и обнаружены новые археологические памятники эпохи бронзы. Однако, кроме стоянки Кама-Жулановская¹, относимой ее исследователем Б. Г. Тихоновым к XIII—XI вв. до н. э., остальные памятники пока не опубликованы.

Башкирские стоянки эпохи бронзы в настоящее время почти не известны в литературе, и изучение их только начинается. Б. А. Коишевский считал, что наиболее древним памятником этого рода является стоянка Курман-тау Нижнее. В сводной работе «Итоги археологического изучения Башкирской АССР» Б. А. Коишевский, кроме стоянки Курман-тау, относит к эпохе бронзы стоянку на мысе Баланбаш и могильники у с. Куганак и у дер. Чубук-Каран². Имеется еще небольшой материал с Демской, Усть-Юрюзанской стоянок (раскопки П. А. Дмитриева, М. Д. Гвоздовер³,

¹ Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская стоянка бронзово́й эпохи на Средней Каме. Уч. зап. Молотовского гос. ун-та, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 127 сл.

² Б. А. Коишевский. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. Историко-археологический сборник научно-исслед. ин-та краеведческой и музейной работы. М., 1948.

³ Материал не опубликован, хранится в ИИМК АН СССР.

Л. Я. Крижевской¹) и из пещеры Бурановской (раскопки С. Н. Бибикова²).

В южной части Башкирии в послевоенные годы производил раскопки К. В. Сальников, исследовавший там несколько памятников, относящихся к андроновской, срубной и абашевской культурам³.

Таким образом, территория Башкирии еще очень мало исследована и, хотя в средней и северной ее части были обнаружены оригинальные памятники эпохи бронзы, оставленные, по-видимому, местными племенами, они еще настолько малочисленны и мало изучены, что не получили специального наименования.

Следует отметить почти полное отсутствие памятников поздней бронзы по р. Ветлуге, где экспедицией Антропологического института МГУ в 1926 г. была обнаружена лишь одна стоянка — Паново городище⁴.

В пограничных районах расселения изучаемых племен они соприкасались с племенами других культур: на севере с шигирскими, на юге — со срубными, на востоке — с андроновскими и на западе — с дьяковскими.

В смежных районах обитания представителей двух разных археологических культур встречаются следы поселений как той, так и другой культуры. Так, на р. Утке южно-камские и срубные поселения перемежаются друг с другом. Кроме того, встречаются пограничные поселения со смешанным населением. Это можно предположить, наблюдая, как к основному материалу той или другой стоянки примешиваются вещи, характерные для соседних культур. Так, на Луговской стоянке были найдены андроновские сосуды.

Рассмотрение археологического материала не дает никаких данных для утверждения, что в эпоху поздней бронзы в Прикамье пришли какие-то новые племена, которые и создали ананьинскую культуру, как это предполагали некоторые археологи.

Антропологические данные, которые можно было бы привлечь к решению этого вопроса, получены с ограниченных территорий, неполны и фрагментарны. В работе Т. А. Трофимовой «Антропологический состав населения Прикамья и Приуралья»⁵ преобладающим антропологическим типом культур, предшествующих ананьинской, в Нижнем Прикамье назван европеоидный тип. Однако автор не отрицает наличия здесь и смешанного типа с монголоидными примесями в северной (лесной) части Нижнего Прикамья.

Краниологический материал из Северного и Среднего Прикамья неизвестен, а черепа из раскопок Луговских курганов эпохи поздней бронзы и из Башкирии до сих пор не обработаны антропологами. Поэтому прийти к определенному заключению на основании изучения краниологического материала пока невозможно.

Таким образом, судя по археологическим данным, на основной территории расселения ананьинских племен, кроме еще мало выявленных племен Средней Камы (от г. Молотова до г. Сарапула) и Башкирии, а также кроме пограничных районов, где известны памятники других культур (шигирской, андроновской, срубной, абашевской), в эпоху поздней бронзы обитали две большие группы племен. Это — турбинские племена на севере — в Чусовском Прикамье и в районе устья р. Чусовой — и лу-

¹ Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 74.

² С. Н. Бибилов. Неолитические и энеолитические остатки в пещерах Южного Урала. СА, XIII, 1950, стр. 95.

³ К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954, стр. 52—94; его же. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. 37, 1951, стр. 88—97; его же. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 45, 1952, стр. 48—62.

⁴ Материал не опубликован, хранится в Московском областном краеведческом музее.

⁵ Т. А. Трофимова. Антропологический состав населения Прикамья и Приуралья. МИА, № 22, 1951, стр. 97 и сл.

говские (или приказанские) племена на юге — на Нижней Каме, в районе Камского устья и на части Среднего Поволжья.

Обе эти группы были генетически связаны с племенами местного неолита и ранней бронзы, а также с ананьинскими племенами эпохи раннего железа.

Для решения вопроса о том, которая из этих двух наиболее сильных групп местных племен бронзового века объединила вокруг себя остальные группы и отдельные племена и явилась основным ядром для сложения ананьинской культуры, необходимо более подробно рассмотреть их культуру и выделить ту специфику, которая делала ту или другую группу преобладающей и ставила ее во главе дальнейшего развития и сложения культурного единства ананьинского общества.

Обратимся сначала к северной (турбинской) группе племен.

Памятники энеолита и бронзовой эпохи в Чусовском Прикамье были открыты и исследованы Камской экспедицией ГАИМК в 1932—1937 гг. под руководством сначала А. В. Шмидта, а с 1934 г. — Н. А. Прокошева. Тогда были обнаружены, раскопаны и обследованы (частично изданы) следующие стоянки: Левшинская, близ ст. Левшино, Горнозаводской ж. д.; Астраханцевская и Северная на оз. Грязном; стоянка Гремячий ручей¹; стоянка у дер. Подстрелка; Усть-Камская, близ р. Чусовой; у деревень Н. Гари, В. Курья; Турбинский могильник и жертвенное место Камень Дыроватый².

Н. А. Прокошев в своих последних работах пришел к заключению, что в эпоху бронзы Чусовское Прикамье было заселено родственными племенами, которые он назвал турбинскими по Турбинскому могильнику.

Камской экспедицией Молотовского государственного университета им. А. М. Горького под руководством О. Н. Бадера в 1947—1952 гг. в том же районе было открыто еще свыше 10 стоянок эпохи бронзы (причем на 11 памятниках были произведены широкие раскопки) и ориентировочно установлена их периодизация. Следуя за Н. А. Прокошевым, О. Н. Бадер относит все эти памятники к турбинской культуре и устанавливает два последовательных этапа ее развития — гаринский и борский. К более раннему, гаринскому, этапу, датируемому второй половиной II тысячелетия до н. э., он относит следующие стоянки: Астраханцевскую и Северную, а также Бор I, Боровое озеро II, Боровое озеро III и Турбинский могильник. К более позднему, борскому, этапу, датируемому концом II и началом I тысячелетия до н. э. — стоянки Бор II, Бор III, Бор IV, Боровое озеро VI и Усть-Гайвинской могильник. Поселения этого этапа, по мнению О. Н. Бадера, имеют особое значение для выяснения вопроса о происхождении ананьинской культуры.

О. Н. Бадер считает, что культура населения Чусовского Прикамья на гаринском этапе имеет несомненное сходство с позднеэнеолитической культурой местных племен, обитавших на поселениях левшинского типа, что позволяет говорить о ее местном происхождении. В то же время автор отмечает и ее своеобразие, указывающее на оригинальные пути развития камских племен в эпоху раннего металла.

Орудия труда из камня на гаринском этапе, сохраняя черты преемственности по отношению к местному неолиту, приобретают некоторые новые формы; появляются и новые категории предметов. Среди наконечников стрел преобладают треугольные наконечники с усеченным основанием; встречается новая, очень характерная форма изогнутых ножей с черенком, заканчивающимся расширением — «пуговкой»; начинают изготавливаться многочисленные полированные долотовидные орудия для

¹ Я. В. Станкевич. Неолитическая стоянка у Гремячего ручья. СА, V, 1940, стр. 230—238.

² Н. А. Прокошев. Камская экспедиция 1935 г. СА, I, 1936, стр. 255—273; его же. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 19—21.

обработки дерева, а также своеобразные тяжелые молоты с перехватом и широкой плоской рабочей поверхностью. Кроме того, встречаются плоские полированные каменные кольца ¹.

Наряду с каменными и костяными, входят в употребление медные орудия труда. На поселении Бор I найдено 11 медных предметов, в том числе нож и шилья. Медные капли и обломки глиняного оплавленного тигля со следами меди из раскопок того же поселения, по мнению А. А. Иессена, указывают на местное производство медных орудий ².

Однако О. Н. Бадер сообщает, что анализы ряда медных предметов Усть-Гайвинского, Турбинского и Сейминского могильников, произведенные в спектроаналитической лаборатории Молотовского университета, показали, что по составу примесей медь, использованная для этих изделий, связана не с местными медистыми песчаниками Прикамья, а с сульфидными рудами Урала или его восточных склонов. Это приводит О. Н. Бадера к заключению, что медь не добывалась турбинскими племенами на гаринском этапе их развития на месте, а получалась путем обмена из-за Урала ³. Связи турбинских племен с шигирскими племенами Урала подтверждаются находками на чувоских стоянках обломков глиняной посуды с примесью талька, характерных для уральских поселений.

Глиняная посуда гаринского этапа продолжает сохранять архаичный неолитоидный облик: она остается остродонной и круглодонной. Орнамент нанесен преимущественно зубчатым штампом, образующим горизонтальные пояски вокруг сосуда. Орнаментальный узор в виде так называемой «шагающей гребенки», появившийся еще в III тысячелетии до н. э. и известный в Левшинской стоянке, достигает здесь своего наибольшего развития. Но появляется и существенно новое: к глине прибавляются растительные примеси, выгорающие при обжиге; вместо яйцевидной неолитической формы преобладает форма с вертикальными и прямыми шейками, нередко с утолщенными, даже сплюсненными сверху широкими венчиками; внутренняя поверхность сосудов имеет следы обработки зубчатым штампом. К самым поздним типам относятся сосуды полуяйцевидной формы, а также небольшие котлообразные сосуды, приближающиеся к ананьинским. Появляется глиняная скульптура.

Весьма характерной чертой поселений гаринского типа О. Н. Бадер считает также жилища-полуземлянки четырехугольной формы, соединенные в жилые комплексы углубленными в землю коридорами. Некоторые жилища сохранили следы обугленных деревянных частей и столбовые ямы, что позволяет реконструировать их как слабо углубленные в землю прямоугольные срубы размерами 4 × 5 м, чаще 5 × 7—8 м, с двускатной крышей, поддерживаемой в средней части двумя параллельными рядами столбов, между которыми размещались очаги — от одного до трех. Раскопками Камской археологической экспедиции вскрыто 45 таких жилищ ⁴.

В той же работе О. Н. Бадера дана характеристика следующего за гаринским борского этапа развития турбинских племен.

Для борского этапа в настоящее время известно только два поселения с жилищами; в обоих случаях на поселениях было обнаружено всего по одному большому длинному дому. Этот тип жилища сохраняется в Чусовском Прикамье до конца ананьинской эпохи. По словам О. Н. Бадера, культура борского этапа турбинских племен по своему общему облику очень архаична. В то же время именно к ней близок инвентарь каменных орудий раннеананьинского Галкинского городища.

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 82—92.

² А. А. Иессен. Чусовская экспедиция 1942 г. Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. V, Л., 1948.

³ Характеристика гаринского этапа и все данные взяты из последней работы О. Н. Бадера. См. О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Молотовск. гос. ун-та, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953, стр. 54.

⁴ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 52.

На борском этапе меняется форма каменных наконечников стрел: преобладают не подтреугольные, а миндалевидные типы с округлым основанием. Около четверти всех скребков имеют своеобразную плоскую ретушь на брюшке. Остальные каменные орудия остаются теми же, что и на гаринском этапе, включая и тяжелые молоты с перехватом для скрепления с рукоятью.

Глиняная посуда борского этапа представлена довольно крупными полуяйцевидными формами, широко открытыми кверху, а также котлообразными формами, близкими к ананьинским. Растительные примеси совершенно аналогичны гаринским, очень близок и орнамент. Борский тип глиняной посуды появляется еще на гаринском этапе, но лишь на борском этапе представлен в своем чистом виде, освобождаясь от таких специфических гаринских особенностей, как утолщенные венчики и орнамент в виде «шагающей гребенки»¹.

По мнению О. Н. Бадера, поселения борского типа занимают промежуточное место между ранним этапом турбинской культуры — гаринским — и ананьинской культурой. Этот этап датируется XIII—X вв. до н. э. и выделяется в особый предананьинский этап турбинской культуры. О. Н. Бадер считает, что в Чусовском Прикамье мы имеем вполне определенную местную культуру, с которой ананьинскую культуру можно связывать генетически. По его мнению, «турбинская культура с ее борским этапом локализуется в верхней половине Прикамья и вопрос о распространении ее на область нижнего Прикамья пока неясен»².

Таким образом, по словам О. Н. Бадера, «основной областью ананьинского этногенеза в настоящее время представляется верхняя и средняя, приуральская часть Прикамья. В нижнем же Прикамье и Казанском Поволжье ананьинские племена появились в VII в. до н. э. вследствие этнического сдвига из областей среднего Прикамья, достигшего тогда же бассейна Ветлуги»³.

К сожалению, выводы О. Н. Бадера не подтверждены соответствующим иллюстративным материалом, и, согласно его датировке, между концом борского этапа (X в. до н. э.) и началом ананьинской культуры существует хронологический разрыв в два столетия.

* * *

Обратимся к территории восточных ананьинских племен, живших по берегам р. Белой в пределах Башкирской АССР. Следует отметить, что на этой территории неизвестны ранние ананьинские памятники, относящиеся к VIII—VI вв. до н. э. (может быть, вследствие малой изученности этой области).

К. В. Сальников считает, что «в свете открытий последних лет на территории Южного Прикамья, Среднего Поволжья и Западного Приуралья... самым солидным претендентом на звание предков ананьинских племен... выступает абашевская культура»⁴. «Керамика абашевской культуры, — говорит он далее, — на наш взгляд, является тем стержневым компонентом, вокруг которого, примешиваясь к которому, элементы керамики других культур дали ряд локальных вариантов предананьинской посуды»⁵.

Для обоснования своей точки зрения К. В. Сальников приводит материалы с нескольких памятников Башкирии — Демской стоянки (раскопки П. А. Дмитриева в 1934 г.), поселения Курман-тау Нижнее (раскопки или сборы М. И. Касьянова в 1928 г.), селище Куш-тау и Урняковского

¹ О. Н. Бадер и З. П. Соколов. Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой. СА, XVIII, 1953, стр. 172 и сл.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, стр. 280.

⁴ К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 12—13.

могильника (раскопки К. В. Сальникова в 1953 г.), которые он относит к абашевской культуре.

К. В. Сальников считает, что все предананьинские памятники Южного Прикамья следует разделить на две группы — восточную и западную, — генетически связанные с абашевской культурой, установив между ними границу по р. Вятке. В восточную группу он предлагает включить стоянки Демскую, Курман-тау, Куш-тау, Урнякский могильник, Луговскую стоянку II и Луговской курганный могильник, объединив их под названием культуры Курман-тау. Он полагает, что основной территорией сложения ананьинских племен являются берега среднего и нижнего течения р. Белой с прилегающим отрезком течения р. Камы до устья р. Вятки.

Положения К. В. Сальникова вызывают целый ряд сомнений. Можно согласиться, что стоянки Курман-тау, Куш-тау, Урнякский могильник и Демская стоянка представляют собой известное культурное единство, однако их предполагаемая генетическая связь с абашевской культурой неубедительна. Большой керамический материал из наших раскопок стоянки Курман-тау в 1953—1954 гг. дал круглодонную посуду (из нескольких тысяч черепков имеется лишь несколько обломков плоскодонных сосудов) бомбовидной или близкой к бомбовидной формы с прямой или несколько отогнутой шейкой. Орнамент находится главным образом на шейке и лишь изредка на плечах сосудов. Он близок к орнаменту селища Куш-тау; но сам К. В. Сальников пишет, что керамика Куш-тау и Урнякского могильника в основном отлична от керамики абашевской культуры, и мы не видим тех следов происхождения первой от последней, о которых пишет К. В. Сальников.

Неправильно и включение в культуру Курман-тау Луговской стоянки II и курганного Луговского могильника.

Глиняная посуда Луговской стоянки II почти вся плоскодонная; среди нее имеются баночные формы, сосуды на поддоне; но наиболее характерны сосуды с отогнутой шейкой и «воротничком» по обрезу края, с рядом ямок под ним и горизонтальными поясками елочки, зигзагов, ромбов, шнура — ниже шейки. Формы и орнамент луговской посуды в целом отличны от башкирских.

В погребениях Луговского могильника все костяки, за исключением одного (с подогнутыми ногами), вытянутые, так что погребальный обряд этого могильника не сходен с урнякским, где скорченные костяки находились на левом боку и где отсутствуют курганные насыпи.

Включение в культуру Курман-тау памятников по Нижней Каме, где для посуды ананьинских поселений характерны шнуровые узоры, неоправдано еще и потому, что памятники ее встречаются лишь в среднем течении р. Белой; в нижнем ее течении они пока не известны.

Не отрицая определенного значения культур баланбашской и Курман-тау для сложения ананьинских племен на территории Башкирии, следует отметить, что для окончательного решения этого вопроса в настоящее время еще мало данных.

Современное состояние археологических источников, во всяком случае, не позволяет утверждать, что племена эпохи поздней бронзы на территории Башкирии были настолько многочисленными и передовыми, чтобы объединить вокруг себя все остальные родственные племена эпохи поздней бронзы Прикамья.

* * *

Перейдем к рассмотрению поселений, расположенных в южной области расселения ананьинских племен — в нижнем течении р. Камы и прилегающих к ее устью частях Среднего Поволжья.

Очерченный район интересен, так как представляет собою место соприкосновения племен, создавших различные археологические культуры.

С севера его населяли местные «луговские» племена; с юга надвигались «срубные» племена; соседями с востока, правда отдаленными, были «андроновские» племена; на западе жили племена, создавшие позже так называемую дьяковскую культуру. Области расселения этих племен не имели постоянных границ, и в различные отрезки времени они или отодвигались в глубь своей территории, или выдвигались в район расселения соседних племен.

Работами казанских археологов конца XIX и начала XX в., исследованиями Куйбышевской экспедиции 1938—1940 гг., археологических экспедиций Казанского филиала АН СССР в 1945—1950 гг. работами четвертого и особенно пятого отряда Куйбышевской экспедиции ИИМК и Казанского филиала АН СССР в 1950—1954 гг. в районе устья р. Камы и по берегам Волги и ее притоков были открыты и исследованы десятки поселений эпохи поздней бронзы (конца II и начала I тысячелетия до н. э.), предшествовавших сложению ананьинской культуры. Многие из этих поселений еще мало изучены. Однако характер ряда стоянок и их датировка достаточно ясны, чтобы на основании изучения их прийти к определенным выводам. К таким хорошо изученным стоянкам относятся: Усть-Камская (Атабаевская I), Карташихинские I и II, Балымская, Займищенские II и III, Гулькинская и Степное озеро. Здесь были произведены большие раскопки и вскрыты жилища, жертвенники и погребения.

По мнению Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, исследовавших большую часть этих поселений, все они относятся к одной культуре, которую авторы называли приказанской. В границах этой культуры выделяются более ранняя группа (стоянки Карташихинская I, Займищенские II и III) и более поздняя (стоянки Усть-Камская (Атабаевская I), Карташихинская II и Балымская). Более ранние стоянки датируются серединой и концом II тысячелетия до н. э., более поздние — началом I тысячелетия до н. э. Все они расположены или на дюнах в пойме рек, или на краю надпойменных террас у водоемов.

Основой хозяйства населения стоянок было, как полагают исследователи, развитое скотоводство; «земледелие, охота, рыболовство и собирательство являлись только подсобными промыслами»¹.

Отличительной чертой более ранних стоянок этой культуры, по мнению Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, является форма жилищ (овальных или квадратных), представляющих собою группу полуземлянок, соединенных друг с другом переходами. Каждое жилище имело в среднем около четырех отдельных очагов, расположенных обычно ближе к краям жилища; центральная же часть жилищ была свободной. Крыша полуземлянок была, по-видимому, двускатная; стены часто укреплялись плетнем или частоколом (на это указывают следы столбов).

Комплекс соединенных жилищ, по мнению Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова, напоминает ирокезские длинные дома, где жил ряд родственных семей патриархального типа. «Такой характер жилого комплекса позволяет предполагать наличие довольно сильных матриархальных отношений»².

Для более поздних стоянок, по мнению авторов, характерны изолированные четырехугольные жилища типа жилищ срубной культуры.

Хозяйство с преобладанием скотоводства и обработка металла «все более и более стимулировали возникновение и развитие патриархальных отношений»³.

Некоторые из изложенных выше положений вызывают возражения. Возможно, что изолированные жилища срубного типа находились на сто-

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФ АН СССР. Казань, 1954, стр. 32.

² Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 239.

³ Там же.

янках, которые следует, скорее, отнести к позднесрубной культуре. Такими, может быть, являются некоторые из стоянок поздней группы, например Балымская стоянка, где были вскрыты скорченные погребения с характерными бронзовыми вещами и сосудами срубного типа. Во всяком случае, эту стоянку нельзя считать чисто местной, «приказанской». Сомнение в правильности выводов Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова по данному вопросу возникает еще и потому, что более ранняя и более поздняя части Луговской стоянки, относящиеся к концу II и началу I тысячелетия до н. э., имели одинаковую форму жилищ (полуземлянки, соединенные переходами).

Вывод Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова о преобладании скотоводства в хозяйстве древнего населения «приказанских» стоянок представляется мне недостаточно доказанным. Эти стоянки, расположенные на дюнах в поймах рек, в условиях климата, близкого к современному, в течение всей весны представляли собой острова, окруженные водой и почти лишенные подножного корма для скота. Таким образом, населению этих стоянок необходимо было бы заготавливать корм для домашних животных не только на зиму, но и на всю весну, что представляется мало вероятным. Подсчеты количества костей домашних животных, найденных на Балымской стоянке¹, без сопоставления с количеством костей диких животных не могут быть убедительными.

Неправильным представляется также преуменьшение роли земледелия в хозяйстве обитателей стоянок. Уже тот факт, что в Южном Прикамье в конце бронзовой эпохи было создано специальное орудие земледелия — бронзовый серп особого типа², указывает на большую роль земледелия в хозяйстве.

Кроме того, сами авторы пишут о наличии многочисленных находок обломков зернотерок и пестов, а также грубых долотовидных мотыжек.

Кости и чешуя рыб, большое количество грузил и самый характер поселений указывают на важную и, как нам кажется, все еще ведущую роль рыболовства в хозяйстве населения этих стоянок конца эпохи бронзы. Не меньшее значение имела и охота.

Со временем, однако, значение земледелия и скотоводства постепенно возрастало, и эти отрасли хозяйства, несомненно, превратились в основные уже у населения ранних городищ.

Для окончательных выводов из огромного фактического материала «приказанских» стоянок необходимо тщательное изучение и точная датировка каждой из них.

Однако уже на основании имеющегося материала можно прийти к некоторым заключениям.

Во второй половине и в конце II тысячелетия до н. э. в районе устья Камы и близких к нему берегов Волги жили племена, генетически связанные с местным неолитом.

В то же время в этом районе появились расселявшиеся с юга срубные племена, оставившие Маклашеевский III и Полянский могильники, Зеленовские стоянки на р. Утке и некоторые другие памятники. Эти племена были ассимилированы местным населением в предананьинское время. Процесс ассимиляции можно проследить, например, на Маклашеевских могильниках, где наиболее ранний (Маклашеевка III) чисто срубного типа, а более поздние (Маклашеевка I и Маклашеевка II) относятся к переходному и раннеананьинскому типу.

Очень интересный материал дает Гулькинская стоянка на р. Утке, притоке Волги. А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт³ относят ее к памятни-

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы..., стр. 222, таблица № 7.

² Мне известно из Южного Прикамья около 40 бронзовых серпов.

³ А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Введение. Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. 1, МИА, № 42, 1954, стр. 13.

кам северного варианта срубной культуры, а Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков¹ — к приказанской культуре. Это памятник сложный. Здесь имеются ранние комплексы находок, близкие к местному энеолиту и ранней бронзе, а также жилища и бытовой инвентарь, относящийся к концу II тысячелетия до н. э.

Судя по керамике, здесь мы находим следы влияния срубной и дьяковской культур. Однако особенности бронзы (ножи), каменных орудий труда и глиняной посуды говорят о том, что стоянка принадлежит к местной культуре.

Обобщая изложенный выше материал, отмечаем, что на юге территории расселения ананьинских племен в предананьинскую эпоху существовали многочисленные поселения родственного племени или племен, несомненно испытавших на себе сильное влияние срубной культуры. На основе этих племен и происходило формирование южной части ананьинских племен. Об этом свидетельствуют наиболее ранние памятники ананьинской культуры — Маклашеевский II, Гулькинский и Морквашинский могильники.

В указанных работах Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова восточной границей территории расселения «приказанских» племен является устье р. Вятки. Находящаяся выше по Каме Луговская стоянка, на территории которой расположен один из наиболее ранних памятников ананьинской культуры — Луговской могильник, исключена из числа поселений этой культуры. С одной стороны, это понятно, так как это противоречит названию культуры «приказанской». Но правильно ли это по существу? Для того, чтобы решить этот вопрос, сравним материал из позднего слоя Гулькинской стоянки с материалом Луговской стоянки.

Обе стоянки расположены на краю надпойменных террас. Жилища в обоих случаях представляют собою полуземлянки, с участками чистого песка на полу, связанные переходами между собой.

Орудия труда из камня, найденные во время раскопок Луговской и Гулькинской стоянок, очень немногочисленны. Среди них имеются одни и те же формы наконечников стрел, каменные молоты с желобком для привязывания, песты, топоры, скребки и скребла, обломки каменных зернотерок, ножи из ножевидных пластинок. В Луговской стоянке отсутствуют так называемые долота, имеется лишь одна заготовка и, кроме того, бронзовое долото. На Гулькинской стоянке найдено два целых бронзовых ножа; на Луговской стоянке бронзовых ножей не обнаружено.

Формы глиняной посуды в большинстве случаев одни и те же. Это — банки, баночные горшки, горшки с выпуклыми стенками, горшки с валиками по обрезу края, крупные сосуды с загнутым внутрь и отогнутым краем, небольшие плоскодонные и изредка круглодонные чашки и единичные экземпляры сосудов бомбовидных форм. Элементы орнамента на посуде обеих стоянок (ямка, полушарные выпуклины, зубчатый штамп, резные линии, шнур) очень близки, так же как и узоры (углы и треугольники, горизонтальные и вертикальные елочки, ромбы, горизонтальные пояски и полосы, лесенки и др).

Следует отметить и своеобразные черты обоих поселений, довольно удаленных одно от другого. Так, в материале с Луговской стоянки имеется группа сосудов андроновского типа, а в коллекции с Гулькинской стоянки — посуда с так называемым сетчатым узором.

С нашей точки зрения, нет причин отделять Луговскую стоянку от однородных поселений, расположенных в устье р. Камы и ближайших участках Поволжья. Однако называть всю эту культуру «приказанской», нам кажется, нет оснований.

Итак, в северной и южной части области расселения ананьинских племен в эпоху поздней бронзы жили две большие группы родственных пле-

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселение эпохи бронзы..., стр. 242—243,

мен: турбинские племена на севере и луговские, или приказанские, племена на юге. Ананьинские племена были генетически связаны с ними. О том, что связь эта прослеживается на севере и на юге, было сказано выше.

Которая же из этих групп была ведущей, объединившей вокруг себя все доананьинские племена?

Прежде всего следует отметить, что племена севера и юга были родственными племенами, имевшими ряд общих черт в хозяйстве и культуре. Общими являются расположение поселений на краю надпойменных террас или на дюнах в пойме рек и форма жилищ, состоящих из отдельных полужемлянок, связанных переходами. Примерно одинаковым было и хозяйство древнего населения на севере и на юге. Ведущими отраслями были рыболовство и охота на диких, преимущественно мясных животных — лося, оленя, медведя, кабана и др. В обоих районах уже существовало земледелие и скотоводство, но они еще не занимали главного места в хозяйстве.

Однако турбинские и нижнекамские племена, кроме общих черт, имели оригинальные особенности. Последние проявлялись в формах каменных орудий и глиняной посуды.

Для верхнекамских поселений типичны, например, ножи из плитчатого кремня, скребки с ретушью на брюшке, а для нижнекамских стоянок — так называемые долота из доломита и окремнелого известняка. В обоих случаях были использованы местные породы камня. Значительно большие различия наблюдались в формах и орнаментации глиняной посуды.

Преобладающими формами глиняной посуды на севере были довольно крупные полуайцевидные сосуды, широко открытые сверху, а также котлообразные круглодонные сосуды, по терминологии О. Н. Бадера, «подвесного» типа. В орнаментике посуды появляются ромбы, елочка и сетка из косых перекрещивающихся линий.

На юге посуда стоянок эпохи поздней бронзы в большинстве случаев плоскодонная. Это — банки, горшки нескольких типов, крупные сосуды с загнутыми внутрь краями, плоскодонные чашки и небольшое количество круглодонных сосудов. На более поздних стоянках увеличивается количество сосудов с выпуклыми валиками по краю, типичных для ананьинской посуды, и складывается орнаментация ананьинского типа: шнуровые узоры, характерный поясok круглых ямок под «воротничком», гребенчатые елочки, расположенные горизонтальными зонами в верхней части сосудов.

Для северных племен можно проследить лишь связи с позднешигирскими горбуновскими племенами, тогда как для южных можно установить перекрещивающиеся связи и влияния срубных, андроновских и дьяковских, а в более ранние эпохи — фатьяновских племен.

Северные и южные племена были знакомы с металлургией меди, но на севере она появилась позже и была развита слабее. Металл на гаринском и на борском этапах развития турбинских племен привозился с Урала, о чем свидетельствует состав медных изделий из Турбинского и Гайвинского могильников¹.

Имеются некоторые данные и о местной металлургии меди: на стоянке Бор I найден глиняный тигель, а на стоянке Выстелишна, на р. Чусовой, — несколько медных вещей, сделанных, по-видимому, из местного сырья.

В южной части области расселения ананьинских племен в эпоху поздней бронзы на базе местного сырья существовал особый центр металлургии меди, расположенный где-то на Нижней Каме, может быть, в окрестностях современного г. Елабуги. Из этого района известно свыше

¹ О. Н. Бадер. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение турбинского типа на Каме. Уч. зап. Молотовского гос. ун-та, т. IX, вып. 3, стр. 144

тысячи бронзовых предметов, среди которых имеются местные оригинальные формы вислобушных топоров, кельтов и серпов.

Таким образом, вывод может быть только один: ведущая роль в сложении ананьинского единства, в объединении северных (турбинских) и южных племен принадлежала более развитым и передовым — южным племенам, воспринявшим влияние срубной культуры, ассимилировавшим в очерченном районе срубные племена и создавшим в эпоху поздней бронзы собственный очаг металлургии меди.

Итак, ананьинское единство сложилось в результате объединения нескольких групп родственных племен, своеобразии которых нашло отражение в различных частях ананьинской территории. Наиболее крупными были северная (турбинская) группа и южная, игравшая ведущую роль. В процессе дальнейшего развития на севере, в районе обитания турбинских племен, сложилась гляденовская культура, а на юге — пьяноборская культура. По-видимому, своеобразии северных и южных ананьинских племен со временем проявилось столь значительно, что объединение их не могло быть постоянным и закончилось в III в. до н. э.

Медные и бронзовые изделия Прикамья

О существовании металлургической базы в восточной полосе Европейской России и об оригинальности орудий и оружия из меди и бронзы, происходящих из этой области, писал еще А. А. Штукенберг в работе, изданной в 1901 г.¹

Сырьевой базой металлургии Западного Приуралья были главным образом месторождения медистых песчаников, известных на Нижней Каме и Вятке, на Средней Каме, в Башкирии и Чкаловской области. Так как древним рудокопам были доступны лишь окисленные медные руды, лежавшие в верхних горизонтах земли, основное значение имели многочисленные мелкие месторождения с выходами на поверхность. Из этих медных руд, преимущественно песчаников, проникнутых медной зеленью и медной синью, можно было сравнительно легко выплавлять медь.

В специальной литературе имеются указания, что медные рудники обычно возникали на месте древних «чудских» копей, в большинстве случаев бесследно уничтоженных. Сведения о них лишь изредка сохранились в архивах крупных современных заводов и рудников. Очень интересна карта медных месторождений по р. Вятке, составленная В. А. Поляниным к статье В. А. Полянина и И. Н. Горизонтова «Медные руды Кировской области»². В известном «Журнале» П. И. Рычкова³ упоминается ряд медных рудников по Каме и ее притокам, где добыча руды производилась во время его путешествия. П. И. Рычков отметил, что часть из них разрабатывалась еще мифической чудью. Между прочим, один из современных П. И. Рычкову рудников находился у устья р. Тоймы, близ г. Елабуги, другой — близ с. Челны.

Местное производство медных и бронзовых орудий в ананьинское время не вызывает сомнений.

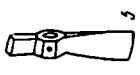

Архаические медные предметы (например, нож Левшинской стоянки и некоторые находки из коллекций, происходящих из ТАССР) свидетельствуют о раннем появлении металла в Прикамье, а шлаки, литейные формы, тигли и льячки из раскопок стоянок (например, стоянки Бор I на Чусовой и Луговской стоянки на Нижней Каме) говорят о местной металлургии меди в эпоху бронзы.

¹ А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭ. Казань, 1901, т. 17, вып. 4, стр. 165—213.

² В. А. Полянин и И. Н. Горизонтов. Медные руды Кировской области. Тр. Кировского обл. НИИ краеведения, вып. 12. Киров, 1939.

³ Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

Медные и бронзовые орудия (топоры, кельты и серпы) по работе А. А. Штукенберга
«Материалы для изучения медного (бронзового) века в Восточной России»

	Топоры							Кельты					Серпы			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Уезды Казанской губ. (по старому административному делению)*																
Казанский			1 экз.			1 экз.	1 экз.									
Спасский																
Тетюшский			1 экз.													
Лаишевский																
Мамядышский																
Чистопольский																
Елабужский																
Окрестности г. Елабуги																
Цивильский																
Уржумский																
Чебоксарский																
Мензелинский																
Яранский																
Казанская губ., место неизвестно	1 экз.															
Всего:	1 экз.	6 экз.	3 экз.	2 экз.	1 экз.	4 экз.	5 экз.	4 экз.	1 экз.	1 экз.	1 экз.	1 экз.	8 экз.	5 экз.	5 экз.	2 экз. из Самарской губ.

* Места находок во всех пяти таблицах указаны по старому административному делению.

Таблица 2

Сводка распространения бронзовых топоров по работе А. А. Штукенберга «Материалы для изучения медного (бронзового) века»

Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV—V	Тип VI
				
Казанская губ. 1 экз.	Яранский у. 1 экз. Елабужский у. 1 экз. Цивильский у. 1 экз. Чебоксарский у. 1 экз. Лаишевский у. 1 экз. Чистопольский у. 1 экз.	Цивильский у. 1 экз. Уржумский у. 1 экз. Казанский у. 1 экз.	Окрестности Елабуги 2 экз.	Чистопольский у. 1 экз.
Всего: 1 экз.	6 экз.	3 экз.	2 экз.	1 экз.

Металлургия конца эпохи бронзы представлена в Прикамье большим количеством отдельных предметов и рядом кладов (клад у дер. Дербедень, клад у с. Ерыклы, клад у дер. Коршуновой и др.). В общем известно свыше 1500 медных и бронзовых предметов, что позволяет предполагать местный очаг металлургии меди.

Большое количество отдельных медных и бронзовых предметов доананьинских типов издано в вышеупомянутой работе А. А. Штукенберга. Большая часть предметов происходит из Южного Прикамья, поэтому выделить северные и южные типы вещей на основании этого материала невозможно. Наибольшее количество находок происходит из окрестностей г. Елабуги и Спасского уезда Казанск. губернии (табл. 1).

Среди материалов А. А. Штукенберга выделяется несколько наиболее распространенных форм орудий бронзовой эпохи — медные или бронзовые топоры, кельты, серпы. Среди топоров А. А. Штукенберг выделил пять — шесть типов (табл. 2). Находки орудий первого и шестого типа единичны. Наиболее интересны второй — пятый типы, которые, по терминологии В. А. Городцова, называются широкообушными, среднеобушными и узкообушными топорами (табл. 3).

В 1915 г. вышла работа В. А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи в Средней России»¹, в которой автор, описывая фатьяновскую культуру, дал типологическую классификацию известных ему каменных, медных и бронзовых вислообушных топоров. Среди последних им было выделено девять типов, из которых для настоящей работы наиболее интересны первые четыре типа: широковислообушный, умеренновислообушный, узковислообушный и косовислообушный (фатьяновский)². Остальные пять типов не характерны для интересующего нас района.

Широковислообушных топоров указано 22 экземпляра, из которых 13 экземпляров происходит из б. Казанской губернии.

¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Приложение к отчету Российского Исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 121—224.

² Там же, табл. VIII.

Сводка распространения бронзовых вислобушных топоров по работе В. А. Городцова
«Культуры бронзовой эпохи в Средней России»

Широковислобушные	Умеренновислобушные	Узковислобушные	Косовислобушные фатьяновские
			
Нижегородская губ. (Сейма) 1 экз. Орловская губ. 2 экз. Воронежская губ. 1 экз. Казанская губ. 13 экз. Вятская губ. 2 экз. Пермская губ. 1 экз. Оренбургская губ. 1 экз. Саратовская губ. 1 экз. Харьковская губ. 2 экз.	Костромская губ. (Галич) 1 экз. Казанская губ. неск. Вятская губ. 1 экз. Уфимская губ. 3 экз. Самарская губ. 1 экз. Область Войска Дон- ского 4 экз. Киевская губ. (Канев- ский у.) 1 экз. Близкие типы встреч. в Венгрии	Костромская губ. 1 экз. Казанская губ. 5 экз. Вятская губ. из Анань- инского могильника неск. Пермская губ. Осинск. у. 8 экз. Уфимская губ. 1 экз. Саратовская губ. 1 экз.	Фатьяновский мо- гильник 1 экз. Вятская губ. 1 экз. Кавказ 1 экз.

Умеренновислобушных топоров — 6 экземпляров.

Узковислобушных топоров (первой разновидности — с узким клинком), кроме нескольких экземпляров из коллекции В. И. Заусайлова и из Ананьинского могильника, число которых не указано, — 14 экземпляров. Из них 8 экземпляров происходят из б. Осинского уезда, Пермской губернии. В. А. Городцов считал эту форму наиболее поздней, несомненно местной, происходящей из б. Пермской губернии, «где тип найден в изоляции»¹.

Вторая разновидность этого типа с широким клинком в интересующем нас районе В. А. Городцовым не отмечена. Топоров с косовислым обухом, которые В. А. Городцов называет «фатьяновскими», в его сводке известно 3 экземпляра, кроме происходящих из коллекции В. И. Заусайлова. Число последних не отмечено.

Для настоящей работы очень интересно мнение В. А. Городцова о том, что форма узковислобушных топоров является более поздней, что этот тип происходит из б. Пермской губернии.

Кроме вещей из меди и бронзы, изданных в работах А. А. Штукенберга и В. А. Городцова, известна очень большая коллекция, состоящая преимущественно из каменных, медных и бронзовых орудий, происходящих главным образом из б. Казанской губернии. Коллекция была собрана В. И. Заусайловым и хранится в музее г. Хельсинки. Она была опубликована А. М. Тальгреном в 1916 г.² В работе А. М. Тальгрена, кроме описания отдельных типов предметов и их классификации, содержится сводка всего известного автору материала по отдельным типам орудий и даны карты распространения наиболее интересных из них. Всего в кол-

¹ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 153.

² А. М. Tallgren. Collection Zaoussailov au musée historique de Finland à Helsingfors, т. I, Helsinki, 1916.

лекции около 1300 медных и бронзовых предметов. Для данной работы наиболее интересны несколько типов орудий, относящихся к эпохе бронзы — вислообушные топоры, доананьинские кельты и серпы.

Описывая медные или бронзовые вислообушные топоры и топоры-молоты заусайловской коллекции, А. М. Тальгрэн приводит следующую сводку известных ему топоров этих типов из Восточной России.

Галич	— 1 экз.	б. Пермская губ.	— 4 экз.
Фатьяново	—1—2 экз.	б. Вятская губ.	—25 экз.
Сейма	—1 экз.	б. Казанская губ.	—40 экз.
б. Нижегород- ская губ.	—1 экз.	Из района слияния Камы с Волгой	
б. Владимирская губ.	—2 экз.	(точнее место на- ходки неизвестно)	— около 30 экз.
б. Симбирская губ.	—3 экз.		

Автор указывает, что на остальной территории России они очень редки. В коллекции В. И. Заусайлова имеется около 40 экземпляров топоров-молотов и вислообушных топоров. Среди них А. М. Тальгрэн выделяет 5—6 форм (А — F). Из них 5 экземпляров клинообразные, прямые (тип D), остальные — вислообушные¹.

Типы С, Е и F представлены единичными орудиями: их всего 4—5 экземпляров. Основная масса топоров принадлежит первым двум типам А и В (широко-, средне- и узкообушные, по Городцову). Из них ко второму типу (В) относятся около 10 экземпляров, причем два из них близки к первому типу (А). Среди первого типа (А) А. М. Тальгрэн не выделил форм узкообушных и среднеобушных. Всего их около 26 экземпляров. Попытка выделить средне- и узкообушные формы топоров типа А по рисункам и тексту работы А. М. Тальгрэна дала следующие результаты: узкообушных топоров было всего 5 экземпляров; остальные, насколько можно судить, не видя самих орудий, были среднеобушные (табл. 4).

А. М. Тальгрэн, описывая заусайловскую коллекцию, пришел к выводу, что обильные находки медных и бронзовых предметов, в частности вислообушных топоров, в б. Казанской губернии указывают на их местное производство. Интересно также указание А. М. Тальгрэна, что основным местом распространения топоров типа В (широкообушных, по В. А. Городцову) был Елабужский уезд и его окрестности. Таким образом, и А. А. Штукенберг, и В. А. Городцов, и А. М. Тальгрэн пришли к выводу о существовании в Прикамье местной металлургии меди и некоторых местных типов медных и бронзовых орудий. При этом А. А. Штукенберг указал и на местную сырьевую базу — окисленные медные руды, содержащиеся в пермских песчаниках, распространенных в вышеотмеченных районах этой области. В последние годы к тому же выводу пришел А. А. Иессен².

А. М. Тальгрэн выделил как местные камские орудия вислообушные топоры типа А и В, имеющиеся в коллекции В. И. Заусайлова, отметил, что основным местом распространения типа В являются окрестности г. Елабуги. В. А. Городцов, описывая вислообушные топоры, встречающиеся в области распространения фатьяновской культуры, называет узковислообушные топоры с узким клинком пермскими, так как разработка этой формы «несомненно, сделана в Восточной России, именно в Пермской области, где тип найден в изобилии»³. По-видимому, основанием для такого утверждения служила находка восьми топоров данного типа в Осинском уезде, Молотовской области.

Однако статистическая сводка распространения вислообушных топоров в Восточной России, приведенная в работе А. М. Тальгрэна, как буд-

¹ Там же, табл. I—II.

² А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. Молотовский гос. ун-т. Доклады научных конференций, вып. 1—4. Молотов, 1948.

³ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 153.

Сводка распространения бронзовых топоров, кельтов и серпов по работе «Collection Zaoussailov»

Т	о	п	о	р	ы						
А		В		С		D		E		F	
Казанская губ. 1 экз.	Спасский у. 1 экз.	Из неизв. места Казанской губ. 1 экз	Тетюшский у. 1 экз.	Из неизв. мест Казанской губ. 4 экз.	Из неизв. мест Казанской губ. 1 экз. ***	Тетюшский у. 1 экз.	Из неизв. мест Казанской губ. 2 экз.				
Казанский у. 1 экз.	Свяжский у. 1 экз.		Свяжский у. 1 экз.			Всего 5 экз.					
Лаишевский у. 1 экз.	Чебоксар. у. 1 экз.		Чебоксар. у. 1 экз.								
Свияжский у. 3 экз.	Тетюшский у. 1 экз.		Тетюшский у. 1 экз.								
Чебоксар. у. 1 экз.	Из неизв. мест Казанской губ. 1 экз.		Из неизв. мест Казанской губ. 1 экз.								
Тетюшский у. 6 экз.	Всего 5 экз. **		Всего 5 экз. **								
Цивильский у. 1 экз.	Из неизв. мест Казанской губ. 10 экз.										
Яранский у. 1 экз.											
Ядринский у. 1 экз.											
Из неизв. мест Казанской губ. 10 экз.											
Всего 25—26 экз. *											

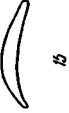
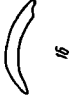
Примечания:

* Из них 5 экз. узкообушных (насколько можно определить по рисункам и тексту А. М. Тальгрена).

** Основное место распространения этого типа, по мнению А. М. Тальгрена, — Елабужский уезд и соседние местности.

*** Один экз. из Чистопольского уезда хранится в Центр. музее ТАССР в г. Казани.

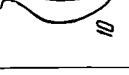
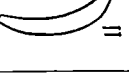
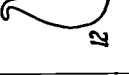
Таблица 4 (продолжение)

К с л ь б т ы			С е р п ы		
A	B	C	D	E	A
 <p>7 8 9</p>	 <p>10</p>	 <p>11</p>	 <p>12</p>	 <p>13</p>	 <p>14</p>
<p>Тип „Меларский“ и дериваты*</p> <p>Чебоксарский у. 2 экз. Цивильский у. 1 экз. Ланшевский у. 2 экз. Тетюшский у. 2 экз. Свияжский у. 4 экз. Царевококш. у. 1 экз. Из неизв. мест Казанской губ. 9 экз. Всего ок. 20 экз.</p>	<p>Тип Пьелавеси и дериваты</p> <p>Сейминский тип 1 экз. Из неизв. мест Казанской губ. Переходные формы (без ушков) Лаишевский у. 1 экз. Чистопольский у. 1 экз. Цивильский у. 1 экз. Из неизв. мест Казанской губ. 3 экз. Всего 6 экз.</p>				<p>Самарская губ. 1 экз. Из неизв. мест Казанской губ. 1 экз. Спасский у. 5 фрагментов Всего 7 экз. (?)</p>
					 <p>15</p>
					 <p>16</p>
					<p>Спасский у. 1 экз. Тетюшский у. 1 экз.</p>

Примечание:

* Часть дериватов является переходным типом от сейминской формы к ананьинской.

Сводка распространения в Прикамье бронзовых топоров, кельтов и серпов по материалам музеев

Место хранения предметов												
Гос. Эрмитаж	Казанская губ. 2 экз. Тетюшский у. Казанск. губ. 1 экз. Пермская губ. Осинский у. 1 экз. Уфимская губ. 1 экз.	Казанская губ. Козьмодемьянский у. 3 экз.	—	—	—	—	—	1 экз.	—	Пермская губ. 1 экз. Уфимская губ. 1 экз.	—	—
Музей Краеведения в г. Уфе	—	—	—	—	—	—	д. Дербен-денъ Мен-зелинского у. 2—3 экз. Казанск. губ.	д. Дербен-денъ Мен-зелинского у. Казанск. губ. 2 экз.	—	—	—	4 экз. Место неизвестно
Гос. Исторический музей	—	—	—	—	Елабужский у. Казанск. губ. 1 экз.	Пермская губ. 1 экз. Вятская губ. 1 экз.	Ананьинский могильник 2 экз. г. Елабуга 1 экз.	—	д. Лопьял Уржумского у. Казанск. губ. 1 экз. Сарапульский у. 1 экз.	—	—	—
Центр. музей ТАССР в г. Казани	Клад у дер. Ерыклы Спасского у. Казанской губ. 1 экз.	Ананьинский могильник 1 экз.	—	—	—	—	—	—	—	д. Ерыклы 2 экз.	д. Ерыклы 3 экз. очень узкие	—

то противоречит этому выводу. А. М. Тальгрэн указывал в б. Пермской губернии всего 4 экземпляра вислообушных топоров, по-видимому, не зная о находке в Осинском уезде. Очевидно, следует признать вислообушные топоры вышеописанных типов (широко-, умеренно- и узкообушные по В. А. Городцову; типы А и В по А. М. Тальгрэну) происходящими из Прикамья и ближайших к Каме районов Поволжья; причем первые две формы (широко- и умеренновислообушные) сложились в южной части изучаемой области. Вопрос о том, где появилась третья форма (узковислообушные топоры) — на севере или на юге Прикамья — остается открытым до накопления новых данных.

Этот вывод подтверждает и сводка соответствующего материала из кладов и отдельных случайных находок, имеющегося в моем распоряжении (см. табл. 5).

Перейдем ко второму интересующему нас виду медных и бронзовых орудий — топорам-кельтам.

Ананьинские кельты широко распространены в Прикамье как на севере, так и на юге. Местное их производство не вызывает сомнений, так же как и происхождение от так называемых сейминских форм. Об этом писал еще В. А. Городцов. А. М. Тальгрэн, напротив, считал что ананьинские кельты происходят от меларских и в работе «Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland»¹ дал схему постепенного перехода от меларских типов кельтов к ананьинским. При изучении ананьинской культуры я попыталась выяснить этот вопрос и пришла к выводу, что прав В. А. Городцов; ананьинские кельты происходят от сейминских (турбинских); в своей работе я дала таблицу переходных форм².

Кельты сейминского типа в Прикамье редки. Кроме 6 экземпляров Турбинского могильника, известны единичные орудия из Елабужского уезда и из коллекции В. И. Заусайлова (табл. 4, 5).

Наиболее ранней из ряда переходных форм являются довольно крупные кельты удлиненных пропорций, расширяющиеся к лезвию. Втулка широкая, округлая или подчетыреугольная. Орнамент отсутствует (табл. 1 и 5). К доананьинскому времени относятся также крупные одноухие кельты, часто сохраняющие рельефный орнамент в виде широкой заштрихованной полосы или треугольников вокруг втулки, и кельты с лобным ушком разных пропорций и почти всегда неорнаментированные.

Признание ананьинских кельтов местной, камской формой, происходящей от сейминско-турбинских кельтов, приводит к мысли, что сложение переходных форм также происходило среди древних племен Прикамья. Это положение относится к безухим и одноухим кельтам, широко распространенным в бассейне Камы, и, прежде всего, к дериватам тальгрэновского типа пиелавеси (сейминского) (табл. 5). Резюмируя описание кельтов типа пиелавеси, А. М. Тальгрэн писал, что это восточный тип, распространившийся в Финляндии из Волго-Камья. В работе об ананьинской культуре на материале Прикамья мною были выделены переходные формы от турбинских форм кельтов к ананьинским, среди которых на первом месте стоит довольно крупный неорнаментированный безухий кельт — случайная находка из Кировской области. Очень близкие формы имеются и в материалах А. А. Штукенберга и в коллекции В. И. Заусайлова (табл. 1, 4 и 5).

По всем данным, эта форма является местной, камской формой и, очевидно, южно-камской, так как из Молотовской области известно лишь одно орудие этого типа (табл. 5), тогда как из ТАССР их известно несколько экземпляров.

¹ А. М. Tallgren. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland. Helsingfors, 1911, стр. 169 и сл.

² А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 109.

Может быть, можно выделить и некоторые местные формы одноухих кельтов, но это потребует большой работы, так как эти кельты распространены более широко, тогда как вышеописанная безухая форма, насколько мне известно, за пределами Прикамья почти не встречается.

Обратимся к последней из интересующих нас форм бронзовых орудий — к серпам.

А. А. Штукенберг в вышеупомянутой работе выделил три типа серпов: 1) с крючком на конце, обращенном к рукоятке; 2) узкие, без крючка; 3) широкие «секачи». Серпов первого типа ему известно 8, второго типа — 5 и третьего — 2 экземпляра (табл. 1). Серпы третьего типа происходят из б. Самарской губернии.

А. М. Тальгрэн, описывая коллекцию В. И. Заусайлова, выделил три типа бронзовых серпов. Один из них — крюкастый (тип А); второй — узкий, без крючка (тип В); третий — широкий «резак» или «секач» (тип С). При этом А. М. Тальгрэн писал, что ему известно 93 серпа, происходящих из Восточной России; 21 экземпляр — типа А, 9 серпов — типа В и 49 серпов — типа С¹.

А. В. Арциховский выделил серпы с крючками в особый тип, который он назвал усть-камским².

Мне лично известно свыше 40 серпов, происходящих из Южного Прикамья. Перечисление большинства из них с указанием места находок дано в моей работе об ананьинской культуре³. С тех пор мне стало известно еще несколько экземпляров из ТАССР, БАССР и Куйбышевской области.

В общем следует согласиться с А. В. Арциховским и признать, что серпы с крюками на концах происходят из района устья Камы и являются типичными для нижекамского металлургического центра, так же как широко- и умеренновислообушные топоры, описанные выше, и безухие кельты переходного типа от сейминских к ананьинским.

Подводя итоги, следует признать, что на базе местного сырья на Нижней Каме в эпоху бронзы существовал местный металлургический центр, где производились многочисленные бронзовые орудия, сохранившиеся в собраниях Центрального музея ТАССР, Казанского университета, районных музеев, коллекции В. И. Заусайлова в Финляндии и частично погибшие в переплавке.

Для этого центра характерны некоторые формы бронзовых орудий — вислообушные топоры описанных форм, безухие кельты переходного типа от сейминских к ананьинским и крюкастые бронзовые серпы. Возможно, что более углубленная работа в этом направлении позволит расширить перечень бронзовых орудий, типичных для нижекамского металлургического центра.

Можно думать, что этот центр находился в окрестностях современного г. Елабуги, где существовали «чудские» медные рудники, и что металлурги ананьинского времени, похороненные в Котловском и Ананьинском могильниках с кусками руды и сплава бронзы⁴, являются потомками более древних местных металлургов.

¹ Из б. Казанской губ. — 12 экземпляров, из б. Вятской губ. — 2 экземпляра, из б. Пермской — 3 экземпляра и одна литейная форма, из б. Уфимской губ. — 18 экземпляров, из б. Оренбургской губ. — 2 экземпляра и одна литейная форма, из б. Самарской губ. — 5 экземпляров и из б. Саратовской губ. — 49 экземпляров.

² А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Тр. секции археологии РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 32.

³ А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 45.

⁴ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. Материалы по археологии Восточных губерний России, т. III, М., 1899, стр. 44—47 и 55.

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В позднем бронзовом веке Среднее Поднепровье имело большое историко-культурное значение. Об этом свидетельствует значительное количество найденных на его территории бронзовых орудий, предметов вооружения и украшений, относящихся к поздней поре бронзового века. Основная масса этих находок была сделана в днепровском Правобережье еще в до-революционное время.

По количеству находок бронзовых изделий Среднее Поднепровье ни в какой степени не уступает другим территориям Восточной Европы. Так, например, по подсчету, сделанному в 20-х годах XX в., в Среднем Поднепровье насчитывалось 77 находок бронзовых кельтов, тогда как на остальном просторанстве юга Европейской части СССР было найдено всего 125 кельтов. Характерно, что известная работа А. М. Таллгрена о бронзовом веке в Северном Причерноморье была написана в значительной степени на основании вещей, происходящих из Киевской губернии¹.

Исследованиями, произведенными в течение последнего десятилетия, выяснено, что предскифский период истории культуры земледельческих племен в лесостепи к западу от Днепра делится на два хронологических этапа: белогрудовский, соответствующий приблизительно XI—IX вв. до н. э., и чернолесский — VIII — первой половине VII в. до н. э. Идеально прослеживаемая эволюция местных форм керамики и ее орнаментации позволила установить, что эта культура развивается здесь и позднее. С конца VII в. до н. э. она приобретает скифскую окраску и перерастает в культуру «скифов-пахарей» Геродота, обитавших в лесостепной полосе между Днестром и Днестром.

Приведенная археологическая периодизация создавалась до настоящего времени преимущественно на основании изучения керамики. Ввиду этого наше представление об эволюции культуры в Среднем Поднепровье конца эпохи бронзы и начала железа оказалось в значительной степени односторонним. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы дать общий обзор металлических изделий доскифского периода этой территории и хотя бы предварительно восполнить имеющиеся недостатки в наших знаниях.

На интересующей нас территории преобладают одиночные находки. Клады встречаются редко, что в свое время было отмечено еще В. В. Хвойкой². Изредка встречаются небольшие клады каменных литейных форм и бракованные при литье бронзовые орудия. В Среднем Поднепровье находки бронз встречаются не одинаково часто. Основная масса их, как отмечалось, происходит из Правобережья, точнее из

¹ А. М. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsingki, 1926.

² В. В. Хвойка. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье. Тр. XIII АС, т. I, 1907, стр. 6—7; М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1928, стр. 41, табл. IV, рис. 1—4.

Киевской и Черкасской областей, где сосредоточены основные памятники белогрудовской и чернолесской культур. Изучение названных металлических изделий более всего способствует углублению разработки вопроса об этих культурах.

Количество металлических изделий, найденных при раскопках белогрудовских поселений, очень невелико. Среди них имеется крупное двуспиральное височное кольцо (рис. 5, 1)¹. Однако случайные находки таких колец довольно обычны для Среднего Поднепровья. Самая северо-западная находка височных колец данного типа известна из наиболее

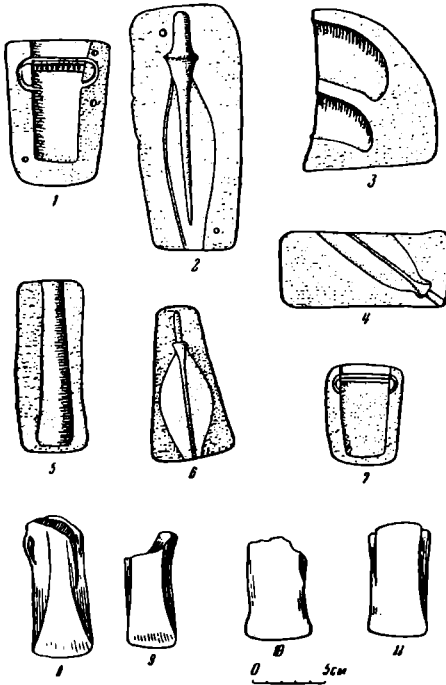

Рис. 1. Каменные литейные формы и бронзовые кельты (литейный брак)

1 и 2 — урочище Заречье близ с. Мазепинцы, Великополовецкого р-на, Киевской обл.; 3—7 — с. Деревьяное, Обуховского р-на, той же обл.; 8, 10, 11 — Среднее Поднепровье (точнее неизвестно); 9 — с. Стайки, Ржищевского р-на, Киевской обл.

раннего высочского могильника в с. Гончаривка (б. Бельзец), Львовской области, датируемого X—IX вв. до н. э.² Крайняя южная находка двуспирального височного кольца происходит из окрестностей г. Днепропетровска³; судя по ареалу распространения, такого рода височные кольца могут быть признаны в качестве украшений, особенно типичных для белогрудовской культуры.

На поселениях встречались также проволочные браслеты с заходящими концами⁴ и узкопластинчатые браслеты⁵.

Большой интерес для изучения белогрудовских бронз могли бы иметь литейные формы, найденные при раскопках поселений. К сожалению, ни одна из них не сохранилась полностью и не дает полного представления о соответствующих типах изделий. Лишь относительно одного обломка формы можно с некоторой уверенностью сказать, что в ней отливались одноушковые или двуушковые шестигранные кельты⁶.

Во всех известных нам случаях на белогрудовских поселениях встречались обломки только каменных литейных форм. В чернолесское же время (о чем подробнее будет сказано ниже) отливка бронзовых изделий производилась в глиняных формах, изготовлявшихся по восковой модели. Руководствуясь таким достаточно устойчивым техническим признаком, мы считаем возможным отнести к белогрудовской поре ряд каменных литейных форм позднего бронзового века, найденных в Среднем Поднепровье. Особенно интересны в этом отношении два небольших клада литейных форм, происходящих с территории Киевщины. Один клад, найденный в урочище Заречье, близ с. Мазепинцы, к северо-западу от г. Белая Церковь, состоял из

¹ С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 125, рис. 3, 4.

² T. Sulimirski. Kultura Wysocka. Kraków, 1931, табл. XXV, рис. 21; В. И. Канивец. Вопросы хронологии высочкой культуры. КСИИ, вып. 4, 1955, стр. 94.

³ Две бронзовые спирали у черепа в разрушенном погребении у с. Игрень, Синельниковского района. Разведка А. В. Бодянского в 1954 г.

⁴ С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко. Ук. соч., стр. 124, рис. 3, 3.

⁵ Там же, стр. 124, рис. 3, 1.

⁶ Там же, стр. 125, рис. 4.

формы для двушкового кельта и кинжала копьевидной формы (рис. 1, 1 и 2)¹. Другой клад, найденный в с. Деревьяном, близ с. Триполья, представлен формами для серпов, кинжалов, тесла и кельта (рис. 1, 3—7)². Все предметы, отливавшиеся в этих формах, являются хорошо известными и вполне типичными для позднесрубной культуры юга Восточной Европы, которую принято в общем датировать концом II — началом I тысячелетия до н. э.³ Ни один из названных предметов, с кото-

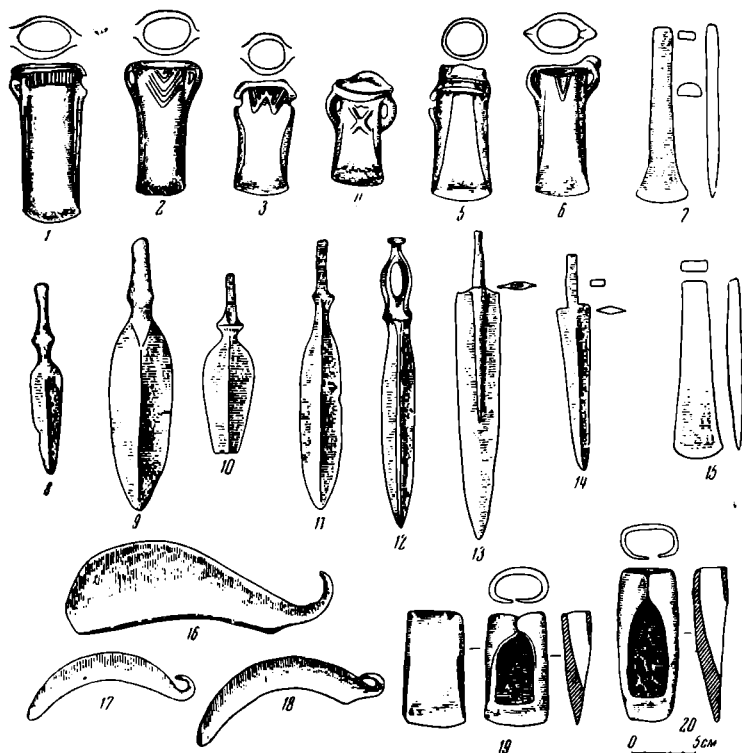

Рис. 2. Бронзовые орудия позднесрубного типа из Среднего Поднепровья

1 — юг б, Киевской губ.; 2 и 3 — б. Киевская и б. Камень-Подольская губ.; 4 — с. Балаклея, Смелянского р-на, Черкасской обл.; 5 — с. Хмельна, Каневского р-на, той же обл.; 6 — б. Киевская и б. Камень-Подольская губ.; 7 — с. Леплява, Черкасского р-на, Черкасской обл.; 8 — с. Грищенцы, Каневского р-на; 9 — г. Канев; 10 — с. Хмельна; 11 — б. Таращанский уезд, Киевской губ.; 12 — б. Каневский уезд; 13 — б. Черкасский уезд; 14 — юг б. Киевской губ.; 15 — с. Грищенцы; 16 — с. Леплява; 17 — с. Головатин, Смелянского р-на, Черкасской обл.; 18 — Корсунь-Шевченковский р-он, Черкасской обл.; 19 — б. Каневский уезд; 20 — б. Киевская и б. Подольская губ.

рыми знакомят нас клады литейных форм из Мазепинцев и Деревьяного, до сих пор не найден в культурных слоях собственно чернолесского времени. Не найдено в них также и других бронзовых изделий, которые были бы характерны для позднесрубной культуры. На основании приведенных данных мы приходим к важному для археологии Среднего Поднепровья выводу, что бронзовые изделия позднесрубных типов, встречающиеся в значительном количестве на данной территории, относятся здесь в основном к белогородовской, а может быть, отчасти, и к более ранней поре.

¹ G. Ossowski. Osada i odlewiarnia bronzów przedhistorycznych w Zariczju. Zbior' Wiadomosci do antropologii krajowej. Krakow, 1899, стр. 45 и сл.; A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 149, 150, рис. 86.

² В. В. Хвойка. Ук. соч., стр. 7; A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 148, рис. 83

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ. вып. XVII, 1948 стр. 157 и сл.

Рассмотрим подробнее формы позднесрубных бронзовых изделий, встречающихся в Среднем Поднепровье. Кельты матриц из Мазепинцев и Деревьяного одного типа: двуушковые с овальной втулкой, четырехгранные (с переходом в шестигранник) в разрезе. Кельт из Мазепинцев отличается тем, что он украшен вдоль втулки рельефом в виде лесенки. Из Среднего Поднепровья известны находки двух подобных кельтов. Один, происходящий из случайных находок, вполне аналогичен негативам наших литейных форм¹. Другой кельт (рис. 2, 1), происходящий из южной части Киевской губернии, отличается более крупными размерами и выглядит архаичнее. Может быть, он относится еще к добелогрудовскому времени.

В составе случайных находок из Среднего Поднепровья более обычны близкие по типу кельты, но с орнаментацией в виде заштрихованных треугольников, косых крестов и других простых фигур (рис. 2, 2—4). Кельты литейных форм из с. Каменки и южной части Киевской губернии имеют своим прототипом, по-видимому, кельты сейминского типа, украшавшиеся рельефными лесенками по краю и заштрихованными ромбами².

Каменная форма, обломок которой был найден на белогрудовском поселении около с. Собковки, служила, вероятно, для отливки шестигранных в разрезе кельтов. Хорошо сохранившийся экземпляр каменной литейной формы для двуушкового шестигранного кельта был найден при раскопках селища в урочище Бондариха, на южной окраине г. Изюма Харьковской области.

Поселение это относится к первым векам I тысячелетия до н. э., чем подтверждается белогрудовский возраст шестигранных кельтов. Находки кельтов такого типа (рис. 2, 5, 6) не менее обычны, чем предыдущего.

Кинжалы матриц из Мазепинцев и Деревьяного относятся к так называемому киммерийскому типу³. Кинжалы эти черешковые, копьевидной формы с кольцевидным утолщением в основании черешка и хордой, идущей по клинку. В Среднем Поднепровье таких кинжалов найдено не менее 15 экземпляров (рис. 2, 10, 11). В их серию можно еще включить один кинжал сосновомазинского типа с прорезной рукояткой и полукруглым навершием (рис. 2, 12), найденный в Каневском уезде (место находки точнее неизвестно). О. А. Гракова пишет о кинжалах данного типа, повсеместно встречающихся на нашем юге от западного Казахстана до Днестра, следующее: «Возникнув в конце II тысячелетия, формы развивались и получили широкое распространение в начале I тысячелетия, до н. э.»⁴. Как видим, такая датировка кинжалов с хордой вполне соответствует нашему представлению о связи каменных форм с белогрудовской культурой.

К белогрудовскому, а может, отчасти, и к более раннему времени следует отнести обычные для срубной культуры пластинчатые ножи с ромбическим расширением на черешке и листовидным обоюдоострым клинком. Количество находок которых в Среднем Поднепровье достигает 10 экземпляров (рис. 2, 9). По-видимому, наиболее ранним из их числа является нож, найденный в с. Грищенцы, Каневского района (рис. 2, 8), напоминающий по своему типу ножи катакомбной культуры.

С некоторой долей вероятности к белогрудовскому времени можно отнести и два бронзовых кинжала, происходящих из южной части Киевской губернии. Они имеют простой прямой черешок для рукоятки и продолговатый, сужающийся к острию клинок (рис. 2, 13 и 14). У одного кинжала по клинку идет хорда. В отличие от предыдущих кинжалов, их происхож-

¹ ИАК, 1911, вып. 40, стр. 55, рис. 15.

² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 год. М., 1916, стр. 194, рис. 45.

³ Е го же. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. секции археологии РАНИОН, т. II, 1928, стр. 55, рис. 13.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 162, рис. 20, 1.

дение нужно искать не в срубной, а в какой-то другой культуре. Возможно, что прототипом для них послужил кинжал Бессарабского клада, который датируется XIV—XII вв. до н. э.¹ Может быть также, что они связаны по своему происхождению с черешковыми кинжалами, имеющими параллельные лезвия и известными преимущественно по литейным формам Нижнего Поднепровья².

Бронзовые тесла, подобные по форме матрице из Деревьяного, происходят из сс. Леплявы и Грищенцы близ г. Канева (рис. 2, 7, 15). Они обычны также для позднесрубной культуры³. Бронзовые тесла с боковыми выступами, встречающиеся на Северном Кавказе, датируются уже началом железного века (VIII—VII вв. до н. э.)⁴. В эту историческую эпоху в Среднем Поднепровье тесла с выступами делались уже из железа.

Широкие крюкастые серпы, фрагментированная форма для которых имеется в кладах из Деревьяного (рис. 1, 3), обычны для позднесрубной культуры, хотя в Нижнем Поднепровье они встречаются редко. В Среднем Поднепровье были найдены два таких серпа; один — в с. Лепляве, на левом берегу Днепра, напротив Канева, место находки другого точно неизвестно (рис. 2, 16). Кроме того, на этой территории встречаются еще небольшие узкие крюкастые серпы восточного же типа (рис. 2, 17, 18). Трудно пока сказать, относятся ли эти небольшие серпы только к белогрудовскому времени или они одинаково употреблялись и в чернолесское время. Следует согласиться с мнением В. В. Хвойки, что бронзовые серпы редко находят в Среднем Поднепровье. По-видимому, на этой территории вместо них очень долго употребляли деревянные серпы с кремневыми вкладышами.

Очень интересными орудиями для Среднего Поднепровья служат бронзовые мотыги, похожие на кельты (рис. 2, 19, 20). Они имеют массивную клиновидную рабочую часть и незамкнутую втулку, образованную загибом откованных краев. Здесь они встречаются значительно чаще, чем на других территориях Восточной Европы⁵. Такие мотыги известны из с. Ржашева, с. Острова, с. Медведовки и г. Канева; местонахождение некоторых неизвестно. Наиболее западная находка происходит из с. Севериновки Винницкой области. Время распространения таких орудий еще не уточнено в археологии. Можно предполагать, что земледельческие орудия такой простой формы очень мало изменялись в течение небольших хронологических отрезков времени и одинаково могли употребляться как в эпоху белогрудовской культуры, так и позднее.

Находки бронзовых наконечников копий очень обычны для Среднего Поднепровья. Здесь они представлены теми же типами, какие известны и в области нижнего течения Днепра⁶. Среди них, несомненно, имеются наконечники как белогрудовского, так и чернолесского времени, но мы пока, к сожалению, ничего не можем сказать о признаках, по которым они могут различаться между собой. В частности, в Среднем Поднепровье были найдены три бронзовых наконечника копий с прорезьями в нижней части пера (рис. 3, 13). Местное производство этих наконечников подтверждается находкой каменной литейной формы в с. Иванковичи, Васильковского района, Киевской области (рис. 3, 14). Такого рода наконечники принято датировать самым концом бронзового века. А. М. Тальгрэн относит их к VIII—VII вв. до н. э.⁷ Однако каменная форма из Иванковичей может

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Бессарабский клад. М., 1949, стр. 28.

² Е е же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 142, рис. 33, 1, 2.

³ Там же, стр. 147, рис. 35, 14.

⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 107—108, рис. 20, 3 и рис. 43.

⁵ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 187, 188, рис. 104.

⁶ О. А. Кривцова - Гракова. Степное Поволжье..., стр. 143—146.

⁷ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 195—196, рис. 108, 8, 9, 11.

служить указанием на более ранний, белогрудовский возраст таких наконечников копий, с чем согласуется и их находка на позднесрубных памятниках нижнего течения Днепра.

Из г. Таращи происходит бронзовый клепаный из листов котел с двумя ручками на высоком поддоне¹ (так называемого киммерийского типа). Дата таких котлов определяется суммарно концом бронзового века. Они,

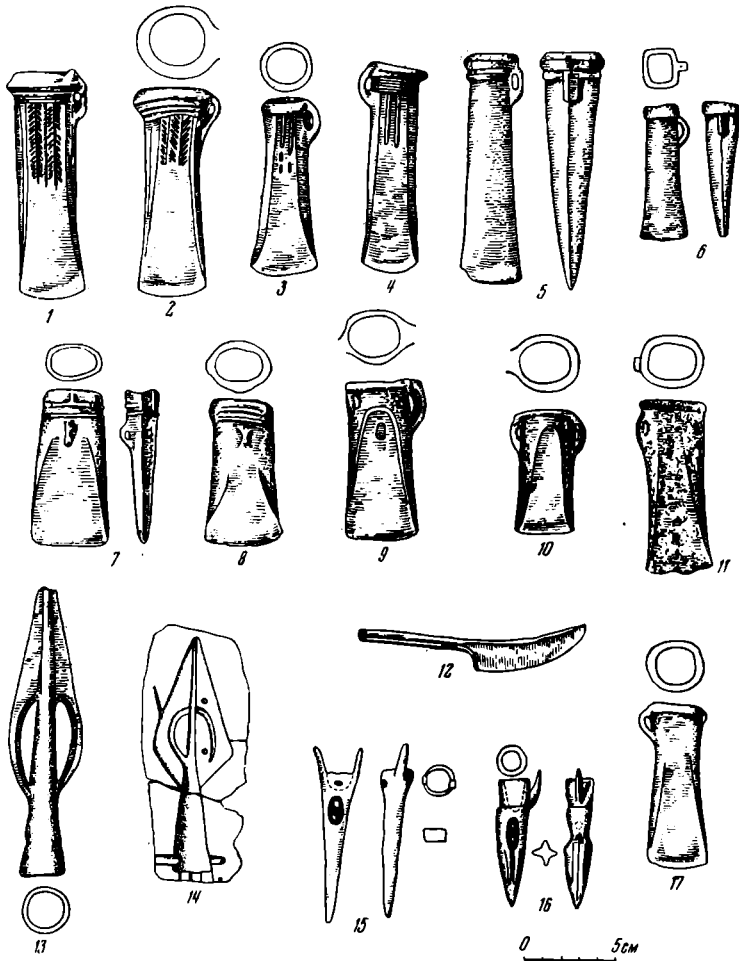

Рис. 3. Бронзовые и железные орудия белогрудовского и чернолесского времени

1 — Субботовское городище; 2 — с. Грушево, Ржищевского р-на, Киевской обл.; 3 — г. Переяслав-Хмельницкий, Киевской обл.; 4—6 — Среднее Поднепровье (точнее неизвестно); 7 — с. Субботово, Чигиринского р-на; 8 — Обуховский р-н, Киевской обл.; 9 — с. Кошеватое, 6. Киевской губ.; 10 — с. Витачев, Обуховского р-на, Киевской обл.; 11 — с. Зарубинцы, Переяслав-Хмельницкого р-на, Киевской обл.; 12 — б. Остерский уезд, Черниговской губ.; 13 — с. Хмельна, Каневского р-на, Черкасской обл.; 14 — с. Иванковичи, Васильковского р-на, Киевской обл.; 15 — с. Пищальники, Каневского р-на, Черкасской обл.; 16 — Среднее Поднепровье; 17 — б. Переяславский уезд, Полтавской губ.

как и большинство описанных бронзовых вещей, интересны, прежде всего, в качестве памятников восточных и южных влияний, распространившихся в эпоху поздней бронзы в Среднем Поднепровье.

Состав металлических изделий чернолесского времени выяснен значительно лучше и точнее, чем для белогрудовской поры. Особенно много данных о них дали раскопки, произведенные на Субботовском городище в

¹ N. Makarenko. La civilisation des Scythes et Hallstat. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 33 и 34, рис. 12.

Чигиринском районе Черкасской области¹. На городище найдены скопления отходов бронзолитейного производства, в числе которых оказалось до 200 обломков литейных форм, тиглей, льячек и других принадлежностей литейного дела. В отличие от белогрудовских, литейные формы здесь все глиняные, изготовленные по восковой модели. Почти все они служили для отливки различных типичных для чернолесской культуры браслетов с запором в виде бляшки и с рельефной орнаментацией, булавок и, возможно, некоторых других украшений. Один обломок происходил от формы для кельта. Здесь же были найдены глиняные стержни, служившие втулочными вкладышами в формы для кельтов. Признаки подобного бронзолитейного производства были обнаружены и при раскопках Лубенецкого городища в Смелянском районе Черкасской области².

Чернолесское время в Среднем Поднепровье отмечается, с одной стороны, большим ростом местного бронзолитейного производства и, с другой стороны, изменениями в его технике, сказавшимися в замене каменных форм глиняными, изготовлявшимися по восковой модели. Трудно пока сказать, откуда проник этот прием литья в Среднее Поднепровье к началу железного века. Наши сведения о распространении этого приема бронзолитейного производства в конце бронзового и начале железного века еще очень ограничены. Сошлемся лишь для примера на тот факт, что на территории Польши литье в глиняных формах по восковой модели находило применение в лужицкой культуре IV периода (1100—900 гг. до н. э.), особенно на Бискупинском городище (VI в. до н. э.)³.

Развитию местного бронзолитейного производства в Среднем Поднепровье сопутствовала выработка самостоятельных форм и орнаментации в бронзовых изделиях чернолесской культуры.

Важнейшей находкой на Субботовском городище при раскопках 1955 г. является бронзовый кельт, входивший в маленький клад. Ценность этой находки заключается в том, что ею документально устанавливается чернолесский возраст наиболее типичных для Среднего Поднепровья кельтов особого типа. Кельты эти, отличаясь стройностью форм, имеют одно ушко и обычно украшаются характерным елочным рельефным орнаментом (рис. 3, 1). В днепровском Правобережье их найдено около 30 экземпляров. Среди них имеются сильно фасетированные (рис. 3, 2), шестигранные и бедно украшенные кельты (рис. 3, 4).

По своим пропорциям эти кельты стоят ближе всего к группе поздних бронзовых кельтов Западной и Северной Европы. Прямые прототипы их на востоке отсутствуют. А. М. Тальгрэн отрицал импортное происхождение среднеднепровских одноушковых кельтов с елочным орнаментом⁴. Т. Сулимирский, наоборот, отрицает самостоятельность данного типа кельтов и, считая их производными от лужицких, предлагает называть «лужицко-украинскими»⁵. Такое сопоставление среднеднепровских кельтов с лужицкими, с нашей точки зрения, объясняется не столько действительным родством их форм, сколько ошибочным увлечением Т. Сулимирского идеей существования лужицкой культурной и этнической экспансии на Украине в начале железного века.

Не случайно, конечно, что позднее К. Журовский, описывая несколько подобных кельтов с Верхнего Поднепровья, безоговорочно присоединяется

¹ А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. КСИИМК, вып. 23, 1952, стр. 80—98; его же. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 100 и сл.

² Его же. Археологические исследования в окрестностях Смелы в 1952 г. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 74 и сл.

³ J. Kostrzewski. Wytwórszone metalurgiczna w Polsce. Przegląd archeologiczny, т. IX, Poznań, 1953, стр. 196—198.

⁴ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 182—184, рис. 105, 9, 10, 14.

⁵ Т. Сулимирский. Zagadnienie ekspansji kultury lужицkiej na Ukrainę. Wiadości archeologiczne, т. XIV. Warszawa, 1936, стр. 40—50, табл. XIII, 1а, б; табл. XI, 3, 9.

в своем взгляде на них к А. М. Тальгрёну и определяет их в качестве локального украинского типа¹. Действительно, в составе лужицких кельтов, исследованных Е. Шпрокгофом, нет аналогий среднеднепровским².

Большое количество находок бронзовых одноушковых кельтов с елочным орнаментом в Среднем Поднепровье, где они представлены наиболее развитыми формами, и самостоятельность этих форм позволяют считать их местными, типично чернолесскими кельтами.

Из Среднего Поднепровья имеется более десятка длинных кельтов с четырехгранной втулкой и одним ушком, посаженным ниже втулочного ободка (рис. 3, 5, 6). По своему типу они могут составлять особую подгруппу или вариант вышеописанных чернолесских кельтов. Несколько кельтов этого типа, найденных на территории Украины и хранившихся в Варшавском музее, были опубликованы А. Шланковной. Следуя И. Костржевскому, она ошибочно считает эти кельты французско-английскими и видит в них предметы западного импорта конца бронзового века на Украине³.

Из с. Субботово происходит также бронзовый кельт с ушком и усиками на лобной стороне (рис. 3, 7). Находка эта сделана еще в дореволюционное время, и нам неизвестна ее связь с Субботовским городищем. Из Среднего Поднепровья имеется еще один подобный же кельт (рис. 3, 8) и довольно много одноушковых и двуушковых кельтов с лобной плоскостью в виде арки (рис. 3, 9, 10). И те и другие кельты хорошо известны для срубной культуры⁴, что по-

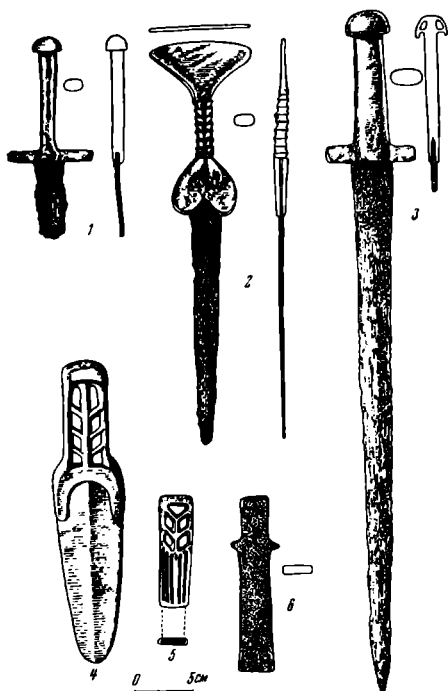

Рис. 4. Бронзовые и железные изделия чернолесской поры

1 — с. Головатин, Смелянского р-на, Черкасской обл.; 2 — с. Софиевка, Черкасского р-на, той же обл.; 3 — Среднее Поднепровье; 4 — с. Степанцы, Каневского р-на, Черкасской обл.; 5 — Среднее Поднепровье (точнее неизвестно); 6 — Субботовское городище

зволяет датировать их белогородским временем; но не исключено, что они употреблялись и на чернолесском этапе. В первую очередь это касается кельтов с ушком на передней стенке, которые, по справедливому мнению О. А. Граковой, следует считать наиболее поздними для срубной культуры.

В числе находок, сделанных в Среднем Поднепровье, следует упомянуть о нескольких бронзовых ножах с вогнутой спинкой, из которых только один нож целый. У последнего рукоятка сделана оригинально в виде длинной трубки (рис. 3, 12). Прямых аналогий в находках на других территориях он не имеет⁵, и мы не располагаем пока никакими данными для датировки таких ножей белогородским или чернолесским временем.

¹ K. Zurowski. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. Przegląd archeologiczny, т. VIII, Poznań, 1949, стр. 181, табл. XIV.

² E. Sprockhoff. Die Lausitzer Tüllenbeil. Prähistorische Zeitschrift, т. XXXIV/V, 1949/50, ч. I. Berlin, 1950, рис. 7, 10.

³ A. Szłankówna. Kilka importów starożytnych i zachodnioeuropejskich z południowo-wschodniej Polski i Ukrainy. Światowit, т. XVII, Warszawa, 1938, стр. 302—304, рис. 7 и 8.

⁴ О. А. Кривоцова - Гракова. Степное Поволжье..., стр. 150.

⁵ А. М. Тальгрён. Ук. соч., стр. 143, рис. 34, 36.

Наконец, интересными образцами местного бронзолитейного производства могут служить два гарпуна поворотного типа. Один, происходящий из с. Пищальники, Каневского района, имеет четырехгранную форму и снабжен двумя зубцами (рис. 3, 15). Второй гарпун, место находки которого точно неизвестно, внешне похож на очень крупный скифский наконечник стрелы; он имеет четырехгранный в разрезе наконечник и снабжен одним зубцом (рис. 3, 16). Оба гарпуна отлиты в формах по восковой модели, руководствуясь чем, мы считаем возможным отнести их к чернолесской поре.

Железодельное производство возникает в Восточной Европе в конце II тысячелетия до н. э.¹ К той же исторической поре относятся древнейшие данные об использовании железа в Среднем Поднепровье². Более широкое распространение этот новый металл получает в эпоху чернолесской культуры, для которой мы располагаем небольшой, но очень интересной серией изделий из железа.

Смена одного металла другим в Среднем Поднепровье происходила постепенно, как и на других территориях Европы и Азии. Первые железные орудия иногда делались здесь в точности по образцам, отливавшимся из бронзы. Так, из с. Зарубинцы происходит одноушковый железный кельт (рис. 3, 11), аналогией которого может служить бронзовый кельт, найденный в Переяславском районе (рис. 3, 17).

Зачастую у предметов вооружения из нового металла отковывались только клинки, а рукояти по-прежнему отливались из бронзы. Так, известен железный кинжал с утраченным клинком и бронзовой ажурной рукоятью, отлитой в форме по восковой модели (рис. 4, 5), являющийся аналогией бронзовому кинжалу с такой же ажурной рукоятью. Первая находка принадлежит к числу «беспаспортных», вторая происходит из с. Степанцы, к северо-западу от г. Канева (рис. 4, 4)³. Лучшим образцом местного кузнечного и литейного производства служит железный меч с бронзовой рукояткой и крестовидным эфесом, хранящийся в Киевском историческом музее (рис. 4, 3). Подобный ему железный кинжал с бронзовой рукояткой был найден в с. Головатине, Смелянского района, Черкасской области (рис. 4, 1). Из с. Софиевки, находящегося к северо-западу от г. Черкассы, происходит железный кинжал с оригинальной бронзовой рукояткой, имеющей широкое плоское треугольное навершие, ребристый держак и сердцевидный эфес (рис. 4, 2).

Все перечисленные предметы вооружения обращают на себя внимание особым местным своеобразием форм. В этом отношении сильнее всего выделяются кинжалы с ажурными рукоятками, для которых нельзя указать аналогий на других территориях. Очевидно, они являются локальными и типичными для чернолесской культуры. Меч и кинжал с бронзовыми крестовидными эфесами можно рассматривать в качестве вариантов мало изученной категории вооружения начала железного века, впервые выделенной в результате изучения могильников VIII—VII вв. до н. э. в Кабарде⁴. Имеются и более отдаленные параллели, например, бронзовые кинжалы и меч с «перекрестием» в виде выступов-лопастей переходного от карасукского к тагарскому времени в Сибири⁵.

¹ Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 38 и сл.; сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг.». М.—Л., 1941, стр. 156—157; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 37—39.

² О. І. Тереножкін. Поселення білогородівського типу біля Умані. Археологія, т. V. Киев, 1951, стр. 180.

³ А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 201—202, рис. 109, 5.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. V. Нальчик, 1956, стр. 263.

⁵ М. П. Грязнов. Памятники Маймирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9—17, рис. 5, 1, 6; Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, вып. 60. 1955, стр. 136, рис. 57, 1.

Железный кинжал с бронзовой реберчатой рукояткой из с. Софиевки весьма самобытен. Только наличие у него сердцевидного эфеса говорит о том, что на его типе уже самым определенным образом отразилось влияние зарождающейся скифской степной культуры.

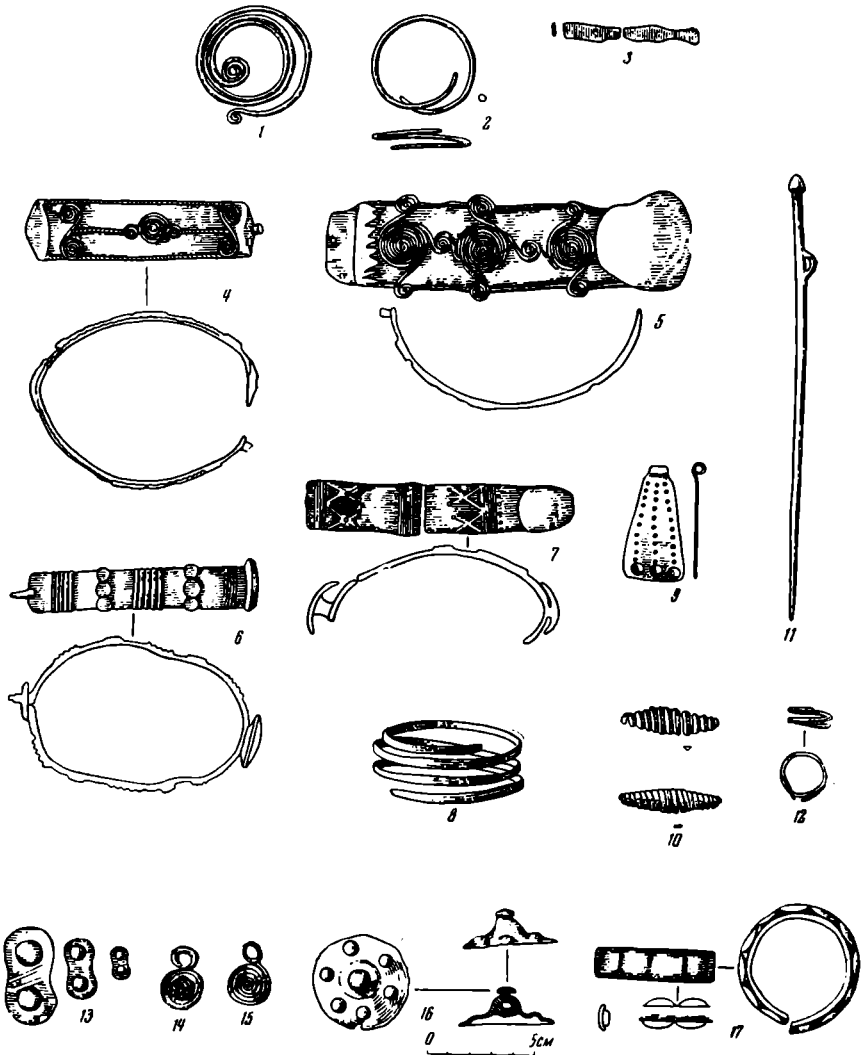

Рис. 5. Бронзовые украшения белогрудовской (1—3) и чернолесской поры (4—17)

1—3 — с. Собковка, Уманьского р-на, Черкасской обл.; 4 — Субботовское городище, Чигиринского р-на, той же обл.; 5—6. Каневский уезд; 6—пос. Ржищево, Киевской обл.; 7 — с. Грищенцы, Каневского р-на, Черкасской обл.; 8 — Субботовское городище; 9 и 10 — Залевкинское городище, Смелянского р-на, Черкасской обл.; 11 — с. Райки, Бердичевского р-на, Житомирской обл.; 12—14 — Субботовское городище; 15 — Среднее Поднепровье; 16 — Субботовское городище; 17 — Залевкинское городище

Из числа известных для чернолесской культуры железных изделий нам остается упомянуть тесло с боковыми выступами, найденное при раскопках на Субботовском городище в 1955 г. (рис. 4, 6). Тесло это является древнейшим датированным образцом таких орудий в Поднепровье, лучше известных здесь по находкам раннескифского времени. Они, по-видимому, ничем не отличаются от железных тесел гальштатского типа в Западной Европе. Бронзовые аналогии им с Северного Кавказа упоминались нами уже выше.

Среди украшений чернолесской культуры первое место по количеству находок занимают браслеты особого типа, производившиеся в большом количестве в приднепровских городищах и поселениях. Браслеты имеют вид овального или реже круглого бронзового литого пластинчатого обручика, запирающегося с помощью круглой бляшки с отверстием на одном конце и штифта — на другом; они украшены спиральной линейной и точечной орнаментацией (рис. 5, 4—7)¹. Матрицы литейных форм с Субботовского городища знакомят нас не только с пластинчатыми, но и с массивными круглыми в разрезе браслетами такого же устройства; однако среди находок готовых изделий подобные браслеты еще не встречены. Известны также спиральные браслеты (рис. 5, 8) и браслеты, украшенные выпуклинами в виде четок (рис. 5, 17).

Наряду с браслетами для чернолесского времени известен еще целый ряд других бронзовых украшений, а именно: гвоздевидные булавки с боковой петлей (рис. 5, 11), трапециевидные подвески с пунсонным орнаментом (рис. 5, 9), цилиндрические пронизи из листовой бронзы и биконические пронизи из спирально закрученной проволоки (рис. 5, 10), спиральные кольца (рис. 5, 12), парные штампованные бляшки (рис. 5, 13), спиральные височные кольца (рис. 5, 14, 15), бляшки от конской уздечки (рис. 5, 16) и др.

Самыми типичными украшениями чернолесского времени служат уже упомянутые выше браслеты с запором в виде бляшки и штифта. Территория распространения таких браслетов строго ограничена Поднепровьем (в пределах Киевской и Черкасской областей). А. М. Тальгрэн удачно подметил некоторое стилистическое сродство их с украшениями круга фракийского гальштата в Днестро-Дунайском бассейне (клад из Фокору)². Однако приднепровские браслеты вполне оригинальны и не имеют себе аналогий в находках на других территориях. Это позволяет видеть в них наиболее характерные для чернолесской культуры бронзовые украшения. Столь же типичными украшениями являются односпиральные височные кольца и гвоздевидные булавки с боковой петлей.

Перечисленные выше другие бронзовые украшения имели значительно более широкое распространение, встречаясь не только в Поднепровье, но, например, на Кавказе (спиральные и цилиндрические пронизи) и в Средней Европе (четковидные браслеты, трапециевидные подвески).

Большой исторический интерес представляет вопрос о связях Среднего Поднепровья в конце бронзового века с областями Центральной Европы.

Яркими памятниками более древних, чем белогрудовское время, связей с этой частью Европы могут служить бронзовый топор с приподнятыми краями (рис. 6, 1) и топор чешского типа с пяткой (рис. 6, 2), найденные в Каневском уезде (точнее неизвестно). Такого рода орудия, по И. Костржевскому, датируются II периодом бронзового века в Польше (1500—1300 гг. до н. э.)³. Более изобильным западным импорт в Среднем Поднепровье становится в IV (1100—900 гг. до н. э.) и в V (900—700 гг. до н. э.) периодах бронзового века. В его составе заметно преобладают изделия, поступавшие с территории Румынии и Венгрии. Нужно думать, что привозные бронзовые изделия поступали в Среднее Поднепровье через западные области УССР из Закарпатья и Семиградья, где в ту эпоху находился один из крупнейших центров бронзолитейного производства в Средней Европе. Имеются в Поднепровье бронзовые изделия и лужицкого происхождения.

В числе семиградских бронз, найденных в области Среднего Подне-

¹ А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, стр. 87 и сл., рис. 27—29.

² А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 206.

³ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 87—89.

провья (места находок точнее неизвестны) можно назвать кельт с приостренным краем втулки (рис. 6, 7) и кельт с пластически украшенной ребристой втулкой (рис. 6, 6). Из с. Луки, Таращанского района, происходит типичный семиградский кельт V периода бронзы со скошенной рабочей частью (рис. 6, 13).

В Среднем Поднепровье имеется много бронзовых долот местного производства. Наряду с ними изредка встречаются и импортные долота. К числу последних определеннее всего принадлежат, например, два долота семиградских типов (рис. 6, 8, 9), найденные в маленьком кладе вместе с чернолесской гвоздевидной булавкой с боковой петлей. Клад этот был обнаружен при раскопках древнеславянского поселения около с. Лука-Райковецкая (к югу от г. Житомира), производившихся В. К. Гончаровым в 1948 г.¹ Среди бронзовых изделий, которые были более или менее одинаково распространены в Венгрии, Румынии, Чехии и Польше, в Среднем Поднепровье найдены следующие: четыре наконечника копий с ребрами, идущими вдоль втулки (рис. 6, 14 и 16), фрагменты четырех серпов с ребром, идущим вдоль края, и коническим выступом на рукояти (рис. 6,

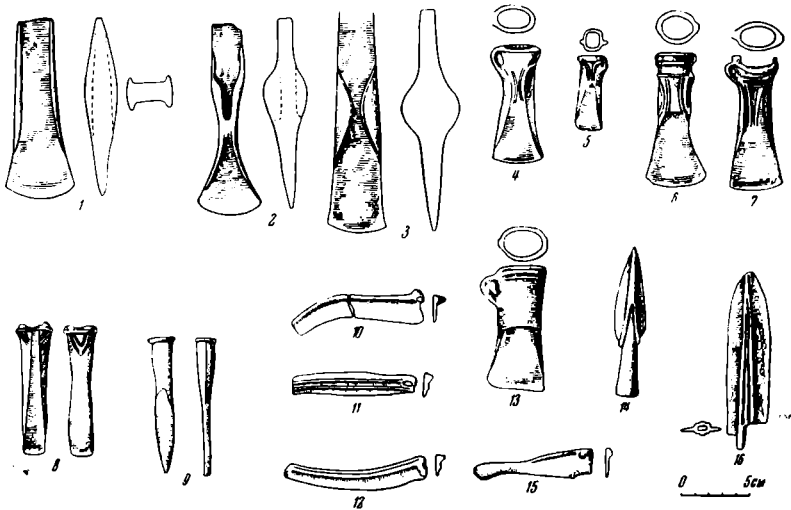

Рис. 6. Бронзовые орудия средневропейского происхождения из Среднего Поднепровья

1—2 — б. Каневский уезд, Киевской губ.; 3 — Чернигов, Елецкий монастырь; 4 — с. Козиевка, Каневского уезда; 5 — Каменец-Подольская губ.; 6 и 7 — Среднее Поднепровье (точнее неизвестно); 8 и 9 — с. Райки, Бердичевского р-на, Житомирской обл.; 10 — с. Хмельна, Каневского р-на, Черкасской обл.; 11 и 12 — Среднее Поднепровье (точнее неизвестно); 13 — с. Лука, Таращанского р-на, Киевской обл.; 14 — б. Киевская губ.; 15 и 16 — с. Леплява, Черкасского р-на, Черкасской обл.

10, 11). Маленькую группу находок в Среднем Поднепровье составляют бронзовые поделки, похожие по внешнему виду на бритвы (рис. 6, 12, 15). Они, подобно упомянутым европейским серпам, имеют по краю ребро. Судя по этому конструктивному признаку, не свойственному восточным бронзам, эти «бритвы» также происходят с запада; однако аналогий им мы указать не можем.

Лужицкие бронзовые изделия IV периода бронзы представлены топором с боковыми выступами в виде загнутых крыльев, найденным в г. Чернигове (рис. 6, 3). Имеются три типичных лужицких одношковых кельта, из которых один происходит из Подолии, а два, по-видимому, из Каневского уезда (рис. 6, 5)².

¹ Пользуясь случаем, выражаю В. К. Гончарову благодарность за разрешение использовать эти вещи в данной статье.

² A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 181, рис. 105, 2, 7; стр. 184 и 185. T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury lużickiej na Ukrainie. Wiadomości archeologiczne, т. XIV, табл. 11, 2.

Наиболее южная находка лужицких кельтов на территории Украины известна по кладу из с. Коблева на Тилигульском лимане¹. По Е. Шпрокгофу, все они входят в группу старших лужицких кельтов, которые датируются V периодом бронзы². Бронзовая чаша, трапециевидные подвески с точечным орнаментом и четкообразный браслет Зелевкинского клада³, по-видимому, имеют гальштатское происхождение. В Среднем Поднепровье иногда встречаются бронзовые булавки семиградского типа с тремя-четырьмя выступами на стержне. Ни с одной из местных культур они пока не связаны.

Имеются и другие различные бронзовые украшения, относительно которых не всегда можно уверенно сказать, являются ли они предметами среднеевропейского ввоза или имеют местное происхождение.

В заключение нужно отметить, что вещи типов фракийского гальштага в духе изделий Михалковского клада, клада из Фокору и других почти совершенно не встречаются в Среднем Поднепровье. К их числу, например, принадлежит одна «крылатая» пронизь из-под Переяслава-Хмельницкого, подобная золотым пронизям Михалковского клада.

Оживленные связи Среднего Поднепровья с Кавказом устанавливаются в конце изучаемого периода. Зародившись в чернолесское время в результате крупных изменений политической обстановки на юге Восточной Европы, обусловленных походами киммерийцев и скифов в страны Передней Азии и вторжением с востока кочевых скифов в Северное Причерноморье, эти связи стойко сохраняются в дальнейшем. То обстоятельство, что о связях Кавказа со Средним Поднепровьем в предскифское и скифское время неоднократно писали А. А. Иессен⁴ и Е. И. Крупнов, позволяет нам в данном случае ограничиться приведением перечня наиболее известных предметов кавказского происхождения, найденных на указанной территории.

Среди них имеются следующие вещи: бронзовые клепаные сосуды со звериными ручками, которые ошибочно считались ранее гальштатскими, гравированный пояс из с. Подгорцы, Обуховского района, Киевской области, двукольчатые удила кобанского типа, закавказские удила с большими шипами, кобанский топор из г. Лубны.

Некоторые изделия кавказского производства вызвали местные подражания. Определеннее всего это можно сказать, например, об удилах и псалнях кобанского типа, иногда имеющих в Среднем Поднепровье заметные локальные особенности. Ввиду того, что влияние кавказской металлургии начало сказываться сравнительно поздно, можно думать, что оно не могло существенно отразиться на формировании местной культуры предскифской поры.

Культура VIII — первой половины VII в. до н. э. в степях Северного Причерноморья, соответствующая эпохе чернолесских городищ и поселений области среднего течения Днепра, продолжает до сих пор оставаться очень слабо освещенной в науке. В течение этого времени под давлением кочевых скифов в степной полосе повсеместно сильно сокращается область оседлости земледельческой срубной культуры бронзового века. Ее наиболее поздними памятниками, как показали новейшие исследования, являются поселения около сс. Верхний Рогачик (раскопки Д. Т. Березовца), Змиевки (раскопки А. В. Буракова), Бабино⁵ и верхние слои

¹ О. Н. Кривцова - Гракова. Степное Поволжье..., стр. 137, рис. 32, 23.

² E. Sprockhoff. Ук. соч., стр. 130.

³ П. М. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Киев, 1949, стр. 230, рис. 7, 6.

⁴ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья Л., 1947, стр. 42—44.

⁵ В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 19 и сл.

весьма интересного по стратиграфии поселения у с. Ушкалки (раскопки Д. Я. Телегина) в Запорожской области.

Есть основания предполагать, что некоторые из них доживают до начала VIII в. до н. э. С ними связаны впускные скорченные захоронения в различных курганах, сопровождающиеся узкогорлыми лощеными сосудами, и такие памятники, как Лукьяновский курган, в котором найдена бронзовая смычковая фибула, и, наконец, известный Широкий курган близ с. Малая Лепетиха, из которого происходит древнейший на северном побережье Черного моря железный кинжал с бронзовой рукояткой.

Наиболее ранними известными здесь памятниками кочевников являются Камышевахский и Черногоровский курганы. Близки к ним по времени курганы Малая Цимбалка и Обрывский.

Будучи в общем синхронными чернолесской ступени развития культуры в Среднем Поднепровье, они непосредственно подводят исследователя к началу скифского периода¹.

С культурой этих племен южнорусских степей предскифского времени (т. е. до формирования Скифии как политического объединения) было связано распространение многих новых типов вооружения и других различных металлических изделий, в том числе бронзовых удил со стремявидными петлями на концах и уздечных бляшек. Следует отметить, что последние в Среднем Поднепровье получили чернолесское оформление — бегущими спиралями. Дальнейшими культурными влияниями степных племен обусловлено широкое проникновение в украинскую лесостепь скифских элементов, обзор которых выходит уже за рамки настоящей статьи.

Белоградско-чернолесские племена не только воспринимали влияние со стороны, но, в свою очередь, оказывали существенное воздействие на развитие культуры соседних территорий. Так, через посредство белоградских племен на запад проникали некоторые

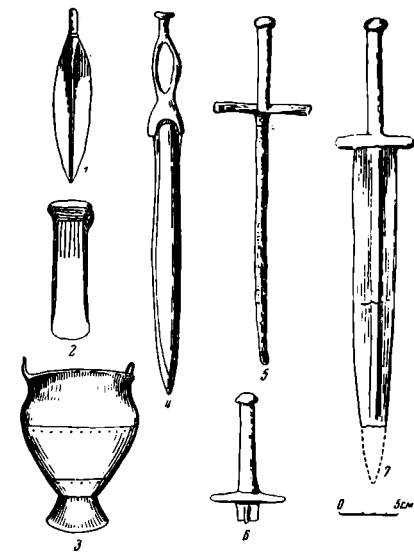

Рис. 7. Бронзовые и железные предметы среднеднепровского типа на Западе

1 — с. Грушка, Отыняцкого р-на, Станиславской обл.; 2 — с. Борисовцы, Борщевского р-на, Тернопольской обл.; 3 — с. Антонины, Хмельницкой обл.; 4 — с. Рожубовичи, Нижанковичского р-на, Дрогобычской обл.; 5 — Семиградье (Румыния); 6 — Ноиндорф, Силезия (Польша); 7 — Каморно (Словакия)

бронзовые изделия позднесрубных типов, которые в работах польских археологов называются восточными, или, вслед за А. М. Тальгреном, понтийскими. Из западных областей УССР известны шестигранные кельты, киммерийский кинжал кольцевидной формы с нервной и кольцевидным утолщением у основания черешка (рис. 7, 1), бронзовый клепаный двуручный котел на ножке киммерийского типа (рис. 7, 3). Из с. Рожубовичи, близ г. Перемышля, происходит бронзовый кинжал с прорезной рукояткой и полукруглым навершием сосновомазинского типа (рис. 7, 4).

Здесь же найдено несколько длинных одноушковых кельтов среднеднепровского происхождения, которые, по нашему определению, являются чернолесскими (рис. 7, 2)². В кладе, найденном в Познани (Польша), оказались два бронзовых одноушковых кельта с четырехгранной втулкой.

¹ А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 7, 10.

² К. Zirowski. Ук. соч., стр. 181, табл. XIV, рис. 1—4.

И. Костржевский определил их как французско-английские и признал предметами западного импорта в Польше¹. Несмотря на вполне обоснованные возражения, сделанные ему А. М. Тальгреном, который доказывал на основании украинских материалов, что кельты эти являются не английскими, а имеют восточное происхождение², И. Костржевский и в настоящее время продолжает придерживаться ранее высказанного взгляда³. В свете вышеприведенных данных о кельтах этого типа из Среднего Поднепровья становится очевидной ошибка И. Костржевского, приписавшего кельтам из Познани западное происхождение, а также и А. Шланковны, которая, как уже упоминалось, таким же образом признала в качестве западных и импортных бронзовые кельты с четырехугольной втулкой, найденные на Украине.

Результатами распространения чернолесского влияния объясняется также случай находки в Семиградье железного кинжала с бронзовой крестовидной рукояткой (рис. 7, 5), который был условно отнесен М. Роска к числу скифских древностей⁴.

Крайне интересно, что из Ноиндорфа в Силезии (рис. 7, 6) и из Каморно в Словакии (рис. 7, 7) происходят для бронзовых кинжала, имеющие такие же крестовидные рукояти, какие мы видим у меча из Киевского исторического музея и у кинжала из с. Головятин. Зависимость кинжалов из Ноиндорфа и Каморно от чернолесской культуры становится тем более очевидной, что они совершенно чужды по своему типу кинжалам и мечам Западной Европы. Исследователь датирует их VIII в. до н. э.⁵, т. е. именно тем временем, которое соответствует наиболее высокому уровню развития чернолесской культуры.

Вместе с восточным материалом в Среднюю Европу проникают белогрудовские и чернолесские формы керамики с характерной для них орнаментацией. Ярче всего эти восточные влияния сказались на высококой культуре в Львовской области и на южнопольской тарнобжегской группе лужицкой культуры, для которых характерны тюльпановидные сосуды, украшенные гладким и расчлененным ямочными вдавлениями валиком по плечу и сквозными проколами по краю.

Обзор бронзовых и железных изделий предскифской поры (XI—VII вв. до н. э.), найденных в Среднем Поднепровье, в основном в области распространения белогрудовской и чернолесской культур, позволяет сделать следующие выводы.

Крайняя ограниченность медных месторождений в южной половине Восточной Европы отрицательно сказывалась на развитии производительных сил у обитавших здесь племен. В днепровском Правобережье в белогрудовское время недостаток меди, как и ранее, продолжали широко возмещать употреблением каменных орудий. На Волыни, где традиции оказались особенно стойкими, каменные шлифованные топоры и деревянные серпы с кремневыми вкладышами продолжали применять даже в начале скифского периода.

Главные источники бронзы (как металла) для Среднего Поднепровья должны были находиться на западе. Она, по-видимому, поступала сюда главным образом из Закарпатья и Семиградья, через западные области Украины. А. М. Тальгрэн был убежден, что страны Дунайского бассейна послужили главным фактором в сложении культуры позднего бронзового века в Поднепровье.

¹ J. Kostrzewski. Der Depotfund vor Chrzypsko Kreis Birnbaum. Praehistorische Zeitschrift, т. VII, 1915, стр. 74 и сл., рис. 1.

² А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 186 и 187.

³ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach, стр. 119, рис. 305.

⁴ M. Roska. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens. ESA, XI, Helsingi, 1937, стр. 190, рис. 6 на 171 стр.

⁵ S. Podkowińska. Miecze bronzowe z Wojciechowic w pow. jędrzejowskim w woj. Kieleckiem. Swiatowit, т. XV, Варшава, 1933, стр. 120—124, рис. 2—3.

Такой же точки зрения на особую роль фракийского мира на востоке придерживается и Т. Сулимирский. Вместе с тем он особое внимание придает конструктивной роли лужицкой культуры в лесостепной полосе Украины и даже настаивает на существовании этнической и культурной экспансии лужицких племен на востоке. Однако взгляды эти не соответствуют исторической действительности.

Изучение основных масс бронзовых изделий эпохи поздней бронзы в Среднем Поднепровье показывает, что белогрудовская культура по характерным для нее формам и типам вещей находилась в прямой зависимости от влияния позднесрубной культуры нашего юга, а не от культур Средней Европы.

Влияние этой культуры здесь не ограничивалось только распространением металлических изделий срубных типов; оно проникало глубже. Находки небольших кладов литейных форм и обломков на белогрудовских поселениях показывают, что местное бронзолитейное производство в то время целиком обязано воздействию срубной культуры.

А. М. Тальгрэн, писавший о бронзовом веке в Северном Причерноморье преимущественно на основании металлических вещей, даже не заметил глубоких различий, существовавших в ту пору в культуре степной и лесостепной полос Украины. Фактически он смешивал их между собой.

В настоящее время в составе бронзовых изделий белогрудовской культуры мы в качестве местной формы можем выделить лишь двуспиральные височные кольца.

С запада готовые бронзовые изделия поступали в Среднее Поднепровье лишь в небольшом количестве. Замечательно при этом, что здесь до сих пор не найдено ни одной литейной формы, которая служила бы для отливки изделий средневропейских типов. В этом мы видим прямое доказательство того, что влияние запада, в том числе семиградско-венгерского центра металлургии позднего бронзового века и лужицкой культуры, в Среднем Поднепровье оставалось поверхностным.

В чернолесское время состав и типы бронзовых изделий в Среднем Поднепровье сильно изменяются. Лишь некоторые из изделий сохраняют свою преемственность от срубных форм (это, по-видимому, может иметь место в отношении некоторых типов кельтов).

На основе значительного развития производства в Среднем Поднепровье складывается во многом новый комплекс специфически местных типов и орнаментации металлических орудий труда, предметов вооружения и украшений. Начинается железный век. Становятся постояннее и интенсивнее сношения с внешним миром, вследствие чего чернолесская культура обогащается, но не теряет своего собственного облика. На востоке ее связи протягиваются на Кавказ и даже до Томска и Южного Алтая, как о том можно судить по распространению железных и бронзовых кинжалов и мечей с крестовидными рукоятками и полукруглыми навершиями.

Большое значение в ее формировании сыграли и связи с западом. Однако распространенное в зарубежной науке представление о том, что по составу металлических изделий Среднее Поднепровье в конце бронзового века оказалось в прямой зависимости от «фракийского» Семиградья или от лужицкой культуры, не обосновано. Такое представление зародилось у некоторых ученых в результате недостаточной осведомленности их в археологии Украины, а отчасти благодаря одностороннему освещению фактов. Ни с чем несообразными являются заявления о существовании в эту историческую эпоху передвижений крупных этнических групп на территорию Украины, фракийской или лужицкой экспансиях.

Связь с западом в данном случае можно назвать взаимодействием. Примером такого взаимодействия могут служить чернолесские кельты с элочным орнаментом. О них нельзя сказать, что они происходят от лужицких, как это думал Т. Сулимирский. Чернолесские кельты, подобно лужицким и некоторым типам венгерских, одноушковые и имеют удли-

ненные пропорции. В общем же как по форме, так и по орнаментации чернолесские кельты составляют вполне самостоятельный тип, характерные особенности которого выражены не менее отчетливо, чем у лужицких и венгерских кельтов.

Ошибочные истолкования некоторых археологических данных Среднего Поднепровья (или шире — украинской лесостепи), получившие распространение в науке, продолжают отрицательно отражаться на развитии знаний по истории культуры и истории древних племен и народностей, обитавших в Восточной и Центральной Европе. Ничем не обоснованное мнение о том, что существование глубокой лужицкой экспансии в пределы украинской лесостепи во второй четверти I тысячелетия до н. э. якобы уже доказано археологами (И. Костржевским, Л. Козловским, Т. Сулимирским), служит, например, одной из опор в постановке проблемы этногенеза славян в новейших исследованиях известного языковеда-слависта Т. Лер-Сплавинского¹.

Влияние культур Среднего Поднепровья предскифского времени в Центральной Европе еще недостаточно выяснено, но оно заслуживает пристального внимания исследователей. То, что нам известно о проникновении восточных элементов в западные области Украины и в южную часть Польши, говорит о том, что они должны были иметь немалое историко-культурное значение.

---

¹ T. Lehr-Splawiński. Wspólnota językowa balto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian. *Slawia antiqua*, т. IV, Poznań — Wrocław, 1953, стр. 10 и сл.; Т. Лер-Сплавинский. Новая попытка освещения проблемы происхождения славян. ВЯ, 1955, № 1, стр. 152 и сл.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Вопрос об этническом составе древнего населения междуречья Волги и Оки — области, где в течение средневековья сложилась великорусская народность, — привлекает к себе пристальное внимание исследователей. В трудах археологов, этнографов, антропологов и лингвистов делаются попытки выяснить, что представляло собой древнейшее население этого лесного края и в каком отношении к нему стояли поволжские финно-угорские племена. Очень интересными являются наблюдения, свидетельствующие о пропикновении сюда еще в отдаленной древности индоевропейских этнических элементов, оказавших значительное влияние на местных жителей и подготовивших почву для последующего распространения в западных частях междуречья балтийского (лето-литовского) и славянского населения. Особенной популярностью пользуется тема о взаимоотношениях славянских и финно-угорских племен в I тысячелетии н. э., подводящая нас вплотную к проблеме формирования русского населения в восточной части междуречья — в области Владимиро-Суздальской Руси. Этой последней теме, наиболее хорошо освещенной в литературе, посвящена и настоящая статья.

I

После длительной дискуссии вокруг «мерянского вопроса», возникшей в середине прошлого века благодаря известными раскопкам А. С. Уварова¹, вопросом состава населения Владимиро-Суздальской Руси IX—XII вв. занялся А. А. Спицын. В 1905 г. он решительно выступил против А. С. Уварова, относившего курганы восточной части междуречья Волги и Оки к мерянским древностям. А. А. Спицын установил, что курганы этой области принадлежали русскому населению, среди которого мерянский и другой финский элемент был незначительным². Вывод А. А. Спицына успешно выдержал проверку временем. Сейчас, спустя 50 лет, он полностью сохраняет свою силу.

Неизвестные А. С. Уварову древности поволжских финно-угорских племен середины и второй половины I тысячелетия н. э. — мери, муромы, черемисы, мордвы — были исследованы в конце прошлого века благодаря работам Ф. А. Уварова, А. В. Селиванова, А. И. Черепнина, В. А. Городцова, А. А. Спицына и др. В настоящее время археология располагает весьма значительным материалом, позволяющим охарактеризовать отдельные племена, определить, где и когда они проживали, и, наконец, обрисовать ход их взаимоотношений со славяно-русским населением. Особенно многим в этом отношении археологическая наука обязана П. П. Ефименко, П. С. Рыкову, Д. Н. Эдингу, А. И. Иванову, П. П. Иванову, а за последние годы А. Ф. Дубынину. Недавно А. П. Смирновым

¹ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I АС, т. II. М., 1871, стр. 633—847.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 166.

был дан обобщающий очерк значительной части этих материалов¹, что позволяет мне при освещении древностей поволжских племен ограничиться самыми краткими суммирующими замечаниями.

На основании археологических данных — материалов могильников и поселений — можно говорить о значительном сходстве, о близком родстве культуры всех поволжских племен: мордвы, муромы, мари, мери и мешеры (если считать, что последняя являлась особым племенем). Об этом говорит одинаковый у всех племен ассортимент орудий труда, сходный облик жилищ, в общем однообразный костюм, изобилующий металлическими украшениями, одинаковая погребальная обрядность и др. Ряд особенностей культуры поволжских племен находит себе близкие параллели в культуре родственных им племен Прикамья. Некоторая общность вкусов обнаруживается у них и с чудскими племенами Прибалтики, что проявляется, прежде всего, в металлических украшениях костюма. Совсем иная картина выявляется при сравнении финно-угорских древностей с одновременными славянскими или славяно-балтийскими². Последние говорят об ином облике хозяйства, другой домостроительной традиции, совсем других вкусах в области костюма и предметов убора, о другой погребальной обрядности и т. д.

Картина расселения поволжских племен, выявленная на основании археологических исследований, полностью совпадает с данными Начальной летописи и других письменных источников (рис. 1). В бассейне Оки область распространения древних мордовских могильников доходит на западе до устья Москвы-реки, охватывает течение рек Мокши, Цны, Суры и достигает на востоке берегов Волги. Нижнее течение Оки и прилегающая часть междуречья Оки и Клязьмы заняты многочисленными древностями летописной муромы. В пределах Мещерской низменности известно несколько могильников своеобразного характера, обычно приписываемых мешере. Выше, по Волге, по правым притокам Клязьмы и у озер Неро и Плещеево, располагаются известные пока что в небольшом числе мерянские могильники, имеющие некоторые свои особенности. Наконец, по Ветлуге известны древние марийские (черемисские) могильники. Марийцам же (горной черемисе) принадлежат, вероятно, несколько могильников по правому берегу Волги, вблизи устья рек Суры и Свияги.

Область распространения поволжских финно-угорских племен изучена, конечно, далеко не равномерно. Археологам здесь еще предстоит сделать немало новых открытий. Но вряд ли они внесут что-либо существенное в обрисованную выше картину расселения поволжских племен; в частности, они не смогут изменить западную границу их расселения. Если провести на карте линию от г. Ярославля к г. Коломне, то к западу от нее будут лежать области, ныне густо заселенные, хозяйственно освоенные и относительно хорошо изученные в археологическом отношении. Предполагать, что здесь, в пределах Калининской, Московской и Тульской областей, могут быть обнаружены древности, в частности, могильники, подобные рязанским, муромским или известным ныне мерянским, конечно, не приходится.

В тех областях Поволжья, где ныне проживают мордовский и марийский народы, между археологическими памятниками древних племен и

¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов. Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

² На основании исторических и лингвистических данных, известно, среди древнего населения Верхнего Поднепровья имелись родственные славянам балтийские (лето-литовские) племена, достигавшие на востоке верховьев Оки. Процесс вытеснения и поглощения этих племен славянами начался, по нашему мнению, очень рано — в конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры, в период широкого распространения раннеславянской зарубинецкой культуры. Несомненно, однако, что отдельные группы балтийского населения (голядь и др.) продолжали жить среди славян и в последующие столетия. Но их археологические памятники, вероятно, очень близкие славянским, пока что еще не отделены от последних.

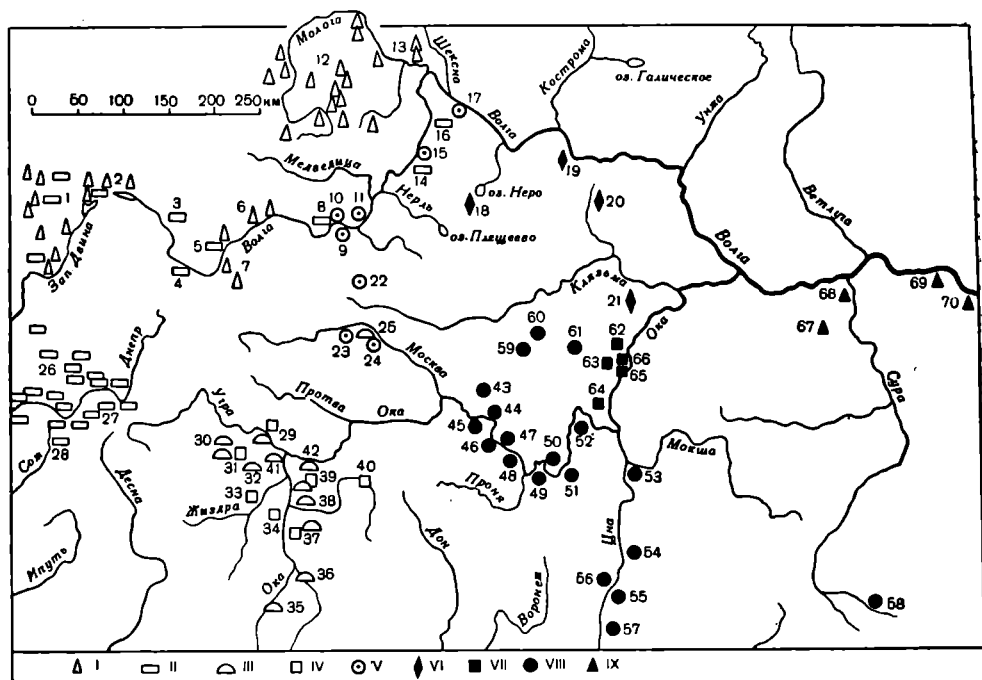

Рис. 1. Схема расположения различных групп наиболее известных археологических памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э. в области Волго-Окского междуречья и по его периферии.

Славянские археологические памятники: I — сопки новгородских словен, II — длинные курганы кривичей, III — вятические курганы с сожжением, IV — городища мошнинского типа. Позднелядяковские городища Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки, V. Могильники племен Поволжья: VI — мерянские, VII — муромские, VIII — мордовские, IX горномарийские (черемисские).

I — группа сопок и длинных курганов в верховьях Западной Двины; 2 — сопки и длинные курганы на оз. Волго; 3 — курганы у погоста Коши; 4 — курганы у г. Зубцова; 5 — курганы у д. Боровая; 6 — сопки у дд. Урцево, Воеводино и Дуденево; 7 — сопки у дд. Воскресенская и Николо-Пустынь; 8 — курганы у с. Кузьминское; 9 — Ивановское городище; 10 — Санниковское городище; 11 — Пекунское городище; 12 — группа сопок по берегам р. Мологи; 13 — сопки у дд. Перекладная и Заречье; 14 — курган у д. Митино (устье р. Куксы); 15 — Грехорученское городище; 16 — курганы у с. Охотино; 17 — Березняковское городище; 18 — Сарский могильник; 19 — Подольский могильник; 20 — Хотимильский могильник; 21 — Холуйский могильник; 22 — Синьковское городище; 23 — Барвихинское городище; 24 — Дьяковское городище; 25 — курган у д. Беседы; 26 — группа длинных курганов в верховьях Днепра; 27 — курганы у дд. Арефино, Лопино, Милеево, Павлово и Бражины; 28 — курганы у д. Слобода Глушица; 29 — городище и курганы у с. Никола-Ленивец; 30 — курганы у дд. Шаньково, Почепок и Дубровка; 31 — Мошнинское городище; 32 — курганы у д. Кажани; 33 — Серенское городище; 34 — городище Дуна; 35 — курганы «Игрище»; 36 — курган в устье р. Зуши; 37 — Воронечские курганы и Федяшевское городище; 38 — курган у с. Доброе; 39 — курган у г. Лихвина и Акиншинское городище; 40 — городище у д. Поречье; 41 — курган у д. Горбенки; 42 — курганы у д. Ждамирово.

Могильники: 43 — Жабинский, 44 — Кузьминский; 45 — Вакинский; 46 — Борковский; 47 — Дубровицкий; 48 — Гавердовский; 49 — Шатрищенский; 50 — Облачинский; 51 — Кулаковский; 52 — Курманский; 53 — Кошибеевский; 54 — Томниковский; 55 — Елизавет-Михайловский; 56 — Крюково-Кужновский; 57 — Лядинский; 58 — Армьевский; 59 — Пустошенский; 60 — Новленский; 61 — Залопневский; 62 — Малышевский; 63 — Максимовский; 64 — Урванский; 65 — Подболотьевский; 66 — Муромский; 67 — Сергачский; 68 — Ивановский; 69 — Яндашевский; 70 — Криушинский

материалами этнографии наблюдается полная преемственность. Наряду с могильниками и местами поселений середины и второй половины I тысячелетия н. э. (а в некоторых местах и более ранними) там имеются могильники и другие памятники II тысячелетия н. э., преемственно смыкающиеся с бытовыми древностями мордвы и марийцев. В других областях, там, где финно-угорское население сменилось славяно-русским, археологические памятники позволяют более или менее точно установить время смены одного населения другим и выяснить особенности этого процесса.

В области рязанского течения Оки смена финно-угорского населения славянским произошла в течение VIII—IX вв., причем аборигены были здесь, по-видимому, вытеснены пришельцами-вятичами. Массовое рассе-

ление восточных славян в мерянских землях происходило несколько позже, начиная с конца VIII — начала IX в. В отличие от области рязанского течения Оки, местные жители не были вытеснены пришельцами. Здесь наблюдалось смешение населения. В курганах нередко встречаются мерянские вещи. Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что сначала среди немногочисленного и редкого местного населения здесь возникли «славянские острова». Затем, через два-три столетия роли переменились: теперь уже ассимилируемое мерянское население сохранялось в виде отдельных «островов» среди многочисленного древнерусского крестьянства. Позже других сохранили свою самобытную культуру муромские племена и мешера. Исследования, проведенные за последние годы А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой и А. Ф. Дубыниным, свидетельствуют, что муромские могильники и поселения с характерными чертами культуры просуществовали вплоть до рубежа X—XI вв., сменившись памятниками общерусской средневековой культуры.

За последнее время рядом исследователей было высказано предположение, что отношения славяно-русского населения с древними мерянскими, мордовскими и муромскими племенами отнюдь не следует ограничивать рамками последних веков I тысячелетия н. э. и сводить к процессу оттеснения и ассимиляции местных племен в период широкого освоения древнерусским населением Владимиро-Суздальской земли. По мнению А. Ф. Дубынина, А. П. Смирнова и других специалистов в области археологии Поволжья, значительное и все возрастающее влияние славянской культуры на поволжские племена, свидетельствующее о тесных связях и контактах мери, муромы и мордвы со славянами, обнаруживается уже в середине I тысячелетия н. э.¹

Славянское влияние на культуру поволжских племен указанные исследователи видят, во-первых, в том, что в поволжских кладбищах, наряду с господствующим обрядом трупоположения, постоянно встречаются могилы, содержащие остатки сожжений — погребального обряда, особенно характерного для славянских племен. Впервые мысль о том, что сожжения в поволжских могильниках являются результатом славянского влияния, была высказана, кажется, еще Ю. В. Готье.

По этому поводу названным исследователям можно было бы возразить, указав, что сожжения были известны не только у славян, литовцев и других западных племен. Обряд сожжения наряду с трупоположением практиковался в Восточном Поволжье у населения ананьинской культуры; по-видимому, имевшего ближайшее отношение к древним финно-уграм. Но это возражение легко опровергнуть. Встречающийся в Прикамье в ананьинское время обряд сожжения не стал там традиционным обрядом. В последующее, пьяноборское время он уже не встречается. Самым же существенным аргументом в пользу того, что сожжения у финно-угорских племен Западного Поволжья появились под влиянием славянской обрядности, служит количественное соотношение случаев трупоположения и сожжения в разных местах и в разное время. Так, в более восточных областях Западного Поволжья, где постоянного контакта финно-угорских племен со славянами не могло быть, сожжения или совсем не встречаются, или встречаются очень редко, причем это относится как к более ранним могильникам (Кошибеевский, Сергачский), так и к более поздним, датируемым в значительной части второй половиной I тысячелетия н. э. (Муранский, Армиевский). Напротив, в рязанских могильниках (Борковский, Кузьминский и др.) количество сожжений достигает 10%, в Подболотьевском — 16,5%, в некоторых тамбовских могильниках — 16—17%. Очень убедительные выводы следует сделать из наблюдений А. Ф. Дубынина, установившего, что в муромском Малышевском могильнике в погребениях середины и третьей четверти I тысяче-

¹ А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 91—96; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 138—155.

тия н. э. сожжения встречены в $\frac{1}{3}$ могил; в погребениях конца I тысячелетия н. э. число сожжений увеличивается до $\frac{3}{4}$ общего количества, а в XI в., когда у славянского населения обряд сожжения повсеместно сменяется обычным погребением, в Малышевском могильнике также наблюдалось резкое падение числа сожжений. Такие же наблюдения были сделаны по материалам некоторых других муромских могильников.

А. П. Смирнов и другие авторы указывают, что появлению обряда кремации в среде поволжских племен сопутствовало появление вещей западного, в первую очередь славянского, происхождения — вещей с эмалью, фибул днепровского типа, керамики с темной лощеной поверхностью и др. Более того, в ряде случаев такие вещи были найдены в могилах с сожжением. «Эти могилы, — пишет А. П. Смирнов, — интересны соединением двух черт, необычных для местной культуры, — чуждого обряда захоронения (т. е. сожжения. — П. Т.) и чужих вещей»¹.

Мы не будем здесь останавливаться на других аргументах и некоторых частных темах, освещенных в связи с интересующим нас вопросом в работе А. П. Смирнова, а также в недавно опубликованной статье А. Л. Монгайт², ограничившись указанием, что из всего этого делается, по-видимому, справедливый вывод о том, что, начиная с середины I тысячелетия н. э., отношения поволжских племен со славянами отнюдь не ограничивались торговлей. Здесь имели место близкий и постоянный контакт и сопутствующее ему проникновение в финно-угорскую среду славянских элементов.

II

Где же обитали славяне, поддерживавшие тесный контакт с мордвой, муромой и мерей в середине и второй половине I тысячелетия н. э.?

Применительно к бассейну Оки на этот вопрос ответить очень просто. Вверх по Оке в нескольких десятках километров от наиболее западных древнемордовских могильников — Кузьминского и Вакинского — начинается область распространения археологических памятников славянского племени вятичей. Здесь имеются в виду характерные курганы с деревянными домиками внутри, служившими для помещения остатков кремаций, а также городища и селища³. Эти памятники относятся к IV—X вв.; позднее они преемственно сменяются поселениями и курганами, характерными для периода Киевской Руси. Не может быть никаких сомнений в том, что именно отсюда, от населения, оставившего городища мощинского типа и курганы типа Шаньково и Почепок, проникли на Среднюю Оку в середине I тысячелетия н. э. вещи с эмалью, литые гривны с тройными кольцами на концах, лощеная посуда (и умение ее выделывать), обряд сожжения. В последующие столетия от вятичей или через вятичей к населению Средней Оки попадали пальчатые фибулы и другие, синхронные им изделия днепровских типов.

В области Верхнего Поволжья пути древнего контакта финно-угорских и славянских племен также вполне ясны. Заведомо славянские памятники середины и второй половины I тысячелетия н. э. — многочисленные сопки новгородских славян и длинные курганы — известны в верховьях Волги, вплоть до устья Мологи⁴. Можно считать, что они подходят очень близко к области мерянских могильников даже в том случае, если мы не примем во внимание длинные курганы конца I тысячелетия н. э., расположенные на берегах Волги ниже Калинина.

Таким образом, в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. западная граница поселений и могильников муромских и мерянских

¹ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 141.

² А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 167—173.

³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 47—53.

⁴ Там же, стр. 45.

племен и восточная граница славянских памятников — вятических, словенских и кривических курганов — почти соприкасались. Разделявшая их область простиралась с запада на восток не более чем на 100—150 км.

Эта небольшая область, имевшая вид узкой полосы, охватывающей течение Волги между гг. Калининым и Щербаковым (Рыбинском), верховья Клязьмы и поречье Москвы-реки, отнюдь не была необитаемой. Археологическими памятниками жившего здесь в то время населения являются многочисленные позднедьяковские городища. Среди них можно назвать городища Дуденевское¹, Синьковское², Иваньковское (верхний слой)³, Санниковское (верхний слой)⁴, Пекуновское (верхний слой)⁵ и др. К этой же группе относится, вероятно, в поздний период своего существования известное Дьяковское городище под Москвой. К этой же группе позднедьяковских городищ принадлежит, несомненно, и Березняковское городище, расположенное ниже г. Щербакова на Волге⁶.

По своим внешним признакам перечисленные выше городища не отличаются от других древних городищ лесных областей Восточной Европы, представляя собой сравнительно небольшие укрепления, располагавшиеся на мысах коренных речных берегов и других возвышенностей. Мною не раз высказывалась мысль, что это были большесемейные укрепленные поселки. Реликтом такого поселка являлся, например большесемейный удмуртский двор (который отнюдь не следует рассматривать в качестве национальной особенности древней удмуртской культуры). Такой двор, прежде всего, отражает определенную ступень в развитии патриархально-семейных отношений.

Остатки материальной культуры, обнаруживаемые на городищах, во многом напоминают те находки, которые происходят с синхронных городищ из области поволжских финно-угорских племен. Наряду с этим имеются и существенные особенности, позволяющие выделить верхневолжские и москворецкие городища в особую группу.

Значительным элементом материальной культуры далекого прошлого были металлические украшения. Если обратиться к находкам, происходящим с верхневолжских и москворецких городищ, то нетрудно заметить, что состав украшений был здесь несколько иным, чем у древних мордовских, муромских и мерянских племен. Наряду с вещами, обычными для этих племен, в Верхнем Поволжье и поречье Москвы-реки были в употреблении украшения иного характера, известные в области верхнего течения Оки, в Верхнем Поднепровье и далее на запад.

Так, на городище у дер. Березняки было найдено при раскопках свыше 15 украшений. Из них четыре (гривна, две шумящие подвески и височное кольцо с круглым щитком) являются типичными для поволжских могильников; три предмета являются украшениями, специфическими для верхневолжских и москворецких позднедьяковских городищ, напоминающими пьяноборские (две бляшки и подвеска в виде утиной лапы), и, наконец, четыре вещи — два украшения с эмалью, арбалетовидная фибула и булава со спиральной головкой — должны быть охарактеризованы как славяно-балтийские. Остальные вещи (пряжки, застежки, колечки) не являются характерными⁷.

¹ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 134—136.

² Е го же. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 85—90.

³ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 90—96.

⁴ Там же, стр. 96—109.

⁵ Там же, стр. 109—132.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., МИА, № 5, 1941, стр. 51—68, 113—144.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 66—68.

Можно ли, однако, говорить о том, что мы имеем здесь дело с иным составом украшений, чем у поволжских финно-угорских племен, в могильниках которых также встречаются вещи, происходящие из славянских и балтийских областей? Несомненно можно. В могильниках поволжских племен эти вещи встречаются единицами. Так, например, на многие тысячи вещей, известных из окских и поволжских могильников, имеется

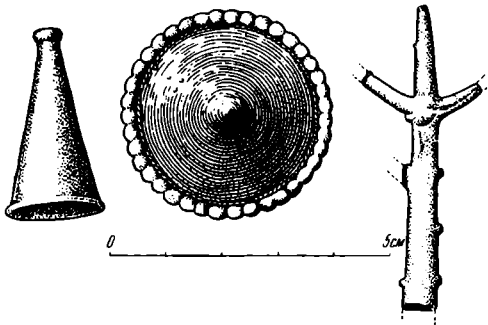

Рис. 2. Новые находки на Барвихинском городище

всего лишь две большие подковообразные застежки с эмалью (Кошибеевский могильник и Муромский могильник)¹, а среди трех десятков украшений, найденных на верхневолжских и москворецких городищах середины I тысячелетия н. э., нам известны три такие застежки (городище у дер. Кирьяново, из насыпи кургана Грехорученское, Дьяково)². Несомненно, что здесь они являлись обычным предметом убора. То же можно сказать о других вещах с эмалью и о бронзовых пирамидальных подвесках.

Среди немногочисленных украшений, происходящих с верхневолжских и москворецких городищ, они составляют значительный процент.

Одна пирамидальная подвеска была найдена на Барвихинском городище, под Москвой, вместе с двумя подвесками, обычными для окских могильников³. Пользуясь случаем, мы публикуем здесь еще три бронзовых украшения, найденные нами в 1952 г. при осмотре обнажений Барвихинского городища (рис. 2). Это — круглая бляха средней величины, напоминающая березняковскую, конусовидная подвеска и обломанный бронзовый стержень с отростками, являющийся, по-видимому, частью булавы с ажурным навершием, подобной булавкам из городищ верхнего течения Оки и верховьев Днепра⁴. И здесь, следовательно, состав украшений оказывается смешанным, причем вещи верхнеокских и днепровских типов составляют свыше $\frac{1}{3}$ всех украшений.

Такая же точно картина выявляется на основании изучения керамики верхневолжских и москворецких городищ середины I тысячелетия н. э. Во многом она, несомненно, повторяет посуду, происходящую из могильников и поселений поволжских финно-угорских племен. Но наряду с этим здесь имеется посуда иного облика, известная по мощинским городищам и древним курганам верхнего течения Оки, в частности — посуда с лощеной поверхностью. Особенно много такой посуды на городищах более западных областей (Пекуновское, Синьковское)⁵; но она имеется в небольшом числе и на Березняковском городище⁶.

Теперь обратимся к таким элементам культуры, которые более определенно отличают верхневолжские и москворецкие городища от археологических памятников поволжских финно-угорских племен.

¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1901 табл. XXIX—XV.

² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 35—37, 80—81; В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX АС, т. II. М., 1895, стр. 256—267

³ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 121.

⁴ А. Н. Ляуданский. Археологічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра и Касплі ў Смаленскай губ. Працы археолог. камііі Беларуска. акад. наук, т. II, Менск, 1930, стр. 326.

⁵ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге, стр. 131—132; А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа, стр. 88.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 64.

Во всех случаях, когда на городищах Верхнего Поволжья и бассейна Москвы-реки производились раскопки, на них ни разу не были встречены жилища-землянки, обычные на городищах и поселениях поволжских финно-угорских племен (Городецкое, Минское, Сарское, Юрьевецкое и др.)¹. На верхневолжских и москворецких городищах жилища имели вид столбовых и срубных наземных построек, таких же, какие имелись в это время в области верхнего течения Днепра. Остатки таких построек были обнаружены О. Н. Бадером на Санниковском городище². Яма без очага, размером 1,80×2,15 м и глубиной 0,23 м, содержащая много костей, и обнаруженная около жертвенника на Барвихинском городище, которую иногда называют землянкой, жилищем, конечно, не являлась³. На различие в характере жилищ, найденных в Верхнем Поволжье и костромском течении Волги было указано мной еще в 1941 г.⁴

Недавно Е. И. Горюновой была сделана попытка оспорить тот очевидный факт, что жилища на Березняковском городище были наземными. По ее мнению, они представляли собой землянки, подобные землянкам Роданова городища на Каме⁵. Предлагаемая Е. И. Горюновой реконструкция березняковских жилищ противоречит фактическим данным.

Как известно, культурный слой Березняковского городища в средних частях площадки имел мощность 0,20—0,30 м⁶. Семь жилых сооружений, обнаруженных на городище, представляли собой рубленые из бревен дома с земляным полом и каменными очагами. При раскопках было обнаружено, что гумусный слой в средней части жилищ, особенно около очагов, имел несколько большую мощность, чем вне жилищ. В жилище I гумусный слой шел глубже общего уровня на 0,04—0,05 м, в жилище II — на 0,15—0,20 м, в жилище III (большой дом) — на 0,35 м, в жилище IV — на 0,10—0,15 м, в жилище VII, расположенном в северном ряду построек, — на 0,35 м, в двух жилищах в западной части города (X и XI), где мощность культурного слоя составляла 0,15—0,20 м, гумусный слой был углублен в материк на 0,05—0,10 м и на 0,03—0,05 м.

Уровень чистого материка не был, однако, уровнем пола жилищ. Очаги, разбитые сосуды и другие находки лежали на 0,05—0,10 м выше поверхности чистого материка, и это отмечено в публикации⁷. Следовательно, у большинства березняковских жилищ уровень пола лежал не ниже, а несколько выше среднего уровня материка или на уровне его.

Е. И. Горюнова, стремясь превратить березняковские жилища в землянки, в своих расчетах полностью игнорировала то обстоятельство, что уровень пола жилищ находился на 0,05—0,10 м выше уровня чистого материка. Затем она произвольно прибавила к приведенным выше цифрам предполагаемую ею (и явно завышенную) толщину древней почвы — 0,20 м. Наконец, для суммарной характеристики жилищ Е. И. Горюновой были взяты цифры, относящиеся не только к жилищам, но и к хозяйственным сооружениям (кузница и др.), у которых гумусный слой внутри стен был более мощным, чем у жилищ. Таким путем березняковские жилища превратились в полуземлянки.

Совсем уже фантастичными являются утверждения Е. И. Горюновой, что углубление пола в домах не доходило до самых стен, образуя как бы земляные скамьи, и что концы кровли упирались в землю. Основания

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований 1898 г. АИЗ, № 6 и 7. М., 1899, стр. 188; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 42; Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, стр. 19—20, 102—103.

² О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 99—100.

³ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 114—115.

⁴ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 46—90.

⁵ Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 114—120.

⁷ Там же, стр. 115 и 120.

Рис. 3. Остатки жилища № 2 на Березняковском городище. (Вид с юго-востока)

березняковских жилищ, погибших от пожара, сохранились, как известно, относительно хорошо. Ничего похожего на земляные скамьи вдоль стен там не было. Пол жилищ во всех случаях был ровный, постепенно и чуть заметно углубляющийся в средней части. Никаких следов упора кровли в землю также не имелось (рис. 3). Остатки жилищ, открытые М. В. Талицким на Родановом городище, судя по опубликованному отчету, выглядели совсем иначе, чем остатки березняковских жилищ¹.

Абсолютно ничего общего с березняковскими жилищами не имеет землянка Сарского городища, описанная Д. Н. Эдингом следующим образом: «В плане яма имела приблизительно прямоугольные очертания 3,55×3,55 м (по дневнику 2,75×3,35 м.— П. Т.); глубина ее, не считая культурного слоя,— 1,42 м, в одном углу находился очаг, сложенный из валунов и имевший форму буквы Г...»². Только пренебрежение к фактам позволяет назвать такую постройку «аналогичной березняковским». Также безосновательно Е. И. Горюнова называет «жилищами березняковского типа» упоминаемую выше яму без очага на Барвихинском городище; средневековые землянки г. Суздаля и даже подполье средневекового дома, открытое П. Н. Ворониным на «стрелке» в г. Ярославле³ (это подполье и землянку, открытую на Сарском городище, см. на рис. 4).

Одним из наиболее характерных элементов культуры верхневолжских и москворецких городищ являются «грузики дьякова типа», хорошо известные археологам. Они найдены на всех исследованных ныне городищах, нередко в значительном количестве. Большая серия таких грузиков происходит из Березняковского городища и селища «Красный холм» около Ярославля⁴. Далее на восток и юго-восток грузики встречаются очень редко, а вскоре и совсем пропадают. Насколько нам известно, их почти нет на городищах Костромской, Ивановской и Владимирской областей. Их нет в Рязанской области, они отсутствуют среди материалов, происходящих с городищ городецкой группы⁵. Иными словами, в областях, где распространены мордовские, муромские и мерянские могильники, «грузики дьякова типа» отсутствуют, если не считать единичных экзем-

¹ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22. 1951, стр. 36—42.

² Д. Н. Эдинг. Сарское городище, стр. 19—20, 102—103.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 184—185.

⁴ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 68, 73—74, 126—130.

⁵ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 46.

пляров, происходящих преимущественно из пограничных окраин этих областей.

Иную картину мы увидим, если обратимся к материалам, происходящим из более западных областей, в частности и тех, куда городища дьякова типа с сетчатой керамикой не распространялись. За последние годы выяснилось, что «грузики дьякова типа» в большом количестве имеются

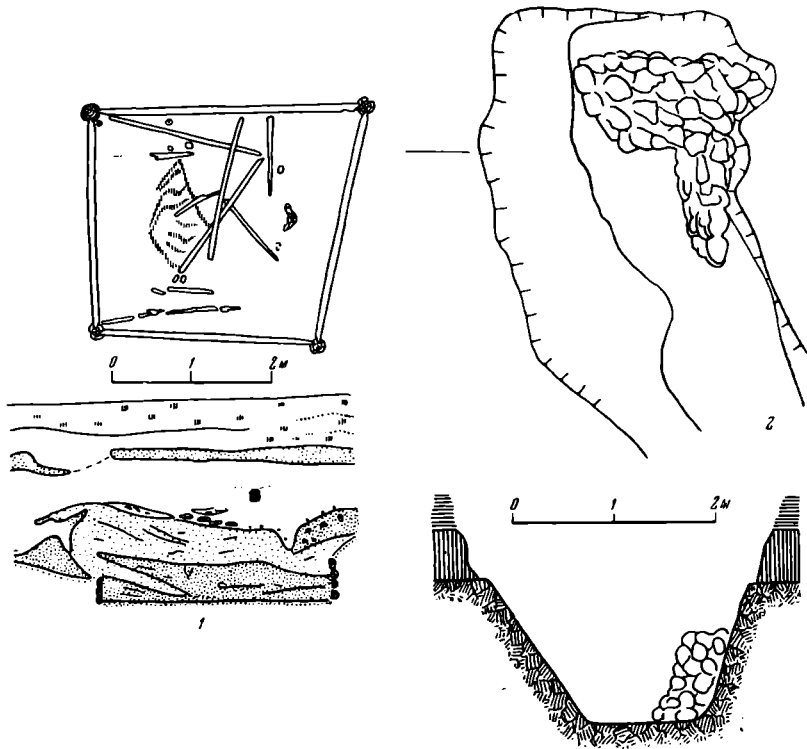

Рис. 4. Подполье средневековой постройки, раскопанное Н. Н. Ворониным в Ярославле (1). Землянка, открытая Д. Н. Эдингом на Сарском городище (2)

на древних славянских или балтийских (принадлежавших балтам) городищах Смоленщины, где они впервые были найдены еще А. Н. Лявданским. Кроме городища у дер. Пилички в бассейне Каспли, грузик с которого опубликован¹, можно назвать городища у дер. Новая Рудня, у дер. Лотвинова и у дер. Крутица в бассейне р. Сожа, городища у дер. Никола-Немощный и Церковище на Днепре и ряд городищ в верхнем течении р. Угры, с которых происходят характерные «грузики дьякова типа»². При раскопках городища «Тушемля» в верховьях Сожа, произведенных автором в 1955—1956 гг., «грузики дьякова типа» встречены в числе нескольких десятков. Они имеются также в верхнем течении Западной Двины³, но далее на запад, в коренные балтийские (лето-литовские) области, «грузики дьякова типа», как известно, не идут.

Нам до сих пор неизвестно, для чего служили эти своеобразные изделия — «грузики дьякова типа». Бесспорно лишь, что они могут рассматриваться в качестве характерного признака культуры, не свойственного поволжским финно-угорским племенам и ведущего нас от Верхнего Поволжья и берегов Москвы-реки в направлении Верхнего Поднепровья.

Остановимся на погребальной обрядности — также очень характер-

¹ А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 333.

² Материалы Смоленского института краеведения, собранные Е. А. Шмидтом.

³ Я. В. Сташкевич. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Древние поселения и городища. Археологический сборник. Таллин, 1955, стр. 109.

ном и устойчивом этническом признаке, отличающем племена Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки от финно-угорских племен Поволжья.

Уже одно то обстоятельство, что традиционные рядовые могильники, имеющиеся в мордовских, муромских и мерянских землях, совсем неизвестны в Верхнем Поволжье и в бассейне Москвы-реки, говорит об иной племенной принадлежности жившего здесь населения. Единственным известным ныне погребальным памятником, принадлежащим этому населению, является «домик мертвых» Березняковского городища — маленькая постройка, служившая для хранения результатов кремаций, которую мы сравниваем с «домиками» под курганами, известными у вятичей.

Е. И. Горюнова считает, что вятические курганы являются лишь далекой и косвенной аналогией березняковскому «домику мертвых». Это, конечно, неверно. Известные в значительном числе вятические погребальные сооружения, как более ранние, относящиеся к середине I тысячелетия н. э. (Шаньково, Почепок и др.), так и более поздние (Боршево, и др.), представляли собой небольшой сруб, который помещался обычно под восточной полой курганной насыпи и внутрь которого имелся доступ. В сруб помещались остатки кремаций в глиняных сосудах или без сосудов. Березняковский «домик» представлял собой такую же семейную усыпальницу, но расположенную на поселении и без курганной насыпи.

Е. И. Горюнова полагает, что березняковский домик мог быть финно-угорским погребальным сооружением, так как в древних мерянских, муромских, мордовских, марийских и других финно-угорских могильниках наряду с захоронениями имеются сожжения, а по этнографическим данным у этих народов кое-где известны надмогильные деревянные домины. Более того, Е. И. Горюнова сообщает, что домины были известны, например, абаканским тюркам и др.

Мы, в свою очередь, могли бы значительно продолжить перечень подобных фактов, говорящих о том, что обычай кремации умерших был распространен в древности у многих племен и народов, а также о том, что дом умершего — могила — многими народами оформлялась в виде деревянной постройки. Но это было бы бесполезным занятием, потому, что в данном случае важны не отдельно взятые признаки (кремация и наличие домины), а определенное сочетание признаков, свидетельствующее об определенном погребальном обряде. Ни у поволжских, ни у приуральских финно-угорских племен, ни в археологических, ни в этнографических материалах ни разу не был отмечен «домик мертвых», куда сыпались бы результаты нескольких кремаций. Такие домины имелись в европейской части СССР лишь у вятичей; нечто подобное было известно и другим восточнославянским племенам. Такой именно «домик мертвых» открыт на Березняковском городище — одном из верхневолжско-москворецких городищ, население которых было непосредственным соседом вятичей, поддерживало с ними постоянные связи, получало от них вещи с эмалью и другие предметы.

Напомним также, что обряд кремации у поволжских финно-угров многими исследователями рассматривается как результат славянского влияния, о чем речь уже шла выше.

Итак, судя по металлическим украшениям и керамике, культура обитателей верхневолжских и москворецких городищ в середине I тысячелетия н. э. носила смешанный характер: элементы, свойственные поволжским финно-угорским племенам, сочетались в ней с элементами славянского и балтийского происхождения. Судя по характеру наземных жилищ и «грузикам дьякова типа», их культура более тяготела к западу, к области Верхнего Поднепровья. О том, что обитатели верхне-волжских и москворецких городищ отличались от мери, муромы и мордвы, говорит также и погребальная обрядность.

Кем же являлись в таком случае в этническом отношении обитатели позднедьяковских городищ Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки,

окруженные мерей, муромой и мордвой — на востоке, а на западе — вятичами, кривичами, словенами, и, вероятно, какими-то балтийскими (лето-литовскими) племенами?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать ниже, после рассмотрения некоторых данных, относящихся к предшествующему периоду исторической жизни обитателей Волго-Окского междуречья.

III

При решении вопроса об этнической принадлежности обитателей верхневолжских и москворецких городищ большое значение имеет тот факт, что их культура была результатом развития более ранней дьяковской культуры — культуры городищ с сетчатой (текстильной) керамикой. Я полагаю, что в этой связи не может возникнуть никаких сомнений и поэтому не буду заниматься аргументацией сказанного. Напомню лишь, что все исследованные ныне верхневолжские и москворецкие городища, функционировавшие в середине I тысячелетия н. э., имеют более древние слои с сетчатой керамикой. Городище у дер. Березняки не составляет в этом отношении какого-либо исключения. Среди находок, сделанных на городище, имеется в небольшом количестве сетчатая керамика¹.

Городища с сетчатой керамикой существовали в течение длительного времени, начиная с VII—VI вв. до н. э. Им предшествовали открытые поселения с такой же керамикой, относящиеся к концу II и началу I тысячелетия до н. э., и увязывающиеся генетически с местными поздненеолитическими культурами. Иными словами, дьяковская культура в лесной полосе Восточной Европы имела глубокие местные корни.

По мнению большинства исследователей, вполне разделяемому и автором этих строк, культуру городищ с сетчатой керамикой следует связывать с одной из групп древних финно-угорских или протофинно-угорских племен. Они и очень близкие им городища с рогожной керамикой (так называемые городецкие) занимали в Поволжье и на Оке ту самую область, где позднее обитали мордовские, муромские и мерянские племена. Они были распространены в Верхнем Поволжье и бассейне Москвы-реки. Отсюда городища с сетчатой керамикой шли широкой полосой на северо-запад — к Ладожскому и Онежскому озерам (где лежали впоследствии земли веси), к Финскому и Рижскому заливам, где обитали прибалтийские чудские племена, и заходили на территорию Карелии и Финляндии. В бассейне Днепра и в области верхнего течения Оки городища с сетчатой керамикой, как уже указывалось, не встречаются; там обитали племена с другой культурой. В юго-восточной Прибалтике область распространения городищ с сетчатой керамикой доходила местами до берегов Западной Двины и лишь в некоторых местах (главным образом, у моря) переходила на ее левый берег². Следует еще добавить, что границы области городищ с сетчатой керамикой в основных чертах совпадают с границами финно-угорской топонимики (не говоря о территории Прикамья и Приуралья).

Признавая, что культура дьяковских и близких им городецких городищ является в целом финно-угорской, нельзя, однако, не учитывать большую сложность исторических судеб финно-угров, что нашло свое выражение в глубоких различиях, отличающих друг от друга современные финно-угорские языки. В частности, нельзя не учитывать древних связей этих племен с индоевропейцами. Именно в этом свете следует рассматривать и те различия, которые наблюдаются в культуре верхневолжских и москворецких городищ, с одной стороны, и археологических памятников более восточных областей, с другой.

¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 66.

² См. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР (под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта). М., 1956, стр. 373 и 530.

Разница в культуре населения указанных областей наблюдалась не только в середине I тысячелетия н. э., но и в более раннее время.

За последние годы были исследованы несколько древних городищ в бассейне верхнего течения Днепра и верховья Оки, т. е. в тех областях, куда дьяковская культура не распространялась. Эти исследования целиком подтвердили высказанное мной еще в 1941 г. предположение, что в бассейне верхнего течения Днепра и по его периферии имела своеобразная культура городищ I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, близкая юхновской культуре среднего и нижнего течения р. Десны¹. Для этой культуры, время которой определяется неоднократно находками бронзовых изделий гальштатско-латенских типов, была характерна глиняная посуда без сетчатого узора, скупо орнаментированная в верхней части ямочными или иными вдавлениями².

Мной было также обращено внимание на то, что такая же точно глиняная посуда, иногда круглодонная (что особенно характерно для городищ южной Белоруссии), оказалась вместе с раннедьяковской в нижних частях культурного слоя ряда верхневолжских городищ, в частности городища у с. Городище, около г. Калязина, и городища у с. Городок, около железнодорожной станции Волга, недалеко от Щербакова³. Верхние слои этих городищ дают обычный дьяковский материал. Жилища на городищах были наземными, столбовой конструкции, о чем говорят ямы от многочисленных столбов. Подобные же находки были сделаны Н. Н. Ворониным в Ярославле⁴.

Иные материалы происходят с древних городищ более восточной области, где, начиная с середины I тысячелетия н. э., были известны мерянские, муромские, и мордовские могильники. В керамике древних костромских городищ нет днепровских элементов, но зато прослеживаются особенности, характерные для ананьинской посуды Прикамья⁵. На ранних городищах, как и на поздних, нет «дьяковских грузиков». Наличие «ананьевидной керамики», пряслиц, грузиков и некоторого числа рогожной керамики, характерных для городецкой культуры, по словам А. П. Смирнова⁶, является характерным для городищ муромского течения Оки. Что же касается ранних городищ древней мордовской территории, то они целиком относятся, как известно, к городецкой культуре.

Сейчас еще очень трудно сказать что-либо определенное относительно причин, обусловивших различия в культуре городищ восточной и западной части Волго-Окского междуречья. Культура поселений с сетчатой керамикой возникла, как указывалось выше, на основе местных культур эпохи неолита и бронзы. Но какую-то и, по-видимому, немалую роль в ее формировании сыграли и фатьяновские племена, которые рассматриваются большинством археологов в качестве индоевропейцев. В Верхнем Поволжье имеется ряд поселений с сетчатой керамикой, в материале которых очень сильны фатьяновские традиции (Ворокса, Говядиново)⁷. Что же касается ранних днепровских и верхнеокских городищ, то в формировании их культуры роль среднеднепровских племен III и II тысячелетий до н. э., близко родственных фатьяновским, была, по-видимому, решающей.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что население Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки в течение многих веков находилось в тесном контакте с населением Верхнего Поднепровья и вер-

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 13—16.

² Т. Н. Никольская. Городище у дер. Свинухово. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 93—95.

³ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 22—27; его же. Восточнославянские племена, стр. 90—91.

⁴ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, стр. 190.

⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 30.

⁶ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 47.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 18; В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947, стр. 218.

ховьев Оки — населением, судя по всему, индоевропейским — протославянским или балтославянским. С первых веков нашей эры, когда в области Верхнего Поднепровья (на Десне и на Верхней Оке) появилась культура зарубинецкого типа и когда на Смоленщине с IV в. н. э. появляются «длинные курганы», а в верховьях Оки — древнейшие курганы с деревянными домиками, наличие здесь славян несомненно¹.

Выше уже шла речь о том, что древняя мордовская область на Оке около Рязани в середине I тысячелетия н. э. испытывала на себе славянское воздействие, а в течение VII—IX вв. стала славянской. Мерянские земли вокруг озер Неро и Плещеево ославянились в IX в. Можно ли сомневаться, что области Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки, издавна прочно связанные с Верхним Поднепровьем и верховьями Оки, пережили аналогичный процесс уже в середине I тысячелетия н. э.

В тех условиях, до возникновения феодальных отношений и могучей средневековой славянской культуры, этот процесс имел, несомненно, свои особенности. Он протекал, очевидно, так же, как и в более западных и северных областях, где славяне в первой половине и середине I тысячелетия н. э. нередко оказывались в балтийской и западнофинно-угорской среде и где элементы местной культуры смешивались с пришлой, славянской культурой.

При настоящем состоянии наших знаний нельзя поэтому точно определить, кто жил, скажем, на Березняковском городище — было ли это уже значительно «ославяненное» местное население, или городище было сооружено славянской общиной, далеко продвинувшейся на восток, что более вероятно, исходя из особенностей погребального ритуала. Березняковский погребальный домик мог, наконец, принадлежать вятической семье, жившей совместно с ославяненными финно-уграми. Несомненно лишь, что мы имеем здесь дело с процессом распространения славян и их культуры на северо-восток. Иного ответа на поставленный выше вопрос быть не может.

То, что культура древнего населения Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки отличалась от культуры населения более восточных областей, занятых в I тысячелетии мерянскими, муромскими и мордовскими племенами, было выяснено автором этих строк еще в начале 40-х годов XX в. Тогда же было установлено, что обитатели верхневолжских и москворецких городищ были связаны с обитателями более западных областей. Но удовлетворительного толкования этим наблюдениям тогда не было дано². В настоящее время, когда изучение археологических памятников в области Верхнего Поднепровья и смежных областях Поволжья значительно продвинулось вперед и когда в науке преодолены тенденции «гипертрофированного автохтонизма», обрисованные выше данные позволяют, как видим, более четкое и определенное объяснение.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 228—245. В упомянутой выше статье Е. И. Горюновой сказано, что раскопки последних лет «убедительно показали», будто бы славяне появились в Смоленской области и Белоруссии не ранее VI в. Эта дата взята буквально «с потолка». Некоторые дореволюционные археологи считали, что наиболее ранними славянскими памятниками Верхнего Поднепровья были курганы типа гнездовских IX—X вв. Если считать, что славянскими являются длинные курганы, то они восходят к IV в. Я полагаю (и это мнение разделяется очень многими), что наиболее ранними бесспорно славянскими памятниками Смоленщины являются могильники и поселения зарубинецкой культуры, появляющиеся здесь в начале нашей эры. В отчетах Е. А. Шмидта, производившего раскопки на Смоленщине, на которые ссылается в своей статье Е. И. Горюнова (стр. 22), нет никаких определенных данных по вопросу о времени появления там славян. Отчеты Я. В. Станкевич посвящены раскопкам не на Смоленщине и в Белоруссии, а около Великих Лук, т. е. далеко на севере. В своей последней статье Я. В. Станкевич считает, что в верховьях Зап. Двины славяне расселились не в VI в., а к середине I тысячелетия н. э. (см. Древние поселения и городища. Археологический сборник. Таллин, 1955, стр. 109). Таким образом, ссылка на Е. А. Шмидта и Я. В. Станкевич попали в статью Е. И. Горюновой, по-видимому, по недоразумению.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 30—32; его же. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 30, 46, 85, 90—91.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

Десятинная церковь, построенная в 989—996 гг., рухнула во время осады Киева Батыем. В течение ряда веков ее величественные развалины возвышались среди запустевшего и обезлюдившего города. Отдельные участки стен Десятинной церкви, в которых были видны окна даже второго этажа, были целы еще в двадцатых годах XIX в. (рис. 1).

Интерес к Десятинной церкви возник очень рано. Ее археологическое изучение началось в XVII в. при митрополите Петре Могиле¹. Позже, в двадцатых годах XIX в., здесь вели археологические работы местный археолог-любитель К. Лохвицкий и немного позднее петербургский архитектор Ефимов, стремившиеся «отгадать и изъяснить весь план сего древнего памятника»². Серьезное изучение Десятинной церкви началось лишь в XX в. Оно было начато Д. В. Милеевым в 1908—1911 гг. и закончено М. К. Каргером в 1938—1939 гг. Оба последних исследователя работали в условиях, значительно менее выгодных, нежели их предшественники. Многие из того, что могли наблюдать при раскопках К. Лохвицкий и Ефимов, ко времени последних археологических исследований уже не существовало. Тем не менее в результате археологических исследований первой половины XX в. М. К. Каргеру удалось воссоздать план Десятинной церкви не только полностью, но и с такими подробностями, которые были упущены прежними исследователями (рис. 2)³.

Анализ полученного плана позволил М. К. Каргеру сделать ряд наблюдений, восстанавливающих в общих чертах как облик здания в целом, так и последовательность возникновения отдельных его частей. «Сложная сеть переплетающихся фундаментов,— пишет М. К. Каргер,— свидетельствует, прежде всего, о одновременности отдельных частей постройки. Древнейшим ядром является, несомненно, трехнефная постройка а с тремя апсидами с восточной стороны. Судя по наличию трех поперечных линий фундаментов, здание имело три пары столбов. По плану это шестистолпная трехнефная церковь, очень близкая к памятникам русского зодчества, которые были широко распространены в несколько более позднюю пору не только в Киеве, но и во всех городских центрах периода феодальной раздробленности. Древнейшее ядро здания, по-видимому, вскоре было расширено пристройкой широких галерей с южной и северной сторон. Гораздо более сложный комплекс пристроек, форму и назначение которых не удается восстановить, примыкает к западной стене древнейшей церкви»⁴. Далее М. К. Каргер указывает, что постройка галереи относится, по-видимому, к первой половине XI в., так как в 1039 г. Десятинная церковь была вновь освящена. Возможно, что второй строи-

¹ История изучения остатков Десятинной церкви подробно изложена М. К. Каргером. См. М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, II. Раскопки на территории Десятинной церкви (1938—1939). Киев, 1950, стр. 45—61.

² План первобытной киевской Десятинной Богородицкой церкви с объяснениями оного. Отечественные записки, ч. 21, № 59. СПб., 1825, стр. 399.

³ М. К. Каргер. Ук. соч., рис. 49.

⁴ Там же, стр. 74.

тельный период в истории Десятинной церкви связан с большим пожаром, уничтожившим в 1017 г. в Киеве ряд церквей¹.

Реконструкция древнейшего ядра Десятинной церкви, предложенная М. К. Каргером, была воспринята исследователями положительно. Так, А. Л. Монгайт, анализируя раскопанную им в Старой Рязани шестистолпную церковь, привел для сравнения целую таблицу древнерусских шести-

Рис. 1. Десятинная церковь. (Рисунок 1826 г.)

столпных храмов. Таблица начинается планом Десятинной церкви, выполненным по материалам М. К. Каргера архитектором К. Н. Афанасьевым². На плане древнейшая часть здания изображена в виде небольшой шестистолпной церкви. Вся же остальная сложная сеть фундаментов отнесена ко второму строительному периоду. При этом А. Л. Монгайт указывает, что шестистолпные трехнефные храмы без галерей, «отличающиеся простотой и компактностью плана, могут рассматриваться как национальный русский тип здания»³.

Шестистолпной, лишенной галерей, представляется Десятинная церковь X в. и Н. И. Брунову, который в этой «простоте очертаний плана» видит своеобразие русского зодчества, глубоко отличающее его от «измельченности и вычурности византийских форм X—XI вв.»⁴.

Н. Н. Воронин основным ядром Десятинной церкви также считает «трехнефный крестовокупольный храм». Однако к первому же строительному периоду он относит еще и «узкий притвор с запада». Боковые галереи он относит, как и М. К. Каргер, ко второму строительному периоду. Относительно внешней западной галереи Н. Н. Воронин своего мнения не высказал⁵.

¹ Там же, стр. 77.

² А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, вып. 38, М.—Л., 1951, стр. 22, рис. 11, 1.

³ Там же, стр. 20.

⁴ История русской архитектуры. Архитектура Киевской Руси, М., 1956, стр. 21 и 27—29.

⁵ Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 118.

Мысль М. К. Каргера о двух строительных периодах в истории создания Десятинной церкви, безусловно, верна. Имеет значение для дальнейшего развития древнерусского зодчества и тот факт, что основу Десятинной церкви составляла не пяти-, а трехнефная схема. Однако мне представляется, что в целом древнейшее ядро Десятинной церкви составляло не только трехнефное шестистолпное здание, что план Десятинной церкви X в. был несколько сложнее. Воссоздать его полностью пока не удастся. Наибольшие трудности представляет, безусловно, западная часть постройки. Тем не менее, одна немаловажная черта планового решения здания X в., как мне кажется, может быть восстановлена. Восстановление ее в значительной мере меняет представление о первоначальном облике церкви, а потому и выводы, делавшиеся на основании реконструкции М. К. Каргера, получают несколько иное направление.

Прежде всего бросается в глаза, что трехнефное ядро здания с боковыми достаточно широкими галереями имеет слишком тяжелую западную часть. Глубина помещений, примыкающих к западной стене церкви, составляет больше половины длины самой церкви и вдвое больше, чем ширина боковых галерей. Бросается в глаза также, что западная пристройка состоит не из одного, а как бы из двух рядов галерей, что уже отмечал и М. К. Каргер¹. В истории древнерусского зодчества не известно ни одного случая, чтобы церковь по первоначальному замыслу была опоясана с боков одним, а с запада двумя рядами галерей. Поэтому возникает вопрос, действительно ли древнейшим ядром здания была только трехнефная шестистолпная церковь. Не имела ли Десятинная церковь с запада притвора, о котором говорил Н. Н. Воронин? Нельзя не заметить, что фундаменты боковых галерей как бы перерезают фундаменты внутренней западной «галереи» или притвора. При этом фундаменты перемычек боковых галерей не сходятся с фундаментами «внутренней галереи». Из этого можно, по-видимому, заключить, что боковые галереи не синхронны западной «внутренней галерее». Поскольку же, как говорилось выше, наличие двух рядов галерей с запада предположить трудно и поскольку наружная западная галерея подобна боковым, следует думать, что в первой половине XI в. широкая галерея опоясала с трех сторон не просто трехнефную трехапсидную церковь, а церковь с более сложным планом, с какой-то пристройкой, часть которой сохранилась вдоль западной ее стены. Что же представляет собой эта пристройка? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Описывая боковые наружные галереи Десятинной церкви, М. К. Каргер указывал, что «на первой восточной перемычке северной галереи, на второй и четвертой (с востока) перемычках южной галереи хорошо сохранились мощные лопатки, свидетельствующие, по-видимому, о том, что широкие галереи имели какие-то конструктивные внутренние членения»². Данное предположение М. К. Каргера кажется маловероятным потому, что лопатки имеются не на всех, а лишь на некоторых перемычках. Все три лопатки помещаются не посредине перемычек, а сдвинуты ближе к фундаментам галерей. Расстояние между лопатками и стеной церкви равно ширине западной «внутренней галереи». Возникает вопрос, не являются ли лопатки остатками фундаментов галерей, опоясывавших трехнефную церковь с трех сторон и возведенных в X в., одновременно с церковью.

Прежде всего следует установить, какие части сохранившихся фундаментов могут относиться к древнейшим галереям. К ним могут быть отнесены участки поперечных перемычек от стен церкви до лопаток, сами лопатки и небольшие отрезки фундаментов за лопатками, необходимые для возведения крестчатых столбов. Таких древнейших перемычек с отчет-

¹ М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 67.

² Там же, стр. 74.

ливо выраженными лопатками, как указывалось выше, сохранилось три: самая восточная перемычка северной галереи, вторая и четвертая с востока перемычки южной галереи. В северной галерее на второй с востока перемычке лопаток нет (рис. 2). Все остальные перемычки северной галереи Д. В. Милеевым до конца раскопаны не были. Если на них были лопатки, то они должны были находиться около самой стены стасовской

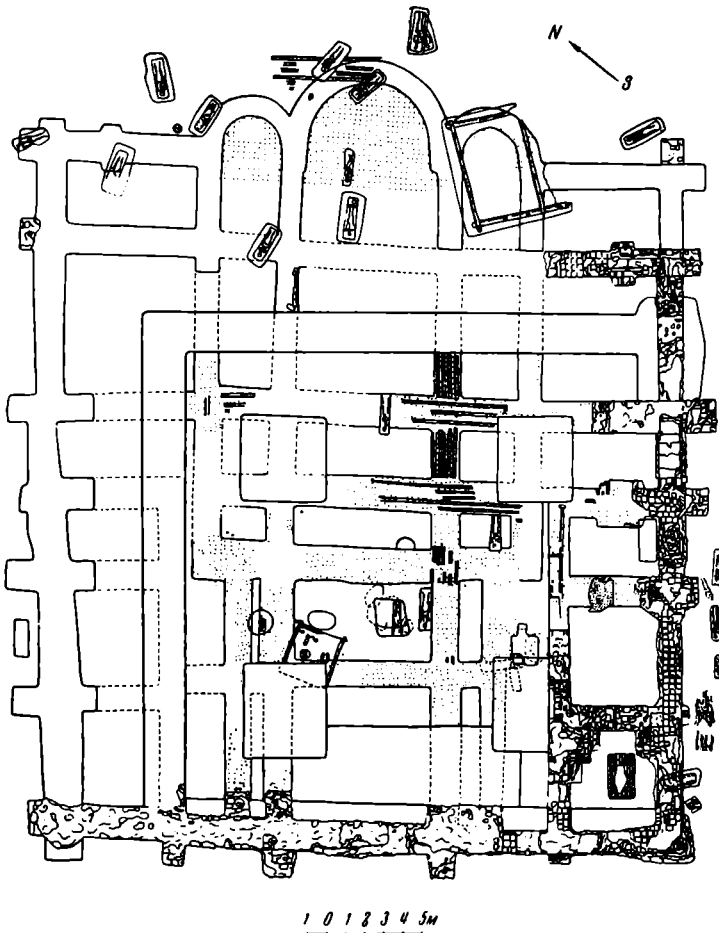

Рис. 2. План Десятинной церкви (по раскопкам М. К. Каргера)

Десятинной церкви. В южной галерее на первой и третьей с востока перемычках лопаток, безусловно, нет. Во время строительных работ начала XI в. при возведении более широких галерей перемычки галерей X в. пришлось нарастить, удлинив фундаменты перемычек соответственно ширине новых галерей. Из трех перемычек, имеющих лопатки, кладку фундамента сохранила только одна — вторая перемычка южной галереи. От двух других уцелели лишь рвы со следами деревянных субструкций. К сожалению, во время работ на территории Десятинной церкви в 1938—1939 гг. мысль о древней галерее не приходила в голову, а поэтому кладка фундамента перемычки не была изучена под этим углом зрения. Опубликованных фотографий¹ и чертежей² для этой цели недостаточно. Поэтому в настоящее время нельзя определить, существует ли граница или граница между кладкой X в. и приложенной к ней кладкой XI в. Во время

¹ ОАК за 1908 г., стр. 141, рис. 197, 198; М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 57, рис. 36 и стр. 73, рис. 48.

² М. К. Каргер. Ук. соч., рис. 49 и 50.

работ 1938—1939 гг. было замечено лишь, что характер кладки данной перемычки несколько отличен от остальных. В кладке огромное количество раствора. Кажется, что раствора в ней больше, чем камня. Отдельные камни тонут в массе раствора. Между лопатками на поверхности фундамента видны следы двух бревен, утопленных в растворе¹. Все указанные особенности данной перемычки мало помогают решению интересующего нас вопроса. Следует, однако, отметить, что северный конец перемычки, включая лопатки, сплошь покрыт отпечатками кирпичей; южный же ее конец, сохранившийся на значительно большую высоту, на поверхности имеет камень и комья раствора. Уходит ли кирпичная кладка под камни, сказать трудно. Возможно, что в южном конце перемычки кирпича в кладке фундамента нет.

Возникает вопрос, почему лопатки сохранились лишь на некоторых, а не на всех перемычках. В этом отношении существенно следующее наблюдение, сделанное М. К. Каргером во время работ 1938—1939 гг.: «Абсолютная глубина залегания фундамента уменьшается по направлению с запада на восток. Разница между уровнем его подошвы у юго-западного угла и самой восточной раскопанной точкой равна 0,40 м»². Следовательно, в восточных частях здания фундаменты были заложены на меньшую глубину, чем в западных. Именно в восточной половине здания находятся перемычки, сохранившие лопатки. При заложении фундаментов в XI веке в западной половине постройки на большую глубину строители разобрали старые, мельче заложенные перемычки. Так, третья с востока перемычка южной галереи в XI в., очевидно, была полностью выстроена на всем своем протяжении заново. Она заложена очень глубоко и отличается от соседних перемычек своей большей шириной и особой прямизной. Однако, несмотря на общую тенденцию к увеличению глубины заложения фундаментов по направлению к западу, глубина заложения отдельных участков сильно колеблется. Так, пятая с востока перемычка заложена мельче соседних. Подошва ее лежит выше граничащих с ней отрезков продольного фундамента, в то время как обычно фундаменты перемычек закладывались глубже, чем наружная линия фундаментов галерей³. Благодаря этому при закладке в XI в. пятой перемычки субструкции фундаментов X в. частично уцелели. На дне рва перемычки сохранилось большое пятно чрезвычайно твердого цементирующего раствора, выходящее за контуры рва. Очень может быть, что оно связано с фундаментом более древним, чем заложённая над ним перемычка. Лопатки четвертой перемычки почти вдвое шире лопаток второй перемычки, что отчасти может быть связано с деформацией их при удлинении перемычки в XI в.

Возможно ли, однако, чтобы галерея X в. была возведена не на сплошной сетке ленточных фундаментов, а лишь на коротких отрезках поперечных фундаментов? Напомним, что древняя западная галерея имеет обычный ленточный фундамент, состоящий из продольных и поперечных стен. Вряд ли можно допустить, что в боковых галереях отрезки продольного фундамента между перемычками были уничтожены при перестройке галерей в XI в. Если бы продольный фундамент в свое время существовал, то с перемычками он должен был пересекаться в местах, где ныне существуют лопатки. Однако торцовые стороны лопаток имеют ровную поверхность, чего не могло быть, если бы продольные фундаменты были разобраны. Если все же допустить, что лопатки являются остатками продольных фундаментов, то необходимо будет признать, что весь фундамент галереи был сложен вперевязь. В таком случае глубина залегания его подошв должна была быть примерно одинаковой на всех участках. Однако между перемычками нет никаких следов не только

¹ М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 72, рис. 48.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, стр. 66.

продольного фундамента, но и его деревянных субструкций. В то же время под разобранными перемышками и лопатками колышки сохранились. Колышки между лежнями забивали в грунт на довольно значительную глубину — 25—30 см. Поэтому, чтобы уничтожить следы продольных фундаментов, потребовалось бы произвести значительную выемку грунта, что вряд ли вызывалось необходимостью. Следовательно, вряд ли можно допустить, что при перестройке галерей в XI в. были разобраны не только самые фундаменты, но полностью уничтожены всякие следы и их субструкций. Учитывая все сказанное, можно предположить, что вдоль наружной линии галереи X в. фундаментов не было.

Безусловно, система заложения фундаментов, подобная описанной, довольно необычна. Однако нельзя сказать, что в истории древнерусского зодчества примеров не совсем обычного применения ленточных фундаментов не существует. То немногое, что известно о фундаментах заложенного в первые десятилетия XI в. Спасского собора в г. Чернигове, свидетельствует об отсутствии у здания сплошных ленточных фундаментов. Специального изучения их внутри собора не производилось. Производивший раскопки в соборе Н. Макаренко искал здесь древние погребения. Попутно выяснилось, что западная пара столбов связана ленточным фундаментом; однако между северо-западным столбом и северной стеной собора ленточного фундамента не существует¹. У большой шестистолпной церкви, построенной в Зарубском монастыре в конце XI в., имеются лишь поперечные ленточные фундаменты; продольными фундаментами ее столбы не соединены даже в подкупольном квадрате². У Михайловского собора, построенного в 1089 г. в г. Переяславе, судя по опубликованному чертежу, ленточные фундаменты были заложены далеко не везде³. Известны случаи отсутствия сплошной сетки ленточных фундаментов и в памятниках XII в. Очевидно, придется признать, что в галерее Десятинной церкви, построенной в X в., мы имеем один из таких случаев. Возможно, что легкость фундаментов боковых галерей и явилась причиной того, что при строительных работах начала XI в., связанных, как предполагает М. К. Каргер, с пожаром 1017 г., древние фундаменты боковых галерей использованы не были. Новая галерея была сооружена не рядом со старой, как, например, в Софии Киевской. Она поглотила старую галерею, перешагнула через нее. При этом фундаменты для новой галереи были заложены более основательные. Галерея с ее сплошными ленточными фундаментами вдоль западной стены церкви была сохранена, и широкая галерея XI в. не налегла на нее, а прошла рядом (рис. 3).

Можно ли найти объяснение, почему фундаменты боковых галерей X в. так отличались от фундаментов внутренней западной галереи, или это была чистая случайность? Думаю, что объяснять это случайностью было бы ошибочно. Как указывает М. К. Каргер, у поздних галерей на отдельных участках фундаменты также были различны. В восточной части южной галереи отдельные участки фундаментов сложены впритык друг к другу, западный же угол, как и вся западная стена, — вперевязь⁴. «По-видимому, — пишет М. К. Каргер, — зодчие учитывали различную нагрузку на разные части фундамента»⁵. В чем же выражалась разница в нагрузке на фундаменты южной и западной галерей? Как указывает М. К. Каргер, остатки кресчатых столбов южной галереи свидетельствуют о существовании открытых аркад вдоль южной стены церкви⁶. По-ви-

¹ М. Макаренко. Чернігівський Спас. Київ, 1929, стр. 51, рис. 46 и стр. 55, рис. 50.

² М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 53, рис. 14.

³ Егo же. Памятники Переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. СА, XV, 1951, стр. 57, рис. 6.

⁴ Егo же. Археологические исследования древнего Киева, стр. 65—66.

⁵ Там же, стр. 66.

⁶ Там же.

димому, такой же открытой была галерея и вдоль северной стены. М. К. Каргер считает, что и западная наружная галерея была открытой¹. Он указывает, что около третьей с юга лопатки западного фундамента сохранилось, «по-видимому, основание крестчатого столба, сложенного из небольших ровных, тесаных квадров песчаника...»². Как видно из описа-

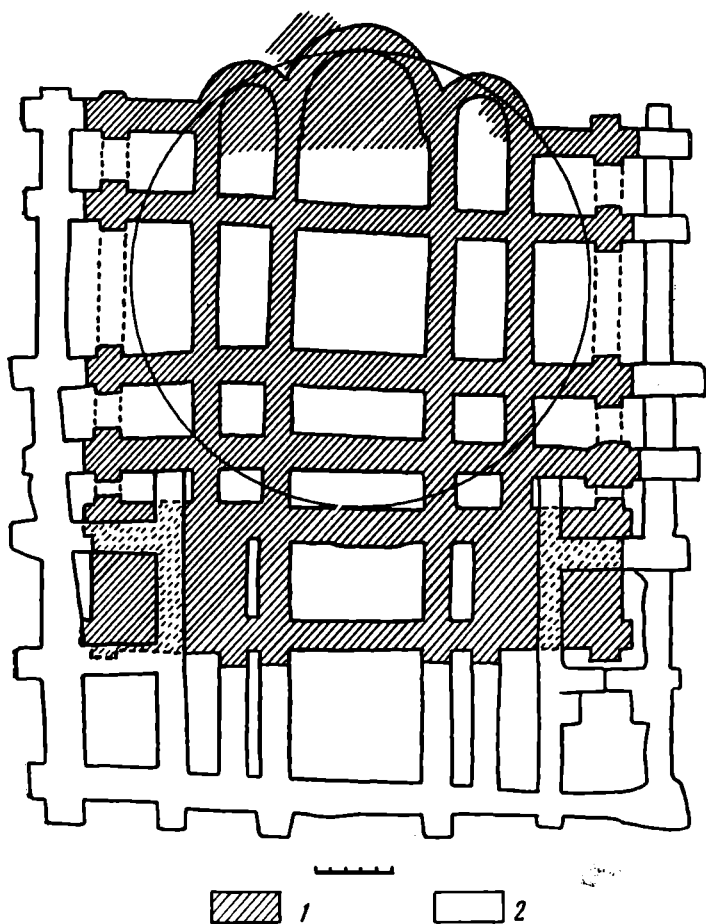

Рис. 3. План Десятинной церкви, расчлененный на строительные периоды

1 — фундаменты конца X в.; 2 — фундаменты начала XI в.

ния М. К. Каргера, рукава крестчатого столба прослеживаются только с двух сторон — с северной и восточной. С западной стороны рукав креста явно разрушен. Но с южной (при отсутствии каких-либо выбоин в кладке) никаких следов крестчатого столба нет. Он сливается с кладкой стены, отходящей от него на юг. Последнее обстоятельство наталкивает на мысль, что у третьей пиллястры мы имеем остатки не столба, а края проема, который трудно назвать дверью, поскольку до соседней, четвертой пиллястры примерно 5,5 м. По-видимому, между третьей и четвертой пиллястрами возвышалась большая арка, но в стороны от нее шли не арки, а сплошные стены. На рисунке Десятинной церкви, сделанном в 1826 г., на переднем плане изображен большой участок стены, входившей в кладку могилянской церкви, сооруженной в XVII в. над юго-западным углом древней

¹ Там же, стр. 65 и 74.

² Там же, стр. 68.

Десятинной церкви (рис. 1). На рисунке изображена именно стена, а не аркада. Трудно допустить, чтобы рисовальщик спутал аркаду (если бы она имелась) со сплошной стеной¹. Сплошная стена была выстроена также над фундаментом, идущим на восток от второй пилястры западной стены, т. е. параллельным южной линии фундаментов южной галереи. Эта стена также входила в состав могилянской церкви (рис. 4)². Если мы вспомним, что все фундаменты, на которых нам известны не арки, а стены,

Рис. 4. Северная стена юго-западного помещения Десятинной церкви XI в., вошедшая в состав церкви XVII в.

сложены не впритык, а вперевязь, то, пожалуй, мы сможем понять, почему некоторые участки Десятинной церкви имели сплошные фундаменты, другие же были составлены из отдельных, не связанных друг с другом отрезков. По-видимому, под аркады строители подводили фундаменты, сложенные из отдельных отрезков впритык, под стены же фундамент делался в виде монолитной кладки. Следовательно, Десятинную церковь XI в. мы должны будем представить себе окруженной с двух сторон аркадами и с третьей, западной, — закрытым помещением или притвором.

Вернемся снова к древнейшей Десятинной церкви. Как было указано, древняя западная галерея имела более мощные фундаменты, чем боковые, т. е. фундамент ее состоял не только из отрезков, перпендикулярных стене церкви, но и из фундаментов, параллельных ей. Состояние сохранившихся частей фундаментов западной галереи таково, что мы не можем по ним судить, были ли они монолитными или отдельные участки их были приложены друг к другу впритык. Можно высказать лишь пред-

¹ На рисунке 1826 г. наиболее отчетливо изображен участок внешней западной стены церкви. Меньший фрагмент стены на втором плане соответствует, по-видимому, стене, возвышавшейся над первой перемычкой южной галереи. Труднее поддается определению трехступчатая стена на заднем плане. Стена вытянута по направлению восток — запад. Возможно, художник не совсем удачно изобразил здесь три крайние восточные столба южной галереи. При сильном ракурсе пролеты между столбами не видны. Смущает лишь отсутствие крестчатости у столбов. Рисунок впервые опубликован в «Галерее киевских достопримечательных видов и древностей» (Киев, 1857, тетрадь VI, табл. VI).

² Рисунок опубликован там же, тетрадь VII, табл. VII.

положение, что более основательные (по сравнению с боковыми) фундаменты западной галереи несли на себе и более монументальные наземные сооружения. Не исключена возможность, что в достройках XI в. была повторена композиция древней части Десятинной церкви, т. е., что Десятинная церковь X в. имела с боков открытые галереи, а с запада — закрытое помещение или притвор. Не следует забывать, что Десятинная церковь Владимировой постройки простояла всего 20 лет; что это было

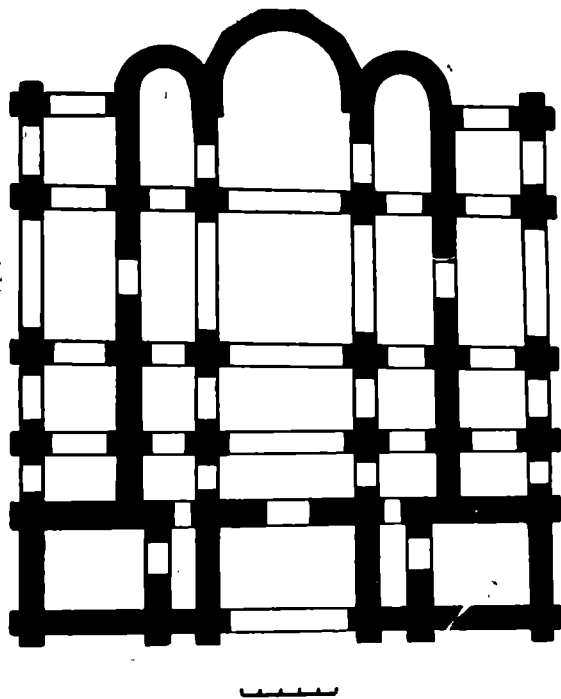

Рис. 5. Схематический план Десятинной церкви конца X в. (Опыт реконструкции)

первое монументальное здание Киева, и вряд ли возникла надобность существенно менять ее план и внешний облик, которые могли вполне удовлетворять вкусам и потребностям общества как самого конца X в., так и самого начала XI в. О возможности повторения некоторых композиционных решений древней Десятинной церкви во второй строительный период как будто бы говорит еще одно наблюдение. Юго-западный угол Десятинной церкви, судя по сохранившимся фундаментам и участкам стен, представляется довольно замкнутым, до некоторой степени изолированным помещением. Оно занимало, по-видимому, не только юго-западное угловое звено, но и звено, соседящее с ним с востока. Северная стена этого помещения лопатки снаружи не имеет; на южном и западном фасадах — одинаковые маленькие, как бы декоративные лопатки, не похожие на остальные мощные пилястры. Все фундаменты углового, а также частично и соседнего с ним звена сложены вперевязь. Кладка фундаментов, особенно в угловом звене, крайне сложна и пока не понятна; середина звена испорчена поздним кирпичным склепом. На рисунке 1826 г. древнее узкое окно показано только вверху (рис. 1); внизу окон нет. Назначение данного двухкамерного помещения неясно; возможно, оно принадлежало башне.

Всматриваясь в остатки субструкций юго-западного угла церкви X в., сильно поврежденных фундаментами XI в. и тайником, можно подметить некоторые мелкие, но любопытные подробности. Площадь, покрытая ямками от колышков, в районе тайника немного шире, чем обычная ширина фундамента. При этом нет уверенности, что колышки не шли и дальше к югу, поскольку на подошве фундамента юго-западного угла собственно церкви колышки также уничтожены. Еще дальше к югу, уже на площади галереи, имеется твердое известковое пятно, о котором говорилось выше, по-видимому, не связанное с субструкциями перемычки. Сопоставляя эти отрывочные данные с расположением фундаментов в данном районе, я решаюсь высказать предположение, что юго-восточный угол древнего притвора был рассчитан на большую нагрузку, а поэтому (подобно апсидам) имел сплошную известковую подошву. По-видимому, лежни, залитые раствором, могли покрывать в юго-западном углу притвора почти квадратную площадь. Чрезвычайно интересно, что на плане Десятинной

первое монументальное здание Киева, и вряд ли возникла надобность существенно менять ее план и внешний облик, которые могли вполне удовлетворять вкусам и потребностям общества как самого конца X в., так и самого начала XI в. О возможности повторения некоторых композиционных решений древней Десятинной церкви во второй строительный период как будто бы говорит еще одно наблюдение. Юго-западный угол Десятинной церкви, судя по сохранившимся фундаментам и участкам стен, представляется довольно замкнутым, до некоторой степени изолированным помещением. Оно занимало, по-видимому, не только юго-западное угловое звено, но и звено, соседящее с ним с востока. Северная стена этого помещения лопатки снаружи не имеет; на южном и западном фасадах — одинаковые маленькие, как бы декоративные лопатки, не похожие на остальные мощные пилястры. Все фундаменты углового, а также частично и соседнего с ним звена сложены вперевязь. Кладка фундаментов, особенно в угловом звене, крайне сложна и пока не понятна; середина звена испорчена поздним кирпичным склепом. На рисунке 1826 г. древнее узкое окно показано только вверху (рис. 1); внизу окон нет. Назначение данного двухкамерного помещения неясно; возможно, оно принадлежало башне.

церкви архитектора Ефимова в противоположном, северо-западном углу притвора, между фундаментами помечены, по-видимому, также лежни (во всяком случае, Ефимов также изобразил лежни на двух других участках плана)¹. Вероятно, и в северо-западном углу под фундаментами притвора была известковая подошва. Следовательно, оба западных угла притвора, по-видимому, были рассчитаны на значительную нагрузку. Были ли здесь башни или как-либо иначе оформленные части здания, сказать трудно. В целом план Десятинной церкви X в., как он рисуется по сохранившимся частям здания, имеет довольно сильно выраженный византийский облик (рис. 5).

Реконструируя подобным образом юго-западный и северо-западный углы древней церкви, получим, пожалуй, довольно правдоподобное объяснение странной особенности плана Десятинной церкви — ее двум парам фундаментов, идущих параллельно и на чрезвычайно близком расстоянии друг от друга и пересекающих оба западных притвора. Понятно будет также и смещение крайних северного и южного фундаментов западного притвора в сторону продольной оси здания. Если бы последние были фундаментами для обычных перемычек, они располагались бы у самых углов церкви. Кроме того, при подобной реконструкции первые перемычки к востоку от угловых помещений северной и южной галерей также окажутся поставленными очень близко к угловым помещениям. При постройке в XI в. внешнего притвора северный, продольный фундамент углового помещения древней церкви был, по-видимому, использован, южный и западный не были использованы. Над северным фундаментом была, вероятно, перекинута арка, что вызвало необходимость сооружения соответствующего ей арочного пролета и во внешнем притворе. На фасаде эти арки не были отмечены пилонами, поскольку они были, по-видимому, мало загружены.

Многое еще в Десятинной церкви остается неясным и требующим дальнейшего изучения. В частности, осталось невыясненным, существовали ли перед входом в церковь с запада мощные пилоны, помеченные на плане Ефимова². Исключительно интересные подробности, не сохранившиеся ко времени последних раскопок, наблюдали К. Лохвицкий и Ефимов, копавшие Десятинную церковь в начале XIX в. В центральном пролете по обе стороны от главного входа «нашлись базы и обломки толстых белого мрамора колонн и капителей их с карнизамы... За левою из сих колоннад оказались три места гробовые, окладенные гладко тесанным диким камнем»³. В восточной части помещения с «тремя местами гробовыми», в толще стены была маленькая апсида. Насколько верна атрибуция помещения, сделанная исследователями XIX в., и не имеем ли мы здесь баптистерия, сказать трудно. Последнему предположению будто бы противоречит то, что помещение с апсидкой было совершенно открытым. Через арку или арки, опиравшиеся на колонны, и через большой проем в западной стене оно беспрепятственно сообщалось с улицей. Не исключена возможность, однако, что пролет главного входа имел не сохранившиеся до наших дней дополнительные членения.

Предлагая новую реконструкцию Десятинной церкви, я, безусловно, отдаю себе отчет в том, насколько спорны и недостаточно подкреплены необходимыми доказательствами отдельные ее элементы. Несмотря на это, я все же делаю попытку подойти к восстановлению первоначального облика церкви, поскольку памятник этот имеет большое значение для последующей истории древнерусского зодчества. Значение ее, однако, за-

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования..., рис. 32.

² Там же, рис. 32.

³ План первобытной киевской Десятинной Богородицкой церкви с объяснениями оного. Отечественные записки, ч. 21, № 59. СПб., 1825, стр. 389, 390, таблица; Описание Десятинной церкви в Киеве, Киев, 1872, стр. 12, таблица; М. К. Каргер. Археологические исследования..., рис. 31 и 32.

ключается, на мой взгляд, не в том, в чем видят его А. Л. Монгайт¹ и Н. И. Брунов. Считая, что Десятинная церковь X в. была трехнефной постройкой, лишенной галерей, Н. И. Брунов и А. Л. Монгайт видят в простоте ее плана своеобразие, «глубоко отличающее ее от современных ей произведений византийского зодчества»². Десятинная церковь X в. была,

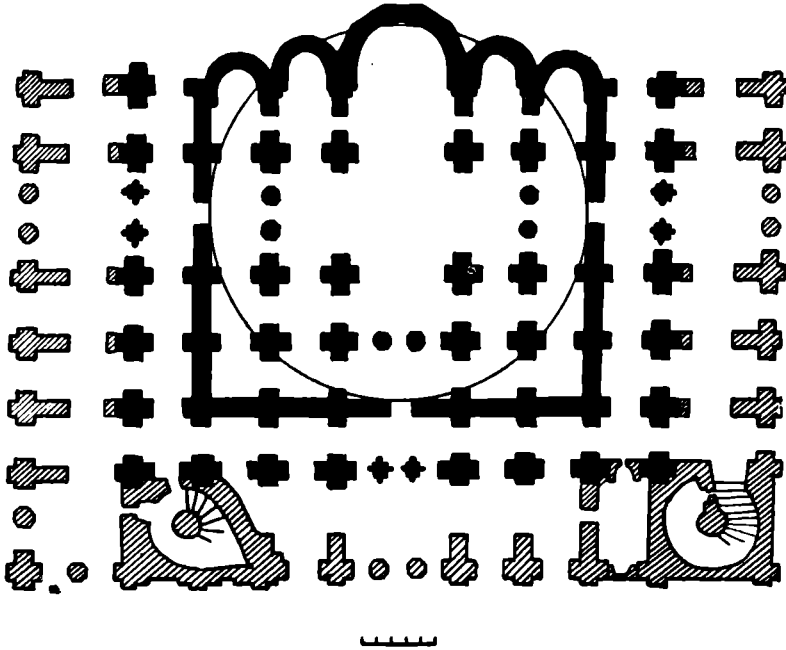

Рис. 6. Схематический план Софийского собора в Киеве

как мне кажется, не простым и сравнительно небольшим шестистолпным зданием, а имела и большие размеры, и значительно более сложный план.

Поскольку древнейшим ядром церкви принято было, после раскопок М. К. Каргера, считать трехнефную постройку без галерей, появление галерей вокруг храмов тем самым отодвигалось в XI в. В начале XI в. галереи появились у самой Десятинной церкви, к тому же самому времени относится Софийский собор в Киеве с его первым рядом галерей (рис. 6); в 1045—1050 гг. был построен окруженный галереями Софийский собор в Новгороде (рис. 7). Если при этом учесть, что как киевский, так и новгородский Софийские соборы были пятинефными, то трехнефная Десятинная церковь, лишенная галерей, действительно выглядела исключением среди ближайших по времени построек. Поэтому стало обычным рассматривать ее не в связи с Софийскими соборами, а считать родоначальницей, прототипом шестистолпных церквей периода феодальной раздробленности. Мне представляется это неверным.

Десятинной церкви X в. с ее галереями, задуманными и построенными одновременно с ее трехнефным ядром, следует, мне кажется, предоставить место в группе выдающихся памятников древнерусского зодчества начала XI в. — больших городских соборов и монастырских храмов Киева, Новгорода, Полоцка, которые, несмотря на сложность их композиции, не перестали быть гордостью русского национального зодчества. Не берусь решать, была ли Десятинная церковь X в. прототипом построенных вслед за ней зданий того же круга. Но древнейшая на Руси галерея была

¹ А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 20.

² Н. И. Брунов. Ук. соч., стр. 21.

именно у Десятинной церкви. Галерея эта была задумана и построена одновременно с основным ядром здания, а не в результате случайно появившейся необходимости укрепить здание после пожара в начале XI в.

Сопоставляя план Десятинной церкви владимировой поры с ближайшими ей по времени и замыслу памятниками — Софийскими соборами Киева, Новгорода и Полоцка, большими киевскими храмами Ирины, Георгия и безымянным храмом на Митрополичьей усадьбе, — видим, что

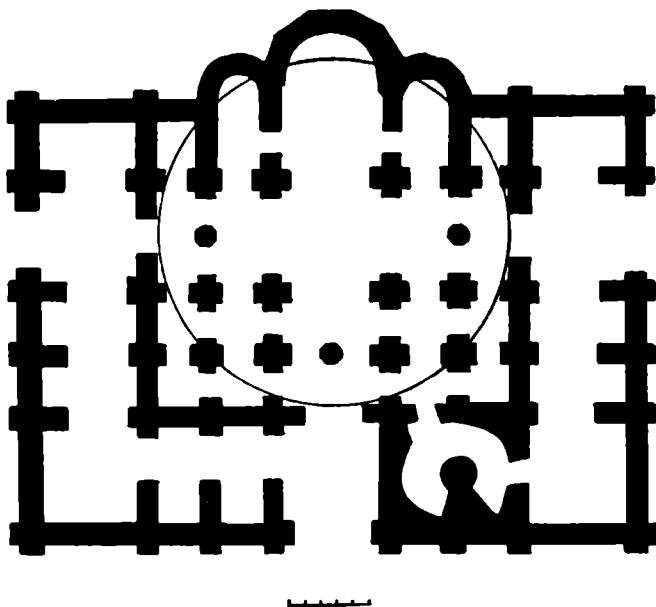

Рис. 7. Схематический план Софийского собора в Новгороде

Десятинная церковь дает еще один новый вариант памятников данного круга. Интересны пропорции Десятинной церкви, о которых следует сказать несколько слов. Как указывает К. Н. Афанасьев, «одной из характерных особенностей пятинефных храмов Киева является равенство их длины и ширины. Окружность, вписанная на плане в интерьер храма, касается равно всех крайних четырех его сторон. Это соотношение выдержано совершенно точно у храма Софии Киевской и Георгиевской церкви. В Ирининской церкви оно выдерживается с известным приближением»¹ — ее продольная ось несколько длиннее поперечной. Чрезвычайно интересно, что окружность, нанесенная на план Десятинной церкви, вписывается в него так же легко, как у упомянутых выше зданий, с той лишь разницей, что она касается внутренних сторон не стен, а боковых галерей церкви. Западный притвор, как у Софии Киевской, а также и Новгородской, остается вне окружности. Другими словами, в основе плана владимировой Десятинной церкви лежит не трехнефная, а пятинефная схема, но ее крайние северный и южный нефы представляли собой открытые галереи.

Хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство. Сравнивая Софийские соборы Новгорода и Киева, К. Н. Афанасьев сопоставляет их размеры и устанавливает полное совпадение как основных размеров храмов (длины и ширины), так и размеров их отдельных частей (диаметров апсид, лестниц, толщины стен). Отсюда К. Н. Афанасьев делает вывод: «Очевидным кажется, что зодчий храма Софии Новгородской сознательно добивался равенства в габаритных размерах обоих храмов»². Подмечен-

¹ К. Н. Афанасьев. Новый вариант реконструкции храма Софии в Новгороде. Сообщения Института истории искусства АН СССР, вып. 2, М., 1953, стр. 108.

² Там же, стр. 108.

ная К. Н. Афанасьевым близость размеров соборов двух крупнейших городов Киевской Руси чрезвычайно интересна. Однако в данном вопросе мне хотелось бы уточнить одну деталь. Несмотря на то, что «наружный контур прямоугольной части храмов равен один другому»¹, соотношение отдельных частей зданий в пределах прямоугольников различно. У Софии Киевской пятинефное ядро здания занимает бо́льшую площадь прямоугольника, нежели у Софии Новгородской. Вследствие этого галереи Софии Киевской почти вдвое уже очень широких галерей Софии Новгородской. Только при постройке второго пояса галерей в конце XI в. у Киевской Софии появились такие же широкие галереи, как в Новгороде.

Однако раньше чем были построены широкие галереи Киево-Софийского, а также и Новгородского Софийского соборов, широкие галереи появились у Десятинной церкви. Широкие галереи Десятинной церкви начала XI в. заменили ее узкие галереи конца X в. Последовательность изменения ширины галерей в Десятинной церкви та же, что и в Софийском соборе Киева, только в Софии галереи примкнули одна к другой, в Десятинной же церкви новая галерея уничтожила старую. Мы не знаем точно времени заложения широких галерей Десятинной церкви. Известно лишь, что постройка их была закончена до 1039 г.² Поэтому неизвестно, существовали ли широкие галереи Десятинной церкви в то время, когда в Софийском соборе строились узкие галереи, или широкие галереи Десятинной церкви были выстроены позже первого пояса Софийских галерей. Ясно только, что тенденция шла в сторону расширения галерей, что галереи конца X и начала XI в. строились узкими, но что в начале же XI в. появились первые широкие галереи. Не подлежит сомнению также и то, что широкие галереи Софии Новгородской были построены тогда, когда такие же галереи вокруг Десятинной церкви уже существовали. Следует указать еще на одну чрезвычайно любопытную подробность: ширина широких галерей всех трех соборов — Софии Киевской, Софии Новгородской и Десятинной церкви — примерно одинакова³, она колеблется в пределах 6—6,5 м. Но особенно важно для нас то, что ширина узкой галереи Десятинной церкви (как она реконструирована нами) и ширина узкой галереи Киевской Софии также равны (около 3,5 м). Последнее служит лучшим подтверждением правдоподобности предложенной реконструкции Десятинной церкви.

Поскольку по ряду черт Десятинная церковь оказывается столь близкой большим храмам XI в., имеющим в основном граненые средние апсиды, центральную апсиду Десятинной церкви, видимо, следует представлять себе также граненой.

В заключение я хочу указать, что не считаю предложенную реконструкцию ни окончательной, ни полной. Работу в этом плане необходимо продолжать, не боясь, что те или иные элементы реконструкции придется со временем заменить новыми. Насколько трудна работа по воссозданию облика этого древнейшего памятника древнерусского зодчества, показывают многочисленные и противоречивые варианты реконструкций Софийских соборов Киева и Новгорода, сохранившихся до куполов. Очевидно, потребуется немало усилий, чтобы облик Десятинной церкви, этого ценнейшего памятника русской культуры, от которого сохранились лишь следы, мог быть восстановлен с максимально возможной полнотой.

¹ Там же.

² М. К. Каргер. Археологические исследования..., стр. 77.

³ Видимо, по странной случайности ширина поздних пристроек, окружающих собор Киево-Печерской лавры (1073—1078 гг.), равна также шести с небольшим метрам. Насколько мне известно, фундаменты пристроек собора не исследовались. Было бы неплохо при случае выяснить, на чем они возведены.

ДРЕВНИЕ ГОРОДА МОНГОЛИИ

«Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде», — эта формула, впервые созданная Сыма Цянем и повторенная много раз китайскими хронистами, на многие века определила понимание историками основных линий жизни центральноазиатских народов.

Безраздельное господство этой формулы заставило большинство исследователей проходить мимо свидетельств о наличии в Монголии издавна и оседлости, и городов.

Между тем ясно, что невнимание к такой важной стороне культуры, столь тесно связанной с основными особенностями производства, приводит к неправильному представлению о ходе исторического развития в Центральной Азии.

Я не могу здесь представить всех данных, уже имеющихся по этому вопросу, однако должен отметить, что памятники, свидетельствующие об оседлости и занятии земледелием, имеются в Монгольской Народной Республике как от конца бронзового века, так и от времени гуннов, когда впервые здесь появляются укрепленные городища. Что же касается более поздних эпох, то для них имеются еще большие основания говорить о наличии оседлости и поселений городского типа.

В Комитете наук Монгольской Народной Республики еще к 1946 г. было зарегистрировано 27 развалин «балгас» — городов (развалин, достаточно обширных и сохранивших ясно выраженные остатки каменных или глинобитных стен), а также до 20 «херем» — валов, представляющих в большинстве своем развалившиеся оборонительные сооружения вокруг поселений городского типа, также весьма обширных, достигавших иногда более 30 га.

Совершенно очевидно, что нельзя, занимаясь историей Монгольской Народной Республики, пройти мимо таких свидетельств о наличии в этой части Центральной Азии городов и городской жизни. Не позволяет этого сделать и история русской географической науки. Еще в 1618 г. (записано было в 1620 г.) в докладе первого русского путешественника в Китай Ивана Петлина отмечалось наличие городов в мунгальской земле.

По словам Ивана Петлина, города эти «...деланы на четыре угла, по углам башни великие с роскаты, а с исподе у городов кладен камень сырой, а к верху кирпич., а на дворах палаты невысоки кирпичные, а у палат подволоки выписаны травами разными красками зело урядно, не хочется из палат и выйти»¹.

Приводя данные Петлина, использующие их ученые сомневаются в возможности связывать их с Внешней Монголией. Однако маршруты Петлина, исследованные впервые детально Ф. И. Покровским², а затем Д. М. Лебедевым³, Э. М. Мурзаевым⁴ и др., убеждают нас в том, что мы должны большинство его описаний связывать с Внешней Монголией.

¹ Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г. Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским, ч. 2, СПб., 1818.

² Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Изв. ОРЯСАН, т. 18, вып. 4, СПб., 1913.

³ Д. М. Лебедев. География в России XV века. М.—Л., 1949, стр. 117—120.

⁴ Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика. М.—Л., 1952, стр. 69—70.

Маршруты Петлина, как известно, пролегали по нынешней территории Монгольской Народной Республики. Он вступал в Китай очень близко от Калгана, и поэтому его описания связываются главным образом с Внешней Монголией.

Интерес к городам Монголии традиционен для русской науки. Я не буду перечислять здесь все имена, сошлюсь только на Н. Я. Бичурину, который всегда включал в свои сочинения сведения о городах. Нельзя также умолчать об историке А. М. Позднееве, который в работе о монгольских хутухтах в ряде мест коснулся вопроса о городах, а также написал специальную книгу, посвященную городам северной Монголии¹.

Все сказанное требует от нас выяснения истинной роли городской жизни в историческом развитии народов Центральной Азии, к которым вполне применимо одно из основных положений К. Маркса относительно прошлого Азии: «у всех восточных племен можно установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части».

Посмотрим, какие же факты имеются по интересующему нас вопросу. Не касаясь глубокой древности, нельзя все же пройти мимо данных, относящихся к гуннской эпохе. Два крупнейших советских археолога — Г. П. Сосновский и А. П. Окладников — открыли и раскопали Нижне-Иволгинское городище на левом берегу р. Селенги, ниже впадения в нее р. Иволги, около г. Улан-Уде². Площадь городища свыше 1 га. Оно укреплено четырьмя линиями валов, за которыми располагались жилища из сырца. Деревянные подпорки, поставленные в стенах жилища, и отопительные каналы, идущие под землей, совершенно такие же, какие обнаружены Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова в китайском дворце около г. Абакана, относящемся также к ханьскому времени³. Гуннская керамика, земледельческие орудия труда, ямы для хранения продуктов — вот что осталось нам от этого поселения. Недавно возник вопрос относительно того, кто оставил это поселение: оставили ли его гунны (как считают А. П. Окладников и Г. П. Сосновский) или же китайские пленники, которые якобы здесь жили (как полагают исследовавшие в 1940 г. эти поселения А. В. Давыдова и В. П. Шилов)⁴. Мне представляется, что этот вопрос должен быть решен в пользу гуннов, ибо едва ли можно предполагать, что китайские земледельцы, находившиеся у гуннов на положении пленных или переселенцев-перебежчиков, имели право и возможность отгораживаться от основного населения четырьмя линиями валов, сохранившихся до настоящего времени на высоту более 1,5 м. Наличие открытых чисто гуннских поселений в Забайкалье, например поселения в Дуренах на р. Чикое, только подтверждает, что Нижне-Иволгинское городище является прямым свидетельством оседлости у части гуннских племен.

Новым памятником, который следует связать с этой же эпохой, является городище Харальчи Хэрэмгийн-балгас, открытое членом Советско-Монгольской историко-археологической экспедиции К. В. Вяткиной на левом берегу р. Селенги.

Здесь было открыто городище размером 200×200 м, с высоким валом, с четырьмя воротами, с остатками глинобитных строений. Покрывались

¹ А. М. Позднеев. Города Северной Монголии. СПб., 1880.

² Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1934, № 7-8, стр. 150—156; А. П. Окладников. Работы Бурято-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг., КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 41—44; История Бурято-Монгольской АССР, т. I, изд. 2-е. Улан-Уде, 1954, стр. 30—36.

³ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII, 1946; Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «земле Хягас». КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 79—85.

⁴ А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Зап. БМНИИК, вып. XIII—XIV, 1952; А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, стр. 261—300.

эти строения типично ханьской черепицей, совершенно аналогичной найденной в китайском дворце около г. Абакана.

Керамика, найденная в этом городище, сходна с керамикой, обнаруженной экспедицией академика Б. Я. Владимирцева в одном из погребений в местности Наинтэ-Сумэ, также относящемся к гуннскому времени¹.

Аналогичное городище известно также у Джаргаланты-Сомона, в той же части Монголии. Имеются и письменные свидетельства о том, что гунны пытались в 81 г. до н. э. построить город со складами для хранения зерна². Это только подкрепляет изложенные археологические факты. Думаю, что только слабой изученностью Центральной Азии в археологическом отношении объясняется то обстоятельство, что пока нам неизвестны поселения поздней гуннской эпохи вплоть до уйгурского времени, до IX в.

Нельзя, однако, игнорировать летописное свидетельство о том, что Мочжо-хан (693—716) потребовал от китайцев и получил 100 тысяч ху проса на посев и 3000 сельскохозяйственных орудий. Китайцы не дали только «несколько десятков тысяч гиннов железа», причем мотивировали это тем, что железо может пойти не только на сельскохозяйственные орудия, но и на стрелы, которые могут быть пущены в китайские войска³.

Это свидетельствует о широком развитии земледелия и во всяком случае позволяет предполагать, что известная часть племен, находившаяся под властью Тюкузских ханов так же, как и в гуннскую эпоху, занималась земледелием и жила оседло.

Более ясная картина открывается перед нами благодаря исследованиям Д. А. Клеменца, а затем В. В. Радлова по периоду Уйгурского ханства. Я имею в виду материалы, которые связаны с изучением столицы Уйгурского ханства, г. Хара-балгас, расположенного в верхнем течении р. Орхон, в 15 км к северу от монастыря Эрдени Цзу⁴. В 1949 г. здесь были произведены раскопки и уточнен план города и цитадели (рис. 1).

Хара-балгас, находящийся на левом берегу р. Орхона, когда-то, очевидно, подступавшей к его стенам, представляет собой огромный город,

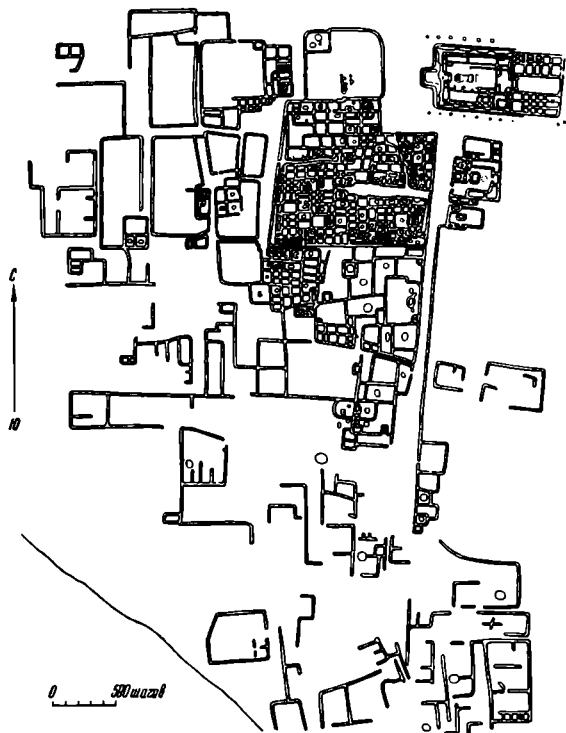

Рис. 1. План города и крепости Хара-балгас, столицы уйгурского ханства IX в.

¹ Северная Монголия, вып. II. Л., 1927, стр. 64—67.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 77—78.

³ Там же, стр. 269.

⁴ См. В. В. Радлов. Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I, СПб., 1892, стр. 4—6; Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. II, СПб., 1895, стр. 48—59.

занимавший пространство до 25 км². На весьма неточном плане, помещенном в Атласе древностей Монголии¹, показана только его центральная часть. Чтобы представить себе, каков он был на самом деле, достаточно сказать, что одна цитадель с прилегающими к ней садами занимает в длину почти 1 км. Размеры центральной части города, окруженной специальными валами и находящейся к юго-западу от цитадели, равны 1×1 км. Далее идут менее заселенные кварталы и расположенные за внешними валами города сады и обширные усадьбы.

В. В. Радлов, Н. М. Ядринцев и Д. А. Клеменц считали, что крепость и цитадель построил Мункэ-хан и что только город представляет собой развалины столицы уйгурских ханов. Это — совершенно неправильное мнение.

Раскопки 1949 г. показали, что материалы из цитадели, крепости и города неотличимы (в частности, совершенно однородна керамика, взятая из города, из цитадели и крепости).

Крепость огромна не только в плане. Ее стены и сейчас возвышаются на 10 м, а укрепления цитадели достигают 12 м. В середине крепости стоит донжон — сторожевая башня, возвышающаяся на 14 м над степью.

Внутри крепости было обнаружено раскопками дворцовое здание, богато украшенное черепицей с красивой лепкой. Украшения эти типичны для позднего танского времени. Разведочные раскопки на вершине цитадели, занимающей юго-восточный угол крепости, показали, что здесь было многоэтажное сооружение с отоплением, штукатуренными стенами и дверями, обитыми художественно украшенной бронзой. Черепица от этого здания аналогична дворцовой и так же, как и орнаментика дверей, относится к танской эпохе.

За воротами крепости к Орхону тянулись сады, от которых остались правильно распланированные решеткой кварталы.

Крепость окружали форты в виде массивных башен.

При взгляде на план города становится очевидным, что он строился с учетом наличия крепости и цитадели. В линии его стен в северо-восточном углу, примыкающем к цитадели, имеется прямоугольная выемка. Эта выемка сделана сознательно, в военных целях (вокруг крепости близко не разрешалось селиться; здесь было свободное место — своеобразное застенье).

Помимо крепости, цитадели и центральной части города, в Харабалгасе имеется храмовый квартал, расположенный к югу от крепости и примыкающий к нему с востока, — квартал, по-видимому, посвященный уйгурским ханам. Возможно, здесь была их усыпальница, так как именно здесь найден в разбитом виде знаменитый памятник, на котором имеется надпись по-уйгурски, по-китайски и по-орхонски (по-древнетюркски), принадлежавший одному из ханов уйгурского дома².

Что представлял собой город? Пока удалось исследовать только один дом. Этот дом дал ту же керамику, что цитадель и крепость. Принадлежал он, по-видимому, ремесленнику, работавшему по металлу, судя по тому, что мы нашли здесь вар, медные листы и слитки бронзы. Вар, очевидно, употреблялся при тиснении по меди басменным способом. Этим приемом были выполнены упомянутые выше украшения дверей в цитадели.

Город был сожжен. Всюду, где мы его исследовали, — в крепости, цитадели, в храмовом и городском кварталах, — всюду находились слои страшного пожарища. Этот пожар, конечно, надо связывать с уничтожением города енисейскими кыргызами, которые подчинили себе уйгурское ханство (около 840 г.). К тому же времени относится и найденная среди развалин монета императора Буцзуна (840 г.).

¹ Атлас древностей Монголии. Тр. Орхонской экспедиции. СПб., 1892, табл. XXVII.

² Там же, табл. XXX—XXXV.

Кыргызы, по-видимому, основательно разрушили город. Обращает на себя внимание одна очень яркая деталь. В городе, а также в окружающем его сельскохозяйственном районе почти в каждом доме были ступы или жернова для размола зерна. И все эти жернова и ступы оказались разбитыми, как были разбиты стелы уйгурских ханов. После пожара Хара-балгас не был восстановлен. Только в отдельных местах попадаются обломки керамики монгольского времени.

По аналогии с планом Хара-балгаса, его крепости и цитадели мы можем определить и целый ряд других городов, относящихся, по-видимому, к тому же уйгурскому времени. Такими являются крепость Тайджин-Чуло, Тойтен-Тологой и целый ряд других, исследованных Д. Д. Букиничем, по рр. Селенге и Орхону¹. Всех их отличает оседлость, сельскохозяйственный район вокруг города, наличие ремесел и оригинальная керамика со штампованным узором, аналогичная найденной в Хара-балгасе и широко известная за пределами Монголии под названием «кыргызских ваз»².

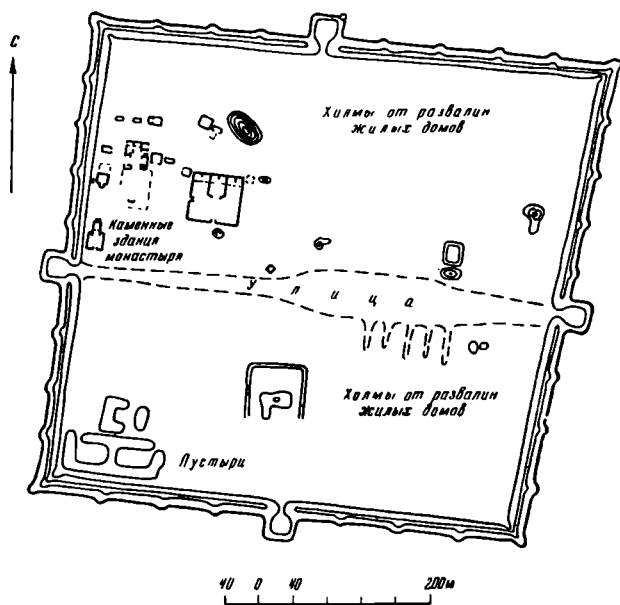

Рис. 2. Харухаин-балгас (развалины у ст. Хадасан)

Как известно, господство кыргызов в Центральной Азии было недолговечным. Кидане империи Ляо в конце IX в. изгнали кыргызов из Центральной Азии с помощью уйгуров, которые сыграли при этом, по-видимому, значительную роль. Поэтому уйгуры вновь выдвинулись при развитии городского строительства Киданей в Монголии в X—XII в.

Из городов этого периода в 1948—1949 гг. разведывались два: очень большой город Чин-Тологой, который имеет площадь $1 \times 0,5$ км, и расположенный в 20 км к западу от него Харухаин-балгас, находящийся на р. Харухе, иначе известный под названием г. Хадасан на Улясутайском тракте (рис. 2). Особенно известен Харухаин-балгас потому, что на его территории были воздвигнуты в позднее средневековье мощные здания. Наши раскопки показали, что никакого отношения к старому городу,

¹ С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, 1947, стр. 370—371.

² Егo же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LIV, рис. 6, 7, 9; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, стр. 13, 61.

окруженному квадратом стен, эти развалины громадных зданий, сложенных из плитняка, не имеют¹.

Городище Харухаин-балгаса представляет собой квадрат, равный $0,5 \times 0,5$ км, с четырьмя воротами, заполненный кварталами жилых домов, с главной улицей, идущей с запада на восток, с переулками и пустырями. На пустырях раньше, очевидно, находились сады, так как сюда подведены каналы.

Вся низина вокруг Харухаин-балгаса в древности была покрыта каналами; между ними до сих пор сохранились следы пашни.

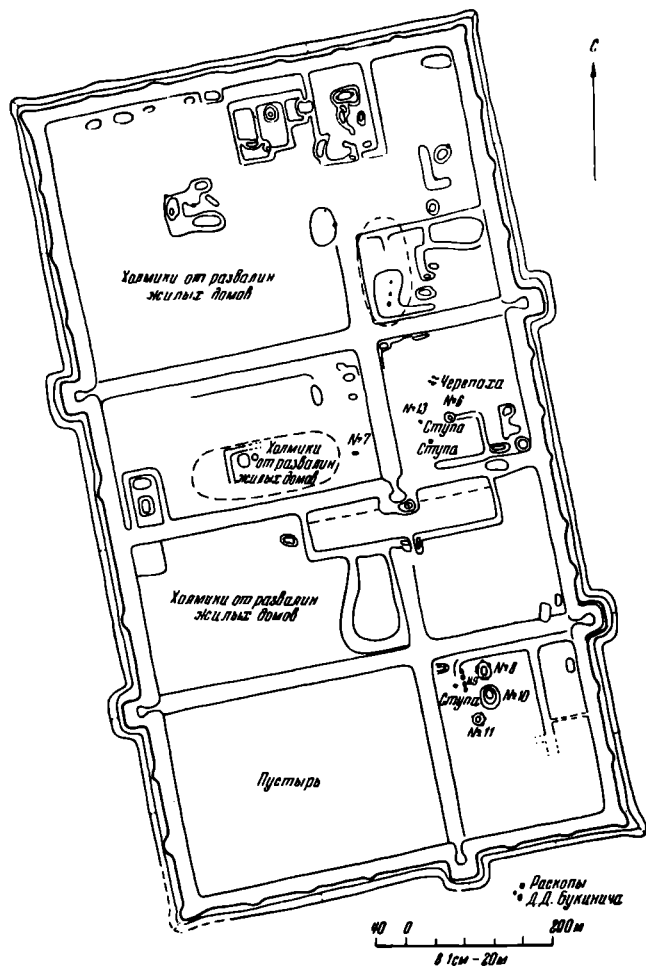

Рис. 3. Чин-Тологой (план развалин города)

Керамика, найденная здесь в большом количестве, представляет собой генетически дальнейшее развитие керамики, которая была собрана в Уйгурской столице IX в. Хара-балгасе. Но здесь мы наблюдаем больший схематизм в орнаментике. Керамика этого типа интересна тем, что она имеет широкое распространение на востоке вплоть до Амура, Маньчжурии и Приморья. По-видимому, связи с ляоским государством, а затем известные связи с Циньской империей чжурчженей обусловили наличие этой керамики на востоке.

Другой город этого времени, разведанный в 1949 г., — Чин-Тологой, — был, по-видимому, одним из крупных центров своего времени. На это ука-

¹ Эти здания, являющиеся, по-видимому, остатками обширного монастыря, детально описаны Д. А. Клеменцом. См. Д. А. Клеменец. Ук. соч., стр. 27—43. Зарисовки этих развалин см. в Атласе древностей Монголии, табл. LXIII—LXVI.

зывает наличие на его территории каменных черепах — постаментов для каменных стел с начертанными на них указами центральной власти (рис. 3). В Китае их очень много. В Монголии они были найдены в столице чингизидов Каракоруме. Имеются они и в Приамурье, в районе административных центров царства Бохай.

Находка постаментов для указов в Чин-Тологое говорит о том, что город этот не только по своим размерам, но и по своему положению отличался от других городов XI—XII вв. Его дату ясно устанавливает керамика, совершенно аналогичная найденной при раскопках Харухаин-балгаса.

Особенностью культурного слоя этих двух городов, отличающей их от древнего Хара-балгаса, является то, что в них уже появляется сунская поливная керамика и по характеру шаонок в верхних слоях они начинают приближаться к находкам в древнемонгольской столице Хара-хорин.

Судя по находкам, к этому же времени относятся и развалины Бай-балык на р. Селенге, в которых неправильно видели остатки столицы чингизидов.

Древний монгольский Хара-хорин был подвергнут нами широким исследованиям в течении двух сезонов 1948 и 1949 гг. При этом раскапывался город, окружающие его поселения и, главное, дворец, расположенный в юго-западной части городища¹.

Эта часть Хара-хорина окружена особо мощной стеной, образующей неправильный четырехугольник (рис. 4). Внутри огороженного пространства расположен центральный холм и четыре боковых. Раскопками на центральном холме установлено, что холм этот представляет собой платформу около 2 м высоты, сооруженную из суглинка и песка. На ней были расположены 64 массивные каменные плиты для баз 64 колонн огромного зала. Это было обширное здание, поддерживавшееся массивными деревянными колоннами, имевшее с юга лестницу, отделанную прекрасно обработанными гранитными плитами. Здание было покрыто богато украшенной черепицей не только зеленого, но и красного цвета, ибо красный цвет в древнем Китае — это императорский цвет. Крышу украшали драконы, изображения львов и другие хорошо сохранившиеся скульптуры, находящиеся сейчас в Национальном музее в г. Улан-Баторе. Около дворца до сих пор стоит одна из четырех черепах, уцелевших в окрестностях Хара-хорина. По-видимому, она стоит на том же месте, где стояла тогда, когда здесь принимали Рубрука². Возможно, что мимо нее проходил и Марко Поло. Позади этого официального огромного зала с 64 колоннами находились небольшие сравнительно помещения, с кирпичными стенами, с деревянными полами, с красивыми каменными базами для деревянных колонн. Вероятно, это были жилые помещения ханского дворца.

Боковые холмы мы исследовать пока не смогли и сделали только один разрез, который показал, что здесь стояли четыре здания аналогичной конструкции, обращенные фасадом к главному зданию. Их расположение очень похоже на планировку в храмовых и дворцовых ансамблях Китая.

Перед дворцом с юга были расположены красивые ворота, также богато украшенные. Там была найдена женская головка от верхнего скульптурного фриза, которая не уступит по своему совершенству памятникам Гандхары, хотя их разделяет свыше тысячи лет.

Таков в общих чертах дворцовый квартал Хара-хорина. Под строительным мусором и, что самое главное, под насыпью центральной платформы при раскопках был найден слой с остатками интереснейших фресок буддийского содержания³, которые находят себе ближайшую

¹ Атлас древностей Монголии, табл. XXXVI. Ср. Рашид Эддин, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 136: «Каракорум, где Угедей-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец».

² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 138—139.

³ Благодаря новой экспозиции в Гос. Эрмитаже весной 1956 г. удалось заново познакомиться с коллекцией экспедиции С. Ф. Ольденбурга, работавшей в Синьцзяне;

окруженному квадратом стен, эти развалины промадных зданий, сложенных из плитняка, не имеют¹.

Городище Харухаин-балгаса представляет собой квадрат, равный $0,5 \times 0,5$ км, с четырьмя воротами, заполненный кварталами жилых домов, с главной улицей, идущей с запада на восток, с переулками и пустырями. На пустырях раньше, очевидно, находились сады, так как сюда подведены каналы.

Вся низина вокруг Харухаин-балгаса в древности была покрыта каналами; между ними до сих пор сохранились следы пашни.

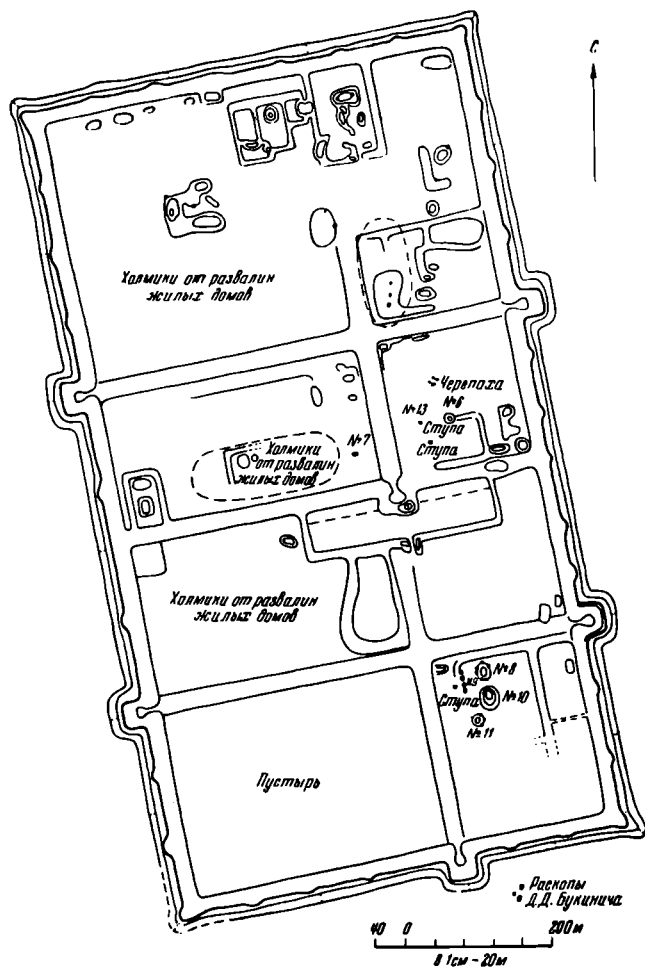

Рис. 3. Чин-Тологой (план развалин города)

Керамика, найденная здесь в большом количестве, представляет собой генетически дальнейшее развитие керамики, которая была собрана в Уйгурской столице IX в. Хара-балгасе. Но здесь мы наблюдаем больший схематизм в орнаментике. Керамика этого типа интересна тем, что она имеет широкое распространение на востоке вплоть до Амура, Маньчжурии и Приморья. По-видимому, связи с ляоским государством, а затем известные связи с Циньской империей чжурчженей обусловили наличие этой керамики на востоке.

Другой город этого времени, разведанный в 1949 г., — Чин-Тологой, — был, по-видимому, одним из крупных центров своего времени. На это ука-

¹ Эти здания, являющиеся, по-видимому, остатками обширного монастыря, детально описаны Д. А. Клеменцом. См. Д. А. Клеменц. Ук. соч., стр. 27—43. Зарисовки этих развалин см. в Атласе древностей Монголии, табл. LXIII—LXVI.

зывает наличие на его территории каменных черепках — постаментов для каменных стел с начертанными на них указами центральной власти (рис. 3). В Китае их очень много. В Монголии они были найдены в столице чингизидов Каракоруме. Имеются они и в Приамурье, в районе административных центров царства Бохай.

Находка постаментов для указов в Чин-Тологое говорит о том, что город этот не только по своим размерам, но и по своему положению отличался от других городов XI—XII вв. Его дату ясно устанавливает керамика, совершенно аналогичная найденной при раскопках Харухаин-балгаса.

Особенностью культурного слоя этих двух городов, отличающей их от древнего Хара-балгаса, является то, что в них уже появляется сунская поливная керамика и по характеру шаонок в верхних слоях они начинают приближаться к находкам в древнемонгольской столице Хара-хорин.

Судя по находкам, к этому же времени относятся и развалины Байбалык на р. Селенге, в которых неправильно видели остатки столицы чингизидов.

Древний монгольский Хара-хорин был подвергнут нами широким исследованиям в течении двух сезонов 1948 и 1949 гг. При этом раскапывался город, окружающие его поселения и, главное, дворец, расположенный в юго-западной части городища¹.

Эта часть Хара-хорина окружена особо мощной стеной, образующей неправильный четырехугольник (рис. 4). Внутри огороженного пространства расположен центральный холм и четыре боковых. Раскопками на центральном холме установлено, что холм этот представляет собой платформу около 2 м высотой, сооруженную из суглинка и песка. На ней были расположены 64 массивные каменные плиты для баз 64 колонн огромного зала. Это было обширное здание, поддерживавшееся массивными деревянными колоннами, имевшее с юга лестницу, отделанную прекрасно обработанными гранитными плитами. Здание было покрыто богато украшенной черепицей не только зеленого, но и красного цвета, ибо красный цвет в древнем Китае — это императорский цвет. Крышу украшали драконы, изображения львов и другие хорошо сохранившиеся скульптуры, находящиеся сейчас в Национальном музее в г. Улан-Баторе. Около дворца до сих пор стоит одна из четырех черепак, уцелевших в окрестностях Хара-хорина. По-видимому, она стоит на том же месте, где стояла тогда, когда здесь принимали Рубрука². Возможно, что мимо нее проходил и Марко Поло. Позади этого официального огромного зала с 64 колоннами находились небольшие сравнительно помещения, с кирпичными стенами, с деревянными полами, с красивыми каменными базами для деревянных колонн. Вероятно, это были жилые помещения ханского дворца.

Боковые холмы мы исследовать пока не смогли и сделали только один разрез, который показал, что здесь стояли четыре здания аналогичной конструкции, обращенные фасадом к главному зданию. Их расположение очень похоже на планировку в храмовых и дворцовых ансамблях Китая.

Перед дворцом с юга были расположены красивые ворота, также богато украшенные. Там была найдена женская головка от верхнего скульптурного фриза, которая не уступит по своему совершенству памятникам Гандхары, хотя их разделяет свыше тысячи лет.

Таков в общих чертах дворцовый квартал Хара-хорина. Под строительным мусором и, что самое главное, под насыпью центральной платформы при раскопках был найден слой с остатками интереснейших фресок буддийского содержания³, которые находят себе ближайшую

¹ Атлас древностей Монголии, табл. XXXVI. Ср. Рашид Эддин, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 136: «Каракорум, где Угедей-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец».

² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И. Маленина. СПб., 1911, стр. 138—139.

³ Благодаря новой экспозиции в Гос. Эрмитаже весной 1956 г. удалось заново познакомиться с коллекцией экспедиции С. Ф. Ольденбурга, работавшей в Синьцзяне;

аналогию в памятниках IX—XII вв. из Синь-цзяня. Это открытие свидетельствует о том, что на том же месте до постройки дворца было какое-то культовое здание, вероятно, буддийский монастырь, украшенный фресками, относящийся к более раннему времени. Представляло ли это здание постройку, непосредственно предшествовавшую по времени постройке дворца, или это — значительно более раннее сооружение, об этом сейчас

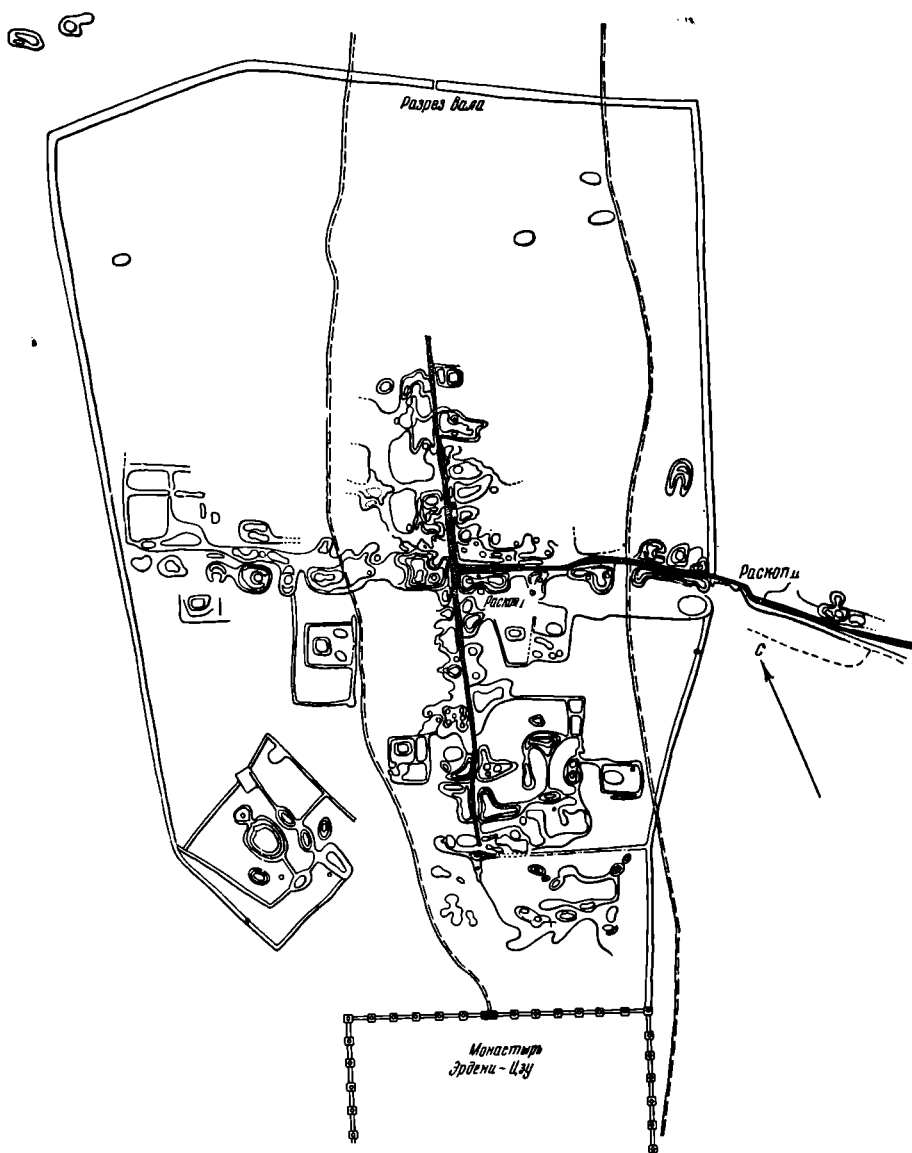

Рис. 4. План развалин столицы Чингизидов г. Хара-хорин (Каракорум). На плане указаны места раскопок: «дом на перекрестке» (раскоп I) и «дом у городских ворот» (раскоп II).

судить нельзя. Для этого нужно произвести очень трудоемкую работу по очистке всех платформ дворца. Но во всяком случае мы имеем уже доказательство того, что монастырское буддийское поселение было здесь до того, как был основан дворец Хара-хорина.

детальное сравнение установило тесную связь фресок из-под платформы дворца в Хара-хорине именно с фресками IX—XI вв., а не с более ранними или более поздними (ср. росписи из Кучи, Шикшина, Турфана, а также из Дунь-хуана «Пещера тысячи будд»).

Это обстоятельство позволяет вновь ставить вопрос о времени основания Хара-хорина так, как его ставил Бичурин, а позднее — Пельо, опиравшиеся на тексты Юань-ши¹. Наличие более древнего поселения делает еще более вероятным их вывод о том, что основание древней монгольской столицы нужно относить к 1220 г., а не к 1236 г. и что, следовательно, еще при Чингисе был основан «Холин»².

Судя по исследованию городских кварталов, Хара-хорин представлял собой обширное поселение, в центре очень густо застроенное, перерезанное двумя улицами крест-накрест. На перекрестке этих улиц мы произвели раскопки и выяснили историю одного дома, который дважды горел и трижды строился.

Интересен нижний слой этого города. Н. Я. Мерперт, исследовавший «дом на перекрестке», остроумно связывает первый пожар со взятием Хара-хорина войсками Хубилая в 1260—1261 гг., когда там произошло восстание. Многочисленные стрелы, найденные в остатках пожарищ, принадлежали воинам Хубилая.

Здесь же найден был нигде в другом месте не встретившийся зажигательный снаряд (т. н. «сфероконус»), оставшийся от того огнеметания, которое упоминается в летописях разных народов при описании взятия городов монголами. Город был сожжен и разрушен.

Толщина нижнего горизонта культурного слоя достигает 60 см. Несмотря на то, что город существовал еще всего каких-нибудь 30 лет, этот значительный рост наслоений говорит об интенсивности городской жизни. Об этом же говорит и тот факт, что нижний слой с самого начала наполнен изделиями металлообрабатывающих ремесел. Здесь, на сравнительно небольшом участке, найдено до десяти металлургических горнов и огромное количество металлических изделий. Среди них особо выделяется большое количество цюнов (втулок к осям), выделявавшихся для огромных телег, на которых перевозились тяжести — знаменитые стенобитные и другие машины монгольской армии и, наконец, юрты самих монголов. Известия о таких огромных телегах мы имеем у всех народов, которые имели дело с монголами. Затем найдено большое количество чугунных котлов на ножках, которые отливались в Хара-хорине также в очень большом количестве.

Эти два вида изделий, не считая находок оружия, раскрывают основное значение металлургии Хара-хорина. Она была рассчитана на вооружение и снаряжение монгольской армии.

Хара-хорин предстает перед нами прежде всего, как военно-металлургическая база государства. Совершенство металлургии было очень большим. Анализы, произведенные в Институте стали, дали белый чугун и сталь; причем белый чугун сваривался при 1350°. Для достижения такой температуры, как заявляют металлурги, недостаточно было ручного дутья, необходим был двигатель. Таким двигателем, очевидно, служила вода, которая проведена в Хара-хорин из р. Орхона и разветвляется на многочисленные до сих пор текущие каналы. Очевидно, при помощи этой водяной силы и производилось то дутье, которое обеспечило столь высокое качество металла.

В верхнем слое мы находим главным образом остатки керамического производства. Найден ряд керамических печей. В этих печах выделялась разнообразнейшая посуда (в том числе серая, прекрасно обожженная посуда). Орнамент на ряде обломков этого сорта сосудов совпадает

¹ Бичурин (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова. СПб., 1829. P. Pelliot. Note sur Karakorum. Journal Asiatique, CCVI, 1925, стр. 372—375; Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова. СПб, 1895, стр. 482—483.

² Ф. В. Кливс дал чтения обеих частей двуязычной надписи, обнаруженной В. Радловым. См. F. W. Clew's. Sino-Mongolian Inscription of 1346. Harvard Journal of Asiatic Studies, 1951. Это чтение определенно говорит об основании Хара-хорина в 1220 г. Чингисханом.

с клиновидным орнаментом старорязанской керамики¹. Профили также напоминают славянскую керамику. Может быть, среди керамистов, выработывавших эту серую посуду, были и пленники из Старой Рязани. Но остальная керамика — главным образом китайская. Выделявали не только простую серую посуду, но в огромном количестве поливную сунскую, синюю и голубую. Она вынута нами прямо из печи. Также местного производства и черная керамика, так называемый «заячий мех». Фрагменты этой керамики были найдены в культурных слоях и более ранних городов XI—XII вв. Только самые высшие сорта посуды, такие, как Цы Чжоу, как селадон и фарфор, по-видимому, привозились из Китая. Их полуфабрикатов мы не нашли около печей Хара-хорина. Поливная керамика позволяет раскрыть и имена ее авторов. На днищах многих сосудов имеются надписи, в которых указаны имена мастеров. В подавляющем большинстве случаев это китайцы. Единичны находки уйгурских и монгольских надписей. Таким образом, керамическое производство, очевидно, было почти целиком в руках китайцев, переселившихся в Холин.

Китайскими же являются чугунные плуги и железные кетмени земледельцев, а также гири бронзовые и железные, которыми пользовались торговцы.

Торговля была очень обширной. Об этом говорит огромное количество монет, найденных в Хара-хорине, а также многие привозные вещи: прекрасные китайские зеркала, серебряная посуда, керамика, шелковые изделия и целый ряд других вещей.

До нас дошли и письменные свидетельства о том, где располагался торг: у северных ворот продавали коней, у западных — баранов и коз, у южных — быков и повозки, а у восточных ворот — хлеб (Р у б р у к).

Почему же у восточных ворот продавали хлеб? Сохранилось свидетельство о том, что ежедневно до 600 повозок приходило из Китая в Хара-хорин по восточной дороге. И именно здесь стоит вторая черепаха, вероятно, имевшая на себе стелу с указом, регламентировавшим торг привозным хлебом.

Таким образом, раскопки показывают, что Хара-хорин был крупным административным центром, центром военного производства, средоточием ремесла и торговли. Но была у Хара-хорина и своя продовольственная база. Он был окружен, особенно с северной и западной стороны, заливыми лугами Орхона. Обширные надпойменные участки орошались из Орхона при помощи каналов. На этих обширных участках до сих пор сохранились следы земледелия, видны каналы, лежат молотильные валы и ступы.

Однако не нужно преувеличивать размеры Хара-хорина. Он был не больше Чин-Тологая и гораздо меньше Хара-балгаса. Он не долго был центром государства. Фактически, как только в 1257 г. Мунке-хан покинул столицу, Хара-хорин начал терять свое значение. В 80-х годах XIII в. был основан Ханбалык — современный Пекин, и столица монгольско-китайской империи была перенесена в Китай.

Второй ярус культурного слоя Хара-хорина сверху ограничен прослойкой второго пожара. По-видимому, этот пожар нужно связывать с событиями 1380 г., когда войска освободившегося от монгольского господства Китая вошли в Монголию и разрушили Хара-хорин. Верхний ярус относится к еще более позднему времени. Здесь мы находим большое количество всевозможных принадлежностей буддийского культа, которые связываются с жизнью монастыря Эрдени-Цзу.

До нас не дошли сведения о том, в каком положении находился Хара-хорин ко времени основания монастыря Эрдени-Цзу в 1586 г. Но в древнейших монастырских зданиях, сохранившихся от этого времени, исполь-

¹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, МИА, № 49, 1955, стр. 117—128.

зованы в большом количестве гранитные плиты, которые совершенно аналогичны найденным во дворце Хара-хорина.

Это говорит о том, что к моменту постройки древнейших храмов Эрдени-Цзу город, по-видимому, перестал существовать. Из его развалин извлекали строительный материал совершенно так же, как извлекался этот строительный материал до недавнего времени для ремонта монастырских зданий.

Хара-хорин — не единственный уже известный город монгольской эпохи. В восточной Монголии, на р. Керулен, расположен г. Барс-хото, построенный Тогом Тимуром в 1368 г., как первый опорный пункт после ухода из Китая. Этот город сейчас исследуется монгольскими археологами.

Вместе с тем нельзя пройти мимо того, что большинство монастырей Монголии XVII и особенно XVIII в., за исключением Эрдени-Цзу и монастыря — резиденции Ундур-Гегена, как будто были кочевыми. Даже крупнейший Ургинский монастырь на протяжении с конца XVII в. и до 1778 г. кочевал со всеми своими храмами. Лишь с 1778 г. Ургинский монастырь окончательно обосновывается на месте современного Улан Батора. Уместен вопрос: почему при наличии городов кочевали монастыри? Это важно выяснить, так как позднее монастыри стали теми центрами, вокруг которых основывались поселки. Последние можно считать еще одним видом поселений городского типа. Таким был поселок около Эрдени-Цзу, около целого ряда других монастырей и, наконец, Ургинский посад (г. Урга также вырос вокруг Ургинского монастыря).

Характерно, что в 30-х годах XVIII в. были основаны новые города маньчжурским правительством. К 1731 г. относится основание г. Кобдо. По-видимому, к этому же времени относится основание Улясутайской крепости и поселков вокруг нее. Очевидно, не только военные соображения, но и внутренние процессы развития Монголии, выразившиеся в развитии оседлости, способствовали распространению городской жизни. При этом рост городов северо-западной Монголии сыграл большую роль в развитии культуры монголов. Неслучайно и сейчас Кобдосский район, судя по этнографическим материалам экспедиции 1948—1949 гг., является районом традиционного, собственно монгольского, земледелия.

Все эти вопросы о судьбе городов в эпоху феодальной раздробленности и в раннюю эпоху маньчжурского господства очень интересны, но решение их также зависит от дальнейших исследовательских работ.

Поэтому одним из больших разделов историко-археологической работы в Монголии должно стать исследование вопроса о городе и его судьбах в Центральной Азии. Но и сейчас тот материал, который представлен выше, должен быть учтен, и весьма еще распространенный взгляд на Центральную Азию и на ту ее часть, где расположена теперь Монгольская Народная Республика, как на область главным образом кочевнической культуры, должен быть решительно пересмотрен.

Мне кажется, что исследование городов и городищ — это одна из основных задач изучения истории Центральной Азии, которую необходимо разрешить совместно с монгольскими и китайскими учеными.

А. П. ОКЛАДНИКОВ, И. А. НЕКРАСОВ

НОВЫЕ СЛЕДЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЧУКОТКЕ (НАХОДКИ У ОЗ. ЭЛЬГЫТХЫН)

В 1953 г. была опубликована статья А. П. Окладникова «О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова». В ней шла речь о первых находках каменных изделий древнего человека в глубине Чукотского полуострова. Описанные находки свидетельствовали, что здесь, в этой дикой пустынной стране, еще задолго до развития оригинальной прибрежной культуры морских зверобоев, предков эскимосов, появились бродячие охотники на северного оленя и рыболовы, обладавшие вполне развитой неолитической культурой.

Такие находки были зарегистрированы сначала Н. И. Легошиным на р. Якитикивеем, в бассейне р. Амгуемы, а затем Н. А. Граве около оз. Чирового на Анадырском плоскогорье¹. Прошло еще два года, и в нашем распоряжении оказалось еще одно новое, очень ценное свидетельство о первоначальном заселении неолитическими племенами Чукотского полуострова — каменные изделия, обнаруженные И. А. Некрасовым весной 1955 г. на берегу оз. Эльгытхын, в центральной части Анадырского плоскогорья. С точки зрения изучения условий жизни древних людей, оставивших эти следы своей деятельности, интересен уже сам по себе район, где они найдены.

Анадырское плоскогорье, занимающее центральную часть Чукотского округа, расположено на стыке ряда крупных горных систем. С юга к нему подходят цепи хребта Гыдан (Колымского); с запада — Северный и Южный Аноийские хребты; на севере к плоскогорью примыкают отроги Чукотского (Анадырского) хребта. В начале четвертичного периода Анадырское плоскогорье представляло собой нагорную равнину, сложенную почти горизонтальными покровами эффузивов. Ныне же это обширная, сильно расчлененная горная страна с отметками высот в основном до 500 м абс. выс., но с отдельными горными группами и вершинами, поднимающимися до 1000 м. «Рельеф Анадырского плато носит на себе яркие черты зависимости от слагающих его покровов эффузивов. Там, где они приблизительно горизонтальны, мы видим характерные ступенчатые и столовые горы, ступенчатые конуса и простые остаточные конуса. Там, где покровы наклонны, развиты округлые черные мягкие горы»².

Характерной чертой рельефа Анадырского плато является также обилие широких, порой громадных долин крупных и малых водостоков, а также наличие обширных нагорных равнин. С плоскогорья берут начало

¹ А. П. Окладников. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова. Известия ВГО, 1953, № 4, стр. 405—412; А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I. М.-Л., 1955, стр. 124—125.

² С. В. Обручев. Чукотская летняя экспедиция 1932—1933 гг. (орографический очерк Чукотского округа). Тр. Арктического НИИ Главсевморпути, т. 54, вып. II, Л., 1936, стр. 176; И. П. Полевой. Анадырский край, ч. I. Главнейшие результаты Анадырской экспедиции. Тр. геологического комитета. Новая серия, вып. 140, СПб., 1915.

крупнейшие реки Чукотки: р. Анадырь и ее притоки Эньмувеем и Урумкувеем; рр. Чаун и М. Чаун; реки бассейна Колымы — Большой Анюй и Малый Анюй. В горах плоскогорья разбросано большое количество круп-

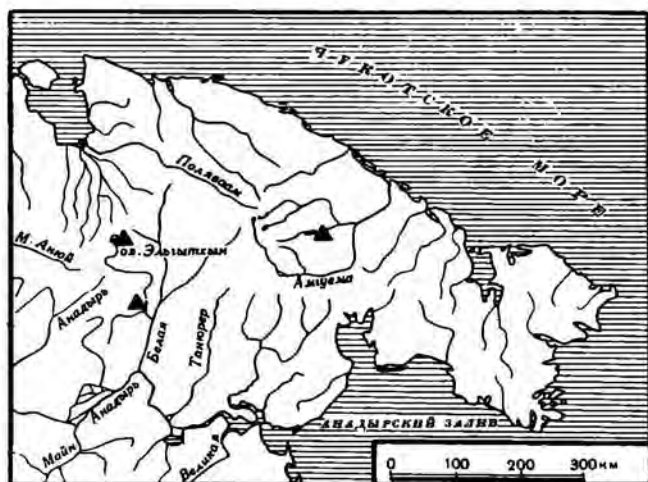

Рис. 1. Карта распространения памятников континентального неолита на Чукотском полуострове. Треугольниками отмечены стоянки: Амгуема, Чировое, Эльгытхын

ных и малых озер. Оз. Эльгытхын, о котором идет речь в этой статье, расположенное в северной части плато на $67^{\circ}30'$ с. ш., является не только самым крупным из озер плоскогорья, но и вторым по величине среди озер Чукотки (рис. 1).

Рис. 2. Вид оз. Эльгытхын (фото И. А. Некрасова). На переднем плане местонахождение № 1 (тайник)

Оз. Эльгытхын расположено в труднодоступном районе, который не посещается даже чукчами; оно было открыто только в 1932 г., хотя о существовании крупного озера где-то в верховьях Анадыря мы находим упоминание еще у Палласа. До 1955 г. озеро посетили только два исследователя: С. В. Обручев, открывший в свое время озеро с самолета, в феврале 1935 г. исследовавший его северный берег и в 1948 г. В. М. Пономарев, исследовавший южный берег; время пребывания обоих исследователей на озере исчислялось часами. В 1955 г. И. А. Некрасов, возглавивший

экспедицию Академии наук СССР, провел на оз. Эльгытхын около трех месяцев.

Расположенное в горной котловине на высоте 490 м над уровнем моря, оз. Эльгытхын представляет собой глубоководный, пресноводный бассейн. Диаметр озера до 11,5 км. Глубина в центре озера достигает 169 м. Площадь водосбора озера невелика. В озеро впадает всего несколько ручьев, наибольший из них длиной около 6 км. С обратных склонов окружающих озеро гор, в непосредственной близости к озеру берут начало реки чуждых озеру бассейнов (рис. 2, 3).

Горы, окружающие озеро, имеют наибольшую высоту на западе, северо-западе и севере, где протянулся хребет Академика Обручева с вершинами до 100 м, т. е. поднимающимися над уровнем озера свыше 500 м. Горы на восток и юг от озера более низкие и более расчленены широкими долинами. На востоке озеро отделено от верховьев одного из притоков р. Урумкувеем седловинами высотой всего от 30 до 60 м над уровнем озера. Характерными чертами гор, окружающих озеро, являются: сильное расчленение склонов, обширные осыпи, обилие мелких конусов и коротких гряд-хребтов, вытянутых с юго-востока на северо-запад.

Южная гряда гор расчленена широкой (до 2,5 км) долиной р. Эньмувеем, истоки которой подходят непосредственно к озеру. В период осенних паводков (реже в весенние) озеро сбрасывает в р. Эньмувеем

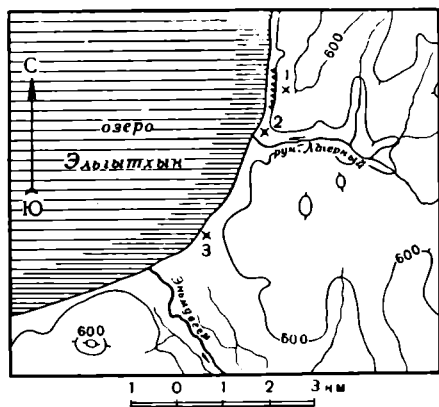

Рис. 3. Местонахождения остатков каменного века на оз. Эльгытхын (отмечены крестиком)

избыток своих вод. Далее к югу от озера горы расступаются и в 10—12 км от озера расстилается обширная нагорная равнина, пересеченная плоскими увалами.

Горы, окружающие озеро, подходят к воде только на восточном берегу. На северном, западном и южном берегах имеются террасы. Наибольшей ширины (до 5 км) они достигают на северном и западном берегах. Терраса южного берега узкая, пологая, местами всего до 500 м шириной, покрыта суглинками и супесями, заболочена и, в отличие от террас северного и западного берегов, имеет четко выраженную бровку и склон высотой до 4—5 м над уровнем озера.

Район характеризуется очень низкими температурами воздуха. В апреле нередко ртуть опускается ниже -30° , средняя температура воздуха за май равна $-8,4^{\circ}$, а за июнь всего $+2,6^{\circ}$; в первой декаде июня ночью температура иногда падает до -5° .

Круглый год в районе озера отмечаются сильные устойчивые ветры. В зимний период ветры с северо-запада отличаются большой постоянностью и, принося всегда пургу, дуют порой не ослабевая по несколько суток. Снегопады во время пребывания экспедиции отмечались вплоть до первой декады июля. В основном же снег сходит до конца июня.

Ледяной покров озера начинает формироваться в конце сентября, а разрушается, по-видимому, только в августе. В отдельные годы лед на озере не успевает растаять и остается на второй год. Максимальная отмеченная толщина льда 2,1 м.

Как зимой, так особенно в весенние месяцы на озеро часто опускаются густые туманы.

Прямым следствием сурового климата является скудость растительности. Попадают лишь кое-где лишайники и мхи. В долинах ручьев.

на террасах южного берега уже на значительных пространствах появляются травы, и только по берегам крупных ручьев кое-где растет редкий, чахлый, низкорослый кустарник. И. А. Некрасову и его сотрудникам во время походов часто встречались стада диких оленей и горных баранов, песцы, лисы и даже бурые медведи. По словам чукчей, озеро богато рыбой.

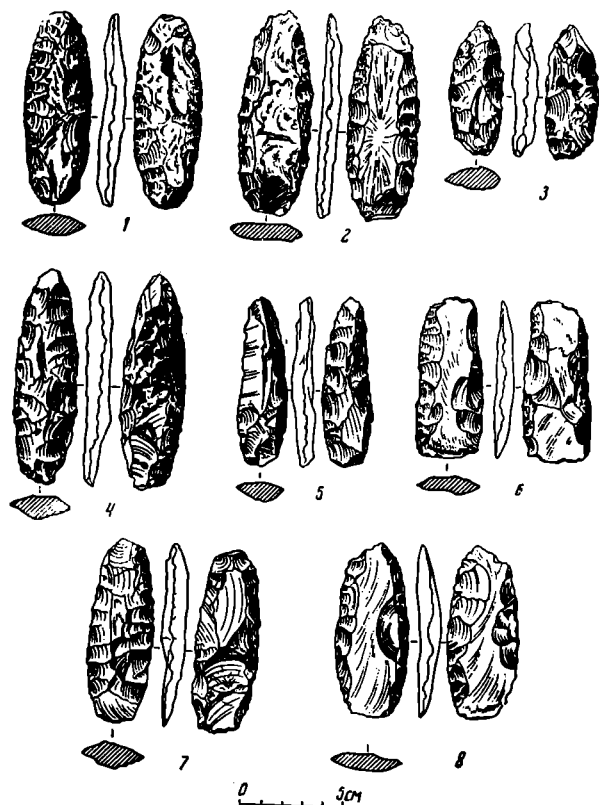

Рис. 4. Каменные изделия из тайника на оз. Эльгытхын

И вот здесь, на оз. Эльгытхын (носившем почти 200 лет название Ивашкино озеро или Чертово озеро), была обнаружена стоянка древнего человека.

Во время одного из маршрутов по восточному берегу на юго-западном склоне сопки с утесами был найден наконечник стрелы с прекрасно сохранившейся ретушью, изготовленный из ороговикованного сланца. Всего в нескольких метрах от места, где он был найден, был обнаружен целый склад, по-видимому, тайник каменного оружия. Тайник находился под крупной (до $0,5 \text{ м}^3$) каменной глыбой на глубине $0,3\text{--}0,5 \text{ м}$. Глыба лежала довольно устойчиво, вполне естественно, как бы застряв на своем пути вниз в неровностях склона на высоте около 100 м над уровнем озера. Склон сопки у тайника имеет крутизну около 20° и прикрыт полностью делювиальными осыпями, как правило, мелкообломочного материала. Склон полностью лишен растительности и только ниже появляются пятна мхов и травы. Один из временных водостоков проложил свое русло, огибая глыбу и, по-видимому, совсем недавно начал размывать тайник, вымыв на поверхность несколько наконечников, что и помогло обнаружить склад.

В складе на площади в 1 м² обнаружено более 50 предметов, изготовленных из ороговикованного сланца разных цветов от светло-желтого до бурого. В складе нет ни одного обломка, все вещи целые.

Из числа найденных в тайнике вещей в нашем распоряжении находится двадцать, которые и описаны ниже. Остальные предметы, как и часть находок со стоянки у оз. Эльгытхын, находятся в Анадырском музее. По своей форме и характеру они повторяют друг друга.

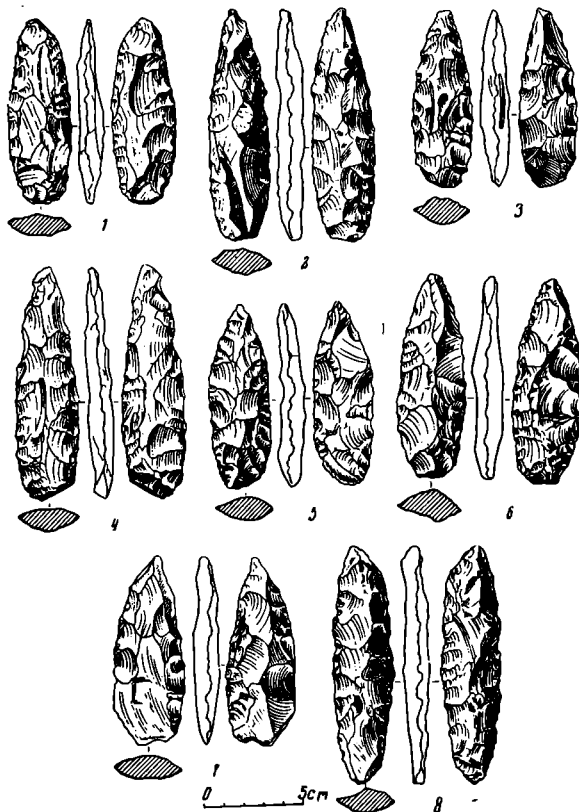

Рис. 5. Каменные изделия из тайника на оз. Эльгытхын (рис. 3, пункт 1) и стоянки (рис. 3, пункт 2)

Большинство изделий из тайника представляют собой заготовки каменных клинков, которые могли служить как наконечниками дротиков, так и клинками ножей. По своему поперечному сечению и частным особенностям формы клинки могут быть разделены на три группы.

К первой группе относятся четыре изделия (рис. 4, 2, 4, 5, 6). Это узкие и массивные клинки удлинненно-миндалевидных очертаний с характерным плоско-ромбическим сечением. У двух наконечников это сечение симметричное, так как широкие поверхности их одинаково выпуклые. У двух наконечников одна сторона их несколько более уплощенная, тогда как противоположная поверхность более выпуклая. У одного наконечника основание округлое и широкое, у второго — узкое и заостренное, у третьего и четвертого — прямо срезанное поперечным сколом. Обе поверхности клинков сплошь обработаны короткими, но довольно широкими и крутыми сколами, фасетки которых достигают середины изделия и, встречаясь здесь друг с другом, образуют хорошо выраженное продольное ребро. Как правило, у этих фасеток в начале их имеются отчетливо выраженные глубокие раковины, соответствующие ударному бугорку снятого в этом месте отщеп.

Последующая, вторичная, подправка лезвий мелкой ретушью на трех предметах отсутствует совершенно, края их поэтому неровные, волнисто-зубчатые, подобно зубчатым лезвиям широко разведенной пилы. Подправлены вторичной ретушью лезвия только лишь одного клинка. Эта вторичная ретушь очень мелкая и тщательная, высокого качества. Однако обработка и этого наконечника не была закончена: у него на острие сбоку сохранился гладкий участок нетронутой поверхности сланцевой плитки, тогда как насад отделан очень тщательно и целиком. Гладкие поверхности первичных сколов плитчатого куска сланца сохранились на концах и трех остальных наконечников. Все четыре клинка имеют одинаковую ширину в три сантиметра.

Все эти изделия, судя по их форме и массивности, должны были использоваться в качестве наконечников, дротиков или небольших копий, скорее всего металлических.

Следующие шесть клинков отличаются от описанных выше только тем, что они менее массивны и соответственно этому имеют более уплощенное сечение, приближающееся по форме к двояковыпуклой линзе. У всех клинков одна широкая поверхность тоже более выпуклая, тогда как противоположная сторона более уплощенная. Очертания их такие же, удлиненно-миндалевидные с более или менее широким овальным насадом. В трех случаях насад скошен боковым поперечным сколом. Подправка лезвий клинков отмечается у четырех изделий, тогда как два лишены ее совершенно. Вторичная ретушь мелкая и достаточно тщательная. У четырех наконечников на концах сбоку имеются остатки гладкой плитчатой поверхности или широких крупных сколов, которыми были оформлены исходные заготовки — болванки. Это такие же заготовки, как и описанные выше четыре изделия (рис. 4, 1, 3, 8; рис. 5, 1, 4, 7).

Эти шесть предметов тоже могли служить как наконечниками копий, так и клинками охотничьих ножей.

Особую группу изделий составляют шесть клинков, являющиеся своего рода заготовками или полуфабрикатами. Первое изделие такого рода имеет миндалевидные очертания и поперечное сечение в виде сильно уплощенной линзы. Обе поверхности изделия отесаны широкими плоскими сколами, лезвия их волнистые и местами слегка подправлены вторичной ретушью. Однако на насаде сохранились крупные участки первичной поверхности массивного отщепа, из которого была сделана заготовка, а на верхнем узком конце сбоку имеется плоская грань, показывающая, что острие не было обработано ретушью до конца (рис. 4, 7). Второе изделие — тоже заготовка. Очертания ее миндалевидные. Одна сторона обработана «вчерне» грубыми сколами, вторая отделана тщательнее: на боку острого верхнего конца есть плоская грань (рис. 5, 5).

Четыре остальных клинка-заготовки по общим их миндалевидным очертаниям, размерам и пропорциям сближаются друг с другом следующими характерными особенностями (рис. 6, 2, 3).

Первая такая особенность — наличие с одного края клинка, во всю его длину, плоскости первоначальной плитки-болванки, тогда как проти-

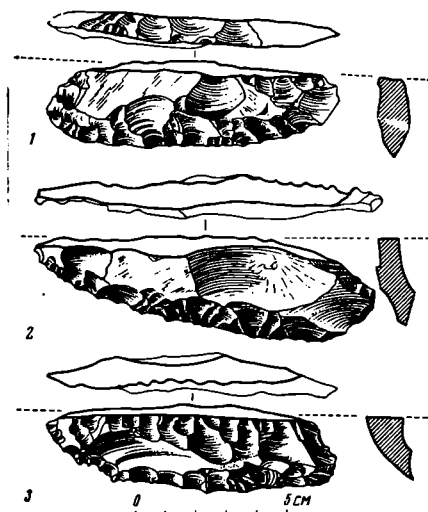

Рис. 6. Каменные изделия из тайника на оз. Эльгытхын.

вположный край обработан с обеих сторон ретушью и превращен таким образом в массивное лезвие.

Вторая их особенность — различный характер широких поверхностей этих изделий. Одна сторона их обработана весьма тщательно. Она сплошь выровнена широкими плоскими сколами, направленными от краев к середине. Противоположная же поверхность оставлена почти без обработки. Эта поверхность узкой боковой части первичной болванки слегка отесана несколькими широкими поперечными сколами или даже одним ши-

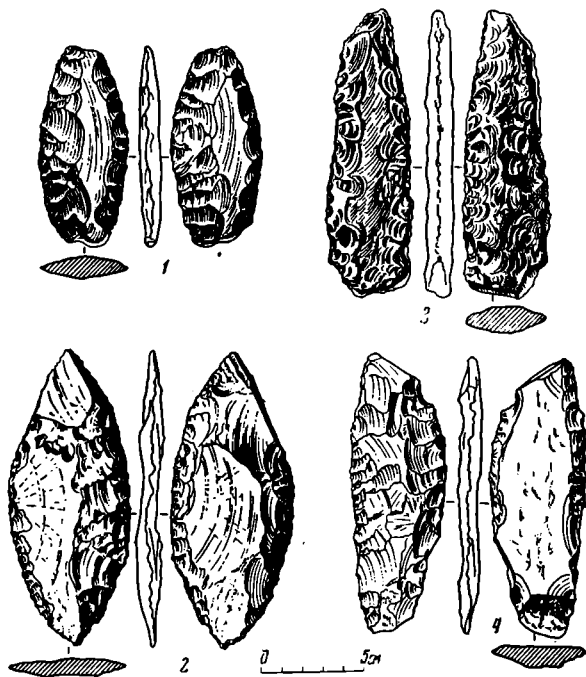

Рис. 7. Каменные изделия из тайника на оз. Эльгыт-хын и находка на берегу озера (рис. 3, пункт 3).

роким продольным сколом, как видно на одном из изделий. Нужно отметить при этом, что один из четырех клинков-заготовок обработан детальнее других, так как у него слегка обработана ретушью и вторая сторона, а также узкая грань спинки-скола (рис. 6, 1). Но остальные три предмета по степени обработки находятся на одной ступени.

Рассматривая особенности этих клинков-заготовок можно заметить, что они дают возможность восстановить специфические приемы их обработки и последовательность механических операций, применяемых при их изготовлении. Исходной заготовкой служила, очевидно, специально подготовленная болванка кремнистого сланца длиной около 10 см и шириной около 3 см. Болванка эта имела, очевидно, две широкие, более или менее параллельные поверхности. По бокам у нее были две узкие длинные грани или ребра. Поставив заготовку на одну из этих двух граней, мастер начинал обрабатывать верхнюю грань. В таком положении он сначала выравнивал сколами одну широкую поверхность изделия, затем от этой же грани он начинал затесывать более мелкими и крутыми сколами край противоположной широкой поверхности, превращая его в массивное лезвие. Не исключено, что нижняя необработанная боковая грань заготовок была прочно закреплена во время этой работы в каком-либо зажиме или расщепе. Затем заготовка переворачивалась сделанным лезвием вниз и работа начиналась снова, от второй грани. Однако четыре описанные выше заготовки по какой-то причине не были доведены до этой второй

стадии обработки, что и позволяет судить о начальных приемах обработки каменных клинков¹.

Следующая группа изделий — клинки ножей или, вернее, заготовки для них в разной стадии выделки. Одно орудие почти закончено.

Основное отличие клинков ножей от клинков, описанных выше как вероятные наконечники копий, заключается в том, что они гораздо шире и тоньше и в поперечном сечении напоминают сильно уплощенный овал с заостренными концами. Наиболее характерное изделие этой группы имеет специфическую форму (рис. 7, 2). Это плоский листовидный клинок с сильно выпуклыми длинными краями и симметрично заостренными обоими концами. Обе широкие поверхности клинка выровнены очень широкими и очень плоскими сколами. Тонкие края его в значительной части обработаны дополнительно такими же плоскими сколами и мелкой вторичной ретушью. Характерно, что и здесь на одном из острых концов сохранена часть гладкой поверхности первичной плоскости болванки-заготовки. Это самое крупное изделие во всей коллекции.

Второе крупное изделие этой группы представляет собою широкую пластину сланца, одна широкая сторона которой почти не обработана. На ней ретушью частично оформлено только лезвие. Противоположная сторона сплошь, хотя и очень грубо, «вчерне» отесана плоскими сколами. Очертания заготовки неправильные, один край ее прямой, тогда как противоположный край выпуклый (рис. 7, 4). Три другие заготовки ножей частично обработаны ретушью вдоль краев и по широким их плоскостям (рис. 5, 2, 3, 8).

Последнее изделие из этой группы — широкий овальный клинок, изготовленный из пластины или гальки кремнистого сланца (рис. 7, 1). Часть гладкой поверхности этой пластины сохранилась на обеих сторонах изделия. Обработка лезвий этого ножа ретушью очень тщательная. Обращает внимание ее «противолежащий» характер. Один край оформлен очень плоскими и далеко заходящими к середине изделия сколами. Второй, противоположный край покрыт короткими, но значительно более крутыми и узкими фасетками ретуши. При этом на противоположной стороне изделия одному краю с крутой ретушью соответствует другой край с плоской ретушью, и наоборот. Длина этого изделия 9,7 см, ширина его 4,5 см.

Таким образом, тайник под каменной глыбой у оз. Эльгытхын представляет собой своего рода клад заготовок, оставленных или, вернее, нарочно спрятанных каким-то древним мастером. Мастер, надо полагать, намерен был вернуться за ними обратно, но что-то помешало ему это сделать.

Нечто подобное было отмечено на о-ве Каменном в низовьях Ангары, где были найдены остатки мастерской неолитического времени, брошенной внезапно, в самом разгаре работы. В мастерской этой изготавливались каменные лезвия для костяных вкладышевых наконечников, а также выдвигались и другие костяные изделия. Здесь были найдены каменные орудия, служившие для строгания и резания кости, нуклеусы-заготовки, пластины, поломанные вкладышевые орудия и другие изделия².

Однако находка на оз. Эльгытхын отличается от находки на о-ве Каменном тем, что здесь была не брошенная мастерская, а склад заготовок определенного рода — одних только каменных клинков ножей и копий. Обе находки представляют поэтому одинаково неповторимые и уникальные для каменного века азиатской части СССР случаи.

¹ Их размеры: № 1 — длина 11,5 см, ширина 3,2 см; № 2 — длина 9,8 см, ширина 3 см; № 3 — длина 10 см; ширина 2,5 см; № 4 — длина 10 см, ширина 3 см

² А. П. Окладников. Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, № 85, 1949, стр. 46—53; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 198—200.

Тщательные поиски новых находок в окрестностях тайника ничего не добавили, да и трудно было ожидать, что люди, оставившие эти изделия, жили где-то рядом, на неудобном, довольно крутом и каменистом спуске.

На первой надпойменной террасе, на расстоянии около 1,5 км от тайника-склада, были вскоре обнаружены новые следы пребывания человека — стоянка. Терраса, примыкающая к подножью с утесами и ограниченная ее склонами с северо-востока, востока и частично с севера, с северо-запада омывается озером, а с юго-запада и юга ограждена долиной

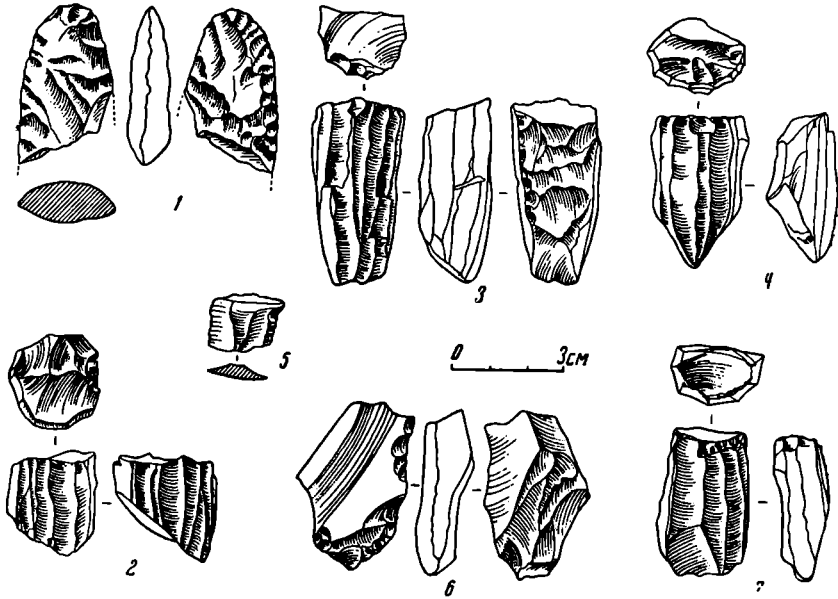

Рис. 8. Каменные изделия со стоянки на оз. Эльгытхыя

одного из крупных ручьев, впадающего поблизости в озеро. Поверхность террасы почти строго горизонтальна и расположена на высоте около 6 м над уровнем озера. Сложена она в большей части из сильно разрушенной гальки и гравелистых песков. Такое строение привело к тому, что терраса хорошо дренирована, совершенно не заболочена, покрыта мхами, которые во многих местах разорваны пятнами каменных медальонов. В юго-восточной, более возвышенной части террасы, куда, видимо, сносится тонкий материал со склонов, поверхность уже заболочена и покрыта густыми травами.

На поверхности сухой части террасы, среди щебня и гравия медальонов, было найдено большое количество отщепов из кремня, обсидиана, халцедона и ороговикованных сланцев. Заложённые здесь две траншеи глубиной в 0,3 м (до слоя мерзлых пород) пересекали на глубине до 0,2 м несколько гнезд или очагов, где отщепы встречались в очень большом количестве. Кроме отщепов, на террасе было найдено более десятка обломков каменных изделий. Таковы прежде всего нуклеусы призматического типа, найденные на стоянке в количестве четырех. Три нуклеуса сохранились целиком (рис. 8, 3, 4, 7). Один из них — типичный, конический, изготовленный из небольшой галечки, часть желвачной корки которой сохранилась на одной его стороне. Площадка нуклеуса скошенная, желобчато-вогнутая, тщательно затесана ретушью. Длина его 4 см. Второй нуклеус лишь слегка суживается к одному концу, противоположному площадке. Одна сторона его выпуклая, покрыта желобками сколов, другая — плоская и обработана тщательной отжимной ретушью; фасетки ретуши поперечные. Площадка нуклеуса тоже желобчатая, т. е. скошенная и слег-

ка вогнутая; длина его 4,8 см. Третий нуклеус тоже односторонний. На плоской стороне имеется углубление, где сохранилась желвачная корка, показывающая, что для его изготовления была использована небольшая галечка. Площадка его перпендикулярна длинной оси изделия. Интересно, что на конце, противоположном площадке, имеется вторая, долото-видно скошенная площадка, оформленная мелкой ретушью. Длина нуклеуса 3,6 см. Четвертый нуклеус представляет собою обломок рассеченного пополам крупного нуклеуса правильной призматической формы,

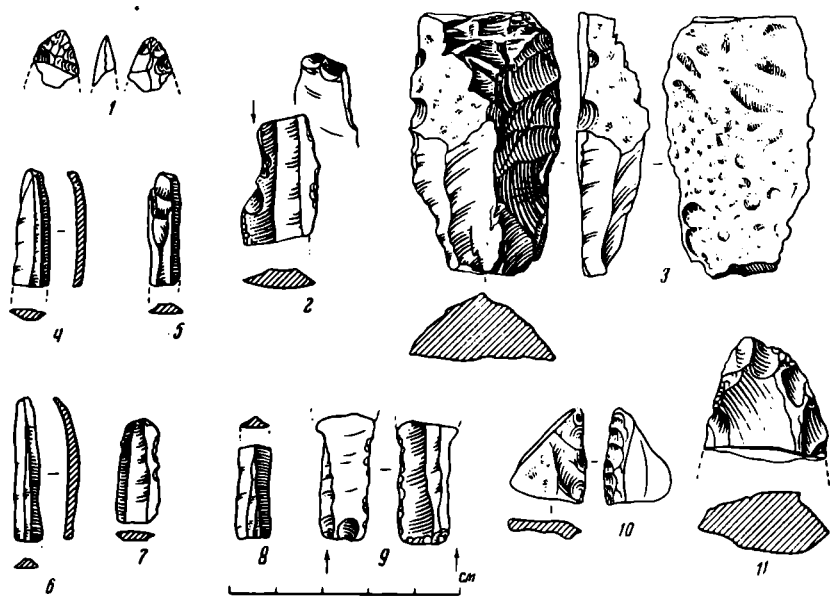

Рис. 9. Каменные изделия со стоянки на оз. Эльгытхын

круглого в сечении, ограненного со всех сторон правильными узкими гранями сколов. Площадка его тоже перпендикулярна длинной оси изделия и тщательно обработана ретушью.

Ножевидные пластинки, собранные на стоянке, изготовлены из обсидиана, кремня темных тонов, преимущественно коричневых и желтых, а также из полупрозрачного халцедона (рис. 9, 4, 5, 6, 7, 8, 9). Obsидиановые пластинки довольно широкие (около 1,5 см), остальные узкие. Есть пластинки и четырехгранные. Две обсидиановые пластинки интересны тем, что на ребрах их имеются продольные сколы резцового типа, аналогичные сколам на угловых резцах. Противоположный край этих пластин обработан мелкой ретушью (рис. 9, 2, 9). Длина обеих этих пластин 2,5 см. Есть и обломки пластин с ретушью (рис. 8, 5; рис. 9, 11).

В коллекции также имеются: два обломка нижней части насада от двух наконечников дротиков (рис. 9, 1, 10), таких же, как описанные выше, две заготовки для изготовления каких-то небольших орудий, может быть скребков, и одно изделие типа долотца или тесла (рис. 5, 6). Материалом для этого изделия послужила пластина сланца удлиненно-трапециевидной формы. Оба ее длинных прямых тонких лезвия обработаны тщательной ретушью и слегка подправлены мелкой зазубривающей ретушью. Очень вероятно, что это изделие могло служить теслом и без дальнейшей обработки способом шлифования. Среди отщепов и обломков имеется, кроме того, фрагмент небольшого наконечника из обсидиана. Наконечник этот был изготовлен с большим искусством. Есть также несколько отщепов с ретушью, показывающих, что такие отщепы тоже применялись в работе.

При осмотре южного берега дальше к западу, в галечниковом валу, был найден превосходный клинок ножа, изготовленный из того же орогованного сланца, сильно окатанный, но с отчетливыми следами обработки на обеих сторонах. Нож этот такой же, как описанные выше, из тайника. По очертаниям он приближается к удлинённому треугольнику. Одна сторона его плоская с естественной коркой, показывающей, что материалом для ножа послужила плитка сланца или сколотая со сланцевой глыбы крупная пластина. Противоположная сторона изделия сплошь обработана отжимной ретушью. Фасетки ретуши в большинстве узкие, они сходятся в середине и образуют отчетливо выраженное продольное ребро. Длина ножа 14 см, ширина 4,2 см (рис. 7, 3).

Находки на оз. Эльгытхын замечательны прежде всего тем, что они дают более полное представление о континентальной неолитической культуре внутренней части Чукотского полуострова, культуре, впервые ставшей известной по находкам на Амгуеме, а затем на р. Белой.

Из новых находок видно, что это была вполне развитая неолитическая культура. Обитатели стоянки на оз. Эльгытхын в совершенстве владели техникой отделения ножевидных пластин от призматического нуклеуса. Они столь же хорошо пользовались приемами тончайшей отжимной ретуши.

Тайник, найденный на оз. Эльгытхын, дает право предположить, что оставленные в нем вещи принадлежали древнему мастеру, владевшему всеми этими способами обработки. Может быть, он был своего рода «специалистом» по изготовлению каменных орудий, таким же, какими были мастера по изготовлению каменных орудий у различных отсталых племен недавнего этнографического прошлого.

Мы знаем, что в распоряжении древних обитателей оз. Эльгытхын находился лук, а также метательные копья или дротики. Кроме того, древние охотники были вооружены большими ножами или охотничьими кинжалами. Они, несомненно, имели и многое другое, необходимое в их домашней жизни, начиная с каменных скребков и кончая глиняными сосудами, образцы которых здесь не обнаружены, но найдены на другом поселении, на р. Белой. У них, надо полагать, были и шлифованные каменные орудия.

Отсутствие керамики и шлифованных орудий в находках на оз. Эльгытхын может объясняться не только случайными обстоятельствами или тем, что керамика полностью разрушалась, но и другими причинами, связанными с самим образом жизни древнего населения Чукотского полуострова.

Большой интерес с этой стороны представляет сравнение эльгытхынских находок с находками на оз. Чировом, отстоящем от оз. Эльгытхын на 250 км. Оба района соединяются р. Эньмувеем, которая вытекает из оз. Эльгытхын. В то время как в районе оз. Эльгытхын зимовать человеку было невозможно, в низовьях Эньмувеема существуют несравненно более благоприятные условия.

Здесь, начиная от крутого поворота р. Эньмувеем на юг (рис. 1) вплоть до ее устья, долина реки изобилует древесной и кустарниковой растительностью. Неудивительно поэтому, что именно здесь, у оз. Чирового, оказались остатки постоянного жилища неолитического времени, а в нем вместе с каменными изделиями и обломки глиняных сосудов, свидетельствующие о более или менее длительном пребывании человека на данном месте. Что же касается находок у оз. Эльгытхын, то здесь нужно иметь в виду одно важное обстоятельство. Летом в районе оз. Чирового появляется множество комаров, делающих почти невозможной жизнь людей и животных. Оленьи стада, спасаясь от гнуса, летом откочевывают в горы и вообще уходят дальше на север, в частности и вверх по р. Эньмувеем и на оз. Эльгытхын. Вслед за дикими оленями должны были идти на север и промышлявшие их древние охотники. Там они могли жить, по-видимому,

в легких наземных жилищах — чумах или шалашах, покрытых оленьими шкурами. Следы таких останков и являются, очевидно, описанные выше находки на оз. Эльгытхын, в том числе стоянка и тайник с изделиями неолитического мастера.

Следует в связи с этим отметить, что обсидиан, употреблявшийся в неолите для изготовления каменных орудий, имеется в окрестностях оз. Эльгытхын. Ороговикованные породы и кремь там не встречаются: они имеются только далее на север, уже в пределах Чукотского хребта. Это значит, что люди, выделявшие свои изделия на оз. Эльгытхын, приносили сюда материал для каменных орудий из более отдаленных районов, лежащих еще далее на север, по направлению к побережьям Ледовитого океана. И эти отдаленные северные места, следовательно, были им достаточно хорошо известны. Они попадали туда, нужно думать, во время своих летних путешествий в погоне за стадами северного оленя, передвигавшимися из лесотундры и тундры дальше на север, к берегам Ледовитого океана и в горные районы Чукотки.

С наступлением холодов охотники опять шли вслед за стадами на юг, в лесные районы нижнего течения р. Эньмувеем, где находились места их более постоянных поселений с жилищами типа полужемлянок, вроде той, остатки которой были открыты на оз. Чировом Н. А. Граве.

В таких общих, но вместе с тем живых и наглядных чертах благодаря новым археологическим находкам встает теперь перед нами жизнь древних племен Чукотского полуострова. Эта своеобразная жизнь древних охотников на северного оленя во многом должна была напоминать жизнь эскимосов-карибу, бродячих охотников на северного оленя и рыболовов, заселявших районы на крайнем севере американского континента, которые добывали рыбу в прорубях гарпунами с приманками в виде рыбок. Примерно в тех же общих чертах старинные предания описывают образ жизни древних юкагиров, таких же пеших охотников на северного оленя и рыболовов, которые еще совсем недавно заселяли необозримые пространства крайнего севера Азии от р. Анадырь на востоке и до р. Лены (если не далее) на западе. Но черты сходства между древними и современными континентальными культурами крайнего севера Азии и севера Америки имеют, по-видимому, свои причины не только в общем сходстве природных условий, определявших направление хозяйственного развития и образа жизни континентальных охотников и рыболовов этих областей.

Как свидетельствуют археологические данные, в наиболее древних культурах Северной Америки, выявленных новейшими исследованиями и предшествующих развитой береговой культуре приморских зверобосв-эскимосов, имеются черты, определенно сближающие их с такими же древними доэскимосскими памятниками крайнего севера Азии¹. Кроме общего сходства культуры, определяемого сходным образом жизни и уровнем развития, связь неолитического населения обоих континентов выступает в ряде частных специфических черт. Первая такая черта — широкое распространение в обеих континентальных культурах, американской и азиатской, высокоразвитой техники отделения правильных ножевидных пластин от нуклеуса призматического типа.

¹ См. Henry B. Collins. Archaeological Research in the North American Arctic. Arctic Research, sp. Publ. № 2 of the Arctic Institute of North America; см. также Arctic, т. 7, №№ 3 и 4, стр. 296—306; I. L. Giddings. Early flint horizons on the north Bering Sea coast. Journal Wash. Acad. Sci., 1949, т. 39, стр. 85290; его же. The Denbigh Flint Complex. American Antiquity, 1951, т. 16, стр. 932203; Jennes Diamond. Prehistoric culture waves from Asia to America. Smithsonian Ann. Rep. for 194K, 1941, стр. 383—396; Eigel Knut. The Paleo-Eskimo culture of northeast Greenland elucidated by three new sites. Amer. Antiq., т. 19, 1954, стр. 177—186; Irgen Melgaard. A Paleo-Eskimo culture in West Greenland. Amer. Antiquity, т. 17, 1952, стр. 222—230; N. C. Nelson. Notes on cultural relations between Asia and America. Amer. Antiquity т. 2, № 1, 1937, стр. 267—272.

Вторая черта — широкое распространение разнообразных каменных ретушированных изделий в виде наконечников копий и ножей, скребков и т. д. Третья черта — наличие в обеих континентальных культурах изделий с резцовыми сколами. Четвертая черта — наличие сходной керамики, в первую очередь круглодонных и остродонных сосудов с характерной шахматной или ложнотекстильной орнаментацией, выполненной при помощи специальных лопаточек с нарезанной на их поверхности линейной сеткой. Хотя такая орнаментация и обнаруживается иногда в инвентаре более поздних поселений прибрежной морской культуры эскимосов, но там она отражает отдаленные традиции, уцелевшие от предшествующей континентальной культуры бродячих охотников и рыболовов арктической и субарктической зон¹.

Таким образом, новые археологические данные позволяют более определенно, чем раньше, сделать вывод о том, что по крайней мере около четырех тысяч лет назад неолитические племена, следы деятельности которых уцелели на оз. Эльгытхын и в других местах Чукотского полуострова, уже прочно и широко освоили эти северные места, самые суровые на северо-востоке Азии.

Более того, часть этих древних охотников на дикого северного оленя, по-видимому, уже в те весьма далекие времена перешла через Берингов пролив на его противоположную сторону и распространилась на севере американского континента. Здесь эти племена внесли свой вклад в культурную и этническую историю американских племен, а затем и древнейших обитателей Гренландии.

Это и была, очевидно, та культурно-этническая волна, с которой этнографы связывают «культуру зимних рыболовов и охотников на дикого северного оленя», а также «палеоэскимосский пласт», или этап в истории древнейшего населения крайнего севера Америки.

---

¹ Wendell Oswalt, Alaskan Pottery: a classification and historical reconstruction. Amer. Antiquity, т. XXI, № 1, 1955, стр. 32—43; его же. Northeast Asian and Alaskan Pottery relationships. Southwestern Journal of Anthropology, т. 9, 1953.

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗАСЕЛЕНИИ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В 1955 г. в ЛОИИМК была передана коллекция археологических предметов с нижнего течения р. Печоры, собранная достаточно квалифицированными специалистами. Будучи сравнительно небольшой, она, тем не менее, представляет значительный интерес для изучения нашего Крайнего Севера, особенно потому, что вносит принципиально новые данные, позволяющие по иному осветить время первичного заселения этого края и пути проникновения в него древнего населения.

Вновь открытая стоянка расположена приблизительно в 30 км севернее Нарьян-Мара, в верховье одного из небольших притоков Печоры, неподалеку от берега озера. Все предметы, составляющие коллекцию, были собраны на небольшом участке развеевной песчаной дюны, где прослеживались заметные признаки культурного слоя, скрытого под навеянным на него песком. Общее количество предметов (кремневых орудий с отщепами и керамики) равно 235.

Среди кремневых орудий встречаются: наконечники стрел и копий, резчики, ножи и ножевидные пластинки, скребки и различной величины отщепы. Кремнь, использовавшийся для изготовления орудий, исключительно высокого качества, в большинстве светлых тонов: молочно-белого, розовато-желтоватого, светло-серого цвета. Лишь единичные орудия приготовлены из красновато-коричневого кремня, иногда в нем встречаются прожилки других цветов, что придает орудию известную пестроту.

Наибольшее количество орудий составляют наконечники стрел (28 целых и 32 фрагмента). Общей чертой для этого вида орудий является незначительная величина (от 5 до 2 см, причем последних явное большинство) и сильная уплощенность. Многие из наконечников изготовлены из ножевидных пластинок или тонких отщепов. Уплощенности орудия способствует и наличие очень плоской ретуши. Техника отделки очень совершенна. Форма наконечников слабо варьирует, в основном встречается два вида наконечников — листовидные и ромбовидные. Помимо того, встречаются как бы переходные между ними формы, когда ромбовидные черты заметно смягчены. В свою очередь, среди листовидных наконечников можно наметить две разновидности: более крупные (5 см), относительно массивные (рис. 1, 20—23), и совсем маленькие, асимметричной формы (рис. 1, 4—6, 25).

Ромбовидные наконечники стрел также имеют некоторые различия. Наиболее близки к листовидным несколько экземпляров тонких, со слабо выраженными углами (рис. 1, 3), изготовленных из ножевидных отщепов. Тщательная и очень плоская ретушь чаще всего покрывает орудие лишь со спинки и в очень небольшой степени с брюшка, по краю, оставляя среднюю часть без обработки.

Наиболее правильная ромбическая форма наконечников показана на рис. 1, 7, 9. Часты случаи, когда короткая ось ромба проходит ближе к его ударному концу или тыльной части (рис. 1, 11, 19).

Наконечников копий два; один из них фрагментирован (рис. 1, 24). Целый экземпляр асимметричен и напоминает нож, однако полное тождество формы с очень маленькими наконечниками заставляет причислять его именно к этой категории орудий.

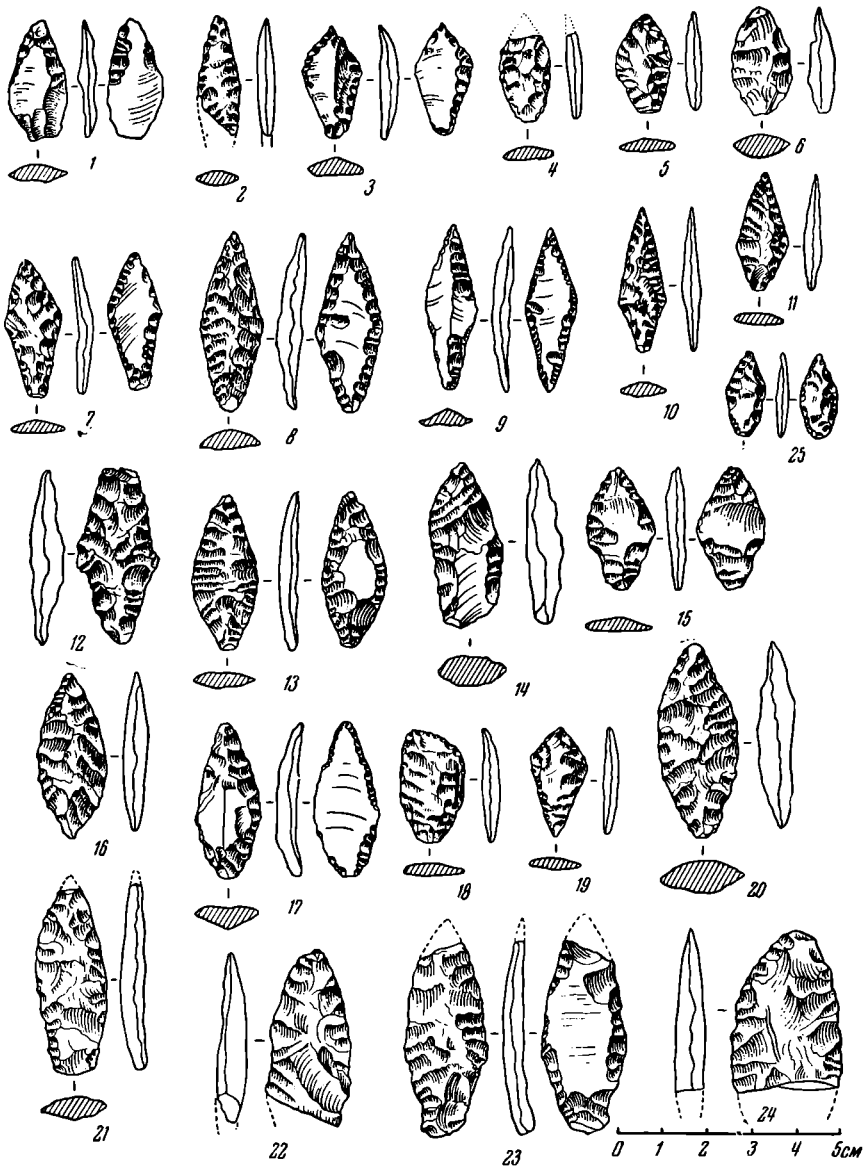

Рис. 1. Кремневые орудия с Печорской стоянки

Весьма многочисленны и интересны, вследствие своей специфичности, резчики (11 экземпляров), изготовленные из длинных ножевидных пластин с треугольным поперечным сечением (рис. 2, 6, 7, 9, 16). Рабочий край орудия образован пересечением трех граней, несущих на себе дополнительную обработку. Острый край резчика образован с помощью двух резовых сколов, расположенных на противоположных ребрах и превращенных, тем самым, в узкие грани. В силу изогнутости некоторых пластин, из которых изготовлены резчики, последние приобретают клювовидную форму. Только в двух случаях (рис. 2, 10, 11) острие образовано

не двумя, а одним резцовым сколом и очень мелкой ретушью. Вся остальная часть орудия оставлена без обработки.

Наличие целой серии резчиков, отличающихся совершенно тождественными приемами оформления рабочего края, позволяет не только выде-

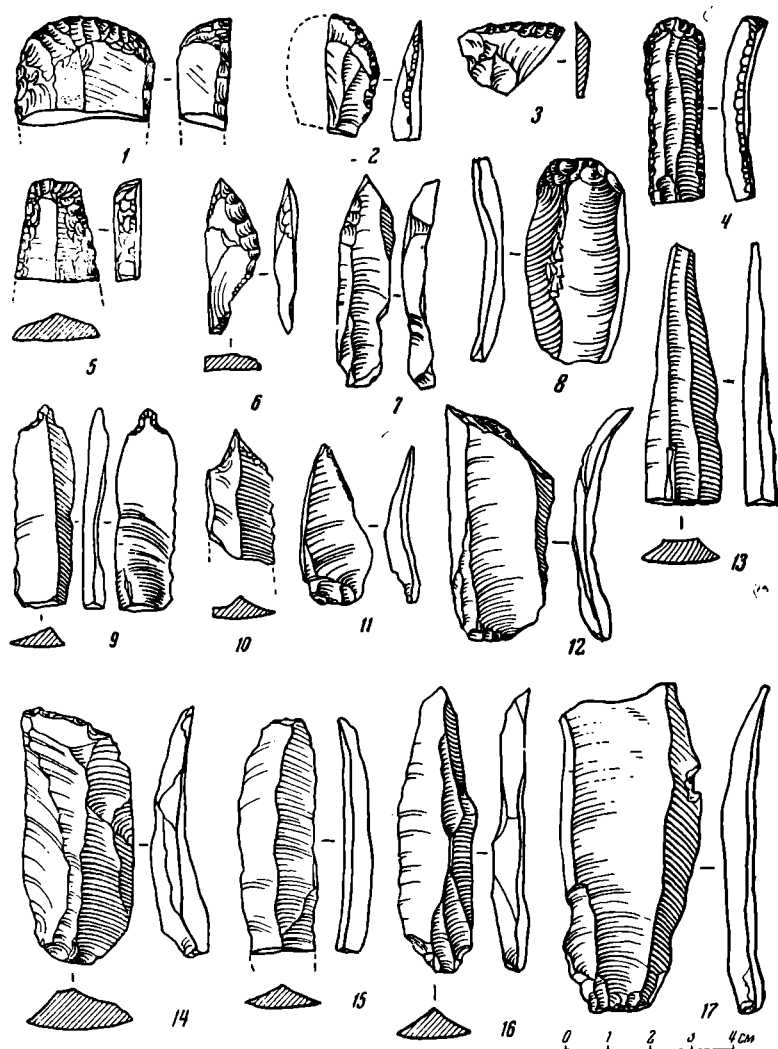

Рис. 2. Кремневые орудия с Печорской стоянки

лить их в особый тип, но и считать одним из специфических признаков, характеризующих орудия труда неолитического населения этой территории.

Близкими к резчикам по функциональному назначению являются два орудия — резчики-ножи, изготовленные из широких ножевидных пластин. Рабочий край их срезан под углом и образован пересечением двух ребер. Два других длинных ребра орудия покрыты тщательной крутой ретушью.

Среди орудий, служивших, по всей вероятности, ножами, можно указать на шесть очень тонких, крупных и широких ножевидных пластин (рис. 2, 12—17), с исключительно острыми краями, лишенными, однако, обработки. В коллекции имеется еще 36 ножевидных пластин различной величины, но одинаково тщательно отжатых, шесть сильно уплощенных и удлиненных отщепов и 36 менее крупных плоских отщепов.

К последней категории орудий нашей коллекции относятся скребки (рис. 2, 1—5); их немного, всего пять экземпляров. Три скребка изготовлены из ножевидных пластин, различных по величине. Самый крупный скребок светло-коричневого цвета, изготовлен из массивной ножевидной пластинки, в поперечном сечении приближающейся к усеченному треугольнику. Полукруглый рабочий конец орудия обработан очень крутой тщательной ретушью, заходящей частично на одну из длинных сторон.

Три других скребка значительно меньшего размера; ретушь, как и на всех орудиях, исключительно правильная, располагается со спинки по всем трем ребрам орудия таким образом, что позволяет использовать их в качестве ножей. Пятый скребок, сегментовидной формы, по всей вероятности, является лишь частью орудия.

Особенно интересен керамический материал (около 100 обломков сосудов), так как именно он в основном позволяет ответить на вопрос о времени и путях заселения данной территории.

Обломки сосудов, несмотря на некоторые различия в орнаменте, весьма однотипны, (рис. 3, 1—13). Все они являются фрагментами от сравнительно толстостенных (1 см), очень крупных сосудов яйцевидной формы. Примесь к глине служит крупнозернистый кварцитовый песок, введенный в умеренном количестве. Глина отмучена и промешана плохо, обжиг средний. Заметная непрочность черепка объясняется, вероятно, низкими качествами глины (что прослеживается на широкой полосе севера) и сильно действовавшими на культурные остатки атмосферными явлениями.

Форма сосудов восстанавливается довольно отчетливо. Они яйцевидные, крупного размера (до 60 см в диаметре), с широким горлом и с совершенно прямым, несколько утолщенным и загнутым внутрь краем.

Типичная для неолита форма сосудов дополняется столь же типичной орнаментацией. Последняя с полным основанием должна быть названа ямочно-гребенчатой, характерной для развитого неолита лесной полосы Европейской части СССР.

Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность сосудов от края до дна и располагающийся зонально, состоит из трех элементов: правильной округлой формы ямок, гребенки и отпечатков мелко плетеной веревочки, намотанной на палочку. Эти три вида орнамента и составляют весьма несложный, однотипный узор на сосудах. В ряде случаев край орнаментирован круглыми ямками, образующими правильные ряды (по 3—4 ямки), ниже которых размещаются отпечатки гребенчатого штампа, поставленного близко друг к другу под углом, параллельно или перпендикулярно краю сосуда. Наиболее частым узором, покрывающим если не сплошь весь сосуд, то значительную часть его, являются круглые ямки и сплошные ряды из косо поставленной гребенки.

Рассматривая материал стоянки в целом, нельзя не обратить внимания на удивительное его единство, исключающее всякое предположение не только о наличии здесь нескольких разновременных комплексов, но и о длительном существовании стоянки. Так, несмотря на значительное количество наконечников стрел, они весьма однотипны. В пользу высказанного положения свидетельствует также строго выработанная, оригинальная манера изготовления кремневых резчиков. Наконец, это единство подчеркивается и керамикой, где фрагменты от ряда сосудов совершенно сходны по составу глины, обжигу, форме и в особенности орнаментации.

Такая целостность материалов стоянки, ее «чистый» комплекс, является большим достоинством данного памятника. Он может служить своего рода эталоном для стоянок Печорского края. Однако значение данной коллекции не исчерпывается только указанной стороной.

Основываясь на материалах, добытых в течение ряда последних лет в области Печорского края и давших возможность составить некоторое представление о материальной культуре древних племен, обитавших на

этой территории, М. Е. Фосс удалось выделить «печорскую» культуру с рядом характерных для нее особенностей¹.

По вопросу заселения этого края были выставлены следующие положения: освоение человеком Большеземельской тундры имело в основном два этапа. Наиболее ранний из них следует датировать концом II — началом I тысячелетия до н. э., второй — первой половиной I тысячелетия до н. э.

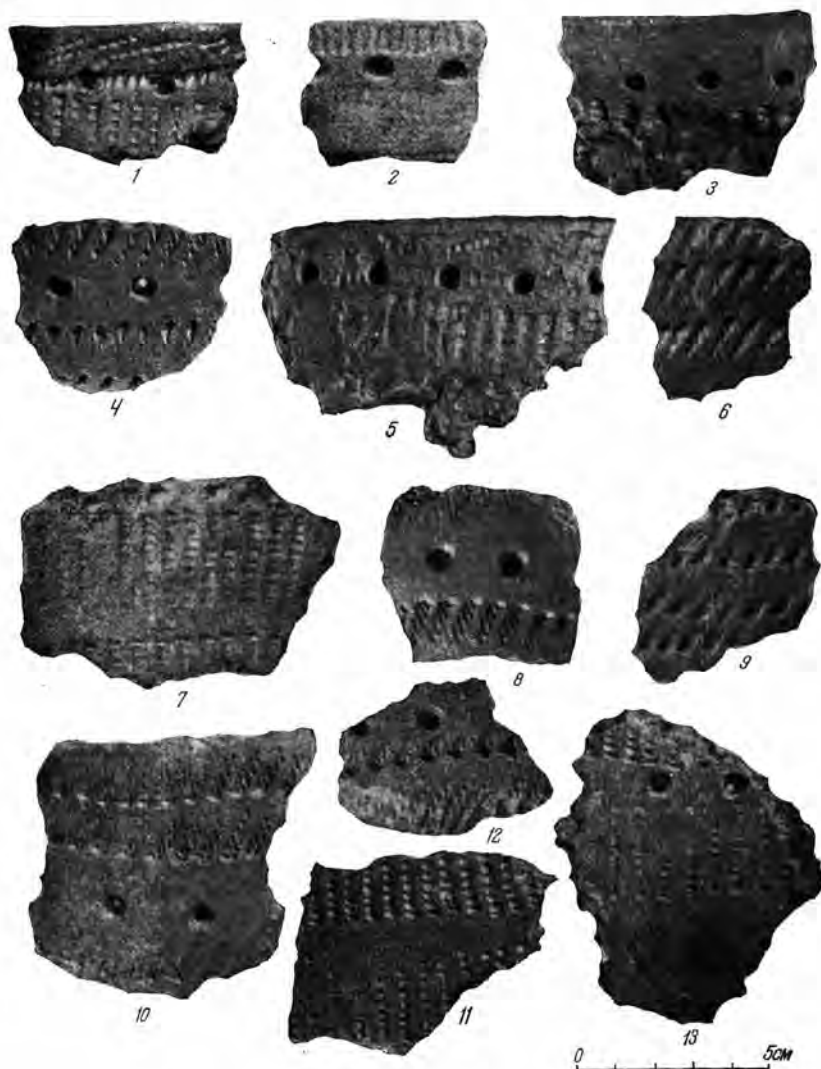

Рис. 3. Обломки сосудов с Печорской стоянки

К данному выводу исследователя неизбежно должен был привести имевшийся в то время археологический материал. Памятники, отражающие более ранний этап развития материальной культуры населения этой территории, отсутствовали. Характеризуя печорскую культуру, М. Е. Фосс писала: «Необходимо отметить, как общее явление, отсутствие ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в волго-окском бассейне и на значительной территории Севера в более южных широтах.

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА. № 29 1952, стр. 138—145.

Среди керамики Большеземельской тундры отсутствует такая, которую можно было бы определить как ямочно-гребенчатую керамику, характеризующуюся обычно сплошным заполнением всей поверхности сосуда ямками, расположенными чаще всего в шахматном порядке и разделенном на зоны другими орнаментами — гребенчатым, ногтевым и пр.»¹.

Сопоставляя далее материал стоянок печорской культуры с материалом памятников соседних территорий, М. Е. Фосс вынуждена была прийти к отрицанию сходства между печорской и беломорской культурами² и установлению близкого родства племен печорской и обской культур.

По вопросу о заселении этой территории было высказано суждение, что «по орнаментике керамики племен Большеземельской тундры выясняется и происхождение их — из Западной Сибири»³.

Публикуя в этой статье новые материалы, мы не ставим себе задачу опровергнуть выставленные ранее положения, закономерные для того времени и справедливые применительно к более позднему этапу древней истории Печорского края, т. е. для конца II и начала I тысячелетия до н. э.

Однако новые данные позволяют установить наличие населения в Большеземельской тундре в более ранний период ее истории и проследить пути проникновения его сюда не с востока, как было указано ранее, а с запада.

До получения настоящей коллекции с территории Большеземельской тундры были известны отдельные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики⁴, однако тогда они могли показаться случайными. Наличие же в настоящее время стоянки, имеющей, как было указано выше, исключительно целостный характер, позволяет сделать следующий вывод: еще в самом начале II тысячелетия до н. э. на территорию Большеземельской тундры стали проникать неолитические племена, обладающие типичной ямочно-гребенчатой керамикой. Судя по сходству последней с керамикой Беломорья, эти племена продвигались в Печорский край, вероятнее всего, по системе небольших рек — притоков Северной Двины и Печоры, и возможно, по побережью Белого и Баренцова морей. Керамика этих племен имеет многие черты сходства с керамикой древнего населения районов, расположенных к юго-западу от Печоры, в частности, на побережье Белого, Галичского и Чухломского озер; однако наиболее близкое сходство выявляется с керамикой памятников, расположенных на территории, занятой в более позднее время племенами беломорской культуры. Тот факт, что отпечатки крупного гребенчатого штампа поставлены чаще всего перпендикулярно краю сосуда и в отдельных случаях слегка нарушены ямками, свидетельствует о том, что керамический материал нашей стоянки следует сопоставлять, скорее всего, с керамическим материалом более позднего этапа развития культуры, предшествующей беломорской, датируя ее на основании работы М. Е. Фосс первыми веками II тысячелетия до н. э. Поскольку материалы стоянки, наряду с керамикой, тождественной беломорской, дают вместе с тем несколько своеобразный кремневый инвентарь (маленькие асимметричные наконечники стрел и специфически изготовленные резцы), следует признать, что за период, который прошел с момента первого проникновения человека на данную территорию, прошло уже некоторое количество времени, достаточное для того, чтобы успели выработаться особые формы некоторых кремневых орудий.

Таким образом, вновь полученные материалы позволяют уточнить вопрос первичного заселения Печорского края, устанавливая наличие более раннего этапа его древней истории.

¹ М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 139.

² М. Е. Фосс отмечает наличие отдельных типов орудий и некоторых элементов в орнаментации керамики, свидетельствующих об известном общении населения этих соседних территорий. См. М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 142.

³ М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 145.

⁴ Коллекция Журавского, хранящаяся в МАЭ.

ПОСЕЛЕНИЕ ЗАЙСАНОВКА I В ПРИМОРЬЕ

С 1953 г. было начато систематическое обследование Приморья Дальневосточной экспедицией ИИМК АН СССР, возглавляемой А. П. Окладниковым. До этого были известны памятники не древнее конца II тысячелетия до н. э. Это были в основном раковинные кучи и памятники средневековья, относимые к бохайско-чжурчженскому времени (VIII—XIII вв.). Первые были описаны М. И. Янковским¹, В. П. Маргаритовым², В. К. Арсеньевым³, А. И. Разиным⁴, Л. Иваньевым⁵ и др.; вторые, как более привлекающие к себе внимание, посещались и описывались многими путешественниками и учеными. В их числе отметим Н. М. Пржевальского⁶, П. И. Кафарова⁷, Ф. Ф. Буссе⁸, В. К. Арсеньева⁹.

Разведками 1953 г. было найдено несколько поселений, предварительное ознакомление с которыми позволило А. П. Окладникову отнести их к более раннему времени¹⁰. При обследовании поселения в устье р. Гладкой, известного до 1953 г. лишь по небольшим сборам, на нем была найдена керамика, отличная от керамики раковинных куч. В связи с быстрым разрушением поселения было решено начать его исследование.

В 1954 г. Прибрежным отрядом Дальневосточной экспедиции под руководством автора настоящей статьи были проведены раскопки поселения Зайсановка I, давшие обильный и многообразный материал.

Поселение Зайсановка I расположено в 7 км к востоку от районного центра Краскино, на мысе невысокой возвышенности, тянущейся вдоль правого берега р. Гладкой, и омывается водами бухты Экспедиций. Оно находится, таким образом, к югу от Владивостока на берегу Тихого океана.

В настоящее время от поселения почти ничего не осталось; оно разрушается выборкой камня для строительства и огородами.

На поселении нами был заложен раскоп 10 × 6 м. Стоянка расположена на довольно крутом склоне. Разница высот на протяжении 10 м со-

¹ М. И. Я н к о в с к и й. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми. ИВСОРГО, т. XII, вып. 2—3. Иркутск, 1881.

² В. П. М а р г а р и т о в. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ р. Сидеми. Издание ОИАК. Владивосток, 1887.

³ В. К. А р с е н ь е в. Отчет о раскопках на п-ове Песчаном. (Хранится в архиве ЛОИИМК, дело № 161 за 1924 г.).

⁴ А. И. Р а з и н. Археологические разведки на берегу Уссурийского залива. Советское Приморье, Владивосток, 1925, № 8 и др.

⁵ Л. И в а н ь е в. Археологические памятники Приморья. Красное Знамя, Владивосток, 1951, № 83.

⁶ Н. М. П р ж е в а л ь с к и й. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870.

⁷ П. И. К а ф а р о в. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край, ИРГО, т. VI, вып. 7—8, СПб., 1870.

⁸ Ф. Ф. Б у с с е. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Дуабихэ и Улахэ. ЗОИАК, т. I, Владивосток, 1888.

⁹ В. К. А р с е н ь е в. Обследование Уссурийского края в археологическом и археологическом отношениях. ИЮУОПОРГО, (вып. 4), Никольск-Уссурийский, 1922.

¹⁰ А. П. О к л а д н и к о в. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщение Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова АН СССР, вып. 8, Владивосток, 1955.

ставляет 3,5 м. Расположение культурного слоя на склоне способствовало некоторому смещению слоев вниз и, возможно, частичному перемешиванию. Об этом можно судить как по наличию щебенки в культурном слое, так и по наличию в верхнем слое вместе с ранними находками материалов более поздних. Нижние слои чистые; в них отсутствует керамика,

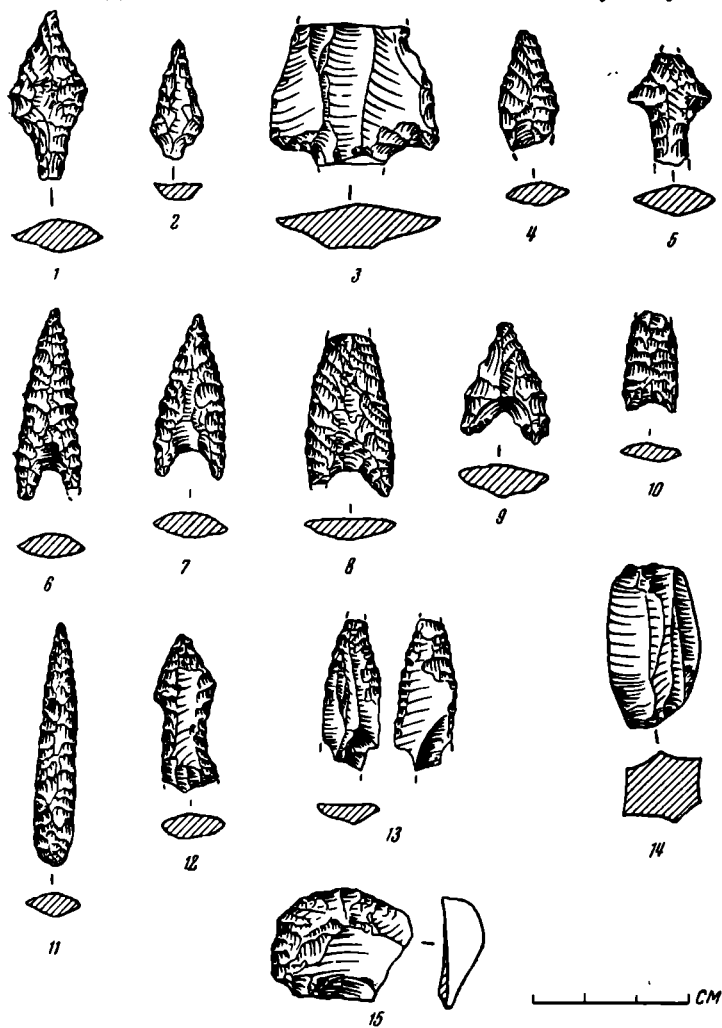

Рис. 1. Изделия из обсидиана

1—13—наконечники стрел; 14—нуклеусы; 15—скребок

характерная для раковинных куч. Следовательно, памятник Зайсановка I интересен с точки зрения стратиграфии. Сопоставление профилей и планов, а также расположение находок и раздавленных сосудов позволяют сделать предположение о том, что нами вскрыты остатки надземного жилища, слегка углубленного в скалу. Ввиду того, что это только предположение, в дальнейшем слово «жилище» мы всюду будем брать в кавычки.

Археологические памятники Приморья до сих пор в печати почти не опубликовывались. Материалы из раскопок этого поселения позволяют характеризовать один из этапов в развитии Приморья до появления раковинных куч¹.

¹ Настоящая статья является частью большой работы, охватывающей памятники II—I тысячелетий до н. э. на побережье залива Петра Великого.

Материалы с поселения Зайсановка I, полученные в результате раскопок 1954 г., представляют собой орудия из обсидиана и различных пород камня, большое число фрагментов керамики, а также костные остатки наземных животных и рыб. Характеристику материала мы начнем с обсидиановых орудий.

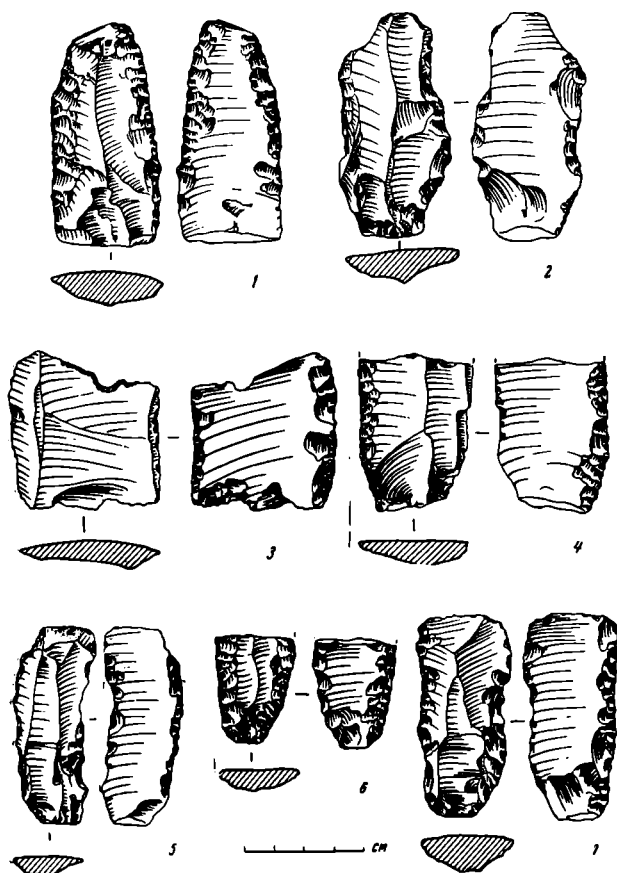

Рис. 2. Obsидиановые ножи

В Большой Советской Энциклопедии в статьях «Obsидиан»¹ и «Obsидиановые орудия»² ни слова не сказано об obsидиане на Дальнем Востоке. Знакомство с коллекциями, собранными на Камчатке³, Курильских островах⁴, в Японии⁵ и в Приморье, а также с описаниями различных памятников из тех же мест и из Кореи⁶ показывает наличие на этой громадной территории как залежей obsидиана, так и древних орудий из него. В отличие от кавказского, obsидиан, использовавшийся на поселении Зайсановка I, мало прозрачен.

Наличие на поселении Зайсановка I массы чешуек и мелких отщепов и полное отсутствие орудий из obsидиана с вторичным их использованием служат хорошим доказательством использования местного сырья.

¹ БСЭ, 2-ое изд., т. 30, стр. 394.

² Там же.

³ Колл. 5180, хранится в МАЭ АН СССР в г. Ленинграде.

⁴ Колл. 6032, хранится там же.

⁵ Колл. 1407, хранится там же.

⁶ Фудзита Ресаку. Изучение археологии Кореи. Киото, 1948 (на японск. языке).

Обсидиан в основном употреблялся для изготовления мелких орудий — ножей, скребков и наконечников стрел.

Скребок найдено мало (рис. 1, 15). Возможно, что их функции выполняли также ножи с крутой ретушью. Специально обработанных проколов и сверл из обсидиана не найдено.

Рис. 3. Изделия из камня, глины, обсидиана, кости

1—10 наконечники стрел; 11 — «выпрямители» древков стрел; 12 — скребок; 13 — обломок обсидианового ножа; 14—16 глиняные пряслица; 17 — обломок костяного орнаментированного предмета

Очень хорошо представлены на поселении обсидиановые ножи и наконечники стрел, найденные как в целом виде, так и в обломках.

Обсидиановые ножи (рис. 2) изготавливались как на грубых пластинах, так и на удлиненных отщепях. Ретушь с одной или с двух сторон заостряющая, неровная, дающая как бы пильчатые края. Однако это не настоящая пильчатая ретушь, присущая некоторым наконечникам стрел.

В зависимости от количества обработанных сторон, ножи подразделяются на однолезвийные (рис. 2, 4) и двулезвийные¹. Однолезвийные ножи иногда имеют на противоположном лезвию крае притупляющую ретушь. Длина ножей 52—75 мм, ширина 25—50 мм, при толщине пластинки 5—17 мм. Особо отметим находку № 147 (рис. 3, 13) — обломок большого двулезвийного ножа. Его размеры 74 × 74 × 14 мм.

Несмотря на то, что в коллекции довольно много целых ножей и обломков, среди них не встречено ни одного ножа, хотя бы отдаленно напоминающего японские неолитические кнопочные ножи. Отметим, что и среди наконечников стрел также не наблюдается типов, характерных для наконечников стрел Японии.

Наконечники стрел из обсидиана (рис. 1) делались как из пластин², так и из отщепов; обработаны они чаще всего тонкой, плоской двусторонней ретушью. На некоторых наконечниках (рис. 1, 6, 9), а также на их обломках наблюдается настоящая пильчатая ретушь.

По форме наконечники можно разделить на следующие типы: иволжистые (рис. 1, 11), черешковые (рис. 1, 1, 2, 3, 5) и треугольные с выемкой в основании (рис. 1, 6, 7, 8, 9, 10).

Черешковые наконечники представлены треугольно-черешковыми и ромбовидно-черешковыми. Первые бывают как с жальцами (рис. 1, 3), так и без них (рис. 1, 2). Длина наконечников колеблется в пределах 22—43 мм. В сечении это чаще всего заостренный овал, ромб, резе сегмент.

Среди наконечников с выемкой в основании нет экземпляров с асимметричными жальцами; выемки обычно глубокие. Сечения те же, что и у предыдущего типа. Лишь один наконечник (рис. 1, 9) имеет в сечении треугольник; края наконечника покрыты пильчатой ретушью. Длина наконечников этого типа 20—30 мм.

Для различных категорий орудий характерны различные породы камня³. Это связано с их функциональным назначением. Крупные орудия, у которых решающее значение имели вес и крепость на удар, изготовлялись преимущественно из актинолитизированного габбро-диабазы; для изделий, связанных с полировкой и шлифовкой каменных орудий, применялись различного рода песчаники; для более мелких категорий, таких, как скребки, наконечники дротиков, стрел и копий, а также частично для ножей наиболее употребительными были кремнистые сланцы. Для некоторых наконечников стрел применяли шиферный сланец. Предметы из камня обрабатывались как ретушированием, так и шлифованием.

Каменный инвентарь, найденный при раскопках 1954 г. на поселении Зайсановка I, довольно разнообразен. Описание изделий из камня произведено по следующим категориям: топоры и тесла; наконечники стрел, дротиков и копий; ножи; скребки; выпрямители древков стрел и абразивы; терки; терочки и песты; отбойники и ложила; грузила; орудия неизвестного назначения.

Прежде всего отметим то общее, что присуще почти всем топорам и теслам со стоянки Зайсановка I.

Почти все топоры и тесла изготовлены из актинолитизированного габбро-диабазы; все они шлифованы и имеют закругленное лезвие. Все они

¹ С. А. Семенов, осматривавший эти ножи, склонен считать их ножами для резания мяса. Поэтому «пильчатость» лезвия — явление не случайное. (Многие орудия из Зайсановки были осмотрены С. А. Семеновым; он указал их назначение и способы работы ими. За эти определения приношу С. А. Семенову глубокую благодарность).

² Хотя техника снятия изящных ножевидных пластин и была известна в период обитания поселения, — о чем свидетельствуют как находки пластин, так и одного миниатюрного призматического нуклеуса (рис. 1, 14), — однако предпочтение отдавалось более грубым пластинам и отщепам.

³ Определение каменных орудий произведено на кафедре петрографии Московского геолого-разведочного института им. С. Орджоникидзе И. Ф. Трусовой. Пользуюсь случаем принести ей глубокую благодарность.

значительных размеров и довольно большого веса. Почти все они имеют в сечении овал (рис. 4, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 13).

Топоры и тесла дошли до нас в разрушенном виде. Это заставляет нас быть очень осторожными при определении форм и величины орудий.

Большинство орудий разбираемой категории являлось, вероятно, топорами, ибо для них характерна почти полная симметричность; некоторая асимметричность иных орудий ставит их между топорами и теслами; и, наконец, есть определенно выраженные тесла со всеми присущими им признаками (рис. 4, 10). Топоры и тесла имели сужающийся округлый обушок (рис. 4, 1, 2).

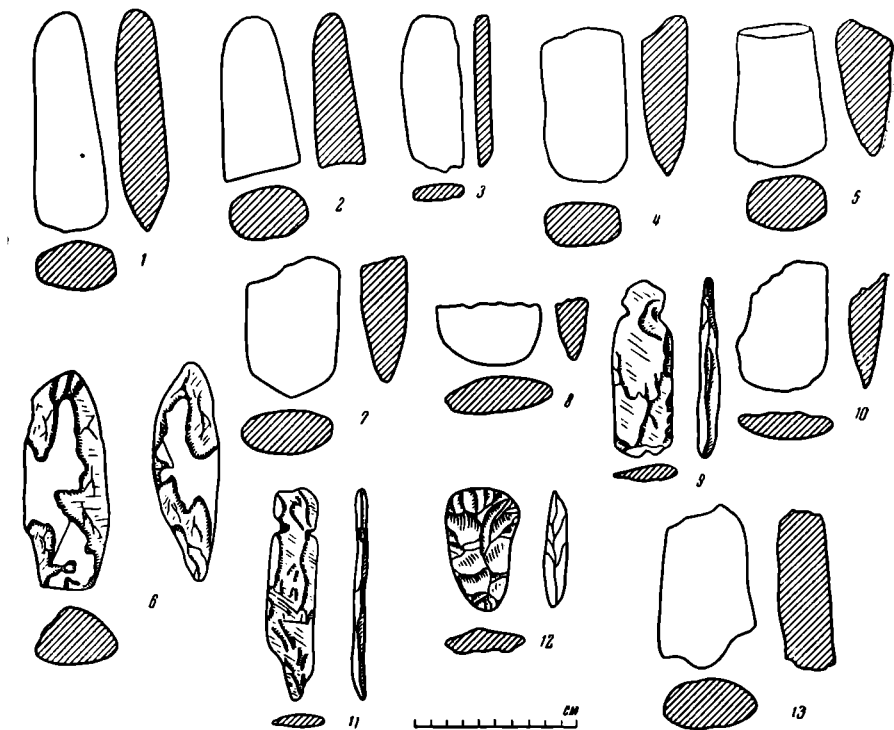

Рис. 4. Изделия из камня

1—8, 10, 13 — топоры и тесла; 9, 11 — сланцевые плитки; 12 — скребок

Можно говорить о следующей основной форме топоров и тесел: довольно широкое закругленное лезвие, заточенное симметрично или асимметрично, переходит в овальное в сечении тело, заканчивающееся сужающимся закругленным обушком.

Среди подъемного материала на Зайсановке I есть один целый шлифованный топор из указанного материала, имеющий подобную форму (рис. 4, 1). Исходя из различия в заточке лезвий, можно утверждать, что топорами и теслами выполнялись различные операции¹.

Есть топоры, которые служили для рубки дерева (рис. 4, 1, 4, 8); тесла применялись для долбления дерева (рис. 4, 10). Топоры типа, изображенного на рис. 4, 5, 7, являлись, по мнению С. А. Семенова, «боевыми» топорами. Это мнение основано на том положении, что у них слишком велик угол заточки лезвий. Они могли употребляться как при охоте на зверя, так и в схватках между людьми.

Топор из лавовой вулканической брекчии основного состава² имеет

¹ Определения С. А. Семенова.

² Первичные лавы сильно изменены: актинолитизированы и альбитизированы. Среди обломков преобладают базальтовые порфириды и диабазы, встречаются обломки габбро-диабазов.

в сечении треугольник с закругленными углами (рис. 4, 6). Интересно по своей форме тесло — очень тонкое с остротой, приближающей его к прямоугольным теслам (рис. 4, 3). В раковинных кучах имеются тождественные тесла, правда, выполненные из других материалов.

Почти все наконечники стрел, дротиков и копий выделаны из кремнистых сланцев. Большинство наконечников обработаны ретушью, реже шлифованы. Ретушированные наконечники стрел, дротиков и копий представлены следующими типами: листовидными (рис. 3, 2), треугольными с прямым основанием (рис. 3, 3, 7), треугольными с незначительной выемкой в основании (рис. 3, 5, 6), ланцетовидными (рис. 3, 1).

Несмотря на кажущееся сходство в формах обсидиановых и каменных наконечников стрел, они имеют свои особенности. Каменные наконечники в основной массе более значительны по размерам и как бы вытянуты. У обсидиановых наконечников выемки оснований глубокие, тогда как у каменных они лишь намечаются.

Среди ретушированных наконечников есть несколько обломков наконечников дротиков и копий. К сожалению, о их форме и размерах судить нельзя из-за их фрагментарности.

Шлифованные наконечники стрел изготавливались как из кремнистых сланцев (рис. 3, 9, 10), так и из шиферных (рис. 3, 8). По форме они резко отличаются от наконечников ретушированных. Все они очень узкие, длинные и граненые. В сечении они ромбовидные или шестигранные.

Кроме обсидиана, ножи изготавливались из тонких пластин туфа и кремнистых сланцев.

О наличии каменных скребков на поселении можно судить по скребку из кремнистого сланца (рис. 3, 12). Он выполнен на отщепе значительных размеров: $74 \times 43,5 \times 14$ мм.

«Выпрямителей древков стрел» (рис. 3, 11) найдено несколько, причем все они в обломках, поэтому о длине их судить трудно. Материалом для них служил песчаник. Ширина плиток колеблется в пределах 30—40 мм при толщине 21—27 мм. Ширина желобков 9—11 мм.

Нами найдена лишь одна изломанная терка, сделанная из серого туфа. Она была, вероятно, ладьевидной формы, а выгнутость как по продольной, так и по поперечной осям делала ее очень неустойчивой. Сравнительно небольшая площадь углубления и ее зашлифованность позволяют предположить, что это не зернотерка.

Среди находок некоторые предметы можно предположительно считать терочниками и пестами.

К отбойникам мы относим ряд галек, один или оба конца которых посят на себе следы ударов; лощилами служили несколько небольших галек с подшлифованными сторонами.

Грузил на стоянке найдено два экземпляра. Оба они сделаны из галек с небольшими выемками с двух сторон.

Кроме того, во время раскопок было найдено несколько каменных предметов, о назначении которых говорить определенно нельзя. Очень интересны, например, обнаруженные в непосредственной близости друг от друга две сланцевые плитки (рис. 4, 9, 11 и рис. 5). На одном из концов каждой плитки сделаны двухсторонние выемки. Они изготовлены из обломков шлифованного сланцевого орудия. Это могли быть и «близнецы» — фигурки людей, и просто грузила для рыбной ловли удочкой; могли быть они также и грузчиками для примитивного ткацкого станка, так как доста-

Рис. 5. Предмет из сланца

точно тяжелы для этой цели, тонки и ровны и их было удобно привязывать. Именно эти предметы А. П. Окладников считает кнопочными ножами, характерными для неолита Японии¹.

Костяные орудия не найдены. Не отрицая возможности существования костяных орудий, мы склонны думать, что основную, ведущую роль играли в этот период все же обсидиановые и каменные орудия.

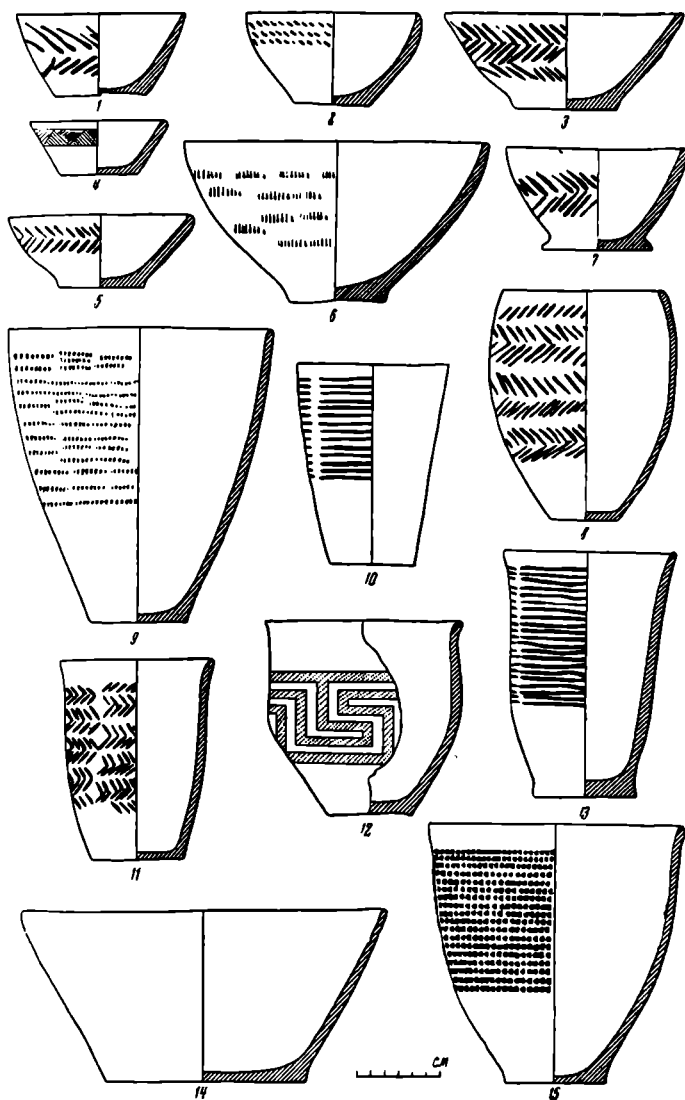

Рис. 6. Основные формы орнаментированных и неорнаментированных сосудов

Керамика Зайсановки I является наиболее массовым, многообразным и наиболее ярко характеризующим данную стоянку материалом. Она позволяет судить о насыщенности культурного слоя и о перемешанности его верхней части. С площади раскопа в 60 м^2 (при глубине культурного слоя в 40—85 см) нами статистически обработано 14 748 обломков стенок сосудов, около 700 обломков днищ, 39 целых днищ и свыше 900 обломков венчиков, т. е. около 16 500 фрагментов. Но не столько количеством инте-

¹ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 7.

ресна керамика из Зайсановки I, не столько обилием представленных здесь форм сосудов, сколько узорами, покрывающими их, и разнообразием приемов орнаментации сосудов.

Мы опишем лишь основные, ведущие формы сосудов, а также их узоры, их элементы и технику их выполнения.

Вся посуда на данном поселении леплена ручным способом. Часть сосудов могла формоваться из одного куска глины (небольшие сосуды), но основная масса сосудов леплена главным образом спирально-ленточным способом. Основной примесью является песок, часто довольно крупный; изредка встречаемая дресва не является характерной примесью для какой-либо определенной группы керамики.

Все сосуды обжигались, вероятнее всего, на костре, о чем свидетельствует разноцветность теста в изломе. Цвет сосудов коричневый, бурый, красновато-бурый и почти черный (желтовато-бурых и серо-бурых мало). В тех случаях, когда для каких-то групп керамики будут присущи совершенно определенные цвета, в описании это будет отмечено особо.

Вся посуда из Зайсановки I плоскодонна (рис. 6). Венчики большинства сосудов или прямые, или слегка загнуты внутрь, или несколько отогнуты наружу. Для большинства сосудов характерно отсутствие шейки (рис. 6).

Почти для всех сосудов характерна подлощенность стенок как снаружи, так и внутри, переходящая иногда в лощение, но это не то блестящее лощение, которое характерно для керамики раковинных куч.

На всех сосудах Зайсановки I различные узоры покрывают большую часть сосуда, но придонная часть всегда гладкая (рис. 6). Этим объясняется наличие значительного количества черепков без орнамента. Из общего числа обломков стенок, обработанных нами (14748), гладкие черепки (в количестве 3046) составляют 23,1%, т. е. почти четвертую часть всех обломков, найденных на поселении.

В верхнем слое встречалась и другая гладкая керамика; изучая ее, мы пришли к заключению, что некоторая часть по качеству обработки отличается от всей остальной массы керамики поселения, но очень близка, вернее тождественна, керамике из раковинных куч.

Послойный анализ памятника показывает, что эта гладкая посуда относится лишь к верхнему слою и найдена вместе с черепками от сосудов, украшенных накладными валиками и ручками — ушками, характерными для раковинных куч.

Отсутствие подобной посуды в нижних, основных слоях памятника позволяет нам сделать совершенно определенный и очень важный вывод о том, что поселение Зайсановка I возникло раньше, чем раковинные кучи, расположенные поблизости, где весь облик материала резко отличен от нижнего слоя Зайсановки I. Интересно отметить, что не все миски орнаментировались, но на мисках с орнаментацией наблюдается наибольшее число узоров: елочные, в основе которых лежат треугольники, гребенчатые и тычковые узоры.

Прочие же сосуды, о которых речь будет ниже, обязательно орнаментированы.

В посуде с поселения Зайсановка I можно выделить пять основных форм сосудов.

Миски являются наиболее распространенной формой сосудов. Их восстановлено (графически, на основании полных профилей) около двадцати. Интересно, что все они найдены в пределах «жилища», где находилась основная масса раздавленных сосудов. Чаще всего они располагались или вблизи очага, или в нем. Размеры мисок различны, что видно на прилагаемой таблице:

Диаметр венчика	114	115	131	132	132	134	140	142	144	145	159	173	186	232	280
Высота	62	41	62	62	70	60	80	57	55	50	77	80	74	120	128
Диаметр дна	65	60	73	74	56	70	84	82	63	67	78	82	78	73	152

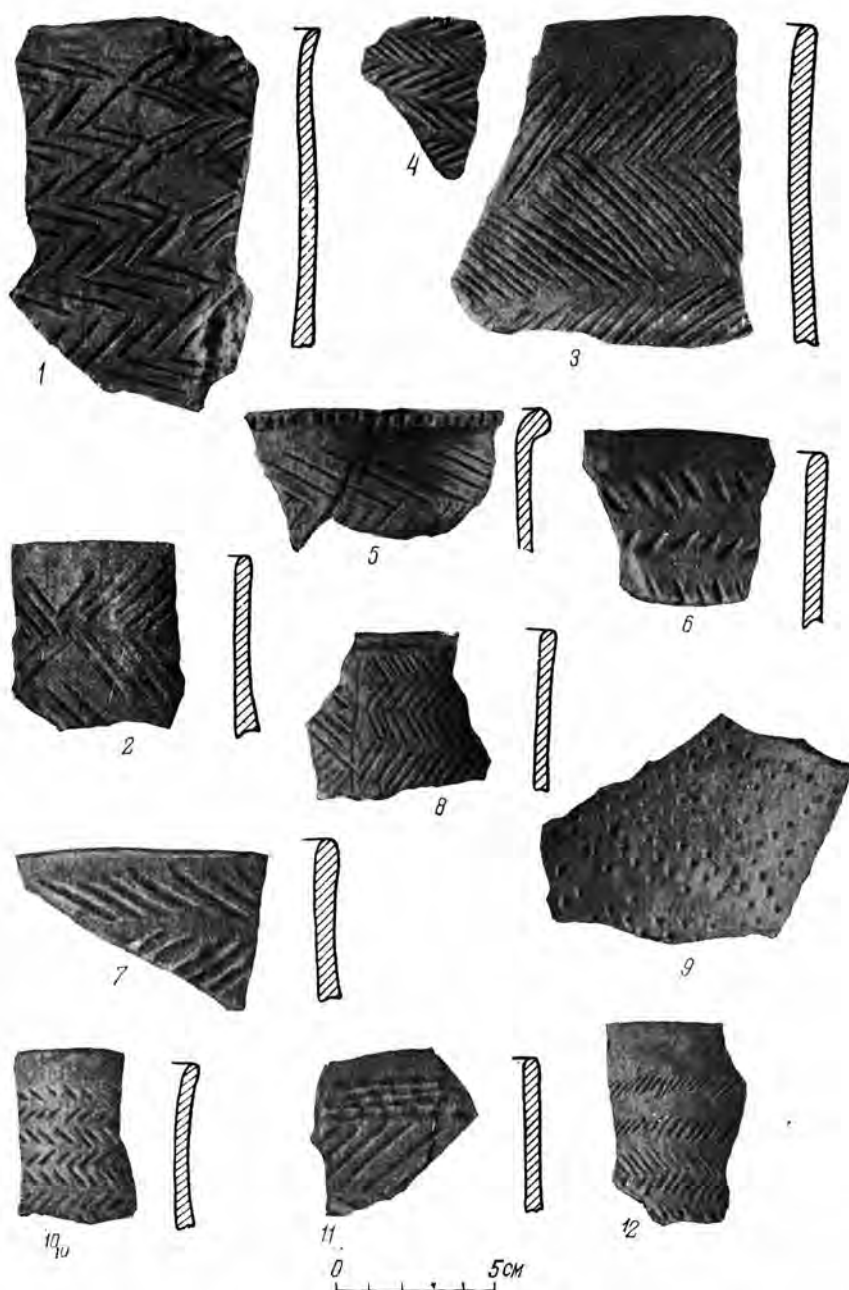

Рис. 7. Керамика с елочным узором

Таким образом, мы видим, что диаметр дна миски обычно несколько больше, чем высота ее, а диаметр венчика больше того и другого. Можно даже установить некоторую закономерность в отношении между этими тремя величинами: диаметр дна примерно равен высоте миски, а то и другое равно примерно половине диаметра венчика.

Высокие баночные сосуды (рис. 6, 8), будучи близки друг к другу по форме, различны по размерам. Они употреблялись, вероятнее всего, для приготовления пищи, так как на них часты следы нагара и копоти. В отличие от них, миски чисты и использовались, вероятно, для принятия из них пищи.

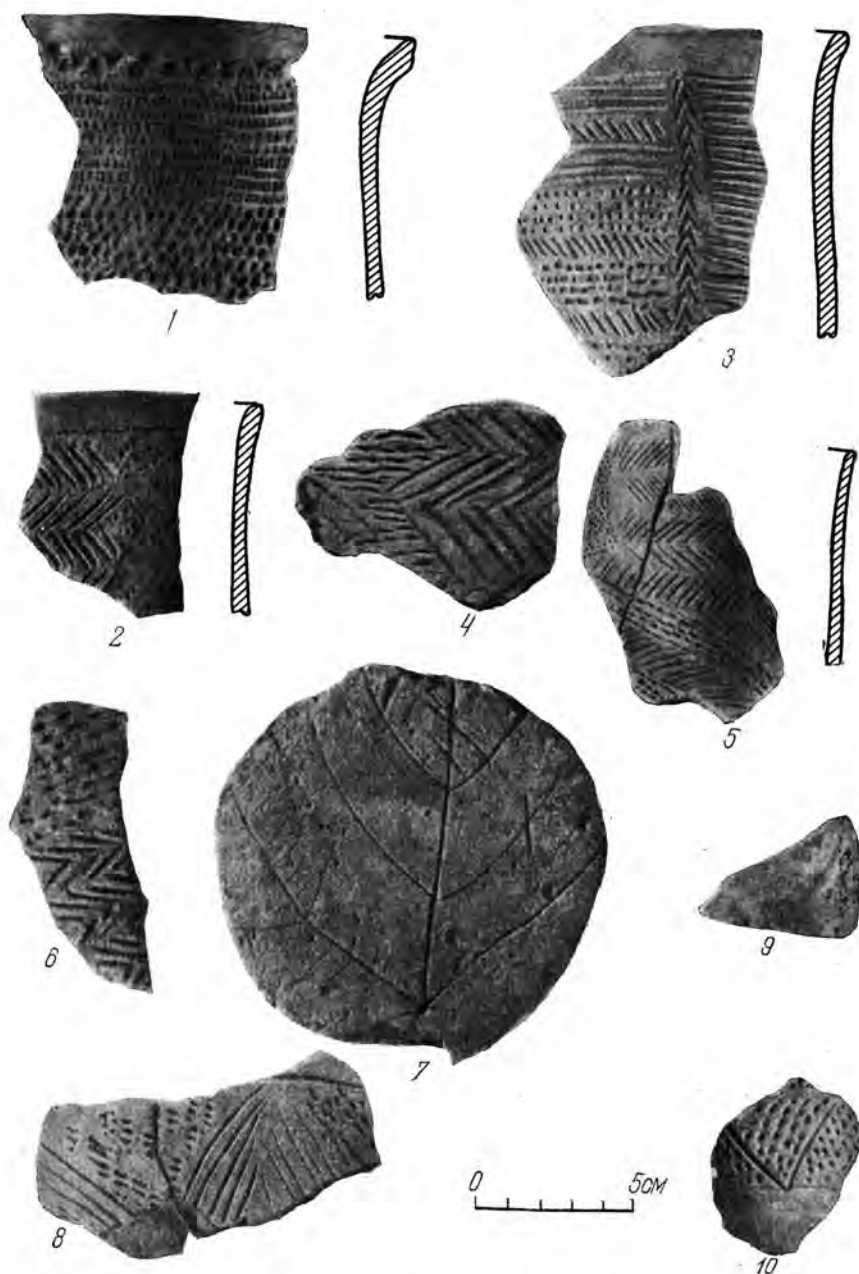

Рис. 8. Керамика с комбинированным узором

Для сосудов высокой баночной формы характерен елочный узор или вертикальный зигзаг.

Сосуды стакановидной формы (рис. 6, 11), в отличие от баночных, имеют несколько отогнутый наружу венчик и более широкое дно. Они покрывались елочными, меандровыми узорами или сплошными отпечатками гребенчатых штампов.

Сосуды кубковидной формы (рис. 6, 10, 13) представлены несколькими вариантами: более вытянутые с небольшим расширением посреди тулова и несколько отогнутым венчиком и менее вытянутые в виде усеченного

перевернутого конуса с прямыми стенками и таким же венчиком (рис. 6, 10).

На сосудах этой формы нам удалось проследить лишь один узор, выполненный прочерчиванием горизонтальных полос, прерывающихся в двух или трех местах, в результате чего наблюдается определенная вертикальная зональность в делении узора.

Кроме четырех отмеченных форм, на поселении найдены обломки от сосудов в виде горшков и форм, близких к ним (рис. 6, 12). Их венчик отогнут, есть шейка, тулово округлос. На сосудах подобной формы удалось проследить узоры, в основе которых лежали меандры и треугольники. Сосуды эти как бы парадные, они лучше других обожжены и залощены; по тщательности нанесения узоров они также несколько отличаются от всех прочих сосудов.

Кроме того, имеются сосуды, своей формой близкие к сосуду, изображенному на рис. 6, 15. Форма эта восстановлена нами примерно, графически, и мы не совсем уверены в точности высоты сосуда. Эти сосуды были покрыты гребенчатыми узорами.

Интересно отметить, что у некоторых сосудов по-разному оформлен переход днища в стенки. Так, у некоторых дно непосредственно переходит в стенку (рис. 6, 1, 2, 4), у других для увеличения диаметра дна и большей устойчивости создавалось приподнятое дно (рис. 6, 3, 5, 6, 13, 15) или же приподнятое дно с выступающими закраинами (рис. 6, 7). Иногда для облегчения дна часть глины снизу счищалась, образуя кольцевой поддон. Видимо, в это время зарождалось образование поддонов у сосудов, получивших широкое распространение в последующую эпоху раковинных куч.

Узоры на стенках сосудов наносились как горизонтальными, так и вертикальными зонами. Часто на одном и том же сосуде можно наблюдать и то и другое. У подавляющего большинства сосудов всегда чисты придонная часть, обрез венчика и очень часто самый верх сосуда. Затем следует орнаментированная зона, часто довольно широкая, иногда прерывающаяся гладкими участками. Вертикальное разделение узора достигалось различными способами: неполным прочерчиванием горизонтальных линий (рис. 6, 10, 13), проведением вертикальных линий (рис. 7, 8), противопоставлением зигзагов в елочных узорах (рис. 6, 11), вертикальным рядом елочки (рис. 8, 3) или нанесением узора различной техникой — на одном и том же сосуде одна часть елочного узора наносилась прочерчиванием, другая — гребенчатым штампом (рис. 8, 2).

Изучая орнаментацию посуды из Зайсановки I, мы можем рассмотреть лишь основные узоры и технику их нанесения. Отметим, кстати, что при первом взгляде на керамику из Зайсановки I бросается в глаза резкое различие двух ее групп, между которыми как будто бы лежит пропасть: керамика, украшенная резными узорами, и керамика, орнаментированная гребенчатыми штампами. Однако мы попытаемся доказать, что эта пропасть лишь кажущаяся, и на самом деле перед нами единый керамический комплекс (речь идет, разумеется, лишь о нижнем слое), очень сложный, многообразный, разносторонний. Для доказательства этого очень существенного положения мы в конце выделим специальную группу керамики с комбинированными узорами (как в смысле комбинации различных элементов узоров, так и в смысле комбинации различных способов нанесения орнаментов).

Самым распространенным на стоянке является узор в виде елочки или в виде рядов вертикальных зигзагов, прочерчивающихся сверху вниз отдельными рядами (рис. 7).

На долю всей орнаментированной керамики приходится 76,9%. Из них 66,1% (или 9741 фрагмент) украшены елочным узором, т. е. две трети всей керамики с поселения. Процент этот еще более возрастает, если мы возьмем отношение елочного узора ко всем орнаментам. Из 11342 фраг-

ментов, орнаментированных тем или иным узором, 9741 украшены елочным узором (т. е. 85,9%).

Елочный узор весьма разнообразен. Выполнялся он не только техникой прочерчивания, но и гребенчатыми штампами (рис. 7, 9). Елочными узорами украшали миски, сосуды баночной формы, а также стакановидные сосуды и формы, близкие к горшкам.

Остальные узоры на поселении Зайсановка I представлены значительно меньшим числом образцов (судя по имеющимся фрагментам). Из них фрагментов с меандровым узором — 285 экземпляров. По отношению ко всей керамике меандровый узор составляет, следовательно, 1,9%, ко всей орнаментированной керамике — 2,5%, а к елочному узору — около 3%. Особенно наглядно преобладание елочного узора: 66,1% против 1,9% меандрового узора.

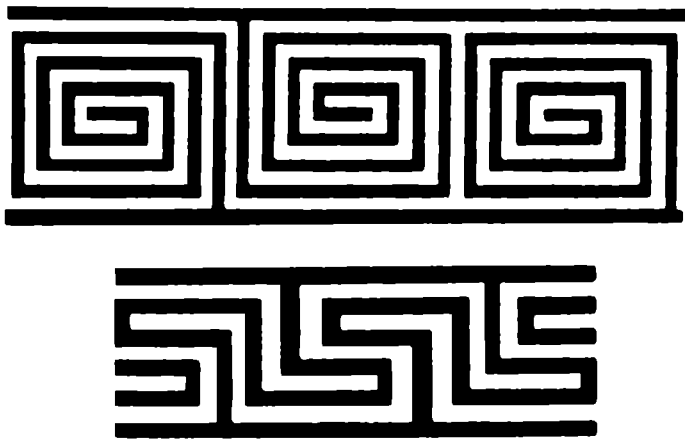

Рис. 9. Схемы меандрового узора

Всех черепков, орнаментированных не елочным узором, — 1601 (100%), из них меандровых — 235, т. е. около 17,8%.

Меандровые узоры представлены чистыми классическими формами без каких-либо дополнений.

На сосудах в форме горшка, а также стакановидных сосудах наблюдается пояс с меандровым узором двух основных схем, представленных на рис. 9. Техника выполнения меандровых узоров была различной. Чаще всего меандровый рисунок выполнялся лишь прочерчиванием (рис. 10, 5, 6, 7, 11), но наиболее красивыми и изящными были те узоры, в которых прочерчиванием наносились контуры рисунка, заполнявшиеся тонкими гребенчатыми штампами (рис. 10, 1, 2, 3, 4).

Следующую группу составляют узоры, где основным элементом являются треугольники (рис. 11). Группа эта очень невелика — всего 72 образца, что составляет лишь около 0,5% всей керамики или около 0,6% по отношению ко всей орнаментированной керамике, или около 0,7% по отношению к елочному узору. Даже среди прочих орнаментов (кроме елочного) процент этой группы не превышает 4,5. Несмотря на малочисленность, группа эта очень своеобразна и интересна. Она дополняет наше представление о керамике из Зайсановки I, для которой не характерны, например, такие элементы в узорах, как спираль, круг и растительные мотивы.

Чаще всего узоры этой группы располагались на сосудах одним или несколькими поясами. В отграниченных горизонтальными линиями поясах, в разных комбинациях располагались треугольники, заштрихованные в разных направлениях, заполненные гребенчатым штампом или тычковым орнаментом.

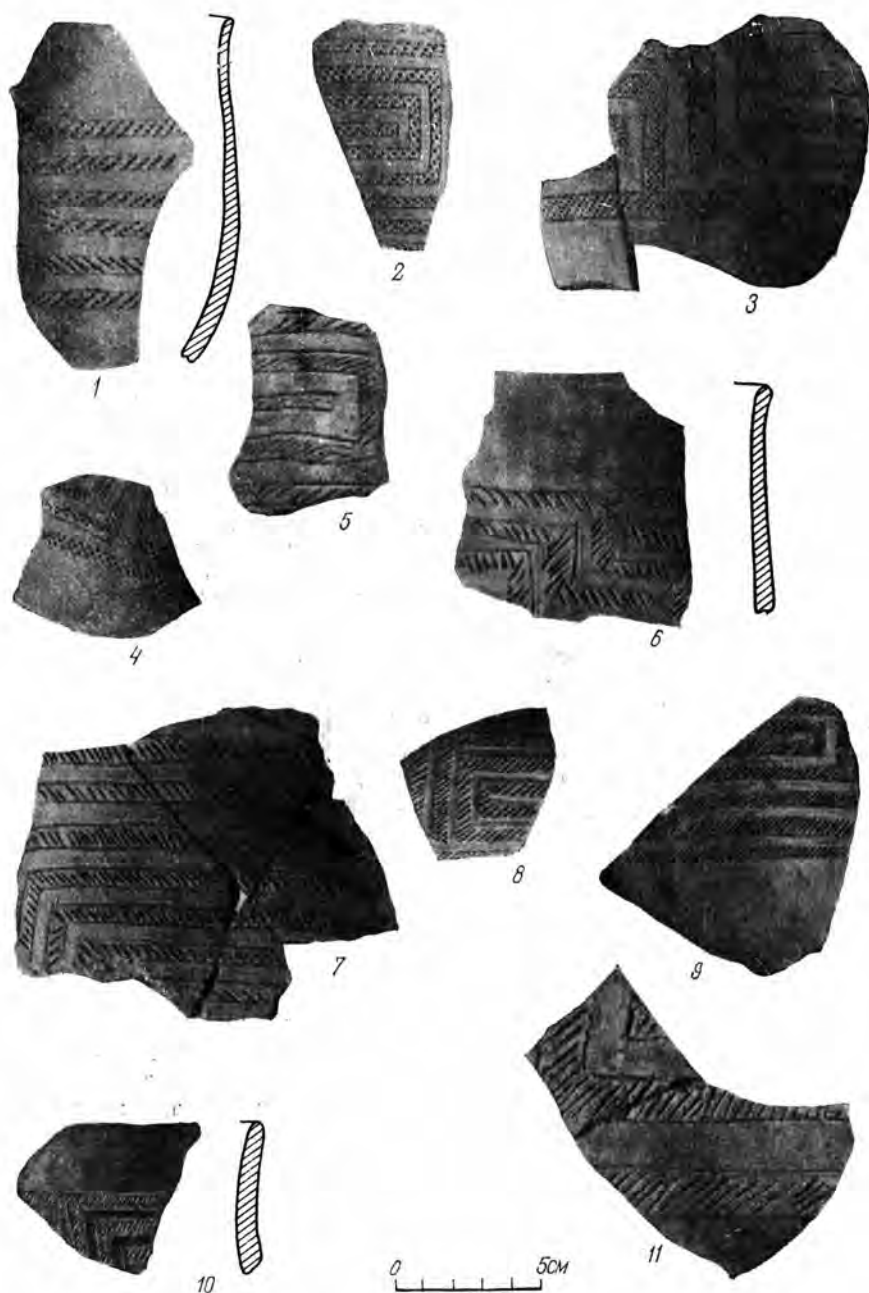

Рис. 10. Керамика с меандровыми узорами

Подобными узорами покрыты как миски и горшковидные сосуды, так и сосуды, очевидно близкие по форме к высоким стаканам со слегка отогнутым венчиком.

Следующую большую, очень интересную и не менее важную группу составляют узоры, выполненные гребенчатым штампом (рис. 12).

О применении гребенчатых штампов мы частично уже упоминали при характеристике всех трех предшествующих групп; теперь же мы рассмотрим группу чисто гребенчатых узоров, где отпечатки гребенчатого штампа составляют основу узора.

Рис. 11. Керамика с узорами, в основе которых лежат треугольники

Группа эта сравнительно большая — 530 фрагментов. По отношению ко всей керамике она составляет 3,6%, ко всей орнаментированной — 4,6%, к елочному узору — 5,4%, а к орнаментированной керамике, исключая елку, — 33,1%.

Для нанесения узоров применялись различные гребенчатые штампы с числом зубьев от двух до десяти и более. В сечении зубья были как круглыми, так и прямоугольными и квадратными. Чаще всего отмечается узор в виде сплошных горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа с квадратными в сечении зубчиками. Иногда такие ряды легко

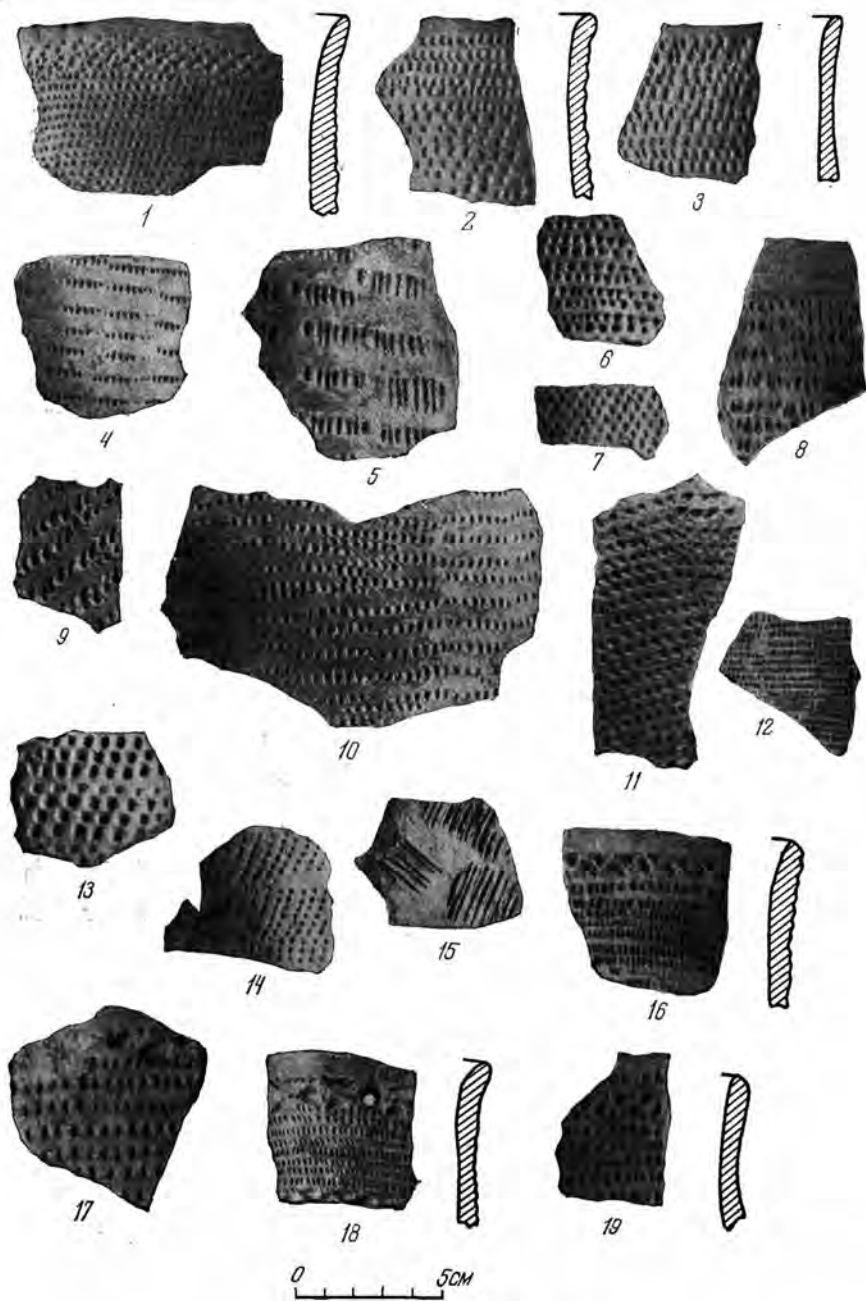

Рис. 12. Гребенчатая керамика

проследить (рис. 12, 4), иногда труднее (рис. 12, 11). Такой же узор выполнялся иногда путем протягивания гребенчатого штампа сверху вниз (рис. 12, 5, 9).

Иногда ряды гребенчатого штампа сливаются и покрывают сплошь стенки сосуда (рис. 12, 1).

И, наконец, гребенчатыми же штампами выполнялся узор в виде групп коротких линий, расположенных под различными углами друг к другу (рис. 12, 15). Все эти узоры украшали стакановидные и горшковидные сосуды.

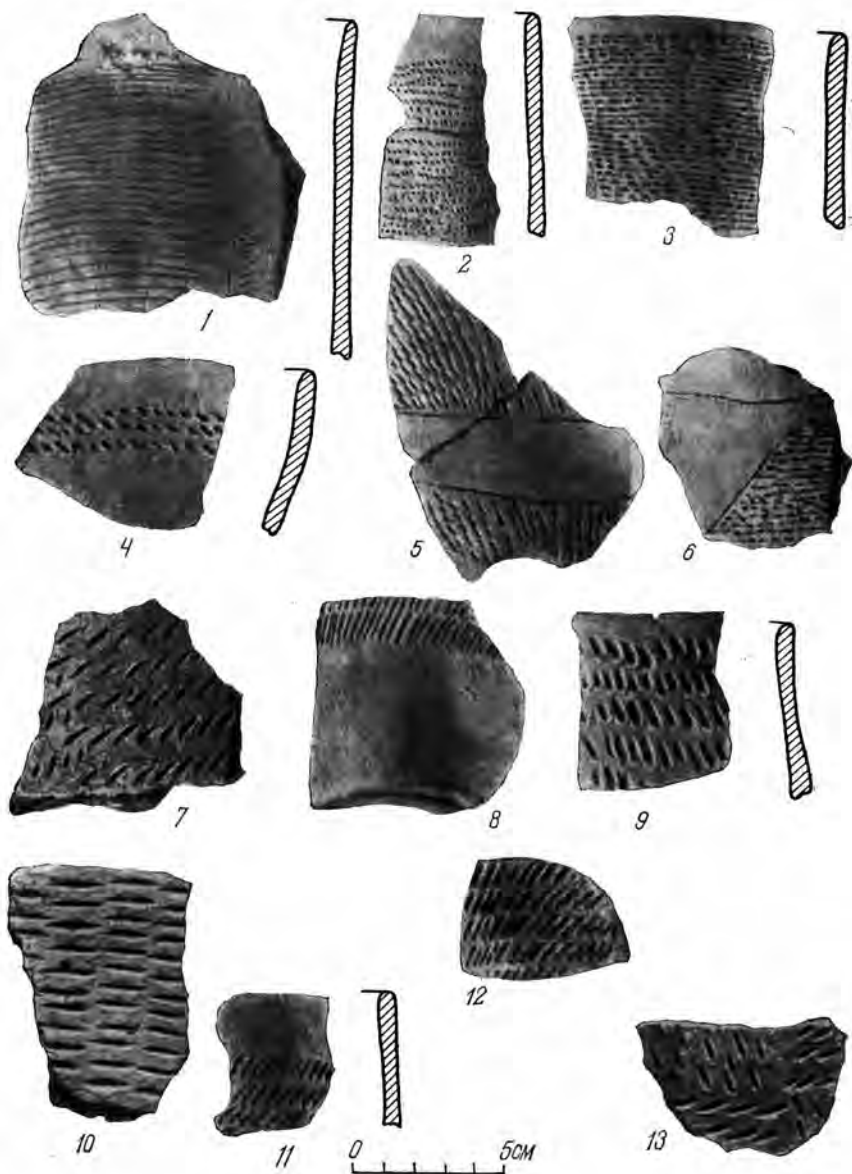

Рис. 13. Керамика с различными узорами

Близко к этой группе примыкает другая группа узоров из отпечатков, выполненных как бы прокаткой зубчатки (рис. 12, 16, 17, 18, 19). Фрагментов с этим узором найдено на стоянке 191, или 1,3% от общего числа фрагментов стенок. Ко всей орнаментированной керамике эти узоры составляют около 1,7%, по отношению к елочному узору — около 2%, а к орнаментированной керамике, кроме елки, — около 12% (11,9%). Этому узору сопутствует своеобразное оформление венчика сосуда. Край венчика оставлялся чистым, а ниже него наносился узкий поясик из треугольных вдавлений, обращенных вершинами то вверх, то вниз. Между ними получался как бы выпуклый зигзаг. Подобными узорами украшались чаще всего, очевидно, сосуды стакановидной формы, сосуды, близкие по форме к горшкам, и баночные сосуды с почти прямыми венчиками.

Заканчивая разбор керамики, отметим, что последние две группы характерны для посуды из очень темной, почти черной глины, имеющей

часто остатки копоти и нагара. Судя по всему, это сосуды, применявшиеся для приготовления пищи.

Помимо этого, на посуде из Зайсановки I довольно часты узоры из прочерченных горизонтальных линий (рис. 13, 1). Обломков с подобным украшением найдено 203, или около 1,4% всех фрагментов стенок сосудов. Ко всей орнаментированной керамике это составляет около 1,8%, а к орнаментированной в елку — 2%. В отношении же к орнаментированной керамике (кроме елки) процент ее возрастает до 12,6.

Орнамент этот очень прост в исполнении, и разница состоит лишь в количестве линий, их глубине и расстояниях между ними. Число линий достигает 40 и более. Узор этот часто делится на вертикальные зоны вертикально прочерченными линиями (рис. 13, 1) или неполным прочерчиванием поясков (рис. 6, 10, 13).

Этот узор характерен для сосудов лишь кубковидной формы. Днища этих сосудов иногда оформлены так же, как и у некоторых мисок.

Имеются также узоры, выполненные посредством наколов, насечек и тычков (рис. 13, 4, 7, 13). Фрагментов с этими узорами 187 штук, т. е. 1,3% всей керамики. Ко всей орнаментированной керамике это составило около 1,6%, к керамике, орнаментированной, исключая елку, — 11,8%.

Узор из трех рядов наклонных тычков, по-видимому, характерен исключительно для мисок, тогда как прочие узоры, основными элементами которых являются насечки, покрывали сосуды высокой стакановидной формы.

Еще одним видом украшения посуды является раскраска. В нижнем слое поселения нами найдено 12 обломков с остатками красно-бурой краски (рис. 13, 5, 6). О форме сосудов, которым принадлежали эти фрагменты, по ним судить нельзя, но необходимо подчеркнуть важность наличия в нашем поселении окрашенной керамики.

Заканчивая анализ орнаментов керамики, отметим наличие узоров, представляющих собой комбинацию различных элементов, выполненных различной техникой (рис. 8, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10). Эти комбинации объединяют различные керамические узоры и позволяют сделать вывод о наличии в нижнем, основном, слое поселения единого керамического комплекса.

В Зайсановке I встречены лишь два обломка ручек (ушек), столь характерных для керамики из раковинных куч (рис. 8, 9). Здесь они настолько грубо сделаны, что чувствуется, что они не были типичными для этой посуды. Но очень важно отметить факт их появления.

На некоторых доньшках наших сосудов имеются изображения рисунков листьев (рис. 8, 7). Подобные изображения нам известны в раковинных кучах Приморья¹.

Рассматривая изменения в керамике на различных глубинах, приходим к заключению, что в верхних слоях керамика, типичная для Зайсановки I, перемешана с керамикой, типичной для Зайсановки II (раковинная куча). Нижний слой наиболее насыщен, но совершенно не содержит керамику, типичную для раковинных куч; наблюдается некоторое уменьшение неорнаментированной керамики и, напротив, возрастание в процентном отношении орнаментированной керамики. Нам этот процесс кажется закономерным.

Далее, если для Зайсановки I характерно лишь подлощивание и реже настоящее лощение, то для раковинных куч блестящее лощение является характерным. В Зайсановке I меандровые узоры и узоры с треугольниками в основе переживают расцвет. В раковинных кучах мы имеем уже лишь пережитки в виде грубых узоров, напоминающих меандры и треугольники. Миски того же типа, что и в Зайсановке I, продолжают бытовать и в

¹ Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. СА. XVI, 1952, стр. 294.

раковинных кучах, но там они достигают еще большего расцвета; изменяется техника обработки поверхности, меняются и соотношения величин. В раковинных кучах наблюдается появление сосудов сложных форм, не характерных для Зайсановки I. В раковинных кучах совершенно отсутствует гребенчатая керамика, но зато появляются наклепные узоры, ушки, ручки, бугорки, валики.

Такова вкратце характеристика керамики с поселения Зайсановка I и ее соотношение с керамикой из раковинных куч.

С посудой Зайсановки I тесно связаны пряслица из хорошо обожженной глины. Найдено восемь целых пряслиц и несколько обломков биконической формы (рис. 3, 14, 15, 16). В раковинных кучах пряслиц подобной формы нет совершенно. Орнаменты на наших пряслицах те же самые, что и на посуде: елка, треугольники и сплошная гребенка. Это служит ярким доказательством, что пряслица принадлежат к одному комплексу с керамикой из Зайсановки I.

Заканчивая характеристику находок с поселения Зайсановка I, необходимо отметить наличие остатков костей животных¹ и рыб.

Среди костей животных есть несколько челюстей домашней собаки, кости изюбра, челюсти и астрагалы козули и зубы кабана. Костей рыб немного; они, к сожалению, до сих пор не определены.

Охарактеризовав комплекс поселения Зайсановки I в целом, постараемся определить основные черты хозяйства его обитателей.

Прежде всего бросается в глаза резко выраженный охотничий характер хозяйства. Об этом свидетельствуют как находки значительного числа разнообразных наконечников стрел, скребков, ножей, выпрямителей древков стрел, так и костные остатки диких животных.

Несколько меньшую, но также очень важную роль на поселении играло рыболовство. Уже само расположение памятника в столь удобном для этого месте, наличие грузил и остатков костей рыб являются хорошими аргументами в пользу этого утверждения.

Данных о наличии морского промысла нет, так как нет ни костей морских животных или крупной рыбы, ни орудий охоты на них.

Отсутствуют также данные о наличии скотоводства, даже в тех примитивных формах, которые существовали во время накопления раковинных куч. В эпоху раковинных куч уже известно разведение домашней свиньи; в Зайсановке I нет и этого животного.

Нет также убедительных доказательств наличия земледелия. Находка терки и двух терочников не есть еще свидетельство развития земледелия, так как на терке могли растираться как корешки, так и краски.

Собирательство, вероятно, играло немалую роль в жизни населения Зайсановки I, но об этом можно судить лишь на основе многочисленных этнографических сравнений.

Здесь могли собирать ягоды, виноград, орехи, корни, в том числе и корни жень-шеня, крапиву, из которой, вероятнее всего, делали волокно, и другие виды корней и растений.

Интересен факт отсутствия на стоянке признаков употребления в пищу моллюсков и крабов, тем более, что несколько позднее остатки раковин настолько обычны, что по ним последующая эпоха условно получила название «времени раковинных куч».

Возможно, что это ключ к объяснению того, откуда прибыли жители на побережье Посъетского залива; но об этом будет сказано ниже.

Остановимся также на таких занятиях населения, как ткачество и изготовление глиняной посуды.

На наличие первого указывают находки значительного числа пряслиц биконической формы. Даже если это и не пряслица, а грузики для ткац-

¹ Определены В. И. Цалкиным; пользуюсь случаем выразить ему свою благодарность.

кого станка, как это утверждают некоторые исследователи¹, то все же это неоспоримое доказательство изготовления тканей на поселении Зайсановка I. Отсутствие скотоводства еще не может служить серьезным аргументом для отрицательных выводов в отношении ткачества, так как для получения волокна могла использоваться крапива. О широком использовании крапивы и о ее важном значении в хозяйстве народов Дальнего Востока, в частности на Камчатке, в Приморье и Приамурье, можно судить по этнографическим данным². Помимо одежды, нити могли употребляться и для изготовления сетей, грузила от которых были нами найдены. Кроме того, одежда, очевидно, изготавливалась также из шкур зверей и кожи рыб.

Изготовление глиняной посуды достигло на поселении Зайсановка I довольно высокого уровня. Хотя формовка сосудов производилась вручную, но по тщательности отделки и по узорам, покрывающим сосуды, они не имеют никакого сходства с типично неолитическими. Несмотря на небольшое количество форм сосудов, наблюдается значительное число их вариантов.

Для характеристики социальных отношений данных еще недостаточно.

Датировка и определение места памятников типа Зайсановка I среди уже известных памятников Приморья и прилегающих областей является особенно важным вопросом.

В характеристике находок, полученных в результате разведок 1953 г., с учетом материалов наших раскопок 1954 г., А. П. Окладников отмечает близость материалов из Зайсановки I с японскими неолитическими памятниками эпохи Дзёмон³. Однако нам представляется, что для столь ответственного вывода необходимо было положить в основу не отдельное сходство в отдельных узорах, как это делает А. П. Окладников, а весь комплекс Зайсановки I. А. П. Окладников обращает внимание на такие узоры, как вертикальный зигзаг и меандровые узоры.

Но дело в том, что характерные для Зайсановки I вертикально-зигзаговый резной и меандровый узоры совершенно не характерны для культуры Дзёмон в Японии. Если для узоров из Зайсановки I характерны узоры, в основе которых лежат геометрические фигуры (углы, треугольники, меандры), то в основе узоров керамики культуры Дзёмон лежат мотивы криволинейных спиралей, волют, овалов и т. д.⁴ Кроме того, для керамики культуры Дзёмон характерны налепные валики, ручки и сложно-налепные венчики⁵, совершенно отсутствующие в Зайсановке I.

Рассматривая керамику Зайсановки I и культуры Дзёмон в Японии с точки зрения форм, мы наблюдаем, что для японской керамики разбираемого времени не характерны миски с выступающим дном, их нет вовсе, в то время как для Зайсановки I они очень характерны. Да и другие формы, типичные для Зайсановки I (банки закрытого типа, стакановидные невысокие сосуды), или отсутствуют в Японии, или не характерны

¹ Выступление О. Н. Бадера на моем докладе о Зайсановке I в секторе неолита и бронзы ИИМК АН СССР 14 апреля 1956 г.

² С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1786, т. I, стр. 208; т. II, стр. 17; К. И. Максимович. Амурский край (из ботанического сочинения). Приложение ко II тому записок Императорской Академии Наук, № 2, СПб., 1862, стр. 80.

³ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 7. Археологическая культура Дзёмон делится на ряд хронологических этапов, которые, в свою очередь, охватывают определенные культуры. Поэтому при сопоставлении необходимо было бы указать, с материалами какого именно периода эпохи Дзёмон в Японии, по мнению А. П. Окладникова, указанные категории имеют сходство.

⁴ Экспонаты выставки предметов древней японской культуры 1951 г. (Составитель — Национальный токийский музей). Токио, 1953 (на японск. языке), стр. 13, рис. 37 и 38; стр. 14, рис. 41 и сл.; N. G. Мипго. Prehistoric Japan. Johakama, 1911, табл. 74, 76, 85, 93, 94 и сл.

⁵ Экспонаты..., стр. 14, рис. 41; стр. 40, рис. 27; N. G. Мипго. Ук. соч., табл. 73, 75.

для нее. Зато в Японии имеется много таких форм, которых совсем нет в Зайсановке I¹.

Иными словами, если для Зайсановки I характерны простейшие формы сосудов, то для Японии характерны сосуды сложных форм.

Важны и другие наблюдения: для Зайсановки I, как уже отмечалось выше, характерна гладкость венчика и придонной части сосудов. На керамике культуры Дзёмон часто украшался не только венчик, но и весь сосуд целиком².

Кроме того, совершенно различны способы обработки поверхностей стенок сосудов. Если для Зайсановки I характерно подлощивание и лощение, то для керамики Дзёмон характерны текстильные отпечатки на поверхности.

Таким образом, если в отдельных элементах узоров или в отдельных формах сосудов можно заметить некоторое сходство, то в целом керамика культуры Дзёмон в Японии совершенно отлична, а следовательно, весьма далека от керамики из поселения Зайсановка I.

То же самое можно сказать и в отношении наконечников стрел. Те сходства в формах, которые можно отметить (треугольные с прямым основанием, с незначительной выемкой в основании и с хорошо выраженной выемкой в основании, треугольно-черешковые, ромбовидно-черешковые, лавролистные)³, характерны не только для Японии и Приморья, но и значительно шире. Эти формы широко распространены.

Зато в Зайсановке I совершенно нет многих форм, характерных для культуры Дзёмон в Японии⁴.

Кроме элементов узора на керамике, по которым А. П. Окладников сближает стоянку Зайсановка I с культурой Дзёмон, среди материалов стоянки он выделяет также «кнопочные ножи»⁵. Однако, просмотрев довольно много кнопочных ножей у Мунро⁶, Гроота и в японских коллекциях, можем уверенно сказать, что наши орудия из сланца на кнопочные ножи не похожи (рис. 4, 9, 11). Это очень важно, ибо кнопочные ножи характерны для Японии и островного мира, но вовсе не характерны для континента (Корея, Китай, Приморье). Недоразумение это базируется на том, что на одном из концов у двух орудий с нашего поселения имеются по две боковых выемки. Однако этими выемками и исчерпывается намек на сходство с японскими кнопочными ножами.

Итак, резкое различие в керамике и формах наконечников стрел, а также отсутствие на поселении Зайсановка I таких категорий орудий, как кнопочные ножи, молоты, фигурки людей и т. д., не позволяет нам согласиться с мнением А. П. Окладникова о том, что по общему облику Зайсановка I «входит в круг неолитических культур Кореи и Японских островов»⁷. Мы согласны с А. П. Окладниковым в вопросе о сходстве памятников Зайсановки I с памятниками Кореи, но не видим достаточных оснований для сближения нашего поселения с японскими памятниками эпохи Дзёмон.

Искать аналогии для поселения Зайсановка I следует не в Японии, а на континенте. В связи с этим рассмотрим материал с территорий, непосредственно примыкающих к Приморью, а именно из Приамурья, Китая, Кореи.

¹ Экспонаты..., стр. 4, рис. 11; стр. 3, рис. 6 и 8; стр. 13, рис. 37 и 38; стр. 17, рис. 49 и 51; стр. 21, рис. 61; N. G. Милго. Ук. соч., табл. 75, 76, 80, 82, 85, 86, 92, 96 и сл.

² Там же, стр. 26, рис. 61, 75; стр. 21.

³ N. G. Милго. Ук. соч., табл. 58, 6, 7, 10, 12, 13; табл. 59, 10, 11, 12, 19, 20, 21.

⁴ Там же, табл. 60, 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 17, 18, 20; Экспонаты..., таблица стрел позднего Дзёмона.

⁵ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 7.

⁶ N. G. Милго. Ук. соч., табл. 24, 1, 2, 5, 6, 9; табл. 25, 4, 5, 10, 14 и т. д.

⁷ А. П. Окладников. Ук. соч.

К сожалению, если территория Японии в период неолита и бронзы изучена сравнительно хорошо, то прилегающие к ней Корея, Сахалин, Приамурье и Приморье далеко отстали даже с точки зрения накопления материалов. Приамурье изучено очень плохо. Сравнительно небольшое количество материалов, собранных на громадной территории Хабаровского края, относится к различным периодам истории и в большинстве своем представляет подъемный материал, часто лишенный даже паспортов.

Громадные сборы, произведенные в 1935 г. экспедицией под руководством А. П. Окладникова, не опубликованы. Среди коллекций, хранящихся в фондах музеев Хабаровска, Благовещенска, а также Музея антропологии и этнографии в Ленинграде и Государственного музея антропологии при МГУ, имеются памятники как ранние, так и поздние.

В хронологической схеме, созданной А. П. Окладниковым в 1935 г. по материалам нижнего Амура, нас интересует в данном случае первая стадия так называемого амурского неолита. При внимательном ознакомлении с этими ранними материалами, в частности с керамикой и наконечниками стрел, можно отметить лишь некоторое их сходство в отдельных элементах с материалами из Зайсановки I.

На керамике Зайсановки I, как уже отмечалось выше, нет совершенно узоров из шагающей гребенки и спирали. Для первой стадии Амурского неолита, как считает А. П. Окладников, они характерны¹.

Отсутствие спиралей в Приморье было отмечено нами в 1952 г. в докладе во Владивостокском краеведческом музее им. Арсеньева и в дипломной работе, защищенной на кафедре археологии МГУ в 1953 г. Впоследствии на это было обращено внимание А. П. Окладникова, который также отметил, что если для Амура характерны спирали, то их совершенно нет в Приморье².

Кроме того, при характеристике форм сосудов первой стадии А. П. Окладниковым совершенно не упоминается такая характернейшая форма для Зайсановки I, как миска. Наблюдения над венчиками керамики первой стадии Амурского неолита показывают на несовпадение и других форм сосудов, а также приемов их орнаментации. Среди известных нам наконечников стрел этого времени с Амура также наблюдаются общераспространенные типы. Таким образом, если какие-то элементы в узорах и имеют какое-то отдаленное сходство, то это, может быть, объясняется не тем, что данные памятники близки или родственны между собой, а возможно, тем, что как амурские, так и приморские племена имели за собой общую подоснову, т. е. когда-то, значительно раньше, они могли отпочковаться от близких или родственных по материальной культуре племен и, расселившись на различных территориях, в иных географических и исторических условиях, по-разному развивали свою культуру.

Возможно же, что амурские памятники с керамикой, украшенной узорами из шагающей гребенки и спиральными узорами, несколько древнее, по сравнению с памятниками типа Зайсановка I.

О том, что среди древнего населения Северной Кореи и в его материальной культуре наблюдается культурно-этническая струя из далеких районов континента, свидетельствуют, по мнению ряда исследователей, как антропологические материалы³, так и различные элементы в мате-

¹ А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. СА, I, 1936, стр. 276; его же. Раскопки на Севере. По следам древних культур, М., 1951, стр. 25.

² Его же. Археологические исследования в Приморье, стр. 8.

³ М. Г. Левин. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. СЭ, 1950, № 2, стр. 63, 64; То Ю хо. Основные вопросы исторического материализма в доистории. Вопросы истории, 1950, № 1. Пхеньян (на корейск. языке), стр. 86.

риальной культуре¹. Сравнения с Северной Кореей мы делаем потому, что Зайсановка I лежит ближе всего к ее территории, а климатические и природные условия Северной Кореи и Южного Приморья близки друг к другу. В силу этого Зайсановку I необходимо связывать с материалами из северо-восточной Кореи. К сожалению, археологические культуры в Корее не так хорошо изучены, как в Японии, и различные периодизации и классификации корейского неолита, по мнению М. В. Воробьева², отличаются формализмом. Отсутствуют четкие характеристики культурных комплексов, что существенно затрудняет сопоставление материалов в целом. Однако в Корее также существуют памятники, в которых, как и в Зайсановке I, есть обсидиановые мелкие орудия, и оружие, и каменные шлифованные орудия типа топоров и тесел вместе с гребенчатой керамикой и керамикой, покрытой резными узорами. Причем важно то, что стрелы, как с выемкой в основании, так и черешковые, сделаны из обсидиана. Топоры и тесла шлифованы и овальны в сечении, их обушки, также суживающиеся, округлены³.

Керамика Зайсановки I почти тождественна с керамикой из некоторых поселений Кореи (провинция Кенгидо⁴, близ Амсари). Там также мы видим сочетание гребенчатых штампов с прочерченным елочным узором.

Несмотря на то, что корейские материалы недостаточно хорошо известны, можно все же с уверенностью утверждать, что аналогии для материалов из Зайсановки I нужно искать в Корее и, вероятно, в северо-восточном Китае, т. е. на территориях, вплотную примыкающих к нашему Приморью и также богатых обсидианом.

Нам кажется очень интересным утверждение антропологов о том, что в формировании неолитического населения Кореи участвовало несколько ветвей монголоидов, в частности сибирская и северокитайская. Археологические материалы как будто подтверждают это.

Нам представляется, что гребенчатая керамика присуща лесной зоне, тогда как узоры меандровые и узоры, в основе которых лежат треугольники, скорее происходят из районов степных, скотоводческих, земледельческих и что в Зайсановке I мы имеем сочетание культур различных географических зон.

Откуда точно пришли сюда гребенчатые узоры, говорить пока рано. Для этого необходимо тщательное изучение районов северо-восточного Китая, Северной Кореи и континентальных районов нашего Южного Приморья.

Меандровые же узоры пришли сюда, вероятнее всего, из Китая, ибо, как мы видим, ни для Приамурья, ни для Японии они не характерны, тогда как для Китая меандры в их классических формах очень характерны. Для Китая типичны также некоторые формы сосудов, которые не наблюдаются ни в Сибири, ни в Японии, а именно — миски; причем и для китайских и для зайсановских мисок характерно расширение придонной части.

Развитие и расцвет меандровых узоров в Китае наблюдается в эпохи Машан и Синьдянь⁵, с одной стороны, и Шан-Инь, с другой.

В последнее время китайские ученые большое внимание уделяют вопросу уточнения хронологии древних культур Китая.

¹ A. Eckardt. Geschichte der Koreanischen Kunst. Leipzig, 1929, стр. 4. (Автор видит даже сходство с элементами культур Урала и Сибири).

² М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. Рукопись хранится в архиве ИИМК АН СССР, (1166), стр. 200.

³ Утаро Кимура. Условия обнаружения памятника каменного века в Соимтине. А. J., т. IV, № 9. Токио, 1913 (на японск. языке).

⁴ Фудзита Ресаку. Ук. соч., табл. II.

⁵ J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese. BMFEA, № 15, Stockholm, 1943.

До сих пор во всех работах, где речь идет о крашеной керамике на стоянках Амура или Приморья¹, она всегда сравнивается с крашеной керамикой собственно Яншао (или типа Яншао) и при этом совершенно упускается из виду, что Яншао — это определенная культура как во времени, так и в пространстве.

По новой хронологической схеме археологических культур, предлагаемой китайскими учеными², культура Яншао датируется 3000—2200 гг. до н. э.; Луншань — 2200 — 1700 гг. до н. э. и Сяотунь (Шан-Инь) — 1700 гг. до н. э.

Крашенная керамика, получив свое начало в культуре Яншао, в западных районах продолжает существовать и в более поздних культурах (Машан, Синьдянь). Последнее особенно важно для нас при изучении материалов из поселения Зайсановка I. Наличие в керамике этого поселения узоров, составленных из треугольников и меандров, крашеной керамики и мисок с подчеркнутым днищем, позволяет нам делать сопоставления всех этих признаков не с культурой Яншао, а с памятниками времени Шан-Инь — Машан — Синьдянь. Пока существенные различия в комплексах Зайсановки I и указанных китайских культурах не дают нам достаточных оснований выводить близость или родственность племен Приморья и Северной Кореи с племенами Китая этого времени.

На основании имеющихся в данное время материалов трудно определенно решить вопрос о том, в результате чего возникло поселение Зайсановка I — то ли это продвижение какой-то группы населения из Китая и ее ассимиляция более сильной группой лесных племен с охотничье-рыболовческим хозяйством в основе, то ли перед нами лишь результаты связей с Китаем, или то и другое вместе.

Для окончательных выводов необходимо изучение подобных памятников на прилегающих территориях; решающее место должно принадлежать материалам антропологическим. Только тогда можно будет от догадок и предположений перейти к действительно правильному пониманию исторического процесса.

Попытаемся теперь определить время поселения Зайсановка I. Вопрос о его датировке в настоящее время усложняется в связи с тем, что Зайсановка I принадлежит к кругу культур, которые сами еще нуждаются в уточнении датировок. Даже китайские культуры, имевшие, казалось бы, прочные даты, сейчас находятся в стадии передатировки. Вслед за ними должны, естественно, передатироваться и многие смежные культуры, в той или иной степени находившиеся в зависимости от культур Китая.

Недостаточная изученность памятников III — II тысячелетий до н. э. Кореи и Северо-Восточного Китая, а следовательно, и отсутствие твердых опорных моментов для датировок сходных с ними материалов затрудняют наше положение³.

Несмотря на все отмеченные трудности, опираясь на стратиграфию памятника и различные категории орудий и керамики комплекса Зайсановки I, мы пришли к выводу, что Зайсановка I — памятник более ранний, чем раковинные кучи. Так как последние мы относим к концу II и к I тысячелетию до н. э. (с этой датировкой согласны также и А. П. Оклад-

¹ А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур». М., 1954, стр. 245—246; М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. (Автореферат диссертации). Ленинград, 1953, стр. 15.

² Р. Ф. Итс. Культуры Яншао и Луншань и их соотношение. СА, XXIV, 1955, Старая хронологическая схема Андерсена выглядела следующим образом. Каменный век: Цицзя 2500—2200 гг. до н. э., Яншао 2200—1700 гг. до н. э., Машан 1700—1300 гг. до н. э. Бронзовый век: Синдянь 1300—1000 гг. до н. э., Сыва 1000—700 гг. до н. э., Шацин 700—500 гг. до н. э. (см. J. G. Andersson. Ук. соч.)

³ М. В. Воробьев достаточно подробно освещает слабую изученность и отсутствие четкости хронологизации корейских памятников в период до I тысячелетия до н. э. См. М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря (рукопись), стр. 236—237.

ников¹ и М. В. Воробьев²), то Зайсановку I нужно, следовательно, отнести к несколько более раннему времени.

Все представленные на поселении Зайсановка I наконечники стрел не типичны для неолита и характерны для более позднего времени³, вплоть до эпохи железа; они распространялись на очень широкой территории. В основном же эти формы бытуют в III — II тысячелетиях до н. э., т. е. в конце неолита, и особенно в эпоху бронзы.

К этому же времени относятся и такие признаки, как техника обработки кремневых и обсидиановых орудий и пильчатая ретушь⁴, имеющиеся в Зайсановке I. К подобным же признакам следует отнести также «выпрямители древков стрел»⁵, елочные узоры, а также окрашенную керамику.

Все эти признаки характерны для широкого круга культур и относятся к неолиту и бронзе, т. е. к концу III и к II тысячелетию до н. э., а взятые вместе они дают нам общие рамки для датировки поселения Зайсановка I. Наличие среди его керамики развитых меандровых узоров, а также узоров, в основе которых лежат треугольники, позволяет нам конкретизировать дату.

Выше уже отмечалось, что развитие и расцвет узоров, в которые входят меандры и треугольники, в Китае относятся к шан-иньскому-машан-синьяньскому времени, т. е. примерно к середине и второй половине II тысячелетия до н. э.

Наличие в Зайсановке I всех выше перечисленных признаков позволяет нам отнести данный памятник к эпохе бронзы и датировать его примерно XVI—XII вв. до н. э.

---

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г., стр. 8.

² М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. Автореферат диссертации. Л., 1953.

³ М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ Кроме широкого распространения подобной категории вещей в Европе, они наблюдаются и в Сибири. См. Н. И. Витковский. Краткий обзор о раскопках могил каменного периода в Иркутской губернии. ИВСОРГО, т. I, вып. 3—4, 1880, табл. IV, рис. 3.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗ. СЕВАН В 1956 г.

(Предварительное сообщение)

В 1956 г. археологическая экспедиция Исторического музея Академии наук Армянской ССР произвела раскопки курганов на осушенной территории побережья оз. Севан, около с. Лчашен (бывш. Ордаклю). На этой территории сохранились остатки обширного поселения, состоявшего из прямоугольных жилищ, сложенных из дикого камня. У западной окраины поселения находится скала с давно известной клипообразной надписью урартского царя Аргишти I, а в 1,5 км к юго-востоку, на прибрежных возвышенностях, расположена большая крепость с хорошо сохранившимися участками стен, сложенных из крупных камней.

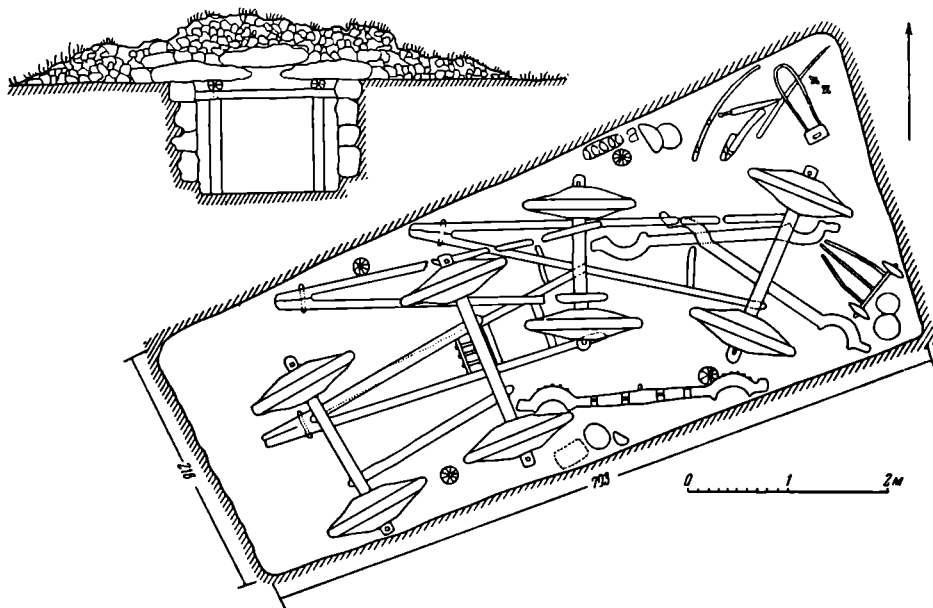

Рис. 1. План и разрез кургана № 1

К востоку от поселения на расстоянии примерно 400 м находится древний могильник, состоящий из курганов и кромлехов. Экспедиция раскопала 14 кромлехов, три малых кургана и два больших кургана в южной части могильника¹.

¹ В работах экспедиции приняли участие: А. О. Мнацаканян (нач. эксп.), Г. К. Кочоян (архитектор), Г. Азизян, С. Есаян, Е. Ханзатян, П. Григорян (фотограф), В. Газазян (реставратор) и студентки Ереванского гос. университета им. В. М. Молотова А. Израелян и Ф. Бабалян.

Рис. 2. Курган № 1. Остатки деревянной повозки

В кромлехах и малых курганах было обнаружено по одному захоронению. Скелеты в скорченном положении лежали, в основном, на левом боку. Длительное пребывание этих могил под водой способствовало сохранению в них деревянных предметов. В курганах и кромлехах были обнаружены деревянные погребальные лежа, состоящие из прямоугольной рамы (длина 1,20—1,50 м, ширина 0,60—0,80 м), с боковыми отверстиями для закрепления плетеной основы. Лежа имели по четыре массивных ножки. В могилу ставились от трех до семи глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, и клались деревянные предметы (две миски, ложки и черпак). В одном из кромлехов оказалось несколько сердоликовых бус, а в другом — три обсидиановых наконечника стрел; металлических предметов в кромлехах и малых курганах не было.

Особым богатством отличались два кургана южной части могильника, принадлежавшие, вероятно, вождям племени. Эти курганы имели каменную насыпь диаметром 15—18 м и высотой 0,80—1 м. Погребальная камера в яме сооружалась из громадных каменных глыб, гладких с одной

Рис. 3. Курган № 1. Деревянное ядро

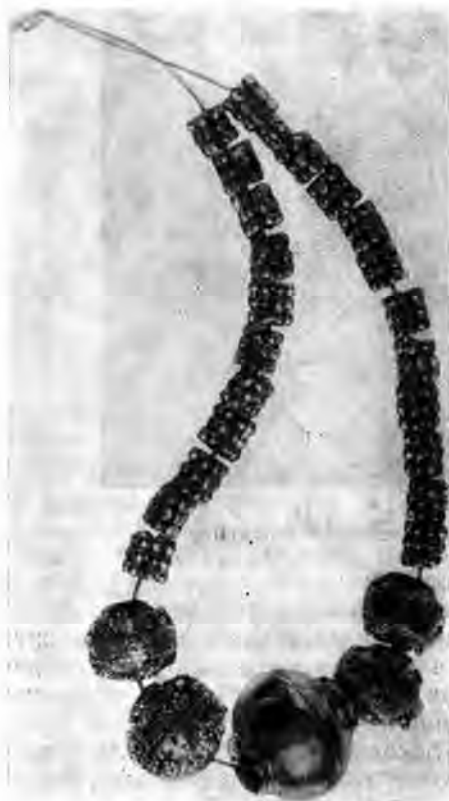

Рис. 4. Курган № 1. Золотые бусы

Рис. 5. Курган № 1. Медный котел с бронзовыми вещами

стороны, и перекрывалась такими же плитами, образывавшими простой ложный свод в одну ступень. Внутри каменной камеры находилось деревянное сооружение вроде шатра, державшееся на четырех столбах, вкопанных в углах склепа. Глубина склепов достигала 3 м, длина — 8,5 м, а ширина — 3,3 м. Одна из торцовых стен камеры была сложена из более мелких камней, по-видимому, после завершения обряда погребения.

В кургане № 1 (рис. 1) на глубине около 2 м от верхних плит также была обнаружена массивная четырехколесная деревянная повозка, лежавшая вверх дном (длина кузова 1,70 м; общая длина с дышлом около 5,1 м). Массивные колеса (диаметр 1,3 м) были составлены из нескольких кусков, скрепленных деревянными шипами так же, как и части кузова. Дышло повозки и ярмо были сняты и положены отдельно (рис. 2 и 3). В средней части могилы над повозкой обнаружены два черепа быков и череп человека, отличающийся ярко выраженной брахицефалией. Здесь было найдено 30 крупных бронзовых пуговиц, много бус из сердолика и агата, среди которых имелись пронизи из сурьмы, а также бусы и украшения из золота. Среди последних выделяются украшенные зернью восемь золотых пуговиц и шаровидные бусы, а также цилиндрические бусы, составленные из шариков (рис. 4).

У передней части повозки стоял медный котел (рис. 5 и 6), в котором оказались бронзовые предметы: секира закавказского типа, плоский топор, долото, вилы с тремя зубьями, бронзовое пластинчатое зеркало с прорезной рукояткой и крупный черпак с ажурной ручкой, украшенной фигурой птицы на колесе. Около повозки стояли крупные глиняные изделия без дниц с растробом в верхней и нижней частях и глиняные курильницы кубической формы с прорезными стенками; под ними была обнаружена зола.

Рис. 6. Курган № 1. Бронзовая секира

Рис. 8. Бронзовая модель колесницы

Рис. 7.
Курган № 1.
Бронзовый меч

В могиле находилось большое число глиняных сосудов, вылепленных как на гончарном круге, так и от руки, частью украшенных резным орнаментом.

Около повозки лежал бронзовый меч (рис. 7), клинок и рукоять которого изготовлены раздельно. Ажурные прорезные рукояти были заполнены вставками из красного дерева (определение В. Паланджян), известного во флоре Севанского бассейна.

Ярмо повозки было обито бронзовыми обручами; около него обнаружен крупный бронзовый подковообразный предмет с полыми концами, украшенный треугольными прорезями. Определить назначение его по месту находки не представляется возможным. К украшению повозки следует также отнести и полуую бронзовую фигурку птицы, сидящей на колонке.

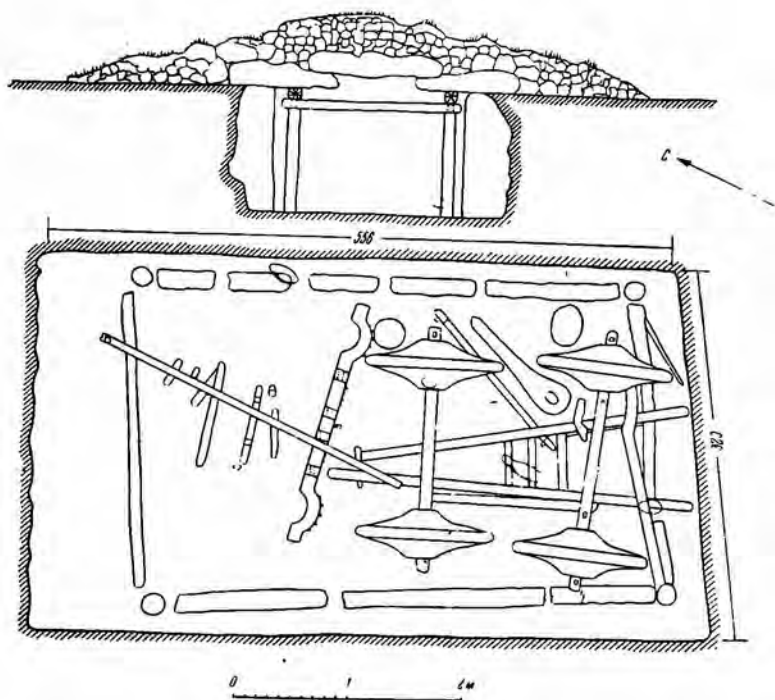

Рис. 9. План и разрез кургана № 2

Наиболее интересной находкой в кургане № 1 является бронзовая модель колесницы, запряженной двумя конями и с двумя воинами, стоящими в кузове (рис. 8). Эта модель составлена из отдельно отлитых частей, укрепленных на прямоугольной прорезной площадке ($9,5 \times 6$ см), имеющей снизу массивный штырь для насадки. Эта колесница сходна с древневосточными колесницами; она имеет легкий кузов с колесами с восемью спицами (на одном колесе девять спиц), помещенными посередине кузова, сильно выгнутое дышло и петлю на задней колеснице. На дышле по сторонам каждого коня прикреплены четыре фигурки птиц.

Рис. 10. Курган № 2. Остатки шатрового перекрытия четырехколесной повозки

Находящиеся в кузове два воина в больших шлемах с гребнем вооружены кинжалами, одной рукой они держатся друг за друга, вторая же приставлена к шлему. Двухколесная колесница древневосточного типа с выгнутым дышлом нам была известна раньше по изображению на бронзовом поясе из Ахталы (раскопки Ж. де-Моргана).

Курган № 2 (рис. 9) имел устройство, аналогичное кургану № 1, но склеп его был разделен каменной перегородкой на два отделения. Восточное, меньшее отделение, содержало двухколесную арбу с массивными колесами и длинным дышлом и небольшую подобную же арбу, на которой был установлен медный котел с лежащими в нем двумя бронзовыми секирами.

В западном отделении находились еще две повозки, одна четырехколесная, а другая двухколесная. Таким образом, в кургане № 2 обнаружено три крупных повозки (две двухколесные арбы и одна четырехколесная повозка) и арба малых размеров. У всех повозок сохранились дышло из двух стержней, сходящихся вместе, и ярмо с полутреугольными выемами для шеи животных.

Особенно интересна четырехколесная повозка с шатровым верхом. Каждый из прутьев этого перекрытия имел до 50 отверстий, через которые вставлялись плоские продольные планки (рис. 10).

В кургане было погребено 12 человек (среди них один ребенок); скелеты находились в разных местах склепа. В малом, восточном отделении, у дышла повозки лежали три скелета — мужской, женский и детский, на их костях сохранились остатки одежды и охры. В западном отделении, под четырехколесной повозкой, были обнаружены два человеческих черепа, два других человеческих черепа были найдены у дышла, остальные же пять черепов находились в различных частях погребальной камеры. Под осью четырехколесной повозки были обна-

Рис. 11. Курган № 2. Золотые бусы

Рис. 12. Курган № 2. Бронзовые кинжалы

Рис. 13. Бронзовая фигурка птицы

ружены черепа двух быков. В кургане оказался также череп лошади, около которого стояло деревянное ведро с крышкой и несколько раздавленных глиняных сосудов. В кургане находилось более ста разнообразных глиняных сосудов, частично украшенных орнаментом, но все они были разбиты при обвале каменного перекрытия. Кроме глиняных сосудов, было найдено много деревянных изделий — трехногие столы, поднос и глубокие миски, ложки и черпаки.

Около каждой из повозок находился медный котел. К сожалению, все котлы были также разломаны обвалом перекрытия.

В кургане найдено большое количество бронзовых прорезных колокольчиков шаровидной и яйцевидной формы и фигурки птиц, также украшенные прорезями.

Обнаружено громадное количество (более тысячи штук) различных бус из сердолика, агата, полевого шпата и керамической массы. Среди бус имеются золотые пронизки с двухсторонними спиралями (рис. 11), золотые цилиндрические бусы с зернью, дисковидные пронизки, золотая фигурка лягушки, золотые пуговицы, украшенные миндалевидными камен-

ными вставками и зернью.

Найдено большое количество бронзовых и оловянных пуговиц (предварительное определение металла произведено действ. членом АН АрмССР И. Г. Магакьяном). Из бронзовых предметов вооружения и орудий, найденных в кургане № 2, следует отметить: три секиры закавказского типа, два плоских топора и булаву. Большой интерес представляют три бронзовых кинжала с широкими плечиками в бронзовых ножнах (длина до 35 см), украшенных с одной стороны рельефными фигурами змей, а с другой — прорезным треугольным орнаментом (рис. 12). Около кинжалов находилось большое количество обсидиановых наконечников стрел.

В могиле находилось шесть бронзовых удил с дисковидными псалиями, украшенными прорезными дисками и спицами, подобные тем, которые были раньше найдены в Севанском районе¹ и в Квемо-Сасирети, в Грузии.

Рис. 14. Курган № 2. Бронзовое навершие с фигурками быка и двух коз; бронзовые кинжалы

¹ Е. Лалаян. Раскопки могильников в Советской Армении (на армянском языке). Ереван, 1931, стр. 192—193, рис. 184.

Среди металлических изделий обращает на себя внимание бронзовое плоское зеркало с прорезной рукояткой, фигурки птиц на своеобразных подставках (рис. 13) и крупное навершие, состоящее из массивной фигурки быка, помещенной на колонке, по сторонам которой снизу расположены две меньшие скульптурные фигурки коз (рис. 14). Анализ металла этого крупного предмета показывает, что он для облегчения веса изготовлен так же, как и ножны кинжалов и некоторые другие предметы, из металлического шлака (определение И. Г. Магакьяна).

Около деревянных повозок были найдены также бронзовые обкладки отдельных их частей и украшения в виде заходящих друг за друга рогов, которые могли служить для насадки на ремни упряжи.

Раскопки двух курганов у с. Лчашен выявили новые очень интересные памятники культуры эпохи бронзы. Наряду с хорошо известными нам ранее предметами вооружения впервые обнаружены кинжалы в ножнах, бронзовые зеркала, разнообразные золотые украшения. Совершенно уникальными являются модель колесницы и массивная скульптура быка.

Четырехколесные повозки, подобные найденным нами, были известны и раньше. Обряд погребения на деревянной повозке был установлен Б. А. Куфтиным для курганов эпохи средней бронзы в Триалети, относящихся к концу первой половины II тысячелетия до н. э.¹ В 1908 г. у с. Адиаман на юго-западном побережье оз. Севан Е. А. Лалаяном был раскопан курган, близкий по времени к исследованному нами; в его склепе находилась деревянная четырехколесная повозка, украшенная резьбой².

В заключение краткого предварительного сообщения мы приходим к выводу, что в раскопанных нами двух курганах у с. Лчашен в конце II тысячелетия до н. э. были похоронены вожди богатых скотоводческо-земледельческих племен. Новые материалы характеризуют их высокую самобытную культуру.

Раскопки оставшихся не вскрытыми трех курганов у с. Лчашен, надо надеяться, дадут еще много интересного для изучения эпохи бронзы Севанского района Армении.

---

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 78—79, 81, табл. 107.

² Е. Лалаян. Ук. соч., стр. 194—199, рис. 102—104.

Е. И. КРУПНОВ

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

(По материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.)

Известно, что степень историко-археологической изученности отдельных республик, краев и областей Кавказа весьма различна. Если к настоящему времени оказались лучше исследованными центральная и западная части Кавказского перешейка, то все еще слабо обследованными в археологическом отношении остаются Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР, особенно северные районы Северо-Восточного Предкавказья.

Вся территория Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия, лежащая на скрещении древнейших важных торговых путей, связывавших племена и народы Европы и Азии, не могла не играть важной роли в истории Юга нашей страны, хотя бы потому, что одновременно она являлась и древнейшим плацдармом, по которому проходили и перемещались различные племена древних земледельцев и скотоводов. Следовательно, и для исторической науки эта территория представляет огромный интерес.

На основании разнообразного и обильного подъемного материала из этих районов, собранного нашими разведочными работами в предшествующие годы¹, можно было лишь предполагать, что в этих, ныне полупустынных, районах в глубоком прошлом были иные, более благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития местного населения.

Но нужно было прежде всего исследовать отдельные объекты или комплексы памятников материальной культуры на обследуемой территории, выявить и изучить особенности древних археологических культур, представленных этими памятниками, и на их основе попытаться наметить хотя бы основные этапы историко-культурного развития края с древнейших времен. Такие задачи и поставила перед собою Северо-Кавказская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Грозненского музея краеведения, проводившая свои полевые работы летом 1952 и 1955 гг.²

В течение ближайших лет предполагалось изучение следующих проблем:

1. Время и условия заселения человеком предкавказских степей, а также предгорных и горных районов Северного Кавказа.

2. Исторический процесс формирования и развития древнейших земледельческих и скотоводческих культур края, начиная от эпохи энеолита до периода поздней бронзы (III—II тысячелетия до н. э.).

3. Проблема хозяйственного и культурного развития местных племен Северного Кавказа эпохи раннего железа (I тысячелетие до н. э.— I ты-

¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 72.

² В экспедиции 1955 г. участвовали: от ИИМК — Е. И. Крупнов (начальник экспедиции), Р. М. Мунчаев, О. В. Милорадович, В. И. Марковин, И. Г. Нариманов, В. Л. и М. Б. Василевские, В. П. Чуриловский и Х. М. Макрумов; от Грозненского музея — И. Ф. Мутовин, И. С. Пономарева, Е. Г. Дозоров, М. П. Севастьянов, Д. С. Васильев, Т. И. Сливков и Н. И. Мальченко.

сячелетие н. э.), характера их культуры и взаимосвязей с окружающим миром древности.

4. Проблема этногенеза современных народов Северного Кавказа (вопросы происхождения народов и их культуры).

Конкретные же задачи Прикаспийской экспедиции заключались в разведочных и раскопчных работах как в степных, так и в нагорных районах края, в частности в завершении раскопок курганной группы близ с. Ачикулак в степном районе) и в продолжении раскопок грунтового могильника близ с. Луговое (в нагорном районе Чечено-Ингушской АССР).

Первый этап работы экспедиции протекал в нагорных районах б. Грозненской области — в б. Первомайском и отчасти в Сунженском районах. В нагорном районе экспедиция продолжала исследование замечательного древнего памятника Ассинского ущелья — Лугового могильника, начатого раскопками в 1952 г.; в то время нами было вскрыто 29 древних могил, из которых 2 могилы (№№ 27 и 28) датировались энеолитической эпохой, а 27 могил относились к скифскому времени¹.

Расположен могильник на левом берегу р. Ассы на второй речной террасе, в 1 км к северу от с. Лугового (бывш. с. Мужичи). В нижней части склона террасы (северной) на отдельных участках на глубине 0,5 м и глубже отмечено много обломков красноватой керамики энеолитического типа, уже известной нам по предыдущим раскопкам. Это — остатки древнейшего поселения, сильно размытого еще в древности сточными водами. Было решено продолжить раскопки могильника в его северной части, где в 1952 г. были обнаружены очаг и наибольшее скопление энеолитической керамики, правда, в переотложленном состоянии.

Раскопки подтвердили, что наиболее многочисленный и интересный материал энеолитической эпохи залегал только в северной части могильника. Фрагменты керамики и куски глиняной обмазки находились обычно на слое обожженной глины. По-видимому, этот слой представлял собой остатки пола небольшого глинобитного жилища (из плетенки, обмазанной глиной), сильно разрушенного впоследствии сточными водами, о чем свидетельствует сильная заилованность нижних участков и окатанность фрагментов сосудов. На возможность видеть в этих остатках жилище указывает и наличие очага. Очажное пятно расширено на глубине 0,65 м. Его размеры 0,60 × 0,55 м. В центре очага находилось углубление почти округлой формы диаметром 0,22 м при глубине 0,11 м. Вокруг очага почва была особенно прокалена и достигала в центре 0,14 м толщины. Этот очаг аналогичен очагу, открытому здесь же в 1952 г.

На северо-северо-востоке от очага № 1 на той же глубине (0,65 м) обнаружен другой очаг — в виде красного пятна прокаленной глины диаметром в 0,50 м; диаметр темного пятна посредине очага со следами угля — 0,18 м. Вся поверхность обожженного кольца была покрыта кусками обожженной обмазки, фрагментами керамики и угольками. Рядом с очагом № 1 на глубине 0,50—0,65 м найдены три обломка кремневых вкладышей от серпа (рис. 1, 1, 5, 8) и несколько костей животных (среди них зубы овцы и коровы), а также миниатюрной округлой формы горшочек с малым венчиком энеолитического типа и несколько отщепов желтого кремня (рис. 1, 3, 4).

На участке в окружении фрагментов древнейшей керамики обнаружена каменная ладьевидная зернотерка с сильно сработанной рабочей поверхностью. Аналогичные зернотерки встречены во всех энеолитических поселениях Кавказа. Интересна находка жатвенного ножа из сероватого кремня с двухсторонней обработкой² (рис. 1, 7).

¹ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 96 и 99.

² Определение функций этого орудия как жатвенного ножа сделано в спецлаборатории ИИМК АН СССР С. А. Семеновым.

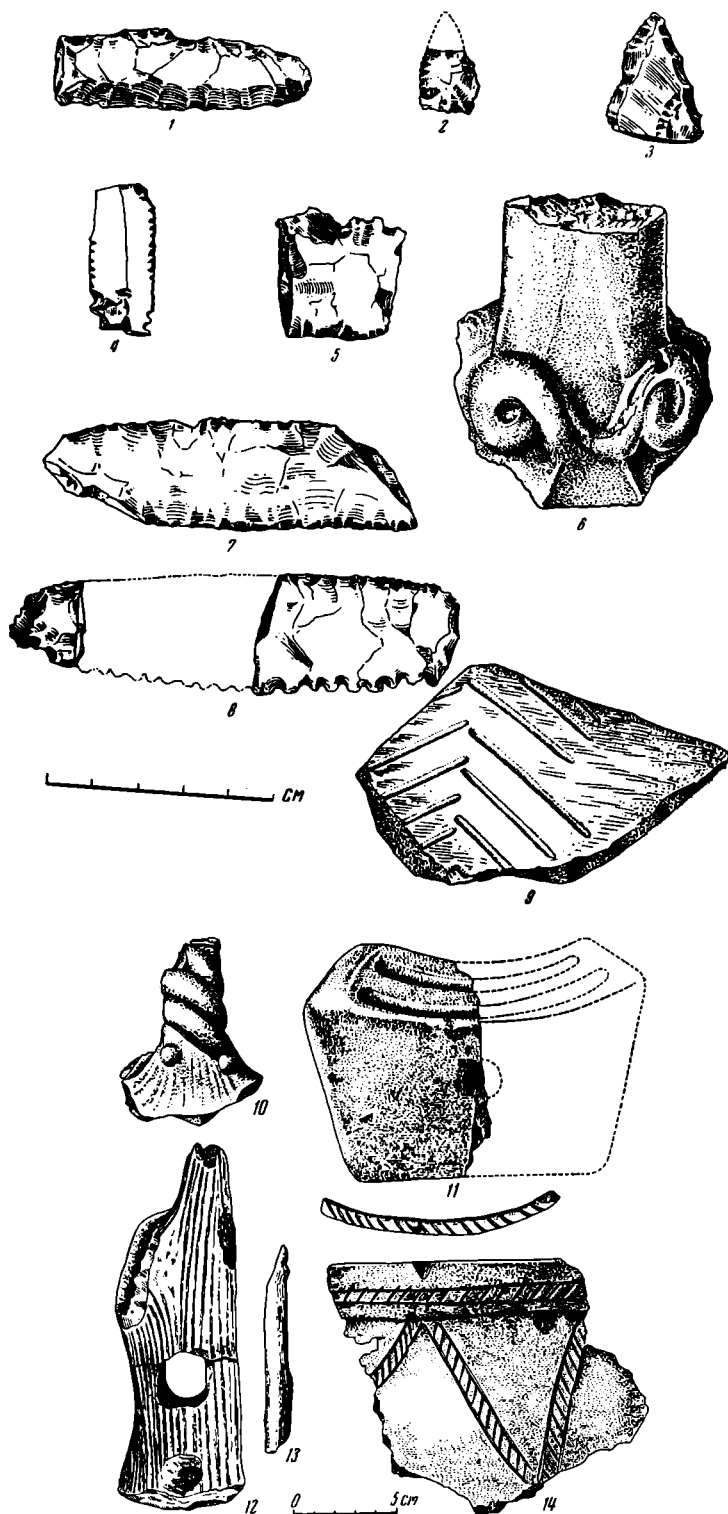

Рис. 1. Находки на территории Чечено-Ингушской АССР

1, 5, 8 — кремневые вкладыши серпа; 2 — обломок наконечника стрелы; 3, 4 — кремневые отщепы; 6, 10 — фрагменты глиняных ручек (Важиган); 7 — кремневый жатвенный нож; 9 — фрагмент глиняного сосуда; 11 — половина глиняной очажной подставки; 12 — муфта из оленьего рога; 13 — костяная проколка (все находки из энеолитического слоя Лугового поселения); 14 — фрагмент сосуда из Алхастинского поселения

Наиболее массовым материалом энеолитической эпохи оказалась керамика преимущественно охристого, кирпичного, бурого и серого цветов. Обжиг слабый и неровный. Примеси состояли в основном из шамота и редко — из белых известковых веществ. Края большинства черепков окатаны и поэтому почти непригодны для восстановления сосудов. Здесь имеются фрагменты почти всех характерных форм энеолитической керамики Кавказа. Значительный интерес представляют обломки чернолощеных сосудов на так называемой «розовой подкладке», обломки стенок сосудов с косым нарезным орнаментом (рис. 1, 9), встречающимся в энеолитической керамике Северо-Восточного Кавказа (например, в Каякентском и Великентском поселениях Дагестана и др.). Некоторые сосуды имели ручки, приближающиеся по форме к полушарным и коленчатым. Они отличаются от типично закавказских полушарных ручек, но почти повторяют ручки сосудов энеолитического времени Северо-Восточного Кавказа.

Среди фрагментов керамики имеются сделанное из обломка энеолитической керамики плоское пряслице и два обломка цилиндрической очажной подставки, подобной уже встреченным здесь в 1952 г. подставкам. На одном из раскопов на глубине 0,30 м обнаружен тесловидный топор из очень плотного серого песчаника.

Интересны находки в мусорной яме диаметром 0,80 м, расчищенной с глубины 0,55 м до 1,20 м. Она была вырыта в илистом слое, содержащем большое количество гравия и крупных камней. В яме найдены в обломках большой толстостенный сосуд из прекрасной отмученной глины оранжево-охристого цвета без дна, фрагменты другого, более толстостенного сосуда с дном и обломки мисочки. На дне ямы зафиксировано несколько костей животных и пережженная земля красного цвета со следами отпечатков зерен пшеницы(?), округлый камень со следами оббивки и шлифования (вероятно, служил для шлифования сосудов), а также половинка глиняной очажной подставки с отверстием посередине и двумя продольными углублениями сверху, аналогичная найденным на Долинском поселении в Кабарде¹ (рис. 1, 11), и орудие из оленьего рога с одним обработанным концом и сквозным округлым отверстием посередине (рис. 1, 12). По-видимому, это — роговая муфта, служившая для насадки каменного топора. Орудие разломано пополам. Его длина — 17,8 см.

Весь комплекс находок — типичные формы энеолитической керамики со специфическим налепным спиральным орнаментом², очажные роговидные и цилиндрической формы глиняные подставки³, миниатюрные кремневые стрелки (рис. 1, 2), тесловидный каменный топор и ладьевидная зернотерка, кремневые вкладыши от составных серпов, костяная проколка (рис. 1, 13), глиняное пряслице⁴ и др. с несомненностью доказывает, что мы имеем дело с остатками древнего поселения, безусловно входящего в круг памятников Кавказского энеолита, особенно позднего этапа его развития⁵.

Добытый здесь материал, прежде всего керамический, позволяет уже с большей определенностью говорить о северо-восточном варианте общекавказской энеолитической культуры. Но этим значение данного памятника не ограничивается. Он проливает также свет на проблему древнейших взаимоотношений племен Закавказья и Северного Кавказа, прослеживаемых по материалам еще Долинского поселения у г. Нальчика.

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 204, табл. III.

² Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 100, рис. 40, 4

³ Там же, рис. 40, 2—6.

⁴ Подобные плоские пряслица известны из Великентского поселения (Дагестан) и из холма Узерлик-тепе (Азербайджан).

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; его же. К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIV—V. 1947, стр. 75, табл. I; С. И. Макалатия. Археологические раскопки курганов погребений в г. Тквиави. Тбилиси, 1943, стр. 29, рис. 27.

Предполагаемая дата существования Лугового энеолитического поселения — конец III тысячелетия до н. э.

Подводя общие итоги двухлетнему опыту исследования комплекса памятников материальной культуры у с. Лугового (поселение и могиль-

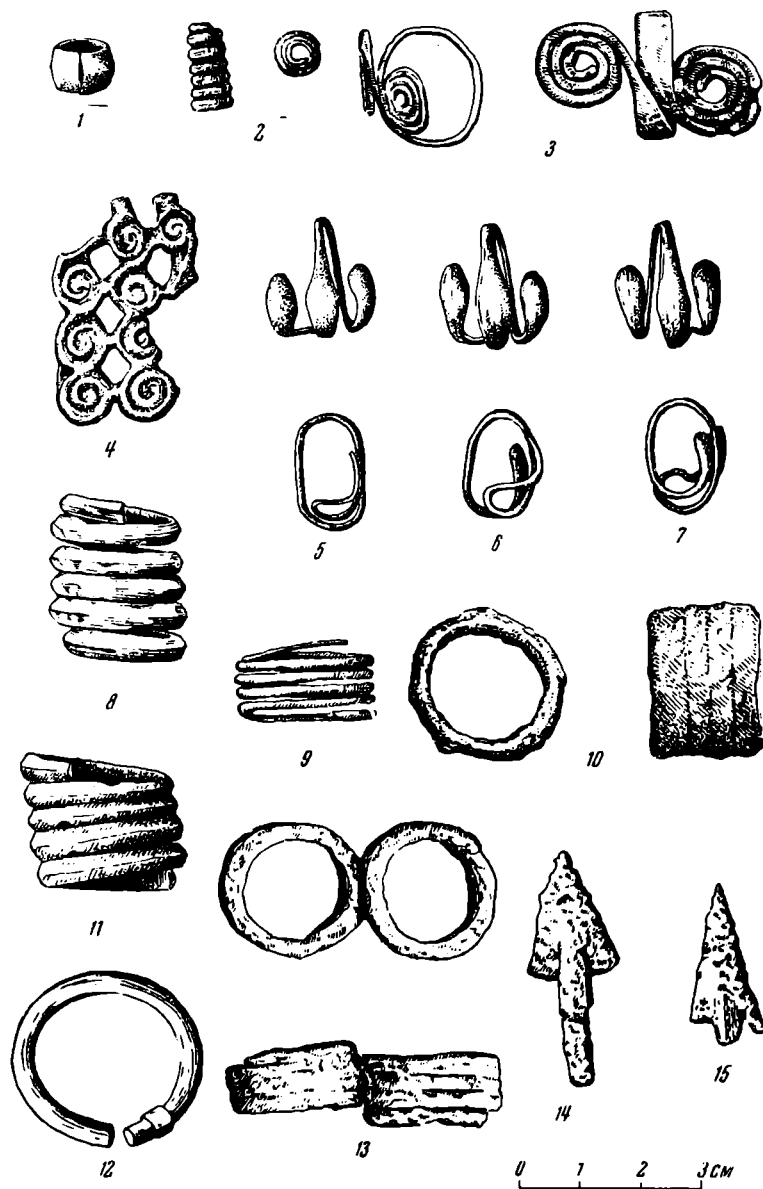

Рис. 2. Инвентарь погребений Лугового могильника (VI—V вв. до н. э.)

1—3, 6—9, 11, 12 — бронзовые украшения из разных погребений; 4 — серебряные бляшки (погр. № 18); 5 — серебряная височная привеска (погр. № 18); 10 — железные кольца (погр. №№ 2 и 5); 14, 15 — железные наконечники стрел; (погр. № 17)

ник), следует отметить, что на территории в 2250 м² были обнаружены: подстилающий энеолитический культурный слой, два погребения той же эпохи и вскрыто уже около 70 могил скифского времени¹.

¹ 27 могил на площади 1200 м² — в 1952 г., 37 могил на площади 1050 м² — в 1955 г. и четыре-пять могил — колхозниками и сотрудниками Грозненского музея в 1949—1950 гг.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок такого количества могил, и обильный погребальный инвентарь позволяют высказать некоторые заключения еще до полного исследования этого замечательного памятника Северного Кавказа.

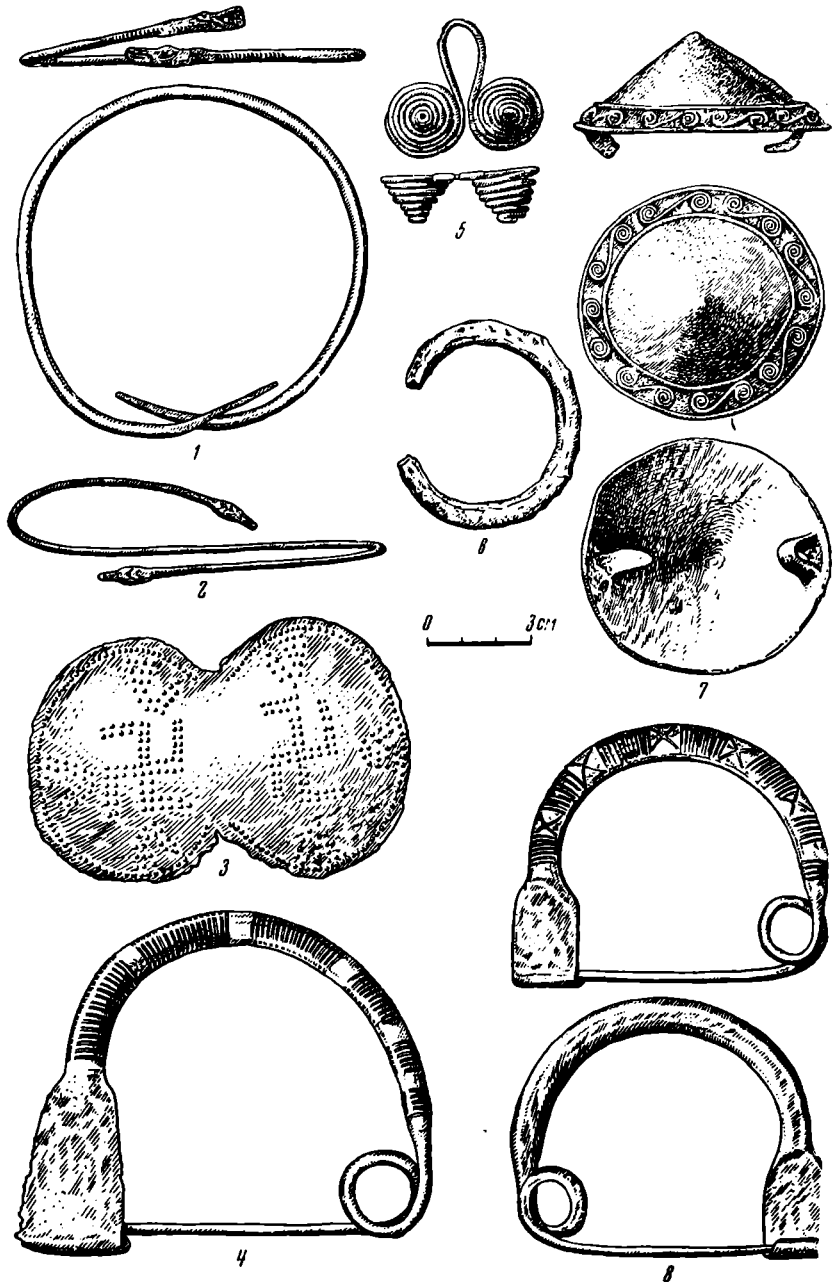

Рис. 3. Инвентарь погребений Лугового могильника (VI—V вв. до н. э.)

1, 2 — бронзовые шейные гривны (погр. №№ 5, 15); 3 — бронзовая налобная бляха (погр. № 3); 4, 8 — бронзовые фибулы (погр. №№ 2, 34); 5 — бронзовая подвеска кобанского типа (погр. № 16); 6 — железный браслет (погр. № 2); 7 — бронзовая женская поясная пряжка (погр. № 2)

О более древней эпохе уже сказано. Остановимся на материале скифского времени. Нужно отметить, что почти все могилы этого времени, заваленные булыжным камнем, обнаруживались прямо под растительным

слоем на глубине от 0,20 до 0,60 м. За исключением двух парных, все они содержали одиночные погребения, что их сближает с обрядом захоронений местной кобанской культуры. В одной из парных могил были похоронены муж и жена, в другой — мать и ребенок (очевидно, умершие одновременно). Во всех могилах человеческие скелеты лежали в скорченном положении на правом боку (только в одном случае — на левом), головами на юго-запад, к горному перевалу, ведущему из Ассинского ущелья во Владикавказскую равнину. Возможно, в древности на перевале было какое-либо культовое место (может быть, святилище, подобно тому, что имело место в недавнем прошлом у многих горцев Северного Кавказа), служившее древнему населению ориентиром при погребении своих умерших сородичей.

Особым богатством могильного инвентаря отличались женские захоронения. На женских головных уборах были прикреплены парными штифтиками маленькие бляшки из сурьмы со спиральным орнаментом (рис. 2, 4), а также бронзовые пластинчатые двувальные бляхи с выбитым на них пунктирным орнаментом в виде свастики (рис. 3, 3). Голову украшали бронзовые и серебряные изящные височные привески в два-три оборота с расплоснутыми концами (рис. 2, 5—7), проволочные очкообразные подвески (рис. 3, 5) и биконические серьги. Шею охватывали массивные бронзовые обручи (гривны) с расплоснутыми концами (рис. 3, 1, 2), украшенными звериным орнаментом, и ожерелья из бус. Ожерелья состояли из богатого набора различных по цвету, форме и материалу бус: стеклянных (рис. 4, 16—28), бронзовых (рис. 2, 1, 2), из стекловидной пасты (рис. 4, 7, 8, 11—14) и камня. Найдено несколько бус из горного хрусталя, янтаря и сердолика (рис. 4, 15). Явно преобладали стеклянные бусы сложной техники, в том числе так называемые «глазчатые» (рис. 4, 29—31). Одежда из грубых шерстяных тканей скреплялась на груди массивными бронзовыми дугообразными фибулами кобанского типа (рис. 3, 4, 8). На руках были надеты бронзовые и железные браслеты из толстого прута с несходящимися концами (рис. 3, 6). Кисти рук украшались бронзовыми и железными спиральными кольцами перстнями (рис. 2, 3, 8, 9, 11, 13). Кожаные и шерстяные пояса скреплялись бронзовыми умбовидными коническими пряжками (рис. 3, 7). Иногда с женщинами клали маленькие железные ножи и обязательно по несколько (от двух до семи) глиняных пряслиц от веретен (рис. 5, 1—4). Почти во всех могилах найдены различные глиняные сосуды: горшки, кувшины, чаши и миски с остатками различной пищи (рис. 5, 10).

Не менее интересными оказались и мужские погребения. В некоторых, наиболее богатых из них также были найдены бронзовые шейные гривны (рис. 3, 1, 2). По всей вероятности, в них были похоронены вожди или старейшины отдельных родов. В трех мужских могилах также были обнаружены и двувальные пластинчатые бляхи (рис. 3, 3), но они уже украшали не головной убор, как у женщин, а грудь погребенных. Эти нагрудные бляхи составляют специфическую особенность только Лугового могильника и отчасти Нестеровского, что позволяет видеть в них отличительную черту материальной культуры особой племенной группы, некогда населявшей Ассинское ущелье. Ни в Западной Европе, ни в СССР до сих пор подобные бляхи неизвестны. Близкие им по форме, но не тождественные и более древние, известны только из Турции (район Аладжи)¹, но те — золотые и серебряные и меньшего размера; они не нашивались на одежду, подобно нашим, а прикреплялись длинными тонкими булавками². В мужских могилах преобладали оружие и бытовые предметы,

¹ Hamit Zübeyr Kosay. Ausgrabungen von Alača Höyük. Ankara, 1944, стр. 111, табл. XXX, № 28—30.

² C. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, табл. XI и XLII.

Рис. 4. Бусы

1, 6 — пастовые бусы (Ачикулак, к. № 5, погр. 12); 2 — медные бусы (Ачикулак, к. № 5, погр. 12); 3, 4 — стеклянная и сердоликовая бусины из Ачикулакского района; 5, 9, 10 — алебастровые бусы (Ачикулак, к. № 6); 7, 8, 11, 31 — пастовые и стеклянные бусы из разных погребений Лугового могильника

сделанные из железа. Почти при всех мужских погребениях находились наконечники различных втульчатых копий (рис. 5, 8), совершенной формы железные плоские наконечники стрел (рис. 2, 14, 15) и массивные серповидные ножи с костяными и деревянными рукоятками, скрепленными бронзовыми и железными гвоздями (рис. 5, 9). Редкой находкой з

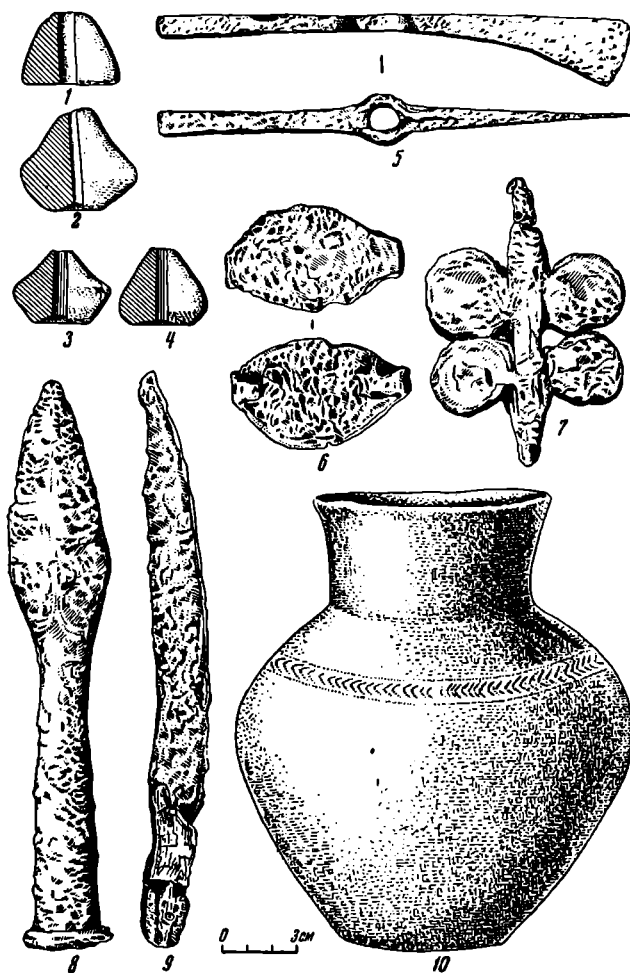

Рис. 5. Инвентарь погребений Лугового могильника (VI—V вв. до н. э.)

1—4 — глиняные пряслица (погр. № 22); 5 — железный боевой топорик (погр. № 38); 6 — железная обоймица от ножен (погр. № 7); 7 — железная мужская поясная пряжка (погр. № 11); 8 — железный наконечник копья (погр. № 8); 9 — железный нож (погр. № 8); 10 — глиняный сосуд (погр. № 7);

одной богатой могиле явился железный боевой топорик (рис. 5, 5). Деревянные ножны закреплялись в верхней части железными овальными обоймицами (рис. 5, 6). В отличие от женских, мужские пояса чаще скреплялись не бронзовыми, а массивными железными бабочковидными пряжками (рис. 5, 7). Они так же, как и бронзовые нагрудные бляхи и обоймицы для ножен, составляют специфику могильного инвентаря именно этого могильника. И в мужских могилах также было много глиняной посуды.

Анализ могильного инвентаря позволяет уже сейчас сделать обоснованные заключения о датировке и особенностях культуры предгорий Северо-Восточного Кавказа в эпоху освоения железа местным населением

края. По основному составу инвентаря, повторяющему типы позднекобанской культуры Северного Кавказа (привески, пряжки, браслеты, фибулы)¹, а также по предметам степной скифо-савроматской культуры нашего Юга (железные наконечники стрел, в том числе втульчатые, трехгранные скифского типа, бронзовые гривны)² Луговой могильник датируется VI—V вв. до н. э.

Из рассмотрения всего материала, включая и черты погребального обряда, вытекает основной вывод, что могильник у с. Лугового оставлен местным населением Северного Кавказа, по культуре родственным племенам, обитавшим в то время на всей территории Северного Кавказа от Дагестана до верховьев Кубани, и, очевидно, говорившим на языке относившемся к особой, сугубо местной древней, так называемой, иберокавказской семье языков³.

Металлический инвентарь иллюстрирует развитое металлопроизводство, достигнутое местными мастерами еще в период существования первобытно-общинного строя. Вместе с тем наличие богатых и бедных погребений уже свидетельствует о заметной социально-экономической дифференциации местного общества. Было установлено, что южная часть территории служила местом погребения представителей бедных родов, а северная часть — богатых.

При наличии уже отмеченных специфических признаков, присущих только Луговому могильнику, последний входит в круг местных памятников, таких как Алхастинское поселение и могильники Исти-су⁴, Моздокский⁵, Нестеровский⁶ и др., представляющие восточный, или грозненский, локальный вариант культуры центральной части Северного Кавказа скифского времени. Для выявления древних взаимосвязей местного общества с окружающим миром и его полной историко-культурной характеристики особое значение приобретают такие вещи из Лугового могильника, как шейные гривны, концы которых оформлены в «зверином» уралосибирском стиле, бронзовые биконические серьги, близкие серьгам из урочища Биш-Оба из Южного Приуралья⁷, и ряд скифских наконечников стрел. Они указывают на районы происхождения типов этих предметов и свидетельствуют о степени оживленности хозяйственных и культурных связей прежних обитателей Ассинского ущелья с племенами скифов и савроматов, живших в VII—IV вв. до н. э. в степных районах Нижнего Поволжья, Подонья и Украины⁸.

Не меньшей интерес и значение представляют обнаруженные на Луговом могильнике сурьмяные украшения со спиральным орнаментом (несомненно, попавшие сюда из районов Западной Грузии и Закавказья)⁹, а также огромное количество стеклянных и пастовых бус, изготовленных в ремесленных центрах Восточного Средиземноморья и в первую очередь Египта и Сирии. Еще в конце XIX в. было отмечено, что в музеях Западной Европы нет такого разнообразия и богатства красок, рисунка и форм бус, как на Кавказе, куда синие и темные бусы поступали из финикийских

¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900, стр. 87; Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 210.

² О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 98.

³ Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 157.

⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., стр. 99, рис. 50.

⁵ Б. Б. Пятровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940.

⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ., т. XII, 1941, стр. 176.

⁷ Золотые биконические серьги из курганов урочища Биш-Оба Чкаловской области хранятся в ГИМ (Раскопки П. С. Назарова 1890 г.).

⁸ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 192.

⁹ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI. М., 1911, стр. 94, табл. VI, 4, 5.

производственных центров, а крупные, в том числе бусы с глазками,— из Египта¹. Подобные наблюдения являются важными в освещении древней истории Северного Кавказа.

Таким образом, Луговой могильник представляет собой новый и наиболее интересный древний памятник материальной культуры Ассинского ущелья.

Одновременно с раскопками Лугового могильника были проведены разведочные работы в окрестностях с. Лугового. Интересные керамические находки того же скифского времени были сделаны на второй высокой террасе левого берега р. Ассы, вблизи так называемого Лугового поселения, открытого нами в 1948 г.² по дороге б. с. Первомайского в б. с. Луговое, в 3—3,5 км от последнего.

На землях колхоза «Красный Октябрь» (б. с. Алхасте) Сунженского района экспедиция осмотрела древнее поселение, уже ранее — в 1936—1937 гг. — исследовавшееся нашей экспедицией³. Благодаря глубокой вспашке здесь был вскрыт культурный слой, в результате чего на поверхности оказалось большое количество обломков костей диких и домашних животных и глиняных изделий, среди которых особо выделяются образцы двух типов керамики — скифского и доскифского времени. К первому относятся фрагменты горшков с отвернутым краем, под которым расположены налепные валики с щипковым орнаментом. Хорошо заметно лощение. Второй тип представлен обломками также лощеной посуды, украшенной нарезным геометрическим орнаментом (рис. 1, 14). Найдены обломки сосудов — «цедилок», так называемых «рогатых кирпичей» — глиняных очажных подставок, каменное грузило (из гальки) и другие предметы, уже известные нам по раскопкам Алхастинского поселения, когда было установлено, что два его верхних слоя характеризуют культуру местного населения I тысячелетия до н. э. как скифского, так и доскифского периодов. Собранный материал вновь подтверждает наличие в древней материальной культуре Северного Кавказа элементов степных культур Предкавказья и Подонья — киммерийской и скифской⁴.

Второй этап работы экспедиции протекал в северных, степных районах Западного Прикаспия, а также в Буденновском районе, Ставропольского края. Он начался с ознакомления с памятниками материальной культуры по течению р. Терека, лежащих на пути следования экспедиции в Ачикулакский район, и в первую очередь, с курганными группами. Одиночные курганы и группы их встречаются почти на всем протяжении дороги от г. Грозного до Терского хребта по направлению к станице Червленной, расположенной на левом берегу р. Терека. Снова они встречаются уже за хребтом на правом берегу р. Терека. Наибольшее их количество отмечается на пойменных террасах левого берега Терека.

От самой станицы Червленной в сторону г. Моздока вдоль полотна железной дороги Прохладная — Гудермес на старой пойменной террасе левого берега Терека тянутся на запад многочисленные большие и малые курганные группы и одиночные курганы, растянувшие цепочкой. Многие из них, даже достигающие высоты более 2—3 м, распаиваются. Другие разрушаются местным населением. Экспедицией были внимательно осмотрены разрезы четырех таких разрытых на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и даже на $\frac{1}{2}$ курганов и прослежены остатки разрушенных могил, находящихся только в центральной части курганных насыпей. Это явление обычно в северокавказских курганах.

Особенно много курганов расположено в районе станицы Николаевской. Самые же массивные насыпи составляют группу из 20 курганов, рас-

¹ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 372—374.

² Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 94.

³ Е го же. Археологические памятники Ассинского ущелья.

⁴ Тр. ГИМ, т. XVII, 1948, стр. 17—19.

положенную в 1—1,5 км к востоку от станицы Мекенской. Высота курганов достигает здесь 7—8 и даже 9 м, при диаметре до 60—70 м. Эта одна из хорошо сохранившихся в районе курганных групп заслуживает внимания и научного исследования¹.

От г. Моздока до с. Ираклы по обе стороны сооружаемого Терско-Кумского оросительного канала также находится множество курганов. Экспедиция обследовала самый большой во всем крае курган, известный у местного населения под названием «Би-тубе» (что значит «царский курган»), расположенный в степи в 3—4 км к востоку от с. Ираклы. В настоящее время высота кургана достигает 11,65 м, диаметр² — около 90 м. Курган окружен широким сильно заплывшим рвом; в южной стороне у самого рва расположен небольшой сильно оплывший курган высотой в 2 м. Другой курган, немного меньшего размера, расположен западнее. В окрестностях высятся еще несколько больших курганов, один из них длинный.

Стационарные работы экспедиция произвела у с. Ачикулак, б. Грозненской области. Они заключались в раскопках шести курганов, входивших в курганную группу из 12 курганов, расположенных в 0,5 км к северо-востоку от с. Ачикулак, близ бойни. Шесть курганов были раскопаны нашей экспедицией в предыдущие годы. Из шести курганов пять имели сильно оплывшие насыпи высотой около 0,5 м и содержали погребения сарматского периода. Один большой курган высотой до 3 м имел настолько оплывшую насыпь, что его диаметр достигал 51 м. Этот курган был раскопан с применением скрепера. Профили курганов в местных условиях совершенно нечитаемы, так как насыпи состоят из однородных лёссовидных суглинков³. Могилы в ранее раскопанных курганах находились в западных половинах курганов, ближе к центру.

Таким образом, раскопками этих курганов было полностью завершено полевое изучение всей северной Ачикулакской курганной группы и тем самым осуществлено первое научное исследование целой курганной группы в Северно-Западном Прикаспии, состоявшей из 12 насыпей.

Подводя некоторые итоги, прежде всего нужно отметить, что использование скрепера при раскопках курганов вполне себя оправдало. Несмотря на то, что в почвенных условиях лёсса невозможно заранее определить могильные пятна, из 20 погребений скрепером были слегка задеты только два костяка. Наш опыт раскопок большого кургана был первым, причем удачным опытом применения механизации при археологических раскопках на Кавказе. Использование скрепера позволило экспедиции раскопать весь курган на глубине более 4 м при диаметре в 51 м фактически за два с половиной дня и на средства в 20 раз меньшие потребных на раскопки этого кургана вручную. Наш опыт лишний раз подтвердил полную целесообразность применения скрепера не только для отвала уже отработанной земли или только для снятия балласта, но и при вскрытии самих курганных насыпей.

В большом кургане было вскрыто 20 погребений. Их топография (размещение в плане), подкрепленная наблюдениями над местоположениями могил во всех 12 курганах, позволяет вывести определенную закономерность в расположении хронологически различных могил в Ачикулакской курганной группе. Абсолютно все захоронения умерших производились только в западной половине курганов. Так, даже в наибольшем из них (курган № 5/11)⁴ из 20 вскрытых могил 15 было обнаружено в за-

¹ В 1956 г. близ станицы Мекенской экспедиция раскопками трех курганов с помощью скрепера положила начало исследованию всей группы.

² Вершина кургана оказалась срезанной сооруженным в последние годы (и сейчас снятым) триангуляционным пунктом (вышки), в результате чего была скрыта вершина на 2—2,5 м. В 1947 г., когда мы впервые посетили этот огромный курган, его высота достигала более 14 м.

³ С. В. Колесник. Северный Кавказ и Нижний Дон. М., 1946, стр. 113.

⁴ Нумерация курганов двойная. Числителем является порядковый номер по раскопкам 1955 г., знаменателем — общий порядковый номер всей курганной группы.

падной половине и только пять погребений находились у самой перемычки на восточной половине кургана. После раскопок большого кургана экспедиция нашла объяснение закономерности этого явления.

Известны длительность и опустошительная сила северо-восточных, чаще восточных ветров, неделями непрерывно дующих со стороны Каспия с периодичностью от 3 до 12 дней. Иногда сила этих ветров достигает

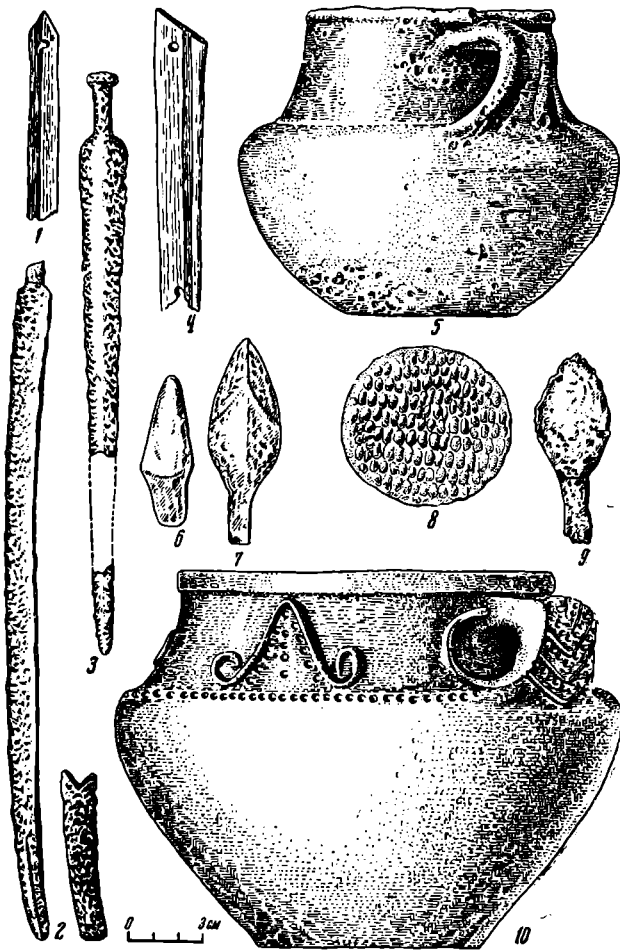

Рис. 6. Находки из степных районов Предкавказья

1, 4 — костяные накладки лука; 2 — железная сабля (погр. № 7, Ачикулак, курган 5); 3 — железный савроматский меч из развее-ного погребения (Бажиган); 5, 10 — глиняные сосуды (погр. № 13, Ачикулак, курган 5); 6 — медный нож (Ачикулак); 7 — медный наконечник дротика (Бажиган); 8 — днище сосуда с отпечатками грубой ткани (погр. № 13, Ачикулак); 9 — медный наконечник дротика (Ачикулак, курган 5, погр. № 13).

7—8 баллов (20—25 м в секунду). Эти ветры особенно сильно развеивают восточные склоны курганных насыпей, поэтому почти все высокие курганы здешних мест имеют более крутые склоны — северные и восточные и более отлогие — южные и западные.

Экспедиция пришла к заключению, что практика захоронения умерших в западных половинах курганов в районах Северо-Западного Прикаспия и обусловлена учетом древним населением разрушительных действий восточных ветров, гораздо сильнее развеивающих восточные склоны курганов, нежели западные. В этом факте сказался многовековой народный опыт наблюдений за опустошительным действием сильных во-

сточных ветров. Любопытно, что этот опыт практически учитывается до настоящего времени. Выяснилось, что современные местные жители, ногайцы и караногайцы, чтобы предохранить быстрое развеивание свежих могильных насыпей, хоронят своих покойников на западных половинах

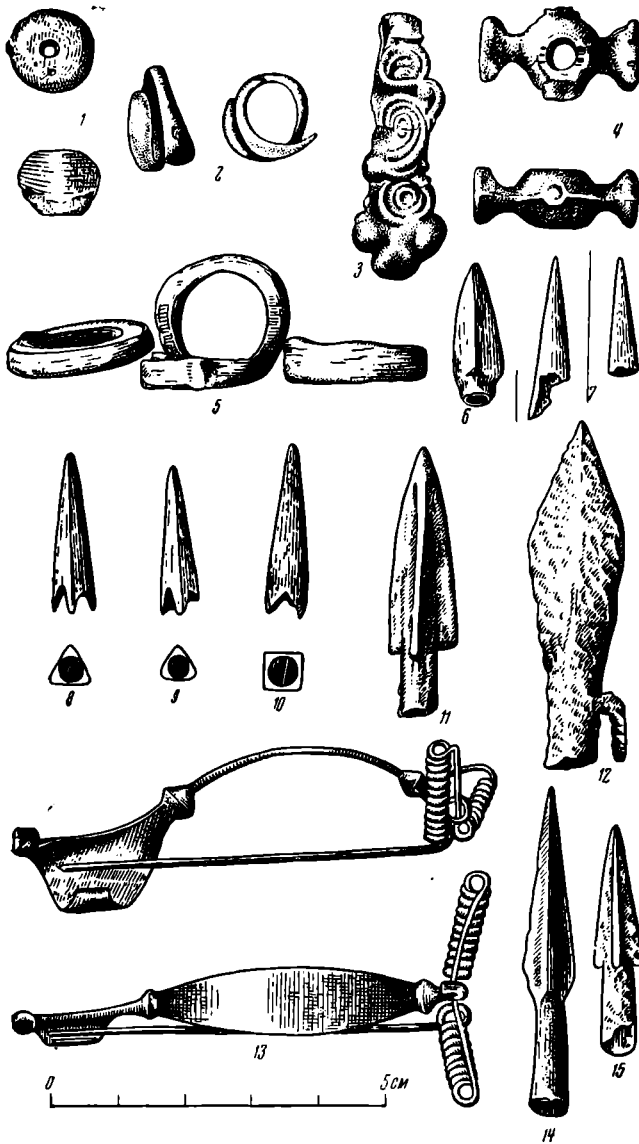

Рис. 7. Находки из степных районов Предкавказья

1 — сердоликовая бусина (Ачикулак); 2 — бронзовая серьга (Ачикулак, курган 5, погр. № 2); 3 — бронзовая подвеска (Ачикулак, курган 5, погр. № 11); 4 — навершие бронзовой булавы кобанского типа (Бажиган); 5 — костяные кольца (Ачикулак, курган 5, погр. № 8); 6 — костяной наконечник стрелы (Ачикулак, курган 5, погр. № 5); 7 — 12 — костяные, железный и бронзовый наконечники стрел из савроматского развеечного погребения (Бажиган); 13 — бронзовая фибула (Бажиган); 14, 15 — железные наконечники стрел (Махмуд-Мектеб и Бажиган)

древних курганов. Это же подтвердили и местные колхозники. В предыдущие годы участники экспедиции наблюдали факты закладки современных кладбищ на вершинах и на западных склонах курганов как русским, так и нерусским населением¹.

¹ Например, на группе курганов у с. Уч-тубе и в других местах.

Возможно, что в силу тех же причин все могилы, обнаруженные в местных курганах, сосредотачивались в центральной части курганных насыпей (на западных половинах) и совсем неизвестны в полах кургана. Это правило почти не знает исключений для всех периодов местной истории. Наглядным примером этого служит местоположение 20 разновременных погребений в Ачикулакском кургане № 5/11, начиная от древнейших скорченных окрашенных костяков эпохи энеолита и кончая впускным половецким погребением с железной саблей (рис. 6, 2). Все они были размещены в центральной части кургана.

Самые древние погребения в Ачикулакских курганах характеризовались следующими чертами: отсутствием или бедностью инвентаря, положением костяков на спине с поднятыми в коленях ногами или на боку, иногда в сильно скорченном положении и с произвольной ориентировкой (чаще на юго-восток) и, как правило, со следами красной краски (в кургане № 5/11, погребения №№ 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18 и 19). Глубина их залегания — 2—3,5 м от вершины кургана. Основными погребениями в этом кургане, по-видимому, следует считать максимально скорченное погребение без вещей № 18 и остатки погребения, разрушенного древними норами, на глубине более 4 м. По аналогии с так называемыми ямными погребениями Поволжья, где преобладает восточная ориентировка, их можно связывать с племенами ямной культуры нашего Юго-Востока и датировать III тысячелетием до н. э.¹

По определению антрополога В. П. Чтецова, черепа из погребений №№ 14 и 18 кургана № 5/11 несколько грацильнее черепов носителей древнеямной культуры. Может быть, некоторые из перечисленных погребений могут относиться и к срубной культуре, например впускное скорченное на левом боку и слабо окрашенное².

Интересными оказались погребения, которые можно отнести ко II тысячелетию до н. э. и связать с носителями катакомбной культуры. Это могилы №№ 8 и 13. В могиле № 8 была похоронена девушка с поясом, состоящим из колец, вырезанных из трубчатых костей животных (рис. 7, 5). Подобные кольца известны еще по могильному инвентарю некоторых погребений Нальчикского могильника³. Но наиболее характерны как украшения (в том числе как составные части поясов) они для могильных инвентарей катакомбной культуры и особенно для ее волго-маньчского варианта⁴. Такие костяные кольца диаметром до 2 см найдены: в детской могиле № 8 кургана № 6 у с. Карповка вместе с катакомбным сосудом⁵; в кургане № 11 у хут. Веселого на Маныче⁶; в кургане № 9 в урочище Три брата⁷ и в других пунктах. В последнем случае они были использованы в качестве поясного украшения.

К этой же группе погребений II тысячелетия до н. э. относится и интереснейший инвентарь из погребения № 13 в срубе, в который входили: бронзовый округло-листовидный нож или наконечник копья (рис. 6, 9), типичный для южного варианта катакомбной культуры; посуда в виде кувшина (рис. 6, 5, 8) и чаш, горшок с налпным орнаментом, своей формой, технологическими свойствами и орнаментом (рис. 6, 10) близкие

¹ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 79.

² Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, т. I, 1954, стр. 141.

³ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в Нальчике, МИА, № 3, стр. 70, рис. 7, 8.

⁴ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 69, рис. 15.

⁵ Археологические исследования в РСФСР за 1934—36 гг. М.—Л., 1941, стр. 183. табл. XXVIII, рис. 9.

⁶ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 98, рис. 11—17.

⁷ И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 149, рис. 12.

керамике из дагестанских могильников у сс. Карабудахкент и Манас¹.

В освещении вопроса о проникновении элементов катакомбной культуры в северокавказскую среду этот материал имеет определенное значение². Очень показательными находками для северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. являются бронзовые височные привески в 1,5 оборота (рис. 7, 2), округлых очертаний (погребение № 2), бочкообразные

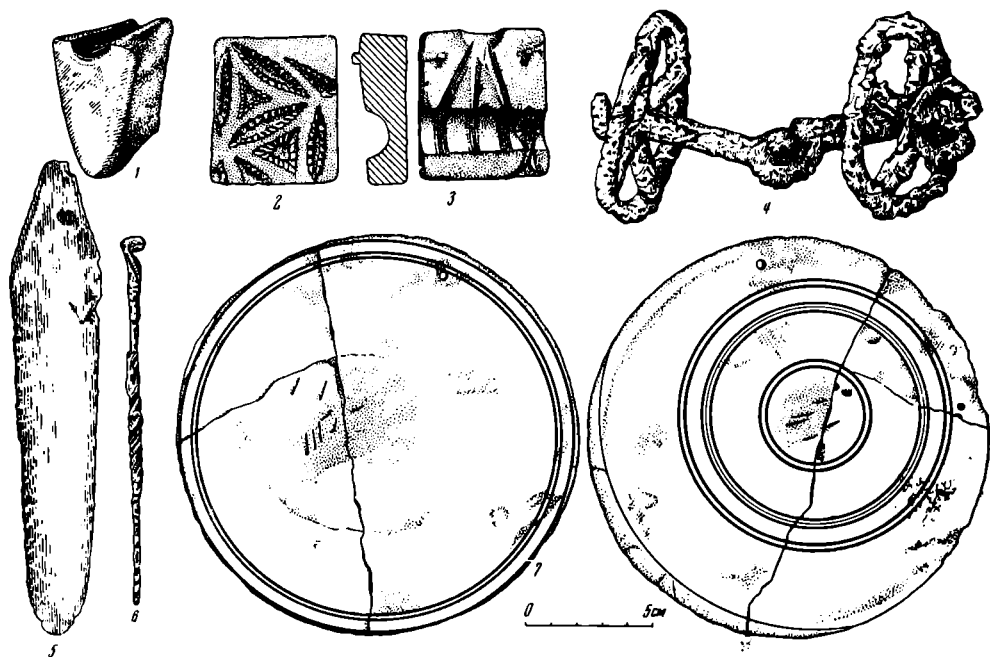

Рис. 8. Находки из степных районов Предкавказья.

1 — обломок каменного топора (Ачикулак); 2—3 — каменные литейные формы с городища Маджары; 4 — железные удила (Ачикулак, курган 6); 5 — медный кинжал (Бажиган); 6 — железная булава (Махмуд-Мектеб); 7 — бронзовое зеркало (Ачикулак, курган 5, погр. № 12)

бронзовые бусины и литая подвеска (погребение № 11; рис. 7, 3) и, наконец, сосуд, украшенный по тулову крупнорельефным орнаментом и характерный для посуды эпохи средней бронзы Кабардино-Пятигорья³.

Интереснейшие наблюдения были сделаны и при исследовании подкурганых могил с признаками скифо-сарматской культуры. Из собранного нами инвентаря одного развееянного погребения в песках Бажигана раньше всего упомянем массивный железный меч (длиною до 0,90 м) с валикообразным навершием (рис. 6, 3) и остатки колчана с набором наконечников стрел скифского типа: бронзовых двуперых с шипом, железных втульчатых трехгранных и четырехгранных втульчатых костяных (рис. 7, 7—12). Интересно само сочетание разнотипных стрел в одном комплексе, который скорее всего может быть отнесен к концу V — началу VI в. до н. э. Этим же временем (если не началом V в.) может быть датирован и инвентарь погребений № 1 и № 5 в большом кургане № 5/11. В нем особо примечательны костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы (рис. 7, 6) и темно-серый, слегка лощеный высокий горшок, по технологическим признакам (примесь дресвы, довольно слабый обжиг) совершенно неотличимый от сарматских сосудов Нижнего Поволжья и Южного При-

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 84—88.

² Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в Дагестане. (Автореферат кандидатской диссертации. 1954 г.); Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, стр. 188.

³ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, табл. III, 2; табл. XIX.

уралья¹. Подобная керамика характеризует наиболее ранний этап савроматской культуры—VI—IV вв. до н. э.²

Женская могила № 12 в том же кургане, где были найдены большое

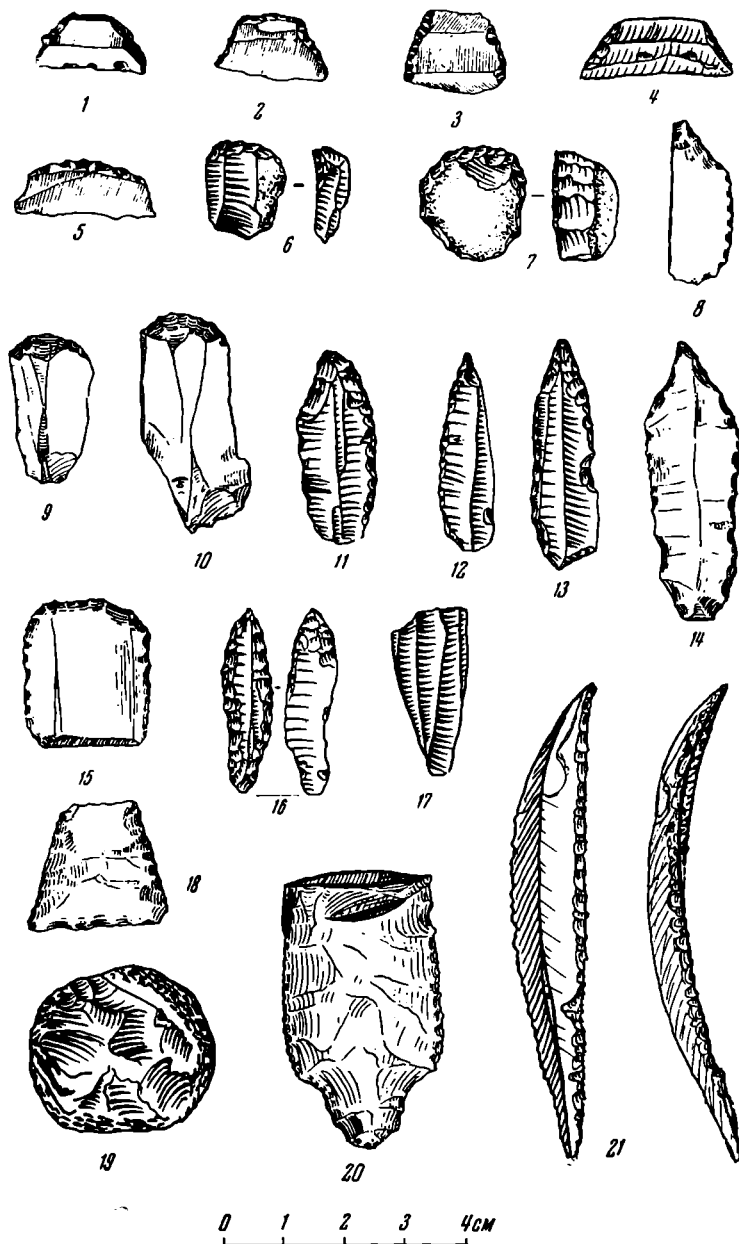

Рис. 9. Подъемный материал из степных районов Предкавказья.

1—7 — кремневые микролитические орудия (Ачикулак); 8—21 — каменные орудия из разных пунктов северных районов Западного Прикаспия

бронзовое зеркало (рис. 8, 7), кувшин и миска, и по обряду и по вещам характеризует культуру ранних сарматов последних веков до нашей эры. Такие зеркала и посуда известны, например, из Усть-Лабинского могиль-

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования..., стр. 86.

² Б. Н. Г р а к о в. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

ника на Кубани (погребение № 14) ¹. Подобная же керамика и обломки ручек (рис. 1, 6, 10) были собраны нашей экспедицией из развеечных погребений в районе с. Бажиган и в других местах. К этому же времени относится и погребение в кургане № 6/12 с колесовидными псалями железных удил (рис. 8, 4) ² и набором различных бус (рис. 4, 1, 5, 6, 9, 10).

Большое значение для истории всего Северного Кавказа последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры имеют отмеченные нами случаи положения погребенных в больших подкурганых почти квадратных могилах — по диагонали могильной ямы. Это — новый тип погребального обряда, впервые зарегистрированный на Кавказе, если не считать одного единственного случая под г. Армавиром, известного еще с дореволюционных лет ³. Так называемые «диагональные» погребения обычны для основных районов распространения сарматской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья последних веков до нашей эры. К. Ф. Смирновым было высказано предположение, что диагональные погребения особенно типичны якобы для племенной группы роксолан ⁴. Насколько известно, в настоящее время наши сарматоведы склонны в подобных погребениях видеть доказательство захоронения представителей и роксоланских и сиракских племен. Первая фиксация этого погребального обряда (в курганах №№ 2 и 6) на территории б. Грозненской области, при учете других данных, свидетельствует о направлении путей расселения сарматских племен из районов Нижнего Поволжья вплоть до Кубани не только через Маныч и Приазовские степи, как думали раньше, но и по Терско-Кумской равнине. Регистрация на Северо-Восточном Кавказе явно савроматских культурных элементов и обнаружение так называемых «диагональных» погребений — один из важных результатов экспедиции 1955 г.

Наиболее поздним оказалось погребение с длинной железной саблей (рис. 6, 2), костяными накладками для лука (рис. 6, 1, 4) и железными черешковыми стрелами XI—XII вв. в могиле № 7 Большого Ачикулакского кургана. По всей вероятности, в этой могиле был похоронен молодой половчанин, судя по инвентарю и восточной ориентировке.

При исследовании могил нами брались образцы погребенных почв, которые, будучи обработаны в лабораторных условиях Института географии АН СССР методом споро-пыльцевого анализа, дали материал для воссоздания общей картины растительного покрова здешних мест в различные эпохи ⁵.

По окончании стационарных работ в с. Ачикулак экспедиция произвела разведки в окрестностях лесных дач №№ 2 и 3 Ачикулакского района, в районе с. Махмут-Мектеб, Каясулинского района, в районе сс. Терекли-Мектеб и Бажигана (ферма № 2), Караногайского района, б. Грозненской области. Были обследованы развеечные или слабо задернованные барханные пески, среди которых в котловинах выдувания на древнем дневном горизонте был обнаружен разновременный и интереснейший археологический материал. Собранные предметы являются остатками могильного инвентаря и быта из развеечных курганов и некогда существовавших здесь древних поселений различных исторических периодов. Особого внимания заслуживают находки в виде скоплений миниатюрных каменных орудий: сегментовидные и трапециевидные вкладыши из кремня и обсидиана для составных ножей и дротиков, резцы, нуклеусы и многочисленные отщепы (рис. 9, 1—13, 17, 19). Они характеризуют наиболее древний этап местной истории — эпоху неолита, впервые выявленную нами в Северо-Западном Прикаспии.

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, вып. № 23, 1951, стр. 185, рис. 13, 1.

² Там же, стр. 183, рис. 12, 9.

³ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 87—88.

⁴ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213.

⁵ Эта работа была выполнена под руководством кандидата географических наук Р. В. Федоровой.

Рис. 10. Подъемный материал из степных районов Предкавказья

1, 2 — каменные орудия (Ачикулак); 3—5 — то же (Бажиган); 6, 8 — наконечники стрел из кремня (Бажиган); 9, 11 — кремневые наконечники стрел (Махмуд-Мектеб); 7, 10 — то же (Ачикулак); 12—14 — каменные литейные формы для украшений с гордища Маджары (находки В. Я. Сербиненко)

Здесь же собраны: прекрасно выделанные кремневые наконечники стрел и дротиков, медные ножи (рис. 8, 5), проколки, резцы, ножи (рис. 9, 14—21; рис. 10, 1—11), каменные топоры (рис. 8, 1) и обломки посуды. Они доказывают культурную общность этих районов в переходную пору от камня к металлу (энеолит) и в эпоху бронзы как с более северными, так и западными районами, вплоть до Подонья, Приазовья и Прикубанья (III—II тысячелетия до н. э.). На это указывают кремневые асимметричные наконечники стрел с опущенным шипом майкопско-костромского типа (рис. 10, 11), различные ножи, дротики (рис. 6, 6, 7), типы стрел и керамика катакомбной и даже срубной культуры.

Множество предметов скифо-сарматской культуры, особенно наконечники стрел всех типов (рис. 7, 14, 15), керамические изделия и другие находки последующих периодов (рис. 7, 1, 13) вплоть до эпохи существования Золотой Орды характеризовали быт и культуру местного населения (рис. 7, 4; рис. 8, 6) и его взаимосвязи сначала со скифо-савроматскими, а позднее с сарматскими и кочевническими — уже тюркскими — племенами, некогда обитавшими в районах Нижнего Поволжья, Подонья и Украины.

Для истории края большое принципиальное значение имеет тот факт, что нами впервые было подтверждено тождество лучших образцов из подъемного материала с посудой и вещами из вскрытых раскопками подкурганых погребений. Это обстоятельство создает прочную научную базу для более обоснованных выводов об историческом прошлом края, которой мы не имели раньше.

Экспедиция в процессе своей работы установила на территории строительной площадки близ с. Камыш-Бурун грунтового могильника эпохи позднего средневековья. Экспедиция приобрела у местного жителя золотую серьгу и каменное пряслице для веретена из этого нового, ранее неизвестного, могильника.

Экспедиция совершила также поездку в Буденновский район Ставропольского края для осмотра остатков большого средневекового города Маджары. Экспедиция собрала на городище интересный подъемный материал в виде фрагментов различной поливной и неполивной керамики, литейных форм для отливки украшений (рис. 8, 2, 3 и рис. 10, 12—14) и серебряных и медных монет, чеканенных от имени Джучидов в улусах Золотой Орды. Современное состояние городища Маджары представляет крайне безотрадную картину. Оно частично распахивается под огороды, частью занято виноградниками. Вся его поверхность покрыта обломками кирпичика, керамики, костями животных и отдельными вещами. Никаких сооружений на нем уже нет. Изредка выделяются остатки кирпичных зданий в виде небольших всхолмлений, усеянных битым кирпичом. Керамика указывает на связи с Ираном и Крымом в XIII—XIV вв. Монеты чеканились в Маджарах, Сарае на Волге, в Гюлистане и в Хорезме. Время чеканки монет — с 1281 по 1361 г. Среди монет одна оказалась поздневизантийской¹.

На обратном пути в Грозный в Кизлярском районе экспедиция осмотрела городище «Трехстенный городок» и зафиксировала современное состояние этого замечательного источника для изучения русско-кавказских связей XVI—XVIII вв.²

Основные выводы, к которым пришла экспедиция, заключаются в следующем. Обилие добытого в степных, ныне полупустынных районах материала, распределяющегося во времени от неолита до позднего средневековья, доказывает большую плотность древнего населения и непрерывающуюся полнокровную жизнь человеческих коллективов. Нами уже было ранее высказано предположение о том, что заметное изменение ландшафта в Северо-Западном Прикаспии произошло лишь в средневековый период, в результате интенсивного развеивания восточными ветрами песков, в свою очередь вызванного нарушением растительного покрова, неумеренным выпасом многочисленных стад мелкого рогатого скота кочевым и полукочевым населением этих мест в эпоху позднего средневековья³. Сказывалось, конечно, и влияние периодических каспийских трансгрессий — затопление районов водами Каспия. Это наше заключение было

¹ Определение монет произведено научным сотрудником Музея истории Азербайджана А. В. Рагимовым и научным сотрудником Гос. Исторического музея С. А. Яниной, которым выражаю искреннюю благодарность.

² Е. И. Крупнов. Городище «Трехстенный городок». СЭ, 1935, № 2, стр. 124—133.

³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области, стр. 72; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 105.

поддержано геоморфологами и ботаниками¹. Палеоботаническими исследованиями древних датированных почв из прошлых наших раскопок, произведенными в Институте географии АН СССР в Москве (Р. В. Федоровой), было установлено, что в древности в окрестностях с. Ачикулак и в других пунктах широко произрастали липа, сосна и другие виды флоры². Следовательно, в древности и, особенно, в начале субатлантического периода, характеризующегося общим увлажнением климата, природные условия края были более благоприятные вплоть до средневекового периода, когда нерациональное ведение скотоводческого хозяйства явилось важной причиной для исчезновения растительности и ухода населения из этих ныне полупустынных районов Северо-Западного Прикаспия. Таков главный вывод, сделанный на основании изучения археологических материалов из степных районов области.

Изучение открытых экспедицией могильных комплексов, характерных для ямной, катакомбной, срубной и других культур эпохи бронзы, создает серьезную предпосылку для уточнения южных границ распространения этих культур, хорошо изученных в южнорусских степях и до последнего времени не связываемых с Кавказом.

Регистрация савроматских и сарматских (диагональных) погребений на Северном Кавказе, при учете других фактов, неопровержимо доказывает раннее проникновение на Северный Кавказ ираноязычного населения нашего степного юга.

Утверждение буржуазных ученых об исконной изолированности и вековой культурной отсталости народов Кавказа убедительно опровергается впервые открытыми здесь памятниками, доказывающими высокий уровень культуры местных племен эпохи неолита и их оживленные связи с окружающим миром.

Добытый экспедицией материал еще раз документально подтверждает давно высказанное выдающимся русским археологом В. А. Городцовым положение о том, что население Кавказа (в том числе и Северо-Восточного Кавказа.— *Е. К.*), занимая такое важное географическое положение на Кавказском перешейке, в своем развитии не могло не следовать общему курсу развития древних культурных центров³. В свете новых археологических данных становится совершенно очевидным, что население Кавказа создавало свою самобытную культуру не в изоляции от очагов древнего культурного мира, а в живой органической связи и в общении с ними, перенимая и творчески развивая основные культурные и технические достижения племен и народов как Древнего Востока, так и Юго-Восточной Европы — основных районов нашей отечественной истории.

Публикация материалов и первая попытка их систематизации являются лишь начальным этапом изучения древнейшей и раннесредневековой истории Северо-Восточного Предкавказья.

¹ В. В. Рыжиков. К вопросу о генезисе и морфологии песков Кумо-Каспийской низменности. Известия Грозн. обл. Института и Музея, вып. 2—3. Грозный, 1950, стр. 11—12.

² Р. В. Федорова. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. Изв. Грозненского обл. краеведческого музея, вып. 5. Грозный, 1953, стр. 154—161.

³ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 315.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СЕМИБРАТНИХ КУРГАНОВ

Семибратние курганы расположены в глубине Таманского полуострова в низовьях Кубани. Они образуют две группы. В первую входят семь малых курганов, находящихся сразу же за западным рвом Семибратнего городища; ко второй группе относятся семь больших курганов, расположенных в 3 км к западу от городища. Раскопки курганов в обеих группах вел В. Г. Тизенгаузен в 1875, 1876 и в 1878 гг. Отчеты его неполны, неточны и слишком кратки, особенно по Малым Семибратним курганам, где автор дает лишь общую характеристику всей группы. В архиве сохранились планы только Больших Семибратних курганов¹, данные которых иногда расходятся с данными отчетов. Так, например, гробница в кургане № 3 в отчете значится каменной, а в легенде к плану — сырцовой. Планов Малых Семибратних курганов в архиве нет.

Семибратние курганы расположены цепью (рис. 1); среди них своими размерами выделяется курган № 2 высотой около 8,5 сажений (18 м); курган № 1 высотой около 7 сажений (15 м); курган № 4 имеет высоту около 6 сажений (13 м); № 6 — около 5¹/₃ сажений (11,4 м) и остальные — от 4 до 3 сажений².

Раскопки Семибратних курганов дали такой обильный и разнообразный по своему содержанию инвентарь, что каждая группа памятников заслуживает специального исследования. В нашей статье дается лишь краткий обзор материалов с более детальным анализом тех групп инвентаря, которые представляют возможность более точной датировки памятников, а также выявляют в них элементы специфики синдской культуры. Последнее дается в основном по погребальным сооружениям и по предметам украшения конской сбруи. Кроме того, мы пытаемся также выявить особенности погребального обряда, прослеженные в данной группе памятников.

По вопросу о датировке Семибратних курганов в археологической литературе существуют большие разногласия. Большинство исследователей датировали погребения по отдельным, наиболее выдающимся памятникам ювелирного искусства, не принимая во внимание весь погребальный комплекс того или иного кургана в целом.

Самую позднюю дату для Семибратних курганов и для всего этого круга памятников Северного Причерноморья (Чертомлык, Нимфей, Куль-Оба и др.) устанавливают И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, относя их к IV—II вв. до н. э.³ Наиболее детальный и тщательный анализ вещей (в основном памятников ювелирного искусства) сделал Л. Стефани. На основании большого количества аналогий он счел возможным курганы №№ 2 и 4 большой Семибратней группы отнести к первой половине

¹ Планы Семибратних курганов находятся в архиве ЛОИИМКа и публикуются впервые.

² Измерения в сажнях приводятся по данным отчета.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1. СПб., 1889, стр. 114.

Рис. 1. Семибратние курганы (общий вид)

V в. до н. э., а курганы №№ 3 и 6 — к IV в. до н. э.¹ Он брал материал лишь неграбленных курганов, а остальные (№№ 1, 5, 7 и М. Семибратние), к сожалению, не пытался датировать. Э. Миннз² в своих датировках в основном повторяет Л. Стефани. М. И. Ростовцев несколько занижает даты курганов: старшую группу (курганы №№ 2,4) он датирует рубежом V—IV вв. или даже началом IV в. до н. э., младшую (курган № 6) — второй половиной IV в. до н. э.³

Г. Боровка⁴ на основании анализа памятников звериного стиля всего Северного Причерноморья ряд подобных вещей из Семибратних курганов относит к первой половине V в. до н. э. (из курганов №№ 2 и 4). Эти предметы он датирует часто лишь на основании стилистического анализа, не учитывая сопутствующих им памятников.

К. Шефольд⁵, анализируя отдельные вещи, в основном серебряную и золотую посуду, делает попытку датировать некоторые курганы с точностью до десятилетия; так, курган № 2 он датирует примерно 440 г. до н. э., № 4 — примерно 470 г. до н. э., № 6 — примерно 420 г. до н. э., а № 3 — началом IV в. до н. э.

Самой последней работой по Семибратним курганам является диссертация К. С. Горбуновой⁶, посвященная исследованию серебряных киликов, но она лишь уточняет дату киликов, а не курганов в целом, поэтому ничего нового к этому вопросу не прибавляет.

Таким образом, большинство исследователей (кроме И. И. Толстого и Н. П. Кондакова) делят Семибратние курганы на старшие (более древние) и младшие (более поздние). При этом Л. Стефани, Э. Миннз и Г. Боровка старшие (курганы №№ 2 и 4) датируют первой половиной V в. до н. э., а младшие (курганы №№ 3 и 6) — IV в. до н. э.

Об устройстве Семибратних курганов известно очень мало. Так, из легенды к плану мы узнаем, что в кургане № 5 были отмечены в насыпи камышевые прослойки (рис. 2, А). Подобные камышевые прослойки встречаются часто в скифских курганах Приднепровья, например в Мелитопольском кургане⁷; о кургане № 7 известно, что внутри насыпи, вокруг

¹ Л. Стефани. Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в России в 1875 г. ОАК за 1876 г. СПб., 1879, стр. 117 и сл.; его же. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в Южной России. ОАК за 1877 г. СПб., 1880, стр. 7, 15.

² E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 206 и сл.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 358; его же. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, стр. 319.

⁴ G. Borovka. Scythian Art. London, 1928.

⁵ K. Schefold. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, т. XII. Helsinki, 1938, стр. 14.

⁶ Рукопись диссертации К. С. Горбуновой хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

⁷ А. И. Тереножкин. Скифский курган в Мелитополе. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 30.

центрального погребения была сложена ограда из каменных плит (шириной немного больше 1 м, высотой более 1,4 м); на плане видно, что этот курган досыпался вторично с западной стороны (рис. 3).

Впускные могилы открыты только в двух курганах: в кургане № 1 было одно погребение в западной поле (рис. 4, А) и в кургане № 7 были два погребения — одно в южной, другое в западной поле (рис. 3). К сожалению, все эти могилы оказались разграбленными, и судить об их дате нет оснований.

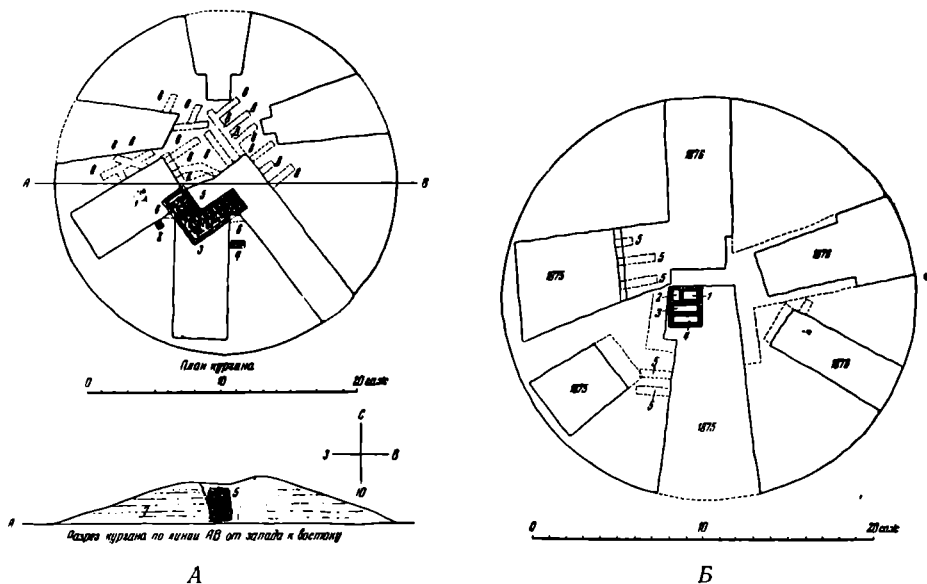

Рис. 2. А. План кургана № 5

1—обломки керамики (кувшины, патеры, целая чернолаковая солонка); 2—жженный точек; 3—конская гробница, огражденная стеною из сырцового кирпича; 4—конская гробница без ограды; 5 — каменный завал и завалившийся грабительский раскоп (см. разрез кургана); 6 — уступы в раскопах; 7 — слой камышевой подстилки; 8 — минная галерея

Б. План кургана № 6

1 — каменная гробница с деревянным саркофагом; 2—3 — отделение с сосудами; 4 — конское захоронение; 5 — минная галерея

Наиболее характерным типом погребальных сооружений для обеих групп курганов являются сырцовые гробницы с деревянным перекрытием и отгороженным помещением для захоронения коней в южной стороне.

Из семи основных (центральных) гробниц Больших Семибратних курганов пять сделаны из сырцового кирпича и сверху перекрыты деревянными брусьями (курганы №№ 2, 4, 5, 6, 7)¹ (рис. 2, 3, 4, 5). Деревянными брусьями перекрыта и каменная гробница кургана № 1². В Малых Семибратних курганах, судя по отчету, все центральные гробницы были также сооружены из сырцового кирпича и сверху перекрыты деревянными брусьями, а с южной стороны имели отделения для конских захоронений³.

По конструкции можно выделить два типа сырцовых гробниц. Первый тип — гробницы больших размеров (в кургане № 5) (рис. 2, А) — длиной около 10 м, шириной около 8 м; в кургане № 2 (рис. 4, Б) — длиной около 8 м, шириной до 6 м, сложенные из сырцового кирпича. В них одна четверть пространства гробницы в северо-восточном углу была отгорожена под погребение человека, остальная часть занята захоронениями

¹ ОАК за 1875 г., СПб., 1878, стр. VI и сл.

² ОАК за 1875 г., стр. IV; ОАК за 1876 г., стр. IV.

³ ОАК за 1878—1879 гг. СПб., 1881, стр. VII и сл.

лошадей. Эти загородки встречены в гробницах курганов №№ 2 и 5 и, судя по отчету, во всех Малых Семибратних курганах. Погребальные сооружения подобной конструкции встречались и на Таманском полуострове, например в курганном некрополе Фанагории, где в 1852 г. К. Р. Бегичевым в кургане № 2 была открыта гробница из сырцового кирпича,

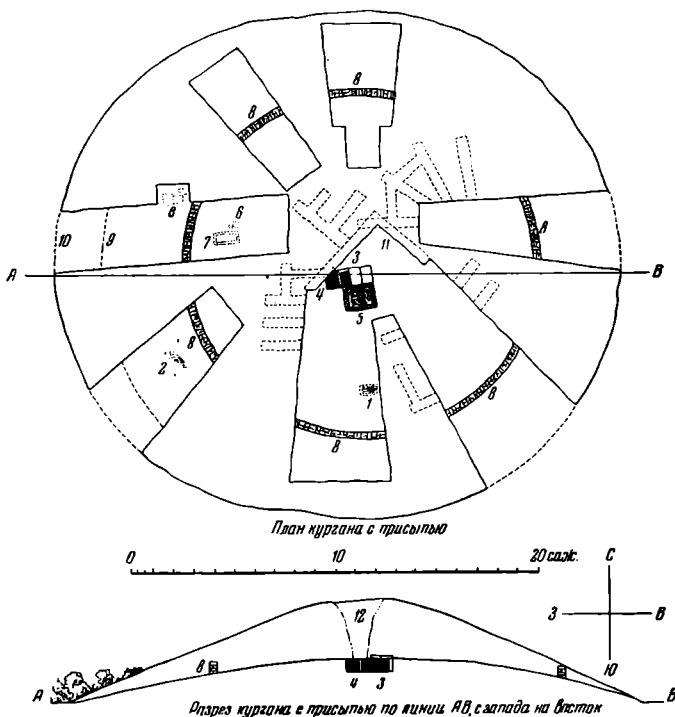

Рис. 3. План кургана № 7

1 — гробница из сырцового кирпича в насыпи; 2 — черепки расписной вазы; 3 — разоренная каменная гробница; 4 — особое отделение, сделанное из сырцового кирпича; 5 — конская гробница (стены из сырцового кирпича, крыша бревенчатая); 6 — штучные камни, очевидно, оставшиеся от разоренной гробницы, устроенной в насыпи; 7 — разоренная каменная гробница, устроенная в насыпи (в ней найдена золотая бляшка); 8 — ограждающая стена из штучного камня; 9 — линия кургана; 10 — линия присыпки; 11 — уступы; 12 — следы грабительского раскопа

перекрытая деревянными брусьями. В ней находилось 11 конских костяков, захороненных вместе с уздой¹. Гробницы такого типа сооружались обычно на материке.

Гробницы второго типа были перегородены на несколько отделений: для погребения человека (отделение иногда внутри выложено каменными плитами, например, в кургане № 6), для погребального инвентаря, для вооружения и для конских захоронений (курган № 6, длина гробницы 5 м, ширина около 4 м). Общим с первым типом остается расположение отделения для коней в южной стороне. Подобная конструкция гробниц встречена в курганах №№ 6 и 7 (рис. 2, Б, 3), где так же, как и во всех остальных сырцовых гробницах, имелось деревянное перекрытие. В отличие от первого типа гробниц, построенных на материке, здесь гробницы сооружались в яме².

¹ К. Гё р ц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. М., 1876, стр. 61 и сл.

² То же самое можно видеть в устройстве каменных склепов Северного Причерноморья. Так, например, склеп Царского кургана (около Керчи), один из ранних склепов этой группы, построен на материке, а склепы Тарасовской группы курганов (около

Второй тип по конструкции более сложен и, судя по инвентарю, более поздний. Если первый тип относится к V в. до н. э., то второй — к IV в. до н. э. Мы видим, что Семибратние курганы дают возможность проследить последовательность развития погребальных сооружений от простых гробниц V в. к более сложным — IV в. до н. э. Пока трудно решить вопрос происхождения подобных гробниц, так как у нас нет для этого достаточного материала. Обращает на себя внимание отсутствие сырцовых гробниц как в Прикубанье, так и в Приднепровье. В Северном Причерноморье

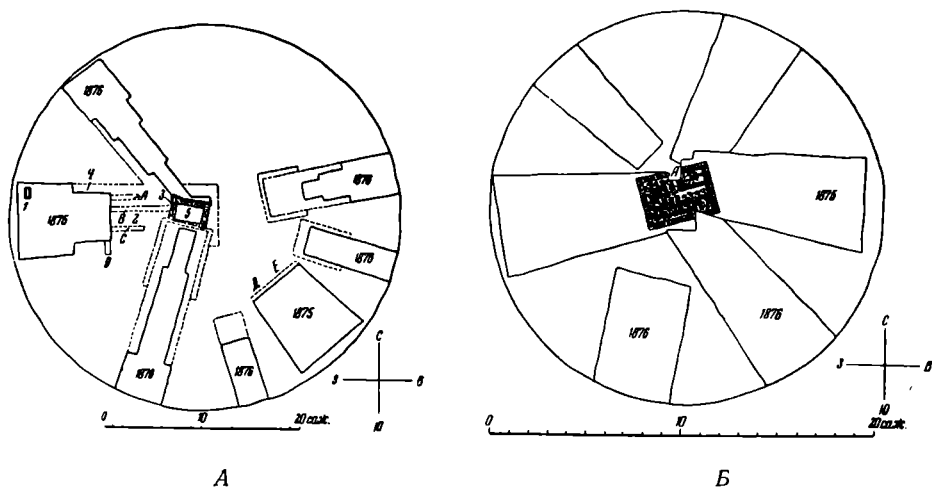

Рис. 4. А. План кургана № 1

1 — разоренная гробница, в которой найдены два золотых витых кольца и несколько бус из стеклянной массы; 2 — уступы в раскопе; 3 — угол каменного склепа; 4 — бревна в насыпи А — С — мипная галерея; 5 — разоренная гробница

Б. План кургана № 2. Гробница из сырцового кирпича

А — грабительский раскоп

они встречаются в большом количестве в основном на Таманском полуострове. Так, еще К. К. Гёрц, подводя итоги археологических открытий на Таманском полуострове за первую половину XIX в., писал: «Особенно часты были находки земляных гробниц, которых стены были сложены из нежженного кирпича, а крыша состояла из толстых деревянных брусев»¹; и действительно, сырцовые гробницы встречаются в курганах и в районе Тузлы², и в окрестностях Анапы³. Это дает возможность предполагать, что погребения в сырцовых гробницах характерны для Таманского полуострова, т. е. являются одной из особенностей синдского погребального обряда. При решении вопроса о происхождении сырцовых гробниц нельзя забывать, что в период, предшествующий греческой колонизации, в странах Средиземноморья «земляной кирпич» широко применялся при сооружении храмов и жилищ, так же как и при строительстве гробниц⁴.

Во многих гробницах Семибратних курганов, судя по описаниям, встречались каменные или сырцовые помосты, сооруженные из того же материала, из которого построены гробницы (курганы №№ 1, 2, 4). Как устроены помосты, нам неизвестно, известно лишь то, что на них обычно помещали или умершего (курган № 2), или коней (курган № 4).

Анапы) и другие из более поздних — заглублены в материк. См. А. Н. Карасев. Архитектура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», 1955, М.—Л., стр. 204 и сл.

¹ К. Гёрц. Ук. соч., стр. 60.

² ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. СIII.

³ ОАК за 1875 г., стр. XV и сл.; ОАК за 1878—1879 гг., стр. XII и сл.; ОАК за 1880 г. СПб., 1882, стр. XII, ОАК за 1881 г. СПб., 1883, стр. IV и сл.

⁴ Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. I. М., 1949, стр. 7 и сл.

В курганах №№ 3 и 4 (рис. 5) гробницы для человека и коней находились на незначительном расстоянии друг от друга. В кургане № 4 обе гробницы были сделаны из сырцового кирпича; в кургане № 3, судя по отчету¹, они были из камня, а по легенде плана (рис. 5) — из сырца. Судя по одновременности инвентаря конских и человеческих захоронений в этих курганах, можно предположить, что гробницы были связаны друг с другом, представляя единое захоронение воина с конями.

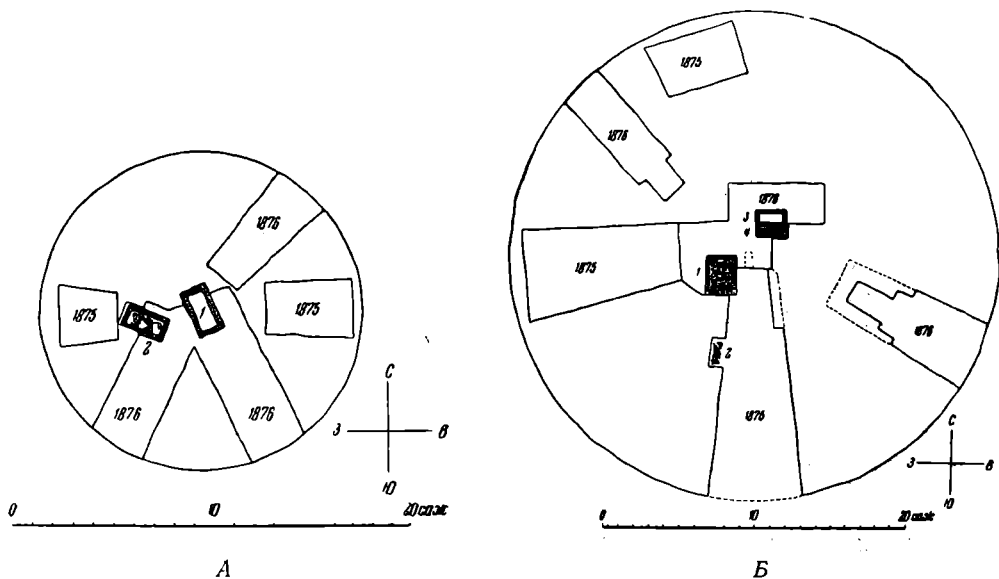

Рис. 5. А. План кургана № 3

1 — разоренная гробница из сырцового кирпича; 2 — конская гробница

Б. План кургана № 4

1 — конская гробница; 2 — конская гробница без вещей; 3 — разоренная гробница; 4 — особое отделение с уцелевшими вещами

Не всегда удавалось проследить положение погребенных, так как многие гробницы были разграблены, а костяки потревожены. Расположение погребальных сооружений (в основном широтное) показывает, что большинство погребенных лежало головой на восток с небольшим отклонением к северу или югу. Имеются сведения о положении погребенных лишь в курганах №№ 2 и 6 и во впускной могиле кургана № 7, где костяки лежали головой на восток.

Во всех курганах в гробницах лежало по несколько лошадей (курган № 1 — две лошади; № 2 — тринадцать; № 3 — пять, № 4 — четыре, № 5 — двенадцать; № 6 — семь и № 7 — четыре лошади). Как правило, при них находится богатый конский убор.

Остатки тризны встречены лишь в юго-западной поле кургана № 5 в виде костра возле центральной гробницы.

Погребальный инвентарь Семибратних курганов представлен глиняной, золотой, серебряной и бронзовой посудой, золотыми и серебряными украшениями, предметами вооружения и бронзовыми и железными украшениями конской узды. По отчетам известно, как расположен инвентарь в трех гробницах (курганы №№ 2, 4, 6): он находился в изголовье погребенного. В гробницах имелись специальные отделения (курганы №№ 4, 6, 7), куда был сложен этот инвентарь.

Посуда представлена краснофигурными и чернолаковыми сосудами, привезенными из Аттики, и простыми сосудами, изготовленными, скорее всего, в Северном Причерноморье. Из них выделяются две группы. В первую входят наиболее ранние сосуды из кургана № 4 (чернолаковые чаши,

¹ ОАК за 1876 г., стр. V.

имеющие четкий профиль и покрытые блестящим густым лаком с оливковым оттенком, относящиеся к середине V в. до н. э.)¹. Ко второй относятся краснофигурные и чернолаковые арибаллические лекифы (курган № 7), бытовавшие в конце V—IV вв. до н. э.²; краснофигурный аск с изображением льва и зайца³; краснофигурная пелика (курган № 6) и чернолаковые чаши с округлым профилем, распространенные в конце V—IV вв. до н. э.

К простой керамике относятся главным образом амфоры, но сведениями о них мы не располагаем, потому что обычно они оставались исследователями на месте раскопок. Амфорная ручка с фасосским клеймом из кургана № 3 является одной из датирующих находок данного кургана (IV в. до н. э.)⁴. Из других форм сосудов мы отметим ойнохою⁵, довольно грубо сформованную из оранжеватой глины с белыми включениями. Она найдена в насыпи кургана № 2 и, возможно, была изготовлена на месте, может быть, в Семибратнем городище. В кургане № 4 найдена большая глиняная чаша (диаметром около 0,36 м), напоминающая лутерий⁶, но без слива; в кургане № 6 — двуручный сосуд типа боспорских кастрюль с крышкой и со сливом, закрытым ситечком⁷.

Посуда из золота, серебра и бронзы представлена ритонами (наибольшее количество), чашами, киликами, ойнохоями, являющимися прекрасными образцами искусства греческих мастеров⁸. Исключение составляет серебряный ритон с передней частью фигуры крылатого козла на конце (козерога); характер его изображения, как определил М. И. Ростовцев, напоминает произведения искусства хеттов и Каппадокии⁹.

В неразграбленных погребениях (курганы №№ 2, 3, 4, 6, 7) находилось большое количество золотых украшений, главным образом в виде тисненых блях; в некоторых могилах их было до 300 (курган № 2). Они довольно однотипны, на них изображались: голова Медузы, фигура сфинкса, голова Афины в шлеме с львиной маской сзади, голова быка, голова Силен и коленопреклоненный юноша. Бляхи с каждым сюжетом встречались в нескольких экземплярах. Среди них, как это было замечено еще Л. Стефани, явно выделяются две группы — более ранняя и более поздняя. Ранняя группа этих бляшек встречена в кургане № 2¹⁰ и отличается архаичностью форм, восходящих к предшествующей эпохе; при этом прототипом некоторых могут быть бляшки VII—VI вв. до н. э. из различных центров греческой метрополии¹¹. Некоторые бляшки, подобные происходящим из кургана № 2, встречаются в Нимфейской¹², Керченской (Куль-Оба)¹³ группах курганов, и даже в Приднепровье¹⁴. В основном сюжеты этих бляшек навеяны греческим искусством, но, скорее всего, они изготовлены в одном из центров Северного Причерноморья и, возможно, как думал М. И. Ростовцев, в Пантикапее¹⁵.

Вторая группа золотых бляшек из Семибратних курганов встречена в курганах №№ 6 и 7. На них также имеются изображения головы Меду-

¹ Hesperia. XXII, № 2, 1953, стр. 82, рис. 3, 68 и 202.

² Excavations at Olynthus, т. V, Baltimore, 1933, табл. 99, 155; табл. 116, 117.

³ Там же, табл. 114, 233—234.

⁴ Собр. Гос. Эрмитажа, СБр., III—15; V. Grase. Early thasian stamped amphora. AJA, т. 50, № 1, 1946, стр. 31.

⁵ Собр. Гос. Эрмитажа, СБр., II—77.

⁶ Собр. Гос. Эрмитажа, СБр., IV—32.

⁷ ОАК за 1876 г., стр. 131.

⁸ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 363.

⁹ ОАК за 1877 г., табл. I, 5; M. Rostovzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 53.

¹⁰ ОАК за 1876 г., табл. III, 1—25.

¹¹ F. Marshall. Catalogue of the Jewellery in the British Museum. London, 1911, табл. XXI, 1460; табл. XXII, 1463.

¹² ОАК за 1877 г., табл. III 10, 15, 19, 20, 23.

¹³ Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, табл. XX, 13.

¹⁴ Древности Геродотовой Скифии, вып. 2. СПб., 1872, табл. XXX, 24.

¹⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 362.

зы, но уже иначе трактованной. Если образ Медузы на бляшках кургана № 2 дан в виде чудовища с открытым ртом, высунутым языком и волосами в виде змей, то на бляшках из курганов №№ 6 и 7 изображено лицо красивой женщины, и только наличие двух змеиных хвостов на шее указывает на то, что это Медуза¹. Такое смягчение образа древнего чудовища характерно именно для искусства развитой классики IV в. до н. э., что очень убедительно доказано Л. Стефани². Таким образом, датирующим материалом в курганах, где нет керамики, могут быть и золотые украшения.

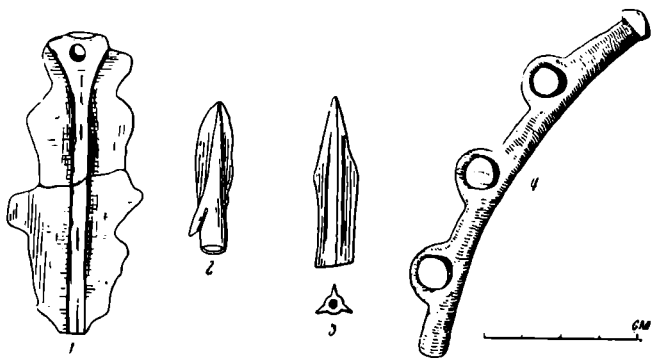

Рис. 6.

1 — обломки бронзового дротика из насыпи кургана № 1; 2—3 — бронзовые стрелы из насыпи того же кургана; 4 — железный псалий из Малых Семибратних курганов

Оружие встречено в основных погребениях пяти курганов³. Полный набор оружия, состоящий из меча, копья и стрел, найден в курганах №№ 2 и 6; в кургане № 3 были только меч и наконечники стрел; в курганах №№ 1—7 — только наконечники стрел. Все наконечники — бронзовые, за исключением найденных в курганах №№ 1 и 2, где имеются и костяные⁴. В четырех курганах были найдены остатки панцирей. В курганах №№ 2, 6 и 7 они из железных пластинок, а в кургане № 4 — из бронзовых.

Расположение оружия в могиле известно лишь по двум погребениям Семибратних курганов. В кургане № 2 железные меч и копья лежали по правую сторону погребенного, стрелы — и по правую, и по левую. В кургане № 6 все оружие, в том числе и меч, находилось по левую сторону костяка. Таким образом, характерное для этих мест положение меча с правой стороны⁵ мы встречаем лишь в кургане № 2, более раннем, чем курган № 6. Возможно, в IV в. до н. э. обычай положения оружия в определенном порядке уже нарушался.

Мечи, к сожалению, очень плохой сохранности, и сказать что-либо об их форме не представляется возможным. Железную рукоятку меча⁶, в виде головы грифона, обложенной золотыми и серебряными пластинами, из кургана № 3 Н. И. Сокольский⁷ определяет как рукоятку греческого меча определенного типа — махайры. Он же описывает еще одну рукоятку меча в форме птичьей головы, найденную около станицы Абинской, и считает ее также рукоятку махайры⁸. Это очень любопытный факт, свидетельствующий о проникновении далеко в Прикубанье не только греческой посуды и предметов роскоши, но и оружия.

¹ ОАК за 1876 г., табл. III, 28.

² ОАК за 1876 г., стр. 147 и сл. (объяснение к табл. III).

³ Курганы №№ 1, 2, 3, 6, 7. В кургане № 4 — только остатки панцирей.

⁴ ОАК за 1876 г., табл. II, 21.

⁵ Н. И. Сокольский и др. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 129.

⁶ Определение Л. Стефани. См. ОАК за 1877 г., стр. 7. Атлас, табл. 1.

⁷ Н. И. Сокольский и др. Ук. соч., стр. 132.

⁸ Там же, стр. 132; ОАК за 1877 г., стр. XXV.

Из наконечников стрел наиболее ранними являются два бронзовых, происходящих из насыпи кургана № 1 (рис. 6, 2, 3), один из них — двулопастный с шипом — близок по типу стрелам из Чигиринского кургана, которые, по классификации П. Рау, относятся к так называемому поздне-

Рис. 7.

1 — бронзовый псалий (курган №4 и Малые Семибратние курганы); 2 — бронзовая бляшка из кургана №4; 3, 4 — бронзовые бляшки с изображением оленя с пальметообразными рогами (курганы №№4, 5); 5 — бронзовая бляшка с изображением свернувшегося клубком зверя (курган №4); 6 — бронзовая пластинка в виде кабаньей головы (курган №4)

архаическому периоду (последняя треть VI в. до н. э. — первая треть V в. до н. э.)¹. Второй наконечник — трехгранной формы, из насыпи того же кургана — относится к тому же времени². Бронзовые и костяные стрелы из кургана № 2 датируются П. Рау позднеархаическим и раннеклассическим периодами (середина V в. до н. э.)³. Костяные наконечники из кур-

¹ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929. стр. 13, табл. IV, 2 g—h. Рау неправ, поместив нашу стрелу вместе с костяными и датировав ее первой половиной IV в. до н. э.

² Там же, табл. IV, 1 d.

³ Там же, табл. VI, 3.

гана № 1 относятся к IV в. до н. э.¹ Итак, в кургане № 1 мы имеем две группы стрел: 1) более ранние (архаические), найденные в насыпи, и 2) относящиеся к IV в. до н. э. из центральной гробницы. В последней были найдены обломки краснофигурной вазы роскошного стиля V—IV вв. до н. э., что является основой для датировки гробницы; а находки ранних стрел в насыпи кургана позволяют считать, что курган № 1 был сооружен на месте разрушенного погребения предшествующего времени.

Наибольший интерес в Семибратних курганах представляют украшения конской сбруи. Последняя встречена во всех курганах и представлена бронзовыми или железными псалями, железными удилами и трензелями, бронзовыми налобными пластинами, налобниками различных форм, ворворками от кистей, пряжками и т. д.; большинство из них выполнено в зверином стиле. Говоря о зверином стиле конского убора Семибратних курганов в частности и Прикубанья в целом, необходимо отметить, что развитие его происходит так же, как и во всем скифском мире: от более ясных и простых форм в сторону усиления стилизации, доходящей до полного распада форм. Но здесь, на Кубани, он в то же время испытывает сильное влияние греческого искусства, в результате чего вырабатывается его локальный вариант.

По формам и стилю эти украшения распределяются на две группы, хронологически следующие одна за другой и соответствующие общей датировке наших курганов.

Конские наборы из курганов №№ 2, 4 и 5 частично повторяются и в других районах Северного Причерноморья — в скифских курганах Крыма (Нимфей) и Приднепровья. Например, бронзовые псалии из круглого в сечении прута с загнутыми концами, подобные найденным в кургане № 4 и в одном из М. Семибратних курганов² (рис. 7, 1), встречались также в могилах Каневского уезда, Киевской губернии³. Бронзовая пластина в форме загнутого клюва и птичьего глаза из кургана № 4 (рис. 7, 2) аналогична найденной в Чигиринском кургане⁴, а бронзовая пластина в виде кабаньей головы из кургана № 4 (рис. 7, б) подобна найденной в кургане Нимфея⁵.

В описываемых нами курганах найден ряд бронзовых предметов с изображением различных зверей (чаще всего оленя), не встречающихся в других местах Северного Причерноморья. Это — бронзовые бляхи с рельеф-

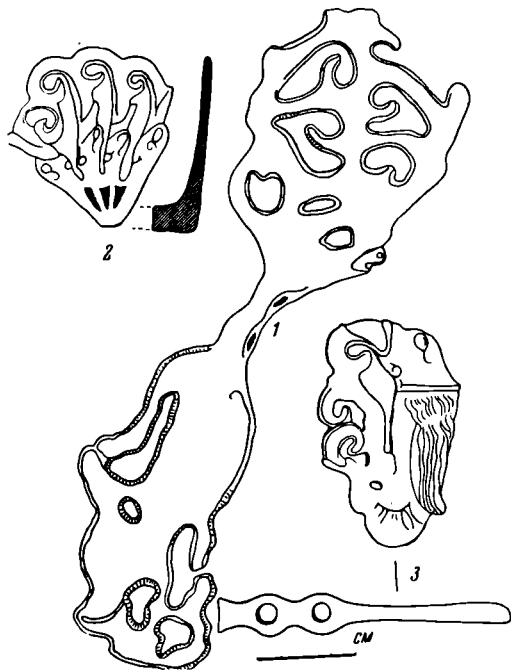

Рис. 8.

1 — бронзовый псалий из кургана № 3; 2 — бронзовый псалий с изображением нескольких стилизованных птичьих клювов из кургана № 3; 3 — бронзовый псалий с изображением клюва птицы из того же кургана

¹ Р. Рау. Ук. соч., табл. VIII, 1 с., 2.

² Собр. Гос. Эрмитажа, СБр, IV—57; МСБр—40.

³ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1898, табл. XIV, 279, 280.

⁴ Г. Воговка. Ук. соч., табл. 8, В, С.

⁵ Там же, табл. 17, Е.

ным изображением оленя с рогами в виде пальметт¹ (рис. 7, 3, 4) или круглые бляхи (рис. 7, 5)² в виде свернувшегося клубочком зверя (курган № 4). Все они изданы Г. Боровкой и датированы им первой половиной V в. до н. э.³ Таким образом, для раннего времени выделяется локальный вариант звериного стиля в украшениях конской узда, не встречаемый в других областях Северного Причерноморья. Украшения конского убора

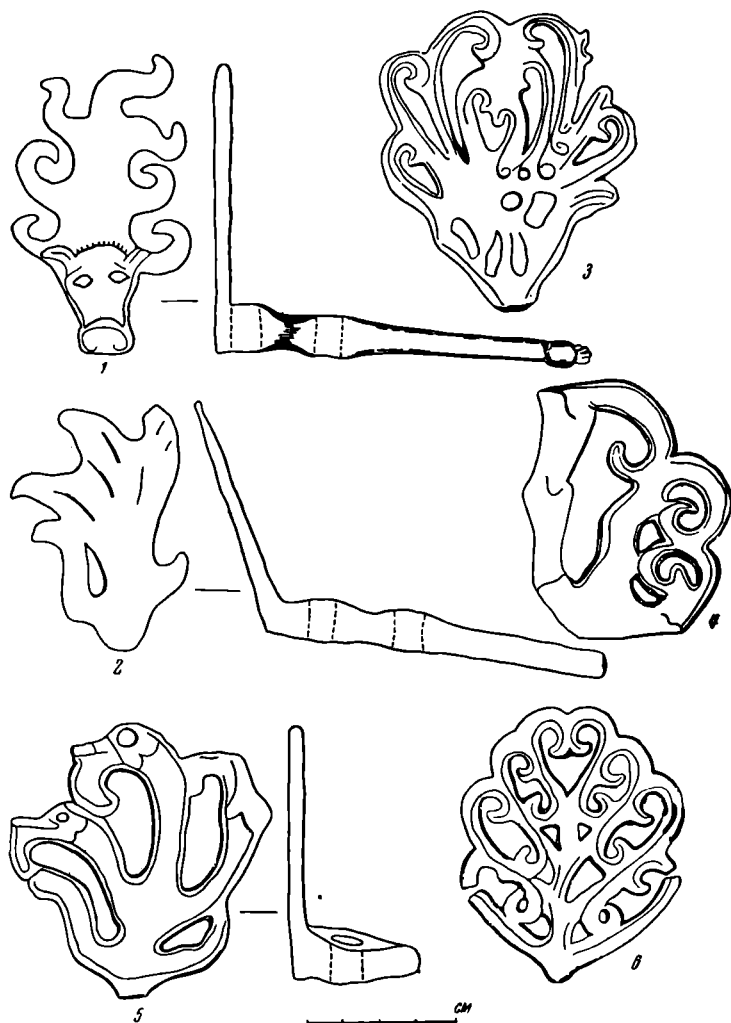

Рис. 9.

1 — бронзовый псалий с изображением головы животного с ветвистыми рогами из кургана около Тузлы; 2 — бронзовый псалий из того же кургана; 3—6 — обломки бронзовых псалиев с изображением стилизованных зверей на щитках из Елизаветинских курганов (раскопки Н. И. Веселовского в 1917г.)

из курганов №№ 2, 4 и 5 имеют общие элементы со всем скифским миром того времени, но в отдельных его деталях проявляются новые особенности, присущие только данной группе памятников. В связи с этим встает вопрос о месте изготовления тех украшений и псалиев, которые одновременно встречаются и в Приднепровье, и в Семибратних курганах. В таком коли-

¹ Собр. Гос. Эрмитажа, СБр. IV—38, 50, 51; СБр. V—I. Возможно, что здесь сказалось влияние эллинского искусства.

² Собр. Гос. Эрмитажа, СБр. IV—59.

³ Г. Воровка. Ук. соч., табл. 4, А, С; 6, 8, А; 14, А, Б; 17.

честве, как в Семибратней группе курганов, они нигде в Приднепровье не встречены, а поэтому можно предположить, что центр их производства был где-то в Синдике, откуда они, видоизменяясь во времени, распространились по Прикубанью и другим местам.

В конских уборах курганов №№ 3, 6 и 7 мы встречаем совершенно новые мотивы украшений, нашедшие свое дальнейшее развитие в уборах из курганов станицы Елизаветинской¹. Стилизация изображения зверей достигает высшего развития, доходя до ажурности, в которой почти уже не воспринимается изображаемый объект. Это особенно ярко выражено в бронзовых псалях кургана № 3 (рис. 8, 1)². Среди них имеются две пары больших псалий с плоскими концами, украшенными сильно стилизованным ажурным рисунком, который (частично из-за плохой сохранности поверхности) неразборчив. Подобные формы ни в одном из курганов Северного Причерноморья и Прикубанья не встречаются. В том же кургане имеется несколько пар псалий, где на ажурной пластине узор составлен из стилизованных птичьих клювов³ (рис. 8, 2, 3). Подобного вида псалии встречаются в погребении Тамани и Прикубанья не раньше IV в. до н. э. Они найдены в одном из курганов, раскопанном К. Р. Бегичевым на Тузле в 1852 г., и в Елизаветинской группе курганов, исследованных Н. И. Веселовским в 1917 г. (рис. 9)⁴.

Псалии из двух других Семибратних курганов этого времени (№№ 6 и 7) просты по своей форме и менее выразительны — это круглые в сечении стержни S-образной формы, украшенные с двух концов утолщениями в виде шляпок (рис. 10, 1, 2). По форме им близки псалии из курганов станицы Елизаветинской и кургана № 19 станицы Воронежской.

Таким образом, и для IV в. до н. э. выделяется совершенно особенная, локальная нигде, кроме Тамани и Прикубанья (Елизаветинские курганы), не повторяющаяся группа памятников — это бронзовые бляшки и псалии, украшенные ажурным рисунком в зверином стиле, центр производства которых следует искать где-то в Синдике.

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо остановиться на некоторых вопросах датировки. Отдельные как Большие, так и Малые Семибратние курганы были сооружены на месте, где, по-видимому, находились погребения более раннего времени (VI в. до н. э.), на это указывает ранний тип стрел из насыпи кургана № 1 и железные псалии с тремя отверстиями из насыпи одного из Малых Семибратних курганов (рис. 6, 2—4). Но у нас нет данных, чтобы решить, были ли это подкурган-

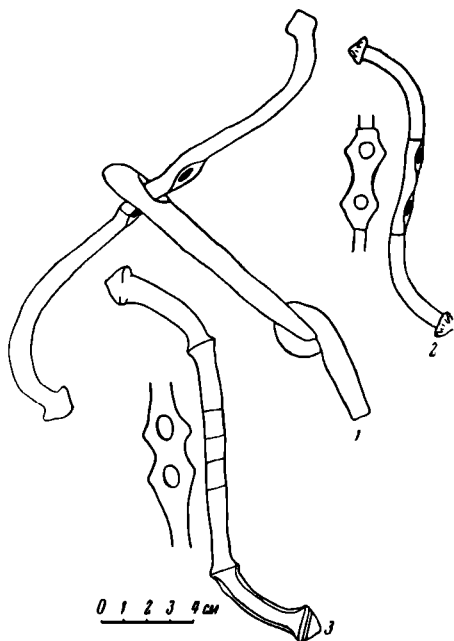

Рис. 10.

1 — железный псаля с частью удила (Семибратняя группа, курган № 1); 2 — бронзовый псаля из кургана № 7 (Семибратняя группа); 3 — бронзовый псаля из кургана № 19 станицы Воронежской

¹ ОАК за 1913—1915 г. Петроград, 1918, стр. 148 и сл. Раскопки 1917 г. не опубликованы; весь материал находится в Гос. Эрмитаже.

² Собр. Гос. Эрмитажа, СБр, III—24, 25.

³ Собр. Гос. Эрмитажа, СБр, III—21 и 20.

⁴ Из кургана Тузлы, раскопки К. Р. Бегичева 1852 г. Собр. Гос. Эрмитажа, Т—1852, 64, 65. Из Елизаветинских курганов (раскопки 1917 г.). Собр. Гос. Эрмитажа, КУ—1917, 1/145, 1/169, 1/172, 1/176.

ные захоронения или это был рядовой могильник, так как могилы были разрушены при сооружении кургана.

У нас мало оснований относить старшую группу курганов к первой половине V в. до н. э., как это делали многие исследователи, главным образом на основании анализа памятников ювелирного искусства. Чернолаковая керамика кургана № 4, как показали новейшие исследования в этой области¹, относится к середине V в. до н. э. Отдельные детали украшений конского убора из этого кургана близки убору из кургана № 2, который К. Шефольд², по серебряному килику с изображением Белероннта, относит к 440 г. до н. э. Набор золотых украшений и наконечников стрел из кургана № 2 не противоречит этой датировке, поэтому я считаю возможным курганы №№ 2 и 4 отнести ко второй половине V в. до н. э.

На основании полного сходства ряда предметов конского убора из кургана № 5 с убором из кургана № 4 (описанная выше бронзовая бляха с изображением оленя, ромбические плоские налобные бляхи и т. д.) курган № 5 можно также отнести к старшей группе и тоже датировать второй половиной V в. до н. э. Таким образом выясняется, что более ранними являются курганы №№ 2, 4 и 5, датирующиеся второй половиной V в. до н. э.

Найденные в центральной разграбленной гробнице кургана № 1 обломки краснофигурной вазы роскошного стиля и костяные наконечники стрел позволяют датировать этот курган IV в. до н. э.³ Ранние вещи — бронзовые наконечники стрел и кинжал эпохи бронзы (рис. 6, 1), найденные в насыпи кургана, — очевидно, происходят или из более раннего погребения, или из культурного слоя, потревоженного при сооружении кургана.

Керамика из курганов №№ 6 и 7 позволяет отнести их к IV в. до н. э. (скорее всего, ко второй или третьей четверти IV в. до н. э.). Арибаллический лекиф из кургана № 7, покрытый черным лаком с фиолетовым оттенком, характерен для этого времени, так же как и краснофигурный плоский аск из кургана № 6⁴. Не противоречат этому и другие предметы, например, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, украшенное по краям орнаментом в виде S-образных штрихов (курган № 7), аналогичное зеркалу, найденному в одной из могил у г. Керчи⁵ вместе с монетой IV в. до н. э. Некоторые типы золотых бляшек этого же кургана, встреченные и в кургане № 6 (с головой Медузы), а также и бронзовые псалии S-образной формы, позволяют оба кургана считать одновременными.

Можно предполагать, что погребальный инвентарь Малых Семибратних курганов в основном относится к V в. до н. э. (за исключением пары железных псалий с тремя отверстиями VI в. до н. э. и S-образных бронзовых псалий IV в. до н. э.).

В заключение можно отметить связь Семибратних курганов с определенным городищем. В 3 км к востоку от курганов, на левом берегу р. Кубани, расположено городище, некрополем которого принято считать Семибратние курганы⁶. Это подтверждается наличием рядом с городищем группы так называемых Малых Семибратних курганов, устройство гробниц которых, как утверждал В. Г. Тизенгаузен⁷, имеет сходство с рядом гробниц Больших Семибратних курганов.

¹ Hesperia, XXII, № 2, 1953.

² K. Schefold. Ук. соч., стр. 14.

³ В коллекции Гос. Эрмитажа к кургану № 1 приписаны несколько предметов конского убора раннего типа, которых нет в описи находок, хранящейся в архиве ЛОИИМКа. В данном случае считаю более правильным придерживаться описи.

⁴ Excavations at Olynthus, т V, табл. 114, 233.

⁵ Неопубликованный материал из раскопок С. И. Капошиной вблизи г. Керчи в 1953 г. (один из отрядов Боспорской экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича). Материал хранится в ЛОИИМКе.

⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 352; Н. В. Анфилов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 39.

⁷ ОАК за 1878 г., стр. VII и сл.

Раскопки этого городища¹ показали, что жизнь здесь возникла еще в конце VI в. до н. э. Об этом свидетельствует большое количество так называемой скифской лепной лощеной посуды. Примерно к началу V в. до н. э. относится строительство крепостных стен городища. К этому же времени относятся фундаменты домов и большое количество кусков глиняной обмазки со следами камыша и хвороста. Это показывает, что стены зданий делались из хвороста или камыша с глиняной обмазкой (так называемые турлучные постройки, широко распространенные и в настоящее время в Прикубанье). Как видно, глина в качестве строительного материала применялась здесь при сооружении и домов, и гробниц. Находки в виде типичных для античных городищ Северного Причерноморья V в. до н. э. обломков пухлогорлых амфор, чернолаковых и краснофигурных сосудов показывают, что уже в V в. до н. э. город был сильно эллинизирован. На рубеже V—IV вв. до н. э. город, в силу каких-то причин, был разгромлен, что прослеживается по разрушенным крепостным стенам и слою пожарища. В начале IV в. до н. э. крепостные стены городища были восстановлены, местами перестроены. Вторичный расцвет городища прослеживается в IV в. до н. э. В конце IV в. вновь происходит какая-то катастрофа, в результате чего город был опять разрушен, о чем свидетельствует мощный слой нового пожарища. Крепостные стены города отстраиваются заново лишь в середине III в. до н. э. Первое разрушение города, очевидно, было результатом борьбы меотских племен, отраженной Полиеном в его полулегендарном рассказе о Тиргатао²; второе совершилось за период борьбы сыновей Перисада I — Евмела, Сатира и Притана за престол³, когда Прикубанье оказалось театром военных действий.

Наши курганы ближе всего расположены к этому богатому городу Синдики. Судя по конструкции погребальных сооружений, богатству инвентаря и наличию конских захоронений, в них были погребены представители синдской знати.

Суммируя собранные нами данные, можно отметить, что рассматриваемые группы курганов отличаются от погребальных памятников других центров Северного Причерноморья. Для Семибратних курганов характерны сырцовые гробницы с двумя или несколькими отделениями, перекрытые сверху деревянными брусьями или бревнами. Такие гробницы распространены в основном на Таманском полуострове в низовьях Кубани. Мы считаем возможным предположить, что сырцовые гробницы подобного типа характерны для погребального обряда синдов — коренных жителей Таманского полуострова.

Украшения конской узды дали нам возможность выделить локальные варианты звериного стиля, до настоящего времени неизвестные в других центрах Северного Причерноморья.

Несмотря на греческое происхождение большинства предметов из погребений Семибратних курганов, обряд захоронения в подкурганной насыпи, пышные погребальные сооружения с богатым инвентарем и захоронения коней, скорее всего, являются чертами не греческими, но связаны с обычаями народов, населявших Северное Причерноморье⁴.

¹ Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 39 и сл.; его же. Новые данные к истории азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 258 и сл. Результаты раскопок 1939 г. позволили автору сделать вывод о возникновении города в V в. до н. э.; раскопки последующих лет дали возможность углубить дату возникновения города до конца VI в. до н. э.

² Полиен. Военные хитрости. SC, т. 1, СПб., 1893, стр. 567.

³ Диодор Сицилийский. SC, т. 1, 1893, стр. 474 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 73 и сл.

⁴ В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 168.

ПРАВОБЕРЕЖНОЕ МОКРО-ЧАЛТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДОНУ¹

В низовьях Дона, в окрестностях Недвиговского городища, расположено несколько городищ римского времени. Почти все они находятся на правом высоком берегу Дона и его рукава Мертвого Донца, обычно в устьях небольших речек или балок. Они тянутся довольно густой цепью от станицы Аксайской до Азовского моря. Цепь эта замкнута самыми крупными городищами с мощными оборонительными сооружениями — Недвиговским на западе и Кобяковским на востоке. Далее встречаются лишь поселения, от которых сохранились незначительные культурные остатки.

В феврале 1955 г. мною были обнаружены большие скопления керамики, глиняной обмазки, золы и других культурных остатков, разбросанных по вспаханной поверхности холма на правом берегу р. Мокрый Чалтырь, при ее впадении в р. Мертвый Донец, вблизи хутора Хапры Мясниковского района.

Первое упоминание о находках на правом берегу Мокрого Чалтыря имеется в отчете А. А. Миллера, обследовавшего его устье в 1923 г.² и собравшего на поверхности несколько обломков грубой лепной керамики. В 1927 г. работники Донского областного музея осмотрели это место и собрали несколько черепков римской эпохи. В 1950 г. Д. Б. Шелов обнаружил здесь всего три обломка амфорных стенок и на основании этого высказал предположение об отсутствии постоянного поселения в устье Мокрого Чалтыря³. Новый материал с поселения и осмотр его показал, что это не так. По-видимому, ошибка, допущенная этими экспедициями при осматре, произошла потому, что все они искали поселение непосредственно над поймой Мокрого Чалтыря, тогда как оно несколько отступает от береговых откосов реки.

Городище занимает южные, слегка покатые склоны возвышенности, обращенные к дельте Дона. Оно вытянуто вдоль Мертвого Донца с востока на запад. Судя по распространению культурных остатков на поверхности и в траншеях⁴, протяженность его в этом направлении около 600 м. Восточной границей его можно считать небольшую ложбину с оврагом, начиная с которой на поверхности встречаются россыпи и скопления культурных остатков; западной — ложбину, переходящую в южной части в глубокий овраг. Южная граница совпадает с береговыми откосами.

¹ Мы предлагаем называть описываемое городище «Правобережным» в отличие от другого городища на левом берегу р. Мокрый Чалтырь, открытого И. Б. Краснянским (см. И. Б. Краснянский. Розыски древних поселений Дона. Записки Ростовского в/Дону общества истории, древностей и природы, т. 2, Ростов-на-Дону, 1914, стр. 141—142).

² А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. Известия РАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 19.

³ Д. Б. Шелов. Отчет. Архив Ростовского областного музея краеведения.

⁴ Проследить надлежащим образом границы распространения культурного слоя, ввиду отсутствия береговых обнажений и сколько-нибудь ясно выраженной оборонительной системы, без заложения шурфов, зачисток оврагов и траншей не представляется возможным, тем более, что городище еще и распахивается. Поэтому определяемые границы поселения не могут быть приняты как неоспоримые.

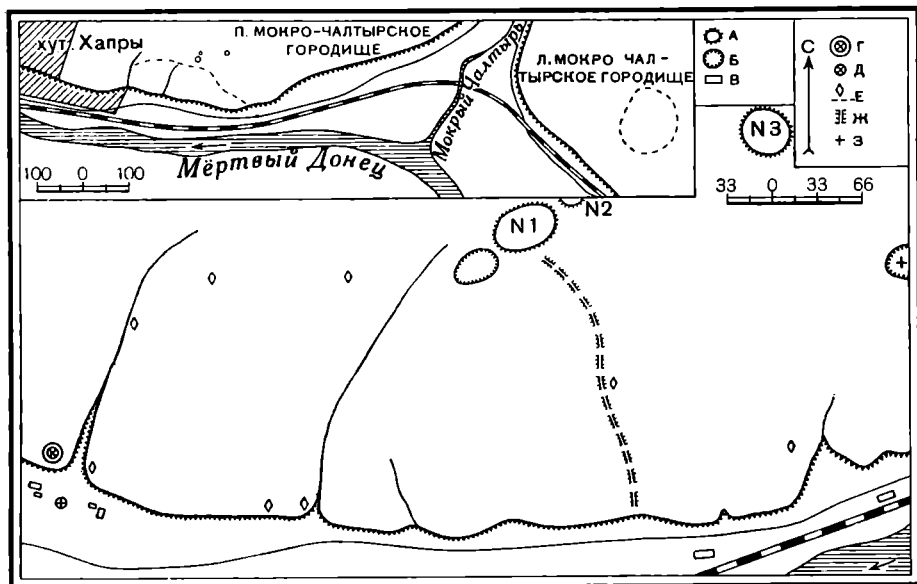

Рис. 1.

План Правобережного Мокро-Чалтырского городища:

А — курганы; Б — впадины; В — современные постройки; Д — место находок обломков амфор на мысе; Г — скопление обломков амфор; Е — границы распространения культурного слоя; Ж — остаток насыпи вала; З — место находок в песчаном карьере

В 130 м к западу от восточной границы едва заметна на глаз насыпь, (рис. 1, Ж), тянущаяся от берега к северу, в направлении к большому кургану № 1, с которым она и смыкается. Однако определенно сказать, что это остаток древнего оборонительного сооружения — вала, — еще нельзя, тем более, что на остальной части поселения он не улавливается. Возможно, что здесь оборонительные укрепления были выражены слабо и позднее могли совершенно исчезнуть при распашке.

Возможно, что ложбина, идущая вдоль вала, представляет собой заплывший распаханый ров, в южной части размытый дождевыми водами. Это напоминает планировку, присущую многим сарматским поселениям Дона и Кубани, где центральная часть, южной стороной выходящая к реке и стоящая на краю террасы, с остальных сторон бывает окружена валом и рвом. Центральная часть едва приподнята над остальной поверхностью, культурный слой здесь по интенсивности и мощности превосходит другие участки.

К северу от городища находится большой нераспаханный курган № 1, прорезанный во многих местах военными траншеями, в которых залегают много известковых плит, принадлежащих нарушенной курганной насыпи. Рядом с ним находится неглубокая, но обширная выемка, образовавшаяся, как можно думать, от выборки земли для сооружения его насыпи. К северу от этого кургана расположен едва заметный распаханый курган № 2; к северо-востоку — курган № 3, значительно выше первых двух. Кроме того, среди этих курганов и дальше, к востоку, можно проследить некоторые неровности, являющиеся, очевидно, остатками распаханых небольших курганов. Выпаханные из земли камни и кости (иногда человеческие) тоже можно связывать с существовавшим здесь могильником. По свидетельству местных жителей, при добычании песка в карьере (рис. 1, З) были найдены горшок и какие-то кости.

У юго-западной окраины городища, у древнего русла реки, на мысе обнаружены обломки разбитых амфор и несколько выше, уже на вершине холма, громадное скопление керамики (рис. 1, Г) площадью примерно

в 70—100 м², состоящее исключительно из обломков амфор, иногда очень крупных. Нам кажется наиболее вероятным связывать эти находки с существовавшей здесь пристанью.

Стратиграфию культурного слоя не удалось проследить на всей площади городища. В тех местах, где траншеи или овраги прорезают культурный слой до материка, можно заметить, что слой римского времени лежит прямо на материке, без более ранних подстилающих слоев. Мощность его невелика — от 40 см до 1 м. В центральной части верхний слой вследствие распушки нарушен и вещи перемешаны.

Самым распространенным материалом на городище являются керамические остатки. Следует напомнить, что керамические остатки, как и все находки с городища, собраны на поверхности. Поэтому не может быть и речи об их сплошном и полном изучении и описании.

Керамика Правобережного Мокро-Чалтырского городища имеет тот же характер, что и керамика других сарматских поселений Нижнего Дона: Кобякова, Гниловского, Сухо-Чалтырского и т. д.

Среди разнообразной керамики, собранной и осмотренной на городище, бросается в глаза резкое преобладание амфор над прочими видами керамики (лощеной, сделанной на кругу и лепной).

Амфоры представлены четырьмя группами с несколькими типами в каждой. Многие из них так

фрагментарны, что не дают еще полного представления о форме сосуда, поэтому мы кратко опишем лишь то, что поддается определению. Самой распространенной на городище является группа светлоглиняных амфор, в которой мы выделяем шесть типов.

I тип. Амфоры небольших размеров с яйцевидной формой тулова, заканчивающегося невысоким цилиндрическим поддоном с округлым выступом внутри. Горло узкое, коническое; венчик мятый, иногда очень слабо выраженный; ручки профилированные, поверхность слегка желобчатая (рис. 2, 1). Глина содержит примеси песка, шамота и других частиц; стенки толстые; работа довольно грубая. Амфоры этого типа изобилуют на всех донских городищах и распространены по всему Северному Причерноморью. Обычно их называют амфорами с красными знаками и датируют II—III вв. н. э. Т. Н. Книпович высказала весьма убедительное предположение об их местном, танаисском изготовлении¹.

II тип. Амфоры с узким и длинным цилиндрическим горлом и небольшим туловом, заканчивающимся тоже кольцеобразной ножкой, только лучшей формовки, с реберчатыми ручками различных профилей и четко выраженным округлым венчиком, иногда снизу подчеркнутым вдавлением (рис. 2, 2). Поверхность слегка покрыта желобками, работа

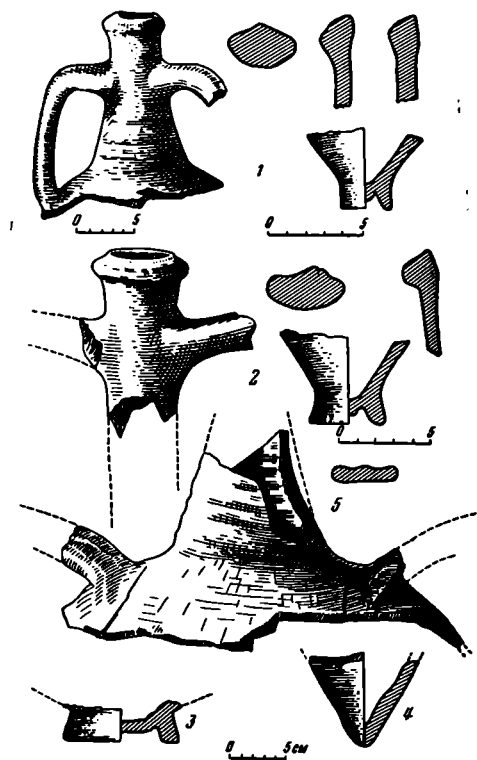

Рис. 2. П. Мокро-Чалтырское городище. Амфоры

¹ Т. Н. Книпович. Танаис, М.—Л., 1949, стр. 29—30, 72—74.

хорошая. Глина светло-желтая, с мелкими коричневатыми и черными вкраплениями. Амфоры этого типа малоазиатского производства, встречаются на многих городищах Северного Причерноморья, в том числе и на нижнедонских¹. Аналогичная амфора из могилы воина в Неаполе, опубликованная И. Б. Зеест², относится ко II—III вв. н. э.

III тип. Амфоры с шаровидным туловом, на невысоком коническом поддоне, с коротким цилиндрическим горлом и нависающим выпуклым венчиком. В нашем распоряжении имеется лишь днище такой амфоры (рис. 2, 3), поэтому ее реконструкцию мы даем по единственной аналогии из сарматского погребения у Ново-Филипповки (Запорожская область),

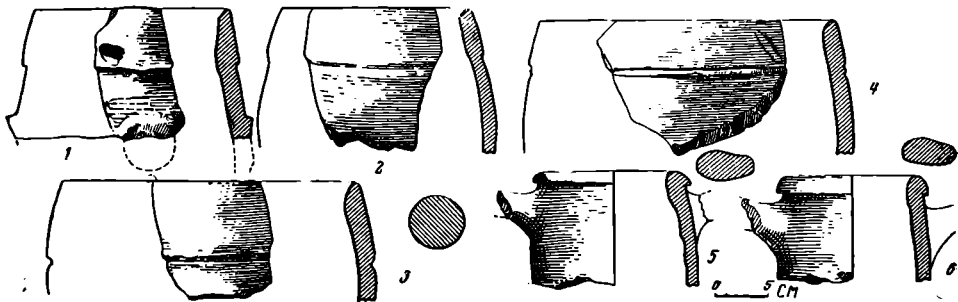

Рис. 3. П. Мокро-Чалтырское городище. Амфоры

где она датируется I в. н. э.³ и относится к группе сероглиняных сосудов (встречаются сосуды и красной глины). Наш фрагмент светло-желтой глины, но имеются обломки более темных глин⁴. По сообщению Т. Н. Книпович, такие амфоры встречаются на Дону, где датируются II в. н. э.⁵

IV тип. Представлен одним лишь острым дном (рис. 2, 4). Можно отметить, что подобные встречаются на Недвиговском, Кобяковом и других городищах и относятся, по-видимому, к позднеримскому времени.

V тип. К этому типу можно отнести два обломка горл, несколько отличающихся друг от друга формой венчика, но во многом схожих между собой (рис. 3, 5, 6). По-видимому, они принадлежат амфорам с невысоким широким горлом, расширяющимся книзу, с округлым нависающим венцом и с толстыми овальными в сечении ручками.

VI тип. Не похож на все остальные (рис. 2, 5). Представлен нижней частью горла и плечами. Плоские ручки, по-видимому, верхним концом прикреплялись к горлу, а нижним к тулову (что необычно для амфор). Сосуд, видимо, был большой, с коническим, невысоким горлом, с гладкой поверхностью и сравнительно тонкими стенками из плотной однородной глины цвета охры.

Вторую группу составляют амфоры темноватой розовой глины, с включением известковых частиц, ракушек, мелких камешков и наличием большого количества пустот. В изломе черепка заметны более светлые, почти белые тонкие прослойки, вдоль края излома обычно наблюдается переход от розового цвета к красному или темно-желтому, отчего и поверхность этих амфор красная или желтоватая.

Для характеристики этой группы мы располагаем всего лишь несколькими фрагментами: четырьмя обломками горл, ручками и множеством

¹ С. А. Вязигин. Древнее поселение у хутора Подазовского. Памятники древности на Дону, т. 1, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 39—40.

² И. Б. Зеест. О торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА № 33, 1954, стр. 76.

³ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у Ново-Филипповки. Вопросы скифо-сарматской археологии, 1954, стр. 234, 231, табл. IV, рис. 3.

⁴ Такие амфоры встречались на Кобяковом городище при раскопках в 1955 г.

⁵ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 234, в сноске.

измельченных стенок. Такой материал не дает представления о типе в целом и требует от нас большой осторожности в его определении. Характерный признак, сближающий эти разрозненные обломки и указывающий на принадлежность их однотипным сосудам,— исключительное сходство состава глины, а также некоторая грубоватость в выделке.

Изображенные горла (рис. 3, 1—4) представляют, очевидно, вариант одного и того же типа амфор, отличающихся размерами и некоторым

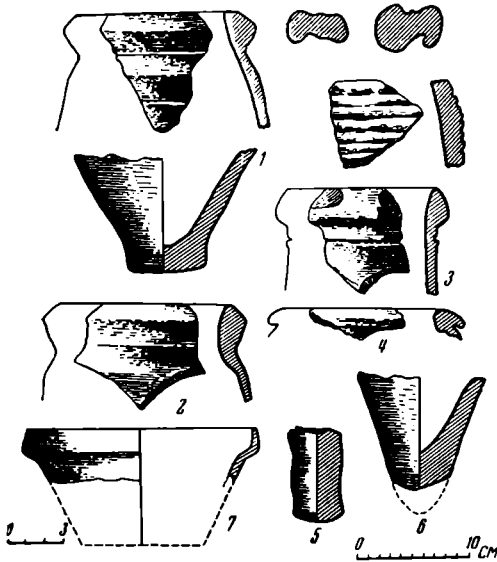

Рис. 4. [П.] Мокро-Чалтырское городище.
Керамика

своеобразием в форме венчиков. Амфоры эти, по-видимому, больших размеров, с невысоким слегка выпуклым горлом, с массивными небольшими ручками, круглыми в сечении, и плоским, слабо выраженным венчиком.

Столь заметные различия в форме амфор этой группы свидетельствуют о несоблюдении «стандартности», присущей большинству амфор, хотя они, несомненно, происходят из одного и того же места производства. В этом нас убеждает исключительное сходство глины и характер формовки. Такое же отсутствие стандартности отмечалось для розовоглиняных амфор II—III вв. н. э. из Илурата, Киммерика и Пантикапея, изготовлявшихся в одном из местных поселений Боспора¹. Такие амфоры, видимо, не предназна-

значались для дальних перевозок, следствием чего является их отсутствие на других городищах.

К сожалению, мы не имеем аналогий этим амфорам. Некоторое сходство в форме дают обломки горл амфор из Мирмекия, где они датируются III в. н. э.²

Третью обширную группу составляют обломки амфор ярко-красной (до красно-оранжевой) глины. По количеству они соперничают с группой светлоглиняных амфор. Остатки их также фрагментарны, и составить целостное представление о типе мы не можем. Поэтому нам придется ограничиться описанием лишь их частей.

У первого типа широкое, расширяющееся книзу горло интенсивного красно-оранжевого цвета глины, с четко выделенным венчиком, подчеркнутым неглубокой бороздкой, с массивным дном, сильно профилированными ручками и грубо рифлеными стенками³ (рис. 4, 1). По-видимому, вариантом этого типа является горло из красной глины, с несколько измененным венчиком точно такого же размера (рис. 4, 2).

Второй тип представляет обломок горла с округлым венчиком и глубокой бороздкой, проведенной в верхней части горла острым инструментом (рис. 4, 3).

¹ И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах. Археология и история Боспора, т. 1, Симферополь, 1952, стр. 162.

² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 170, рис. 65 и стр. 209, рис. 129.

³ По аналогичным ручкам, имеющим широкое продольное углубление с валиком посередине и с асимметричным вырезом с тыловой стороны, амфоры роднятся с боспорскими амфорами II—III вв. н. э. (см. И. Б. Зеест. О торговле Неаполя и ее значении для Боспора, стр. 77).

Третий тип представлен горлом амфоры с гладкой поверхностью с невысоким округлым обвисающим венцом, подрезанным снизу глубокой узкой бороздкой, тоже, видимо, проведенной острым инструментом (рис. 4, 4).

Отдельно отмечу два днища красной глины: одно цилиндрическое (рис. 4, 5), другое коническое, по включению крупных частиц слюды напоминающее глину некоторых пифосов (рис. 4, 6).

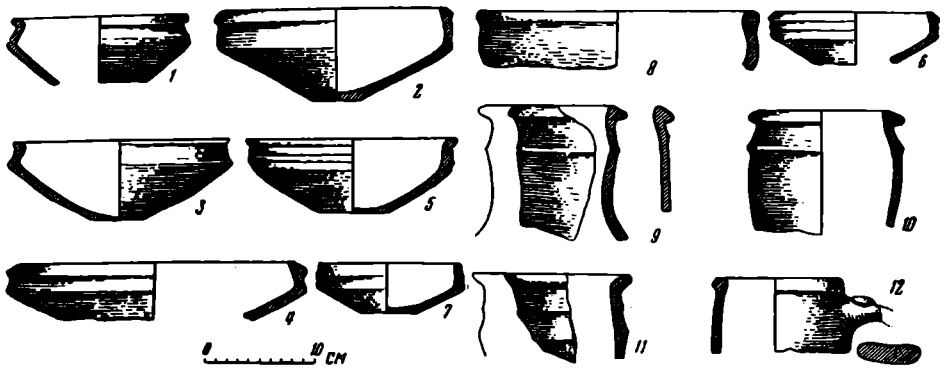

Рис. 5. П. Мокро-Чалтырское городище. Сарматская лощеная керамика

Все перечисленные типы амфор по характерному составу глины красного или красно-оранжевого цвета с включением песка и белых частиц (известковых), с массивными горлами, ручками, венчиками и прочими деталями относятся к боспорским амфорам и широко распространены на Боспоре и за его пределами со II по IV вв. н. э.

Другие категории привозной керамики здесь очень редки. Из краснолаковых сосудов отмечу лишь обломок чашечки, аналогичной танаисской¹ (рис. 4, 7) и фрагменты кувшинов с кольцеобразным дном.

Вторую значительную группу посуды составляют сероглиняные сосуды местного производства, изготовленные на гончарном круге. Поверхность их обычно гладкая, покрытая серым, реже черным или красным лощением. На многих обломках можно заметить полосы от лощения гладкими нагретыми камешками, костяными палочками или отполированными концами амфорных ручек хорошей глины, часто находимых на городищах. Они представлены двумя основными формами — мисками и кувшинами.

Миски являются, пожалуй, наиболее распространенной формой сарматских лощеных сосудов. По форме они имитируют краснолаковые малоазийские миски и по назначению соответствуют последним. В основном, это однотипные сосуды, различающиеся лишь формой бортика, на основании чего среди них можно выделить несколько разновидностей: 1) миски с загнутым внутрь бортиком, с отогнутым под углом наружу горизонтальным краем, нависающим над ним (рис. 5, 1); 2) миски с гладким вертикальным или слабо загнутым внутрь бортиком, с едва нависающим над ним краем (рис. 5, 2); 3) миски со слегка вогнутым внутрь бортиком, по которому проходит широкий желобок, и со скошенным наружу или внутрь горизонтальным краем (рис. 5, 3, 4); 4) самые распространенные в сарматское время миски с желобчатым бортиком, вертикальным или слабо загнутым внутрь, с нависающим над ним краем (рис. 5, 5) или скошенным наружу (рис. 5, 6). Горизонтальные желобки на бортике, присущие сарматской лощеной керамике местного происхождения, не встречаются у краснолаковых мисок, являющихся исходной формой для мисок

¹ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 71, рис. 26, 1.

описываемой группы. Исключением из этой категории сероглиняных мисок являются два обломка из красной глины — один с желобчатым бортиком (рис. 5, 7), другой с округлым гладким бортиком, плавно переходящим в корпус (рис. 5, 8). Оба обломка — красного лощения; вместе с тем встречаются миски тоже красной глины, но покрытые серым лощением, формы их аналогичны описанным сероглиняным.

Кувшины средних размеров отличаются множеством разновидностей. Представлены они обломками горл, ручек, дниц и невыразительными стенками. Характернейшая деталь их — горизонтальный валик, проходящий по верхней части горла, или чаще желобки (рис. 5, 9—11). Горла их низкие или довольно высокие, венчики нависающие, иногда уплощенные, днища плоские или слегка вогнутые, иногда по краю их проходит

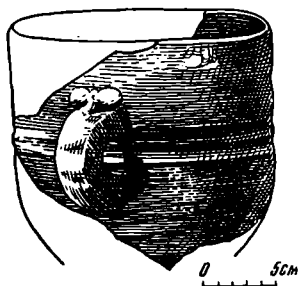

Рис. 6. П. Мокро-Чалтырское городище. Лощеный сероглиняный сосуд с зооморфной ручкой

небольшой выступ, представляющий, по-видимому, деградированную кольцеобразную ножку. Ручки плоские или овальные, слегка профилированные. По бокам их, в верхней части, встречаются часто два круглых налета — так называемые «глаза» зооморфных ручек. Здесь мы видим сильную схематизацию в изображении животного, между тем как раньше его изображали более или менее реалистически: с мордой, рогами, хвостом, конечностями. На одном обломке кувшина, отличающегося от рассмотренных выше (рис. 5, 12), эти налеты-«глаза» исчезают по бокам ручки и переходят на фронтальную сторону в виде одного большого налета-«глаза». Очевидно, значение его как оберега возрастает¹. Аналогичные кувшины со стилизованными зооморфными ручками известны в

Прикубанье² и других районах. Оригинален обломок небольшого сосуда из серой плотной глины в виде кружки с зооморфной ручкой (рис. 6). Стенки его тонкие, с наружной стороны залощены, в средней части профилированы двумя желобками. Небольшая ручка в верхней части имеет налет со схематизированным изображением головки зверька. Близких аналогий этому типу нигде не встречено.

Описанная группа сероглиняной керамики относится к первым векам новой эры и находит себе аналогии в памятниках Прикубанья, Восточного Приазовья, Северного Кавказа. Редко встречающаяся красноглиняная и желтоглиняная керамика, сделанная на гончарном круге (миски, кувшины), в основном тех же форм, что и сероглиняная. Отмечу лишь несколько необычный горшок из желтоватой глины с широким горлом, с лощеной поверхностью (рис. 7, 1).

Лепная керамика сделана, за редким исключением, довольно грубо и небрежно. Глина плохого обжига, довольно грубо и включением известковых частиц, мелких камешков и песка, поверхность неровная, иногда со следами заглаживания пучком травы. Характерным является отсутствие орнамента. Отсутствие орнамента на лепной керамике и вообще ее деградация в римское время отмечалась Т. Н. Книпович и для Недвиговского городища³. Она представлена в основном горшками, реже мисками, чашами на поддонах и небольшими кувшинами.

Лепные горшки мы разделяем на четыре типа. Господствующим типом являются горшки баночной формы со слегка загнутыми внутрь стенками и прямым краем (рис. 7, 2). Такие горшки часто встречаются на нижнедонских городищах и описаны Д. Б. Шеловым среди находок на Сухо-

¹ Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Античные города Северного Причерноморья, т. 1, М.—Л., 1955, стр. 401.

² Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 194, рис. 15—16.

³ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 78, 79.

Чалтырском городище¹; известны они в Восточном Приазовье, Прикубанье и других районах².

Ко второму типу относятся горшки, по-видимому, больших размеров с выпуклыми боками и широкой, слегка расширяющейся кверху шейкой (рис. 7, 4).

Третий тип представляют горшки различных размеров с отогнутым под углом венчиком и округлыми боками (рис. 7, 5). Он, по-видимому, аналогичен типу горшков из Недвиговского городища, в несколько измененном виде бытовавшему и на Елисаветовском городище³.

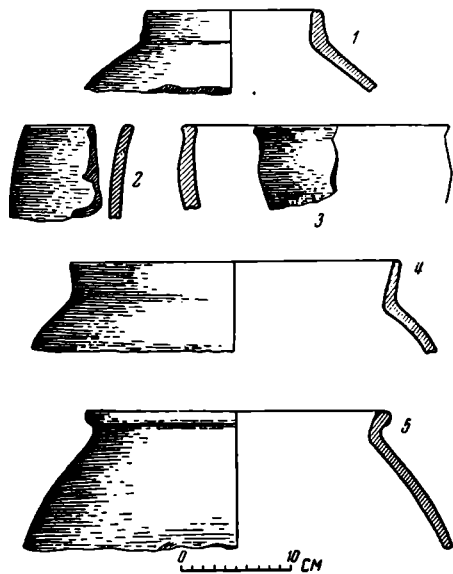

Рис. 7. П. Мокро-Чалтырское городище. Керамика

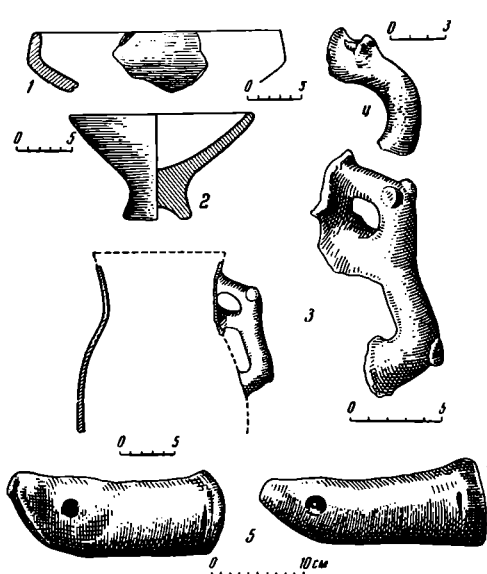

Рис. 8. П. Мокро-Чалтырское городище. Лепная керамика

Четвертый тип представлен горшком с едва округлыми боками и слабо выраженным венчиком (рис. 7, 3). Сосуд, в отличие от предшествующих типов, сделан из черной плотной глины, заглажен пучком травы; его залощенная поверхность розовато-охристого цвета. Он представляет исключение в грубой керамике и роднится по технике изготовления с сосудами более ранних времен, например с Кобякова городища.

Лепные миски однообразных форм, с небольшим прямым или слегка загнутым внутрь бортиком (рис. 8, 1). Поверхность их, как и у сделанных на круге, часто залощена, но довольно грубо. Такие миски известны с Сухо-Чалтырского городища⁴.

Третьей формой являются конические чаши на более или менее высоком поддоне (рис. 8, 2). С нижней стороны поддона таких чаш часто имеется ямкообразное углубление различной величины. Они довольно грубого (за некоторым исключением) изготовления и в этом отношении превосходят все описанные выше типы. Глина их черная или темно-серая, неотмученная, как будто с преднамеренным включением множества камешков, стенки толстые, излом их всегда извилистый, обжиг сильный. Такие чаши явно не могли применяться в качестве кухонной или столовой посуды, и в связи с этим нам очень важно выяснить их назначение.

¹ Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ, 1953, № 2, стр. 191.

² Н. В. Анфимов. Мзотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. 34, 1950, стр. 91—92, рис. 25, 9; его же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 192, рис. 15, 5.

³ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 137.

⁴ Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ, 1953, № 2, стр. 191, рис. 3, 5, стр. 193.

Они часто встречаются на городищах низовья Дона¹ и Восточного Приазовья², но вопрос об их назначении пока еще не затрагивался исследователями. Характерным является закопченность чаши внутри, а часто и снаружи, сильная обгорелость, особенно внутренней поверхности. Образовавшаяся на дне корка и наличие в чашах углей говорят о несомненном их применении в качестве жаровень, возможно, в качестве ритуальных сосудов — курильниц³.

Как считает Т. Н. Книпович⁴, тип чашечки на поддоне появляется в первые века новой эры. Совершенно аналогичные чаши часто встречаются на городищах Восточного Приазовья⁵.

Отметим еще две стилизованные зооморфные ручки от лепных кувшинов. На первой ручке (рис. 8, 4) в верхней части находится изображение головки животного. Вторая ручка (рис. 8, 3) довольно схематично имитирует фигурку животного. В более раннее время таким фигуркам придавались реалистические черты⁶. Ручка принадлежала небольшому кувшинчику черной глины, поверхность которого обмазана светлой красноватой глиной, со следами залощивания. По форме он аналогичен кувшинам с зооморфными ручками из Краснодара и Новочеркасска и, судя по наметившемуся отступлению от реалистической трактовки фигурки животного, относится к более позднему времени, вероятно, к III в. н. э.

Все рассмотренные группы керамики обнаруживают сходство с керамикой Боспора, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и особенно Прикубанья и Восточного Приазовья и относятся к первым векам новой эры, причем преимущественно ко II — III вв. н. э. В связи с этим интересно заметить, что материал II — III вв. н. э. преобладает и на других донских городищах, как, впрочем, и на поселениях Боспора. Очевидно, это время интенсивного заселения донской дельты. По-видимому, в это время и возникает П. Мокро-Чалтырское городище, так как более раннего материала здесь пока не встречено.

Кроме керамических остатков, на городище найдены различные орудия труда, а также органические остатки, позволяющие судить о занятиях жителей поселения. Здесь собраны в большом количестве точильные камни, часто со следами заточки острых вещей (стрел, шильев?), обломки зернотерок, кремневые сколы, жернов с воронкообразным отверстием в верхней плите и боковой выемкой для укрепления ручки, изготовленный, видимо, не из местных пород камня, и грузила. Отметим глиняное рыболовное грузило со следами трения веревки, имитирующее голову рыбы (рис. 8, 5). Много встречается костей животных и рыб.

На городище всюду встречаются скопления глиняной обожженной обмазки с отпечатками камыша и жердей, являющиеся, очевидно, остатками древних жилищ. На одном куске обмазки сохранился отпечаток грубой ткани. Найдены также обломки кирпича и фрагмент черепицы.

Полученные материалы, хотя и незначительны, но позволяют судить о характере поселения и культуре его жителей; однако полное его изучение возможно лишь при раскопках.

Описанный нами памятник несколько заполняет существовавший ранее разрыв между Недвиговским городищем и цепью сарматских городищ по Дону. Возможно, в дальнейшем подобные поселения удастся обнаружить выше Недвиговки.

¹ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 78, 137.

² Н. В. Анфимов. Мэотские поселения..., стр. 93.

³ Как известно, курильницы появляются еще во II тысячелетии до н. э., проходят длительный путь развития и бытуют в сарматский период (см. Н. В. Анфимов. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 34).

⁴ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 78, рис. 33, стр. 137.

⁵ Н. В. Анфимов. Мэотские поселения..., стр. 93, рис. 25, 7.

⁶ Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных. СА, XV, 1951, стр. 249, 255; её же. Художественные элементы в лепной керамике..., стр. 401—402, рис. 19.

КЛАД МОНЕТ, НАЙДЕННЫЙ В 1951 г. В ПАТРЭЕ

(Предварительное сообщение¹)

При раскопках на Патрэйском городище в 1951 г. был обнаружен клад монет², находившийся в глиняном сосуде, спрятанном в кладке стены большого здания.

Всего в состав Патрэйского клада 1951 г. входит 397 экземпляров медных монет, чеканенных пятью последними боспорскими царями. Монеты этого времени являются статерами, деградировавшими до чистой меди, но сохранившими основной тип боспорских статов, отличительным признаком которого является изображение портрета царя внутри круговой легенды на лицевой стороне и портрета императора — на оборотной, где всегда стоит год боспорской (собственно понтийской) эры.

Хорошая сохранность монет клада позволила не только прочесть имена царей на всех монетах, но и полностью распределить их по годам чеканки следующим образом:

Савромат IV		Фофорс	
572 г. (275) ³	1 экз.	583 г. (286)	4 экз.
		584 г. (287)	2 экз.
		585 г. (288)	3 экз.
		586 г. (289)	4 экз.
Тейран		587 г. (290)	3 экз.
573 г. (276)	1 экз.	588 г. (291)	3 экз.
574 г. (277)	—	589 г. (292)	—
575 г. (278)	1 экз.	590 г. (293)	2 экз.
		591 г. (294)	4 экз.
		592 г. (295)	7 экз.
		593 г. (296)	14 экз.
		594 г. (297)	19 экз.
		595 г. (298)	14 экз.
		596 г. (299)	14 экз.
		597 г. (300)	4 экз.
		598 г. (301)	1 экз.
		599 г. (302)	8 экз.
		600 г. (303)	2 экз.
		601 г. (304)	3 экз.
		602 г. (305)	3 экз.
		603 г. (306)	3 экз.
		604 г. (307)	1 экз.
Радамсад			
607 г. (310)	1 экз.		
608 г. (311)	2 экз.		
609 г. (312)	2 экз.		
610 г. (313)	—		
611 г. (314)	1 экз.		
612 г. (315)	4 экз.		
613 г. (316)	6 экз.		
614 г. (317)	6 экз.		
615 г. (318)	6 экз.		

¹ Полная публикация клада будет предпринята автором в ближайшее время.

² Предоставлению возможности изучения и публикации монет клада мы обязаны руководителю Патрэйской экспедиции А. С. Башкирову.

³ Здесь и дальше первая дата — год боспорской эры, дата, заключенная в скобки, — год нашей эры.

Рискупорид VI

616 г. (319)	11 экз.	623 г. (326)	31 экз.
617 г. (320)	13 экз.	624 г. (327)	21 экз.
618 г. (321)	14 экз.	625 г. (328)	2 экз.
619 г. (322)	17 экз.	626 г. (329)	—
620 г. (323)	45 экз.	627 . (330)	2 экз.
621 г. (324)	64 экз.	623? (326?),	—
622 г. (325)	25 экз.	633? (366?)	3 экз.

Самые ранние монеты клада Савромата IV (рис. 1, 1) и Тейрана (рис. 1, 2) обычны и специального интереса не представляют. Что же касается многочисленных статеров Фофорса, то они являются ценным источником для суждения об интенсивности чеканки в определенные годы, для уточнения типологии отдельных групп монет и их хронологии, для суждения об организации и технике чеканки и ряда специальных вопросов, которые в настоящей информации не затрагиваются.

Среди монет Фофорса есть также ряд неизданных и редких экземпляров.

Очень интересны две монеты первого в чеканке Фофорса года — 583 (286) (рис. 1, 3—4). Они чеканены общим штампом лицевой стороны с крайне редкими и по своему типу уникальными монетами Фофорса, на которых изображение императора, года и обычного для всех монет Фофорса тамгообразного знака заменено изображением орла, сидящего впрямь на шаре¹. Эти монеты А. Н. Зограф рассматривал как последний «показной выпуск»² мелкой меди (не статеров), регулярный выпуск которой прекратился после Рискупорида V. Однако наличие статеров общего с этими монетами штампа и обнаружение последних в кладах, состоящих из одних статеров, позволяет видеть в этих монетах также статеры, очевидно, первой серии 583 г. (286).

Монеты, чеканенные указанными штампами лицевой стороны, выполнены очень тщательно, что не позволяет видеть небрежность резчика в изображении уродливо вытянутой головы царя. Л. П. Харко, издавший одну из таких монет плохой сохранности, предположил в этой связи «шевелюру конической формы» или «головной убор, плотно облегающий голову, закрывающий плечи и затылок и повязанный поверх диадемой»³, якобы изображенный на голове царя. Прекрасная сохранность наших монет позволяет ответить на этот вопрос иначе: возможно, резчик старался передать в портрете царя деформированную по сарматскому обычаю голову.

Другой интересной группой клада являются монеты с дифферентом в виде косоугольного креста, левый знак в году которых имеет необычную форму $\sphericalangle$ (рис. 1, 12, А) или $\sphericalangle$. Анализ их штемпелей заставляет видеть в этом знаке «дельту» необычного начертания и читать, таким образом, год как 594 (297). Это стало возможным благодаря наличию экземпляров смежных годов, т. е. 593 (296) (рис. 1, 11) и 595 (298), чеканенных с указанными монетами общими штемпелями лицевой стороны⁴.

Монеты клада 583—584 гг. (286—287) (рис. 1, 3—5), а также некоторые монеты 593—594 гг. (296—297) (рис. 1, 11) дают новые варианты написания тамгообразного знака, известного на всех монетах Фофорса, схему развития которого предложил Л. П. Харко⁵. В отношении монет 593—594 гг. (296—297) тамга раннего начертания прежде не отмечалась.

¹ А. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. Нумизматический сборник, т. II. М., 1913, стр. 46 и № 12, табл. 1; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. L, № 21.

² А. Ч. Зограф. Ук. соч., стр. 211.

³ Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2, стр. 79.

⁴ К. В. Голенко. К датировке одной группы монет Фофорса (подготовлено к печати).

⁵ Л. П. Харко. Ук. соч., табл. III, рис. 3.

Рис. 1. Патрэйский клад 1951 г.

Монеты Совромата IV: 1—572 г.; Тейрана: 2—573 г.; Фофорса, 3—4—583 г.; 5—584 г.; 6—586 г.; 7—588 г.; 8—590 г.; 9—591 г.; 10—592 г.; 11—593 г.; 12—594 г.; 13—593 г.; 14—594 г.; 15—595 г.; 16—601 г.; 17—604 г.; А (увеличено)—594 г. (даты указаны по боспорскому летоисчислению)

Рис. 2. Патрэйский клад 1951 г.

Монеты Радамсада: 1 — 608 г.; 2 — 614 г.; 3—4 — 615 г.; Рискунорида VI: 5 — 616 г.; 6 — 617 г.; 7 — 618 г.; 8—9 — 619 г.; 10 — 621 г.; 11 — 622 г.; 12—13 — 623 г.; 14 — 624 г.; 15 — 625 г.; 16 — 627 г.; 17 — 633? г. А (увеличено) 618 г. (даты указаны по боспорскому летоисчислению)

Большой интерес представляют и поздние, очень редкие монеты Фофорса 600—604 гг. (303—307) (рис. 1, 16—17). Среди них особенно интересна монета 604 г. (307), у которой среди букв, означающих год, «дельта» также имеет необычное начертание.

Среди монет Радамсада обращает на себя внимание экземпляр (рис. 2, 3) с легендой, где имя царя дано через «пси» (Ραδαψ вместо обычного Ραδαμτζδης) ¹. Неслучайность подобного написания имени царя подтверждает одна надпись, где имя Радамсада также написано через «пси» ².

Монеты Рискупорида VI 616—619 гг. (319—322) (рис. 2, 5—9) чеканены по двум обычным типам ³; отличительными признаками первого типа является изображение трезубца на лицевой стороне и знака Ϙ — на оборотной; у монет второго типа на оборотной стороне нет эмблемы, а буквы даты расположены по сторонам бюста, на лицевой стороне — изображение венка. Монеты по первому типу чеканились с 616 г. (319), по второму типу — с 618 г. (321). На протяжении 618 г. (321) монеты по обоим указанным типам выпускались параллельно, а в 619 г. (322) тип, возникший в 618 г. (321), становится доминирующим. В этой связи интересна редкая монета 619 г. (322) со знаком Ϙ, представляющая последний выпуск первого типа (рис. 2, 9).

В самом конце 619 г. (322) возникает новый монетный тип (лицевая сторона — трезубец; оборотная — орел, сидящий на шаре с венком в клюве), представленный среди монет клада. Следует заметить, что тип оборотной стороны этих монет не нов для боспорских статеров: аналогичное изображение орла известно на очень редких статерах Тейрана, а также на упоминавшихся уже монетах Фофорса, где изображение орла дано прямо.

В 620—621 гг. (323—324) монетная чеканка осуществлялась только по второму и третьему типам, причем, судя по материалу клада, монеты с изображением орла в 621 г. (324) (рис. 2, 10) количественно преобладают. Среди монет этих годов есть экземпляры с искаженной датой; год одной группы монет дает бессмысленное сочетание знаков KIX. Еще Б. Кене ⁴ и вслед за ним Д. Б. Шелов ⁵ предлагали читать этот год как 620 (KX). Стилистический анализ монет клада подтверждает подобное чтение. Другим примером искажения даты, не отмеченным в литературе, служит монета клада 621 г. (324), в обозначении года которой вместо «каппы» ошибочно вырезана «иота».

Большой интерес представляют заключительные группы монет клада. Характерной чертой в чеканке 622—624 гг. (325—327) является появление в большом количестве новых, часто оригинальных для всей боспорской чеканки, монетных типов. Ниже мы приводим полный список типов монет клада 622—627 гг. (325—330).

Среди указанных типов есть ряд не отмеченных в литературе; наиболее интересны из них два типа, известные только для монет 624 г. (327), лицевые стороны которых не имеют эмблем, а на оборотной стороне у одних изображена кольчатая палица, у других — лук (рис. 2, 14). При первом взгляде на изображение лука создается впечатление, что перед нами небрежно вырезанная палица. Но наличие монет трех разных штемпелей этого типа и видимая на монете хорошей сохранности тетива между концами лука (которая, к сожалению, не улавливается на репродукции) исключают подобное предположение.

¹ Следует, впрочем, учесть, что имя царя на монетах Радамсада почти никогда не дописывается до конца.

² Б. Кене. Описание музеума кн. В. В. Кочубея..., т. II, СПб., 1857, стр. 363.

³ В данном случае употребление термина «тип» условно.

⁴ Б. Кене. Ук. соч., стр. 348, примечание к № 19.

⁵ Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». ВДИ, 1950, № 2, стр. 139.

Эмблема лицевой стороны	Эмблема оборотной стороны	Годы чеканки	Рис.
Венок	Год по сторонам бюста императора	622 (325), 623 (326), 624 (327), 625 (328)	Рис. 2, 15
	Звезда	622 (325), 623 (326), 624 (327)	—
	Ника	622 (325), 623 (326)	—
	Орел	623 (326)	—
	Палица	624 (327)	—
	Год под бюстом императора	623 (326), 627 (330)	Рис. 2, 16
	Трезубец	Орел	622 (325), 623 (326)
Звезда		623 (326), 624 (327)	—
Палица		624 (327)	—
Шар или крупная точка	Ника	622 (325)	Рис. 2, 11
	Год по сторонам бюста императора	622 (325)	—
	Орел	623 (326)	—
	Звезда	623 (326)	—
Без эмблемы	Звезда	623 (326)	Рис. 2, 12
	Год по сторонам бюста императора	623 (326), 623? (326?), 633? (336?)	Рис. 2, 13, 17
	Палица	624 (327)	—
	Лук	624 (327)	Рис. 2, 14,

Внимательный просмотр монет клада 622—627 гг. (325—330), а также изучение штемпелей позволяет сделать ряд выводов:

1. Новые монетные типы в чеканке указанных лет не становятся доминирующими и известны только для одного-двух годов чеканки.

2. Стилистическая близость между монетами одного типа улавливается не всегда. Таким образом, монетный тип в эти годы не является характерным для определенной серии или группы монет, связанной хронологическим признаком, работой одного мастера или иными признаками.

3. Благодаря анализу штемпелей удается установить, что в ряде случаев одновременно изготовлялись монеты разных типов.

4. Характерно использование штемпелей лицевой и оборотной сторон, принадлежащих к разным типологическим группам, что при чеканке монеты приводит к образованию нового промежуточного типа.

5. При появлении новых типов, один из старых, ставший традиционным типом (лицевая сторона — венок; оборотная — год по сторонам бюста императора), является единственным доминирующим типом для чеканки этих лет. Что касается типа: лицевая сторона — трезубец, оборотная — орел, то как самостоятельный тип он известен только для начала 622 г. (325)¹, когда он сменяется близким по сюжету с изображением Ники на шаре, с венком в руках (рис. 2, 11). Наличие в кладах двух экземпляров 623 г. (326) с изображением трезубца и орла, очевидно, случайно и не дает основания говорить о сознательном восстановлении старого типа, так как штемпеля, которыми чеканены эти монеты, чаще известны в сочетании со штемпелями других типологических групп.

Многие монеты клада имеют явные следы перечеканки²; в одном случае материалом для этой операции послужила небоспорская монета (рис. 2, А), принадлежность которой более точно определить не удалось. Судя по материалу клада, перед перечеканкой старые изображения

¹ В этой связи следует отметить, что монеты этого типа, относимые к 624 г. (327) (см. Л. П. Харко. Ук. соч., № 177—179), принадлежат, по всей вероятности, к 621 г. (324). Трудность чтения годов на этих монетах заключается в нечеткости написания «альфы» и «дельты», правильность чтения которых возможна только при изучении подобных монет, чеканенных общими штемпелями.

² Первым обратил внимание на перечеканку позднебоспорских статеров Л. П. Харко. См. Л. П. Харко. Ук. соч., стр. 78.

тщательно затирались. Это, а также наличие перечеканенных экземпляров как среди монет Фосфорса, так и среди монет Рискупорида VI, заставляет рассматривать перечеканку позднебоспорских монет не как экстраординарное явление, связанное с нехваткой монетного металла или особой спешкой при чеканке, а как нормальное использование вышедшей из обращения старой монеты, и по весу, и по особенности кружка соответствующей обрабатывавшейся монете.

Большое количество монет, чеканенных общим штампом лицевой стороны, в большинстве случаев позволяет полностью восстановить легенду. Таким образом, монеты клада приобретают значение и с эпиграфической точки зрения, тем более, что многие легенды имеют постоянные неправильности написания. В написании имени Фофорса часто смешение «омеги» и «омикрона» ($\theta\epsilon\delta\omega\rho\sigma\upsilon$, $\theta\epsilon\delta\omicron\rho\sigma\upsilon$), что также наблюдается и в отношении титула в легендах монет Рискупорида VI ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$; $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\varsigma$). В имени Рискупорида нередко замена «эты» «иотой» (т. е. $\text{P}\rho\iota\sigma\kappa\upsilon\pi\omicron\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ вместо $\text{P}\eta\sigma\kappa\upsilon\pi\omicron\rho\iota\delta\omicron\varsigma$). В отличие от других боспорских царских монет, имеющих легенду в родительном падеже, в чеканке Радамсада впервые появляются монеты, на которых титул царя дан в именительном падеже ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$). Для монет Рискупорида VI, обильно представленных в кладах, при написании легенды употреблялся как родительный падеж, так и именительный. Однако для легенд этих монет нетипично написание и титула, и имени в одном падеже, и явно преобладают легенды, в которых титул стоит в родительном падеже, а имя царя — в именительном (т. е. $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ $\text{P}\eta\sigma\kappa\upsilon\pi\omicron\rho\iota\delta\omicron\varsigma$).

Многочисленность монет клада и их хорошая сохранность позволили выделить экземпляры, чеканенные общими штемпелями, что дало возможность также сделать ряд наблюдений.

1. Удалось установить, что на один штамп лицевой стороны приходится до семи (при привлечении материала и из других собраний — до десяти) разных штампов оборотной стороны. Таким образом, соотношение штемпелей у позднебоспорских монет обычное для греческих монет.

2. Многие штампы лицевой стороны после их износа или частичной поломки подвергались исправлению, в двух случаях — трехкратному¹.

3. Поскольку позднебоспорские монеты датированы, удается установить в ряде случаев продолжительность «жизни» определенных штампов лицевой стороны, которая при достаточно интенсивной чеканке продолжалась лишь небольшую часть года. Однако в годы вялой чеканки некоторые штампы употреблялись более двух лет (см., например, монеты 588—590 гг. (291—293) на рис. 1, 7—8).

4. Наличие монет, чеканенных общими штампами, дало возможность наметить хронологию и установить смену монетных серий в чеканке одного года. Это особенно ценно для монет Фофорса и Рискупорида VI (после 622 г. (325), при которых одновременно выпускались разнотипные монеты.

5. Выявление среди монет клада экземпляров, чеканенных общим штампом лицевой стороны и разными штампами оборотной стороны, принадлежащих разным (смежным) годам, позволяет констатировать, что в 583—584 (286—287) (рис. 1, 11—14), 593—594 (296—297), 594—595 (297—298), 622—623 (325—326) гг. (или, точнее, на рубеже этих лет) монета чеканилась одновременно двумя парами штемпелей. Если учесть скромный объем чеканки этих лет, то в годы обильного выпуска монеты можно предположить одновременную работу большего числа пар штемпелей, что позволяет говорить о сравнительно сложной организации боспорского монетного двора.

Многочисленность и хорошая сохранность монет Патрэйского клада

¹ К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 111.

1951 г. делает его ценным источником для суждения о составе денежного обращения и интенсивности работы монетного двора Боспора в заключительный период жизни этого государства.

К первому периоду позднебоспорской чеканки принадлежат монеты Савромата IV и Тейрана, которые чеканились очень вяло и только в продолжении четырех лет — 572—575 гг. (275—278). Однако эти монеты являются свидетельством формального восстановления боспорской чеканки после семилетнего перерыва. Важность этих монет очевидна; они указывают на то, что при их чеканке впервые в истории монетного дела Боспора отказались от выпуска мелкой медной монеты, что знаменует окончательное обесценение статера, который становится теперь медным.

Возобновление в 583 г. (286) Фофорсом боспорской чеканки является началом перехода к систематическому выпуску медного статера, носившему, однако, не всегда ровный характер. Так, чеканка 583—590 гг. (286—293), особенно 589—590 гг. (291—293), имела скромный объем; постепенное усиление работы боспорского монетного двора, очевидно, относится к 591 г. (294); по крайней мере, в последующие годы, особенно в 594—595 гг. (297—298), интенсивность выпуска боспорской монеты явно возрастает. Начало спада в чеканке Фофорса относится к 596—597 гг. (299—300), а в 600—605 гг. (303—308) выпуск монет принимает эпизодический характер.

Значительный интерес с точки зрения вопроса интенсивности боспорской чеканки представляют монеты Радамсада и Рискупорида VI. Большинство монет Радамсада чеканилось очень вяло, особенно в первые годы правления этого царя, но с 612 г. (315) можно констатировать подъем в работе монетного двора, деятельность которого в последующие годы усиливается.

Появление монет с именем Рискупорида VI совпадает с дальнейшим и очень значительным усилением интенсивности боспорской чеканки, особенное напряжение которой нужно отнести к 619—622 гг. (322—325). Так, в Патрэйском кладе монет этих годов в 1½ раза больше чем всех, вместе взятых монет Фофорса. Но уже для 622—623 гг. (325—326) нужно констатировать значительный спад в работе монетного двора. Лишь чеканку 623—624 гг. (326—327) можно назвать регулярной, а после 624 г. (327) монета практически прекращает чеканиться, отдельные выпуски монет после 625 г. (328) настолько редки и хронология их так неясна, что вопрос о дате прекращения боспорской чеканки нужно считать открытым.

В этой связи специальный интерес представляют три монеты клада с ясно читаемой датой ГЛX — 633 г. (336), принадлежащих явно к позднему типу: обе стороны монеты без эмблем, с годом, расположенным по сторонам бюста императора (рис. 2, 17). Эти монеты чеканены разными штампами лицевой стороны и общим штампом оборотной; подобное сочетание штампов является для позднебоспорских монет уникальным, что заставляет отнести к ним с особой осторожностью. Чтения года на этих монетах как 633 (336) может подтвердить надпись, найденная на Таманском полуострове, констатирующая факт правления Рискупорида VI в 632 г. (335)¹. Однако возможность подобной датировки встречает и известные возражения: во-первых, эти монеты хронологически оторваны от остальной чеканки Рискупорида VI; во-вторых, чеканка этих монет явно эпизодична, так как все они биты только одним штампом оборотной стороны, и в-третьих — не исключена возможность неправильного чтения даты на указанных монетах как 633 г. (336). Уже отмечалось искажение написания в годах монет Рискупорида VI «иоты» (I—10)² и «каппы» (K—20)³ весьма близкое «лямбде» (λ—30). Таким образом, возможны

¹ В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. Известия РАИМК, т. II, 1922, стр. 79 сл.

² К. В. Голенко. Ук. соч., стр. 112 сл., рис. 16, 1—5.

³ А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 212.

два варианта восстановления даты на таких монетах: 613 г. (316) и 623 г. (326). Первый вариант, с нашей точки зрения, совершенно неприемлем, так как начало чеканки монет Рискупорида VI падает только на конец 615 г. (318)¹. Более обосновано чтение даты на этих монетах как 623 г. (326), чему не противоречит стилистическая близость обеих групп монет и явно поздний тип монет со спорной датой, полностью повторяющий один из типов 623 г. (326) (рис. 2, 13).

Таким образом, перечисленные данные заставляют вопрос о датировке этих монет оставить открытым вплоть до обнаружения экземпляров с ясно читаемым годом, чеканенных общим с указанными монетами штампом лицевой стороны.

Патрэйский клад 1951 г. по своему составу является обычным поздне-боспорским кладом. Сведения о семи, близких по составу Патрэйскому, кладах известны по кратким упоминаниям в рукописи Е. Е. Люценко², по статье П. В. Беккера³ и по исследованиям А. Х. Стевана⁴, Л. П. Харко⁵ и Д. Б. Шелова⁶.

Состав этих кладов однороден и в массе своей резко ограничен, с одной стороны, чеканкой Савромата IV и Тейрана (у небольших кладов Фофорса) и, с другой стороны, последними выпусками монет Рискупорида VI. Подобный состав кладов включает в себе все выпуски медных статеров и ограничен двумя хронологически важными событиями в истории Боспора: так называемыми «готскими походами» и прекращением чеканки боспорской монеты. Характерно, что наличие в позднебоспорских кладах других категорий монет явно случайно. Анализ кладов и монет, найденных при археологических раскопках⁷, позволяет утверждать, что римская монета не принимала участия в денежном обращении Боспора⁸, даже после прекращения чеканки местной монеты.

Изучение состава позднебоспорских кладов приводит к выводу, что моменту прекращения боспорской чеканки предшествовало несколько лет, в течение которых монета выпускалась эпизодически. Это наблюдение и свидетельство упоминаемой уже надписи, констатирующей факт правления Рискупорида VI в 632 г. (335), дает основание утверждать, что причиной прекращения боспорской чеканки не явились внешние события. Очевидно, это явление нужно связывать с внутренними событиями экономического порядка.

Поздний Боспор, после «готских набегов» фактически лишенный традиционных торговых связей, в условиях натурализации хозяйства находился в обстановке, губительной для античного денежного хозяйства. В подобных

¹ К. В. Голенко. Ук. соч., стр. 110.

² Е. Е. Люценко. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частично в Новороссийском крае. 1880. Рукопись хранится в архиве ЛОИИМК (Фонд 28, архив, 22).

³ П. В. Беккер. Керчь и Тамань в июле 1852 г. Прописи, т. III, отд. 1, стр. 353 сл.

⁴ А. Х. Стеван. Таракташский клад. ИТУАК, № 43, Симферополь, 1909.

⁵ Л. П. Харко. Ук. соч., стр. 73 сл.

⁶ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 134 сл. (О том же кладе см. Р. В. Фасмер. Список монетных находок. Сообщение ГАИМК, II, Л., 1929, стр. 285).

⁷ Исключение составляет инвентарь погребений, где римские монеты и индикации с них очень часты. Вопрос об этих монетах требует специального исследования; однако уже можно отметить, что монеты из боспорских некрополей римского времени по своему составу явно отличаются от монет, находившихся в обращении в это время.

⁸ Наличие большого количества римских монет в Таракташском кладе (см. А. Х. Стеван. Ук. соч.) не может повлиять на правильность подобного заключения, так как район Судака, где найден клад, лежал в непосредственной близости к таким пунктам, как Херсонес и Харакс, где основой денежного обращения с III в. была римская монета.

Характерно, что в огромном Тиритакском кладе 1937 г. (см. А. Н. Зограф. Тиритакский монетный клад. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 58 сл.), хронологически предшествующем нашему кладу, в числе 2093 биллоновых статеров римских монет не оказалось.

условиях медная боспорская монета с явно условным курсом не могла долго чеканиться. Кроме того, огромные выпуски монет в 619—622 гг. (322—325) наверняка не могли не перенасытить и без того слабый внутренних рынок позднего Боспора. Однако обращение медных статеров продолжалось и после прекращения их чеканки, вплоть до гибели Боспорского царства в результате вторжения гуннов в 70 гг. IV в. То, что это вторжение послужило причиной зарытия интересующих нас кладов¹, не может вызвать возражения, так как об этом свидетельствует большое количество кладов примерно одинакового состава, разбросанных по всей территории Боспора, от Судака и Феодосии до Таманских городищ. Такое повсеместное зарытие кладов могло быть вызвано только очень крупным внешним² вторжением; таковым в эту эпоху могло быть только вторжение гуннов.

---

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 482.

² В этой связи очень интересны обстоятельства находки Тириакского клада 1946 г. См. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 482; е го же. Некоторые итоги раскопок Мирмекия и Тириаки. ВДИ, 1947, № 3, стр. 187 сл.

О ПЛЕМЕНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ В IX В.

(По материалам раскопок курганов)

В 1948 и 1949 гг. Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР¹ и Комитета Наук МНР в окрестностях монастыря Эрдени-Цзу были произведены раскопки 27 каменных курганов в трех пунктах (см. приложение).

Самая ближняя группа курганов расположена в 8 км от Эрдени-Цзу, вверх по течению Орхона, в узкой долине реки, на высоком увале правого берега, в урочище Дель (Орхон-Дель). Здесь было раскопано 11 курганов.

Вторая группа — Джаргаланты (где в 1948 г. нами были раскопаны 2 кургана, а в 1949 г. — 13) находится в 18 км к юго-востоку от Эрдени-Цзу, на левом берегу р. Хухшин-Орхон, по дороге в Шанг-Сомон, не доезжая до последнего 2 км.

В третьем пункте, справа от дороги из Шанг-Сомона на курорт Худжиртэ, не доезжая до него 2 км, в урочище Хушот расположен большой могильник, состоящий из плиточных могил. Здесь встречаются также и небольшие каменные курганы. Один из них, подквадратной формы, был раскопан в 1949 г.

Все насыпи каменных курганов сложены из довольно крупных обломков скал весом от 1 до 50 кг. Внешний вид курганов неоднороден. Среди них можно выделить четыре типа.

К первому типу относятся насыпи округлой формы. Второй тип — это такие же округлые насыпи, но окруженные кольцевыми выкладками из камней и иногда имеющие радиальные выкладки, ориентированные по странам света. К третьему типу следует отнести округлые насыпи, окруженные четырехугольными каменными выкладками. Четвертый тип составляют четырехугольные каменные выкладки.

Тяжелый грунт, в котором были вырыты могилы, не всегда позволял выяснить точные очертания могильных ям; кроме того, большинство погребений оказалось ограбленными, и неглубокие могильные ямы часто нарушались при ограблении.

Каменные насыпи, окруженные кольцевыми и радиальными каменными выкладками, по-видимому, относятся к ритуальным сооружениям, так как при раскопках такой насыпи² в группе Джаргаланты, несмотря на тщательные поиски могильной ямы, никаких признаков последней не прослежено. Все сооружение оказалось сложением на материке, и ни под насыпью, ни в камнях насыпи следов погребения также не найдено.

Однако насыпи с кольцами, но без радиусов, имели под собой погребения. Примером этому могут служить курган № 9 в Джаргалантах и курган № 1 в Орхон-Деле.

¹ Экспедиция работала под руководством С. В. Киселева.

² Ее размеры следующие: диаметр — 10 м, высота — 44 см.

Рис. 1. Джаргаланты. Раскопки кургана № 2

Два последних типа насыпей (третий и четвертый) являлись погребальными сооружениями с неглубокими могильными ямами.

В некоторых случаях (Джаргаланты, №№ 2 и 3, погребение 1; Хушот-Худжиртэ, могила Л) в могильных ямах сохранились остатки дерева, указывающие на наличие гробов. В могиле № 8 в Орхон-Деле стенки ямы были обставлены шестью каменными плитами, образующими каменный ящик.

Многие из вскрытых погребений, несмотря на то, что значительная часть их оказалась ограбленной, позволяют определить, что покойники были ориентированы головой на запад¹ (или северо-запад) и на восток². Все сохранившие свое первоначальное положение костяки лежали вытянуто на спине с руками, положенными вдоль в локтях, лежали кистями на бедрах, но в кургане № 3 в Джаргалантах, где было вскрыто два погребения — женщины (ограбленное) и ребенка (целое) — в разных могильных ямах, покойники лежали спиной кверху, лицом вниз, с руками, вытянутыми вдоль тела. Труп женщины спиной кверху могли перевернуть грабители во время ограбления, но детское погребение, лежавшее в той же позе, ограблено не было.

Погребений с каменными насыпями первого типа в 1948 и 1949 гг. было раскопано в Джаргалантах — девять, в Орхон-Деле — пять и одно в Хушот-Худжиртэ. Из 15 раскопанных насыпей только три оказались неограбленными. Без каких-либо находок были три насыпи, с остатками костей человека и животных — пять. В остальных были найдены отдельные предметы, не взятые грабителями. В кургане № 2 в Джаргалантах пожилая женщина была похоронена с двумя конями, причем ее костяк лежал головой на восток, а лошади имели обратную ориентировку. Также с противоположной ориентировкой был похоронен и мужчина с одним конем в могиле Л в Хушот-Худжиртэ. В Орхон-Деле (курган № 5) были найдены остатки костей от двух коней, но из-за опустошительного ограбления установить ориентировку покойника и коней не удалось.

¹ Джаргаланты, кург. № 8; Хушот-Худжиртэ, кург. Л; Орхон-Дель, кург. №№ 1, 4, 8.

² Джаргаланты, кург. № 3, 4 (В).

³ Джаргаланты, кург. №№ 4, 9; Хушот-Худжиртэ, кург. Л; Орхон-Дель, кург. №№ 1, 4, 8.

В нашей статье мы даем описание пяти почти одновременных курганов¹. Остальные, из-за отсутствия в них находок, пока не могут быть определены.

Наиболее хорошо сохранившимся и давшим ряд интересных предметов было погребение в кургане № 2 в Джаргалантах (рис. 1), под круглой каменной насыпью (первого типа).

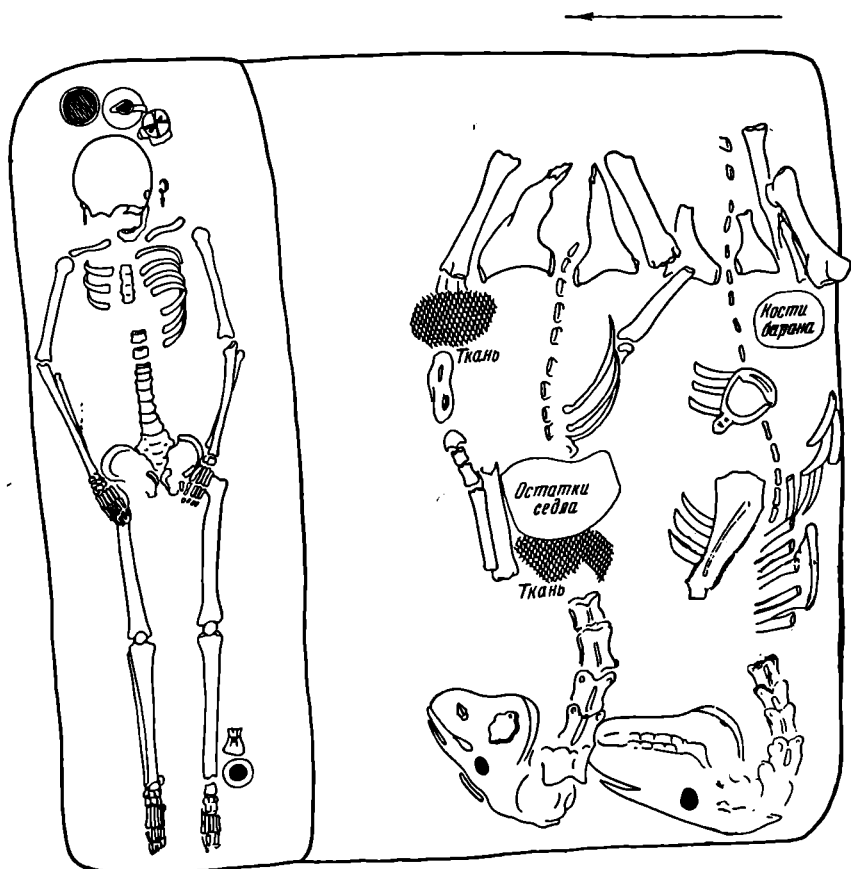

Рис. 2. Джаргаланты. Погребение в кургане № 2

В южной части квадратной могильной ямы ($2,35 \times 2,35$ м), ориентированной по странам света, на глубине 1,1 м, головами на запад были положены на уступе два коня. В северной части могилы ниже уровня конских скелетов лежал костяк женщины, вытянуто на спине, головой на восток. Руки, слегка согнутые в локтях, кистями были положены на бедра (рис. 2). Весь скелет женщины был плотно обернут целым куском хорошо сохранившегося войлока.

Около ушей женщины найдены две золотые серьги в виде овального массивного кольца со шпёнком на верхней части, где, по-видимому, в свое время были укреплены жемчужины или бусины (рис. 4, 2). На спускающемся вниз довольно длинном стержне нанизаны 10 сидящих друг на друге колечек, сделанных из шести спаянных между собой шариков. Подобный тип серег хорошо известен среди древностей кочевнического мира VIII—IX вв.— от Южной Сибири до Дуная. Однако самой близкой аналогией для наших серег является золотая серьга из каменного склепа внутри второго Зеленчукского храма (Северный Кавказ) из раскопок

¹ Джаргаланты, кург. №№ 2 и 3; Хушот-Худжиртэ, могила Л, и Орхон-Дель, кург. №№ 5, 7 и 11.

Х. Р. Лайпанова в 1940 г.¹ Эта серьга имеет точно такое же расширение внизу и стержень, на который нанизаны четыре подвижных столбика, имитирующих бусинки. Особенно важным является то обстоятельство, что в этом склепе вместе с серьгой была найдена алмандиновая печать с арабской надписью и именем князя Ашота I, правившего Арменией с 855 г. по

Рис. 3. Джаргаланты. Курган № 2. Китайское зеркало
($\frac{9}{10}$ нат. вел.)

891 г.² Таким образом точно устанавливается датировка этого типа серег — IX в. Эту же датировку еще раз подтверждает и другая подобная серьга из катакомбы № 2 Верхнего Алкуна в Грозненской области, найденная в раскопках Е. И. Крупнова и Л. П. Семенова в 1939 г. в сопровождении арабской монеты также IX в.

Следует отметить, что серьги сходной формы, т. е. с выступом на верхней части кольца и различного рода подвесками на нижней, существовали и в более раннее время, но утолщение нижних концов при переходе в перехват для подвески: появляется не ранее второй половины VIII в.³ Серьга, совершенно аналогичная нашей, имеется и в древностях Минусинской котловины, но она происходит из случайных находок из с. Кривошеина⁴.

¹ Хранится в ГИМ.

² В. А. Крачковская. Печать Багратиды Ашота с арабской надписью, КСИИМК, вып. XII, 1946.

³ Из датированных серег можно указать: 1) бронзовые золоченые серьги из Покровки, катакомба № XXV, погребение 3; хранится в ГИМ, № 40526 (№ 1311), дата 788 г.; 2) серьги из Балты, раскопки В. И. Долбежева 1897 г., могила I, дата VIII—IX вв. н. э.

⁴ В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVI, рис. 3.

Рис. 4

1 — футляр из шелка с зеркалом внутри. Джаргаланты, кург. № 2; 2 — золотая серьга. Джаргаланты, кург. № 2; 3, 4 — золотые серьги. Джаргаланты, кург. № 3, могила 2; 5-10 — бусы из голубой яшты и сердолика. Джаргаланты, кург. № 3, могила 2

В головах у женщины из погребения в Джаргалантах были найдены положенные в черную лаковую чашечку овальной формы гребень в шелковом мешочке и зеркало в футляре¹.

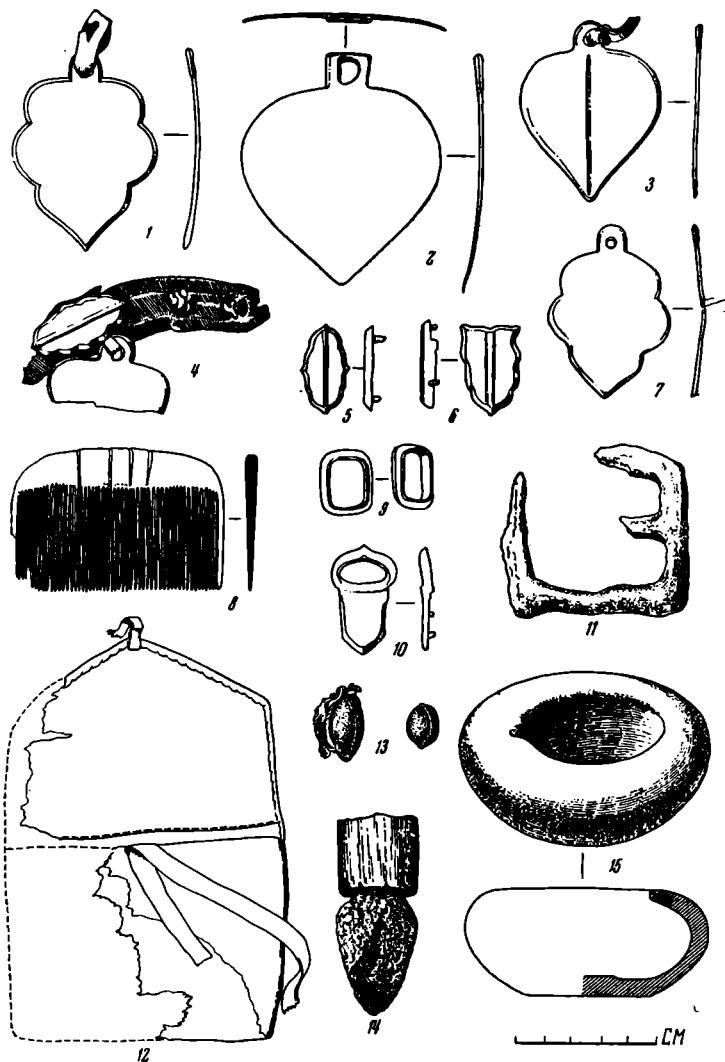

Рис. 5. Джаргаланты. Курган № 2.

1—7 и 9—11 — принадлежности сбруйного убора северной лошади; 8 — костяной гребень; 12 — шелковый футляр для гребня; 13 — косточки от урюка и сливы; 14 — железный нож в деревянной рукояти; 15 — глиняный сосуд

Зеркало из белой бронзы (диаметром 11 см) прекрасно сохранилось, его отполированная поверхность и сейчас совершенно ясно отражает изображение (рис. 3). Обратная сторона зеркала покрыта фигурами четырех химер, сгруппированных вокруг центральной кнопке, сделанной в виде сидящей лягушки. Вокруг химер по всей поверхности переплетены виноградные лозы с гроздьями и листьями, среди которых порхают птицы, напоминающие воробьев. Все это выполнено высоким рельефом. Такого

¹ Весь материал из могильника Джаргаланты хранится в Центральном гос. краеведческом музее МНР в г. Улан-Баторе.

типа зеркала известны в литературе под названием «виноградник»; они являются произведениями китайского искусства танского времени¹.

В кнопку зеркала была продета свернутая жгутом полоска очень тонкого китайского шелка золотистого цвета, за которую прихватывали рукой при употреблении зеркала.

Зеркало было положено в могилу в специально для него сшитом футляре из шелковых тканей (рис. 4, 1). Его нижняя часть сшита из двух слоев зеленоватого шелка, проложенного внутри тонким слоем войлока.

Рис. 6. Джаргаланты. Курган № 2. Китайские надписи на дне лаковой чашечки

1 — надпись внутри; 2 — надпись снаружи

По краю имеется толстый рубец, в который вшиты четыре треугольных клапана с завязками на концах из тесьмы, сшитой из свернутого вдвое зеленоватого тонкого шелка. Два противоположных клапана сделаны из тонкого золотистого шелка, два другие клапана — из плотного шелка с тканым узором, изображающим прямолинейные фигуры зеленого и красного цветов, окаймленные желтым контуром. Фигуры имеют «ступенчатые» очертания, объясняющиеся техникой тканья. Все клапаны подшиты подкладкой из зеленоватого шелка, а края обшиты толстой каймой из того же плотного шелка с узором.

Гладкий шелк подкладки футляра — китайского происхождения. Но узорчатый, судя по технике тканья, — иранский. Этот шелк для обладательницы зеркала, по-видимому, являлся большой ценностью, так как один из клапанов с узором сшит из двух разных кусочков, даже без подбора рисунка².

Зеркало в футляре было обернуто в кусок тонкого шелка, причем в этом же свертке были положены: короткий и широкий железный нож листовидной формы с деревянной ручкой (рис. 5, 14) и две плодовые косточки — одна, по-видимому, от урюка, другая от сливы (рис. 5, 13), причем на последней сохранилась даже кожица.

Под свертком с зеркалом лежал костяной гребень (7,5 × 5 см) с длинными тонкими зубцами и скругленной спинкой (рис. 5, 8). Он был вложен в четырехугольный футляр, скроенный и сшитый в виде конверта (рис. 5, 12). Верх футляра из плотного желтовато-золотистого шелка, а подкладка — из тонкого (типа тафты) того же цвета. На внутреннем кармане футляра пришиты две завязки из зеленого узорчатого шелка, сшитого в виде ленты, а откидной клапан имеет завязку из желтого шелка. В этом же футляре вместе с гребнем был положен зуб человека.

Лаковая чашечка, в которой лежали все описанные выше предметы, оказалась очень плохой сохранности; от нее уцелели лишь отдельные куски дна и бортиков. Чашечка сделана из черного, очень тонкого лака. На внутренней стороне сохранились остатки нескольких китайских иероглифов крупной односторонней надписи, читающейся как «Хань-Цзи» (клеймо Хань), нанесенных широкой кисточкой ярко-красным лаком. На наружной стороне имеется один иероглиф малого размера, читающийся как «Тай» (рис. 6, 2). Кроме того, на лаковой поверхности дна каким-то

¹ М. Лаврова. Китайские зеркала ханьского времени (из собрания Румянцевского музея). Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, Л., 1927, стр. 14, рис. 11; R. Fry, L. Binyon, A. Kendrick, B. Rackham, W. Yetts, O. Sirén, W. Winkworth. Chinese Art, an introductory review of painting, ceramics, textiles, bronzes, sculpture, jade, etc. ... London, 1925, Bronzes plate 13, рис. C; R. W. Swallow. Ancient Chinese Bronze Mirrors. Peiping, 1937, табл. 19.

² Таблица в красках, как и все другие рисунки, выполнены автором.

острием нанесено несколько штрихов в виде прямых и поперечных линий, запятой и несомкнутого овала.

Остатки ткани, в которую были завернуты зеркало, гребень и лаковая чашечка, представляют собой большой интерес. По определению Е. С. Видоновой, эта ткань шелковая с вытканым узором в виде некрупной двойной клетки. Цвет фона — светло-песчаный на двойных контурах

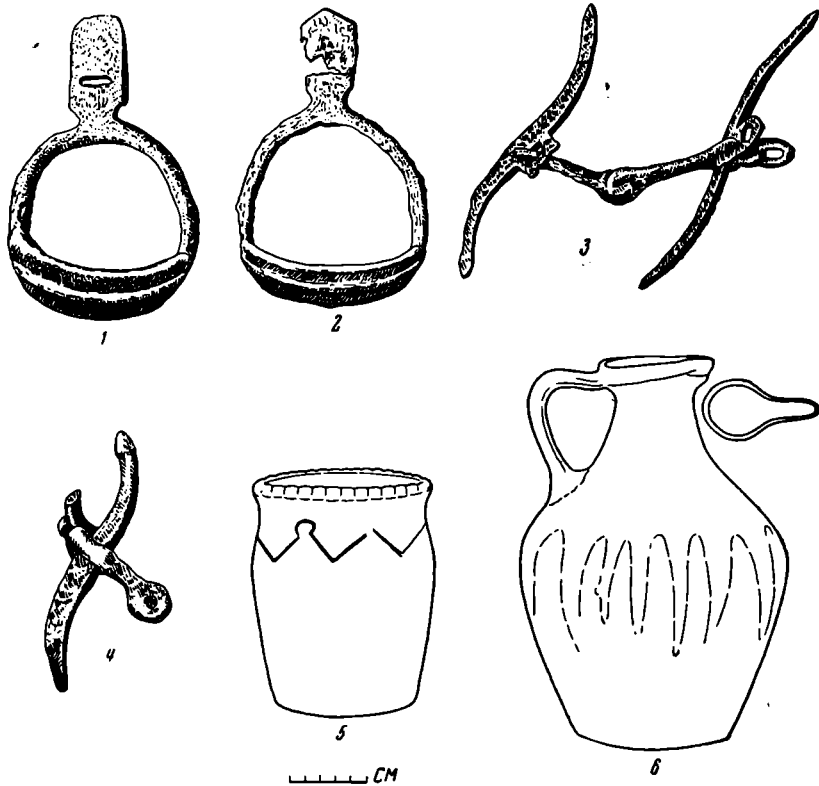

Рис. 7. Джаргаланты. Курган № 2.

1 — левое стремя северной лошади; 2 — правое стремя северной лошади; 3 — удила южной лошади; 4 — удила северной лошади; 5 — лепной сосуд из серой глины; 6 — кувшин

клетки, а самая середина клетки — темно-песочного цвета. Оригинален прием тканья: в ткани различаются две основы и два утка. Таким образом получилась ткань, сотканная в два слоя. Эти слои по внутренним контурам клетки сотканы друг с другом. Изнанка несколько иного цвета, чем лицевая сторона. Переплетение нитей простейшее. На двух фрагментах имеется шов «в запошивку», сделанный тонкой шелковой нитью. Это говорит о том, что ткань, по-видимому, была частью одежды.

Е. С. Видонова считает, что, судя по искусному и оригинальному приему выделки двуслойного шелка, можно предполагать, что он сделан китайскими мастерами.

Погребение женщины из Джаргалантов сопровождали три стоявших в головах покойницы глиняных сосуда. Первый сделан из серой глины, леплен от руки, баночной формы (рис. 7, 5). Венчик слегка отогнут и покрыт вертикальными нарезками, образующими своего рода крупный грубый «жемчужник». На плечиках слабым штрихом нанесен зигзагообразный поясик, причем некоторые верхние углы «прикрыты» скобкой. Сосуды такой формы хорошо известны из погребального инвентаря кыргызских

могил Хакассии VII—VIII вв., тюркских могил Алтая и курыканских могил Прибайкалья.

Второй сосуд — кувшин из красновато-желтой глины (рис. 7, б) высотой 26 см. Его горло кверху уплощено и оттянуто вперед в виде сливного носика. Вокруг края идет довольно широкий накладной бортик. На боках кувшина хорошо заметны темные потеки какой-то жидкости, стекавшей по плечикам сверху вниз. Прямые аналогии в древностях Южной Сибири и

Рис. 8. Джаргаланты. Курган № 2. Китайские монеты из погребения (нат. вел.)

Монголии для этого кувшина нам неизвестны. Кувшинов с ручками нет ни в памятниках алтайских тюрков, ни у енисейских кыргызов; наиболее близкие аналогии следует искать в памятниках Семиречья VIII—X вв.¹ Своей формой этот кувшин отчасти напоминает сосуды из салтовских могил, катакомб Балты и Чми². Только уплощенность верхней части горла позволяет искать некоторые черты сходства с ними.

Третий, плоский, круглый сосуд, стоявший у левой ноги покойницы, сделан из красноватой глины (рис. 5, 15). Внутри него найден кусочек желтой охры. Прямых аналогий ему в древностях Южной Сибири мы не знаем, но такая форма сосудов известна в танском Китае³ (правда, там они сделаны из фарфора).

Рядом с сосудиком лежал небольшой мешочек из тонкого зеленоватого шелка, перевязанный тесемочкой из такого же шелка. В нем оказались семь китайских монет танского времени (достоинством в 1 чох) из белой бронзы прекрасной сохранности. Все эти монеты совершенно одинаковы и датируются IX в. (рис. 8). На мешочке — следы иероглифов.

К югу от женского погребения находились два конских скелета. Обе лошади лежали в одинаковой позе: на животе с подогнутыми ногами. Северная лошадь была положена в могилу в верховой упряжке с седлом, южная — только в простой уздечке, от которой сохранились железные удила с эсовидными псалиями (рис. 7, 3), по форме тождественные удилам, найденным в кургане около восточной оконечности горного кряжа Хайрхан у Наинтэ-Сумэ в Северной Монголии⁴. Такие же удила были найдены В. П. Левашевой в кургане № 4 первого Капчальского могильника в Хакассии⁵; они известны также из раскопок А. В. Адрианова у

¹ МИА, № 14, 1950, табл. LXVI, рис. 4.

² Тр. XII АС, т. I. М., 1905, табл. XXIV, рис. 109.

³ R. L. Hobson. The George Eumorfopoulos collection. Catalogue of the Chinese, Korean and Persian Pottery and porcelain. London, 1925, т. I, табл. LIII, рис. 355.

⁴ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», т. II. Л., 1927, стр. 73 и табл. IV, рис. 35.

⁵ В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, № 24, 1952, рис. 1, 36.

Рис. 9. Джаргаланты. Курган № 2. Шелковая ткань от чепрака северной лошади

оз. Кызыл-Куль в Минусинской котловине¹ и в Абаканской степи², причем вместе с удилами с эсвидными псалиями в последнем кургане были найдены и стремяна, подобные стремянам лошади из Джаргалантов.

От седла северной лошади сохранились куски кожи от чепрака, украшенного большим куском плотной шелковой ткани сложного переплетения с тканым узором. После многовекового пребывания шелка в земле его фон стал коричневато-желтого, а узор зеленоватого цвета (рис. 9).

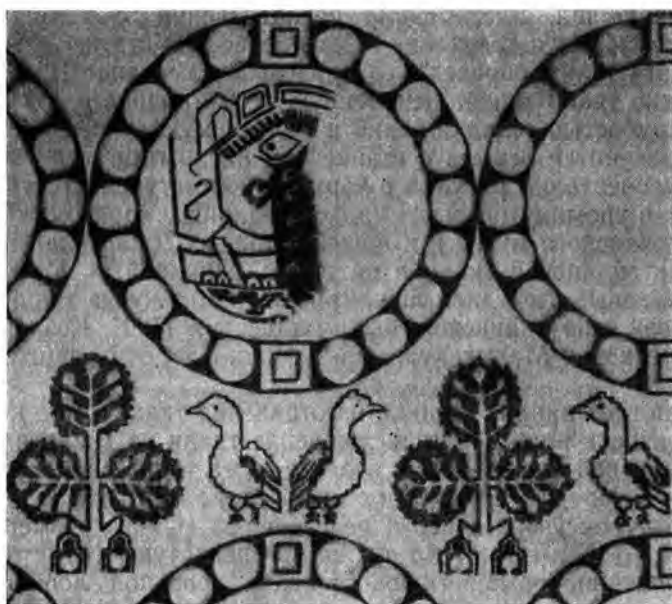

Рис. 10. Джаргаланты. Курган № 2. Реконструкция узора на шелковой ткани от чепрака северной лошади

Эта ткань была расчищена и реставрирована Е. С. Видоной. По ее определению, первоначальный тон ткани, возможно, был белым, а узор, по всей вероятности, синим. На основании сохранившихся частей узора Е. С. Видонова сделала его реконструкцию (рис. 10), по которой видно,

¹ Хранятся в ГИМе, инв. № 36854.

² Там же, инв. № 36517.

что узор состоит из больших кругов (15 см диаметром), расположенных поясами вплотную друг к другу, а каждый пояс находится на большом расстоянии один от другого. Контуры кругов сделаны темным цветом, на фоне которого выделяются «горошины» в цвет фона ткани. Сверху и снизу круга «горошины» разделены четырехугольниками. В кругах помещено какое-то асимметричное изображение, построенное на ломаных линиях, но из-за плохой сохранности ткани в этом месте его содержание не поддается расшифровке. Между поясами кругов заключены стилизованные изображения «деревя жизни» и парные птицы, напоминающие гусей, обращенные головами в разные стороны. Вся трактовка и расположение узора описываемой ткани несомненно иранского облика. Круги с изображениями деревьев или пальметок между ними хорошо известны на сасанидских тканях. В коллекциях Ватиканского музея имеется ткань этого времени, на которой в кругах изображены птицы, отчасти напоминающие наших¹. Деревья, подобные нашим, есть в изображении сцены охоты на львов² на сасанидской ткани, относящейся ко времени Хозроя II (591—628). С изображениями таких же сцен известны ткани китайского производства этого же времени³. Так, например, на одной из них заключенные в круг четыре воина стреляют из луков во львов, а «горошины» так же, как и на нашей ткани, сверху и снизу круга разделены квадратами. Издавший эти ткани Лессинг считает, что они являются несомненным подражанием сасанидским. Такое утверждение мне кажется вполне допустимым. В его пользу говорит вся схема расположения узора, китайские же мастера только придали лицам воинов свои черты и одели их в китайские одежды. Таким же образом перенесения иранских мотивов является кусок ткани, найденный В. В. Радловым в первом малом кургане II Катандинского кладбища. Здесь схема распределения элементов орнамента иранская, но сюжет и трактовка — китайские⁴. В статье А. А. Захарова, издавшего эту ткань, справедливо приведено замечание Н. Н. Соболева, что «иранские ткани имеют неизменную геометричность фигур, обуславливаемую грубостью техники ткани и получаемую от непоследовательного разделения нитей основы в станке при раскрытии зева». Эту же геометричность очертаний рисунка с характерной «ступенчатостью» контуры мы имеем и в упомянутой выше иранской ткани с «древом жизни» из собрания Ватиканского музея и в нашей ткани из Джаргаланта. В то же время на катандинской ткани и на ткани, изданной О. Мюнстербергом, мы видим плавные очертания линий рисунка. Два куска ткани, совершенно одинаковой с катандинской, были найдены и П. К. Козловым в Монголии при раскопах Малых курганов в Ноин-Уле, относящихся к танскому времени⁵.

Учитывая этот анализ техники изготовления тканей, мне кажется возможным признать иранское происхождение ткани из Джаргалантинского кургана. Иранской же, вероятно, является и та ткань, из которой сделаны клапаны футляра для зеркала из описываемой могилы в Джаргалантах. Хотя рисунок узора здесь и неясен из-за малого размера кусочков ткани, но очертания его имеют ту же «ступенчатую» геометричность.

Кроме описанной выше ткани, от седла северной лошади сохранились небольшие кусочки войлока и остатки его деревянных частей. На правом боку лошади найден кусок деревянной доски от наплечника (длина около 30 см, толщина до 1,5 см).

¹ J. Lessing. Die Gewebe Sammlung des K. Kunstgewerbe Museum, Berlin, 1900.

² Там же.

³ Там же; см. также О. Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte, т. II, Esslingen a. N., 1912, стр. 382, рис. 559.

⁴ А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. Тр. ГИМ, вып. I, М., 1926, табл. VI; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей. М.—Л., 1934.

⁵ Хранятся в отделе Востока в Гос. Эрмитаже.

Сбруйный убор северной лошади украшали 29 предметов. Среди них: листовидные подвесные бляхи двух типов, овальные наременные бляшки (рис. 5, 1—7, 10), обоймы, концевые наременные бляшки и пряжки. Все они бронзовые, за исключением налобной бляхи, которая сделана из серебра.

По расположению бляшек хорошо прослеживается схема их расположения на сбруе.

Налобная бляха листовидной формы с четырехугольной петлей для подвешивания (рис. 5, 2), такая же бляха с округлой петлей с правого плеча лошади (рис. 5, 3), а также остальные бляхи листовидной формы, но с вырезными краями (рис. 5, 1 и 7) относятся к серии сбруйных украшений, хорошо известных у енисейских кыргызов VII—VIII вв. Эти бляхи мы знаем по раскопкам В. П. Левашовой в первом Капчалском могильнике¹ и по отдельным находкам из других мест.

В Копенском чаатасе отдельные бляхи были найдены во втором тайнике кургана № 6². Но благодаря рельефной фигурке всадника (оттуда же) мы узнали точно, к какой части конского убора принадлежат эти бляхи. Они служили украшениями нагрудного и потфейного ремней. Распределение блях на скелете лошади в Джаргалантах указывает, что и здесь они были на нагрудном ремне и на чепраке.

Подобной формы бляхи, но без ушков, а с дырочками в верхней части, встречаются и в салтовских погребениях³ и в катакомбах Балты⁴ и являются широко распространенным конским украшением кочевнического мира VII—VIII вв. Однако все же достаточно ясно не только сходство, но и тождество в формах блях кыргызских и джаргалантинских и некоторое различие их с аланскими.

Овальные наременные бляшки с вырезными краями и продольной рельефной полоской найдены двух размеров — длиной 4 и 3 см (рис. 5, 5). Совершенно такой же формы и таких же размеров известны наременные бляшки из кургана № 3 в Туяхте на Алтае⁵. Это погребение точно датируется VII—VIII вв. найденным в нем серебряным кувшинчиком с орхон-енисейской надписью, а также всем комплексом сопровождавших его вещей.

По сохранившемуся на левой стороне чепрака северной лошади куску сыромятного ремня можно установить местонахождение и соотношение овальных бляшек с листовидными. Как видно на рис. 5, 4, овальная бляшка укреплена на ремне, а листовидная при помощи тонкого ремешка подвешена под ней, причем этот ремешок проткнут одной из лапок овальной бляшки. Рядом на ремне остались отверстия, в которые были вставлены лапки соседней овальной бляшки; таким образом, видно, что на нагрудном ремне эти бляшки были закреплены почти вплотную одна к другой.

Судя по расположению бляшек, все они украшали уздечку, нагрудный ремень и чепрак. Потфейный же ремень был без украшений. Несмотря на то, что его остатков не найдено, не приходится сомневаться в его наличии, ибо верховая езда по гористой местности без потфейного ремня неудобна, а по копенским рельефам всадников⁶ этот ремень нам хорошо известен, точно так же, как и по изображениям всадников на енисейских

¹ В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов, МИА, № 24, рис. 1, 28—30.

² Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 39, рис. 66.

³ Тр. XII АС, т. I, табл. XXII, рис. 92—95.

⁴ МАК, т. VIII, 1900, табл. XVI, рис. 3 и 4.

⁵ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI. М., 1941, стр. 115, рис. 68.

⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копены. Тр. ГИМ, вып. XI. М., 1940, табл. VII и VIII.

писаницах, где почти у всех лошадей имеются потфейные ремни как с подвесными бляхами, так и без них¹.

Удила северной лошади железные с массивными эсвидными псалиями (рис. 7, 4), они подобны удилам из поздних кыргызских погребений. В качестве примера можно привести удила из кургана № 1 (могила II) первой группы Капчальского могильника².

Стремена, как это иногда бывает в одном и том же седельном наборе у енисейских кыргызов, не парные, но одной формы (рис. 7, 1 и 2). У левого стремени лопатки и петли с прямым верхом, а у правого — с треугольным. Ближайшей аналогией этих стремян являются найденные на территории Монголии в Наинтэ-Суме два стремени северного коня³.

Подобные стремени обычны как для енисейских кыргызов, так и для алтайских тюрок. Они известны из погребения Ак-Кюна и Курайской степи⁴, из Копенского чаатаса (курган № 6, второй тайник)⁵ и из Капчальского могильника⁶ в кургане № 5 и др.

Такое же стремя было найдено и среди предметов Тюхтятского клада⁷, а также в кургане в седловине над р. Таштык⁸ С. А. Теплоуховым.

У левого стремени были найдены две бронзовые пряжки (рис. 5, 10) и ременной наконечник (рис. 5, 6) того же стиля, что и овальные пряжки. Эти предметы указывают на то, что стремя не было закреплено, а его можно было подтягивать или удлинять по мере надобности.

Еще одной принадлежностью седельного набора является большая железная подпругная пряжка (рис. 5, 11), сходная с пряжками из Копенского чаатаса, Тюхтятского клада и первого Малого кургана из II Катандинского кладбища⁹.

Как видно из описания Джаргалантинского кургана № 2, все найденные там предметы могут быть отнесены к VIII—IX вв.; монеты тоже называют на IX в.

Здесь же следует отметить, что найденные монеты были очень хорошей сохранности, без патины. Благодаря этому видно, что они были положены при погребении совершенно новыми, без каких-либо следов изношенности. Вполне вероятно, что этот факт свидетельствует о характере погребального ритуала, который требовал, чтобы в загробную жизнь покойника сопровождали новые монеты. Количество монет, положенных при погребении, не случайно. В одном из склепов танского времени в Астане была найдена круглая плетеная коробочка, в которой лежали костяной гребень джаргалантинского типа и семь танских монет¹⁰.

Курган № 3 в группе Джаргаланты был той же формы, что и курган № 2. Его диаметр 7 м, высота 23 см; он также был сложен из обломков скал. На горизонте под насыпью находились две могильные ямы (размеры первой: с запада на восток — 2,5 м, с севера на юг — 60 см; размеры второй: с запада на восток — 80 см, с севера на юг — 35 см). В первой могиле было обнаружено ограбленное погребение. Костяк (женщины?) лежал головой на восток (череп не было). По расположению костей установлено, что костяк лежал на животе (т. е. лицом вниз) с руками, вытянутыми вдоль тела. Вещей при погребении не было найдено, но ориентировка та же, что и в кургане № 2. Во второй могиле кургана № 3 был найден костяк ребенка (судя по серьгам и бусам, девочки лет двух),

¹ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 104, рис. 187, 188, 190 и 191.

² В. П. Левашова. Два могильника..., рис. 1, 37.

³ Г. И. Боровка. Ук. соч., стр. 73 и табл. IV, рис. 38 и 39.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1952, табл., L, рис. 22.

⁵ Там же. табл. LIX, рис. 5.

⁶ В. П. Левашова. Два могильника..., рис. 1, 39 и 42.

⁷ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 70, рис. 135.

⁸ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. II, рис. 38.

⁹ А. А. Захаров. Ук. соч., табл. VI, рис. 8.

¹⁰ Aurel Stein. Innermost Asia, Oxford, 1928, с. III, табл. LXXXIX.

ориентированный головой на восток, с руками, вытянутыми вдоль тела, и также лицом вниз. Можно предположить, что в этом кургане в одном и том же положении были похоронены мать с ребенком. Причина такого положения неясна, и одновременных аналогий такому обряду в погребениях Саяно-Алтайского нагорья нет. Восточная ориентировка погребений и тип курганной насыпи обоих погребений кургана № 3 и кургана № 2 схожи; может быть, это позволит объединить их в одну группу.

В погребении девочки (курган № 3, вторая могила) около ушей лежали две сережки из тонкой золотой проволоки, согнутой в кольцо, с заходящими друг на друга концами (рис. 4, 3 и 4). У шеи найдены шесть бусин от ожерелья (рис. 4, 5—10): пять из голубой пасты и одна из темного сердолика, боченкообразной формы. Сердоликовые бусы в кыргызских древностях встретились нам в культурном слое при раскопках поселения у с. Малые Копены¹, а также найдены и в кургане № 9 Копенского чаатаса².

Из-за крайне недостаточного количества материалов из раскопок на территории Монголии нам приходится прибегать к сопоставлению предметов, найденных в наших раскопках, с материалами из сопредельных областей — Саяно-Алтайского нагорья и др. Пока только одно погребение в Монголии, раскопанное экспедицией Академии наук СССР в 1925 г., несомненно, относится к тому же кругу памятников, что и наши два кургана в группе Джаргаланты. Это — упомянутое уже выше погребение мужчины у Нантэ-Сумэ, по обряду полностью совпадающее с джаргалантинским. Там покойник также был положен головой на восток, а кони — на запад. Этот факт, а также одинаковое конское убранство говорят нам об одновременности погребений.

Хушот-Худжиртэ, могила Л

В 1949 г. в группе плиточных могил, расположенных близ курорта Худжиртэ (в 50 км от Эрдени-Цзу), нами была вскрыта четырехугольная (3,60 × 2,30 м) каменная выкладка (четвертый тип), сложенная из крупных обломков скал в прямую линию. В могильной яме (2,60 × 1,40 м) было обнаружено ограбленное погребение мужчины с конем.

Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука была вытянута вдоль тела; левые конечности отсутствовали, за исключением кости бедра, отброшенного на скелет лошади. Конь лежал вдоль левого бока человека, головой в ту же сторону (рис. 11).

Судя по сохранившимся остаткам дерева и войлока, человек был погребен в гробу, выложенном войлоком. При погребении человека найдены только очень плохо сохранившийся нож (или кинжал?) в деревянных ножнах с деревянной же рукояткой, лежавший на локте левой руки, и большие куски остатков одежды из шелковой ткани (рис. 12). По определению Е. С. Видоновой, эта ткань сложного переплетения. Узор состоит из вытканых круглых многолепестковых розеток (напоминающих цветы вроде ромашки), расположенных рядами, причем розетки находятся одна над другой в шахматном порядке. В промежутках между ними (фон) ткань более плотная. По контуру розеток сохранились следы проколов — это остатки от несохранившейся нити, оконтуривавшей узор. Кое-где по контуру все же сохранились ее остатки.

Такая техника разделки узоров известна только на китайских тканях, где контуры прошивались тончайшими полосками вызолоченной кожи или бумаги³. На нашей ткани заметны сохранившиеся блески золота. Очевидно, и здесь была применена эта же техника, и контур был прошит, по всей вероятности, полосками позолоченной бумаги, которая истлела в

¹ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 35, рис. 43.

² Там же, стр. 76, рис. 161.

³ Н. Н. Соболев. Ук. соч.

земле раньше шелка, а на их месте остались только проколы и позолота.

На фрагментах ткани, найденных на левом боку покойника, сохранились следы покроя. В одном случае куски ткани сшиты вместе кромками, в другом — швом сшиты куски, выкроенные из целой ткани. На некото-

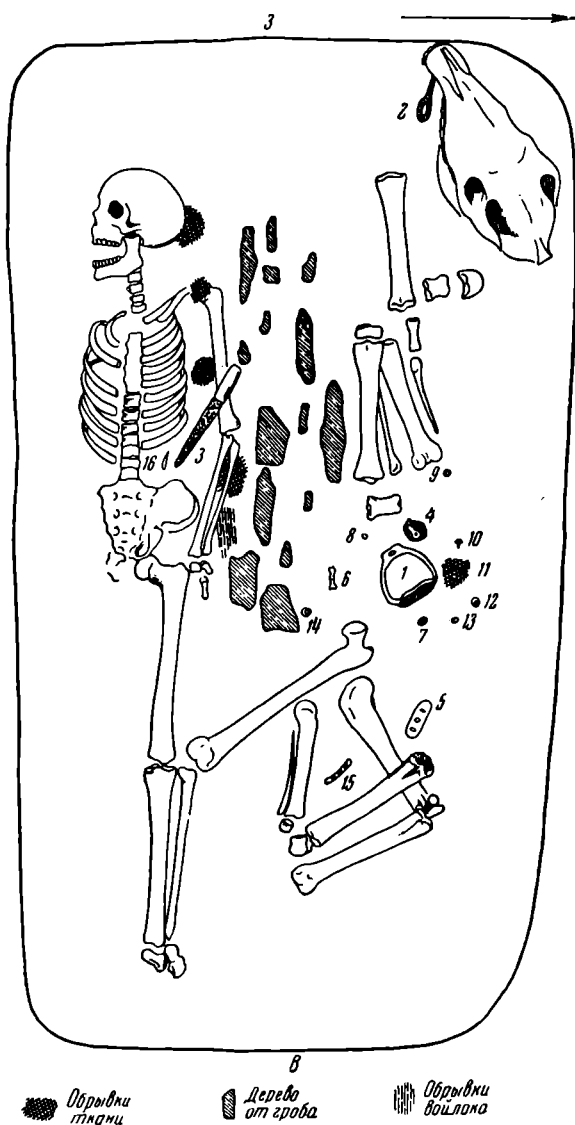

Рис. 11. Хушот-Худжиртэ. Погребение в могиле Л.

1 — стреля; 2 — удила; 3 — железный нож; 4 — бронзовая бляшка; 5 — пряжка костяная; 6 — серебряная накладка; 7 — железная пряжка; 8 — бронзовое большое кольцо; 9 — кольцо медное; 10 — бляшка в виде розетки (бронза); 11—12 — кожаный ремешок с бляшкой-розеткой; 13 — бляшка-розетка; 14 — железное кольцо; 15 — ремень с бронзовыми накладками; 16 — предмет из рога

рых фрагментах сохранились мелкие складочки, украшавшие одежды, по-видимому, на груди. Нашитые рядами шелковые узкие шнурки сплетены вручную «в косичку» и расположены перпендикулярно по отношению к складкам. На одном фрагменте насчитывается до 60 рядов шнурков, нашитых вплотную друг к другу.

Одежда была на подкладке, от которой сохранились куски шелковой тафты.

Конь был положен в могилу в седельной упряжи, от которой сохранились железные удила (рис. 13, 14), одно стремя и несколько наременных бляшек.

Простые двусоставные удила с крупными кольцами в Саяно-Алтайском нагорье хорошо известны в поздних погребениях енисейских кыргы-

Рис. 12. Хушот-Худжиртэ. Ткань из могилы Л

зов и алтайских тюрок. На примере погребения из кургана № 1 шестой группы Курая С. В. Киселев доказывает, что свободно вращающиеся крупные кольца у удил появились в этих местах не ранее IX—X вв.¹

Стремя из Хушот-Худжиртэ с плоским овальным подножием и узкими круглыми дужками, переходящими в плоский четырехугольный выступ (рис. 13, 13), также является поздним типом и, как это мы видим на примере указанного выше стремени, сопутствует только что описанному типу удил².

Наремненные бронзовые бляшки, по-видимому, были прикреплены на узду. Одна из них пластинчатая, вырезная (рис. 13, 4), четыре — в виде шестилепестковой круглой розетки (рис. 13, 1—3, 5). У одной имеется железный шпенек для насада на ремень. Две бляшки скреплены с остатками ремня при помощи бронзовых колечек, в которые продет ремешок, завязанный узлом или продетый в прорез. В монгольских древностях подобные бляшки пока нам неизвестны, но в Сросткинском могильнике на Алтае найдено несколько таких же бляшек в могиле № 2 (10)³.

Как известно, Сросткинский могильник хорошо датируется найденными в его погребениях танскими монетами середины IX в.

От потфейного ремня у задних ног лошади сохранился кусок вдвое сложенного и прошитого сыромятного ремня с тремя бронзовыми бляшками двух типов, не имеющих аналогий в других находках (рис. 13, 12). Интересно отметить, что проколы для прошивки ремня сделаны узким концом ножа, а не шилом.

Костяная пряжка в виде овального блока с двумя овальными прорезами для ремня, найденная в могиле Л, по-видимому, от конской подпру-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 310.

² Там же.

³ Хранятся в Гос. Русском музее в Ленинграде; одна бляшка издана М. П. Грязновым. См. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1930, стр. 10, рис. 159.

ги (рис. 13, 11). Однако в ней есть одна особенность, которая также ставит ее в ряд более поздних памятников — это железный шпенек от язычка. В пряжках раннего времени язычки делались костяные.

Среди костей коня были найдены также небольшая железная круглая пряжка и железное кольцо с петлей от пробоя (рис. 13, 6 и 7). Три такие же пряжки лежали на левой стороне груди покойника, но они все же,

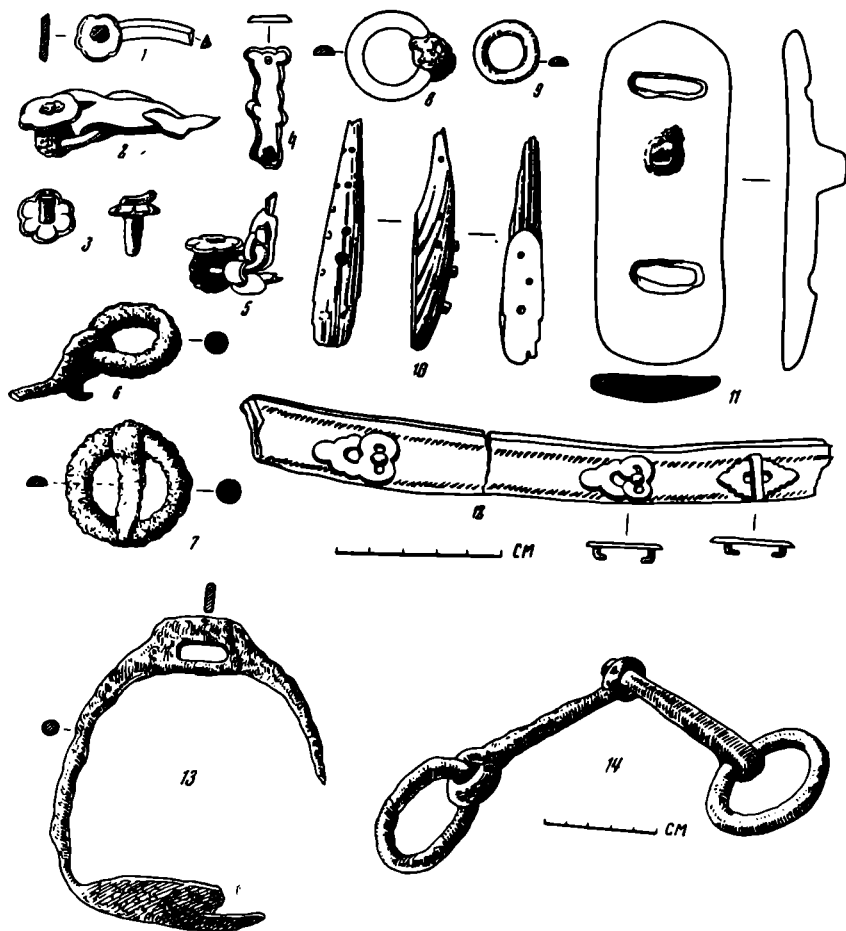

Рис. 13. Хушот-Худжиртэ. Могила Л

1—9, 12 — принадлежности конского сбруйного убора; 10 — предмет из кости;
11 — костяная пряжка; 13 — стремя; 14 — удила

очевидно, принадлежали конскому убору и были сюда отброшены при ограблении могилы. Кроме того, здесь же были найдены два бронзовых кольца в виде пластинки с фигурными краями и двумя дырочками и обломок какого-то бронзового предмета в виде изогнутой узкой пластинки, заканчивающейся круглой розеткой в виде пятилепесткового цветка.

В области пояса покойника рядом с нижним концом ножа лежал костяной предмет с двумя рядами круглых отверстий, в которые вставлены костяные колки (рис. 13, 10).

Орхон-Дель

В 8 км к югу от Эрдени-Цзу, вверх по течению Орхона, на правом его берегу, на высоком увале у подножия горы Дель, расположены небольшие (от 2,5 до 8 м в диаметре, а курган № 5—12 м) курганы и могилы

всех четырех типов: простые каменные насыпи, такие же насыпи, окруженные кольцевыми или четырехугольными выкладками из камней, и четырехугольные площадки, выложенные из обломков скал.

В этой группе нами были раскопаны курганы всех указанных типов. Все они оказались ограбленными еще в древности и дали незначительный по количеству, но достаточно интересный по содержанию материал. Погребения из курганов №№ 5, 7 и 11 по времени оказались наиболее близкими к описанным выше¹.

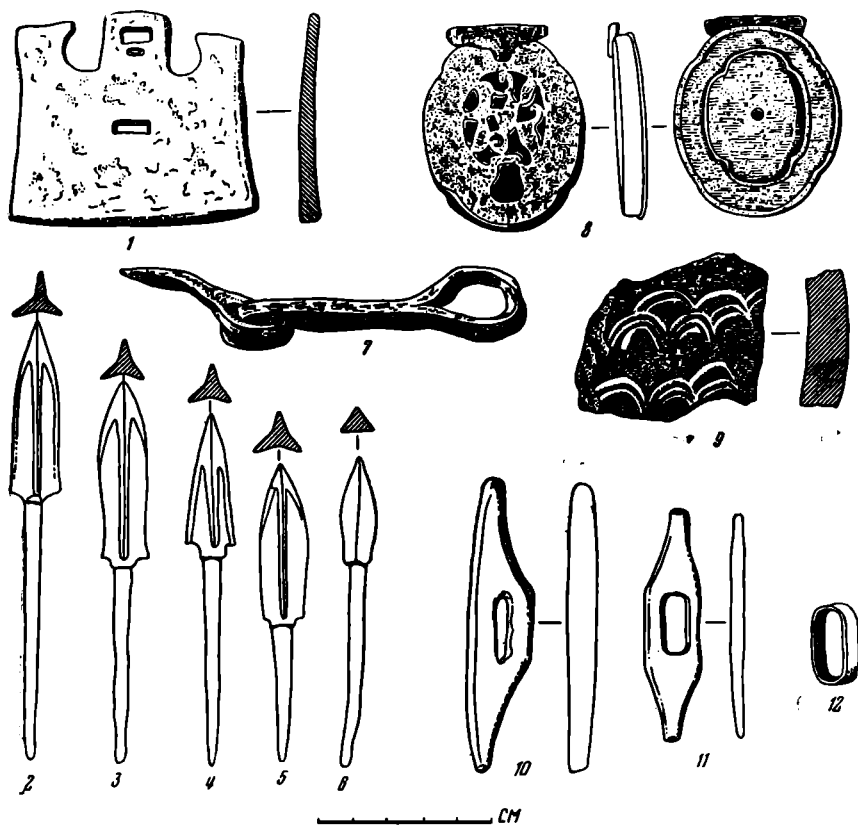

Рис. 14. Орхон-Дель

1 — железное кресало из кургана № 11; 2—6 — железные наконечники стрел из кургана № 11; 7 — железные удила из кургана № 5; 8 — железная пряжка-медальон из кургана № 5; 9 — обломок глиняного сосуда; 10—12 — костяные застёжки от пут и обойма из белого металла, найденные в кургане № 7

Все погребения были в неглубоких могильных ямах (до 40 см глубиной), часто плохо прослеживаемых в каменистом грунте.

В кургане № 7 были найдены отдельные конские кости; может быть, это остатки от положенного в могилу коня. В кургане № 5 погребение сопровождали кости барана, а в № 7 — коровы.

В кургане № 5 костей коня не было, но в нем найдены железные удила, простые, двусоставные, с небольшой петлей (рис. 14, 7), своей формой похожие на такие же удила из каменной оградки в I группе курганов Курайской степи на Алтае².

В этом же кургане найдена железная застёжка в виде медальона овальной формы со слегка вырезными краями (рис. 14, 8). Верхняя и

¹ Курганы №№ 5 и 11 — в виде округлых каменных насыпей, курган № 7 — четырехугольная каменная выкладка.

² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., стр. 116, рис. 70.

нижняя ее стенки склепаны на ободке. Наружная сторона имеет с одного края отверстие для крючка встречной пряжки, а середина застежки украшена ажурной прорезью, в которой можно усмотреть элементы стилизованных изображений животных. Поверхность верхней и нижней стороны застежки шероховатая, как бы чешуйчатая в результате разделки фона в виде мелких капелек металла.

Эта техника разделки фона встречается обычно на узких длинных накладках с небольшими выступами, весьма характерной формы. Иногда фон на этих накладках, как и на других предметах конского убора, состоит из мелкогеометрического штрихового узора в виде кружков или косых поперечных линий и пр. Подобные предметы в сравнительно небольшом числе известны главным образом из случайных находок на территории Минусинской котловины и относятся ко времени не ранее IX в. Это устанавливается наличием двух накладок в составе вещей Туюхтатского клада, датированного китайской монетой императора Ву-Цзуня¹ (IX в.), и полным отсутствием подобных предметов с описанной техникой выделки в кыргызских погребениях VII—VIII вв. В качестве примера можно еще указать на находку подобных накладок в каменном кургане на набережной, возле пристани в г. Абакане², в коллекциях О. Б. Згерского-Струмилло, А. В. Адрианова и др., собранных в Минусинской котловине и хранящихся в Государственном историческом музее. К этому же времени относятся подобные предметы, найденные Л. Р. Кызласовым в 1954 г. у с. Малиновка в Тувинской автономной области, где возле каменного кургана с трупосожжением стоял надмогильный камень с орхоно-енисейской надписью³.

Самой значительной находкой из кургана № 5 в Орхон-Деле являются два обломка от сосуда из желтовато-красной глины. Их поверхность покрыта штампованным узором в виде небольших, вписанных одна в другую скобок (рис. 14, 9).

В 1949 г. Монгольская историко-этнографическая экспедиция произвела крупные раскопки древней уйгурской столицы Хара-балгас, разгромленной енисейскими кыргызами в 840 г. Раскопки подтвердили летописные известия о разрушении этой столицы огнем и мечом. Следовательно, существование бытовых предметов, находимых в культурном слое Хара-балгаса, обрывается именно в IX в. Глиняная посуда Хара-балгаса несомненно уйгурская. Часть ее своей формой лишь до известной степени напоминает так называемые «кыргызские вазы» Минусинской котловины. Техника нанесения орнамента при помощи штампов и состав теста также имеют сходство с кыргызскими, но узоры этих штампов и их размещение на тулове сосудов резко отличны. Таким образом, теперь явилась возможность точно выделить тип уйгурской керамики, и вот именно к этому типу и относятся два обломка, найденные нами в кургане № 5 Орхон-Деля. В Хара-балгасе это самый массовый тип посуды, встречавшийся в изобилии при наших раскопках.

Более поздняя уйгурская керамика тоже стала известной нам после 1949 г. из раскопок городов Хадасан и Чин-гологой, относящихся, по всей вероятности, ко второму уйгурскому периоду (X—XII вв.)⁴. Посуда этого времени имеет свои характерные особенности, отличающие ее от более ранней, хара-балгасского типа.

Учитывая высказанные замечания, мне кажется возможным определить народность человека, погребенного в пятом кургане в Орхон-Деле. Этот человек, тесно связанный своим бытом с уйгурской столицей, вернее всего — уйгур.

¹ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 70, рис. 133.

² А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г. КСИИМК, вып. XXV, стр. 83, рис. 31.

³ Отчет Л. Р. Кызласова о раскопках в Туве, хранящийся в архиве ИИМК АН СССР.

⁴ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, II, 1957.

В связи с этим определением возникает возможность решения некоторых вопросов, связанных с изучением древностей Минусинской котловины. Выше уже нами был отмечен ряд аналогий для железной пряжки из кургана № 5 в Орхон-Деле, отличающейся особой техникой разделки поверхности.

Так как эти предметы появляются на Среднем Енисее не ранее IX в., то возникает предположение о том, что их могли сюда принести уйгуры после 860 г., т. е. после двадцатилетнего господства над ними енисейского владычества. Вполне возможно, что к этому времени относятся и вещи из погребения, раскопанного в 1946 г. Абаканским музеем на пристани р. Абакан¹, и указанный ряд таких же предметов из случайных находок в Минусинской котловине, а также из погребения у с. Малиновки в Тувинской автономной области, раскопанного Л. Р. Кызласовым.

В шестой могиле Орхон-Деля были найдены часть железного крюка, два обломка железных четырехгранных гвоздей (?) и обломок дна сосуда из серой глины.

В кургане № 7 (четыреугольная выкладка) была вскрыта могильная яма (размером 1,40 × 1,40 м, глубиной 1,25 м) с сильно разграбленным погребением человека с конем. Из вещей в ней были найдены только два костяных запора от конских пут — цурки (рис. 14, 10 и 11). Одна из них асимметричная, с боковым выступом, является широко распространенной формой для Саяно-Алтайского нагорья VI—IX вв. Другая — более редкой формы — с двумя боковыми выступами.

В кургане № 11 (округлая каменная насыпь), оказавшемся, как и все прочие, ограбленным, среди костей скелета человека, разбросанных в могиле, найдены железное кресало, пять железных наконечников стрел и бронзовая обоймочка.

Кресало четырехугольной формы, пластинчатое, с двумя вырезами в верхней части по бокам четырехугольного выступа, с отверстиями на нем и в середине пластины (рис. 14, 1), является поздним предметом, так как в древностях Саяно-Алтайского нагорья до IX в. такая форма нам неизвестна. Из случайных находок у С. Батени в Хакасии² нам известно одно железное кресало сходного типа. На его верхнем выступе приделана пряжка для подвешивания к поясу. Возможно, что у нашего кресала также в верхнем отверстии могла быть закреплена подобная пряжка, но не исключена возможность его прикрепления к поясу и при помощи ремешка, продернутого сквозь два отверстия, имеющих на кресале. С ним сходны и другие кресала из случайных находок в Минусинской котловине³.

Четыре из найденных наконечников стрел одинаковой формы — трехгранные с выступающими гранями (рис. 14, 2—5), пятый — также трехгранный, но грани у него гладкие, в поперечном разрезе дающие треугольник (рис. 14, 6).

Небольшая четырехугольная наременная обойма сделана из белого металла (рис. 14, 12).

Рассмотрев находки из трех курганов группы Орхон-Дель, можно сделать заключение, что все они приблизительно одновременны. Учитывая наличие в инвентаре кургана № 5 уйгурской керамики хара-балгасского типа, а также одинаковый обряд погребения в неглубоких могильных ямах под невысокими каменными насыпями, можно предположить

¹ А. Н. Липский. Ук. соч., стр. 83.

² Покупка А. В. Адрианова в 1899 г. Хранится в ГИМ, инв. № 39152 (по описи АК № 163). Дар и отношение ИАК от 17 марта 1901 г., № 528.

³ Минусинский музей, инв. № 6969—6978, 7122, 7126, 3362—3363, 8006—8007. Многие из них могли прикрепляться в виде клапана на мешочках, подвешенных к поясам, хорошо известных по изображениям на каменных изваяниях Тувинской автономной области.

принадлежность этих курганов Орхон-Дель к одной и той же этнической группе.

Подводя итоги описания погребений поздних кочевников Монголии, мне кажется возможным выделить из них три основные группы.

К первой группе можно отнести каменные курганы, раскопанные нами в урочище Джаргаланты (курганы №№ 2 и 3), и курган в Наинтэ-Сумэ¹. Их объединяет, прежде всего, обряд погребения — под округлой каменной насыпью. И там и здесь покойники имели восточную ориентировку, а кони лежали головами в противоположную от хозяина сторону. Такой обряд сближает указанные погребения с погребениями алтайцев VIII—IX вв. Могильный инвентарь имеет аналогии как в древностях енисейских кыргызов, так и алтайских тюрок, но найденный в Джаргалантинском кургане № 2 глиняный кувшин является, по-видимому, местным изделием. Таким образом, обращая главное внимание на погребальный обряд и отмечая его сходство с алтайским, следует предположить, что в описанных монгольских курганах были похоронены представители аборигенного тюркского населения, в свое время, т. е. с VI в., пришедшие в монгольские степи с Алтая и принесшие с собой свой погребальный обряд, отличающийся от кыргызского, где до XI в. господствовал обряд трупопожжения. В VIII—IX вв. на Среднем Енисее появляются погребения с конем², но и конь и хозяин здесь клались головами в одну сторону.

Ко второй группе относится погребение из Хушот-Худжиртэ. Внешний вид погребальной насыпи своеобразен — она подчетыреугольной формы и обложена камнями, как и окружающие ее плиточные могилы. Однако здесь был погребен человек с конем, головой на запад. Эта ориентировка, а также положение человека головой в одну сторону с конем, указывают на сходство этого погребального обряда с существовавшим на Алтае и в Минусинской котловине. Этому не противоречит и могильный инвентарь в виде стремян и удила. В середине IX в. (в 840 г.) на уйгурские земли нахлынула масса енисейских кыргызов и других тюркоязычных племен Саяно-Алтая и завоевала их. Само местоположение этой могилы на территории могильника, состоящего из более ранних плиточных могил, указывает на то, что для этого человека не было места на каком-нибудь родовом кладбище местного населения.

В третью группу выделяются погребения в урочище Орхон-Дель. Здесь совершенно ясно определяются захоронения населения, тесно связанного с городской уйгурской культурой начала IX в., хорошо теперь известной нам по раскопкам уйгурской столицы Хара-балгас. Вполне возможно, что в Орхон-Дель хоронили людей, связанных с уйгурским укреплением, расположенным на горе, возвышающейся с южной стороны, над монастырем Эрдени-Цзу и долиной Орхона.

Как видно из всего сказанного выше, все три группы погребений относятся к одному времени, но тем не менее их отличают особенности, отражающие не только характерные черты погребального обряда, но и своеобразие быта этих народов. Если в первых двух группах мы встречаемся скорее с кочевой культурой, которая для тюркоязычных племен Саяно-Алтая столь ярко отражена и в письменных документах, то в третьей группе, которую следует связывать с уйгурами, мы видим более сложную картину, когда местное население, сохраняя кочевые традиции, в то же время, даже в глухих районах горных пастбищ, оказывается связанным с городской культурой, которая так ярко выделяет уйгуров из числа других народов Центральной Азии.

¹ Раскопки экспедиции АН СССР в 1925 г.

² В. П. Левашова. Два могильника...; С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова. Минусинск, 1929; Л. А. Евтюхова. Ук. соч.

Орхон-Дель

№ кургана	Форма кургана	Человек (положение, ориентировка)	Вещи при человеке	Конь (ориентировка)	Вещи при коне	Кости животных	Примечание
1	Округлая каменная насыпь с кольцевой обкладкой из камней	Головой на северо-запад	—	—	—	—	ограблен
2	Округлая каменная насыпь	—	—	—	—	—	—
3	Округлая каменная насыпь с четырехугольной обкладкой из камней	—	—	—	—	—	—
4	То же	Неполный скелет, головой на запад	—	—	—	—	—
5	Четырехугольная каменная выкладка	1 ручная кость	1 железн. пряжка, 2 обломка керамики	1 целый, от другого кости	Удила, остаток лака	Барана: 2 ножные, 2 ребра	ограблен По керамике— уйгур
6	Округлая каменная насыпь	1 ножная кость	1 обломок сосуда; 1 железн. крючок 2 железных гвоздя	—	—	Барана: астрагал, лопатка, позвонки, ребра	ограблен
7	Четырехугольная каменная выкладка	Отдельные кости	—	Разбросанные кости	2 цурки от пут	Коровы: шейные позвонки, пятка	ограблен
8	Округлая каменная насыпь с четырехугольной обкладкой из камней и каменный ящик	Головой на северо-запад	—	—	—	—	ограблен
9	Округлая каменная насыпь	—	—	1 ребро	—	Коровы: пятка и ножная	ограблен
10	Округлая каменная насыпь с четырехугольной обкладкой из камней	Кости: 1 ручная 1 ножная	Нижняя часть сосуда светло-серой глины	—	—	—	—
11	Округлая каменная насыпь	Кости: 1 ручная 1 позвонок	Железное кресало, 5 железных наконечников стрел, 1 бронзовая обойма	—	—	—	ограблен

Джаргаланты

№ кургана	Форма кургана	Человек (положение, ориентировка)	Вещи при человеке	Конь (ориентировка)	Вещи при коне	Кости животных	Примечание
	Округлая каменная насыпь	Женщина головой на восток	3 сосуда, бронзовое зеркало, 2 золот. серьги, 7 танских монет, лаковая чашечка, гребень, шелк. мешочек, кости урюка и сливы, войлок	2 коня головой на запад	2 стремена, 2 удила, бляшки сбруи, шелков. ткань, остатки седла	Барана: 1 ножная, 1 лопатка, 1 ребро	Не ограблен
3	Округлая каменная насыпь; 2 могилы	Женщина, ребенок (головами на восток)	— 2 золотые серьги, 5 бус	—	—	—	Ограблен Не ограблен
4	Округлая каменная насыпь	Костяк головой на восток	—	—	—	Теленок, 1 лопатка	Ограблен (?)
5	Округлая каменная насыпь	—	—	—	—	—	
6	Четырехугольная каменная выкладка	—	—	—	—	—	
7	Округлая каменная насыпь	Обломки черепа	—	—	—	—	
8	Округлая каменная насыпь с четырехугольной каменной обкладкой	Неполный скелет, головой на запад	—	—	—	—	Ограблен
9	Округлая каменная насыпь с кольцом из камней	Несколько костей	—	—	—	—	Ограблен
10	Округлая каменная насыпь с четырехугольной каменной обкладкой	Обломки черепа и ножные кости	—	—	—	—	Ограблен
11	Округлая каменная насыпь	Обломки черепа и ножные кости	—	—	—	—	Ограблен
12	Округлая каменная насыпь	Обломки черепа	—	—	—	—	Ограблен

Джаргаланты

(продолжение)

№ кургана	Форма кургана	Человек (положение, ориентировка)	Вещи при человеке	Конь (ориентировка)	Вещи при коне	Кости животных	Примечание
13	Округлая каменная насыпь	—	—	—	—	—	?
14	То же	Обломки костей в грабит. ходу	—	—	—	—	Ограблен
15	Округлая каменная насыпь с четырехугольной каменной обкладкой	Обломки черепа и ножные кости	—	—	—	—	Ограблен

Хушот-Худжиртэ

№ кургана	Форма кургана	Человек (положение, ориентировка)	Вещи при человеке	Конь (ориентировка)	Вещи при коне	Кости животных	Примечание
I (Л)	Четырехугольная выкладка из камней	Костяк, головой на запад	Железн. нож, шелк, костяной предмет	1 конь головой на запад	Железн. стремя и удила; наремьянные бляшки; костяная пряжка; железн. пряжки; остатки седла	—	Ограблен

Д. А. АВДУСИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СМОЛЕНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(Церковь в Перекопном переулке)

В истории Смоленска XII век был временем расцвета кирпичного строительства, видимо, обусловленного возросшим значением этого города, его наибольшим подъемом в рамках самостоятельного княжества. Трудно указать другой город, где за это время было выстроено столько же церквей, сколько их было тогда возведено в Смоленске.

От вражеских нашествий сильно пострадали архитектурные памятники Смоленска. Уцелевшие от разрушений смоленские храмы входят в число самых блестящих творений древнерусских зодчих, и все же только по этим памятникам нельзя полностью представить домонгольскую архитектуру Смоленска, а поэтому весьма важно исследование не только уцелевших зданий, но и их остатков.

Сведения о разрушенных древних смоленских церквях одним из первых стал собирать известный историк Смоленска С. П. Писарев, опубликовавший свои наблюдения в книге, до сих пор не потерявшей значения¹. Этот интерес к древней архитектуре характерен и для работ других местных историков конца прошлого века — В. И. Грачева и И. И. Орловского. Неутомимый исследователь архитектуры И. М. Хозеров собрал важные сведения о памятниках зодчества древнего Смоленска. Война и последовавшая за ней ранняя смерть ученого не позволили издать эти материалы в полном объеме, и они опубликованы лишь частично². После Великой Отечественной войны И. Д. Белогорцев осмотрел руины, перечисленные в книге С. П. Писарева, в статье и рукописи И. М. Хозерова и в работах иных смоленских историков, дополнил их список собственными наблюдениями и опубликовал краткий перечень развалин, атрибутируя и именуя их, но без развернутой аргументации³. Вряд ли можно каждый из указанных И. Д. Белогорцевым выходов плинфы считать остатками сооружений. Однако эта сводка позволяет констатировать наличие в Смоленске нескольких десятков развалин зданий домонгольской эпохи.

Еще С. П. Писарев упоминает о существовании на Рачевке «развалин трех старинных храмов каменных, из кирпичных плиток», ошибочно относя их к литовской эпохе. «Один из них автор нашел между речками Большой и Малой Рачевками, на взгорье Вылуповской улицы в саду Хозярева». В другом случае С. П. Писарев упоминает местоположение разва-

¹ С. П. Писарев. Смоленск и его история. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.

² И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI, 1945; его же. Исторические памятники Смоленщины, проект работы; рукопись из фондов Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, 1945. Мне эта рукопись доступна не была. Цитирую по статье И. Д. Белогорцева «Новые исследования древнерусского зодчества». См. Материалы по изучению Смоленской области, вып. I, Смоленск, 1952, стр. 88.

³ И. Д. Белогорцев. Ук. соч., стр. 88—92.

лин, говоря, что они находятся в саду Чепиковой и Хозярева¹. Впрочем, может быть, эти самые развалины, до упоминания их Писаревым, указаны под № 53 на плане, приложенном к работе М. Полесского-Щепилло². Эти руины знал и И. М. Хозеров. В сводке И. Д. Белогорцева они описаны под № 34 следующим образом: «Григорьевская церковь в саду Хозерова на взгорье Перекопного переулка и Перекопной улицы, быв. Заречной и Вылуповой улиц (небольшой холм с плинфовой кладкой)».

И. Д. Белогорцев не приводит данных, на основании которых руины названы развалинами Григорьевской церкви, равно как и другие сведения о Григорьевской церкви. С. П. Писарев говорит, что название этой церкви не сохранилось. Заречная улица указана ошибочно; на плане Смоленска, снятом в 1913—1915 гг., и улица и переулок, где расположены развалины, названы Вылуповыми. Характеристика архитектурных остатков как небольшого холма с плинфовой кладкой недостаточна и неточна.

Перекопный переулок в целом, в том числе и между домами №№ 5 и 7, где, видимо, некогда были сады Чепиковой и Хозярева, довольно круто поднимается к юго-востоку. На общем фоне взгорья холм, под которым были погребены развалины, был почти незаметен и до войны 1941—1945 гг. Когда их осматривал С. П. Писарев, они, вероятно, значительно возвышались над землей, так как он говорит, что это «храм малых размеров с тремя алтарями полуциркулями, как видно из развалин». Как ни плохи, по словам И. М. Хозерова, планы церквей, снятые С. П. Писаревым, остается только пожалеть, что нет такого плана для осмотренной им церкви в Перекопном переулке.

После варварского разрушения Смоленска гитлеровскими войсками найти место развалин было нелегко. Обнаружить их помогли многочисленные встречающиеся на поверхности обломки плинфы и незначительный выход кладки в небольшом обрыве. По этому выходу совершенно невозможно было судить о характере здания в целом. Эта кладка осенью 1954 г. была зачищена П. Д. Барановским и И. Д. Белогорцевым, искавшими аналогии круглому зданию, открытому ими ранее у церкви Иоанна Богослова.

В 1955 г. по инициативе Смоленского областного отдела архитектуры здесь были организованы раскопки.

Выбор места для раскопа был очень ограничен. Свободная площадь имела лишь к западу от обнажения, но кладка уходила на восток. Закладке раскопа в этом направлении мешал жилой дом, а находящийся рядом с ним гараж ограничивал раскоп с севера. С юга к этой площади примыкало дерево и яма. Поэтому раскоп со всеми возможными прирезками имел площадь только 68 м².

Остатки здания были погребены под слоем, состоящим из песка, извести и обломков плинфы, большей частью мелких. Весь этот слой сильно перекопан, в том числе более поздним кладбищем, могилы которого иногда врезались в кирпичную кладку стен. Могильные ямы не прослеживались. Костяки лежали головой на юго-запад, со скрещенными руками, без вещей.

Раскопками была вскрыта лишь небольшая часть здания. Его главные части уходили в северную и восточную стенки раскопа, т. е. как раз туда,

¹ С. П. Писарев. Ук. соч., стр. 90 и табл. стр. 38. И. Д. Белогорцев в указанной работе называет владельца сада Хозеровым. Не споря о написании фамилий, скажу, что лучше придерживаться транскрипции, данной С. П. Писаревым, чтобы не путать историю смоленской архитектуры Хозерова с владельцем сада Хозяревым.

² Там сказано: «Остатки древнего неизвестного здания в Рачевской слободе заняты теперь домом обывателя, на углу Рачевского проспекта и Песочного переулка». См. М. Полесский-Щепилло. Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины. Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г. Смоленск, 1870.

На прилагаемом плане место этих развалин приблизительно совпадает с местом раскопок 1955 г. Они удалены от ручьев и не могут быть отождествлены с теми, о которых упоминает И. М. Хозеров (см. ниже).

где были невозможны даже минимальные прирезки к вскрываемой площади. Кроме того, у северной стены раскопа пришлось разместить крепежные стойки, также помешавшие полному вскрытию остатков храма в этом месте. Все эти обстоятельства не позволили сделать реконструкцию плана открытых развалин (рис. 1).

Раскопки показали, что фундамент здания был заложен в мелких траншеях, вырытых в желтой материковой глине. Он состоял из мелкого булыжника и крупной гальки, пустоты между камнями были заполнены той же глиной, но утрамбованной. Подобная кладка фундамента также наблюдалась в Петропавловской церкви¹. Максимальная глубина заложений фундамента под стенами была лишь 60 см, что почти точно соответствует глубине заложения фундамента (57 см) большой церкви на Окопном кладбище, которую И. М. Хозеров датирует XII в. Этот же исследователь считает, что именно заложение фундамента в глинистом грунте выше линии промерзания обусловило разрушение церкви на Окопном кладбище: выпучивание его во время морозов приводило к растрескиванию стен². Надо думать, что эта же причина была основной и для гибели церкви в Переконном переулке.

В раскопе 1955 г. был также прослежен фундамент под одним из столбов, впущенный в материк на глубину до 110 см. Внизу залегли

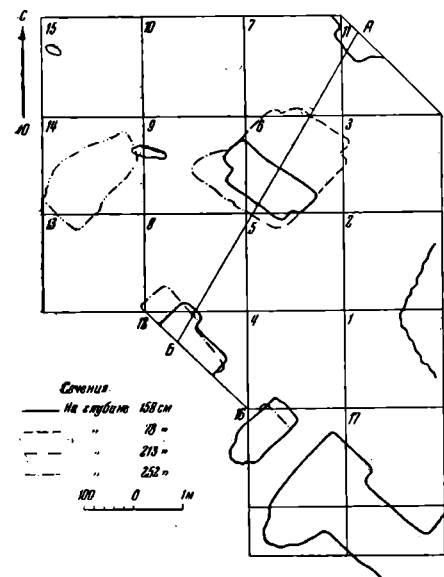

Рис. 1. Архитектурные обмеры здания

мелкие камни и даже плинфа, а сверху лежали валуны. Любопытно отметить, что в забутовке фундамента был найден камень, обтесанный под плинфу. Пустоты между валунами были заполнены утрамбованной глиной, кое-где встречались вкрапления извести.

Фундамент был выложен шире столба и мало пострадал от времени: уступ был выложен плинфой. Фундамент под стенами имел несколько меньшее уширение. И стены, и столбы церкви были сложены из плинфы. Плинфа, особенно в кладке столба, сильно крошилась, что, несмотря на ее красный цвет и способность звенеть при ударе, видимо, объясняется ее несовершенством. При раскопках несколько раз встречались фрагменты кладки, в которой плинфа резалась лопатой так же легко, как обычная необожженная глина.

Наиболее частыми были плинфы размером $22 \times 32 \times 3,8$ см, что близко некоторым плинфам предполагаемого Мономахова собора 1101 г.³ Плинфа меньших размеров встречалась редко, плинфы более толстые (4,5 см и даже более 5 см) хотя и отмечены, но также не часты. На плинфах нередко отпечатки пальцев мастера. Н. Н. Воронин, посетивший раскопки, отметил архаический облик плинфы.

Толщина известковой прослойки между кирпичами 3—3,5 см, в ее состав включено небольшое количество кирпичной крошки. Она легко крошится и в общем обычна для смоленских церквей домонгольского периода.

¹ И. М. Хозеров. Ук. соч., стр. 20.

² Там же, стр. 21 и 24.

³ Там же, стр. 25.

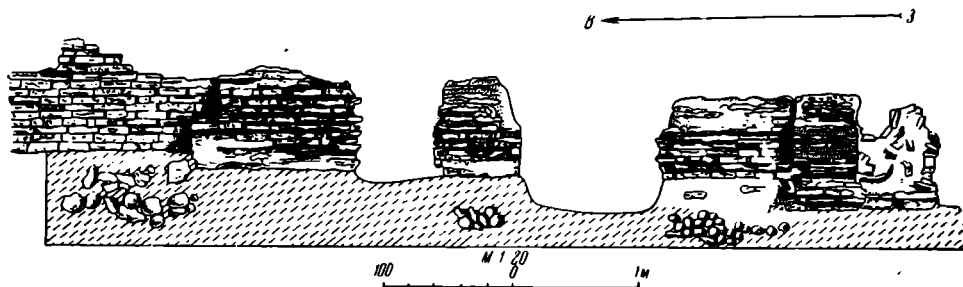

Рис. 2. Внутренний вид южной стены

Все эти данные позволяют датировать здание первой половиной XII в. Остатки развалин церкви ориентированы с северо-востока на юго-запад (по магнитному меридиану). Полагая, что подобное отклонение от канона вызвано причиной случайной (например, закладкой здания в середине лета), ориентировка частей храма далее указывается так, как если бы он был ориентирован с востока на запад.

Лучше всего сохранилась часть южной стены. В трех местах она нарушена могильными ямами, снаружи сильно разбита, осыпалась и, видимо, частично разобрана. Если с этими оговорками перейти к измерениям, то можно думать, что ее ширина была около 120 см или несколько больше. На востоке у самого края раскопа она поворачивает на север (впрочем, здесь могла быть пилястра). Западная часть южной стены не сохранилась. Судить о ее границе в этом направлении может помочь перпендикулярная ей кладка, вероятно, принадлежавшая западной стене.

Вся стена идет с сильным наклоном с востока на запад, следуя материке, поэтому верх остатков западной кладки расположен ниже подножия восточного края южной стены. Архитектурные обмеры пришлось делать в нескольких горизонтах.

В двух местах на южной стене отмечены выступы, вероятно, лопаток (рис. 2), ширину которых, к сожалению, установить не удалось, так как концы лопаток разрушены. В силу разрушенности внешней стороны стены остается неизвестным, соответствовали ли внутренним выступам выступы внешние.

Против внутренних выступов имеются остатки крещатых столбов, подтверждающих предположение о пилястрах. Наиболее хорошо сохранился юго-западный столб. Его сторона длиной 186 см, а между выемками — 136 см. С северной стороны он был сильно испорчен глубокой выборкой кладки. Это разрушение произошло уже тогда, когда руины были засыпаны, иначе столб упал бы. Вероятно, он был поврежден недавней ямой, прослеженной при раскопках. Для того, чтобы предотвратить падение столба, между ним и северной стенкой раскопа нам пришлось поставить распорки. Эти распорки и опасность работ под нависшим столбом не позволили расчистить его с севера и запада, а также не позволили расчистить часть северной стенки раскопа, из которой выступал второй, северо-восточный крещатый столб, находившийся от первого на расстоянии около 1,5 м. Восточная часть этого столба также сильно повреждена ямой.

Третий, юго-восточный, столб соответствовал второй лопатке южной стены. Несмотря на это соответствие, его положение вызывает ряд сомнений. Как видно на восточном профиле (рис. 3), этот столб стоит не на материке, а на том же слое песка, извести и битой плинфы, который перекрывает остатки здания. В то же время несомненно, что столб впущен в яму, ясно видимую на профиле. Может быть, столб был сброшен в специально вырытую яму, например, для того, чтобы расчистить площадь под огород? В таких случаях эта кладка может оказаться не самостоятельной, а верхней частью юго-западного столба, тем более что поверхность послед-

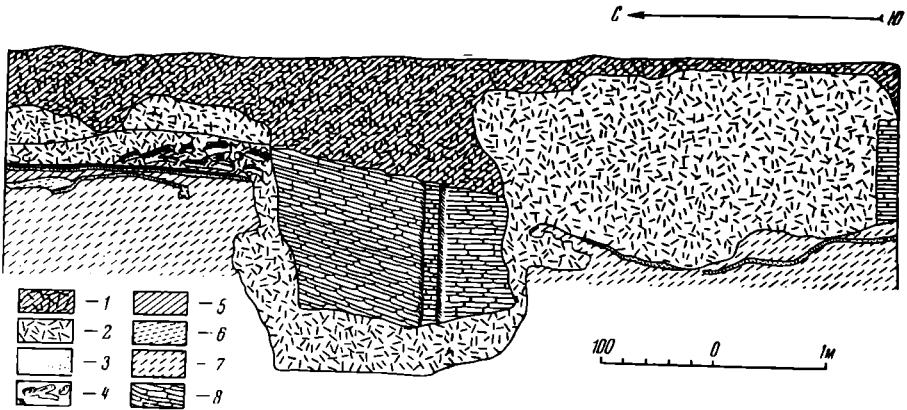

Рис. 3. Восточный профиль раскопа:

1 — строительный мусор; перекопанный; 2 — строительный мусор; 3 — прослойки глины и извести; 4 — кости; 5 — глина; 6 — известь; 7 — материк; 8 — кирпичная кладка

него находилась сразу же под тонким слоем пахотной земли. Если все это так, то остается необъяснимым выступ на южной стене, который выше принят за лопатку. Впрочем, имея в виду указание С. П. Писарева, что хотя это был и трехабсидный, но малый храм, он мог и не быть четырехстолпным.

При изучении остатков церкви в Перекопном переулке нигде не были обнаружены следы полуколонн, но так же, как при исследовании церкви на Спасском холме, были найдены два-три лекальных кирпича в виде секторов. Подобная находка дала И. М. Хозерову основание предположить наличие в церкви на Спасском холме характерных для смоленской архитектуры пилястр с полуколоннами¹. О местонахождении других стен храма ничего определенного сказать нельзя.

Почти по всей площади здания встречались куски штукатурки, раскрашенной в желтый, темно-красный, темно-синий и зеленый цвета. Особенно много обломков раскрашенной штукатурки найдено между юго-восточным столбом и южной стеной, где они лежали грудой. Всего найдено более 700 фрагментов. Роспись, несомненно, представляет собою фресковую живопись — на подобранных и склеенных фрагментах имеется изображение головы святого с нимбом.

Фресковая живопись известна и в других церквях Смоленска. Портал церкви XII в. на Воскресенском холме сохранил остатки росписи, выполненной темно-красной, охряной, белой и темно-синей красками. Как видно, сочетание тонов здесь почти то же самое, что в росписи церкви в Перекопном переулке, но в последней нет набрызга киноварью и белой краской, который известен в церкви на Воскресенском холме. Живопись известна и в сохранившихся церквях. Так, на откосе окна Петропавловской церкви, И. М. Хозеровым открыта орнаментальная фреска XII в., а позднее П. Д. Барановским на хорах той же церкви обнаружена голова святого, а также ряд граффити; некоторые из последних восходят к XII в.²

Граффити открыты и в остатках церкви Перекопного переулка. На десяти кусках штукатурки чем-то острым процарапаны надписи. Царапины мелкие, лишь слегка снявшие краску, поэтому фрагменты надписей, сделанных не совсем уверенной рукой, в большинстве случаев разбираются с трудом и чтение их в публикуемых прорисях условно. Четкие фотографии с этих надписей вряд ли возможны. Впрочем, некоторые буквы написаны энергично и ясно.

Самая большая надпись состоит из трех строк (рис. 4, 1). Отдельные буквы в ней читаются хорошо, но в чтении слов быть уверенным нельзя.

¹ И. М. Хозеров. Ук. соч., стр. 24.

² Там же, стр. 20 и 22.

Рис. 4. Обломки штукатурки с процарапанными надписями (8 фрагментов, н. в.)

Третья строка напоминает слово «спасителя», но чтение букв «т», «е», «и» спорно. На другом куске (рис. 4, 2) надпись читается легко — «раб». Перед этим словом заметны остатки какой-то буквы и после него — вероятно, твердого знака. Это, видимо, часть одной из обычных религиозных формул. На третьем фрагменте (рис. 4, 3) имеются две четкие буквы «ть». Они могут быть окончанием множества слов. Четвертый отрывок (рис. 4, 4) представлен тремя буквами, видимо «еро». Следующий фрагмент (рис. 4, 5) имеет несколько плохо читаемых букв. Заметны остатки второй строки. На шестом куске штукатурки написаны как будто «н» и «N» (рис. 4, 6). В одном из углов заметны еще какие-то царапины. На седьмом обломке среди знаков можно выделить букву «п» (рис. 4, 7), а на восьмом можно прочесть букву «м» (рис. 4, 8). На последних двух фрагментах нацарапаны, видимо, также буквы, но прочесть их не удается. Нет никаких палеографических особенностей, по которым было бы можно датировать эти надписи. Учитывая непрочность постройки, можно думать,

что дата сооружения церкви не слишком далеко отстоит от того времени, когда были процарапаны надписи.

Среди находок в Перекопном переулке к разряду граффити относится также рисунок на одной из плинф (рис. 5). До нас дошел лишь ее обломок (верхний правый угол) размером около 77×125 мм. Если иметь в

Рис. 5. Изображение человека на плинфе

виду обычный размер плинф в кладке открытых развалин, т. е. 22×32 см, то обломок составляет приблизительно одну восьмую часть целого кирпича; его лицевая поверхность почти наполовину отколота.

На сохранившейся поверхности острой палочкой по сырой глине прорисована голова человека с мягким овалом лица, большими выразительными глазами, юношески пухлыми губами и энергичным подбородком, который оттенен всего лишь одним, но очень точным движением палочки художника. На голове человека полусферическая шапочка, из-под которой по обе стороны лица чуть ниже ушей спускаются кудри, оставляя уши открытыми. Правое плечо высоко поднято, из чего можно предположить, что вся правая рука была высоко поднята, может быть в ней было какое-то оружие.

Надо полагать, что на кирпиче изображен

мужчина, об этом говорят короткие волосы, мужской головной убор и воинственный жест правой руки. Может быть, изображен юный князь, так как в полусферических шапках в летописях изображались только князья. Изображение носит, несомненно, светский характер, о чем говорит отсутствие нимба. Так как изображение расположено в углу плинфы, можно предположить, что остальная площадь глиняной плитки также была занята рисунками.

Рисунок не предназначался для какого-либо практического употребления. Он был заложен в кладку стен церкви, о чем говорят следы цементной смеси, от которой плинфу пришлось освобождать химическим путем. Таким образом, рисунок был сделан еще в гончарной мастерской до обжига плинфы.

Кто оставил нам этот прекрасный образец ранней русской графики, мы не знаем. Может быть, его автором был сам кирпичный мастер, но, может

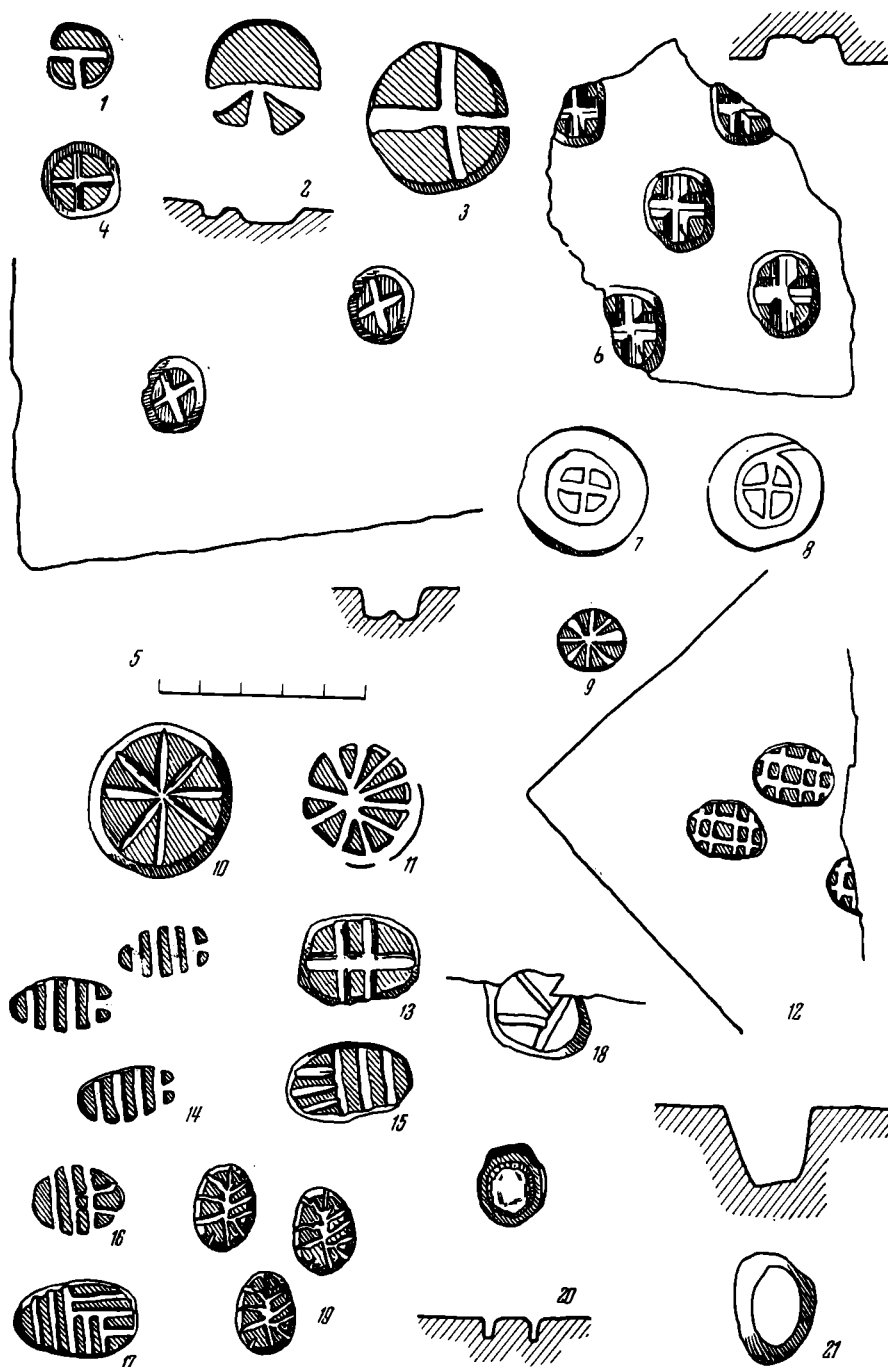

Рис. 6. Клейма на плинфах (в скобках указаны номера рисунков аналогичных клейм в работе И. М. Хозерова):

1 — на трех плинфах (63); 2 — на одной плинфе (63); 3 — на двух плинфах (64); 4 — на одной плинфе (64); 5 — на шести плинфах, на одной — два клейма (64); 6 — пять клейм на одной плинфе (64); 7 — на одной плинфе (64); 8 — на двух плинфах (64); 9 — на пяти плинфах, из них на одной четыре клейма (65); 10 — на двух плинфах (65); 11 — на одной плинфе (65); 12 — на одной плинфе (71); 13 — на одной плинфе два клейма (71); 14 — на одной плинфе (76); 15 — на двух плинфах (76); 16 — на одной плинфе два клейма (76); 17 — на трех плинфах, из них на двух по два клейма; 18 — на одной плинфе; 19 — на одной плинфе три клейма; 20 — на одной плинфе; 21 — на двух плинфах

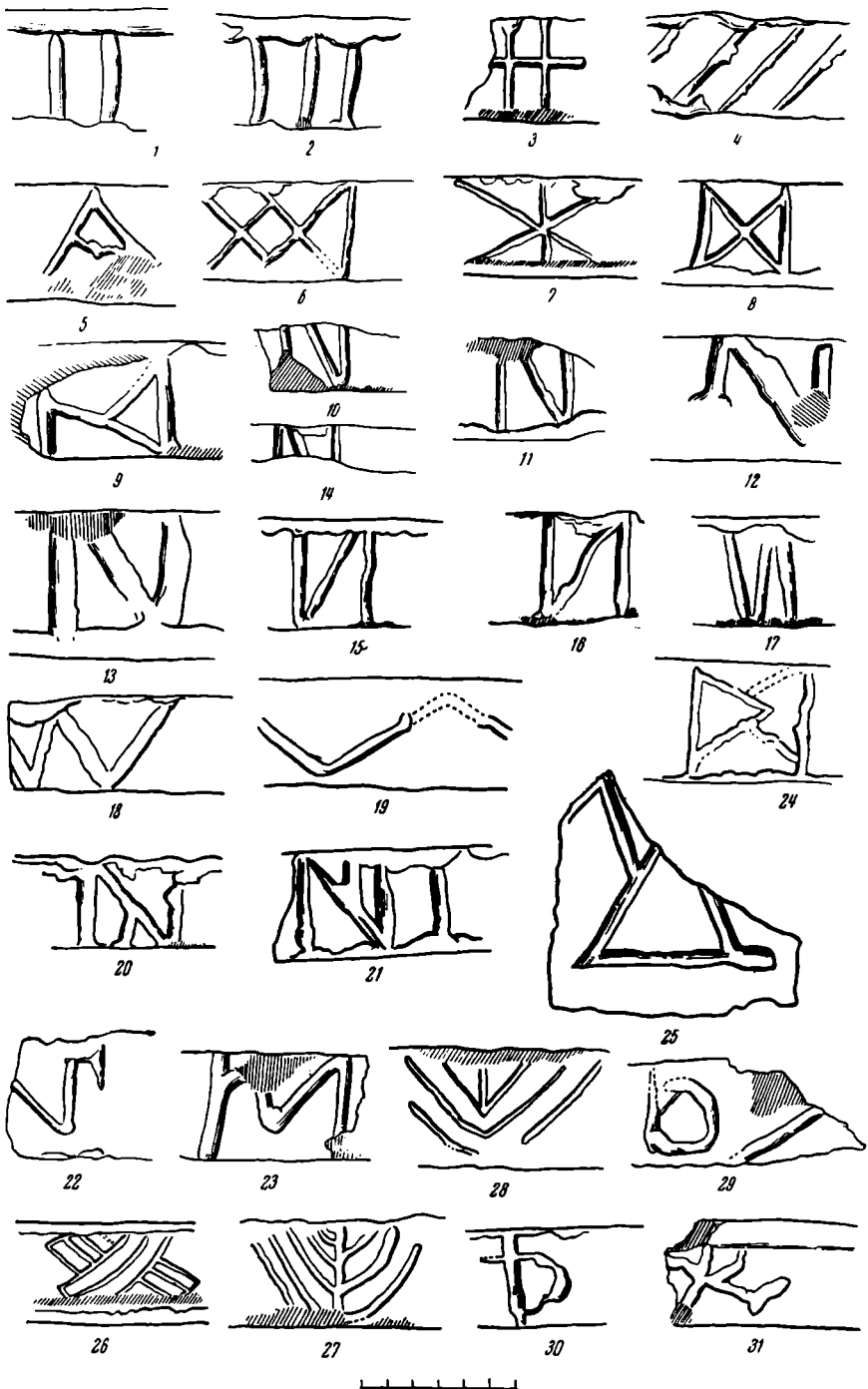

Рис. 7. Знаки на боковых сторонах плит (В скобках указаны номера рисунков аналогичных клейм в работе И. М. Хозерова):

1 — на трех плитках (1—4); 2 — на одной плитке (5); 3 — на двух плитках; 4 — на пяти плитках. Знак по всему боку; 5 — на одной плитке (15); 6 — на одной плитке. На четырех плитках—крест по всему боку; 7 — на одной плитке (18); 8 — на одной плитке; 9 — на одной плитке; 10 — на одной плитке (22); 11 — на одной плитке; 12 — на двух плитках; 13 — на одной плитке; 14 — на одной плитке (50); 15—18 — каждый на одной плитке; 19 — на одной плитке (24); 20 — 26 каждый на одной плитке; 27 — на двух плитках; 28 — на одной плитке; 29 — на одной плитке; 30 — на одной плитке; 31 — на одной плитке(47?)

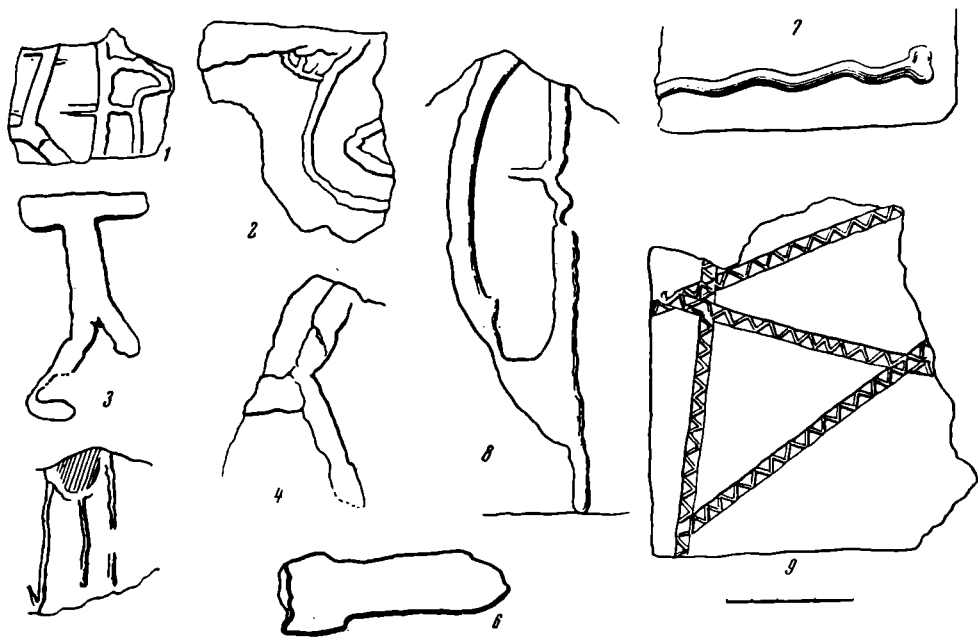

Рис. 8. Знаки на постельной стороне плинф:

1—6 — каждый на одной плинфе; 7 — на одной плинфе. Вдавленный знак; 8 — на одной плинфе; 9 — девять плинф с разными комбинациями зигзага

быть, он сделан рукой профессионала. Легкая и свободная манера говорит о привычной руке живописца, да и сам рисунок необычайно схож с древнерусскими миниатюрами, украшающими страницы летописей.

Еще С. П. Писарев в развалинах этой церкви обнаружил плинфы со знаками, которым он в публикации придал сходство с буквами¹. При раскопках в 1955 г. подобных плинф было открыто множество.

Между археологами нет единого мнения о значении этих знаков. Одни их считают своеобразной «фабричной маркой» ремесленника, другие видят в них знак заказчика. Существуют и варианты этих мнений. Неразрешенность вопроса, его недостаточная исследованность в значительной степени объясняется невниманием к публикации клейм и знаков.

Подробное описание клейм и знаков на кирпичах из смоленских церквей принадлежит И. М. Хозерову². Это исследование стало классическим, на него ссылаются все изучающие историю кирпичного производства древней Руси.

И. М. Хозеров делит отметины, встречаемые на кирпичах, на клейма и знаки. Под клеймами он понимает вдавленные штампом отпечатки, расположенные обычно на постельной части плинф. Знаками он называет выпуклые орнаментальные узоры на боковой стороне, сделанные формой, в которой изготовлялся кирпич.

И. М. Хозеровым опубликовано большое количество смоленских клейм и знаков, но среди них клеймам и знакам из Перекопного переулка аналогий мало, а полных совпадений совсем нет (анalogии указаны в подписях к рисункам 6 и 7). Все клейма находятся на нижней постели плинф, знаки — в большинстве случаев на боковой стороне, но девять типов встречено на постельной (рис. 8). Последним аналогий в указанном труде И. М. Хозерова нет.

¹ С. П. Писарев. Ук. соч., табл. стр. 38 и 39.

² И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. Научные известия Смоленского гос. университета, т. 5, вып. 3, Смоленск, 1929.

Рис. 9. «Знак Рюриковичей» на боковой стороне плинфы из раскопок на Соборной горе и в Смоленске

Кроме знаков, встреченных на плинфах, выпавших из кладки, они наблюдались на наружных ребрах плинф в неразрушенной части кладки, выходящей внутрь раскопанных остатков стен церкви.

Пользуюсь случаем и привожу здесь весьма интересный знак на плинфе в виде «знака Рюриковичей» (рис. 9), найденный при раскопках в 1951 г. на Соборной горе в Смоленске (раскоп Соб-2).

Выше уже делались попытки установить время гибели церкви, остатки которой были вскрыты в 1955 г. При этом было высказано предположение, что по своим конструктивным особенностям церковь не могла просуществовать сколько-нибудь продолжительное время.

Как уже было сказано, многочисленные захоронения, встреченные при раскопках, иногда перерезали кирпичную кладку церкви. Большинство их находилось в слое разрушения, что указывает на то, что это кладбище возникло уже после разрушения церкви. Оно датируется костяным двухсторонним гребнем и полосками тафты, найденными при одном из захоронений. Можно полагать, что эти вещи следует отнести к домонгольскому периоду, к которому относится время разрушения здания.

Интересно, что все захоронения строго повторяют несколько неправильную ориентировку церкви. Развалины ближайшей древней церкви расположены не так близко. Остается предположить, что либо после разрушения этой церкви вблизи была выстроена другая, может быть, деревянная, либо (и это более вероятно) место внутри развалин оставалось для населения почетным местом погребения и после разрушения церкви.

Таким образом, для предположения С. П. Писарева о том, что открытый им храм имел в 1634 г. колокольню и она изображена на чертеже Гондиуса, не остается места.

В заключение можно добавить несколько слов о других развалинах, расположенных неподалеку от описанных здесь. И. М. Хозеров в своей статье упомянул развалины, будто бы названные еще М. Полесским-Щепилом, как расположенные «на берегу речки Рачевки вблизи Окопной улицы»¹. И. Д. Белогорцев, внимательно осмотревший берега Рачевки, не нашел этих развалин. Мне их указали местные школьники в русле пересыхающего Мавринского ручья, который, видимо, следует отождествлять с речкой Малой Рачевкой, упоминаемой в литературе, но отсутствующей на плане 1913—1915 гг. Таким образом, слово «Малая», опущенное Хозеровым, затруднило поиски этих развалин.

Еще много архитектурных остатков скрыто в земле Рачевского предместья Смоленска. Их систематическое исследование откроет много нового для истории смоленского зодчества и самого Смоленска.

¹ И. М. Хозеров. *Археологическое изучение памятников зодчества...*, стр. 22. Как уже было показано, указание М. Полесского-Щепило не следует относить к этим развалинам, так как последние расположены в ручье, а на плане Полесского-Щепило место развалин отстоит далеко от ручья.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА ХОРЕЗМА XIV в.

В 1936 г. в Ленинград в Институт востоковедения АН СССР А. С. Алимовым из Астрахани была прислана рукопись *قنية العنية التتميم الغنية* «Приобретение желаемого для пополнения достаточного». Автор—хорезмиец XIII в. Наджм ад-дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмини в своем юридическом сочинении привел много хорезмийских слов, что сделало рукопись важным источником для изучения хорезмийского языка¹. Книга ал-Газмини переписана в 754 г. х. и имеет пометку на полях о том, что была прочтена в Ургенче в 760 г. х. (1359—1360). К ней пришта тетрадъ, содержащая трактаты Джелаль ад-Дина ал-Имади, написанные по поводу основного сочинения. На последней, 237 странице рукописи ал-Газмини, между его текстом и трактатами Джелаль ад-Дина, помещена пространная заметка о хорезмской денежной системе².

1. ...знающий закат³ по весу Мекки.
2. Сказал знаток веса и меры сыпучих и жидких тел о весе Мекки и о мере сыпучих тел [употребляемой] населением города...
3. Так, 10 динарам по весу Мекки не достает у нас (в Хорезме.— Г. Ф.-Д.) $\frac{2}{3}$ динара (то есть 10 меккских динаров легче 10 хорезмских $\frac{2}{3}$ динара.— Г. Ф.-Д.)
4. А если бы динары достигали по весу нашего города $18\frac{2}{3}$ динара, и из них (меккских динаров.— Г. Ф.-Д.) должен был бы состоять закат, то количество серебра (подлежащее уплате.— Г. Ф.-Д.) было бы равно 200 дирхемам.
5. Каждые 10 дирхемов Мекки весят 7 мискалей и весит все 140 мискалей.
6. Мискаль Хорезма превышает мискаль Мекки на $\frac{2}{3}$ мискаля в каждых 10 мискалях.
7. И каждый дирхем Хорезма равен $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ мискаля.
8. И говорят также, что каждый дирхем Хорезма равен $2\frac{1}{2}$ да-ника.

¹ С. А. Волин. Новый источник для изучения хорезмийского языка. Записки Института востоковедения, вып. VII. М.—Л., 1939; А. А. Фрейдман. Хорезмийские glossы в сочинении Кыният ал-Мунья («приобретение желанного...») хорезмийского законооведа XIII века Наджм ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Мухаммед аз-Захиди ал-Газмини. Советское Востоковедение, вып. VI, 1949, стр. 63—88; его же. Хорезмийский язык, т. I. М.—Л., 1951; В. И. Белыев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. Уч. зап. института востоковедения, вып. VI, М.—Л., 1953, стр. 67. (Рукопись хранится в Институте востоковедения АН СССР, в Ленинграде, № С-2311).

² Приношу благодарность Ю. А. Раппопрту, обратившему мое внимание на эту рукопись, и П. И. Петрову, консультировавшему разбор текста. При переводе (для удобства) фразы выделены и пронумерованы. При дальнейшем изложении цифры в скобках указывают фразу из текста источника.

³ Мусульманский налог.

9. И если мискаль Хорезма превышает мискаль Мекки на $\frac{2}{3}$ мискаля в каждых 10 мискалях, то мискаль Хорезма превысит мискаль Мекки на $9\frac{1}{3}$ мискаля в 140 мискалях.

10. Остается $130\frac{2}{3}$ мискаля Хорезма, которые равняются 140 мискалям Мекки, и количество серебра (подлежащее уплате — Г. Ф.-Д.) по весу Хорезма равно $130\frac{2}{3}$ мискаля.

11. Каждый динар Хорезма весит 6 дирхемов, т. е. $2\frac{1}{2}$ мискаля.

12. И говорят также, что вес равен 15 даникам.

13. Потому что, если вес каждого дирхема равен $2\frac{1}{2}$ даника, то вес 6 дирхемов будет равен 15 даникам.

14. И в результате количество серебра (подлежащее уплате — Г. Ф.-Д.) по весу Хорезма равно $130\frac{2}{3}$ мискаля.

15. И это ($\frac{2}{3}$ мискаля.— Г. Ф.-Д.) равно $\frac{1}{4}$ динара и $\frac{2}{5}$ тассуджа.

16. Так как каждый дирхем, если он равен $\frac{1}{6} + \frac{1}{4}$ мискаля, равен $\frac{5}{12}$ мискаля, и $\frac{2}{3}$ мискаля равны $\frac{8}{12}$ мискаля, то это ($\frac{2}{3}$ мискаля — Г. Ф.-Д.) равняется $1\frac{3}{5}$ дирхема, т. е. $\frac{1}{4}$ динара и $1\frac{3}{5}$ шаирам.

17. И $1\frac{3}{5}$ шаира равняются $\frac{2}{5}$ тассуджа, потому что 1 тассудж равен 4 шаирам; $\frac{2}{5}$ от 4 шаиров, т. е. от тассуджа, равняются $1\frac{3}{5}$ шаира.

18. И он научил, что $\frac{2}{3}$ мискаля равняются $\frac{1}{4}$ динара и $\frac{2}{5}$ тассуджа.

19. И сказал учитель, премудрый в писании Сайид Джелаль ал-Милет ва-д-дин ал-Карлани, да продлит Аллах его жизнь и сохранит от несчастья и грехов его,

20. что $\frac{2}{3}$ мискаля равны $\frac{1}{4}$ динара и $\frac{2}{5}$ тассуджа.

21. Так как $\frac{1}{5}$ динара равна $\frac{1}{2}$ мискаля, если динар равен $2\frac{1}{2}$ мискаля то это ($1\frac{1}{5}$ динара.— Г. Ф.-Д.) равно 1 дирхему и $\frac{1}{5}$ дирхема, т. е. $\frac{4}{5}$ тассуджа.

22. И $\frac{4}{5}$ тассуджа равняются $\frac{4}{20}$ дирхема.

23. И $\frac{1}{2}$ мискаля равняется $\frac{24}{20}$ дирхема.

24. И $\frac{1}{3}$ от половины мискаля равна $\frac{1}{6}$ мискаля.

25. И если прибавить [это] к половине мискаля, то получится $\frac{2}{3}$ мискаля.

26. И это, т. е. $\frac{1}{3}$ от половины мискаля, равняется $\frac{8}{20}$ дирхема.

27. И если соединить это с $\frac{4}{5}$ тассуджа, то получится $\frac{12}{20}$ дирхема; и $\frac{10}{20}$ из $\frac{12}{20}$ равны $\frac{1}{2}$ дирхема, потому что $\frac{10}{20}$ равно $\frac{1}{2}$.

28. Осталось $\frac{2}{20}$ дирхема, и они равняются $\frac{2}{5}$ тассуджа.

29. Или говорят:

30. Если весит динар 6 дирхемов или $2\frac{1}{2}$ мискаля, а вес каждого дирхема равен $2\frac{1}{2}$ даника, то вес динара будет равен 15 даникам.

31. И будет мискаль равен 6 даникам.

32. И $\frac{2}{3}$ мискаля равняются 4 даникам.

33. И 4 даника равняются $\frac{1}{4}$ динара и $\frac{2}{5}$ тассуджа.

34. Так как $3\frac{3}{4}$ даника равняются $\frac{1}{4}$ динара, то это будет равно $1\frac{1}{2}$ дирхема.

35. Остается $\frac{1}{4}$ даника, и это равняется $\frac{2}{5}$ тассуджа.

36. Так как даник равен $\frac{2}{5}$ дирхема, будет $\frac{1}{4}$ даника также равняться $\frac{2}{5}$ от $\frac{1}{4}$ дирхема, и это ($\frac{1}{4}$ дирхема.— Г. Ф.-Д.) равняется 1 тассуджу.

37. Это то, что я понял из писания премудрого нашего, да продлит Аллах его жизнь и простит в обоих мирах грехи его, в изложении относительно количества имущества (подлежащего обложению.— Г. Ф.-Д.) из дирхемов Хорезма в книге «Приобретения» аз-Захида, да смилостивится Аллах над прошедшим и продлит жизнь будущую по милости существа своего.

Заметка о хорезмской денежной системе написана почерком, тождественным почерку пометки на полях о прочтении книги в 760 г. х.

مع عت على المعصرة الزاوية وزن مكة طال علم الوزن ووزن مكة المكمل المكمل اصل المدينة كانت
 نعتة و مايز وزن مكة سبعين هذا ثلث دينار ثلثون ليرة ووزن بلدانها ثمانية عشر وثلث دينار وربع
 الزاوية ثمانية عشر وربع درهم ورام مكة كل عشرة منها وزن سبعة مثاقيل والجمع مائة واربعون
 مثقالا وثمانون مثقالا ووزن فضل على مثقال مكة في كل عشرة مثاقيل ثلثي مثقال وكل درهم من دراهم خوارزم ربع
 درهم مثقال وفضل ايضا ووزن كل درهم من دراهم خوارزم دانقان ونصف دانق وان كان فضل مثقال خوارزم
 على مثقال مكة في كل عشرة مثاقيل ثلثي مثقال يكون فضل مثقال خوارزم على مثقال مكة في مائة واربعين مثقالا تسعة
 مثاقيل وثلث مثقال مائة وثلثون مثقالا وثلثي مثقال من مثقال خوارزم معادل مائة واربعين مثقالا
 من مثقال مكة فيكون ثصاب الفضة بوزن خوارزم مائة وثلثين مثقالا وثلثي مثقال ووزن كل دينار من دنانير
 خوارزم اعمى ستة دراهم مثقالا ونصف مثقالا وفضل ايضا ووزنه خمسة عشر دانقا لمان وزن كل درهم
 ونصف فيكون وزن ستة دراهم خمسة عشر دانقا فالما فعل ان ثصاب الفضة مائة واربعون مثقالا وثمانون
 مثقالا ثلثي مثقال ووزن درهم ودينار وفضا طوس لان كل درهم اذا كان سدس درهم مثقال وهو ثلث اجزاء من ثلث
 عشرة جزءا لثقال يكون ثلثا لثقال ثمانية اجزاء من اثنى عشر جزءا من مثقال وهو درهم وثلاثة اجزاء من درهم العلم
 ربع وبناد وشمعة وثلاثة اجزاء شمعة والشعيرة وثلاثة اجزاءها فضا طوس لان الطوس اربع شمعات
 فضا اربع شمعات اعني الطوس شمعة وثلاثة اجزاء شمعة فعلم ان ثلثا لثقال درهم ودينار وفضا طوس فال
 الامتداد العلامة الضمير سيد حلل الله والدين الكرواني اطال الله بآه وصان من الثواب بآه ثلثا لثقال
 درهم ودينار وفضا طوس لان الدينار اذا كان مثقالين ونصف يكون ثلث دينار نصف الثقال وهو درهم وخمس درهم
 اعني اربعة اجزاء من طوس واربعة اجزاء من طوس اربعة اجزاء من عشر جزءا من درهم فكون نصف لثقال
 اربعة وعشرين جزءا من عشر جزءا من درهم وثلث نصف لثقال سدس لثقال فاذا ردت على النصف صير
 لثقال وهو اعني ثلث نصف لثقال مائة اجزاء من عشر جزءا من درهم فاذا جمعت مع اربعة اجزاء من الطوس
 يصير اثنى عشر جزءا من عشر جزءا من درهم فالعشر منها نصف درهم لان العشرة من العشر نصف درهم
 من عشر جزءا من درهم وفاضل الطوس او ثلث او اذ كان وزن الدينار وهو مائة درهم مثقالين
 ونصف مثقال ووزن كل درهم دانقان ونصف دانق يكون وزن الدينار خمسة عشر دانقا فكون لثقال
 دانق وثلثه يكون اربعة دانق واربعة دانق ربع دينار وفضا طوس لان ثلاثة دانق وثلث اربع
 دانق درهم ودينار ونصف درهم ثلثي دانق وهو فضا طوس لان الدينار ثلثي درهم فكون
 ربع الدينار ايضا ثلثي درهم وهو الطوس خلافا لما ثبت من تقرير خلافتنا اذ ادم بقاوه
 وقضى الدينار حواجة وبيان مقدار الثصاب من دراهم خوارزم في تقرير كتاب الفقه الواحدة
 درهم الما صحت واطال بغيرها بالحق منه وجوده

Рис. 1. Страница арабской рукописи аз-Захиди с заметкой о хорезмской десятичной системе

(1359—1360) в Ургенче. Очевидно, тот же читатель книги аз-Захида оставил нам этот драгоценный источник для нумизматики и метрологии Средней Азии XIV в. Как явствует из самого текста, автор заметки — хорезмиец, что делает источник еще более достоверным.

Заметка начинается с перевода меккских весовых и денежных единиц в хорезмские. Мы узнаем, что в 10 меккских мискалях содержится хорезмских мискалей на $\frac{2}{3}$ мискаля меньше (см. перевод, фраза 6). Следовательно, 10 мискалей Мекки равны $9\frac{1}{3}$ мискаля Хорезма.

М и с к а л ь.

$$1 \text{ хорезмский мискаль} = \frac{10 \text{ меккских мискалей}}{9\frac{1}{3}}$$

Наиболее распространенным в Средней Азии и Переднем Востоке был мискаль 4,25 г, прообраз русского золотника. В Иране этот вес лег в основу денежной системы Газан-хана, приказавшего чеканить динар в 3 мискаля, а дирхем — в половину мискаля¹. Вес большинства серебряных монет Газана колеблется в пределах 2,10—2,15 г, откуда следует, что для чеканки этих дирхемов был выбран мискаль в 4,25 г.

Если подставить 4,25 г на место меккского мискаля в полученном выше равенстве, то:

$$1 \text{ хорезмский мискаль} = \frac{10 \cdot 4,25}{9\frac{1}{3}} = \frac{42,5 \cdot 3}{28} = 4,55 \text{ г.}$$

Д и р х е м. Правильность величины хорезмского мискаля легко проверить, выводя из него вес дирхема. Из источника следует, что динар Хорезма равен 6 дирхемам или $2\frac{1}{2}$ мискаля (см. перевод, фразы 11 и 30). Значит, 1 дирхем = $\frac{5}{12}$ мискаля $\approx 0,417$ мискаля = $0,417 \cdot 4,55 \text{ г} = 1,897 \text{ г}$.

Взвешивание 260 экземпляров хорезмских дирхемов XIV в., чеканенных до правления хана Тохтамыша, дает следующую метрологическую картину монеты из собраний ГИМ и Эрмитажа (рис. 2).

Первая группа монет, с преобладающим весом 1,45—1,55 г, представляет собой монеты, обрезанные до нормы чеканки поволжского джучидского дирхема. Очевидно, это те монеты, которые попадали на волжские рынки, где обращались более легкие монеты.

Вторая группа монет дает нормальный вес хорезмского дирхема в 1,85—1,90 г, что вполне соответствует полученной теоретически величине (1,897 г).

Такое совпадение доказывает, что взятый для меккского мискаля предположительный вес 4,25 г действительно является весом мискаля Мекки. Следовательно, мы можем реконструировать вес дирхема и динара этого города.

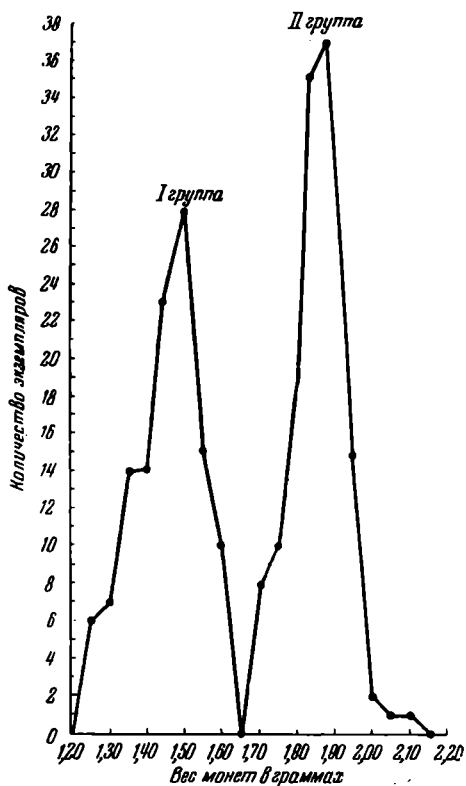

Рис. 2. Диаграмма веса хорезмских дирхемов XIV в.

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, III, М., 1952, стр. 273.

10 дирхемов Мекки равны 7 мискалям Мекки (см. фразу 5). Это обычное соотношение весовых мискалей и дирхемов для всего мусульманского Востока. Следовательно:

1 дирхем = $\frac{7}{10}$ мискаля Мекки = $\frac{7}{10} \cdot 2,25 \text{ г} = 2,975 \text{ г}$. Это так называемый мискаль «наказ»¹, широко распространенный на Переднем Востоке в VIII—XV вв.

В 10 динарах Мекки содержится $9\frac{1}{3}$ динара Хорезма (см. фразу 3), но 1 динар Хорезма равен 6 дирхемам (см. фразу 11), следовательно:

$$\begin{aligned} 1 \text{ динар Мекки} &= \frac{9\frac{1}{3} \text{ динара Хорезма}}{10} = \\ &= \frac{9\frac{1}{3} \cdot 6 \cdot 1,897 \text{ г}}{10} = 10,623 \text{ г}. \end{aligned}$$

Вернемся к хорезмским денежно-весовым единицам.

Кроме мискаля и дирхема, записка о хорезмской денежной системе упоминает следующие единицы:

Динар. 1 динар равен 6 дирхемам, или $2\frac{1}{2}$ мискаля (см. фразы 11 и 30). Эта денежная единица в Иране, Средней Азии и Золотой Орде приравнивалась также к 6 дирхемам. В Иране и Средней Азии она существовала как большая серебряная монета, в Золотой Орде была только счетной единицей. 1 динар = 6 дирхемам = $1,897 \text{ г} \cdot 6 = 11,382 \text{ г}$.

Даник. 15 даников равны 1 динару (см. фразы 12, 30) · $2\frac{1}{2}$ даника равны 1 дирхему (см. фразу 13). Серебряные монеты, соответствующие данику, неизвестны, однако счет на даники засвидетельствован источниками. Например, у Рашид ад-Дина: «...не взяли ни одного лишнего даника денег»². 1 даник = $\frac{1}{6}$ мискаля (см. фразу 31) = $4,55 \text{ г} : 6 = 0,758 \text{ г}$.

Тассудж. 1 тассудж = $\frac{1}{4}$ дирхема (см. фразу 36) = $1,897 \text{ г} : 4 = 0,474 \text{ г}$.

Шаир³. 4 шаира = 1 тассуджу (см. фразу 17) = $0,474 \text{ г} : 4 = 0,1185 \text{ г}$. Эти два весовых термина употреблялись для обозначения мелких фракций дирхема и мискаля.

Приведенных соотношений достаточно, чтобы составить следующую таблицу переводов одних единиц в другие (нами выделены курсивом такие величины, которые упоминаются в источнике):

Название единиц	В какие единицы делается перевод					
	динар	мискаль	дирхем	даник	тассудж	шаир
динар	1	$2\frac{1}{2}$	6	15	24	96
мискаль	$\frac{2}{5}$	1	$\frac{2^2}{5}$	6	$\frac{9^2}{5}$	$\frac{38^2}{5}$
дирхем	$\frac{1}{6}$	$\frac{5}{12}$	1	$2\frac{1}{2}$	4	16
даник	$\frac{1}{15}$	$\frac{1}{6}$	$\frac{2}{5}$	1	$\frac{1^2}{5}$	$\frac{6^2}{5}$
тассудж	$\frac{1}{24}$	$\frac{5}{48}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{5}{8}$	1	4
шаир	$\frac{1}{96}$	$\frac{5}{192}$	$\frac{1}{16}$	$\frac{5}{32}$	$\frac{1}{4}$	1

Реально существовавшей монетой был дирхем. Мискаль оставался весовой, а динар, даник, тассудж и шаир — счетно-весовыми единицами. Отношение 1 : 6 было, очевидно, основным, так как счетная единица — динар равна 6 дирхемам, а весовая единица — мискаль равна 6 даникам. Развитие мелкого розничного торгового дела вызывало необходимость в мелких медных деньгах, в которых закреплялись бы фракции основной серебря-

¹ E. Desourdemanche. Étude métrologique et numismatique sur les misqals et les dirhems arabes. Paris, 1908, стр. 25.

² Рашид ад-Дин. Ук. соч., стр. 255.

³ E. Desourdemanche. Ук. соч., стр. 25. В переводе с арабского شوير «шаир» означает «зерно».

ной монеты. Медные монеты становятся представителями некоторого количества серебра, какой-то доли дирхема.

Однако выбор фракций серебряной монеты, фиксированной в медных деньгах, не случаен. Он обусловлен тем, какие дробные части основной единицы возникают наиболее часто при перерасчетах как внутри самой денежной системы, так и при столкновении ее на рынке с иностранными монетами.

В Хорезме в XIV в. чеканятся медные монеты, причем по различным весовым нормам. Очевидно, что монеты легчайшего веса будут соответствовать наименьшей фиксированной в монетной системе фракции серебряного дирхема.

Перерасчеты различных денежно-весовых единиц внутри самой системы Хорезма должны были, в первую очередь, вызвать необходимость в закреплении наиболее часто употребляемых долей дирхема. Такой фракцией серебряной монеты были $\frac{2}{5}$ тассуджа, на что указывает наш источник. Установив количество серебра, подлежащего уплате равным $130\frac{2}{3}$ мискаля, автор анонимной заметки спешит перевести мискали в динары. Так как в 130 мискалях содержится $130 : 2,5$ динаров = 52 динара, то всего в $130\frac{2}{3}$ мискаля содержится 52 динара и $\frac{2}{3}$ мискаля (см. фразу 14).

Затем $\frac{2}{3}$ мискаля переводятся в динары, дирхемы, тассуджи и шаиры. Это осуществляется тремя способами:

1. 1 дирхем = $\frac{5}{12}$ мискаля (см. фразу 16). $\frac{2}{3}$ мискаля = $\frac{8}{12}$ мискаля = $\frac{5}{12} + \frac{3}{12}$ мискаля = 1 дирхем + $\frac{3}{12}$ мискаля = 1 дирхем + $\frac{3}{12} : \frac{5}{12}$ дирхема = $1\frac{3}{5}$ дирхема = $1\frac{1}{2}$ дирхема + $\frac{1}{10}$ дирхема = $\frac{1}{4}$ динара + $\frac{1}{10} \cdot 4$ тассуджа = $\frac{1}{4}$ динара + $\frac{2}{5}$ тассуджа = $\frac{1}{4}$ динара + $1\frac{3}{5}$ шаира (см. фразы 15—18, 20).

2. $\frac{1}{2}$ мискаля = $\frac{2}{5}$ динара : 2 = $\frac{1}{5}$ динара = $\frac{1}{5} \cdot 6$ дирхемов = $1\frac{1}{5}$ дирхема = 1 дирхем + $\frac{4}{5}$ тассуджа (см. фразу 21) = $1\frac{4}{20}$ дирхема (см. фразу 22). $\frac{1}{6}$ мискаля = $\frac{1}{6} : \frac{5}{12}$ дирхема = $\frac{2}{5}$ дирхема = $\frac{8}{20}$ дирхема (см. фразу 26). $\frac{2}{3}$ мискаля = $\frac{1}{2}$ мискаля + $\frac{1}{6}$ мискаля = $1\frac{4}{20}$ дирхема + $\frac{8}{20}$ дирхема = $1\frac{12}{20}$ дирхема = $1\frac{1}{2}$ дирхема + $\frac{2}{20}$ дирхема = $1\frac{1}{2}$ дирхема + $\frac{2}{5}$ тассуджа (см. фразы 24—28).

3. $\frac{2}{3}$ мискаля = $6 \cdot \frac{2}{3}$ даника = 4 даникам (см. фразу 32). $\frac{1}{4}$ динара = $\frac{15}{4}$ даника = $3\frac{3}{4}$ даника (см. фразу 34). $\frac{1}{4}$ даника = $\frac{1}{4} \cdot \frac{2}{5}$ дирхема = $\frac{1}{10}$ дирхема = $\frac{4}{10}$ тассуджа = $\frac{2}{5}$ тассуджа (см. фразы 35—36). $\frac{2}{3}$ мискаля = 4 даника = $3\frac{3}{4}$ даника + $\frac{1}{4}$ даника = $\frac{1}{4}$ динара + $\frac{2}{5}$ тассуджа (см. фразу 33).

Показательно, что автор заметки спешит с самого начала определить $\frac{2}{5}$ тассуджа как $1\frac{3}{5}$ шаира (см. фразы 16—17). Величина $\frac{2}{5}$ тассуджа очень часто употребляется в тексте нашего источника и фигурирует во всех трех вариантах перерасчета $\frac{2}{3}$ мискаля в другие единицы. Автор источника не может оставить величину в $\frac{2}{3}$ мискаля без перевода ее в динары или дирхемы, так как мискаль и его доли — это весовые единицы, требующие перевода в счетные единицы. Очевидно, фракция дирхема в $\frac{2}{5}$ шаира часто возникала на денежных рынках и в лавках сарафов и была каким-то образом зафиксирована в монетной системе Хорезма. Бессмысленный с точки зрения арифметических действий перевод $\frac{2}{5}$ тассуджа в шаиры может быть объяснен только предположением, что эта величина не была наименьшей фиксированной долей дирхема.

С другой стороны, деление дирхема производилось по схеме: в 1 дирхеме — 4 тассуджа или 16 шаиров. На это указывает сама денежно-весовая система. Следовательно, фракция дирхема в 1 шаир должна была возникать при различных торговых операциях не менее часто, чем величина $\frac{2}{5}$ тассуджа. Употребленная автором нашего источника величина $\frac{3}{5}$ шаи-

ра требует второй величины, дополняющей ее до 1 шаира, т. е. $\frac{2}{5}$ шаира. Составить 1 шаир и $1\frac{3}{5}$ шаира ($\frac{2}{3}$ тассуджа) проще всего при помощи двух мелких фракций дирхема, равных $\frac{2}{5}$ и $\frac{3}{5}$ шаира. Очевидно, это и были наименьшие фракции дирхема, закрепленные в монетной системе. Если бы были еще более мелкие величины в качестве фиксированных долей серебряной монеты, то наш хорезмиец перевел бы значение $\frac{3}{5}$ шаира в более мелкие весовые единицы, например в «аруры»¹, подобно тому

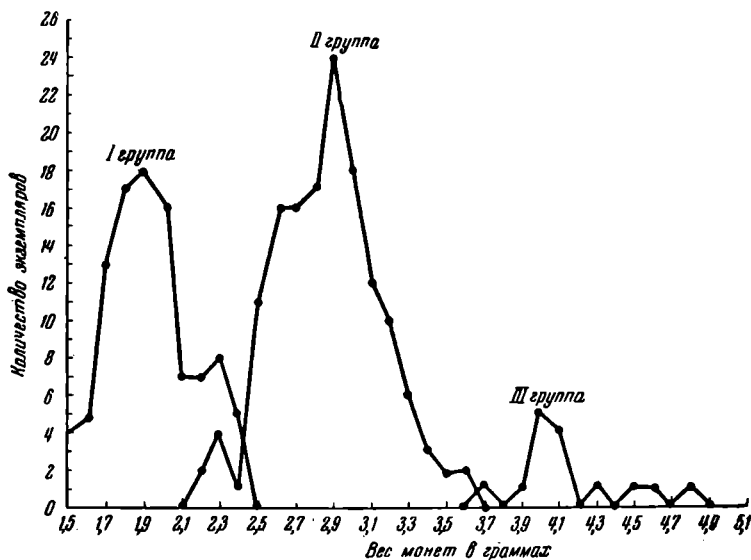

Рис. 3. Диаграмма веса хорезмских пулов XIV в.

как $\frac{2}{5}$ тассуджа он перевел в $1\frac{3}{5}$ шаира. Тот факт, что доли шаира не переведены в более мелкие весовые единицы, хотя такие и известны, заставляет думать, что $\frac{3}{5}$ шаира и дополняющие их до 1 шаира $\frac{2}{5}$ шаира были наименьшими фракциями дирхема, фиксированными в монетной системе. $\frac{2}{5}$ шаира = $\frac{2}{5} : 16 = \frac{1}{40}$ дирхема.

Давно было обращено внимание на группу медных монет Узбека с надписью *اون الی یول دانکی یرلیغ همایون*

«16 пул в данике; высочайшее повеление»². Встречаются сокращенные варианты этой легенды *اون الی دانک* «16 даник»³, *حکم همایون* «высочайшее повеление»⁴, *اذ حکم همایون* «По высочайшему повелению»⁵, *اون الی یول دانکی* «16 пул в данике»⁶.

В. К. Трутовский на основании подобных монет пытался установить соотношение джучидской серебряной и медной монеты. Он приравнивал к 1 денге 16 пулов, за денгу принимал дирхем⁷. Однако термин «денга» неизвестен в источниках в применении к джучидскому дирхему, а в русском денежном деле употребляется несколько позднее. Весь ход дальней-

¹ E. Desourdemanche. Ук. соч., стр. 25.

² X. M. Френ. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832, стр. 7, № 41; С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, № 42, 1954, стр. 434, № 30.

³ X. M. Френ. Ук. соч., стр. 8, № 45, стр. 10, № 69.

⁴ Там же, стр. 9, № 56; С. А. Янина. Ук. соч., стр. 436, № 40.

⁵ X. M. Френ. Ук. соч., стр. 9, № 61.

⁶ С. А. Янина. Ук. соч., стр. 434, № 35.

⁷ В. К. Трутовский. Алтын, его происхождение, история, эволюция. Тр. секции археологии РАНИОН, т. 11. М., 1928, стр. 135.

ших рассуждений В. К. Трутовского весьма сомнителен, однако сама мысль о том, что указанные надписи на монетах означают соотношение серебра и меди в монетной системе, представляется верной. Все монеты с подобными легендами выпущены в Сарае в период с 721 г. х. (1321) по 738 г. х. (1337—1338). Естественно, что именно столичный чекан должен был объявить о подобном постановлении. Распространение этого указа на Хорезм не вызывает сомнений, так как в 737 г. х. (1336—1337) там чеканились монеты с сокращенным вариантом легенды «высочайшее повеление»¹. Слово دانك можно перевести как «даник» دانق. На это указывал еще Х. М. Френ². При таком переводе получаем, что 1 даник = 16 пулам, т. е. 1 дирхем = $2\frac{1}{2} \cdot 16$ пул = 40 пулам.

Двумя независимыми путями мы пришли к выводу, что наименьшая фракция дирхема была равна $\frac{1}{40}$ дирхема = $\frac{2}{5}$ шаира.

С развитием мелкой торговли в городах и при постоянной потребности в медных монетах, представляющих доли серебряного дирхема, начало чеканки медных пулов было неизбежным. С 700 г. х. (1300—1301) по 790 г. х. (1388) было выпущено более 50 типов хорезмийских пулов. По весу медные монеты Хорезма XIV в. (264 монеты из собраний ГИМ и Эрмитажа) распределяются следующим образом на четыре группы (рис. 3).

В I группе преобладают монеты с весом в 1,9 г, во II группе — в 2,9 г, в III группе — 4 г, в IV — имеются всего две монеты хорошей сохранности — 5,7 г и 6,0 г. Очевидно, монеты этой группы чеканились по норме, приближающейся к 6,0 г. По типам все группы резко расходятся между собой и легко отличимы друг от друга. По весу монеты этих четырех групп относятся друг к другу, как 2 : 3 : 4 : 6.

Монеты II группы больше по размеру, чем монеты двух первых групп, и значительно реже встречаются. Монеты эти были выпущены дважды: в 750 г. х. (1349—1350) и в 754 г. х. (1353)³. К IV группе относятся монеты с изображением льва и солнца, выпущенные в 754 г. х. (1353)⁴. По размеру они еще больше монет III группы. То обстоятельство, что монеты III и IV групп были выпущены всего два раза, показывает, что это были не основные номиналы медных монет.

Монеты двух первых групп чеканились в изобилии, причем обе весовые группы имелись налицо с самого начала медной чеканки золотоордынского Хорезма. Монеты I группы были пулами, монеты II — полуторными пулами. Пулы представляли $\frac{2}{5}$ шаира серебра, полуторные пулы — $\frac{3}{5}$ шаира. Соответственно монеты III группы были двойными пулами и приравнивались к $\frac{4}{5}$ шаира или $\frac{1}{5}$ тассуджа, а монеты IV группы были тройными пулами, равными $1\frac{1}{5}$ шаира серебра. При помощи двух первых номиналов легко было составить полный шаир (пул и полуторный пул) и $\frac{2}{5}$ тассуджа (один пул и два полуторных или один тройной пул).

Вес медного пула и серебряного дирхема приблизительно одинаков. Отношение стоимостей их равно 1 : 40, следовательно, так же относятся друг к другу стоимость серебра и меди. Однако, каково было реальное, рыночное соотношение стоимостей этих металлов, мы не знаем. Вопрос о медном обращении и стоимости меди по отношению к серебру не разраба-

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II (место и год издания не указаны), стр. 128; С. А. Янина. Ук. соч., стр. 436, № 43.

² С. М. Fraehn. De origine vocabuli rossici «деньги». Casani, 1815, стр. 34—35.

³ Ch. M. Fraehn. Recensio Numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826, стр. 238—о—; W. G. Tiesenhause. Notice sur une collection des monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. SPb., 1880, стр. 22, № 42.

⁴ П. С. Савельев. Монеты джучидские, джагатаидские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша. ЗРАО, т. XII, вып. 1, СПб. 1858, стр. 487, № 519.

тывался почти совершенно¹. Поэтому мы не можем установить, в какой степени соотношение меди и серебра в монетной системе Хорезма XIV в. соответствовало действительному отношению стоимостей этих металлов.

В отличие от других городов Золотой Орды, Хорезм чеканил в 765—785 гг. х. (1363—1384) золотую монету. Было выпущено 12 типов золотых монет. Характерно, что слово «динар», которое обычно раньше помещалось на золотых монетах, на хорезмских золотых XIV в. отсутствует. Его заменило выражение *سكة ذهبی* «золотая монета»². Очевидно, денежный термин «динар» уже прочно вошел в быт как счетная единица для 6 дирхемов. Однако естественно предположить, что в монетной системе Хорезма золотая монета была эквивалентна серебряному динару, т. е. 6 дирхемам. К. Маркс писал, что при биметаллическом денежном обращении появляется тенденция считать золото и серебро «одной материей», считать, что «серебро, этот менее ценный металл, есть неизменная дробная часть золота»³. Термин «динар» означает теперь не золотую монету, а то количество серебра, которое к этой монете приравнивается по существующему в монетной системе ratio золота и серебра.

Золотые монеты Хорезма XIV в. чеканились по весовой норме в 1,13 г, т. е. в четвертую часть мискаля. $4,55 \text{ г} : 4 = 1,138 \text{ г}$. Таким образом, 1 мискаль золота приравнивался к 4 динарам серебра, т. е. к $4 \cdot 2,5$ мискаля = 10 мискалям. Учитывая то обстоятельство, что проба хорезмских монет была высокой (0,95⁴), мы можем установить ratio золота к серебру в хорезмской монетной системе, равное 1 : 10. Таково же было отношение золота и серебра в денежной системе Индии XIV века. Однако если в Индии действительная (рыночная) относительная стоимость этих двух металлов была, вероятно, близка к пропорции 1 : 10, то в Хорезме, во всяком случае в первой половине XIV в., действительное отношение цен золота и серебра было равно 1 : 8,54⁵.

В заключение следует остановиться на той причине, которая побудила читателя рукописи аз-Захиди написать столь пространную заметку о хорезмских денежных и весовых единицах. Перевод меккских денег в хорезмские вполне понятен, если учесть, что по традиции, восходящей ко времени пророка, закят исчислялся в меккских денежных единицах для всех других городов⁶. Поскольку хорезмские мискали тяжелее меккских, то такой перерасчет необходим. Если платить хорезмскими мискалями налог закят просто такое же количество мискалей, какое исчислено в меккских мискалях, то неизбежны большие убытки. На каждые 10 мискалей будет переплачено $\frac{2}{3}$ мискаля, так как в 10 меккских содержится $9\frac{1}{3}$ хорезмского мискаля (см. фразу 6). Очевидно, наш хорезмиец под влиянием каких-то финансовых рассуждений автора рукописи, составил подробный перерасчет закята на хорезмские денежные и весовые единицы именно для того, чтобы уяснить этот вопрос.

В итоге реконструкции монетной системы Хорезма XIV века мы получаем:

1 золотая монета = 1 счетному динару = 6 дирхемам.

1 дирхем = 40 пулам.

¹ В XVI в. в Средней Азии отношение цен на медь и серебро было близко к 60 : 1. См. Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряной монеты в государстве Шейбанидов (XVI в.). Тр. САГУ, кн. 3, вып. XI (новая серия, гуманитарные науки). Ташкент, 1950, стр. 155.

² Монета с такой надписью хранится в ГИМ, инв. № 840.

³ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 65.

⁴ Эту пробу имеет монета, хранящаяся в Астраханском краеведческом музее.

⁵ Подробно об этом см. Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV веке. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 51—58.

⁶ Maqrîsy. Traité des poids et des mesures légales des Musulmans Traduction de S. Sacy. Paris, an VII de la République, стр. 2—3; traduction, стр. 11—14.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

МРАМОРНЫЙ ТРОН ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

При раскопках Пантикапея в 1956 г. был найден мраморный трон (рис. 1—3). Еще в древности его использовали не по назначению, а в качестве строительного материала при сооружении фундамента одного из зданий IV в. н. э. В силу этого о первоначальном местонахождении трона мы можем высказать только догадки; скорее всего он некогда находился в одном из общественных зданий, расположенных где-то поблизости на северном или восточном склонах Митридатовой горы.

Трон высечен из белого мрамора, поверхность которого покрыта теплой серовато-желтоватой, чуть золотистой патиной. Местами, особенно по краям блока, имеются довольно значительные старые сбой. Очертания блока следующие: нижняя и верхняя поверхности ровные, расположены горизонтально, боковые поверхности вертикальные, а передняя и задняя сильно изогнуты и круто спускаются вниз; поэтому площадь основания значительно больше верхней площади, что придает тяжелому блоку исключительную устойчивость. Самая нижняя часть передней стороны срезана таким образом, что край ее как бы немного нависает. Поверхность среза оставлена грубообработанной остроконечным теслом.

В дошедшем до нас состоянии высота трона равна 0,43 м, ширина 0,56 м, а длина, достигающая внизу 0,75 м, вверху тянется не более, чем на 0,48 м. Нужно особо отметить, что грубо обработанная поверхность среза на передней стороне трона, несомненно, была заглублена в землю;

Рис. 1. Мраморный трон, заложенный в фундамент IV в. н. э. (вид с юго-запада)

высота этой части блока около 0,09 м. В силу этого трон возвышался над поверхностью пола того помещения, где он первоначально находился, всего на 0,32 м. Эта высота сравнительно небольшая¹, на 0,10—0,12 м

¹ Отметим, что высота скамей в приенском театре была несколько более: 0,39—0,40 м (Th. Wiegand und H. Schrader, Priene. Berlin, 1904, стр. 239).

ниже обычных для нашего времени стульев; такое устройство трона вполне закономерно при условии, что на нем сидели, подкладывая подушку, как это нам известно по рисункам на краснофигурных вазах¹.

На боковых ребрах блока обозначены рельефно выступающие ножки трона. Над передней и задней поверхностями трона они поднимаются при-

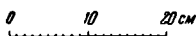
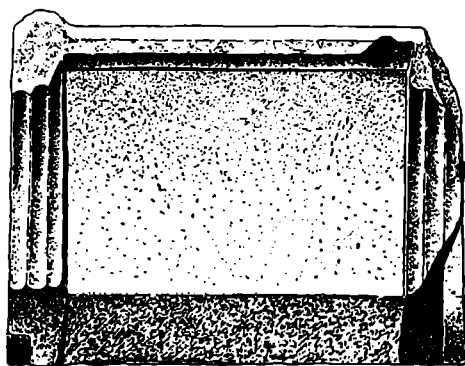

Рис. 2. Мраморный трон (вид спереди)

мерно на 0,01 м, над боковыми на 0,02—0,025 м. Поверхность этих ножек на боковых сторонах совершенно гладкая, а на передней и задней сторонах оживлена продольными желобками.

Служившая сидением верхняя поверхность трона совершенно гладкая. С передней стороны ее обрамляет чуть ребристый валик 0,072 м шириной и около 0,017 м высотой. Этот валик заходит и на верхнюю часть передней стороны блока. Поверхность валика очень сильно обтерта, вероятно, от долговременного пользования. Схожие валики были на боковых сторонах.

Валик, находившийся под левой рукой сидевшего на троне, почти полностью сбит, а валик, расположенный под правой рукой, уцелел; высота последнего около 0,02 м, ширина — 0,065 м. Поверхность описываемого валика сильно обтерта, все же у передней стороны сидения можно заметить небольшой выступ (вероятно, остатки ручки кресла). На аналогичном месте, на другой стороне, находится большой сбой. Спинка трона не сохранилась; она сломана до основания. Большие сбой тянутся вдоль нижнего края задней стороны трона. Пантикапейский трон, подобно другим мраморным тронам или креслам, повторяет в переработанном виде форму обычной деревянной мебели, хорошо известной по многочисленным изображениям на вазах и надгробных рельефах, где нередко встречаются стулья и кресла с изогнутыми широко расставленными ножками².

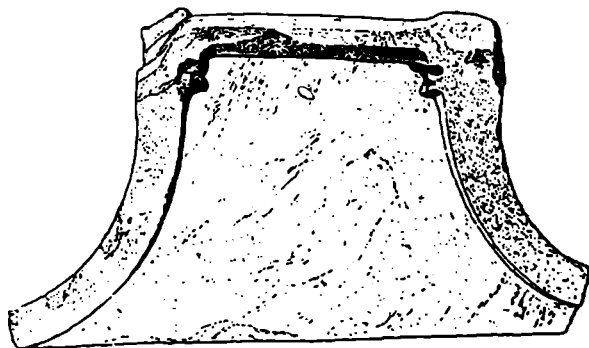

Рис. 3. Мраморный трон (вид сбоку)

Монументальная мраморная мебель, иногда украшавшаяся богатой

¹ G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. X. Paris, 1914, стр. 559, рис. 319.

² E. Saglio. Cathedra. См. Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire. I, 2. Paris, 1879, стр. 970 и сл.; Th. Schreiber. Kulturhistorische Bilderatlas, I, Altertum. Leipzig, 1885, табл. LXXXII—LXXXIV; V. Chapot. Sella. См. Ch. Daremberg et E. Saglio. Ук. соч. IV, 2, стр. 1179 и сл.; H. Mužik und Fr. Perschinka. Kunst und Leben in Altertum. Wien—Leipzig, 1909, стр. 159 и сл.; G. Richter. Ancient Furniture. Oxford, 1926, стр. 45 и сл.

Рис. 4. Мраморные кресла в театре Диониса в Афинах

скульптурной отделкой¹, в греческом мире обычно применялись в общественных зданиях, в частности в театрах, в качестве кресел² для почетных зрителей, преимущественно жрецов³, а также кресел агонифетов⁴. Для кого предназначался и в каком здании стоял трон, найденный в Пантикапее, сказать с уверенностью трудно.

Возможно, что это почетное кресло, некогда находившееся в театре, наличие которого в Пантикапее можно считать засвидетельствованным Полиэном⁵ с довольно большой степенью вероятности⁶. Правда, форма трона с далеко выступающими ножками задней стороны на первый взгляд противоречит такому предположению, особенно если сравнить ее с более рациональной, т. е. менее загромождающей проход, формой кресел театра Диониса в Афинах (рис. 4)⁷. Однако совершенно такое же устройство с сильно выступающими ножками на задней стороне имеют кресла театра в Приене⁸. Вполне допустимо предположение, что наш трон некогда стоял в театре Пантикапея и служил одним из почетных кресел, предназначенных для жреца или какого-либо магистрата, может быть, даже архонта⁹.

¹ G. Richter. Ук. соч., стр. 119 и сл., рис. 276 и сл.

² Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 1. М., 1949, стр. 255 и табл. 105, рис. 2—3; J. Darm. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 463, рис. 417; Th. Wiegand und H. Schrader. Ук. соч., стр. 242 и сл., рис. 240.

³ O. Jahn und A. Michaelis. *Arx Athenarum a Pausania descripta*. Bonnæ, 1901, стр. 90 и сл.

⁴ J. Stuart et N. Revett. *Les antiquités d'Athènes*, т. III. Paris, 1812, стр. 62 и сл., стр. 67; табл. XV, рис. 3 и 6. См. также: C. Seltman. *Two Athenian marble thrones*. JHS, LXVII, 1947, стр. 27 и сл., табл. VI c, IX b.

⁵ Polyæn, V, 44, 1.

⁶ Неудачная попытка В. В. Шкорпила обнаружить пантикапейский театр при раскопках 1910 г. на юго-восточном склоне Митридатовой горы не может служить достаточным основанием для опровержения этого предположения (см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и ст. Таманской в 1910 году. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 44 и сл.). Помню места, исследованного В. В. Шкорпиллом на склонах Митридатовой горы, имеется еще целый ряд необследованных мест, которые по топографическим условиям вполне могли быть местоположением античного театра.

⁷ Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 1, табл. 105, рис. 2.

⁸ M. Schæde. *Die Ruinen von Priene*. Berlin und Leipzig, 1934, стр. 73 и сл., рис. 85—86.

⁹ Попутно отметим находку в Рамнунтском театре мраморного кресла, судя по надписи предназначенного архонту. (См. J. M. Cook. *Archæology in Greece, 1947—1948*, JHS, LXVII, 1947, стр. 36.) Разумеется, этот магистрат отнюдь не играл такой роли, как архонты Боспора.

Впрочем, возможно и другое предположение, что трон служил креслом агонифета, наличие которых на Боспоре засвидетельствовано уже во времена Перисада I¹.

Точная датировка рассматриваемого памятника сопряжена с некоторыми трудностями. Несомненно, что между изготовлением трона и днем, когда он был заложен в фундамент IV в. н. э., прошел очень большой, по всей видимости, многовековой промежуток времени. Недаром форма нашего трона так сильно отличается от обычной формы кресел с вертикальными точеными ножками, изображения которых постоянно встречаются на боспорских надгробных рельефах и в росписях пантикапейских склепов времени сарматизации². Преобладающее число аналогичных по типу изображений кресел на памятниках искусства Средиземноморья приходится на классический и отчасти эллинистический периоды. Весьма показательна и техника исполнения нашего трона: малозаглаженная поверхность его несколько напоминает по обработке поверхность скульптур, в частности фона рельефов IV в. до н. э. и близких к ним по времени.

Все сказанное побуждает нас склониться к предположению, что пантикапейский трон, вероятно, относится к IV в. до н. э. (или, может быть, к первым десятилетиям III в. до н. э.), то есть ко времени наиболее оживленных отношений Боспора с Афинами.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

НАХОДКА РИМСКИХ МОНЕТ В БАСЕЙНЕ Р. КОДЫМЫ

Летом 1955 г. у восточной окраины с. Стратиевки, Ольгопольского района, Винницкой области (УССР), на левом берегу р. Кодымы, учитель местной школы С. И. Розгонюк нашел две серебряные римские монеты, которые были переданы им в Одесский государственный археологический музей³.

Монеты найдены в совместном залегании на глубине одного штыха от поверхности. Одна из этих монет, относящаяся к правлению императора Коммода, достаточно хорошо известна. Она датируется 187—188 гг. н. э.⁴ Диаметр ее 18—18,5 мм, вес 2,55 г, сохранность посредственная:

Л. ст. MCOMMANT PFELAVGBRIT (= Marcus Commodus Antoninus Pius Felix Augustus Britannicus). Обнаженный бюст императора в лавровом венке, вправо. Остатки точечного ободка.

Об. ст. PMTRPXIIIM PVIII COSVPP (= Pontifex Maximus, tribunicia potestas XIII, imperator VIII, consul V, pater patriae). Задрапированная стоящая фигура Свободы (Libertas) впрямь, голова повернута влево; в правой руке головной убор (pileus), в согнутой левой длинный скипетр, лежащий на плече и касающийся головы. Остатки точечного ободка (рис. 1, I).

Приведем описание второй монеты:

Л. ст. Обнаженный бюст императора в широкой диадеме, вправо; лицо поднято; глаза возведены кверху; точечный круг.

Об ст. CONSTAN TI NVSCAESAR (Constantinus caesar). Виктория в развевающейся одежде, голова повернута влево, крылья пересекаются

¹ IOSPE, II, № 345.

² G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909; М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, табл. LI, LXV, LXXV, LXXXVIII—XCI и XCIV.

³ За разрешение опубликовать эти монеты приношу искреннюю благодарность тов. Г. А. Подмогильной и дирекции музея.

⁴ H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, т. IV. London, 1940, стр. 734, №№ 248—249, табл. 97, 4, H. Cohen. Description historique des monnaies, frappées sous l'Empire Romain, т. III. Paris, 1883, стр. 302, № 542.

под углом; в правой руке венок со свисающими лентами, в левой пальмовая ветвь. Под чертой С · Θ; точечный круг.

Серебро. 20—20,5 мм. Вес 3,200 г. Сохранность очень хорошая (см. рис. 1, 2, 3).

Нам не удалось отыскать в доступных нам изданиях¹ монеты, в точности подобной второй. Близкие аналогии представляют экземпляры, изданные Коэном, но на тех из них, которые биты в Константинополе, под обрезом находим С · Δ, С · Ε или CONS · А, В, Г, Δ, Е, С, Z².

Эта монета представляет так называемый *argenteus minutulus* Константина II. Нормальный вес этого номинала, в отличие от миллиарисия, весящего 4,55 г. составляет 3,41 г. Монета бита, как указывает надпись под

Рис. 1

1 — монета Коммода, 2, 3 — монета Константина II

обрезом, в Константинополе, но обозначение необычно; Морис, например, знает на серебре сокращения CONS · А-ΙΑ, но в то же время только С · А — С · Ε³, между тем как на публикуемом экземпляре стоит отчетливая тета (рис. 1, 3). Монеты Константина Младшего вообще не слишком редки, но вкладах на нашей территории почти не встречались; лишь в Станиславской области в гг. Коломыя и Снятын, а также в пос. Жовтень зарегистрированы находки серебряных монет этого императора,

¹ Остался недоступным том корпуса римских монет Н. Mattingly и др. «The Roman Imperial coinage» с описанием монет Константина I и его приемников.

² Г. Коэн приводит ауреусы, битые в Никомедии и в Сирмии. (См. Н. Cohen. Ук. соч., т. VII, стр. 372, № 75; ср. J. Hirsch. Auctionskatalog, № XXVI, 1910, стр. 72, табл. 24, 823; № XXXIV, 1914, стр. 100, табл. 45, 1583; A. Hess. Auctionskatalog. Sammlung F. Trau. Münzen der Römischen Kaiser. 1935, стр. 111, табл. 46, 4059) и серебряные монеты, чеканенные в Сирмии или в Риме (см. Н. Cohen. Ук. соч., т. VII, стр. 372, № 76, фото; Sammlung F. Trau, стр. 110, табл. 46, 4035), в обоих случаях с легендой CONSTANTINI NVSCAESAR. Ему известны также монеты такого типа, битые в Константинополе, но с сокращенным написанием титула Constantinus Caes. (См. Н. Cohen. Ук. соч., т. VII, стр. 372, № 72; ср. J. Maurice. Numismatique Constantienne, т. II, Paris, 1912, стр. 497, № XIII) и монеты разных монетных дворов с легендой Constantinus Augustus или Constantinus Aug. (Н. Cohen. Ук. соч., т. VII, стр. 371, № 65, стр. 372, № 70).

³ J. Maurice. Ук. соч., т. II, стр. 548—549.

в каждом случае по одному экземпляру¹, да в с. Кристинополь, Львовской области, обнаружены медные монеты Константина II вместе с такими же монетами его брата и соправителя Криспа².

Датировка публикуемой монеты Константина может быть установлена следующим образом. Изображения членов константиновой династии с поднятым лицом и обращенным кверху взглядом³, иногда с надписью на аверсе или чаще без надписи, известны и на золотых медальонах, и на солидах, и на серебряных монетах самого Константина, его сыновей Криспа, Константина II, Констанция II, Константа, и его племянника, Дельмация⁴, причем на некоторых из них находим на обороте точно такую же фигуру Виктории с венком и пальмовой ветвью. Эта своеобразная трактовка императорских портретов связана, по вполне обоснованному объяснению О. Зеэка, с тем, что монеты, на которых появляются эти изображения, входили в состав особых серий, связанных с квинквенналиями, деценналиями, виценналиями императоров, и должны были выражать, как это и отмечает Евсевий (*Vita Const. IV, 15*), молитвенную благодарность членов царствующего дома за благополучное правление⁵.

На этой основе представляется возможным точно определить время чекана интересующей нас монеты. Константин II был провозглашен цезарем совместно со своим старшим братом Криспом буквально через несколько недель после своего рождения, 1 марта 317 г.⁶ 1 марта 321 г. оба цезаря справляли свои первые квинквенналии, а 1 марта 326 г. деценналии праздновал уже только Константин Младший (Крисп был непосредственно перед этим отравлен в Поле по приказу отца). Это празднование пришлось в промежутке между двумя другими: 25 июля 325 г. Константин I отмечал в Никомедии свои виценналии, а в сентябре 326 г. повторил их снова в Риме, все еще сохранявшем значение центра государства. По случаю этих событий среди придворных и знати широко распространялись так называемые спортулы, т. е. золотые подарочные медальоны. Именно на части этих золотых и появляется впервые изображение императора и обоих цезарей в диадемах с поднятыми лицами и обращенными кверху взглядами⁷. На этом основании можно было бы отнести и нашу монету к 326 г. н. э., тем более, что отличающийся от нее сокращением легенды вариант (*Constantinus Caes. вместо Caesar*) как раз так и определен видным авторитетом в области нумизматики этого периода Ж. Морисом⁸. Однако мы не можем согласиться с таким заключением, ибо как на монете, опубликованной Г. Коэном (*Constantinus II, № 72*), так и на новонайденном экземпляре указано, что они чеканены в Константинополе, который получил такое название, как известно, лишь с 330 г. Кроме того, если наша монета находит себе по типам лицевой и оборотной стороны теснейшую аналогию в монете Криспа, которая, как показал О. Зеэк, бита еще

¹ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 269 и сл., №№ 338, 410, 463.

² Его же. Ук. соч., № 665.

³ См. R. Delbrueck. Spätantike Kaiserporträts. Berlin — Leipzig, 1933, табл. IV, 40; V, 7; VI, 5.

⁴ Н. Соһей. Ук. соч., т. VII, стр. 239—240, №№ 96, 97, 100—106, 110; стр. 255—256, №№ 237—240 (Константин); стр. 344, №№ 59 и 61 (Крисп); стр. 431, № 4; стр. 441, №№ 12, 14, 15; стр. 442, № 19 (Констанций); стр. 404, №№ 2 и 4 (Констант); стр. 361, № 3 (Дельмаций); монеты Константина Младшего указаны выше.

⁵ О. Сеэек. Zu den Festmünzen Konstantins und seiner Familie. Zeitschrift für Numismatik, 1898, XXI, стр. 29—31.

⁶ Здесь и далее см. RE, т. IV, 1901, col. 1026—1028 и 1722—1724, где указаны источники и литература.

⁷ О. Сеэек. Ук. соч., стр. 22—29, табл. II, 2—3, ср. R. Delbrueck. Ук. соч., стр. 78—79, табл. V, 7 и VI, 5.

⁸ J. Maurice. Ук. соч., т. II, стр. 497. Впрочем, в другом месте Морис допускает еще более странный промах, датируя солид Констанция II (см. Н. Соһей. Ук. соч., т. VII, стр. 441, № 14), битый в Никомедии, тем же 326 г. и связывая его с деценналиями цезаря, которые Констанций в действительности мог отмечать не ранее 333 г.

при жизни цезаря¹ (но, как и следовало ожидать, не в Константинополе, а в Сирмии), то этому нельзя придавать решающее значение, так как такие монеты бились и позже. В самом деле, ограничиваясь только теми монетами, на обороте которых помещена Виктория, можно отыскать их в чекане Констанция, Константа и даже Дельмация, т. е. всех без исключения цезарей династии Константина². Между тем, если Констанций был провозглашен цезарем 8 ноября 324 г. и уже в 328 г. праздновал свои квинквенналии, то Констант удостоился этого титула лишь на исходе 333 г., а Дельмаций — 18 сентября 335 г. К тому же монеты с совершенно таким типом аверса известны и после того, как сыновья Константина были провозглашены 9 сентября 337 г. августами³.

На основании всего сказанного устанавливается, наконец, дата нашей монеты: не ранее переименования Константинополя и не позже принятия сыновьями Константина титула августов, т. е. между 330—337 гг. Учитывая, что на 1 марта 331 г. приходились квиндеценналии, а на 1 марта 336 г. — виценналии Константина II, и принимая во внимание, что во втором случае заведомо выпускались монеты с подобным типом аверса⁴, можно выбирать между этими двумя датами, причем вероятность второй из них представляется несколько большей.

Из сказанного видно, что две римские монеты, найденные совместно, разделены почти полуторавековым промежутком (188—336 гг.). При этом денарий Коммода сильно изношен, в то время как монета Константина II сохранилась почти отлично. Это, на наш взгляд, позволяет предположить, что первый находился в обращении в течение всего промежуточного периода и, стало быть, изъятие полноценных старых монет из обращения и их превращение в сокровище не носило такого абсолютного характера, как это можно заключить из аргументации В. В. Кропоткина⁵. В этом, а также в находке нового варианта серебряных монет Константина II и состоит, на наш взгляд, значение Кодымской находки.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПОГРЕБЕНИЕ IV—V вв. н. э. в дер. АЙВАЗОВСКОЕ

В 1956 г. в Крыму в 26 км к северо-западу от г. Феодосии близ дер. Айвазовское при раскопках поселения эллинистического времени было обнаружено погребение IV — начала V в. н. э. В восточной части Крыма погребения этого времени были известны до настоящего времени только в районе г. Керчи. В связи с малой изученностью позднеантичного и раннесредневекового периодов в истории Крыма находки памятников этого времени представляют особенно большой интерес.

Публикуемое погребение совершено в простой могиле, которая была выдолблена в скале на глубину 0,8 м. От современной поверхности почвы дно могилы находилось на глубине 1,8 м. Длина могилы 1,6 м, ширина 0,5 м. Покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Костяк, длиной 0,85 м, довольно плохо сохранился, череп был раздавлен, кисти рук и ступни ног отсутствовали.

В голове стоял плоскодонный лепной горшок с покатыми плечиками и расширяющимся кверху горлом (рис. 1, А), у левой ключицы найде-

¹ Н. Соһеп. Ук. соч., т. VII, стр. 344, № 59; О. Сееск. Ук. соч., т. XXI, стр. 29, прим. 2.

² Н. Соһеп. Ук. соч., т. VII, стр. 441, №№ 14—15; стр. 404, № 4; стр. 361, № 3.

³ Там же, стр. 371, № 65; стр. 372, № 70 (Константин II); стр. 439, № 4; стр. 441, № 12 (Констанций); стр. 404, № 2 (Констант).

⁴ Там же, стр. 376, № 105.

⁵ В. В. Кропоткин. Ук. соч., стр. 250.

на реберчатая бочковидная бусина из голубоватой пасты (рис. 1, 1). У пояса была найдена бронзовая привеска в виде человеческой фигурки (рис. 1, 3). В засыпи могилы обнаружена массивная костяная пряжка (рис. 1, 2).

Судя по длине костяка, погребение было детским. Особый интерес представляет найденная при костяке бронзовая литая подвеска в виде

Рис. 1. Вещи из погребения

1 — реберчатая бусина; 2 — пряжка; 3 — фигурка-привеска; 4 — глиняный сосуд

уплощенной человеческой фигурки с ушком для подвешивания на оборотной стороне головы, с намеченными в виде точек глазами, с выступом на месте носа и полосой вместо рта. Подобные фигурки в большом количестве находили при раскопках пантикапейского некрополя в г. Керчи, но ни одна из них не опубликована¹. Среди этих фигурок одна, вырезанная из бронзовой пластинки (рис. 2, 1), была найдена в детской земляной гробнице, открытой в 1909 г. на Глинище². Вместе с ней были обнаружены бусы, бронзовые серьги, браслет, две пряжки, обломки глиняного горшка и монета Рескупорида VI (303—341 гг. н. э.). По-видимому, такого же типа фигурка была найдена в 1897 г. в детской плитовой гробнице на Сюр-Таше у Азовского моря³. Вместе с нею были найдены бусы из финикийского стекла и оранжевой смальты и бронзовый цилиндр с амулетом в виде лоскутка «какой-то лоснящейся материи». На лос-

¹ Подобные фигурки из Керчи хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, ГИМ и Одесского историко-археологического музея.

² В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 31 (хранится в ГИМ, опись 1/87, № 13).

³ В. В. Шкорпил. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи. ЗООИД, т. XXI, Одесса, 1898, стр. 8 (доклад).

кутке было написано темной краской греческими буквами заклинание по образцу, взятому из Нового Завета, и поставлена дата βχ, т. е. 602 г. боспорской эры (305 г. н. э.). Таким образом, обе описанные бронзовые фигурки относятся к IV в. Подвеска, близкая фигурке из айвазовского погребения, также литая и уплощенная, была найдена в 1909 г. в г. Керчи на северном склоне горы Митридат в одной из разоренных детских

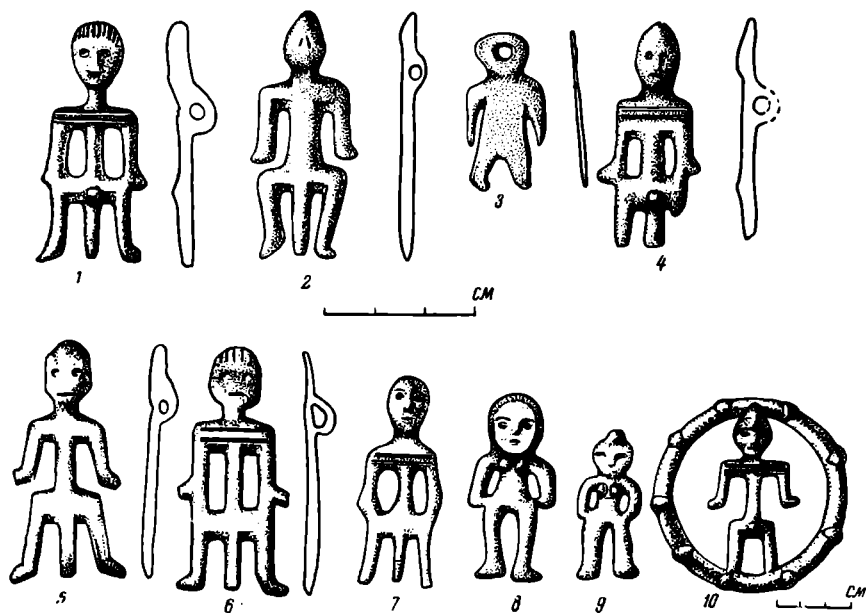

Рис. 2. Бронзовые фигурки

1—4, 6 — из г. Керчи; 5 — из дер. Айвазовское; 7 — из Пашковского мог. № 1; 8—9 — из Гляденовского костяка; 10 — из Камунты

гробниц (рис. 2, 2)¹. В 1907 г. две фигурки такого же типа были обнаружены в склепе № 78, открытом на северном склоне горы Митридат², причем одна из них лежала на груди детского костяка. Одна такая фигурка (рис. 2, 6)³ была найдена в 1909 г. в катакомбе № 52 того же некрополя вместе с пряжкой и бусами, аналогии которым имеются в могильнике Суук-Су⁴. Среди вещей, купленных К. Е. Думбергом в г. Керчи и хранящихся в ГИМ, также есть подобные подвески (рис. 2, 4). Близка по типу плоским керченским фигуркам-подвескам и бронзовая фигурка из Пашковского могильника № 1⁵ (рис. 2, 7). Интересно сходство этих фигурок-привесок с бронзовой фигуркой «в высоком остроконечном шлеме», вписанной в круг с «девятью выпуклинами», из могильника Камунты (рис. 2, 10). Там были найдены и кожаные мешочки, на которых, по-видимому, были вышиты человеческие фигурки⁶ таких же геометрических очертаний, как фигурка в круге. Бронзовые человеческие фигурки несколько иных очертаний известны из могильников Северного Кавказа

¹ В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 31, примечание. Хранится в ГИМ, опись 1/87, № 14.

² В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, вып. 35, СПб., 1910, стр. 32—33. Хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/924 и 933.

³ Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/980.

⁴ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1909 г., стр. 19; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. IV и X, 1.

⁵ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, 1, 1936, стр. 165, рис. 6.

⁶ МАК, т. VIII, стр. 314, рис. 244; стр. 316, рис. 248 и 249.

(Кобани, Кумульты и Камунты) ¹. Любопытна находка подобного типа фигурок как литых, так и вырезанных из пластин на Гляденовском костыще в районе г. Молотова (рис. 2, 8, 9) ². Несмотря на то, что форма их не идентична форме керченских, манера выполнения и общий тип очень близки последним. Следует отметить, что и среди найденных в г. Керчи фигурок далеко не все одинаковы. Так, например, в одной из разоренных детских гробниц была найдена фигурка, неумело вырезанная из тонкого листа бронзы, причем вместо припаянного ушка для подвешивания у нее было пробито отверстие в голове (рис. 2, 3) ³. Бронзовые литые скульптурные привески в виде человеческих фигурок известны в античных городах Северного Причерноморья ⁴ и на Кубани ⁵. Они характерны для более раннего времени. Уплощенные привески типа фигурки из погребения у дер. Айвазовского или более стилизованные типы некоторых керченских (рис. 2, 1, 4, 6) и фигурки из Пашковского могильника (рис. 2, 7) представляют собой нечто новое по форме, но по существу, вероятно, здесь сохраняются прежние представления об этих привесках как об амулетах или «оберегах».

Среди других предметов, найденных в публикуемом погребении у дер. Айвазовское, интересна каннелированная бусина из голубоватой пасты. Близкие ей пастовые из так называемого египетского фарфора бусы бирюзового цвета были найдены в могильнике Суук-су, датируемом монетами V—VII вв. н. э. (в могиле № 86) ⁶. Близкую аналогию представляет и пастовая бусина голубого цвета чуть менее вытянутой формы из могильника конца IV начала V в. н. э. близ Гагр ⁷. Очень своеобразна костяная пряжка айвазовского погребения. Она выточена из трубчатой кости и имела сквозное отверстие для металлического штифта, к которому прикреплялся язычок. Некоторое сходство с этой пряжкой имеют две костяные пряжки из Борисовского могильника ⁸, но они сделаны значительно грубее, и форма их примитивнее. Форма нашей пряжки ближе к металлическим пряжкам из Суук-су ⁹ или из Пашковского могильника ¹⁰. Почти полную аналогию нашей пряжке представляют массивные костяные пряжки от подпруг, которыми укреплялись седла лошадей, погребенных вместе с покойниками в могильнике Кудыргэ на Алтае ¹¹. Что касается лепного горшка из погребения в дер. Айвазовское, то форма его довольно близка лепным горшкам III—IV вв. н. э. из Тиритаки ¹², Илурата ¹³ и, по-видимому, имела широкое распространение и в более позднее время.

Все описанные выше предметы свидетельствуют, что открытое в 1956 г. близ дер. Айвазовское погребение относится к концу IV или началу V в. н. э., т. е. к тому позднему периоду истории Крыма, когда вслед за вторгшимися в пределы Боспорского царства в III в. н. э. племенами, которых позднеантичные и византийские писатели называли боранами,

¹ МАК, т. VIII, табл. СХХII, 1; СХVIII, 22; ХСII, 8.

² ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 130, рис. 461 а, б, д.

³ Хранится в ГИМ, опись 1/87, № 15.

⁴ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 118, рис. 233 (из Херсонеса); пять фигурок из собрания К. Е. Думберга хранятся в ГИМ, опись 1/54 № 28737 (из Керчи).

⁵ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 73, рис. 156 (станция Тифлисская).

⁶ Н. И. Репников. Ук. соч., стр. 25, 32 и табл. III, 1, 5.

⁷ А. А. Спицын. Могильник V в. в Черноморье. ИАК, вып. 23, СПб., 1907, стр. 105, рис. 18, 16.

⁸ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 128, рис. 19, 7, 8.

⁹ Н. И. Репников. Ук. соч., табл. X, 1, 20, 27 и др.

¹⁰ М. В. Покровский. Ук. соч., стр. 164, рис. 5.

¹¹ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 43, рис. 10, 1—3.

¹² Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 278, рис. 39, 2.

¹³ Раскопки В. Ф. Гайдукевича в 1948 г., участок I, опись № 352.

татами или скифами¹, в Крым пришли гуннские племена², в значительной степени потеснившие своих предшественников. Местное население Боспорского царства и соседних территорий, пережившее эти две волны наступлений «варварских» племен, сопровождавшихся катастрофическими разрушениями городов и поселений, в значительной степени изменило облик своей материальной культуры, заимствовав многое у вновь пришедших племен. При этом как в «готский», так и в «гуннский» союзы, вероятно, входило много иных восточных племен. Потому так своеобразен облик крымских могильников IV—V вв. н. э., которые, сохранив в некоторой степени старые традиции, все же во многом отличаются от могильников предшествующего времени.

Бронзовая подвеска в форме плоской человеческой фигурки и костяная пряжка из айвазовского погребения, имеющие прямые аналогии в далеких восточных районах, подтверждают свидетельства древних историков о приходе гуннских племен в Крым с востока.

В. В. КРОПОТКИН

КРЕСТ-СКЛАДЕНЬ ИЗ КОКТЕБЕЛЯ

В 1886 г. при земляных работах в Коктебеле был найден бронзовый энколпион. Крест был доставлен феодосийскому уездному исправнику, который отправил находку в Археологическую комиссию. В донесении было указано, что крест был обнаружен местными жителями «при раскопке земли для добывания камня»³. Условия находки энколпиона, от-

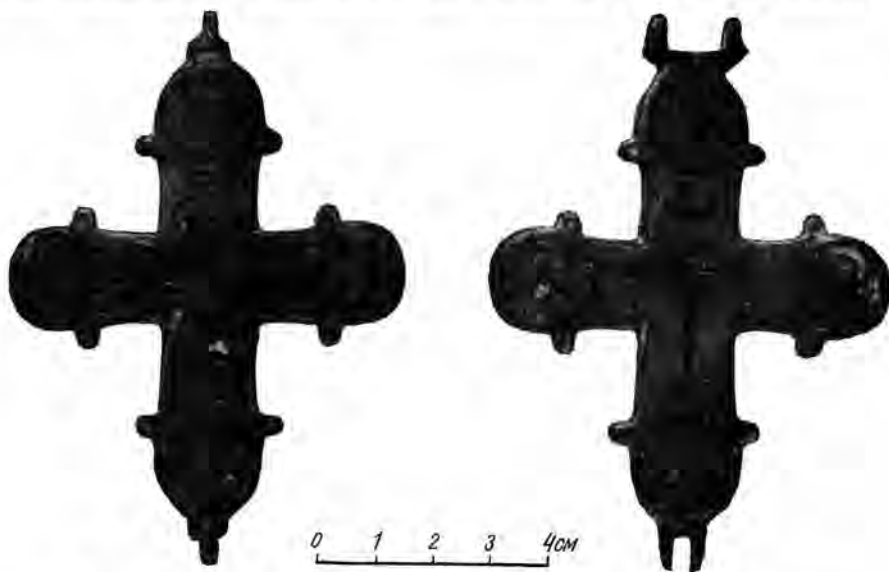

Рис. 1. Крест-складень из Коктебеля. Лицевая и оборотная стороны

меченные в рапорте, позволяют считать, что крест был найден при хищнических раскопках на Коктебельском городище, которые сильно повредили культурный слой этого интересного средневекового памятника. В настоящее время крест находится в Государственном историческом музее (инв. № 17553).

¹ Зосим, I, 31 (ВДИ, 1948, № 4, стр. 276).

² Оросий, VII, 33, 10 (ВДИ, 1949, № 4, стр. 273); Евнапий, фр. 42 (ВДИ, 1948, № 3, стр. 273).

³ Архив ИИМК, фонд 1, 1887, дело № 7, листы 17—23.

На лицевой стороне энколпиона — распятие и три медальона с изображениями святых; на оборотной стороне — крест и четыре медальона на концах креста (рис. 1).

Изображения исполнены чернью, но на поверхности сохранились случайные затеки красной эмали, которая, по-видимому, попала на крест во время его изготовления.

Интерес коктебельской находки заключается в том, что совершенно аналогичный энколпион был найден в 1946 г. при раскопках М. К. Каргера в Киеве¹. Киевский крест обнаружен в одной из землянок, разрушенных во время монгольского нашествия в декабре 1240 г. Поразительное сходство этих крестов позволяет думать, что они были изготовлены в одной из киевских мастерских, очевидно, в конце XII или начале XIII в. Можно предположить также, что этот крест-складень был принесен на побережье Таврики одним из тех русских пленников, которые были захвачены монголо-татарами и привезены в причерноморские города для продажи в рабство.

Находка энколпиона, обломки поливной посуды XII—XIV вв. и некоторые другие находки убеждают в том, что коктебельское средневековое поселение было обитаемо не только в эпоху раннего средневековья (VIII—X вв. н. э.), но и в последующие века.

Н. Н. ВОРОНИН

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

1. Неизданные фрагменты шиферных рельефов XI в.

В монументальном убранстве древнейших построек Киева XI в. большое значение имела барельефная резьба. Известны украшенные орнаментальной резьбой плиты парапетов на хорах храмов и большие шиферные плиты с сюжетными рельефами. Эти рельефы, возможно, относились и к убранству дворцовых светских зданий.

Последнее мнение было высказано К. В. Шероцким, а затем Б. А. Рыбаковым относительно шиферных рельефов из Киево-Печерского монастыря, изображающих предположительно Геракла и Кибелу². К этой же группе рельефов с «светской», нецерковной, тематикой следует отнести два крупных фрагмента шиферных плит с изображением единоборства человека со львом³.

К другой группе принадлежат большие парные плиты, происходящие из Михайлова Златоверхого монастыря и изображающие всадников с нимбами⁴. В науке высказывалась мысль о том, что на этих плитах изображены князья Ярослав и Изяслав и их святые патроны Георгий и Димитрий⁵. Согласно другой точке зрения, высказанной М. В. Щепкиной, это изображения святых воинов — Георгия Каппадокийского, Федора Стратилата, Нестора и Димитрия⁶. Так или иначе эти рельефы входили в состав убранства какого-то храма. Они и были найдены якобы «в фундаментах (?) Димитриевского храма, построенного Изяславом в XI в.»⁷.

¹ М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, стр. 78, рис. 24. (Аналогия была мне любезно указана Г. Ф. Корзухиной).

² К. В. Шероцкий. Киев. Киев, 1917, стр. 289—290; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II, М., 1951, стр. 439—441.

³ М. Макаренко. Скульптура й різьбарство Київської Русі. Київські збірники історії й археології побуту й мистецтва, сб. I. Київ, 1931, стр. 80—84, рис. 29 и 30.

⁴ Там же, стр. 84; К. В. Шероцкий. Ук. соч., стр. 119—122.

⁵ А. И. Некрасов. Рельефні портрети X століття. Науковий збірник Українська Академія наук, т. XX, Київ, 1925, стр. 16—40.

⁶ См. В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 192.

⁷ К. В. Шероцкий. Ук. соч., стр. 124.

В отношении датировки этих древнейших памятников русской резьбы мнения исследователей расходятся, но в целом они датируются XI — началом XII в.

Все эти памятники имеют выдающееся значение для истории древнерусской пластики. Они свидетельствуют об особенностях древнерусского вааяния, связанных с навыками деревянной резьбы и являются предшественниками владими́ро-суздальской пластики¹.

В Киевском историческом музее хранятся два неопубликованных фрагмента резных шиферных плит. При редкости памятников древнейшей русской пластики они представляют большой интерес (рис. 1).

К сожалению, они очень невелики. Один, размером 18 × 20 см и толщиной 3,5 см, представляет часть человеческого, видимо, женского лица, так как голова повязана платком. Сохранилась часть носа, щека и глаз. Моделировка осуществлена путем углубления контуров в плоскости лица до 8—10 мм. Обработка поверхности тщательная, следов реза не заметно. Второй фрагмент, размером 28 × 13 см и толщиной 4 см представляет туловище слона, поднявшего передние ноги и длинный хвост. Моделировка осуществлена тем же путем, что и на первом фрагменте, глубина рельефа 4—5 мм. Однако поверхность рельефа отделана грубее или не закончена обработкой — она имеет мелкие насечки шириной 6—10 мм — как бы следы предварительной обработки плиты. Фигура слона располагалась у края композиции, видимо, вписанной в круг, очерченный глубоким (1,5 см) контуром справа. Как разная толщина плит, так и различие фактуры рельефа убеждают в том, что это фрагменты двух разных плит.

Происхождение этих фрагментов точно не установлено. Н. Е. Макаренко оговорил в своей работе, что он касается не всех фрагментов, так как в момент написания его исследования они были упакованы в ящиках. Он далее указывал, что «два из них, а может быть и больше», были найдены при раскопках 1833 г. так наз. церкви Ирины, а «один или два» — при раскопках 1838 г. на усадьбе Королева².

Что касается находок при раскопках церкви Ирины, то в старых описаниях говорится о «плитах из красного шифера, покрытых рельефными рисунками»³. В другом месте указывается точнее, что это — «шиферные доски, покрытые рельефным орнаментом, составлявшие облицовку стен; на одной изображена сцена борьбы человека со зверем»⁴, т. е. это один из рельефов, изданных Н. Е. Макаренко («лев гризе людину»). Кроме этих фрагментов, упоминаются еще два обломка: «куски барельефа из красного шифера из остатков церкви св. Ирины»⁵. Однако странно, что

Рис. 1. Фрагменты шиферных рельефов из собрания Киевского исторического музея

¹ В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 195.

² М. Макаренко. Ук. соч., стр. 80.

³ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 37.

⁴ Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 96, № 270.

⁵ Там же, отдел церковных древностей, стр. 4, № 31—32. Об открытиях 1833 г. см. также: О ходе открытия древностей в Киеве до начала 1836 г. ЖМНП, 1836, ч. XI.

не отмечено содержание рельефов, которое должно было бы обратить на себя внимание. Во всяком случае можно считать, что по крайней мере один из изданных Н. Е. Макаренко рельефов, а вероятно, и оба, относятся к находкам из раскопок церкви Ирины.

Таким образом, видимо, издаваемые фрагменты скорее всего происходят из руин здания, обнаруженного раскопками Ставровского в 1838 г. на усадьбе Королева в Старом городе, по соседству с знаменитой своими археологическими находками усадьбой Трубецкого (здание считали храмом Федоровского монастыря 1129 г.). Здесь, кроме «доски красного шифера»¹ и майоликовых и мозаичных плиток от полов здания², были найдены «два куска шиферного барельефа», но опять-таки без указания сюжета³. На обороте фрагмента с головой сохранился номер с цифрой 160 (на втором этикетки нет), написанный теми же чернилами и той же рукой, что и запись в каталоге № 1 Киевского Университета, где под № 160 значатся «два куска шиферной доски, бывшей крышкой гроба», найденные Ставровским при «уровнении землею сада г. Королева 3 сентября 1838 г.». Описанные фрагменты, конечно, не являются обломками крышки саркофага — видимо, при записи произошла путаница, — но их происхождение из раскопок на усадьбе Королева делается несомненным.

О сюжетах, представленных на плитах, в их целом виде нельзя даже догадываться — фрагменты слишком незначительны. Но соблазнительно думать, что они принадлежали к первой группе монументальных шиферных барельефов светского назначения. На это, может быть, указывает обломок с изображением экзотического животного — слона.

2. Русские архитектурные рисунки начала XVI в.

В своей работе о строительном деле XVI—XVII вв. на Руси я опубликовал обнаруженные Г. Ф. Корзухиной в подклете Успенской церкви древней Александровской слободы архитектурные рисунки — прочерченные на белом камне кладки изображения шатровых храмов. Рядом с ними была прочерчена подпись «ияков», вероятно, принадлежащая руке автора рисунков⁴. Успенская церковь построена между 1572 и 1581 гг.⁵, этим временем и датируются данные наброски.

Сейчас к этому архитектурному граффити можно присоединить серию аналогичных рисунков, обнаруженных в подклетной части Благовещенского собора Московского кремля (1484—1489) после освобождения помещения от кладок отопительной системы здания⁶.

Эта работа позволила уточнить историю строительства собора; в частности, выяснилось, что в подклете уцелели части первоначального Благовещенского собора. Это был небольшой белокаменный храм, от

стр. 266—269; 1838, ч. XVIII, стр. 83; 1839, ч. XXI, кн. 3, стр. 76: Н. Захревский. Описание Киева, т. 1, М., 1868, стр. 336; Указатель выставки при III археологическом съезде в Киеве. Киев, 1874, стр. 4, № 39 (Барельеф из фиолетового шифера), № 40 (Барельеф из красного шифера); К. В. Шероцкий. Ук. соч., стр. 27.

¹ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 34.

² Каталог..., отдел церковных древностей, стр. 3, № 25; В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 34.

³ Каталог..., отдел церковных древностей, стр. 4, № 33. О находках на усадьбе Королева см. также: Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. ЖМНП, 1839, ч. XXI, кн. III, стр. 67—71, 80—81; И. Фундуклей. Обзорение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847, стр. 92; Н. Захревский. Ук. соч., т. 1, стр. 224—225; т. II, стр. 555; Указатель выставки при III археологическом съезде в Киеве. Киев, 1874, стр. 4, № 27.

⁴ Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVIII вв. М.—Л., 1934, стр. 61—62.

⁵ О. А. Яковлева. Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV. ГИИЕТ, т. 7. М., 1956, стр. 165 и стр. 172, прим. 6.

⁶ Работа проведена под руководством архитектора Л. А. Петрова, который и указал мне издаваемые граффити.

которого сохранился подклетный этаж. Чтобы построить новый собор, псковские зодчие не уничтожили подклета малого храма, но использовали его, расширив его стены мощными внешними прикладками белого камня, взятого из разобранной верхней части старого храма¹. Таким образом, перед входом в старый подклет с юга образовался своеобразный коридор. На белом камне этого коридора, на прикладках 1484—1489 гг. и были обнаружены упомянутые архитектурные рисунки.

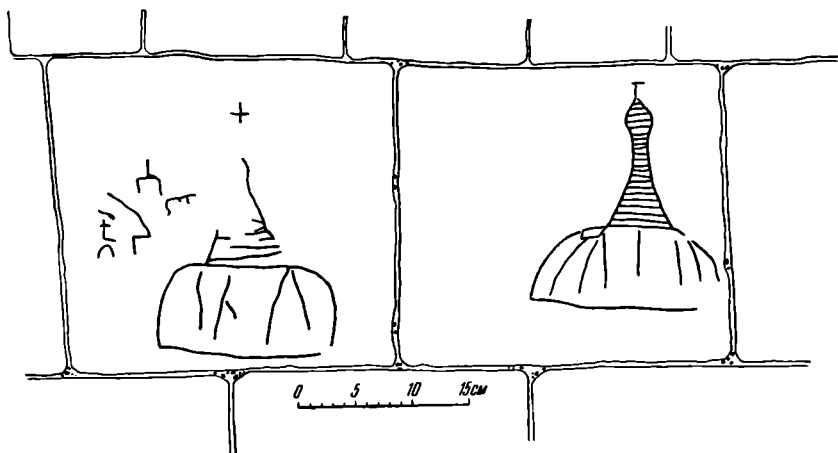

Рис. 2. Рисунки «кубоватых» покрытий. Граффити на восточной стене входа в подклет Благовещенского собора

На восточной стенке процарапаны два наброска довольно причудливых храмовых глав (рис. 2). Они представляют собой как бы комбинацию купольного покрытия с завершающим его довольно тонким шатром, увенчанным в свою очередь маленькой главкой с крестом. Шатер правого рисунка имеет вогнутые грани. Нижняя полусферическая часть расчерчена наклонными и вертикальными линиями, видимо, передающими ребра покрытия; верхние шатрики покрыты частыми горизонтальными штрихами. На правом, лучше сохранившемся рисунке, штриховка охватывает и главку. Можно думать, что эта штриховка передает условными горизонталями ярусы покрытия лемехом, т. е. что эта часть рисунка представляет завершение деревянной постройки. Подобный прием сплошной обшивки лемехом и главки, и ее барабана или шатра часто встречается в деревянном зодчестве. Если же искать реальные аналогии такому покрытию в целом, то наиболее близким является покрытие «кубоватых» церквей типа Пятницкой церкви в с. Шуерцеком 1666 г.², Преображенской в с. Турчасове 1786 г.³, и особенно Никольской церкви в с. Зачачье 1687 г. (верх перестроен после пожара 1748 г.)⁴. Принято считать, что покрытия этого рода появились, судя по датам названных памятников, во второй половине XVII и в XVIII в. как результат «стремления к более замысловатым и сложным формам»⁵.

Вторая группа рисунков, расположенная на камне западной стены прохода в подклет, представляет особый интерес (рис. 3)⁶. Архитектурные наброски здесь расположены в два ряда.

¹ Исследование памятника является темой особой работы автора.

² С. Забелло и др. Русское деревянное зодчество. М., 1942, стр. 145—146.

³ Там же, стр. 153.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Поверхность камня здесь покрыта многочисленными царапинами и штрихами. В прориси я воспроизвожу только те, которые архитектурно осмыслены.

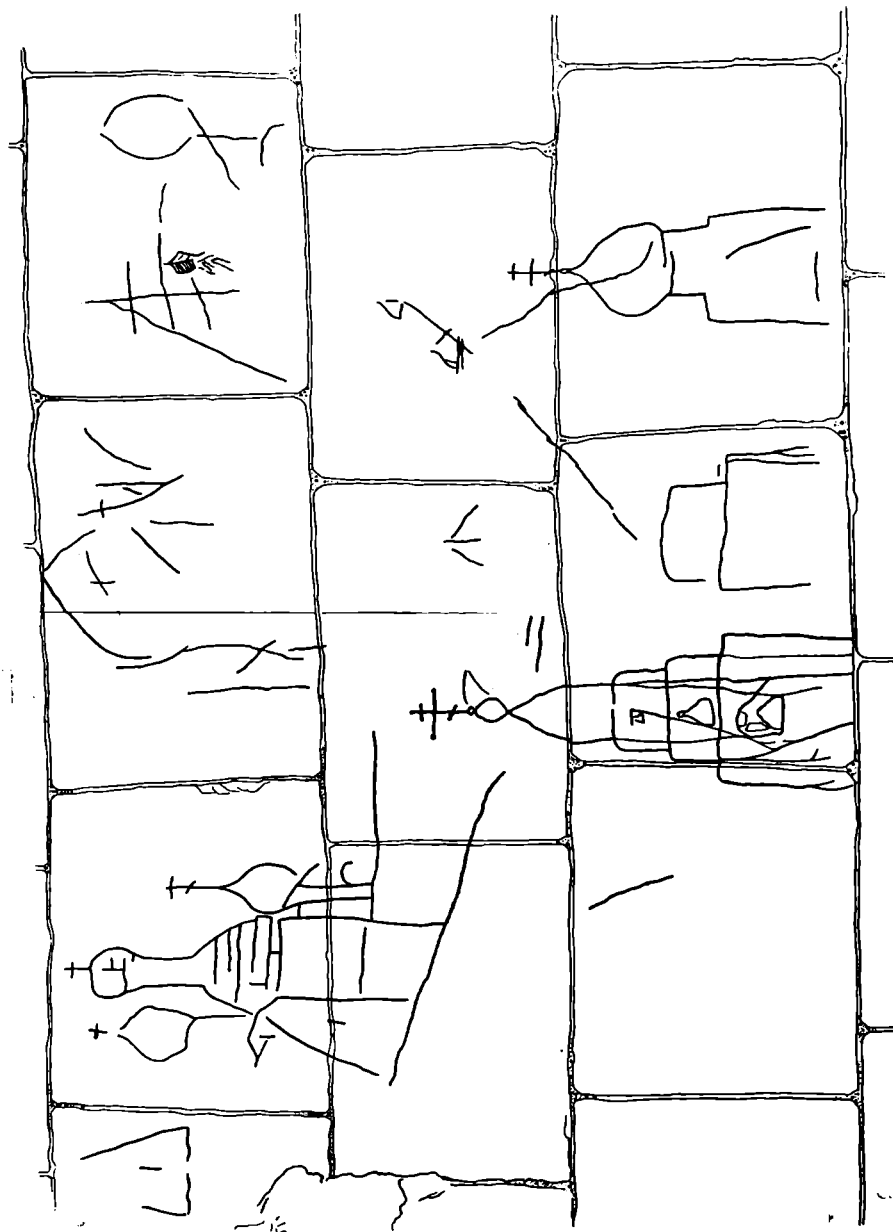

Рис. 3. Архитектурные наброски на западной стене входа в подклет Благовещенского собора

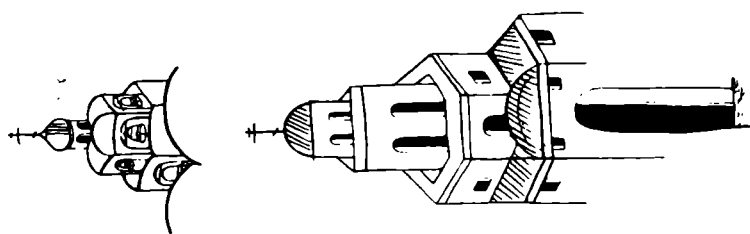

Рис. 4. Иван Великий по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в.

В верхнем ряду слева изображена сложная композиция. На крайнем камне намечен контур шатрового покрытия какого-то высокого, очевидно, столпообразного здания. На втором слева камне изображен большой, видимо, пятиглавый храм. В центре его — высокая башнеобразная часть. Ее верх напоминает описанные выше рисунки «кубоватого» покрытия. Силуэт храма, имеющий выпуклый контур, переходит в тонкую вытянутую шею главки с крестом. Нижняя часть покрытия передана также горизонтальными линиями. Слева начерчен, видимо, квадратный столп с луковичной главой на высоком барабане, справа и ниже — очевидно, придел с луковичной главкой на вытянутой шее. Осмысливая этот набросок, можно охарактеризовать его как эскиз большого храма, сложно-го по своей живописной композиции.

Далее, на третьем слева камне намечен контур большой луковичной главы. Справа — ряд перекрещивающихся линий и изящный рисунок маленькой луковичной, видимо, граненой главки, заштрихованной параллельными линиями.

В нижнем ряду изображено несколько ярусных построек. На крайнем правом камне прочерчен прямоугольный верхний ярус с луковичной главкой на короткой шее. На соседнем слева камне начерчено два эскиза. Справа — незаконченный рисунок двухъярусного здания, слева — законченный набросок трехъярусного сооружения, завершеного шатровым верхом с главкой и крестом. Этот последний рисунок представляет выдающийся интерес как для определения всей группы описанных граффити, так и для истории русской архитектуры.

Не вызывает сомнений, что этот трехъярусный столп с отчетливо показанными колоколами в каждом ярусе изображает башню Ивана Великого, построенную в 1505—1508 г. Боном Фрязином¹. Как известно, к первоначальной постройке относятся лишь три восьмигранных яруса существующего ныне здания. Его верх, начиная от пояса стреловидных кокошников и до главы, надстроен в 1600 г. Борисом Годуновым². Миниатюры Лицевого летописного свода, составленного в семидесятых годах XVI в., дважды изображают столп Ивана Великого до его надстройки (рис. 4)³. В одном случае изображен лишь верх здания; он представлен в виде небольшой луковичной главы на коротком барабане, возвышающемся на вздутой (видимо, видимо, круглой) кровле. Второй рисунок, более правильно передавая структуру башни, изображает на верху третьего яруса нечто вроде кругового обхода вокруг массивного барабана полусферической главы (последняя миниатюра иллюстрирует летописный текст об окончании постройки колокольни Ивана Великого Боном Фрязином). В обоих рисунках столп завершен главой, подчеркивающей, что это прежде всего **ц е р к о в ь**.

Публикуемое граффити дает иной вариант завершения столпа шатровой вышкой с главкой и непропорционально большим, хорошо прорисованным крестом. Форма верха подчеркивает реальную роль столпа Ивана Великого как дозорной крепостной башни Кремля. Полагаю, что этот рисунок отражает один из первоначальных замыслов этой постройки, принадлежащий неизвестному мастеру и отвергнутый по каким-то соображениям. Подклет Благовещенского собора был одним из белокаменных «сейфов» государственной казны. Возможно, что здесь какое-то влиятельное лицо беседовало с этим мастером и он пояснил свое предложение беглыми набросками на стене. Если согласиться с этим предположением, то рисунок следует датировать временем до закладки башни, т. е. до 1505 г.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 244, 249.

² И. Е. Забелин. История города Москвы. М., 1905, стр. 162.

³ Шумиловский том, отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. IV. 232, л. 691 об., 833 лиц.

Думаю, что вся группа описанных граффити принадлежит руке одного человека. Едва ли именно в это случайное место приходили многие, чтобы тут оставлять свои черновые наброски. Мне представляется, что и рисунок в верхнем левом углу той же группы граффити на западной стенке прохода (рис. 3) связан с рассмотренным эскизом столпа Ивана Великого. Незавершенный рисунок столпа, от которого здесь показан только шатер, господствующий над живописной группой глав большого храма, возможно, имел задачей пояснить доминирующую в ансамбле кремлевских храмов роль вышки столпа Ивана Великого.

Если все эти рисунки принадлежат руке одного человека, — а это скорее всего так, — то можно сказать с уверенностью, что это был русский и именно северный строитель, хорошо знающий деревянную архитектуру. Отсюда его предложение о шатровом завершении столпа и наброски крупным планом двух «кубоватых» покрытий (рис. 2). Таким образом, самый тип этого рода завершений деревянных храмов следует считать не поздним явлением XVII—XVIII вв., а более ранним — XV—XVI вв., явившимся откликом мастеров-древоделов на появление луковичных глав в каменной церковной архитектуре.

Зная, что в Москве времен Ивана III собирались лучшие представители областных архитектурных школ, можно думать, что автор рассмотренных граффити был выходцем из известного своими зодчими Устюжско-Вологодского Заволочья, подвластного могущественной Ростовской епископии.

Посланный ростовским владыкой Тихоном вологодский «церковный мастер» Алексей с 60 «рубленниками» построил в Устюге в 1492 г. большой шатровый собор Успения¹. На Вологодском посаде мастер Мишак Володин поставил в 1493 г. шатровый храм Вознесения², который, как полагают, послужил образцом для знаменитого храма Вознесения в с. Коломенском, построенного «вверх на деревянное дело»³. Ростовские мастера известны в конце XV — начале XVI вв.⁴

¹ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 98—99.

² М. Н. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, 1947, № 9, стр. 14.

³ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. Исторические записки, т. VIII, стр. 88; его же. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания. Там же, т. XIII, стр. 268.

⁴ Н. Н. Ворониин. Ук. соч., стр. 21—26.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1950—1953)

П. В. Глоб. *Заброшенные поля Ютландии* (P. V. Glob., Jyllands øde agre Kml, 1951. Стр. 136—144)

Во многих местах Ютландии известны следы древних пахотных полей, границы которых обозначаются валами навейных песков и на подпочве которых можно обнаружить следы древней вспашки плугом. Карта распространения таких заброшенных пахотных полей, датируемых временем с середины I тысячелетия до н. э. до IV столетия н. э., и карта районов распространения эпизоотии рогатого скота, охватившей Данию в промежутке между двумя мировыми войнами, почти совпадают. Болезнь, получившая название «vorsk», была вызвана недостатком кобальта в растительной пище и прекращением импорта жмыхов, которые компенсировали этот недостаток.

Исследование почвы под курганами показало, что отсутствие кобальта в растительности этой части Дании вызвано процессом выщелачивания почвы в послеледниковый период, особенно усилившегося в неолитическую и бронзовую эпохи. Это оподзоливание почвы могло вызвать, по мнению П. В. Глоба, массовый падеж скота в начале железного века и послужить причиной начавшегося в это время движения кимаров и тевтонов в поисках новых земель и пастбищ.

Х. Хельбек. *Зерна диких трав в качестве пищи в доримском железном веке.* (Hans Helbaek. Ukrudtsfrø som naeringsmiddel i føtgomisk jernalder. Kuml, 1951. Стр. 65—74)

В 1949 г. в одном небольшом сосуде, найденном в сгоревшем доме в Гёрдинг Хет, были обнаружены 65 см³ шестирядного ячменя, 1 см³ щавелистого гречишника, 7 см³ вьюнка, 18 см³ белой маии, 2 см³ торицы и отдельные зерна сорных трав (тимофеевки, мятлика, пушицы, осоки, щавеля, топтуна, дымянки, сумочника, желтушника, фиалки, паслена, вероники, подорожника и др.). Сосуд, в котором эти зерна были найдены, слишком мал, чтобы служить вместительным для запасов и хранения зерна. Поэтому его содержимое надо считать остатками пищи. Если принять во внимание, что некоторые из находившихся в нем сорняков не встречаются на засеянных полях и что при жатве только очень малое количество сорных трав захватывается серпом, то следует признать, что зерна диких трав были намеренно добавлены в пищу. Можно напомнить при этом, что находки целых запасов зерен диких трав весьма нередки и один из них, обнаруженный К. Иссеном в Гиндерупе, содержал около 5,6 л. Точно так же в содержимом желудков двух трупов, найденных в болотах Борремосе и Толлунд, оказались зерна диких трав. В данном случае мы видим, что эти зерна составляли почти одну треть пищи.

Автор датирует находку вторым периодом кельтского железного века.

П. В. Глоб. *Соха и плуг на Севере в древности* (P. V. Glob. Ard og plov i Nordens Oldtid. Jysk Arkaeologisk selskab skrifter. Band I. Aarhus, 1951)

Одним из темных вопросов и без того слабо разработанной истории древнего земледелия является вопрос о времени и характере начальной плужной обработки почвы. Успехи археологии за последние годы и в этой области древнейшей истории человечества, отодвинувшие начало земледелия в ряде областей Европы и Азии далеко в глубь веков, в мезолитическую эпоху (раскопки в Ярмо, на Федерзее и в других местах), ставят на очередь суммирование всех тех данных, которыми археология располагает в данной области к настоящему времени. Поэтому совершенно своевременным является обширный сводный труд профессора доисторической археологии Орхусского университета (Дания, Ютландия) П. В. Глоба, вышедший в свет в 1951 г. в виде первого тома «Известий Ютландского археологического общества» под заголовком «Соха и плуг на Севере в древности». Богато иллюстрированная фотографиями и чертежами всех многочисленных находок древних сох и их частей в торфяниках Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Голландии и северной Германии, содержащая обширные комментарии проф. Глоба, эта книга является ценным вкладом в археологию севера Европы и в историю земледелия в целом.

В работе проф. Глоба дано описание восьми целых или почти целых и около 30 частей древних сох, относящихся ко времени с позднего неолита до раннего железного века, и значительного количества наскальных изображений того же времени, содержанием которых является вспашка почвы сохами, запряженными быками (в одном случае — лошадью).

Из-за отсутствия в датском и английском (в книге имеется обширное резюме на английском языке) языках специальных терминов, автор называет все разновидности описываемых им древних «плугов» условными названиями «крукастая» (Krog-ard, Crook-ard), «лукообразная» (Bue-ard, Bow-ard) сохи и «колесный» (Hjulploug, Wheel-plough) плуг. В русском языке можно применить термины «черкуша», «соха» и «плуг». Впрочем, о последних, т. е. собственно плугах, говорится очень мало, так как они относятся, по существу, уже к историческому времени.

Большая часть труда, имеющая описательный характер, не вызывает никаких возражений. Детальность, я бы сказал даже скрупулезность, описания каждого из предметов делает излишним обращение к многочисленным, разбросанным по различным изданиям статьям, в которых описываются находки древних сох или их частей. Точно так же не вызывают возражения довольно осторожные датировки этих находок. Интерес представляют также многие частные заключения проф. Глоба. Так, например, он устанавливает хронологическое различие в выборе материала для выделки древних черкуш и сох; первоначально они делались из дуба, позднее из бука; другие сорта дерева применялись редко. Внимательно изучая следы изношенности рабочей части орудий, он приходит к выводу, что в большинстве случаев при работе черкушу или соху наклоняли вправо и вправо же делали заворот сохи. Но с некоторыми общими выводами можно не согласиться.

Одним из таких выводов, которому отведено в книге довольно много места, является утверждение, что найденные сохи и их части являются следами жертвоприношений, подобных тем, которые совершались в виде находимых теперь «кладов» янтарных украшений. Почти все находки сделаны, как отмечает и проф. Глоб, в небольших торфяниках, длина которых обычно не превышает нескольких сот метров. При этом почти все находки имеют следы большой изношенности рабочей части орудия, иногда настолько значительные, что для дальнейшей работы эти орудия были уже непригодны. Принимая во внимание, что даты большинства находок падают на суббореальный период, когда уровень вод сильно был понижен и небольшие озера и болота высохли, можно не согласиться ни с заключением проф. Глоба относительно жертвоприношений, ни с его заключениями, что топография находок этих сох, например, в западной Ютландии, доказывает использование таких орудий на твердых глинистых почвах.

Мне представляется более вероятным, что этими деревянными и не особенно прочными (при отсутствии металлических сошников) черкушами и сохами распахивали не твердые, а, наоборот, мягкие почвы, которыми в то время являлись высохшие торфяники. Сильная изношенность находимых сох или их частей (главным образом рабочие концы рассох и тряпиделей), вероятнее всего, свидетельствует о том, что неподные сохи или их части, заменяя новыми, бросали на месте работы, возможно на топком участке, что и способствовало их сохранению до наших дней.

Проф. Глоб отвел очень небольшое место в своей книге описанию следов древней вспашки этими орудиями, свидетельствующих о большой древности применения примитивных черкуш. В ряде случаев такие следы были обнаружены под курганами, содержащими погребения раннего бронзового века. Автор ссылается на труды Г. Хатта «Доисторические следы вспашки в Ютландии» и «Древние пахотные поля»¹ и помещает прекрасный снимок раскопок кургана около Вестерлулда, где эти следы отчетливо выражены. Но в связи с этими несомненными доказательствами плужной вспашки, по меньшей мере, в конце неолитической эпохи проф. Глоб вновь поднимает в своей книге вопрос о назначении каменных, так называемых колодкообразных топоров. Как известно, вместе с П. Квенте, К. Шумахером, О. Кункелем, Г. Порацем (и, добавим, Г. Рейнертом) проф. Глоб является сторонником взгляда, что эти орудия представляют собою своего рода каменные сошники. Ввиду резких возражений со стороны П. Лазара, Л. Потца, Р. Ииркова, и особенно Г. Хельтера, он снова возвращается к этому спору, приводя ряд новых аргументов в защиту своего мнения. Особенно интересны в этом отношении его наблюдения за следами сношенности «колодкообразных топоров». У большинства из них эта сношенность, достигающая 1 см, приходится на ту часть орудия, которая, по предположению проф. Глоба, должна была испытывать наибольшее трение о почву. Вследствие этого у большинства «колодкообразных топоров» сверлина приходится не посередине, а значительно ближе к одному краю орвия.

Автором этих строк было высказано аналогичное предположение относительно северных каменных «кирок» так называемого карельского типа, и в 1929 г. по его предложению в Гос. историческом музее в Москве была выставлена реконструкция такой сохи с каменным сошником².

¹ G. Hatt. Forhistoriske plovfurer i Jylland, Aarbøgen 1941, стр. 155—165 и Oldtid-dagre Kngl. Danske Vidensk. Selsk. Ark.—Kunsthist. Skr. bd., 11, N 1, Copenhagen.

² М. Е. Фосс. Древние музейные памятники в новом освещении. «Искра», 1929, № 8, стр. 31.

Труд проф. Глоба дает исчерпывающее понятие о той части археологического материала, которая представлена находками древних сох и их частей, и в значительной мере будет содействовать уточнению наших знаний о древней земледельческой технике.

М. Орснас-Кристенсен. Погребальный курган в приходе Севель (Mogens Orsnæs-Christensen. En gravhøj i Sevel sogn. Kuml, 1952, стр. 9—31).

При исследовании начатого раскопками еще в 1947 г. кургана в приходе Севель было обнаружено, что в этом кургане в разное время было совершено несколько погребений, древнейшее из которых датируется раннебронзовым веком. По удалении насыпи на поверхности древней почвы были обнаружены следы древней плужной вспашки в виде перекрещивающихся борозд, заполненных гумусом. Борозды эти шли под прямым углом друг к другу. Прослеженный в нескольких местах профиль этих борозд показал, что сошник имел в поперечном разрезе треугольную форму. Точно датированное вторым периодом бронзового века по схеме О. Монтелиуса основное погребение (при нем найдены: песчаниковый сверленный топор, бронзовые нож и кинжал, кремневый наконечник стрелы, костяная булава и др.) позволяет отнести вспашку почвы под курганом к тому же или более раннему времени.

Аналогичное явление наблюдалось в 1952 г. при раскопках кургана в Торупе (Зеландия), где два погребения раннебронзового века позволяют установить *terminum ante quem* для следов плужной вспашки, обнаруженной под курганом.

А. Я. Брюсов

Су Бин-ци. Доуцитай гоудунцуй муцан. Бэйпин, 1948. Голи бэйпин яньцзюнь шисюэяньцзюсю. Шэньси каогу фацуй баогао, I, 1. Доуцитай гоудунцуй муцан тушо. Пекин, Чжунго кэсюэин шудянь, 1954. 蘇秉琦 關雞臺灣東區墓葬, 關雞臺灣東區墓葬圖說

Су Бин-ци. Погребения на «участке восточнее канала» на террасе Доуци. Пекин. Академия наук. Институт истории. Материалы археологических раскопок в Шэньси, серия I, № 1, 1948. 7+200+18 стр.+120 рис. в тексте+12 табл. на отд. листах+13 чертежей и таблиц в начале книги; Альбом погребений на «участке восточнее канала» на террасе Доуци. Пекин. Академия наук. Институт археологии, 1954, 79 табл.

Рецензируемый труд является публикацией материала, добытого экспедициями Академии наук Китая совместно с Археологическим обществом в провинции Шэньси в результате раскопок погребений на так называемом «участке канала» в 1933—1937 гг.

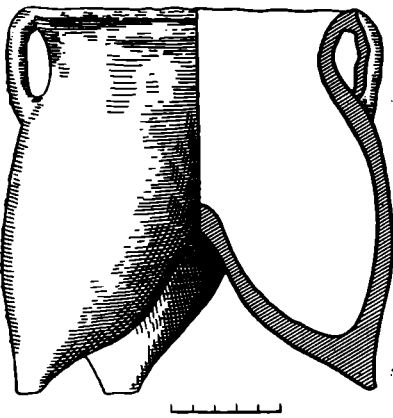

Рис. 1. Глиняный трипод «ли» из погребения АЗ (№ 10027)

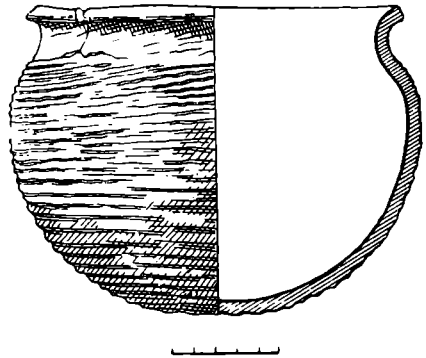

Рис. 2. Глиняный котелок «пу» из погребения N2 (№ 50203)

Полевая работа была прервана японо-китайской войной. Коллекции оказались разрозненными и разошлись по различным уголкам Китая, часть из них осталась в оккупированной зоне. Вследствие этого, хотя труд этот начал подготавливаться в 1939 г., лишь в 1948 г. его первая часть — публикация материала — смогла увидеть свет. В 1954 г. вышел в свет Альбом. По замыслу автора вторая часть должна быть посвящена, как он выражается, «населению», т. е., видимо, социально-экономической и культурно-исторической характеристике того общества, к которому принадлежали люди, похороненные на «участке».

В предисловии рассматривается история появления труда. Во введении дается подробное описание местоположения памятника, перечисляются причины, по которым для раскопок выбран именно этот пункт, подробно описывается весь ход раскопок и общие его результаты.

Раскопкам предшествовала разведка, проведенная в 1933 г., когда было обнаружено семь групп памятников. Раскопаны были те, которые находились на террасе Доуцзи. На этот район было обращено особое внимание, так как он являлся центром циньского племени (III в. до н. э.). Здесь же находился храм Чэньбао (VIII в. до н. э.— VII в. н. э.) и была найдена крашенная керамика.

Памятники старины на террасе Доуцзи раскапывались в три приема: дважды в течение 1934 г. и в третий раз — в 1937 г. Работа велась на трех участках: на участке разрушенного земляного укрепления за храмом Чэньбао и на участках, лежащих к востоку и к западу от канала Дайцзя.

Общие результаты раскопок таковы: на участке разрушенной крепости близ храма Чэньбао в смешанном слое сделаны находки, которые автор предположительно относит к каменному веку. Здесь же обнаружены памятники династии Хань и Вэй (III в.

до н. э.— V в. н. э.), к которым относятся большой колодез, многочисленные ямы, диаметром до 2 м, расположенные очень близко друг к другу, остатки какого-то деревянного сооружения, возможно, изгороди, большое количество кирпича, черепицы, осколков керамики и очень много разных типов наконечников стрел. На «участке восточнее канала» найдены обломки керамики и обнаружены погребения, которые предположительно датируются каменным веком. Помимо того, здесь же обнаружена керамическая мастерская и остатки пяти жилищ земляночного типа. Погребения относятся к более позднему времени, чем жилища, и по инвентарю отличны от них. На «участке западнее канала» также обнаружены стоянки и погребения, сходные с памятниками, открытыми на «участке восточнее канала».

Всего в рецензируемом издании описано 104 могилы. Описание ведется в следующем порядке: а) время раскопок, б) процесс раскопок, в) погребение, г) костяк, д) инвентарь, е) примечания. Некоторые наиболее интересные погребения и погребальные комплексы иллюстрируются рисунками.

Затем автор дает сжатую характеристику погребений. В отдельные таблицы сведены данные, касающиеся 22 погребений без инвентаря (хронология их не установлена) и 82 погребений с инвентарем. Захоронения принадлежат к двум типам: ямные (56 по-

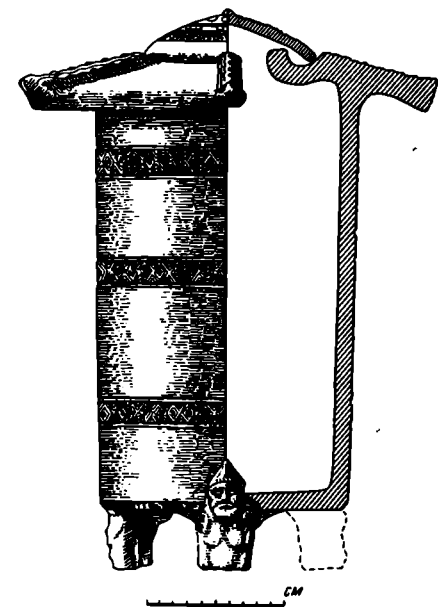

Рис. 3. Глиняная шкатулка-поставец из погребения Н 12 (№ 70108)

гребений) и катакомбные (20 погребений). Первые чаще всего ориентированы по оси Север-Юг (46 погребений); ориентация костяков второй группы менее устойчива: чаще всего погребения ориентированы на юг (11 погребений). Сорок костяков лежат на спине в вытянутом положении головой на север; семь костяков лежат на боку скорченными, все головой на запад. Есть два парных захоронения.

В погребениях обнаружен разнообразный и многочисленный инвентарь (2511 предметов): разнообразные по форме и назначению сосуды из глины, бронзы и железа; орудия из камня, кости и металла (ножи, топоры, сверла, молотки); разнообразные украшения из раковин, различных пород камня и металла; ранние монеты, орудия, бронзовые наконечники стрел, секеры, железные мечи, бронзовые части лошадиной сбруи и т. д.

В заключение автор указывает, что при отнесении того или иного погребения к какой-то определенной культуре, а затем и при датировках этих культур он был ограничен только данными типологического анализа, так как стратиграфия очень нечеткая. Автор устанавливает громоздкую и сложную систему типов инвентаря. Эти типы Су Бин-ци объединяет в три большие группы, которые располагаются в определенной типологической и хронологической последовательности. В соответствии с этим автор выделяет три культурных периода:

1. Период погребения с глиняными триподами, т. е. период ямных погребений, вытянутых с севера на юг, с костяками, лежащими на спине головой на север, и с сосудами типа «ли» (рис. 1) в составе погребального инвентаря (45 погребений).

2. Период скорченных погребений, т. е. период ямных погребений, ориентированных с востока на запад, со скорченными костяками и глиняными сосудами типа «пу» (рис. 2) и «ли» (11 погребений).

3. Период катакомб (26 погребений).

Эти периоды у автора подвергаются дальнейшему членению на этапы; каждый из этих этапов имеет свои формы сосудов, типы орудий и пр. Если могилы раннего этапа первого периода не содержат изделий из бронзы, то на последнем этапе в могилах обнаружены близкие к чжоуским сосуды типа «ли» и «пу», а также изделия из брон-

зы: трехгранные наконечники стрел и пр. Эти находки, по мнению Су Бин-ци, принадлежат одной из ветвей древнего народа хуася (китайцы). Культура второго периода значительно отличается от культуры последнего этапа первого периода новым типом захоронений и новыми формам сосудов «ли», близкими к формам «ли» из Сыва в Ганьсу. Однако автор не считает, что эти вещи принадлежат какому-либо другому народу, а склонен приписывать их тому же племени хуася, но подвергнутому некоторой «варваризации» вследствие влияния других племен, живших на востоке от хуася. На последнем этапе второго периода появляются железные ножи.

В третьем периоде происходят изменения в составе погребального инвентаря. Преобладают вещи ханьского типа (рис. 3). Если до сих пор в могилу клали предметы повседневного обихода, то теперь значительное их число изготавливается специально для захоронения.

Между всеми тремя периодами Су Бин-ци устанавливает определенную преемственность.

Альбом, выпущенный через шесть лет после выхода монографии, дополняет и обосновывает выводы автора. Альбом состоит из 79 таблиц, на которых изображен 701 предмет. Материал сгруппирован по погребениям, что помогает составить четкое представление о каждом комплексе, но зато общее представление о крупных группах инвентаря (керамика, орудия, бронза) или об отдельных культурных этапах оказывается несколько смазанным, так как ни одной сводной или обобщающей таблицы рисунков нет.

Рассмотренная работа до сих пор остается наиболее крупной из вышедших после войны в Китае монографий, посвященных публикации и разбору археологических памятников. Она является чрезвычайно важной для понимания энеолита и бронзы Северного Китая.

М. В. Воробьев

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ АФГАНИСТАНЕ

До последнего времени на территории Афганистана не были найдены памятники каменного и бронзового века. Недавние работы Французской археологической миссии Мундигака восполнили один из этих пробелов: археолог Ж. М. Касаль обнаружил тепе Мундигака в 55 км к северу от Кандагара. После хроникальных информации¹ появилось предварительное сообщение о раскопках с небольшим количеством иллюстраций².

Тепе находится в одной из долин, параллельных р. Аргендаб, где протекает небольшая, временами пересыхающая речка. Именно на небольших речках и ручьях располагались подобные сельскохозяйственные поселения Туркмении и Ирана. Поселение Мундигака, видимо, занимало большую площадь, но раскопки велись только на центральном холме А (высота 20 м) и холме Б, расположенном неподалеку. В прорезавшей холм траншее было установлено 13 слоев, причем вполне возможно, что самые нижние (1—2), где сырцовый кирпич не был в употреблении, относятся к позднему неолиту, но судить об этом пока трудно. Выше уже идут остатки сырцовых построек, и хотя первые металлическая булавка была найдена лишь в 5 слое, можно полагать, что эти слои целиком относятся к поре энеолита. Мы встречаем здесь материал, обычный для сельскохозяйственных общин, группировавшихся в эту пору вокруг Иранского плато: расписная керамика, каменные пуговицеобразные «печатки», статуэтки животных. На керамике, наряду с геометрическими мотивами, встречаются изображения животных и растений (рис. 1). Роспись производилась черной или темно-коричневой краской на светлом фоне.

Расписная керамика 6—9 слоев тесно связана с индийскими культурами Белуджистана (Кветта, Кулли). Возможно, Мундигака образует северную границу культуры Кветта, материал который, к сожалению, пока почти не издан. Показательно, что расписная керамика Кветты обнаруживает определенные связи с культурой Южного Туркменистана (Намазга III и IV). Западные связи могут быть отмечены и в Мундигаке (гиссаровская форма шарообразных сосудов на высокой ножке (рис. 1), многоугольная печатка из 11 слоя типа Гиссар III В и Намазга V). Предшествующий появлению кветтской керамики 5 слой датирован карбоновым анализом 2625 г. до н. э. (± 300 лет), что вполне согласуется с археологической интерпретацией. Эта датировка (при учете гиссаровских аналогий Мундигака) еще раз предупреждает против занижения даты Гиссара III.

Исключительный интерес представляет большое здание, остатки которого расчищены в 10 слое. По фасаду одна из его стен имеет 35 м и украшена полуколоннами — прием, который в среднеазиатской архитектуре вторично «появляется» уже в первых

¹ Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1952, juillet — octobre, стр. 382—388, Afghanistan, 1952, № 4, стр. 41—48; 1955, № 3, стр. 19—24.

² J. M. Casale, Quatre compagnies de fouilles à Mundigak, 1951—1954. Arts Asiatique, т. I, вып. 3. Paris, 1955, стр. 163—178, табл. I—V.

веках нашей эры. Несомненно, это здание общественного характера и, как нам кажется, культового. Отсутствие среди находок статуэток, на что ссылается автор, не противоречит этому предположению. Хотя в отчете здание это отнесено ко второй половине III тысячелетия до н. э., характер находок допускает его датировку и началом II тысячелетия до н. э. Показательно, что это здание находилось на наиболее высоком холме, образованном древними культурными слоями. В этой связи интересно вспомнить, что на Тюренг-тепе, у Атрабада, относящемся примерно к этому времени,

Рис. 1. Расписные сосуды из Мундигака (8—9 слон)

в центре поселения расположен высокий холм, где разведочными шурфами была обнаружена многометровая сырцовая кладка, являющаяся остатками платформы. Не было ли и там остатков культового сооружения, занимавшего в древних поселениях центральное место и обычно располагавшегося на высоких платформах? После того как здание было заброшено, непосредственно над ним было построено другое, еще более массивное, связанное, как предполагает уже и сам Касаль, с какими-то культовыми представлениями. Здесь найдена глиняная женская статуэтка; расписная керамика имеет красный фон.

После заупустения и этого здания следует длительный перерыв жизни на холме А. Уже к поре раннего железа относятся глинобитные здания, найденные в самых верхних слоях. В этих слоях найдены трехперые наконечники стрел, серая и красная керамика, изготовленная на кругу, как это видно по фотографиям. Отдельные сосуды напоминают керамику Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. (Кобадан I и Яз-депе II), и возможно, что этот материал Мундигака следует датировать не только началом этого тысячелетия, но и его второй четвертью. Так же, вероятно, следует датировать и верхние слои Нади-Али, на которые ссылается Касаль. Таким образом, установлено, что Южный Афганистан входил в сферу оседлых земледельческих культур «расписной керамики». Заходили ли они также в Северный Афганистан? Это должно показать дальнейшие исследования. Во всяком случае, полная публикация материала, полученного при раскопках тепе Мундигака, представит большой интерес для изучения энеолита и бронзового века Ирана, Средней Азии и Индии.

В. М. Массов

Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. Труды Государственного исторического музея, вып. 24. Государственное издательство культурно-просветительной литературы, М., 1955, 178 стр. Тираж 1500. Цена 6 р. 70 к.

Книга Т. Б. Поповой представляет собой первую сводную монографическую работу по катакомбной культуре. Круг вопросов, связанных с катакомбной культурой, имеет большое значение для понимания эпохи бронзы в степной части СССР и на более широкой территории. Поэтому можно ожидать, что книга привлечет внимание многих специалистов, занимающихся древней историей.

Работа делится на семь глав, имеет вступление и заключение.

В первой главе рассматривается территория, занятая племенами катакомбной культуры. В четвертой главе, которая по содержанию является продолжением первой, а-

тор делает попытку расчленения области, занятой памятниками катакомбной культуры, на шесть локальных вариантов.

Во второй главе разбираются вопросы хронологии, и делается попытка выделить среди памятников катакомбной культуры три хронологических этапа: ранний, средний и поздний.

В третьей главе рассматривается проблема происхождения катакомбной культуры.

Пятая глава посвящена исследованию связей катакомбной культуры с племенами, обитающими на соседних территориях, главным образом, с племенами северокавказской, среднеднепровской, фатьяновской, трипольской и полтавкинской культур. В последней, шестой главе автор дает общую характеристику катакомбной культуры и рассматривает вопросы хозяйства, социальных отношений, быта, религии и т. д.

Книга хорошо иллюстрирована. Иллюстрации в подавляющем большинстве подобраны из нового, еще неопубликованного материала.

Большой заслугой автора является то, что им полностью учтен и использован весь имеющийся в настоящее время по этому вопросу археологический материал. В этом отношении автор проявляет даже некоторую поспешность, в результате которой в ряде случаев привлекаются материалы, не опубликованные и даже не проработанные в достаточной степени самими исследователями (с. Михайловка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области¹, Скеля-Каменоломня, с. Волошское, Днепровского района и области² и др.).

Однако ряд существенных недостатков, на наш взгляд, снижает значение книги. На некоторых из них и хотелось бы здесь остановиться.

На огромной территории, охватывающей пространство от Волги до Полесья, населенной, по мнению автора, племенами катакомбной культуры, Т. Б. Попова выделяет шесть различных локальных вариантов этой культуры. Однако прежде чем ставить себе такую задачу, автору необходимо было более основательно показать, почему вся эта огромная территория от Волги до Полесья объединяется им в понятие единой культурной и даже этнической общности. Этому вопросу следовало бы уделить больше внимания ввиду того, что выделенная область катакомбной культуры включает различные физико-географические зоны, природные условия которых в древности, как известно, играли существенную роль в определении хозяйственного и даже культурного облика населения. В книге этого нет. Собственно, единственное, на чем основывается автор при определении территории, занятой племенами катакомбной культуры, — это керамика, проявляющая на всем этом пространстве определенное сходство в формах и орнаменте. Едва ли для выделения не только этнической, но даже и более широкой, культурной общности это можно считать достаточным. Вместе с тем из дальнейшего изложения становится очевидным, что в область катакомбной культуры автором включены районы, резко различные между собой по уровню культуры, по типу хозяйства, по обряду погребения и по некоторым другим признакам. Ярче всего это проявляется при сравнении степных и лесостепных вариантов катакомбной культуры; в них имеется, пожалуй, больше различия, чем сходства.

Главный недостаток проведенного расчленения катакомбной культуры на отдельные локальные варианты заключается в том, что автор не придерживается единого хронологического принципа. Одни варианты выделяются только для раннего времени (нижнеднепровский), другие — только для среднего (донецкий, харьковско-воронезский). Потому читатель совершенно лишен возможности судить о реальности выделенных территориальных групп памятников и о их действительных судьбах на протяжении всего существования катакомбной культуры.

Наибольшие возражения вызывает безоговорочное отнесение к катакомбной культуре нижнеднепровского варианта. Нельзя не согласиться с автором, что культура Нижнего Поднепровья в конце III — начале II тысячелетия до н. э. существенно отличалась от более северных, лесостепных районов и от более восточных, «классических» районов катакомбной культуры — маньчского и донецкого. Однако наблюдения, сделанные на Нижнем Поднепровье за последние годы украинскими археологами, дают основание думать, что на протяжении всего катакомбного времени здесь жили племена с какой-то особой, более близкой к ямной, культурой, воспринявшей в результате тесного территориального контакта ряд элементов катакомбной культуры. Показательно, что для нижнеднепровского варианта автор выделяет только ранний этап, характеризующийся его чертами, присущими ямной, а не катакомбной культуре (стр. 58, 60, 64, рис. 6, 10, 12, 13). Сам автор вынужден признать ряд существенных особенностей в погребальном обряде у обитателей этого района по сравнению с Донцом и Маньчем. Правильнее было бы сказать, что обряд погребения на Нижнем Днепре коренным образом отличается от других локальных вариантов катакомбной культуры. Совершенно не освещены так называемые каменные закладки, составляющие одну из наиболее ярких особенностей погребального обряда Нижнего Поднепровья на протяжении всего бронзового века. Ничего не говорится и о том, что настоящих катакомбных погребений на Днепре почти нет, и что погребения этого времени здесь иногда бывают вытянуты на спине и не имеют выдержанной ориентации.

¹ Е. Ф. Лагодковская, М. Л. Макарович, О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г. КСИА, вып. 5, Киев, 1955.

² Материал хранится в фондах Института археологии АН УССР.

Нет также достаточных оснований и для выделения Северного Приазовья в особый вариант катакомбной культуры. Рассматривая материалы из этого района, легко убедиться в том, что северо-восточная часть этой области (кстати, это признает и сам автор) почти не отличается ни обрядом погребения, ни инвентарем от Сев. Донца. Вероятно, эту область с большим основанием можно было бы присоединить к среднедонецкому варианту катакомбной культуры.

Что же касается юго-западной части района, то несомненна ее близость (прежде всего в отношении керамики) к Нижнему Днепру. Здесь можно говорить только о несколько большем количестве собственно катакомбных погребений. Это объясняется тем, что территория Северного Приазовья, находясь непосредственно вблизи основных районов распространения катакомбной культуры, естественно, испытывала более сильное влияние последней.

Ход исторических событий в эпоху катакомбной культуры на Среднем Днестре, где автор также выделяет особый вариант катакомбной культуры, самому автору, по-видимому, остается недостаточно ясным. Памятники катакомбной культуры на этой территории крайне малочисленны, поэтому говорить о них как о каком-то самостоятельном варианте этой культуры едва ли возможно.

В целом создается впечатление, что автор не имеет достаточно оснований для того, чтобы на обширной территории от Волги до Полесья усматривать такую единую культурную и этническую общность, которую можно было бы назвать катакомбной культурой. Вероятно, правильнее было бы, исходя из известных нам фактов, определять территорию собственно катакомбной культуры значительно уже, связывая ее главным образом со степной полосой Украины и Поволжья, где единство культуры проявляется не только в керамике, но и в обряде погребений и в хозяйстве.

В отношении же более северной, собственно лесостепной части Украины, очевидно, правильнее было бы говорить о влиянии катакомбной культуры на местное население этих районов и о проникновении отдельных небольших групп носителей этой культуры в лесные области.

Важное место в рассматриваемой работе уделяется вопросу хронологии катакомбной культуры. Автор в основном принимает датировку, предложенную еще В. А. Городцовым (2 000—1 500 г. до н. э.), и изменяет только верхнюю дату, несколько повышая ее до 1250 г. до н. э., исходя из многочисленных случаев совместного нахождения катакомбной и срубной посуды.

Большой интерес вызывает попытка автора выделить среди памятников катакомбной культуры три хронологических этапа: ранний, средний и поздний. Однако слабым местом такого членения является то, что оно основано только на керамике, без учета других сторон культуры. Кроме того, об изменении керамики судить очень трудно, так как ее характеристика дается суммарно. Так, например, ранний этап катакомбной культуры иллюстрируется керамикой только Нижнего Поднепровья, которая совершенно не характерна для иных районов. При характеристике же среднего этапа привлекается керамика лишь Среднего Донца. Таким образом остаются совершенно неясными типичные черты посуды этого времени на других территориях.

Особенно неубедительным представляется выделение позднего этапа катакомбной культуры. Описывая его, автор привлекает ряд своеобразных памятников, главным образом поселений с так называемой многоваликовой керамикой. Прежде всего, остается не совсем ясным вопрос о времени этих памятников и о их связи с катакомбной культурой. При исследовании таких памятников, как Бабино III на Днестре¹ и Волянцево под г. Путьвилем², никаких следов катакомбной культуры не было обнаружено. Затем следует принять во внимание, что памятники с многоваликовой керамикой во второй половине II тысячелетия до н. э. оказываются широко распространенными не только на Нижнем и Среднем Поднепровье, но и в лесостепных и полесских районах Украины. Всё это указывает, что данный тип археологических памятников едва ли представляет собой поздний этап катакомбной культуры, а, вероятнее, соответствует какой-то особой, совершенно самостоятельной этнической группе. В данной связи интересно отметить, что указанные памятники, с одной стороны, широко распространены на той территории, где в предшествующее время катакомбной культуры вообще не было (Волян, Подолия, Украинское Полесье), а с другой стороны, в таком классическом районе катакомбной культуры, как Маныч и Астраханские степи, они как будто совсем не известны.

Попытку хронологического расчленения памятников катакомбной культуры можно только приветствовать. Однако состояние изученности этих памятников все же не позволяет, по-видимому, достаточно наглядно и убедительно показать, в чем состоит специфика различных периодов бытования катакомбной культуры и чем существенно они отличаются друг от друга.

Одним из наиболее интересных и сложных вопросов, связанных с катакомбной культурой, до настоящего времени является вопрос о ее происхождении. В рассматри-

¹ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III. КСИА, вып. VII, Киев, 1957, стр. 40.

² С. С. Березанская. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на Сейме. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.

ваемой работе ему уделено много внимания. Автор придерживается того мнения, что катакомбная культура генетически связана с ямной и составляет как бы ее продолжение. В качестве главного и основного доказательства приводятся многочисленные примеры, главным образом погребальных памятников, где сочетаются признаки ямной и катакомбной культуры как в керамике, так и в обряде погребений. Автор здесь, конечно, прав; приведенные им примеры, безусловно, отвечают действительности и легко могли бы быть умножены. Однако о чем говорят подобные факты? Почему они служат доказательством преемственной смены генетически родственных культур, а не их взаимовлияния в результате территориального контакта племен? Ведь именно так рассматривается вопрос в отношении многих культур, например, катакомбной и срубной. Другие доводы, приведенные автором для доказательства генетических связей ямной и катакомбной культур, либо не совсем верны (единство территории распространения памятников ямной и катакомбной культуры), либо мало существенны (это можно сказать о носящих слишком общий характер высказываниях автора в отношении близости форм хозяйства, быта, социальных отношений и т. д.).

Ни в какой мере не пытаюсь даже подойти к решению этого вопроса, хотелось бы все-таки отметить, что автором не учитывается ряд фактов, прямо противоречащих высказываемой им точке зрения. Так, например, общезвестно, что на территории «классической» катакомбной культуры, прежде всего на Сев. Донце, древнейших памятников катакомбной культуры нет вовсе, в то время как ямные погребения там имеются в значительном количестве. Известно также, что на Нижнем Днепре, где автор видит центр сложения катакомбной культуры, катакомбные погребения эпохи расцвета культуры почти отсутствуют. Вместе с тем здесь часто встречаются смешанные или, по представлению автора, переходные типы погребений с чертами ямной и катакомбной культур.

Однако очевидно, что историческое своеобразие племен катакомбной культуры нельзя понять, не учитывая, например, природных условий территории ее распространения. Тяготение населения катакомбной культуры к южным, степным районам является бесспорным фактом. Памятники катакомбной культуры встречаются главным образом там, где перыбытное население могло заниматься скотоводством и где земледелие в эту эпоху вообще, очевидно, было невозможным. Таковы, например, Астраханские степи, степные просторы между Волгой и Нижним Доном, Северное Приазовье. Не менее существенным в проблеме происхождения катакомбной культуры является вопрос о возникновении катакомб как погребальных сооружений. Нам представляется, что они в своем происхождении не связаны с примитивными погребениями обычного ямного типа и что нельзя чрезвычайно сложные катакомбные сооружения понимать как результат простой эволюции ямных погребений.

Ямные погребения с подбоями, которые понимаются автором как переходный тип от захоронения в ямах к катакомбным погребениям, едва ли являются таковыми. Можно привести множество примеров, когда и в ямных погребениях с подбоями, и в катакомбных погребениях встречается совершенно аналогичный инвентарь, в частности, керамика, свидетельствующая, с одной стороны, об их одновременности, а с другой — о том, что погребения с подбоями, по всей вероятности, следует понимать как подражание катакомбам. Что же касается керамики катакомбной культуры, то плоскодонная посуда на том же Нижнем Днепре, судя по нижнему слою Михайловского поселения, имеет свои очень древние традиции; во всяком случае ее появление здесь предшествует ямной культуре. Плоскодонные сосуды известны на Нижнем Днепре еще в памятниках позднего неолита (стоянки Средний Стог¹, Малый Дубовый, Собачки²), расположенных в Днепропетровской и Запорожской областях.

В отношении орнаментов катакомбных сосудов (фестоны, волуны, круги и другие сложные узоры) нужно сказать, что они уведат нас также далеко за пределы распространения ямной культуры и ни в какой мере не могут быть просто выведены из мотивов орнаментации посуды ямной культуры. Ввиду этого нам представляется, что по-прежнему не потеряли права на существование и две другие точки зрения, а именно: В. А. Городцова, полагавшего, что появление катакомбной культуры в Северном Причерноморье связано с передвижением откуда-то из Средиземноморья новой группы племен, и М. И. Артамонова, который считает, что катакомбная культура не связана генетически с ямной, что она пришла с Северного Кавказа и что центром ее является басейн Мангыча.

Показательно, что автор, уделив большое внимание взаимоотношениям катакомбной культуры с Северным Кавказом, тщательно подобрав весь материал, связывающий эти области, вынужден был признать огромное влияние Северного Кавказа на катакомбную культуру. Удивительное сходство этих культурных областей свидетельствует, может быть, об их генетической близости.

Автор несколько преувеличивает обратное влияние катакомбной культуры на районы Северного Кавказа. Например, совершенно очевидно, что прототипом катакомб-

¹ А. Добровольський. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану року 1927. Збірник Дніпропетровського краєвого історично-археологічного музею. Дніпропетровськ, 1929.

² Материалы не изданы. Хранятся в Киеве, в Институте археологии АН УССР. Небольшая часть этих материалов хранится в ГИМ.

ных булавок с молоточковидными головками и характерным отверствием в шейке являются металлические булавки, если не прямо Северного Кавказа, то районов Ближнего Востока, а не наоборот, как полагает Т. Б. Попова.

Правильно отмечая связь катакомбной культуры с другими культурами, в частности со среднеднепровской, автор допускает некоторые неточности в отношении деталей, существенных для датировки обеих культур. Так, катакомбная культура, по нашему мнению, может быть синхронизирована лишь с поздним этапом среднеднепровской культуры, так как совместные находки керамики катакомбного и среднеднепровского типов прослеживаются только на так называемом гатнинском этапе и совершенно не известны для более раннего времени.

Больше всего сомнений вызывает прямая синхронизация катакомбной культуры с поздним трипольем, которую автор допускает без каких бы то ни было оговорок. В настоящее время не известно ни одного достоверного случая, когда бы на позднетрипольских поселениях были обнаружены вещи катакомбной культуры, и, напротив, на целом ряде поселений медного века встречена керамика позднего триполья (Стрельча Скеля¹. Средний Стог II², Гадюча балка³ в порожистой части Днепра и др.). Это дает достаточное основание полагать, что ко времени возникновения катакомбной культуры памятники позднего триполья уже не существовали или, по крайней мере, были очень редки.

Особенно много возражений вызывает то место в книге, где автор пишет о хозяйстве катакомбной культуры. Например, характеризуя племена катакомбной культуры, автор изображает их как мирное оседлое население. Это совершенно противоречит тому, о чем свидетельствуют археологические материалы. Не приходится, например, отрицать, что в районах классической катакомбной культуры, связанной со степными пространствами Северного Приазовья и Волги, где исследованы сотни курганов, поселения катакомбной культуры почти вовсе не известны. Едва ли этот факт можно понимать иначе, чем доказательство кочевого, или, во всяком случае, весьма подвижного образа жизни племен катакомбной культуры. На Нижнем Днепре, где само скотоводство благодаря иным климатическим условиям носило, очевидно, несколько другой характер, имеются поселения катакомбного времени. Однако показательно, что все они расположены на высоких мысах, скалистых островах, т. е. местах, удобных для обороны. О воинственности и подвижности населения катакомбной культуры говорит также и инвентарь погребений. Типично в этом отношении приведенное самим же автором, правда в другой связи, погребение в катакомбе № 1 хутора Хряцкого в низовьях Сев. Донца, где при мужском погребении были найдены череп лошади, сосуд, булава, шлифованный топор, семь кремневых стрел и бронзовый кинжал.

Другую крупную ошибку автор допускает, полагая, что в хозяйстве катакомбных племен основное место занимало земледелие.

Историческое своеобразие катакомбной культуры нельзя понять, не учитывая ее ареала. Бесспорным фактом является то, что памятники катакомбной культуры тяготеют к южным районам, где первобытное население успешно могло заниматься лишь скотоводством. По существу, никакими данными о занятии земледелием у катакомбных племен автор не располагает. Все, начиная от растиральников, именуемых зернотерками (стр. 155, 156) до кремневых ножей (якобы серпов) и какого-то «желтого органического вещества» (остатки злаков), собрано с целью доказать основную роль земледелия в хозяйстве племен катакомбной культуры. Это звучит неубедительно, особенно если вспомнить, например, о хозяйственном облике действительно земледельческих культур, трипольской или даже срубной.

Еще более странно звучит утверждение, что племена катакомбной культуры занимались «также» и скотоводством и что приручение домашних животных в катакомбное время было уже почти законченным. В этом отношении автор стоит на старых и давно уже отброшенных позициях начала XX в. Приручение животных к моменту бытования катакомбной культуры было давно пройденным этапом, и стадо в полном его составе (бык, овца, конь, свинья) сложилось уже в предшествующую эпоху ямной культуры. Очень убедительно об объеме скотоводства и его удельном весе по отношению к земледелию говорят раскопки на Михайловском поселении, где было найдено огромное количество костей домашних животных и незначительные следы земледелия.

Характеристика общественных и социальных отношений катакомбной культуры, данная на основании очень большого и разнородного археологического материала, слишком обща. Многие страницы здесь с одинаковым успехом можно было бы применить для характеристики любой другой культуры. Мало говорят, например, такие фразы, как: «Таким образом, у племен катакомбной культуры развиваются два таких мощных экономических фактора, как земледелие и скотоводство, которые резко увеличили производительность труда» (стр. 157). Среди подобных определений тогнут, на наш взгляд, интересные мысли, например, об имущественном выделении в катакомбной культуре

¹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК. вып. 43, СПб., 1911, стр. 106—108. Материал хранится в Киеве, в Институте археологии АН УССР. Небольшая часть — в ГИМ, Оп. 1-го отд. 809.

² А. Добровольский. Звіт за археологічні досліді...

³ Материал не издан. Хранится в Киеве, в Историческом музее.

не отдельных лиц, а целых богатых семей, что очень убедительно проиллюстрировано в работе на материале курганных погребений.

Нельзя не отметить небрежного оформления работы: искажения географических названий, пунктов, имен и фамилий. Такие ошибки можно было бы обойти молчанием, если бы их не было так много. Без преувеличения можно сказать, что нет почти ни одной фамилии украинского археолога, которая была бы не искажена. Географические названия буквально перестраиваются: Кругляк вместо Струляк; Казакек вместо Кодачек; Срильча Скала вместо Стрильча Скеля; Михайловка, Воронцовского района, Николаевской области, в то время как Михайловка расположена в Ново-Воронцовском районе Херсонской области и т. д.

Как уже отмечалось, в работе собран в основном весь археологический материал, который может быть отнесен к катакомбной культуре. Поэтому, помимо всего прочего, книга представляет собой своеобразный справочник в этой области. Жаль только, что в ряде случаев автор в погоне за катакомбными памятниками, достаточно произвольно обращается с материалом. Так, например, относя закладку № 1 у балки Вороной¹ в порожистой части Днепра к катакомбной культуре, Т. Б. Попова упоминает лишь о курильнице, опуская при этом найденный вместе с ней типично срубный сосуд, не позволяющий датировать это погребение катакомбным временем. Далее, без всяких оснований отнесена к катакомбным памятникам закладка у хутора Орлова, Червоноармейского района, Запорожской области², где при погребении не было ничего, кроме яйцеобразного сосуда ямного типа.

То же можно сказать и о Гончаровском кладе на Сев. Донце³. Орудия, изготовленные на удлинённых пластинах в технике отжимной ретуши, появляются, как известно, еще в начале медного века (они известны на Мариупольском⁴, Чаплинском⁵ могильниках). Поэтому автор не имеет никаких оснований относить этот памятник, состоящий главным образом из таких пластин (кстати, изготовленных отжимной ретушью, а не струйчатой, как пишет автор), к катакомбной культуре.

В целом книга Т. Б. Поповой представляется нам, безусловно, нужным и интересным исследованием.

*С. С. Березанская
О. Г. Шапошникова*

R. Ghirshman. Village perse-achéménide. Mémoires de la Mission archéologique p Iran, t. XXXVI, Paris. 1954, 102 стр. + 53 табл.

Новая работа Р. Гиршмана посвящена послевоенным работам Французской археологической миссии в Сузиане. В ходе раскопок в так называемом городе ремесленников были вскрыты слои, относящиеся ко времени Ахеменидов, которые перекрывают многочисленными постройками более позднего времени и частично нарушены впускными парфянскими погребениями в глиняных саркофагах. В ахеменидских слоях раскопан один прямоугольный дом, состоящий из 15 отдельных комнат, где по предположению Р. Гиршмана, проживал род или большая семья. Более вероятным является второе предположение. Дом построен из сырцового кирпича, размером 30×30×10 см. К северу от дома, возможно, находился двор, но судить об этом до дальнейших раскопок трудно. Ахеменидские слои, общей мощностью в 2,5—3 м, разделены на три горизонта. Их материал характеризуется значительной общностью. Это в основном керамика, изготовленная на кругу, причем на керамике первого горизонта следы пальцев придают поверхности сосудов характерную ребристость. В первом горизонте в незначительном количестве встречена расписная керамика. Роспись производилась красной краской на светло-коричневом фоне. Особый интерес представляет расписной сосуд, сделанный в форме лошади, который Р. Гиршман в специальной главе определяет как ритуальный и, видимо, изготовленный для могильного инвентаря (рис. 1). Большинство фрагментов расписной керамики характеризуются простыми геометрическими мотивами. Во всех трех горизонтах найдены бронзовые фибулы и трехперые наконечники стрел с выступающей втулкой. Железные предметов сравнительно мало (наконечник дротика, ножи). Характерно, что иглы первого горизонта еще изготовлены из бронзы, в то время как иглы третьего горизонта уже железные. В ахеменидских слоях также найдено несколько перстней и терракотовых женских статуэток, названных Р. Гиршманом «обнаженной

¹ О. Лагодівська. Кам'яні закладки Надпоріття (За матеріалами досліджень 1945—1956 гг.). Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 174—175.

² А. Добровольський. Кам'яні закладки в околицях Тавілжаного острова. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 183, рис. 5.

³ С. Н. Одинцов а. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. КСИА, вып. VI, 1956.

⁴ М. Макаренко. Мариупольський могильник. Київ, 1933, табл. XII, XV.

⁵ А. В. Добровольський. Могильник в с. Чаплі. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 108, рис. 2.

богиней» и «богиней с ребенком». Некоторое число вещей, в том числе каменные алабастры, имеют египетское происхождение.

В датировке горизонтов Р. Гиршман опирается на найденные при раскопках клинописные таблички: три эламские и одну аккадскую. В целом он считает возможным датировать первый горизонт VII—VI вв. до н. э., второй горизонт — VI—V вв. до н. э. и третий горизонт — V, а быть может, и началом IV в. до н. э. В перекрывающемся эти наложения четвертом горизонте найдена эллинистическая керамика и клад из 20 драхм Александра Македонского. Имеющийся материал вполне подтверждает такую датировку, хотя, возможно, о VII в. до н. э. говорить еще преждевременно, что, конечно, не исключает этой даты для времени возникновения самого поселения в целом. Следует отметить, что, обращаясь к аналогиям, Р. Гиршман привлекает работы советских археологов (С. В. Киселева, С. П. Толстова, С. И. Руденко).

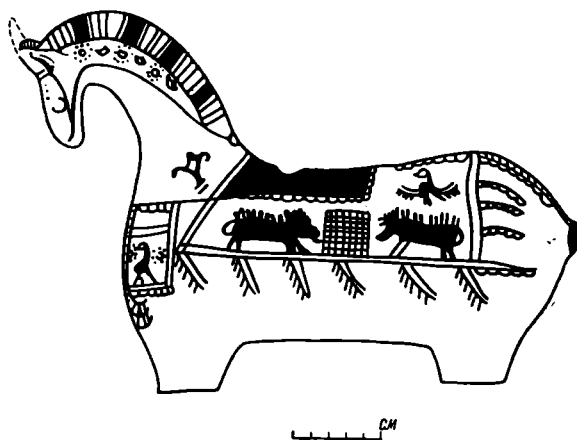

Рис. 1 Расписной сосуд из Суз в форме лошади

Обобщая полученный материал, Р. Гиршман в заключение приходит к следующим выводам. В конце VIII — начале VII вв. до н. э. в Сузах, к востоку от эламского акрополя, возникает персидское поселение. Характер планировки дома позволяет говорить, что здесь жило население, недавно перешедшее от кочевой жизни к оседлой. По своему происхождению оно связано с населением, оставившим некрополь В в Сиалке, еще раньше определенным Р. Гиршманом как индо-европейское.

Такое в общих чертах содержание XXXVI тома «Трудов» Французской археологической миссии в Сузах. Несомненно, это издание представляет значительный интерес для советских историков и археологов, особенно в связи с раскопками памятников ахеменидского времени в Средней Азии.

Переходя к общим замечаниям, следует прежде всего отметить, что планировка вскрытых построек отнюдь не позволяет делать вывод, что проживавшие здесь люди были в недавнем прошлом кочевниками. Да и весь комплекс найденных предметов ясно говорит об оседлом городском населении. Как отмечает и сам Р. Гиршман, керамика, сделанная на кругу, имеет несомненные связи с более древней, эламской керамикой, хотя налицо и некоторое огрубение. Поэтому пока преждевременно говорить, что данное поселение было основано именно персами, а не эламитами, в какой-то степени уже ассимилированными персами.

Несомненный интерес представляет обнаружение в первом горизонте расписной керамики, близкой традициям некрополя В в Сиалке. Хотя, на наш взгляд, здесь еще отсутствует одно промежуточное звено, сама связь достаточно определена. Это, в частности, является существенным аргументом в пользу старой датировки некрополя В началом I тысячелетия до н. э., в то время как К. Шефер в своей известной сводной работе целиком помещает его во II тысячелетие до н. э. Недавние раскопки в дельте Мургаба показали, что здесь в начале I тысячелетия до н. э. также была распространена расписная керамика (комплекс Яз-1), причем отдельные мотивы (треугольник с сетчатым заполнением) весьма близки расписной керамике первого горизонта из Суз. Имеются сообщения об обнаружении расписной керамики типа сиалковского некрополя В в Белуджистане¹. Все эти связи имеют несомненное значение для изучения истории расселения индо-иранских племен, хотя скудность археологического материала не позволяет пока еще обосновать какие-либо общие выводы.

В заключение следует остановиться еще на одном моменте. Раскопки советских археологов в Средней Азии вполне четко установили археологические комплексы,

¹ S. Piggott. Sialk, Giyan, Hissar and the Indo-iranian connection. By D. H. Gordon, *Antiquity*. 1950, т. XXIV, № 96, стр. 218.

относящиеся к середине I тысячелетия до н. э. Это — Афрасиаб I в Согде, Кобадан I в Бактрии, Яз-депе II и III в Маргиане и Кюзели-гыр в Хорезме. Все эти комплексы при несомненных локальных вариантах характеризуются значительной общностью и объединяют культуру Средней Азии ахеменидской эпохи. Но вместе с тем эта культура в целом отлична от того, что можно наблюдать в ахеменидских Сузах. Совершенно различны все ведущие керамические формы, различен и формат сырцового кирпича. В Маргиане и Хорезме, например, в это время существовал сырцовый кирпич размером $53 \times 28 \times 12$ см. Это лишний раз подтверждает положение о военно-административном характере Ахеменидской державы, поверхностно объединившей различные народы и страны, продолжавшие развивать местные культурные традиции.

В. М. Массон

А. Н. Москаленко. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронежское книжное издательство, 1955, 76 стр. Тираж 2000. Цена 1 р. 50 коп.

Рецензируемую брошюру воронежского археолога А. Н. Москаленко следует отнести к числу удачных научно-популярных работ. Она написана простым, понятным языком на основе большого частично неопубликованного археологического материала, известного пока лишь сравнительно узкому кругу специалистов (например, раскопки А. Н. Рогачева на Маркиной горе, новые раскопки П. Д. Либерова курганов под Воронежем и т. д.). В целом ряде случаев А. Н. Москаленко говорит о новых памятниках, исследованных ею во время собственных разведок и раскопок. Эта новизна материала делает работу особенно интересной. Брошюра снабжена схематической картой и иллюстрирована довольно хорошими рисунками, которые дают достаточно ясное представление о предметах. Правда, число иллюстраций следовало бы увеличить, добавив, кроме новых изображений отдельных вещей, еще чертежи хотя бы некоторых жилых комплексов и погребений. Вместо одной карты-схемы желательнее было бы дать несколько небольших карт для отдельных эпох, так как в перепруженной обозначениями общей карте читателю трудно ориентироваться.

После небольшого авторского предисловия следует введение, которое содержит крайне необходимые для подобной популярной брошюры разъяснения основных археологических терминов и методов изучения древних памятников. Автор правильно предостерегает читателя от попыток производить ненаучные разведки и раскопки, подчеркивая, что «раскопки любого памятника — дело очень увлекательное и в то же время сложное и ответственное» (стр. 8). Однако некоторые формулировки во введении следует уточнить. Так, на стр. 12 говорится, что «условность абсолютной хронологии заставляет ученых прибегать к хронологии относительной». Относительная хронология не менее условна, чем абсолютная. Дело не в этом, а в том, что для отдельных событий ранних эпох истории человеческого общества трудно или просто невозможно установить абсолютные хронологические даты.

Последующий материал излагается в соответствии с археологической классификацией в трех основных разделах, характеризующих памятники каменного, бронзового и железного века. Особо выделены славянские памятники и памятники майской культуры.

В первом разделе основное внимание уделено характеристике палеолитических стоянок у с. Костенки и в его окрестностях, так как мезолит и неолит в бассейне Верхнего и Среднего Дона изучен еще плохо. Для характеристики раннего и позднего палеолита А. Н. Москаленко сумела выбрать наиболее яркие, запоминающиеся факты и умело, доходчиво объяснить значение отдельных археологических находок, привлекая в некоторых случаях и этнографические данные (стр. 28). Уместно использована легенда о сказочном звере-Индере, при помощи которой местные жители раньше объясняли причину частых находок костей мамонта в районе Костенок. В этом разделе лишь некоторые места не совсем удачны. Так, о появлении одежды автор говорит лишь при характеристике стоянок позднего палеолита (стр. 19 и 21), отчего создается впечатление, будто раньше ее совсем не существовало. На стр. 22 говорится о том, что «общины эпохи позднего палеолита, как свидетельствуют остатки жилищ и поселений, были родовыми». Конечно, о наличии родовых общин свидетельствуют главным образом примитивные орудия производства, при помощи которых первобытный человек не мог бороться в одиночку с силами природы и с хищными животными, добывать себе средства для существования. Типы жилищ также, несомненно, очень важны, но они дополняют то, что дает изучение орудий производства. Еще Ф. Энгельс указывал, что «орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество»¹. При характеристике антропологического материала из палеолитических погребений (стр. 27) следовало бы говорить не о «европейской», а о древней европеоидной расе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 391.

Памятники бронзового века охарактеризованы автором более сухо и не так четко, как палеолитические. Прежде всего, не следовало бы употреблять не совсем ясные выражения: «стоянка середины эпохи бронзы», «конца бронзового века» и т. п. (стр. 30—36). Далее, срубная культура, даже если говорить об округленных датах, появляется не в конце II тысячелетия до н. э. (стр. 38), а, по крайней мере, со середины II тысячелетия. На стр. 33 говорится о разнообразных по форме топорах и делается ссылка на рис. 6, где изображен лишь один вислообушенный топор.

При характеристике памятников раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона А. Н. Москаленко правильно учла последние достижения скифо-сарматской археологии и говорит уже не о скифах, а о земледельческо-скотоводческих племенах скифского времени на этой территории. Для выяснения социально-экономической и культурной жизни этих племен имеется богатый курганный материал и некоторые находки на городищах. Автор в основном хорошо использовала эти данные, но некоторые погрешности все же следует отметить. Изображение желудка на бляшке из Мастюгинского кургана еще не означает, что «ценилось не только само дерево, но и его плоды» (стр. 42), так как это мог бы быть просто орнаментальный мотив. Очень интересно замечание автора о том, что деревянный плуг, возможно, имел чересло (стр. 43), но это следовало бы подкрепить соответствующими фактами. На стр. 48—49 дается описание золотой фигуры сидящей птицы из воронежского кургана, раскопанного П. Д. Либеровым в 1954 г., но не указано назначение этой фигуры, являющейся частью сосуда.

Раздел, посвященный характеристике славянских памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона, является, пожалуй, самым удачным. Тут автор сократил описание истории археологических открытий, которое в предыдущих разделах слишком растянуто, и очень обстоятельно с хорошими, убедительными примерами описал устройство поселений, хозяйство, быт и погребения славян боршевской культуры VIII—X вв. Не следовало бы в этот раздел помещать памятники салтово-маяцкой культуры. Описание этих памятников необходимо увязать с историей сарматских племен, так как при всей спорности некоторых вопросов сейчас все же нельзя отрицать принадлежность салтово-маяцких памятников к позднесарматской (аланской) культуре.

В конце брошюры А. Н. Москаленко приводит обстоятельную, пожалуй даже слишком обширную для такого издания, библиографию. Вряд ли имеет смысл включение в список узкоспециальных работ или книг, которые давно стали библиографической редкостью. Лучше было бы облегчить читателю выбор литературы для дальнейшего чтения указанием по каждому разделу нескольких наиболее важных и доступных работ или выделить основные работы более крупным шрифтом.

Б. А. Шрамко

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ГРЕЦИИ

За последние годы, наряду с завершением некоторых интереснейших раскопок, производившихся в Греции уже длительное время, в ряде мест начаты новые работы, открывающие еще не изученные и не известные археологам памятники.

Объем статьи не позволяет осветить все раскопки, поэтому здесь будет рассказано лишь о наиболее интересных результатах раскопок последних лет.

Аттика

Афины. Многолетние раскопки Агоры, производимые Американской археологической школой в Афинах под руководством проф. Томсона, близятся к завершению¹. Кроме того, небольшие раскопки производились в ряде районов Афин.

На южном склоне Акрополя при устройстве здесь новой дороги были обнаружены фундаменты домов позднеримского времени, некоторые с мозаичными полами; от построек более раннего времени сохранились лишь незначительные следы².

Следы городских стен классического и эллинистического времени прослеживаются в ряде мест южной и восточной частей города. В районе Дипилона, на углу улиц Гераклейдона и Эрисихтона, открыта часть Пирейских ворот, оформленных выступающими пилонами; полностью раскрыть их не удалось, так как они частично перекрыты современными зданиями³.

¹ Афинской Агоре будет посвящена специальная статья в одном из последующих номеров нашего журнала.— *Ред.*

² E. Vanderpool. News Letter from Greece. AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 267.

³ Е го же. Ук. соч., AJA, 1954, т. 58, № 3, стр. 231, рис. А.

Рис. 1 Вид части Элевсинского некрополя с так называемыми «могилами Семи против Фив»

В Элевсине продолжалось изучение района западнее Больших Пропилей. Раскрыт дом в северо-западной части этого участка¹, имевший фундамент из блоков пороса, на котором возвышались сырцовые стены, увенчанные поросовым карнизом. Внутри стены были оштукатурены, полы выложены галечной мозаикой. Вдоль стен двух больших комнат, примыкавших к дворику, располагались клине, по семи в каждой комнате; эта особенность постройки позволяет определить ее как Пританей Элевсина. Длинное узкое помещение в северной части здания определяется как помещение для хранения священной колесницы, употреблявшейся в элевсинских процессиях.

В начале 1955 г. на холме, западнее Элевсина, открыта небольшая пещера, где было найдено большое количество вотивных терракот, среди которых много изображений Пана. Это свидетельствует о существовании неподалеку неизвестного ранее святилища этого бога².

Продолжались раскопки элевсинского некрополя, расположенного вдоль дороги, идущей в Мегару. В 1953 г. здесь была открыта интересная группа протоисторических гробниц, имеющих вид каменных ящиков. Гробницы были окружены стеной, построенной в более позднее время³. Об особом почитании этого места свидетельствует тот факт, что здесь совсем нет погребений последующих периодов (в других районах некрополя они перекрывают ранние могилы). Г. Милонас, руководивший этими раскопками, высказал предположение, что тут находились так называемые «могилы Семи против Фив», упоминаемые древними авторами (рис. 1)⁴. В действительности же могилы эти принадлежат к разным пе-

Рис. 2 Среднеэлладское погребение, вторично использованное в геометрический период

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 268, план.

² Там же, стр. 269.

³ G. Mylonas. The Tombs of the «Seven against Thebes». ILN, 1953, 12 сентября, № 5969, стр. 402—403.

⁴ Павсаний. Описание Эллады, т. I, М., 1938, стр. 98.

риодам. В других участках элевсинского некрополя открыто большое число могил разного времени, начиная от среднелладского и до классического. Интересно, что некоторые могилы служили для повторных погребений. Например, в одной среднелладской могиле, открытой в 1955 г., находилось трупосожжение геометрического времени (рис. 2)¹.

Следует отметить великолепную протоаттическую амфору середины VII в. до н. э. (высота 1,32 м), служившую для погребения ребенка. Она была найдена лежащей на боку, горло было прикрыто каменной плитой. Амфора была украшена полихромной росписью: на горле изображен Одиссей, ослепляющий Полифема, на тулове — Горгоны, преследующие Персея².

Пелопоннес

В 1952 г. американские и греческие археологи начали раскопки на Исфме с целью обнаружения святилища Посейдона — центра Исфмийских игр³. Обнаружен священный участок, найдены фундаменты храма Посейдона и прослежена его история. Древнейшее здание было построено в конце VII в. до н. э. Оно имело каменный фундамент, сырцовые стены и, вероятно, деревянные колонны и перекрытие. В слоях

Рис. 3. Вид треугольной вымостки в Исфме

под полом позднейшего храма было найдено множество предметов, являвшихся приношением божеству. Среди них: вазы, 135 серебряных коринфских и эгинских монет конца VI — начала V вв. до н. э., бронзовые фигурки, шлемы и кубки, несколько золотых вещей, в том числе маленькая фигурка быка. Из vaz интересны две панафинейские амфоры, одна из которых имеет выцарапанную надпись коринфскими буквами — ΔΑΜΟΝ ΑΝΘΘΕΚΕ (Дамон посвятил)⁴. У входа в архаический храм стоял мраморный сосуд для воды (VII в. до н. э.) в виде большой чаши, поддерживаемой четырьмя женскими фигурами, стоящими на львах⁵.

Архаический храм сгорел в начале V в. до н. э. Около 460 г. до н. э. возник новый храм больших размеров. Он был целиком каменный, а черепицы крыши и скульптурные украшения — мраморные. Этот храм сгорел в 394 г. до н. э. и в IV в. до н. э. был восстановлен, причем верхние части колонн и крыша были сделаны заново. Найдены фрагменты прекрасной симы этого позднеклассического здания. От его фронтонных скульптур не сохранилось ничего⁶.

Позднейшая история храма Посейдона прослеживается хуже. В римское время он был облицован внутри мрамором и украшен многочисленными скульптурами. О. Бронер предполагает, что колоссальная статуя богини, найденная в 1952 г.⁷, представляет Амфитриду и принадлежит к находившейся в храме культовой группе Посейдона и Амфитриды. Может быть, к базе этой группы от-

носится фрагмент небольшого скульптурного фриза высотой 0,5 м с изображением Артемиды, стреляющей из лука⁸.

Храм Посейдона был разрушен в VI в. н. э., когда была построена в 400 м восточнее святилища оборонительная стена. При сооружении этой стены был использован строительный материал из святилища.

Восточнее храма Посейдона открыт фундамент длинного алтаря, по сторонам которого лежало много золы и костей от жертвоприношений. В римское время он уже не существовал и был заменен другим алтарем.

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 269, табл. 99, 8.

² G. Mylonas. The finest proto-attic Vase and the oldest greek textile: unique Discoveries from the Cemetery of Eleusis, JLN, 1954, 13 ноября, № 6030, стр. 840—843; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 224.

³ O. Broner. The Isthmian Sanctuary of Poseidon. Archaeology, 1955, т. 8, № 1, стр. 56—62.

⁴ O. Broner. The Scene of International Athletic Meetings 2700 Years ago: an Enigma Solved during Excavations of the Isthmian Site at Corinth. ILN, 1956, 15 сентября, № 6119, стр. 430—431, рис. 8.

⁵ Там же, рис. 5.

⁶ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 225.

⁷ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1953, т. 57, № 4, стр. 281—286, табл. 80, 2.

⁸ O. Broner. The Isthmian Sanctuary of Poseidon, стр. 61.

В 1952—1954 гг. на возвышенности, расположенной к северу от храма, были открыты остатки жилища VI в. до н. э. с ванной, высеченной в скале. Предполагают, что здесь было жилище жриц, обслуживавших один из храмов святилища¹.

Наиболее интересными являются открытия 1955—1956 гг. в районе храма Полеймона, в юго-восточном углу святилища. Разведочной траншеей в 1955 г. здесь была открыта площадка в форме прямоугольного треугольника (длина катетов 10 м и 3 м), мощеная поросовыми плитами. По поверхности площадки идет восемь борозд с металлическими скобами у концов. Эти борозды сходятся к круглому углублению (глубина около 1 м), расположенному в центре малого катета треугольника (рис. 3).

Раскопки 1956 г. позволили выяснить, что этот треугольник является только половиной другого, большего треугольника. Склон холма вокруг него обработан в виде широкого овала с тремя ступенями. Предполагают, что здесь был стадион классического периода, а треугольная вымостка является стартом². Стадион находился слишком близко к храмам, и это, может быть явилось причиной того, что он был оставлен, и новый стадион был сооружен дальше, в овраге, находившемся к юго-востоку. Место раннего стадиона стало частью священного округа. Ближайшей задачей раскопок на Исфае является расчистка фундаментов храма Полеймона, закрытых сейчас развалинами римских зданий.

По сравнению с другими центрами Греции раскопки последних лет в Коринфе были незначительными по своим размерам. В 1954 г. несколькими траншеями исследовался участок к северу от храма Аполлона³. Здесь обнаружена дорога раннеархаического периода, шедшая с северо-востока на юго-запад непосредственно по скале, местами подтесанной, местами выравненной мелким щебнем. Ширина дороги около 3 м. С южной стороны холма незначительные следы указывают на существование подпорной стены.

Во всю ширину храма Аполлона дорога покрыта довольно значительным слоем строительных материалов от существовавшего на его месте другого, более раннего храма. В большом количестве найдены поросовые блоки фундамента, черепица и сырцовые кирпичи, из которых были сложены стены. Прослежены фундаменты, размером 10,90 × 33,20 м. Внутреннее устройство целлы и колоннаду проследить не удалось. Архаический характер архитектурных остатков храма, особенно черепиц четырех разных типов (коньковые, солены, калиптеры, торцовые), заставляет датировать постройку этого здания не позднее конца VII в. до н. э. Оно погибло от пожара. Находки керамики дают дату разрушения этого раннего храма — не позже середины VI в. до н. э. Около середины VI в. до н. э. на его месте был построен новый, сохранившийся в руинах до настоящего времени храм Аполлона.

Из находок следует отметить коринфский арибалл первой половины VI в. до н. э. с интересной агонистической сценой (хор, перед ним — прыгающий мальчик) и с

Рис. 4. Коринфский арибалл со сценой агона

Рис. 5. Формы для изготовления части одежды из так называемой мастерской Фидия

¹ О. Вгонер, *The Isthmian of Poseidon*, стр. 64.

² О. Вгонер, *The Scene of International Athletic Meetings...*, стр. 430. Объяснение конструкции старта, данное в указанной работе, не представляется убедительным. Центральное углубление, вероятно, имело конструктивное значение.

³ М. С. Роебук, *Excavation at Corinth, 1954*. *Hesperia*, 1955, т. XXIV, № 2, стр. 147—157.

надписью архаическим коринфским алфавитом, говорящей о победе, одержанной хором под управлением Пиррия, причем призом послужила ольпа (рис. 4)¹. Очевидно арибалл был сделан в память этой победы.

В районе Коринфа, к юго-востоку от Лехаюна, открыт некрополь архаического и классического времени; близ с. Соломос случайно открыта камерная гробница IV в. н. э.²

Германский археологический институт возобновил в 1952 г. раскопки в Олимпии под руководством Е. Кунце. Раскопки были развернуты в Леонидейоне и в районе Византийской церкви³.

Исследование района Леонидейона в основном закончено. Установлено, что до середины IV в. до н. э. этот участок не был застроен. Здание Леонидейона было построено в конце IV в. до н. э. Ему предшествовало другое здание, неизвестного назначения, от которого сохранились маловыразительные остатки фундаментов. Леонидейон также сохранился плохо. Обнаружена часть внешней стены и 14 баз колонн *in situ*. Найдены архитектурные детали из пороса, куски черепичной кровли, торцовые черепицы, завершающиеся пальметтами, фрагменты штукатурки.

Рис. 6. Шлем и панцирь из могилы геометрического времени в Аргосе

Близ Леонидейона сохранились здания III в. н. э. В некоторых из них открыты мозаичные полы. Разобрана позднеантичная стена святилища, включавшая много архитектурных и скульптурных фрагментов.

Интересные результаты получены при раскопках в районе Византийской церкви. Здесь, по свидетельству Павсания⁴, находилась мастерская Фидия, в которой была изготовлена статуя Зевса Олимпийского. Действительно, в выбросе около здания «А», находящегося под церковью и датирующегося третьей четвертью V в. до н. э., обнаружены остатки скульптурного производства в виде фрагментов больших глиняных форм, обломков различных материалов и прочих предметов. Особенно интересны формы; средняя величина их 0,25—0,30 м (рис. 5). Для увеличения прочности в большие формы были вставлены железные стержни. Формы предназначались для изготовления частей одежды. Как считают нашедшие их ученые, в них чеканились листы металла. Кроме больших форм, найдены маленькие формочки для изготовления орнамента как из металла, так и из стекла (в некоторых из них сохранились стеклянные отливки). Кроме того, найдены кусочки обработанной простой и слоновой кости и фрагменты металлических инструментов. Все эти находки доказывают, что тут действительно была мастерская скульптора, помещавшаяся в здании «А». Под находящимся севернее зданием «С», более позднего времени, открыто небольшое помещение, которое немецкие археологи считают жилищем скульптора. В 1956 г. в здании «А»⁵ были открыты остатки литейной мастерской с многочисленными шлаками и фрагментами глиняных форм. Здесь же найден большой бронзовый котел, врытый в землю, предназначавшийся, как полагают, для воды, необходимой при работе скульптора.

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, табл. 68, 8—9.

² Там же, стр. 225.

³ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 270 сл.

⁴ Павсаний. Ук. соч., т. II, стр. 41.

⁵ E. Kunze. Die Ausgrabungen in Olympia im Frühjahr 1956. Gnomon, 1956, т. 28, тетрадь 4, стр. 317—320.

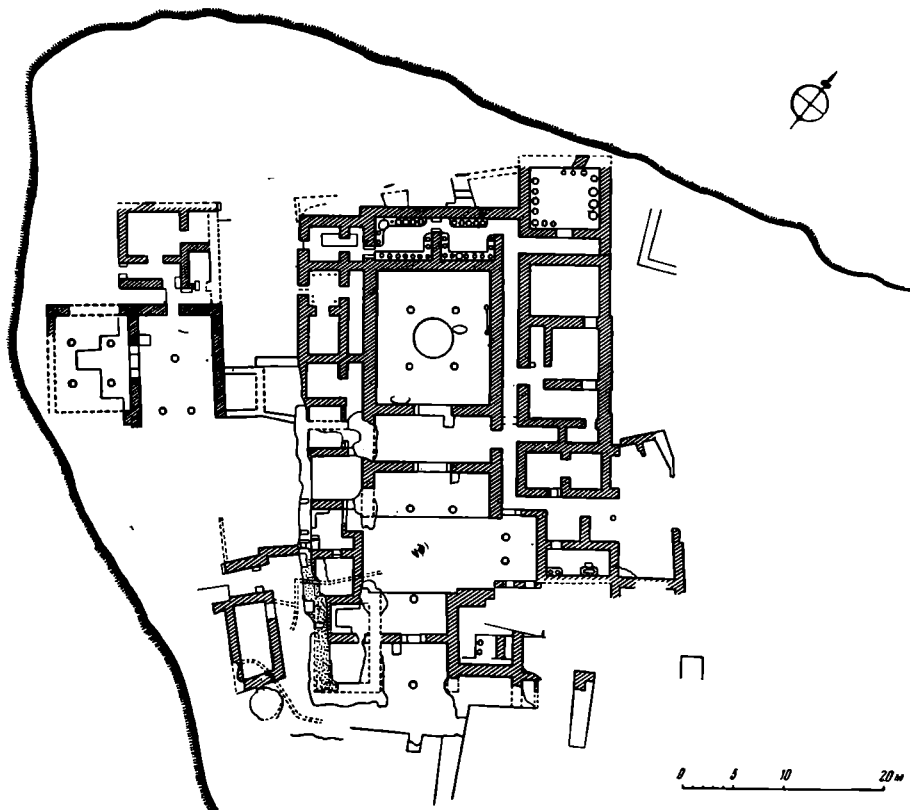

Рис. 7. План дворца в Пилосе после раскопок 1955 г.

Немецкие археологи провозгласили найденную ими мастерскую скульптора несомненной мастерской самого Фидия. Однако это положение требует еще проверки и подтверждения. Против него высказывается французский ученый Ш. Пикар¹. Действительно, нет никаких веских доказательств того, что все найденные остатки скульптурного производства относятся ко времени создания статуи Зевса, а не к более позднему, когда она неоднократно подвергалась ремонтам. За последнее соображение говорит, в частности, наличие в выбросе остатков простой кости: трудно предположить, что Фидий употреблял ее вместо слоновой кости; при ремонтах же вполне могла применяться и простая кость.

В Микенах продолжал раскопки А. Уэс, исследовавший дома микенского времени в районе цитадели². В так называемом «доме сфинкса» найдено более десяти глиняных табличек линейного шрифта «В» и многочисленные фрагменты превосходной резной слоновой кости и дерева. Найдены интересные глиняные и каменные вазы, из которых следует отметить одну, в форме высокого горшка, сделанную из зеленого порфира. Найден также необработанный кусок этого камня; очевидно, микеняне привозили из Лаконики камень и обрабатывали его на месте, в Микенах.

Пападимитриу в 1954 г. закончил изучение могильника, расположенного около городских стен. В центре могильника открыта гробница со ступенчатым сводом, построенная из больших каменных блоков. Стены могильной камеры были покрыты стуклом и расписаны красными и черными полосами. В камеру вел короткий дромос. Таким образом, тип этой могилы является промежуточным между шахтовой гробницей и камерой с дромосом.

Чрезвычайно интересные результаты дали раскопки Аргоса, производившиеся Французской археологической школой в Афинах³. Здесь продолжалось изучение ряда объектов, открытых раскопками еще до тридцатых годов нашего века: театра, римского Одеона, Агоры и пр. Была целиком расчищена поздне римская мозаика с изображением двенадцати месяцев.

¹ Ch. Picard. Information archéologique trop «a la Ceram»: les nouvelles découvertes dans l'atelier de Phidias à Olympie. RA, 1956, т. XLVII, № 2, стр. 232.

² A. Wace. Noble Stone Vases and Geometric Pottery: a Season's Finds from Mycenae. ILN, 1955, 21 мая, № 6057, стр. 927—929 и 28 мая, № 6058, стр. 969—971; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 225—226.

³ P. Courbin. Discoveries at Ancient Argos. Archaeology, 1956, т. 9, № 3, стр. 166—174; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 270 сл.

Рис. 8. Кладовые с пифосами Пилосского дворца

Но гораздо значительнее исследования района на южной окраине современного Аргоса, где раскопки были начаты после того, как здесь была открыта могила геометрического времени. Первоначально на этом месте находилось поселение среднеэлладского времени (различаются два периода его существования), позднее некрополь того же периода.

Находки микенского и протогеометрического времени незначительны (более богатый микенский некрополь обнаружен севернее, на склонах горы Асписа).

Зато могилы геометрического периода отличаются особым богатством. Несомненно, IX—VIII вв. до н. э. были временем расцвета Аргоса. Открыто около 50 могил (каменных ящиков и кремаций), в каждой из которых найдено большое количество керамики и других приношений. Например, первая, случайно открытая могила, датирующаяся VIII в. до н. э., содержала десять маленьких кубков, один — большой, украшенный лепной фигуркой, бронзовую чашу и шесть железных прутьев длиной 1,50 м. Последняя находка особенно интересна — это так называемые *obeloi*, употреблявшиеся как примитивные монеты. Показательно число шесть — шесть оболлов равных драхме.

Особенно интересна одна могила конца VIII в. до н. э.; кроме десяти ваз, трех золотых колец, *obeloi*, и двух железных топоров, тут было найдено полное, хорошо сохранившееся вооружение, сделанное из бронзы: шлем с высоким гребнем, панцирь без орнамента, закрывающий не только грудь, но и спину (рис. 6), и поножи (во фрагментах). Найдены также два железных предмета, которые определяются как остовы деревянных моделей кораблей.

Наряду с труположениями встречается и кремация. В качестве урн употреблялись большие расписные вазы. Особенным великолепием отличаются две вазы: большая «амфора» яйцевидной формы с двумя горизонтальными ручками, стоящая на трех петлеобразных ножках, покрытая сплошь разнообразной геометрической росписью, и кратер с традиционной для аргосской геометрической вазовписи росписью — с изображением человека, ведущего коня. Эти вазы, относящиеся к концу VIII в. до н. э., показывают, что аргосская геометрическая вазовпись была достойным соперником аттической.

Находки архаического времени значительно более бедны. Найден один интересный образец так называемой протоаргосской керамики — фрагмент горла кратера (середина VII в. до н. э.) с изображением ослепления Одиссеем Полифема¹.

В 1955 г. в эллинистической стене открыты фрагменты двух аттических краснофигурных кратеров второй четверти V в. до н. э. Один сосуд (с изображением Тезея и Миногавра) приписывается Гермонаксу².

В 1955 г. проводилась четвертая раскопная кампания в Лерне — раннеэлладском поселении близ Аргосского залива³. В центральном районе открыты дома нео-

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1953, т. 57, № 4, стр. 81—86, табл. 80, 3.

² Е го же. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, табл. 99, 10.

³ J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1955. Hesperia, 1956, т. XXV, № 2, стр. 147—173, табл. 38—48.

литического поселения, имеющие прямоугольный план и каменные фундаменты. По-видимому, неолитическое поселение непосредственно предшествовало раннеэладскому. Вызывает удивление тот факт, что овалы в плане дома, считающиеся типичными для среднеэладского периода, появляются в слоях Лерны раньше, чем среди находок начинает преобладать соответствующая им среднеэладская керамика. Это явление еще требует проверки и объяснения.

В среднеэладский период отмечается связь Лерны с другими минойскими и кипладскими центрами. Две шахтовые гробницы этого времени, обнаруженные здесь, указывают на начавшийся процесс социальной дифференциации.

Остатки позднеэладского периода сохранились очень плохо. У подножья горы Понтинос открыто 15 захоронений некрополя геометрического времени: взрослые погребения в каменных ящиках и детские — в пифосах¹.

Продолжается изучение минойского дворца в Пилосе (Мессения)², открываются новые помещения, уточняется план дворца и выявляются все новые подробности его устройства. В то же время производится реставрация ранее открытых помещений, в первую очередь — фрагментов фресок³.

Работы 1955 г. велись в разных районах дворца; изучался район, прилегающий к Архиву, давшему столь ценный и богатый материал по минойской письменности. Здесь выявлен проход, соединявший большой двор со вторым открытым двором, находившимся перед обособленной группой помещений. Установлено, что эти помещения, образующие как бы маленький самостоятельный дворец, относятся к более раннему периоду, чем основная группа сооружений с Мегароном в центре (рис. 7). Дворец был разрушен около 1200 г. до н. э.

В главном дворце изучались помещения, расположенные вокруг центрального Мегарона. В нижнем этаже были открыты различные подсобные помещения, обычно заделанные обломками посуды, среди которой преобладают килики. Наиболее интересные кладовые расположены на северо-западе от Мегарона. Здесь обнаружены две комнаты почти одинаковой величины, вдоль стен которых шли банкетные или лавки из сырцовых кирпичей и глины, обмазанные стучком. В эти лавки были вставлены так, что видны лишь горла, многочисленные пифосы и кувшины больших размеров (рис. 8). Сосуды закрывались плоскими крышками, фрагменты которых найдены здесь же. Найденная табличка с надписью указывает, что в кувшинах находилось оливковое масло⁴.

Кроме кладовых, встречаются помещения и другого типа. Например, в юго-западной части дворца обнаружена небольшая комната, которую определили как «зал ожидания» перед тронным залом. Вдоль стен здесь располагались удобные для сиденья скамейки, в углу — столик. Впрочем, такие скамьи встречаются в ряде помещений дворца. Все они тщательно обмазаны стучком, сохранившим следы росписи. Полы также всюду стучковые. Во многих помещениях найдены фрагменты штукатурки, принадлежавшие, может быть, помещениям второго этажа. В комнаты первого этажа попало много предметов сверху (главным образом разнообразная керамика). Во многих помещениях находят таблички с надписями, но в таком количестве, как в Архиве, они нигде не найдены.

В 1955 г. начато исследование проходивших под полом дворца водостоков. Наиболее интересные открытия сделаны в юго-восточной части дворца. Здесь к главному двору примыкает портик, две деревянные колонны которого (от них сохранились базы) поддерживали деревянный же настил балкона. Отсюда берет начало длинный коридор, который идет вдоль всего дворца. Через проходную комнату от портика можно попасть в ванную комнату — небольшое помещение, где находится хорошо сохранившаяся терракотовая ванна, вставленная в футляр, сложенный из сырцовых кирпичей и глины, обмазанный стучком и украшенный росписью (рис. 9). На скамье, в южном углу комнаты, стояли два кувшина, вероятно употреблявшиеся при купанье.

Рис. 9. Ванна из дворца в Пилосе

¹ J. L. Caskey. Ук. соч. табл. 49.

² О раскопках предшествующих лет см. И. С. Кацнельсон. Новые археологические открытия на Крите и в материковой Греции. ВДИ, 1955, № 4, стр. 191 сл.

³ Реставрированы фрески «тронного зала», оказавшиеся поразительно похожими на фрески Кносса. См. С. W. Blegen. The Palace of Nestor Excavations of 1955. AJA, 1956, т. 60, № 2, стр. 95—101, табл. 40 и сл.

⁴ Там же, табл. 46, 15.

Мощный стукот закрытый дворик, расположенный восточнее помещения с ванной, еще не раскопан полностью. Предполагают, что здесь был второй запасный вход во двор.

Французская археологическая школа продолжала свои раскопки в Гортисе (Аркадия)¹. Раскапывался жилой дом на второй террасе. Выяснен его план: ряд помещений располагается по сторонам центрального двора; наружные стены дома сложены из больших полигональных блоков, внутренние стены — из мелких камней. Находки в слое многочисленных монет и керамики позволяют датировать дом V в. до н. э.

Северная Греция

В Северной Греции работали в основном греческие археологи.

В Антикире (Фокея) благодаря случайной находке бронзовой статуэтки Афины открыто святилище этой богини². Найдены фундаменты маленького храма начала VI в. до н. э. с остатками алтаря внутри. Обнаружено пять терракотовых антефиксов с Горгойеонами. Храм был разрушен в V в. до н. э.

Небольшое поселение с акрополем и храмом IV в. до н. э. открыто в Грамменео (область Ионинна). В ряде мест Северной Фессалии обнаружены некрополи микенского и классического времени.

Интересная подземная гробница, очень больших размеров, с двухэтажным фасадом, открыта близ Науссы, до дороге в Эдессу, осенью 1954 г.³

Продолжаются раскопки в Додоне⁴. Выяснены фундаменты центрального маленького храма с прямоугольным двором, вероятно, храма оракула. Храм построен в V в. до н. э., но был сильно перестроен в раннеримское время. Вокруг храма обнаружены различные маленькие постройки, интерпретирующиеся как сокровищницы.

Острова

На Крите, в Кноссе, работала Британская археологическая школа⁵. На холме восточнее Кератоса в среднеминойском некрополе вскрыты две могилы. Одна содержала простой пифос с кремацией и 18 расписных ларнаков овальной формы (рис. 10).

Рис. 10. Ларнак из могилы VIII среднеминойского некрополя в районе Кносса

Рис. 11. Полихромная ваза из Феста

В другой могиле найдены остатки кремации с тремя ларнаками и большим пифосом. В маленьком помещении, отделенном стеной от основной гробницы, найдено много ваз.

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 226; AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 272.

² Там же, стр. 227.

³ Там же.

⁴ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 273.

⁵ Там же, стр. 274.

На холме Гипсаде (к югу от дворца) раскопано 18 могил позднеминойского некрополя, из которых три были шахтовые, а остальные камерные. Найдено 40 ваз, бронзовые предметы, зеркала, ножи, бритвы. Особенно много находок в одной позднеминой могиле (ПМ III С период), где наряду с вазами и бронзами найдены четыре печати. В этом же некрополе обнаружена одна среднеминойская могила с девятью погребениями. В ней было найдено большое количество посуды, две серебряные серьги и серебряная печать с изображением дикого козла.

Интересные результаты дали итальянские раскопки в Фесте¹. Работы последних лет были сосредоточены на изучении раннего дворца (среднеминойского периода). Выяснено, что он состоит не из трех, а из четырех последовательно сменявших друг друга дворцовых сооружений. В 1955 г. изучался самый ранний из этих дворцов. Отдельные, открытые ранее помещения объединены в одно целое; ранний дворец имел сложный план, многочисленные комнаты соединялись коридорами. Сохранились фундаменты из больших прямоугольных блоков камня. Обнаружен обрамленный контрфорсами вход во дворец; небольшая лестница ведет во внутренние помещения. Многие комнаты имеют вдоль стен низкие скамьи. Под полом в двух помещениях обнаружен водосток, вымощенный камнем. В стенах имеются небольшие ниши, где были найдены глиняные сосуды и алебастровые кубки. Много фрагментированной посуды найдено в разных помещениях дворца, в том числе великолепные полихромные вазы (рис. 11)².

К северу от входа расположена кладовая дворца — длинный коридор, разделенный на секции, где стояли ряды пифосов и больших кувшинов. В одном из пифосов, на дне, были найдены виноградные косточки. Как указывает руководитель раскопок Д. Леви, это первое несомненное доказательство культивирования винограда в доисторическом Крите.

Дворец второго строительного периода сохранился плохо. Его пол находился примерно на 1 м выше уровня нижнего пола.

В 1955 г. начали также раскапывать большой город, современный дворцу, расположенный на склоне холма.

Британская археологическая школа в Афинах завершает раскопки Эмпория в Южном Хиосе. На южном берегу маленькой гавани находилось поселение III тысячелетия до н. э.³ Греческий город был расположен на северной стороне гавани, на горе пророка Илиа⁴. На вершине горы находился Акрополь, огражденный стеной из необработанного камня. Близ входа находился дом правителя города — простое однокомнатное здание типа мегарона с портиком, датирующееся VII в. до н. э. Тут же находился храм. Севернее его расположен алтарь, относящийся также к VII в. до н. э. Храм построен позже, в VI в. до н. э. Интересно, что он включает в себя более раннее сооружение — жертвенный стол, вокруг которого построена целла храма. Храм очень простой архитектуры и не имеет колоннады. Стены построены из каменных блоков, крышу, вероятно деревянную, поддерживали четыре деревянные колонны. Внутри сохранилась база статуи. Надписи и изображения на вазах доказывают, что храм был посвящен Афине. Интересна находка девяти свинцовых протом грифонов, обнаруженных в заполнении храма; возможно, что они украшали шлем деревянной культовой статуи богини.

Городские дома (их раскопано 10) лежат на склонах горы, на террасах, имеющих подпорные стены. Они также относятся к VII—VI вв. до н. э. Одни — типа мегарона, как «дворец» на Акрополе, другие — прямоугольные помещения с очагом в углу и с колоннами. Все здания построены из местного камня. Полное отсутствие черепиц указывает на то, что крыши были деревянные или соломенные. Город существ-

Рис. 12. Верхняя часть бронзовой статуи Деметры, найденная в море у берегов Малой Азии

¹ D. Levi. One of the Earliest Palaces of Minoan Crete: Discoveries in the Lower Levels of the Phaistos Site. ILN, 1956, 29 сентября, № 6121, стр. 506—508.

² D. Levi, A Magnificent Crater and Rich Pottery from the Crete of 4000 Years ago: New and Vivid Light on the Earliest Palace of Phaistos. ILN, 1956, 6 октября, № 6122, стр. 548—550; Его же. Attività della Schola archeologica Italiana di Atene nell'anno 1954. I, Festós. Boll. d' arte, t. 40, № 1, стр. 141—164.

³ И. С. Кацнельсон. Ук. соч., стр. 186.

⁴ J. Boardman. The Island of Chios. Recent Discoveries. Archaeology, 1955, т. 8, № 4, стр. 245—251; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 273.

вовал до конца VI в. до н. э. и погиб при нашествии персов. Святилище продолжало существовать и позже, но в V—IV вв. до н. э. приношения становятся все скромнее. В IV в. до н. э. храм подвергся переделкам и вскоре вообще перестал существовать.

Внизу, у гавани, на месте находившегося здесь ранее элладского поселения в начале V в. до н. э. был построен ионийский тетрастильный храм; найдены его фундаменты и архитектурные фрагменты. Он был построен на месте более раннего, архаического храма. Интересны происходящие отсюда многочисленные образцы хиосской архаической посуды (из заполнения подпорных стен VII—VI вв. до н. э., находящихся между храмом и берегом моря). Это главным образом типичные хиосские кубки VII—VI вв. до н. э. Особенно интересен фрагмент кубка с надписью мастера: «Никохерм сделал этот килик»,—это первое известное нам имя хиосского гончара.

Раскопками Французской археологической школы на Фасосе¹ выявлены оборонительные стены города с воротами, украшенными большими рельефами, и Акрополь со святилищем Аполлона Пифийского и Афины, относящимся к раннеархаическому времени. Ряд святилищ—Посейдона, Диониса, Геракла—были открыты на склонах Акрополя.

Новейшие раскопки сосредоточены в районе Агоры. Обнаружена колоннада, с трех сторон окружающая большой двор. Открыто святилище Зевса Агорайоса, окруженное оградой. С восточной стороны Агоры выявлен ряд общественных зданий, в том числе стоя IV в. до н. э. В 1954 г. на Агоре обнаружена таблица мер, определяющая объем фасосских амфор. Раскопана также большая стоя в юго-восточном углу Агоры, являвшаяся центром торговых операций в I в. н. э.

В восточном углу Агоры обнаружен интереснейший памятник раннеархаического времени, поставленный в память Главка, сына Лептина, возглавившего экспедицию паросцев на Фасос в VII в. до н. э. На трехступенчатом основании из желтого туфа находилась плита с надписью бустрофедоном.

В восточном углу Агоры раскопан проход, обрамленный высокими стенами. В юго-восточной стене его обнаружена ниша с алтарем; вероятно, именно отсюда происходят хранящиеся в Лувре рельефы с изображением Гермеса, Гекаты, Нимф, Аполлона и Граций.

В заключение следует упомянуть о случайной находке 1953 г. В море близ о. Книда, у берегов Малой Азии, была найдена верхняя часть бронзовой статуи: сидящая женская фигура, задрапированная в покрывало, край которого накинута на ее голову (рис. 12). Большая близость с известной статуей Деметры Книдской позволяет определить эту находку как изображение богини Деметры. Датируется она IV в. до н. э.²

Н. А. Сидорова

Античные города Северного Причерноморья (Очерки истории и культуры), т. I. Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1955. 445 стр. Тираж 2500. Цена 31 р. 10 к.

Рецензируемый сборник состоит из краткого предисловия и четырнадцати статей. В предисловии отмечается, что сборник был задуман и начал составляться еще до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Вышел сборник в 1955 г. За это время изменились, видимо, и цели исследования. Судя по статье С. А. Жебелева и по ментальному историческому введению, сборник был задуман более широко: «освещение основных сторон культуры античных городов» (стр. 22) было его целью. В предисловии последняя сужена до рассмотрения только искусства античных городов (стр. 3). В общей статье Т. Н. Книпович говорится даже о том, что статьи сборника не могут дать полного представления об общем характере искусства (стр. 164). Эта неясность цели была бы устранена, если бы в предисловии были даны краткие заметки содержания остальных томов очерков, коль скоро данный том является первым.

Данный сборник, как сообщается, рассчитан на широкий круг читателей (стр. 4).

Сборник открывается статьей С. А. Жебелева «Источники для изучения истории античной культуры северного Причерноморья» (стр. 5—22). В популярной форме даются сведения о тех материалах, которыми мы располагаем, воссоздавая историю культуры Северного и Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. Сведения о работах по изучению античных городов Северного Причерноморья в период после Великой Отечественной войны даны от редакции. Статья написана хорошим языком и имеет отчетливую для восприятия разбивку материала по отдельным параграфам.

¹ E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 228; J. Pouilloux. Thasos: Cultural Crossroads. Archaeology, 1956, т. 8, стр. 198—204.

² G. E. Bean. A Masterpiece from the Sea: a Greek Classical Bronze of Outstanding Beauty and the First Importance Found by Turkish Sponge-fishers in the Aegean. ILN, 1953, 7 ноября, № 5977, стр. 747—749.

Статья В. Ф. Гайдукевича «История античных городов северного Причерноморья. Краткий очерк» (стр. 23—163) представляет собой по размерам почти монографию в восемь печатных листов, содержащую разделы: 1. Греческая колонизация северного Причерноморья (стр. 23—30); 2. Ольвия (стр. 30—65); 3. Херсонес (стр. 65—95); 4. Боспор (стр. 95—147).

По словам автора, очерк написан «в целях ознакомления читателя в главных чертах с историческими судьбами каждой колонии и специфическими их особенностями, без учета которых нельзя правильно понять античную культуру всего северного Причерноморья в целом» (стр. 30). В примечаниях даются дополнительные материалы, в ряде случаев — оригинальные точки зрения автора и критика мнений современных ученых, что делает подстрочные примечания особенно интересными. Так, в вопросе о характере Боспора как эллинистического государства В. Ф. Гайдукевич акцентирует внимание на том, что «правомерное сопоставление Боспора с эллинистическими монархиями не должно, однако, заслонять первоочередной необходимости учета глубокого своеобразия Боспорского государства, сложившегося иными путями, нежели это было присуще эллинистическим царствам, возникшим позднее. Своеобразие Боспора сказалось, в частности, и в том, что оно просуществовало около 800 лет, тогда как эллинистические государства были относительно кратковременными. Стало быть, задача состоит не в том, чтобы подогнать Боспор под рубрику «эллинистических государств», а в том, чтобы выявить в полной мере специфику Боспора как государства греко-туземного, сформировавшегося в результате особых условий, в каких оказались греческие колонии на Боспоре Киммерийском еще в VI в. до н. э.» (стр. 114, прим. 1). Жаль, что эта интересная мысль автора, высказанная между прочим, не была развита.

Очень большой материал собран автором по экономике городов; разделы, посвященные производству и ремеслу, особенно интересны. В противоположность им, исторические факты часто изложены сухо и неинтересно, особенно это относится к событиям I в. до н. э.—I в. н. э. (стр. 61, 88 сл., 124 сл. и др.), где голое перечисление событий иногда достигает предела.

В. Ф. Гайдукевич избрал метод последовательного изложения истории городов от их возникновения до упадка. Синхронический принцип изложения большими хронологическими периодами был бы гораздо удобнее. Нет общей исторической картины того «варварского» племенного мира, который окружал античные города. Известно, что в отдельные периоды обстановка в Северном Причерноморье была общей для всех античных городов. Во избежание повторений автор вынужден, при принятом им методе, отсылать читателя к ранее сказанному. Так, в разделе Херсонеса III—II вв. до н. э. автор отсылает к Ольвии этого же времени, где давалась характеристика скифов (стр. 86). Общая картина положения племенного мира в Северном Причерноморье дробится, разбивается, отдельные ее части приспособляются к изолированным изложениям истории городов.

В характеристике исторического процесса автор подчас склонен преувеличивать роль торгового фактора. Так, подъем и упадок Ольвии он объясняет только состоянием торговли (стр. 57, 65).

Неудачным является заглавие очерка. Следует говорить не об античных городах Северного Причерноморья, а о государствах, тем более, что сам автор дает историю Боспора, а не отдельных его городов — Пантикапея, Фанагории, Феодосии и т. д.

В общем очерке, суммирующем достижения науки на сегодняшний день, желательно было бы видеть самый последний, свежий материал. Этого, к сожалению, нет. Совершенно обойдены молчанием последние результаты исследований Пантикапея, Фанагории, Гермонассы и некоторых других центров. Несколько выпячены, правда интересные и ценные, материалы Мирмекия, Тиритики.

Статья богато, но неравномерно иллюстрирована. Хорошо иллюстрированы разделы, посвященные Ольвии, Херсонесу и некоторым малым городам Боспора. Пантикапей иллюстрирован недостаточно: представлены, правда, очень интересные, но старые фотографии, нет ни одной иллюстрации, отражающей открытия последних лет. Совершенно отсутствуют иллюстрации по Фанагории, Феодосии, Нимфею.

Для общего очерка статья В. Ф. Гайдукевича слишком объемиста и рассчитана не на тот широкий круг читателей, который имеет в виду очерк С. А. Жебелева.

Статья А. Н. Зограффа «Денежное обращение и монетное дело северного Причерноморья» (стр. 148—163) является кратким изложением второй части его работы «Античные монеты» (см. МИА, 1951, № 16). Общая эволюция монетного дела, характеристика его в связи с историей и экономикой наиболее крупных центров Северного Причерноморья дается с исчерпывающей полнотой. Статья сопровождается хорошо выполненными иллюстрациями.

В очерке Т. Н. Книпович «Основные линии развития искусства городов северного Причерноморья» (стр. 164—187) рассматриваются общие вопросы искусства и культуры Северного Причерноморья античного времени.

Автор выделяет два главных направления; первое теснейшим образом связано с традициями греческого искусства, второе — с традициями местного искусства. Убедительно показано взаимовлияние этих направлений.

Местное направление связывается автором этнически со скифо-сарматской группой и рассматривается на примере производства ольвийских металлических изделий («скифский звериный стиль»; стр. 178, 179), изготовления художественных полихромных ваз (стр. 180, 181), монументальной живописи (стр. 183), скульптуры. Очень

интересны и важны наблюдения автора о воспроизведении на памятниках искусства местных этнических типов (стр. 182 сл.), о выразительности и экспрессивности в творчестве местных мастеров.

Однако само понятие «местный стиль, направление» недостаточно раскрыто: распространяется ли оно полностью на все искусство, выросшее на территории античных городов Северного Причерноморья, или оно является только искусством негреческой части населения? Ряд положений автора заставляет иногда думать о последнем. В таком случае носителями местного течения и стиля в определенные моменты является даже пришлое население, например сарматы (стр. 185—186). Неясны также хронологические рамки местного направления: существует ли оно с VI—V вв. до н. э. или только с III в. до н. э. «Если в VI, V и IV вв. до н. э. мы можем как-то еще чувствовать присутствие двух основных течений в искусстве городов Северного Причерноморья — греческого и скифского, то уже в III в. мы все больше и больше чувствуем появление и рост специфического местного искусства причерноморских городов» (стр. 179—180). Но дальше автор пишет: «Вполне выраженный характер приобретает этот местный стиль в первые века нашей эры» (стр. 185).

Нечеткость в определении основных линий развития искусства объясняется, видимо, тем, что автором не привлечены все основные виды искусства. Рассматривается коропластика, керамика, торевтика, отчасти скульптура и стенная живопись. Другие и очень важные виды искусства, как, например, архитектура, остаются вне поля зрения автора. Можно ли без учета всех видов искусства и их удельного веса говорить об основных линиях развития его? Большое внимание автором уделяется художественной керамике. В ряде положений изучение ее является исходным моментом. Например, от полихромной вазовой живописи автор переходит к станковой живописи (стр. 180—183). Как нам кажется, художественная керамика и, отчасти, коропластика, являясь художественными прикладными ремеслами, обслуживающими в основном бытовые нужды, не могут дать исходных выводов в решении основных направлений искусства городов. Если, по наблюдениям Т. Н. Книпович, искусство причерноморских городов отражало смену художественных направлений в Греции (стр. 172), то ведь именно в области керамического производства дольше всего сохранились традиции, исчезнувшие в Греции (стр. 177).

Статья А. Н. Карасева «Архитектура. Краткий очерк» (стр. 188—215) имеет ряд разделов, четко систематизирующих материал: строительные материалы, приемы кладок, архитектурные ордера, отделка зданий, храмы, общественные здания, погребальные сооружения. А. Н. Карасев совершил большую работу по собиранию разрозненных и часто случайных материалов; им учтены данные раскопок за сто с лишним лет и сведены в строгую и последовательную систему. Однако локальные особенности в архитектуре каждого центра показаны автором недостаточно ярко. Неясно, что относит автор к местным особенностям архитектуры городов: влияние окружающих племен или то, что возникло в рассматриваемых городах, как таковых.

Автор никак не отозвался на имеющиеся в нашей литературе мнения о негреческой архитектуре в Северном Причерноморье: о догреческом происхождении крепиды Золотого кургана и фундамента каменной стены на Эспланадном раскопе 1947—1948 гг., о негреческих приемах подтесов скалы при строительстве зданий, о влиянии погребальных сооружений Придонья на уступчатые склепы Боспора и т. п.

Попытки объяснить местными условиями распространение тех или иных архитектурных форм не всегда удачны. На стр. 194 так объясняется, почему в V—IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье не получил распространения дорийский ордер: «Здесь же, в окружении местного населения, суровая простота дорийского ордера должна была казаться официальной».

Не всегда учтен материал раскопок последних лет. Так, например, при характеристике архаических построек следовало бы упомянуть остатки двух архаических домов на Митридите, открытые в 1949—1952 гг. Не упомянута подпорная стена II в. н. э. на Митридите (1949 г.); высокоим качеством постройки из рустованных плит она может поколебать безоговорочный тезис автора об огрубении каменной кладки в римский период (стр. 193). В разделе, повествующем о храмах, можно было бы привести реконструкцию здания в честь Аспурга на Митридите, предложенную В. Д. Блаватским на основании находки в 1948 г. части антаблемента с надписью.

Статья А. Н. Карасева во многих частях имеет не популярную, а узкоспециальную направленность. Это сказывается особенно в отсутствии объяснений многочисленных специальных терминов и, отчасти, в сухом и лаконичном описании отдельных памятников, что несколько снижает в данном сборнике значение обстоятельно написанной и полной статьи об архитектуре в Северном Причерноморье.

Работа Е. И. Леви и А. Н. Карасева «Дома античных городов северного Причерноморья» (стр. 215—247) как бы продолжает предыдущую статью, подробно анализируя один из моментов градостроительства. Статья выгодно отличается тем, что она написана очень свободным, живым языком и читается с большим интересом.

Первая ее часть посвящена доримскому периоду. Наиболее ранние типы домов VI—V вв. до н. э. иллюстрируются материалами раскопок Ольвии, Березани, Тиритаки, Пантикапея. Дом, отличный от греческого типа, показан на примере поселения Широкой балки (стр. 217).

Описания архаических домов сопровождаются планами и фотографиями. К сожалению, авторы не привели планов и фотографий архаического дома на Митридите —

Дома Коя (1949 г.). Живо и интересно представлены дома эллинистического периода

Вторая часть статьи посвящена исследованию домов первых веков нашей эры. Основным положением авторов является утверждение о том, что для рассматриваемого периода характерен упадок в архитектуре жилых домов (стр. 239), что подтверждается главным образом материалами Ольвии. Исходя из этого положения, рассматриваются далее и дома типа *villa rustica* в Пантикапее и Керкентиде, хозяйственные усадьбы Мирмекия и Тиритаки и большие хозяйственные дома Илурата. Это основное положение является в ряде случаев ошибочным. Наблюдения, сделанные на основании изучения материала Ольвии, нельзя распространять на все Северное Причерноморье в силу специфичности положения Ольвии в первые века новой эры. Кроме того, дома первых веков, снабженные большим количеством хозяйственных построек, рассматриваются с точки зрения норм и особенностей, характерных для градостроительства эллинистического периода: планировки эллинистических домов, материалов и техники орнаментации. Эти нормы, конечно, не соответствовали новому типу хозяйственных домов ряда боспорских городов, так же как и экономика эллинистического времени не была аналогична экономике первых веков новой эры. Объяснение новых технических приемов не всегда удачно. Так, например, на стр. 246—247 вытеснение глинобитных стен каменными объясняется тем, что стены этого времени возводились из разрушенных древних построек. Подобное объяснение никак неприменимо, например, к Илурату.

Указанные замечания, однако, не снижают большую ценность и интерес данной статьи.

Статья Е. В. Ернштедта «Монументальная живопись северного Причерноморья» (стр. 248—285) содержит общий обзор памятников, главным образом погребальных сооружений и, отчасти, стеной росписи домов.

Характер и эволюция монументальной живописи рассмотрены на большом хронологическом отрезке времени — от середины IV в. до н. э. до III в. н. э. Автор отмечает общие принципы греческой станковой живописи, ее подчиненность архитектуре, тектонический характер (стр. 248, 249), а также основные ее типы и направления, свойственные различным периодам. Автор дает довольно ясную и полную характеристику происхождения каждого из стилей и касается вопросов техники. Интересными являются те особенности живописи, которые подчеркиваются автором: пережитки архаики в гамме красок IV в. до н. э. (стр. 250), близкие аналогии памятникам Малой Азии и Греции (стр. 253, 255, 257), ведущая роль мастеров-греков (стр. 257).

Работа А. П. Ивановой «О некоторых особенностях боспорской живописи» (стр. 286—296) примыкает к статье Е. В. Ернштедта: она дает характеристику так называемого местного стиля, для которого, по мнению автора, характерна «портретность в росписи, особая психологическая трактовка лица, сочетание религиозного содержания с изображением реальной действительности». Но вместе с тем А. П. Иванова в конце статьи суммирует основные черты боспорской живописи I—II вв.: «Итак, можно сделать вывод, что в боспорской живописи I—II вв. н. э. сложился своеобразный местный стиль. Как показывает роспись склепа 1891 г., расписной саркофаг из Государственного Эрмитажа и некоторые другие памятники, боспорская живопись отличается от современного ей греко-римского искусства большей условностью, абстрактностью и иератичностью, особенно в понимании образа человека. Характерны для этих памятников плоскостность и статичность композиции, статуарная изолированность фигур, условная разница в масштабах господ и рабов. Этот условный иератический стиль полностью соответствует религиозному содержанию боспорской живописи, связанному с представлением о героизированном умершем» (стр. 296).

Статья М. И. Максимовой и М. А. Наливкиной «Скульптура» (стр. 297—324) имеет два раздела: 1 — Привозная скульптура, 2 — Местная скульптура. Кратко и образно дается картина античного города, украшенного статуями, говорится о типах скульптур, встречаемых в Северном Причерноморье; о материале и мастерах.

Интересно и ценно заключение авторов о том, что в Северное Причерноморье попадали произведения различных ведущих школ того времени: Аттической, Александрийской, Пергамской (стр. 304—305), что свидетельствует о широких культурных связях городов Северного Причерноморья.

Полный и обстоятельный обзор привозной скульптуры читается легко и с большим интересом.

Второму разделу, посвященному местной скульптуре, уделено главное внимание в статье. В первые века новой эры путем слияния античных и туземных традиций в Северном Причерноморье сложился своеобразный художественный стиль (стр. 308). Произведения скульптуры, сделанные на месте, рассматриваются по отдельным городским центрам.

Территориальный принцип распределения материала, как нам кажется, затушевывает эволюцию местного искусства всего Северного Причерноморья и отдельные струи в нем. В искусстве городов Северного Причерноморья не могло не быть нескольких направлений или стилей, о чем говорят совершенно различные памятники, приведенные авторами. Одни из них полностью копируют эллиниские образцы; другие, как, например, антропоморфные стелы, ничего общего с ними не имеют, являясь искусством «варваров» — скифов, тавров, сарматов; третьи сочетают черты первых двух. Возможно, что в местном искусстве следует искать черты не одного, а нескольких стилей.

В статье Е. О. Прушевой «Художественная обработка металла (Торевтика)»

(стр. 326—355) рассматривается производство художественных металлических изделий по трем главным центрам: Ольвия, Пантикапей, Херсонес.

В Ольвии наиболее ранний материал, по мнению автора, относится к VI—V вв. до н. э.; это импорт из Греции и Малой Азии и местные ольвийские изделия. Последние особенно интересны, ибо «обработка металлов была организована и развивалась здесь на основе использования опыта, несомненно, ранее существовавших в Скифии местных мастерских, в которых из железа и бронзы выработывались орудия труда, оружие и простые украшения» (стр. 329). Автор акцентирует внимание на том, что здесь изготовлялись вещи скифские по своим типам. В эллинистический период преобладали массовые мелкие поделки, в послегетский период сказывается влияние кельтских и сарматских форм. Наибольшее внимание по праву уделено Боспору (стр. 333—351).

Роль греков в производстве металлических изделий до Спартокидов, по мнению автора, была незначительной (стр. 337). В эпоху Спартокидов греческие и местные, скифские, мастера работали рука об руку (стр. 339).

Е. О. Прушевская опровергает точку зрения А. П. Маневич о фракийском происхождении изделий торевтики V—IV вв. до н. э. из Солохи, Куль-Оби, Чертомлыкского, Ак-Бурунского, Артюховского курганов, считая их боспорскими (стр. 337, прим. 1).

Последние две страницы посвящены характеристике художественных изделий, найденных в Херсонесе. Отмечается большое влияние Боспора и отсутствие сарматских черт.

В конечном выводе подчеркиваются особенности трех главных центров металлообработки: «Херсонес в своей продукции мало отличается от других центров на периферии античного мира, Ольвия создает на скифской почве очень своеобразное греческо-скифское металлическое производство... Боспор создал крупное металлообрабатывающее производство, в которое были вовлечены представители всех значительных художественных направлений, отвечавших вкусам различных групп населения» (стр. 354). Статья читается легко и с большим интересом.

Работа Т. Н. Книпович «Художественная керамика в городах северного Причерноморья» (стр. 356—391) содержит две части: первая посвящена привозной керамике, вторая — местной. При рассмотрении памятников каждой группы первого раздела очень кратко и выразительно характеризуются основные черты стиля и даются образцы на примере северочерноморского импорта.

Местные художественные изделия, которым посвящена вторая часть, рассматриваются в хронологическом аспекте. Автору вполне удалось воссоздать сложную картину развития художественной керамики с учетом различных этнических особенностей, влияния греческих художественных стилей и тесного переплетения «варварских» и греческих черт.

Удачно нарисована картина самого раннего периода развития: на широком фоне ионийского, а затем аттического импорта, дана керамика скифских поселений Северного Причерноморья и первая расписная «полосатая керамика греческих городов — „колоний“».

Особенно широкого развития местное производство, по утверждению Т. Н. Книпович, достигло в IV—III вв. до н. э. Наибольшее внимание автором уделяется здесь, производству полихромных ваз. Детально проводится анализ технических приемов, устанавливаются черты сходства и отличия со стилями и приемами греческой вазопиисы. Отмечаются специфические черты, свойственные различным центрам производства: Пантикалею, Ольвии, Херсонесу.

Интересны замечания о том, что в Северном Причерноморье долго воспроизводились те формы, которые в Греции давно вышли из употребления (стр. 378) и дольше применялась техника росписи сосудов по сравнению с другими областями античного мира.

Ценны и интересны также те части работы, где показана тесная связь и переплетение «варварских» и греческих черт в производстве художественной керамики: наложение росписи на лощеные сосуды, изображение местных этнических типов на античных по форме сосудах и т. д.

К числу недостатков статьи можно отнести следующее: при характеристике раннего периода местной керамики, наряду с группой скифских изделий, надо было бы упомянуть изделия синдов, тавров; в числе иллюстраций нет материалов художественной керамики из Пантикапея раскопок последних лет.

Е. Г. Кастанаян в статье «Художественные элементы в лепной керамике Боспора» (стр. 392—405) дополняет статью Т. Н. Книпович в отношении характеристики керамики, изготовленной без гончарного круга, и характеризует те художественные элементы, которые присущи этой керамике. Изучение этого материала, как говорит автор, необходимо для уяснения художественных вкусов — специфики творчества местного населения Северного Причерноморья (стр. 405).

Материал рассматривается по следующим основным этапам: VI—V вв. до н. э. — разнообразная орнаментация на лепных сосудах в виде резного геометрического орнамента. С IV в. до н. э. по II в. н. э. — резкое сокращение орнаментированных лепных сосудов, что связывается с интенсивным развитием производства керамики по греческим образцам. Третий период — II—III вв. н. э. — возрождение тенденций к художест-

венному оформлению лепных сосудов, что объясняется «варваризацией» культуры городов.

Особенно интересной является керамика с зооморфными ручками, которой автор справедливо уделяет большое внимание.

Жаль, что рассмотрение ограничивается только керамикой Боспора; интереснее было бы дать общую картину художественных элементов в лепной керамике для всего Северного Причерноморья.

Статья А. П. Ивановой «Художественные изделия из дерева и кости» (стр. 406—436) начинается с перечисления и описания вещей из дерева на территории Боспора. Констатируется высокая степень развития деревообработки с V по III вв. до н. э.; на II—I вв. до н. э. падает расцвет «местного боспорского стиля», который продолжает развиваться и в первые века новой эры (стр. 415, 422). Среди различных изделий большое внимание уделяется боспорским саркофагам. Гипсовые украшения на последних описаны в специальном разделе. Показано их религиозное значение.

Статье, как нам кажется, недостает ряда общих положений и обоснований отдельных выводов. Помимо описаний, желательнее было бы дать общий фон, сказать о степени развития деревообработки и костерезного дела в других местах античного мира, о месте и роли соответствующего производства Северного Причерноморья. Не совсем ясно, какие изделия автор считает привозными и почему, какие изготовленными на месте. Так, например, неясна точка зрения автора на происхождение саркофага из Змеиного кургана. Не всегда ясно, что понимает автор под «местным боспорским стилем», были ли стили «местные ольвийский и херсонесский» и охватывающий их «северочерноморский стиль». Ввиду важности этого вопроса нужна в нем предельная конкретизация и точность.

Иллюстраций много, но их следовало бы пополнить материалом раскопок Пантикапея последних лет: деревянной головкой пантеры из склепа 1948 г., костяным эротом и др.

В статье М. И. Максимовой «Резные камни» (стр. 437—445) дается общая характеристика и оценка резных камней, различные категории их и развитие камнерезного искусства в Греции и на Боспоре. Рассматриваются резные камни, найденные на территории Северного Причерноморья в различные периоды.

Интересно предположение автора о том, что в позднеэллинистический период Пантикапей был центром изготовления перстней с резными гранатами. С конца II в. н. э. в области резьбы по камню на основе усвоения античных технических приемов на Боспоре возникает местный художественный стиль (стр. 445).

Статья написана хорошим языком, читается с большим интересом. Большим достоинством является то, что автор сумел искусно сочетать параллельное рассмотрение камнерезного искусства в Греции и в Северном Причерноморье.

* *
*

Рассмотренный сборник, дающий ряд интересных материалов, внес бы еще больший вклад в нашу литературу о Северном Причерноморье, если бы был избавлен от ряда недостатков. Материал сборника подобран случайно и в ряде мест устарел. В статьях не использованы все последние материалы. Совершенно не учтены результаты работ большого коллектива московских археологов в таких важных центрах, как Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и др., что заставляет признать, что сборник не стоит на уровне всех последних достижений нашей науки. Большой неудачей в терминологии является злоупотребление понятиями «местный стиль», «местное искусство» и т. п. Это не только не вносит ясность, но смазывает специфику искусства Северного Причерноморья в его различных локальных и хронологических вариантах.

Г. А. Цветаева

Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae edidit G. Michailov, volumen I. Inscriptiones orae Ponti Euxini, Serdicae, a MCMLVI. Георги Михайлов, Гръцките надписи намерени в България, том I. Надписи от Черноморското крайбрежие. София, 1956, 262 стр.+122 табл.

Предпринятое Болгарским археологическим институтом издание греческих надписей, найденных на территории Болгарии, является ценнейшим вкладом в изучение не только греческой эпиграфики, но и всей древней истории в целом. Тщательное и всестороннее исследование вещественных и письменных источников, освещающих историю Болгарии с древнейших времен, является характерной чертой многообразной деятельности всего коллектива болгарских археологов, историков, лингвистов. Из многочисленных археологических изданий, вышедших в последние годы, следует упомянуть такие фундаментальные исследования, как работа В. Микова об уникальном Казан-

лыкском склепе¹ или Т. Иванова о мозаиках из Ульпия Еска², или исследование о Панагюрищенском кладе, появившееся в результате совместной научной деятельности Д. Цончева и чешского ученого Б. Свободы³. Не меньший вклад сделан лингвистами. Работы Д. Дечева⁴ и В. Георгиева, посвященные фракийскому языку, значительно расширяют исторические сведения о древнейшем населении Болгарии.

На столь же высоком уровне ведется работа по изучению письменных источников, продолжающая давние традиции болгарской науки. Развитие этой отрасли знания идет по двум направлениям. Для широких кругов читателей болгарские ученые издают переводы древних писателей⁵. Вместе с тем должное внимание уделено более важному и сложному разделу источниковедения — строго научной публикации оригинальных текстов. Появившийся в 1954 г. первый том «Греческих источников по болгарской истории»⁶, содержит изданные с большой тщательностью тексты греческих авторов III—VI вв.

Рецензируемая книга является новым подтверждением сказанного выше. Ее автор Георги Михайлов, давно занимающийся надписями Фракии, взял на себя необходимую и важную задачу — составление свода всех греческих надписей, найденных в Болгарии. В предисловии к рецензируемому тому Г. Михайлов сообщает план издания, согласно которому весь корпус должен состоять из пяти томов: I — Надписи побережья Понта Евксинского; II — Надписи, найденные между Дунаем и Гемом; III — Надписи, найденные между Гемом и Родопом; IV — Надписи на территории Сердики, Павталии и Никополя на Месте, с добавлением приложения, содержащего все надписи на бляшках, перстнях, гириях, сосудах и т. д.; V — Указатели.

Таким образом, вышедший первый том содержит документы южной части восточного побережья Фракии. Тексты сгруппированы прежде всего по географическому принципу, так что в книге имеются одиннадцать разделов: 1 — Окрестности Карон Лимена; 2 — Бидзона и окрестности; 3 — Дионисополь и окрестности; 4 — Одесс и окрестности; 5 — Ерите; 6 — Аристеум; 7 — Месамбрия и окрестности; 8 — Анхиала; 9 — Бургас и окрестности; 10 — Аполлония и окрестности; 11 — Ахтополь. Внутри каждого раздела проведена двойная классификация: немногочисленные надписи мелких пунктов разбиты только по местам находки; источники из крупных центров систематизированы по содержанию (декреты, каталоги, почетные постановления, письма императоров, посвятельные надписи, памятники религиозной жизни, надгробия и др.).

Надгробные памятники наиболее многочисленны и составляют немногим меньше половины общего количества текстов (483 текста). Значительная часть эпитафий опубликована впервые, так что теперь историки получают богатый материал для суждения о населении городов Западного Причерноморья. Но особенно важно переиздание декретов городов, содержащих иногда такие первостепенные сведения, каких не сохранил ни один из древних авторов. Таковы постановления в честь Акориона (№ 13 в рецензируемом корпусе) и Меногена (№ 43), договор царя Садала с месамбрийцами (№ 307), постановление месамбрийцев в честь Гая Корнелия (№ 314 А) и ряд других памятников выдающегося значения. Приведенные примеры достаточно показывают, сколь богато содержание рецензируемого тома.

Написанный на хорошем латинском языке, труд Г. Михайлова производит чрезвычайно благоприятное впечатление своей полнотой, систематичностью, строгой последовательностью и высоким научным качеством. Составитель свода неуклонно следует тем нормам, которые сложились в эпиграфической науке. Он удачно использовал положительные стороны ранее издававшихся корпусов, в частности, и трудов крупнейшего русского эпиграфиста В. В. Латышева. Вместе с тем Г. Михайлов, несмотря на значительный объем работы, избежал порока, свойственного иногда большим эпиграфическим сводам, — недостаточного внимания к каждому памятнику в отдельности. Любой текст, включенный в первый том свода греческих надписей Болгарии, исследован с исчерпывающей полнотой и максимальным вниманием.

Анализ, которому составитель корпуса подвергает публикуемые им документы, отличается исключительной осторожностью и строгостью. Проведенная Г. Михайловым кропотливая работа по выверке текстов на самих камнях позволила ему уточнить чтение многих важных памятников, изданных ранее иногда небрежно или с плохих репродукций, поступивших в распоряжение ученых. Опираясь на исчерпывающее знание всех ныне известных эпиграфических памятников восточного побережья Фракии, Г. Михайлов критически пересмотрел не только работы своих предшествен-

¹ В. Миков. Античната гробница при Казанлък. София, 1954.

² Т. Иванов. Римска мозаика от Улпия Ескус. София, 1954.

³ В. Svoboda und D. Zončev. Neue Denkmäler antiker Thureutik. Praha, 1956.

⁴ Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952.

⁵ Этим целям служит, например, второе, значительно расширенное издание сборника «Извори за старата история и география на Тракия и Македония», составленного Г. И. Кацаровым, Д. Дечевым, В. Бешевлиевым, Б. Геровым, Г. Михайловым, Хр. М. Дановым, Ив. Венедиковым, Д. П. Дмитровым, Р. Гандевой, Зл. Ракевой (София, 1949).

⁶ Извори за българската история, т. I. Гръцки извори за българската история, т. I, София, 1954.

ников в этой области, но в некоторых случаях и ранее высказанные свои собственные мнения. Наряду с обстоятельным филологическим комментарием, надписям сопутствуют подробные библиографические указания, превращающие каждую лемму в ценный справочник.

Существенным разделом книги являются обширные указатели (стр. 228—268), служащие важным подспорьем в работе исследователя. Достоинством издания является воспроизведение почти всех публикуемых текстов.

Составленный с таким знанием дела и так обстоятельно корпус греческих надписей из Болгарии, несомненно, займет заслуженное место среди лучших эпиграфических изданий.

Отмечая высокую научную ценность рецензируемого тома, нельзя вместе с тем полностью согласиться с некоторыми принципами составления свода. Решительное возражение вызывает преднамеренное исключение из книги вопросов лингвистики и ономастики, которых автор принципиально не касается, так как этим проблемам посвящены труды его коллег (Д. Дечева, Б. Герова) и работы самого Г. Михайлова. Такое монументальное издание, каким является предпринятая Археологическим институтом серия, должно включать анализ всех основных сведений, которые могут доставить публикуемые памятники. При этом вовсе не нужно, чтобы ономастический или лингвистический комментарий был весьма обширным и исчерпывающим; достаточно отметить ту или иную особенность надписи с краткой ссылкой на труды, в которых эти особенности исследуются более подробно. Подобные краткие указания по ономастике, которыми В. В. Латышев сопроводил многие из изданных им в IOSPE надписей, весьма полезны для всех, занимающихся историей северочерноморских государств или Эллады. Точно так же раздел «Грамматика и орфография» в указателях к каждому тому IOSPE служит богатейшим источником для историков. Если бы автор свода греческих надписей Болгарии ввел ономастический и лингвистический комментарий, хотя бы в таком же объеме, это способствовало бы еще большему обогащению содержания корпуса.

Хотелось бы также, чтобы к ряду надписей первостепенного значения был дан более развернутый исторический комментарий. Лаконичность, уместная при мало-значительных памятниках, превращается в неоправданное самоограничение, когда речь идет о важнейших источниках, таких, например, как декрет в честь Рескупорида, сына Котиса (№ 389). Совершенно необходимо, чтобы рассмотрению исторических проблем здесь было отведено гораздо больше места. Нельзя согласиться с тем, что иногда взамен исторического комментария Г. Михайлов ограничивается краткой ссылкой на подготовляемую работу другого ученого. Так, например, обстоит с новой очень интересной эпитафией месамбрийца, погибшего в I в. до н. э. в войне с бессами (№ 344). Позволю себе сослаться на практику В. В. Латышева, широко вводившего в леммы цитаты из исследований других авторов и тем самым достигшего большой полноты в освещении каждого значительного памятника (см., например, IOSPE, II, №№ 9, 10, 29 и др.). Столь же удачен был и другой прием В. В. Латышева, когда вся надпись, включенная в корпус, анализировалась другим ученым (например, IOSPE, I², №№ 167, 236, 237 и др.).

Выше мы отмечали ту осторожность и сдержанность, которая характеризует весь стиль работы Г. Михайлова с памятниками. Это особенно строго соблюдается автором в вопросах, касающихся характера письма и датировки документов. Но иной раз хотелось бы более подробно знать мнение автора об отдельных надписях. Г. Михайлов, пересмотревший сотни камней, более чем кто-либо другой мог заметить и выявить специфические особенности эпиграфического мастерства Западного Причерноморья: особенности шрифта, качество исполнения надписей, характерные черты «почерка» резавших надписи мастеров (например, месамбрийские тексты № 314 А и В могли бы дать интересный материал для подобных заключений).

Глубокая эрудиция позволила Г. Михайлову с исчерпывающей обстоятельностью изучить тексты издаваемых надписей, комментировать их и в случае необходимости реконструировать. Все же истолкование некоторых текстов позволяет сделать отдельные дополнения и уточнения. Так, например, Г. Михайлов предлагает читать аполлийское посвящение № 397 так:

[.....] Σ]εβαστῶ
 [..... δημαρχικῆς] ἐξουσίας
 [τὸ ..... εὐτυχ]ῆς или [ἡ βουλῆ καὶ ὁ δῆμ]ος

Но это чтение может быть дополнено в первых строках. В частности, исходя из того что сохранившийся камень представляет крайнюю правую часть плиты, допустимо предположить следующее чтение:

[Ἀγαθῆ τύχη]
 [Αὐτοκράτορι καίσαρι.....] Σ]εβαστῶ
 [Εὐσεβεῖ..... δημαρχικῆς] ἐξουσίας

Это чтение основывается на том обстоятельстве, что подобные посвятельные надписи большей частью начинаются обращением к Благой Судьбе, а место на камне позволяет предполагать наличие верхней строчки.

Можно было бы указать также ряд случаев, когда отказ Г. Михайлова от предположений других эпиграфистов не представляется достаточно убедительным (например, в тексте № 466 отброшенное чтение В. Бешевлиева $\alpha[\nu\epsilon\theta\rho\chi\epsilon\nu]$ кажется более подходящим, чем предлагаемое Г. Михайловым $\sigma[\xi\iota\omega\varsigma]$).

Однако нет нужды подробно останавливаться на подобных мелких замечаниях, ибо они не меняют главного, заключающегося в том, что труд Г. Михайлова является первоклассным эпиграфическим изданием, делающим честь болгарской исторической науке.

Большой похвалы заслуживает также работа коллектива наборщиков и корректоров типографии Болгарской Академии наук, в которой был набран и отпечатан рецензируемый том. Исключительно трудный текст, изобилующий многочисленными шрифтами и различными алфавитами, вышел в свет с небольшим процентом опечаток или неточностей¹. Некоторую досаду вызывает лишь неудовлетворительное качество отдельных клише, иногда обусловленное не только плохим состоянием камня (например, № 314 В), но и плохим качеством фотографии (например, № 211). Но все это мелочи, и, заканчивая наш краткий обзор, можно с уверенностью утверждать, что первый том *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae* (IGBR, I) является ценнейшим достижением науки.

Т. В. Блаватская

Slovenská archeológia. Časopis Slovenskej Akadémie vied Archeologickeho ústavu v Nitre. I—IV, Bratislava, 1953—1956.

Начиная с 1953 г., Институт археологии в Нитре (Чехословакия) выпускает ежегодник «Словацкая археология». Первый номер, вышедший в 1953 г., почти полностью посвящен проблемам палеолита. Номер открывается большой статьей Э. Влчека «Находка неандертальского человека в Словакии»², в которой излагаются результаты исследования травертинового естественного слепка полости черепа человека. Слепок был найден в каменоломне возле с. Гановицы у Попрада³. На месте находки слепка в последующие годы были обнаружены кости и естественные слепки черепов животных и отпечатки листьев растений. В травертиновом слое, в котором найдены остатки человеческого черепа, обнаружены также угольки и белые кварцитовые отщепы, не поддающиеся типологическому определению. На основании стратиграфических, палеонтологических и палеоботанических данных возраст травертинового слепка черепа человека из Гановиц определяется приблизительно в 120 тысяч лет. В статье приводятся убедительные антропологические доказательства того, что указанный слепок полости черепа типологически принадлежит неандертальцу.

В номере напечатана очень интересная статья Ф. Прошека «Селет в Словакии»⁴. Проблема так называемого селета, или восточного солютре, является одной из наиболее острых проблем палеолита Словакии. Известно, например, что в настоящее время существует целый ряд самых противоречивых предположений о происхождении солютре. Одни авторы ищут начало солютре в Карпатской котловине, другие — в Испании, по мнению же третьих, — солютре следует рассматривать как ряд локальных групп местного происхождения. Тщательнейшим образом изучив соответствующие материалы из словацких находок и сопоставив их с материалами из других мест, автор статьи пришел к следующим выводам: «Селет (*селетиен*) представляет совершенно самостоятельный комплекс находок, которые невозможно в дальнейшем обозначать как *солютре*, так как он не может считаться таковым ни культурно, ни по времени (хронологически). Индустрия *селета* складывается из двух основных частей — из *мустье* и *ориньяка*. Мустьерская составная часть в индустрии *селета* преобладает, в то время как *ориньякская* отстает на второй план. Обе эти составные части хорошо видны и в форме орудий, и в технике обработки камня... Стратиграфически селет параллелен более раннему и среднему ориньяку (стр. 177)».

¹ Желая помочь составителю *Corrigenda*, укажу некоторые из замеченных мною опечаток: стр. 39, строка 10 снизу, вместо 235 р написано 235 а; стр. 154, строка 23 сверху, вместо *incerto* написано *inceroto*.

² E. Vlček. Nález neandertálskeho človeka na Slovensku, стр. 5—132.

³ Находка из Гановиц довольно подробно освещена в статье В. П. Якимова «Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии», СЭ, № 3, 1952.

⁴ F. Prošek. Szeletien na Slovensku, стр. 133—194.

Термин «селет» происходит от названия пещеры Селета в Венгрии. См. O. Kadics. Ergebnisse der Erforschung der szeletahöhle Mitt. Jahrb. d. Ung. Geol. Anst., XXIII, Budapest, 1916, стр. 160—296.

Образовался селет из мустье Карпатской котловины, под влиянием ориньякской культуры. Пока еще не ясно, возник ли селет лишь в северо-западной части Карпатской котловины и оттуда проник на запад, или же он развивался на более обширной территории. Неразрешенным остается также вопрос, когда селет окончился.

В первом номере ежегодника напечатаны также три небольшие статьи по более частным вопросам. В статье Л. Красковской «Биритуальный могильник в Середи»¹ излагаются результаты раскопок пяти погребений с труположением и нескольких погребений с трупосожжением. И те и другие одновременны и датируются IV в. до н. э. Следует заметить при этом, что глиняные сосуды, найденные в погребениях с труположением, резко отличаются от сосудов из погребений с трупосожжением. В первом случае керамика представлена обычными для этих мест гальштатскими формами, во втором она напоминает сосуды куштановицкого типа. Автор публикации полагает поэтому, что в могильнике похоронено как местное население, для которого характерна гальштатская керамика, так и пришлое население, для которого характерна керамика куштановицкого типа (т. е. скифогальштатская). В этой связи следует отметить, что могильник в Середи является самым западным пунктом, где была обнаружена керамика куштановицкого типа.

О находках погребений с куштановицкой керамикой возле г. Нитры сообщает и И. Кудлачек в статье «Первобытные находки из с. Андача»². Как и на могильнике в г. Середи, здесь представлены оба вида захоронений: труположения и трупосожжения. Однако погребения в с. Андачи более ранние и датируются в основном VI—IV вв. до н. э. Наряду с керамикой куштановицкого типа встречаются сосуды, характерные для лужицких полей погребений позднегальштатского времени. Имеются также сосуды по форме как бы переходные от гальштата к латену и керамика, характерная для верхнепотисской культуры. Найдены также некоторые предметы из бронзы.

Первый номер ежегодника заканчивается небольшой заметкой Б. Новотного и И. Пацла «Находка сосновых колод в Пильзенском дворе в Братиславе»³. Вместе с колодами найден железный топор. Находки относятся к средневековью.

Второй номер ежегодника «Словацкая археология», появившийся в 1954 г., почти полностью посвящен славянской проблематике. Здесь напечатана статья П. Чапловича «Славянский могильник в г. Нитре под Зобором»⁴. Раскопками было вскрыто 165 грунтовых погребений с труположением. Покойники лежали на спине в вытянутом положении, головами на запад. Руки иногда были сложены на поясе или на тазе. Все погребения одиночные. Вещи, найденные в погребениях, — гончарные и лепные глиняные сосуды, железные ножи, бронзовые и стеклянные украшения — в большинстве случаев представлены хорошо известными типами и относятся ко второй половине X в. Некоторые из вещей имеют прямые аналогии среди древностей Приднепровья. В статье З. Вана «Венгры и славяне в свете археологических находок X—XII вв.»⁵ дается подробная характеристика чрезвычайно обширной группы памятников второй половины X—XII вв., составляющих так называемую белобродскую культуру. Памятники этой культуры распространены по всей Карпатской котловине. Они занимают всю территорию современной Венгрии, северную часть Югославии, западную Румынию (Трансильванию) и юго-западную Словакию. Если не считать четырех кладов (Токај, Tibold — Daróc, Hódmezővá — Sárkedy, V. Kilit), эта культура представлена грунтовыми могильниками, так как поселения до сих пор не исследовались. Покойников хоронили в неглубоких ямах, часто в деревянных гробах. Скелеты лежат на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Почти на всех могильниках встречаются погребения всадников, правда, они не столь многочисленны, как в древневенгерских могильниках, но имеют сходный инвентарь. Вещи, найденные в рядовых погребениях, по своему составу весьма разнообразны, особенно предметы украшений. Большинство из них является продуктом местного производства, возникшего под восточноевропейским, в том числе славянским влиянием. Глиняные сосуды встречаются сравнительно редко и представлены типами, обычными для всей славянской территории того времени.

Автор статьи выделяет три фазы развития белобродской культуры. Для первой фазы (конец X — начало XI вв.) характерно наличие погребений всадников и погребений с вооружением, одновременное существование как византийских украшений, так и их грубых местных имитаций, наличие некоторых украшений местного славянского позднекестельского и древневенгерского типов и полное отсутствие арпадовских монет. Во второй фазе, продолжавшейся до конца второй трети XI в., совсем исче-

¹ L. K r a s k o v s k á. Birituálne pohrebište v Seredi, стр. 195—198. «Биритуальный» — термин, означающий сосуществование обряда труположения и трупосожжения в одном могильнике.

² J. K u d l a č e k. Praveké nálezy z Andača, стр. 199—210.

³ B. N o v o t n ý, J. P a c l t. Nález borového hrantu z Plzeňského bvoru (Bratislava mesto), стр. 211—213.

⁴ P. Č a p l o v i č. Slovanské pohrebište v Nitre pod Zoborom, стр. 5—50.

⁵ Z. V a n a. Maďari a Slované ve světle archeologických nálezů X.—XII. století, стр. 51—104.

зают погребения всадников и погребения с вооружением, не встречаются более предметы древневенгерского характера и появляются арпадовские монеты первой половины XI в. Третья фаза (конец XI—XII в.) по сравнению с предыдущими характеризуется значительным обеднением погребений. Большинство погребений совсем без инвентаря, остальные содержали простые кольца, эсвидные височные кольца и монеты второй половины XI в.

Изучая предпосылки возникновения белобродской культуры, автор статьи приходит к заключению, что культура эта возникла в результате слияния двух основных культурных течений: местного, славянского (позднекестельская культура), и пришлого, венгерского (древневенгерская культура). В силу этого белобродская культура является культурой двух народов — венгров и славян. И те и другие хоронили своих покойников на одних и тех же общих могильниках. Однако отличить венгерские погребения от славянских можно только в древнейшей фазе развития этой культуры, когда были еще обычные погребения всадников и погребения с вооружением, отсутствующие на чисто славянских территориях. На последних фазах развития белобродской культуры столь четкого разграничения между венгерскими и славянскими погребениями провести нельзя. Автор приходит к выводу, «что с исторической точки зрения белобродская культура является интересным доказательством участия славян в процессе экономической, общественной и культурной ассимиляции венгерского народа в европейской среде» (стр. 97).

Во втором номере ежегодника опубликована статья венгерских исследователей Сэке Бела и Немешкери Яноша «Археологические и антропологические исследования находок из с. Бешеньова (округ Шуран)»¹, которая как бы дополняет статью З. Ваяна о белобродской культуре. На могильнике в с. Бешеньове были обнаружены погребения разных эпох — от неолита до XI—XII вв. Особенно интересны 12 раннеславянских погребений с трупосожжением в урнах, относящихся к VII—VIII вв. н. э. и около сотни погребений с трупоположением в грунтовых могилах, относящихся к белобродской культуре и датированных автором XI—XII вв. Изучение антропологических материалов из погребений XI—XII вв. позволило выделить две основные группы населения: 1) мезо-долихокrania — с высоким ростом и типичными признаками восточноевропейской или нордической (протоевропейской) группы и 2) мезо-брахиокrania — со средним и низким ростом и признаками, которые скорее всего можно сравнить с восточноевропейскими, тураноидными типами. Авторы статьи полагают, что первая группа бесспорно принадлежала местному славянскому населению, а вторая может быть сопоставлена с венгерским населением, осевшим здесь среди славян после IX в.

В номере помещены работы Я. Пастора «Аварско-славянский могильник в с. Барци (округ Кошице)»² и Л. Красковской «Древнеславянский могильник в с. Маште близ Братиславы»³. На первом могильнике вскрыто несколько погребений с трупоположением и одно погребение с трупосожжением. Все погребения относятся к кестельской культуре и датируются VII—VIII вв. н. э. На могильнике в Маште вскрыто пять погребений с трупоположением с необычной для этих мест восточной ориентацией костяков. По вещам, найденным в погребениях (глиняные сосуды, серьги-лунницы, стеклянные пуговицы и пр.), могильник датируется первой половиной X в.

В 1955 г. вышел третий номер ежегодника, по объему значительно превышающий предыдущие выпуски. Первой напечатана статья Б. Новотной «Славонская культура в Чехословакии»⁴. В основном эта культура представлена подъемным материалом с поселений, но известны и погребения, главным образом трупосожжения. Автор выделяет локальные варианты славонской культуры и рассматривает вопрос о связи ее с другими неолитическими культурами. Вопреки довольно широко распространенному мнению о влиянии на славонскую культуру так называемой культуры шнуровой керамики, автор статьи полагает, что правильнее было бы говорить как раз о противоположном влиянии. В статье особо подчеркивается факт проникновения предметов славонской культуры на север и северо-запад. Вероятной причиной этого проникновения, по мнению автора, могла быть торговля.

Весьма интересна статья Марии Новотной «Медные орудия и проблема древней добычи меди в Словакии»⁵. По времени эти орудия относятся к позднему неолиту. Типологически они делятся на три основные группы: 1) двойные топоры, 2) тесла, клинья и долота и 3) топоры с одним лезвием. Древнейшими являются первые две группы орудий. Орудия третьей группы, т. е. однолезвийные топоры, появляются незадолго до начала эпохи бронзы. На основании химических анализов устанавливается, что первые медные орудия, относящиеся еще к неолитической эпохе, были привозными, а более поздние, относящиеся собственно к энеолиту, изготовлялись из

¹ S. Béla, N. János. Archeologické a antropologické poznatky z výskumu v Bešeňove pri Suranoch, стр. 105—135.

² J. Pástor. Avarsko-slovanské pohrebište v Barci, okres Košice, стр. 136—143.

³ L. Krásková. Staroslovanské pohrebište v Mäste pri Bratislave, стр. 144—152.

⁴ B. Novotná. Slavónska kultúra v Československu, стр. 5—69.

⁵ M. Novotná. Medené nástroje a problém najstaršej tážby medi na Slovensku, стр. 70—100.

местного сырья, главным образом из месторождений меди в окрестностях Банской Быстрицы.

В небольшой работе Л. Красковской «Находки глиняной пластики в с. Кошолной»¹ дано описание нескольких глиняных статуэток людей, найденных на поселении культуры расписной керамики возле с. Кошолной в районе г. Трнавы. В заметке К. Амброза «Находки костей собаки на Нитранском городище (округ Шуран)»² дается описание костей собаки, найденных в засыпи большой могилы, относящейся к периоду каннедированной керамики. Так как кости были обожжены, автор заметки предполагает, что в данном случае мясо собаки использовалось в пищу.

Еще в начале прошлого века в некоторых пещерах юго-восточной Словакии были обнаружены погребения, которые считались неолитическими. Для проверки этих сведений в 1954 г. сотрудники Института археологии Словацкой Академии наук произвели исследования нескольких таких пещер, в том числе и пещеры у с. Хвалова, на южных отрогах Словацкого Рудогорья. В статье Ю. Барта «Хваловская пещера и пилинские пещерные погребения в южной части словацкого карста»³ сообщаются результаты этих исследований. Оказалось, что большая часть пещер относится не к неолиту, а к гораздо более позднему времени (пилинская культура).

В двух статьях И. Порубского «Исследование на могильнике с трупосожжениями эпохи раннего железа в с. Великие Гости» и «Исследование славянского курганного могильника в с. Великие Гости»⁴ излагаются результаты раскопок 1952 г. на могильнике возле с. Великие Гости около г. Бановца. Здесь было раскопано 16 славянских курганов VIII—IX вв. 15 из них содержали погребения с труположением и один, находящийся в стороне от остальных,— трупосожжение. В курганах с труположением погребения находились под насыпью на горизонте или же в неглубоких прямоугольных ямах. Покойники лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад. Под скелетами находился слой пепла и древесных угольков. В мужских погребениях встречались железные боевые топоры, копья, ножи, шпоры, небольшие ведра и глиняные горшки. В женских погребениях были найдены горшки, стеклянные бусы, серебряные серьги. В кургане с трупосожжением найден лишь глиняный горшок конца V/III в., наполненный пережженными человеческими костями.

Под насыпью кургана с трупосожжением было обнаружено лужицкое погребение. При расширении площади раскопа здесь же было вскрыто еще более тридцати таких погребений. Все они представляют собой трупосожжения в урнах и по инвентарю (глиняные сосуды, бронзовые булавки, височные кольца) датируются «самой поздней лужицкой стадией гальштата» (стр. 128).

Заслуживает внимания статья И. Паулика «Гальштатское и позднегальштатское поселения близ г. Середи»⁵. В ней излагаются результаты исследования жилищ на этих поселениях. Жилища на позднегальштатском селище представлены двумя типами: продолговатые в плане наземные постройки столбовой конструкции и землянки подквадратной формы. Наземные жилища имели размеры от 6,6 × 5,3 м до 10,25 × 5,5 м. Внутри жилищ или возле них были открыты различные ямы хозяйственного назначения и очаги. Землянки в одних случаях небольшие по площади, но глубокие, в других — менее глубокие, но большие по площади, имели стены, облицованные хворостом и обмазанные глиной. Ям хозяйственного назначения возле землянок не было обнаружено. На гальштатско-латенском поселении имелись те же два типа жилищ.

В статье Ш. Яншака «Гончарная мастерская эпохи позднего латена в г. Братиславе»⁶ дается описание трех гончарных обжигательных печей, открытых в 1952 г. Одна из печей — глиняная, двухъярусной конструкции с предпечной ямой-топкой — сохранилась почти полностью. Обломки глиняных сосудов, найденные в печи, принадлежат большим толстостенным сосудам темно-серого цвета, орнаментированным желобками. Эту керамику, а следовательно, и печь автор относит к концу I в. н. э. или к несколько более позднему времени.

В номере напечатана еще одна небольшая статья Л. Красковской «Славянский могильник в Карловой Вси возле г. Братиславы»⁷. В 1954 г. на этом могильнике было вскрыто 15 погребений с труположением. Судя по вещам, найденным в погребениях (глиняные сосуды, серьги, бусы), могильник датируется IX в. н. э.

Изложению результатов раскопок на могильниках белобродской культуры посвящены статьи М. Душека, Б. Хрповского и Я. Пастора. В статье М. Душека

¹ L. K r a s k o v s k á. Nález y hlinenej plastiky v Košolnej, стр. 101—106.

² C. A m b r o s. Nález kosti psa z Nitrianskeho Hrádku, okr. Šuran, стр. 107—109.

³ I. B á r t a. Chvaloská jaskyňa a pilinské jaskynné pozrebiská v Juhoslovenskom kraje, стр. 110—121.

⁴ J. P o r u b s k i j. Vyskum na žiarovom pohrebišti zo starej doby železnej vo Veľkých Hostiach okr. Banovce, стр. 122—134; Slovašký mohylník vo Veľkých Hostiach, стр. 222—234.

⁵ J. P a u l i k. Halštátská a halštátsko-látenská osada pri Sereďi, стр. 135—194.

⁶ Š. J a n š a k. Hrnčiarška dielňa z neskorého laténu v Bratislave, стр. 195—221.

⁷ L. K r a s k o v s k á. Slovašské pohrebište v Bratislave — Karlovej Vsi, стр. 235—243.

«Могильник с труположениями X—XI вв. в с. Хотин в Словакии»¹, рассказывает о раскопках грунтовых погребений X—XI вв. Захоронения производились в неглубоких подпрямоугольных ямах, кости лежали на спине, в вытянутом положении, головою на северо-запад. На основании типов вещей, найденных в погребениях (височные кольца, нашивные бляшки, подвески, бусы и пр.), автор статьи разделяет погребения на две группы: славянскую и венгерскую. Венгерские погребения располагаются попеременно со славянскими. Отсюда следует вывод о смешанном, славяно-венгерском характере Хотинского могильника.

Статья Б. Хроповского «Исследование древневенгерского могильника в с. Кошуты (округ Галанты)»² посвящена результатам раскопок 34 грунтовых погребений, из которых три были отнесены к эпохе ранней бронзы, а остальные к X—XI вв. Все погребения X—XI вв. содержали труположения. В погребениях воинов обычно находились и скелеты коней. Исходя из особенностей погребального обряда и характера инвентаря, автор публикации полагает, что все погребения воинов, расположенные, кстати сказать, особняком, принадлежали венграм. В остальных же погребениях имеются как венгерские, так и славянские вещи.

Следует отметить также статью Я. Пастора «Белобродский могильник в с. Сомоторе»³. На этом могильнике вскрыто 35 грунтовых погребений с труположением. Детские и женские захоронения производились в неглубоких ямах. Захоронения мужчин были произведены на глубине до 2 м. По особенностям погребального обряда и типам вещей могильник относится к белобродской культуре и датируется второй половиной XI — первой половиной XII вв.

Интересна статья Ю. Барта «„Неоперская“ пещера и пещера „Каплинская“ в Низких Татрах»⁴. В этих пещерах были обнаружены кострища, а близ них — трепанированные черепа, умышленно разбитые нижние челюсти и другие человеческие кости. Здесь же было собрано много обломков керамики, глиняные пряслица, бронзовые фибулы и другие вещи, относящиеся ко второй половине IV в. н. э. Автор полагает, что пещеры использовались для свершения какого-то загадочного помертвого культа. Аналогичные пещеры того же времени известны и в других местах, в том числе и в Польше (Крашицы).

Номер заканчивается тремя рецензиями, в том числе Я. Эйслера на книгу В. К. Гончарова «Райковецкое городище».

В первом выпуске четвертого номера «Словацкой археологии» за 1956 г. публикуются материалы из раскопок на двух могильниках: позднеаварском возле с. Житавской Тони (В. Будинский-Кричка «Позднеаварский могильник в Житавской Тони»; Э. Влчек «Антропологический материал из Житавской Тони» и Р. Музил «Остеологический материал из могильника в Житавской Тони») и раннеславянском в с. Ступаве (Л. Красковская «Славянский могильник с погребальными урнами в Ступаве») ⁵.

Могильник в с. Житавской Тони находится при впадении в Дунай р. Житавы. Раскопки производились в 1937 г. Было вскрыто 50 грунтовых погребений (труположений), часть из которых содержала довольно богатый инвентарь. Кости лежали на спине, в вытянутом положении, головою чаще всего на восток — юго-восток. Самые богатые погребения принадлежали всадникам. На площади могильника эти погребения располагались двумя отдельными группами.

Вещи, найденные в погребениях (керамика подунайского типа, предметы вооружения, украшения и др.), в подавляющем большинстве случаев представлены типами, хорошо известными среди аварских древностей второй половины VII в. Этим временем и датируется могильник в Житавской Тони. Автор публикации (В. Будинский-Кричка), вслед за Я. Эйслером считает, что могильник в Житавской Тони принадлежал аварскому гарнизону, охранявшему северный берег брода через Дунай у г. Комарно. Поскольку же на могильнике встречается местная славянская керамика и некоторые другие вещи, в том числе ремесленные и земледельческие орудия, автор считает также, что позднеаварское население в Житавской Тони располагалось в славянской земледельческой среде.

При исследовании антропологических материалов из могильника в Житавской Тони, произведенных Е. Влчком, удалось выделить две основные группы населения: европеидную (типы средиземноморский, динарский, северный и кроманоидный) и восточную (типы монголоидный и туранский).

¹ M. Dušek. Kostrové pohrebište z. X. a. XI. storočia v Chotine na Slovensku, стр. 244—263.

² B. Chropovský. Výskum staromadžarského pohrebišťa v Košútoch, okr. Galanta, стр. 264—275.

³ J. Pastor. Belobrdské pohrebište v Somotore, стр. 276—285.

⁴ J. Barta. Jaskyne Netopierska a Kaplnka v Nizkych Tatrách a ich rimske osídlenie s antropologickými nálezmi, стр. 286—301.

⁵ V. Budinský-Krička. Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tóne na Slovensku, стр. 5—131; E. Vlček. Antropologický materiál zo Žitavskej Tóne, стр. 132—154; R. Musil. Osteologický materiál z pohrebiska v Žitavskej Tóne, стр. 155—162.

⁶ L. Kraskovská. Slovanské popolnicové pohrebisko v Stupave, стр. 163—167.

Могильник в с. Ступаве раскапывался в 1953 г. Было вскрыто девять погребений с трупосожжениями в лепных урнах. Никаких других вещей, кроме урн, в погребениях не было. На основании находок подобных урн на других раннеславянских могильниках автор публикации Л. Красковская датирует погребения из Ступавы VI в. н. э. и считает их славянскими.

Второй выпуск четвертого номера открывается статьей И. Паулика «Юго-западная Словакия в позднегалльштатской эпохе»¹. В основу статьи положены материалы из раскопок поселения в г. Середи². В результате изучения этих материалов, а также подобных им из других находок в Словакии, автор приходит к выводу, что на территории юго-западной Словакии в конце галльштатской эпохи существовала особая группа календербской культуры. И. Паулик называет эту группу середской (по названию поселения в г. Середи). В культурном отношении эта группа, как и вся календербская культура, ближе всего к нижнеавстрийским памятникам, что объясняется соседством обеих областей. Отчетливо прослеживаются также и позднелужицкие элементы. В целом же эта культурная группа возникла на местной основе. По мнению автора, она генетически связана с подольской культурой, точнее с хотинской группой этой культуры.

В статье М. Новотной «Галльштатский могильник с трупосожжением в Мужле»³ опубликованы результаты раскопок могильника возле с. Мужле (округ Штурово). На могильнике обнаружены два вида захоронений: трупосожжения в урнах и трупосожжения в ямах. По керамике, найденной в погребениях, могильник датируется ступенью В—С эпохи галльштата (по П. Рейнеке) и относится к хотинской группе памятников.

Очень интересна статья Т. Кольника «Могильник с погребальными урнами позднеримской эпохи и начала эпохи переселения народов в с. Очкове близ г. Пьештян»⁴. На этом могильнике в 1953 и 1955 гг. было вскрыто 57 погребений с трупосожжениями в урнах. Часть погребений располагались друг над другом, что дало возможность уточнить их абсолютную датировку. По инвентарю могильник датируется временем III—V вв. н. э. Исходя из особенностей погребального обряда и типов вещей, автор полагает, что могильник принадлежал славянам. Наличие в погребениях некоторых вещей, характерных для германцев или же степных кочевников, автор объясняет пребыванием здесь квадов, принимавших вместе с паннонскими аланами участие в походе вандалского короля Годигизела на запад в 401 г. н. э.

В номере опубликованы две небольшие статьи О. Пеликана «Голова императора Каракаллы из Словацкого Музея в г. Братиславе» и «Карнунтский рельеф в Городском музее в г. Братиславе»⁵.

Во втором выпуске напечатана также статья В. Ласло⁶. «Проблематика селета», в которой излагается история вопроса и современное состояние изучения этой культуры в Венгрии.

Все статьи, напечатанные в ежегоднике, сопровождаются большим иллюстративным материалом. Основные статьи имеют резюме на русском, немецком, французском и венгерском языках. Ежегодник прекрасно оформлен.

Ю. В. Кухаренко

М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Издательство Академии наук БССР. Минск, 1956, 306 стр. Тираж 2000. Цена 10 р. 60 к.

Президент АН СССР С. И. Вавилов, а за ним и его преемник А. Н. Несмеянов, подытоживая основные достижения советской науки, не раз указывали на примечательную закономерность: новые отрасли наук, дающие наиболее плодотворные результаты, слагаются как творческое сочетание различных дисциплин. Так родились биохимия, геофизика и многие другие науки современности.

Этот же закон с полной силой проявляется и в области общественных наук, в частности в развитии археологии. Речь идет не о включении в археологическое исследование некоторых методов точных наук, которое имеет частное и прикладное значение. Речь идет о применении специальных аналитических методов к целым разделам археологических материалов, осуществляемому специалистами естественных и технических наук. Таковы исследования остеологических раскопочных материалов зоологом, давшие интереснейшие выводы, например, в работе В. И. Цалкина; таковы ис-

¹ J. Pa ul i k. Juhozapadné Slovensko v mladšej dobe halštatskej, стр. 177—212.

² Описание жилищ из этого поселения опубликовано И. Пауликом (См. J. Pa ul i k, Halštatská a halštatsko-latenska osada pri Seredi. Slovenská Archeológia, III, Bratislava, 1955, стр. 135—194).

³ M. Novotná. Halštatské žiarové pohrebisko v Mužle, стр. 213—232.

⁴ T. Kolník. Popolnicové pohrebisko z mladšej doby rimskej a počiatku dobu st'ahovania národov v Očkove pri Piešťanoch, стр. 233—300.

⁵ O. Pelikán. Hlava cisára Caracalla v Slovenskom múzeu v Bratislave, стр. 301—308; Carnuntsky's reliéf v Mestskom múzeu v Bratislave, стр. 309—317.

⁶ V. László. Problematika szeletien, стр. 318—340.

следования находок зерен А. В. Кирьяновым, позволившие реконструировать древнюю историю русского земледелия; такова работа Б. А. Колчина о черной металлургии и металлообработке в древней Руси и др. Работы этого рода образуют ростки новых, связанных с археологией дисциплин, они необычайно углубляют археологическое видение, расширяют познавательные возможности археологического материала и обогащают реконструкцию исторического процесса новыми точными данными. Историко-технологические исследования археологического материала являются многообещающей отраслью науки — археологической технологией.

К кругу таких исследований принадлежит новый труд академика АН БССР проф. М. А. Безбородова «Стеклоделие в древней Руси». Основное содержание книги посвящено изложению и обобщению многочисленных химико-технологических и микроскопических анализов разнообразных видов стеклянных изделий, добытых раскопками древнерусских городов и курганов. Я не компетентен судить об этой стороне исследования, но не могу не откликнуться на эту книгу, как археолог и историк, так как она не может не радовать и не волновать и хочется привлечь к этой книге внимание археологов.

Книга является итогом большого и увлеченного исследовательского труда, о частичных результатах которого археологи могли судить по отдельным заметкам и статьям автора. Однако книга — не простая сводка этих предварительных публикаций. Русский материал значительно переработан и дополнен, а история древнерусского стеклоделия домонгольской поры выступает здесь на широком фоне истории стеклоделия в древнем мире и средневековье. Как в тексте, так и в специальном приложении (стр. 259—296) автор дает сводные таблицы анализов стекла, почерпнутые из обширной зарубежной и русской литературы, изученной и тщательно систематизированной исследователем. Об охвате использованной автором литературы говорит аппарат книги и обстоятельная библиография (стр. 297—304). Этот критический свод анализов облегчит последующие работы по данной теме.

Нарисованная автором широкая историческая панорама (гл. I, стр. 7—91) очень интересна и поучительна; она позволяет читателю ясно ощутить черты общности и своеобразия в технологии русского стеклоделия. Книга М. А. Безбородова вызывает особенное чувство удовлетворения еще и потому, что автор — технолог по специальности — широко использовал историко-археологическую литературу и вел свои исследования в тесном сотрудничестве с археологами. Поэтому, в отличие от многих других работ по истории техники, часто грешивших наивностью исторических рассуждений и ошибками, книга М. А. Безбородова является не только трудом крупного технолога, но и трудом историка.

Кратко осветив положение вопроса о дате возникновения стеклоделия на Руси, которое до недавней поры определялось поздним временем, автор характеризует значение археологических материалов для решения этой задачи, напоминая, что еще раскопки Хойновского и Хвойки в Киеве на рубеже XIX—XX вв. дали основания говорить о развитии русского стеклоделия уже в домонгольское время.

В основу своего исследования автор кладет материал новейших раскопок, в особенности в Киеве и Галиче, где были обнаружены остатки стеклоделательных мастерских (гл. II, стр. 92—106). Основным аналитическим методом автор избирает количественный химический анализ, так как он дает опору для определения локальных и хронологических особенностей стекла. Вторым условием точности выводов является массовость анализов. Так, автор изучил 117 образцов русских стекол XI—XIII вв. (гл. III, стр. 107—115).

Но прежде всего автор впервые исследовал характер самих средств производства русского стекла. Анализ обломков стеклоплавильных тиглей и огнеупорного кирпича для стекловаренных печей принес очень интересные данные. Оказалось, что древнерусские стеклоделы превосходно знали технические свойства глины. Ремесленники Киева использовали для огнеупорных изделий местные пестрые полукислые глины, возможно из месторождения у с. Совки, в 4 км от Киева. По своему качеству древние киевские огнеупоры были близки современным. Любопытно, что огнеупорным оказался и кирпич древнейших зданий Поднепровья X—начала XII вв. Полукислые местные глины использовались для изготовления огнеупоров и галичских мастерами. Опыт в изучении технических качеств глины приобретался многократными огневыми испытаниями ее образцов. Интересно при этом, что более ранние металлоплавильные тигли IV—IX вв. еще не имели тех высоких свойств огнеупоров, какие характеризуют изделия XI в.; последние позволяли вести варку стекла при температуре до 1200° (гл. IV, стр. 116—147).

Основной по значению и объему частью книги является гл. V — «Исследование древнерусских стекол» (стр. 148—250), где изложено аналитическое исследование мозаичных, оконных и посудных стекол, бус и браслетов. В отношении мозаик, помимо установления важнейшего факта изготовления смальты на Руси и смены привозной смальты отечественной, существенна констатация своеобразия технологических качеств мозаики Михайловского Златоверхого (Дмитриевского) собора (стр. 163 и 168) при принадлежности их к общей группе свинцово-кремнеземных стекол (стр. 173—174), химический состав которых был выбран русскими мастерами очень удачно (стр. 179 и 186). Точно так же анализ бус и браслетов установил принадлежность значительной их части к группе калийно-свинцово-кремнеземных сте-

кол, неизвестных в древности и раннем средневековье на Западе (стр. 211) и свидетельствующих об использовании золы местных, русских древесных пород (стр. 189, 192, 206, 212). При этом автор определенно утверждает, что древнерусские стеклоделы XI—XIII вв. пользовались поташем, который, следовательно, производился на Руси уже в домонгольское время (стр. 215), тогда как немецкие стекловары того же времени применяли натуральную буковую золу без переработки ее на поташ (стр. 217). Анализ позволил определить и группу ранних привозных бус и браслетов, характеризующихся наличием натрия в составе стекла (стр. 208 и сл.). Исследование круглых оконных стекол («шайбы») показало наличие и здесь явно русской по своей химической природе продукции, изготовлявшейся в разных мастерских (стр. 148, 227) при помощи выдувания (стр. 229). Те же выводы дает анализ стеклянной посуды (стр. 229—238). Русская рецептура калийно-свинцового кремнеземного стекла, наиболее часто применявшаяся нашими ремесленниками, обладала рядом положительных технологических свойств и физико-химических качеств (стр. 239).

В «Заключении» (стр. 251—268) автор подводит итоги исследования и дает ряд исторических обобщений. Ранние образцы стеклянных вещей из раскопок связаны, видимо, с импортом: это натриево-кальциевое стекло, восходящее к античной рецептуре. Автор устанавливает, что в X—XI вв. происходит смена «античного» состава натриевого («содового») стекла стеклом калиевым («поташным»), когда центры стеклодела перемещаются в Европу и ремесленники переходят от использования природной египетской соды или натривой золы морских растений на калийную золу растений местных (стр. 109, 212—217). В это время развивается и самостоятельное русское стеклоделание, выпускающее продукцию значительного объема. В то же время резко повышается и качество русских огнеупоров (стр. 145). Возможно, что предшественником стеклоделного дела на Руси, в частности наиболее раннего свинцово-кремнеземного стекла, было эмалевое производство. Калиево-свинцовый состав является локальной особенностью большинства древнерусских стеклянных изделий домонгольской поры, по древнерусские мастера знали четыре вида состава стекла для разных изделий (стр. 266—267). Можно также предположить, что русские мастерские были двух типов: одни были достаточно сильны, чтобы осуществлять производственный процесс полностью, другие работали на полуфабрикатах, доставлявшихся из мастерских первого типа.

Таковы основные пути и результаты исследования М. А. Безбородова, обогащающие наши знания о древнерусском стеклоделании, которое теперь рисуется нами несравненно конкретнее и детальнее, чем это было возможно до историко-технологической разработки археологического материала.

Следует сказать, что исследование вносит вклад и в решение более общих исторических вопросов. Дата начала и быстрого развития русского стеклодела — X—XI вв. — весьма знаменательна. Это дата возникновения и роста древнерусских городов, дата крутого подъема в развитии древнерусского ремесла в целом. Таким образом, казалось бы «узкая» историко-технологическая тема приобретает большой принципиальный интерес для исторической науки.

Хочется отметить и развить одно частное наблюдение автора относительно сомнительности сообщения Киево-Печерского патерика о привозе из Византии «мусии», т. е. мозаичной смальты для убранства «великой церкви» Лавры. Это сообщение находится в противоречии с археологически установленным фактом местного производства смальты в это время, что подтверждается химическим анализом (стр. 155, 158, 258). Это наблюдение автора вносит новый штрих в характеристику провизантийской тенденции авторов Патерика, отмеченной при анализе его историко-архитектурных данных¹. Таким образом, историко-технологическое исследование может дать опору и для решения далеких от технологии историко-культурных вопросов.

Следует подчеркнуть значение работы М. А. Безбородова и для дальнейшего развития исследований подобного рода. Я полагаю, что этот труд может быть признан в известной мере образцом исследования в области археологической технологии или истории техники. Он характеризуется широтой научного построения, сочетаемой со скрупулезной точностью, строгой научной объективностью, исключающей возможность ложно-патриотических увлечений и искажений, к сожалению, характерных для многих историко-технических работ. Думаю, что именно так и в таком направлении должны разрабатываться работы и в Институте истории естествознания и техники АН СССР, которые пока заставляют желать много лучшего.

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы столь плодотворно начатое М. А. Безбородовым исследование древнерусского стеклодела не остановилось на этой книге. Очень важно, чтобы подобным же образом были изучены некоторые другие виды древнерусских изделий, в частности, огромное разнообразие русской майолики — поливной посуды, цветных майоликовых половых плиток и т. п. Совершенно необходимо, чтобы автор продолжал эти исследования, они драгоценны и для историков, и для археологов, и для технологов. Думаю, что его труд встретит большой интерес и положительную оценку не только нашей, но и зарубежной науки.

Н. Н. Воронин

¹ Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. Тр. ОДРЛ, т. XI, Л., 1955.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

(К пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной и общественной деятельности)

25 января общественность Москвы отметила пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие научной и общественной деятельности члена-корреспондента АН СССР, почетного члена Академии наук Узбекской ССР Сергея Павловича Толстова.

С. П. Толстов, выдающийся советский этнограф и археолог, крупнейший специалист по истории народов Средней Азии, родился 25 января 1907 г. С 1923 по 1930 г. он учился сначала на кафедре антропологии физико-математического ф-та, а затем на историко-философском факультете Московского университета. Одновременно он работал в Московском областном музее. Первые свои труды С. П. Толстов посвящает этнографии русского народа и народов Поволжья. В 1927 г. была напечатана в журнале «Этнография» его первая научная статья «Русские крестьянские постройки». В начале 30-х годов С. П. Толстов выступает с рядом теоретических статей: «К проблеме аккультурации» (Этнография, 1930, № 1—2), «Проблемы родового общества» (Советская этнография, 1931, № 3—4) и др. В 1934 г. С. П. Толстов окончил аспирантуру МИФЛИ и ГАИМК по специальности история и археология Средней Азии. После окончания аспирантуры С. П. Толстов работает в Музее народов СССР, а затем заведующим Московским отделением ИИМК. Кроме этого, он ведет большую педагогическую деятельность в Московском государственном университете и в других вузах столицы.

В 1937 г. он работает в Хорезмском оазисе. Изучение увлекательнейшей и богатейшей культуры древнего Хорезма, которое продолжается в течение 20 лет, стало главным делом Сергея Павловича.

В июле 1941 г. С. П. Толстов уходит на фронт в ряды народного ополчения. После ранения в 1942 г. С. П. Толстов назначается директором Института этнографии АН СССР и бессменно руководит им до настоящего времени. В 1942 г. С. П. Толстов защитил докторскую диссертацию «Древний Хорезм». Этот труд, опубликованный в 1948 г., был удостоен Сталинской премии.

В 1949—1954 гг. С. П. Толстов совмещает работу в Институте этнографии с должностью ученого секретаря Президиума АН СССР. В 1943—1945 гг. он работает деканом исторического ф-та МГУ, до 1952 г. заведует кафедрой этнографии. С. П. Толстов является главным редактором журнала «Советская этнография». Много труда и энергии отдает С. П. Толстов работе в ВАК и Большой Советской Энциклопедии.

После войны возобновила свою работу Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Огромная работа, проделанная большим коллективом исследователей, которым руководит Сергей Павлович, дала науке весьма широкое представление об истории и культуре древних обитателей низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Открыто и раскопано множество городищ, замков, стоянок, могильников, сторожевых башен и караван-сараев. Открыты стоянки древнейших обитателей Хорезма — носителей кельтеминарской культуры. Установлено время сложения рабовладельческого общества и дана его социально-историческая характеристика. Блестящие раскопки на Тэ-прак-кале, ставшие широко известными как в СССР, так и в зарубежной науке, пролили свет на материальную культуру, искусство, письменность, строительное дело, быт и социальную организацию общества древнего Хорезма. Исследования средневековых памятников позволили С. П. Толстову нарисовать картину исторического становления феодализма и выяснить истоки того могущества, которое Хорезмская держава достигла накануне монгольского нашествия.

В последние годы большое внимание уделяет Сергей Павлович проблеме заселения и исторических судеб территории, прилегающей к древнему руслу Узбоя и Сарыкамышской котловине. Открыто множество стоянок неолита и эпохи бронзы. Эти исследования С. П. Толстова имеют большое значение и для географической науки.

Открытия, сделанные в Хорезме, имеют огромное значение не только для советской, но и для мировой науки. Они помогают разрешить ряд важнейших проблем исторической науки. Так, исследования С. П. Толстова показали, что народы Средней Азии прошли через стадию антично-рабовладельческого общества, что разобла-

чает буржуазные концепции о «неполноценности» исторического развития народов Азии, об их исконной застойности.

Огромное значение имеют работы С. П. Толстова в области изучения древней ирригации Средней Азии. Эта тема тесно связана с общей исторической периодизацией. С. П. Толстову удалось доказать связь расцвета и упадка ирригационного строительства с социальными и политическими явлениями. Важнейшей заслугой С. П. Толстова является разработка периодизации истории народов Средней Азии. Выступления С. П. Толстова на различных теоретических дискуссиях и конференциях, огромный труд по редактированию самых разнообразных научных работ свидетельствуют о необычайной широте взглядов и об огромной эрудиции ученого, который не замыкается в рамках узких тем и проблем. Истинный новатор в науке С. П. Толстов создал целый ряд широких исторических обобщений.

Список печатных работ С. П. Толстова опубликован в специальной брошюре, выпущенной к юбилею.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ЯПОНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

Начало развития археологии в Японии относится к XVIII в., когда представители интеллигенции того времени под влиянием научных работ китайских ученых проявили возрастающий интерес к остаткам прошлого. Однако настоящие археологические исследования появились лишь после 1865 г., когда Генри фон Зибольд выступил со своими монументальными работами «Очерки по археологии» и «Заметки по археологии Японии со специальным обзором по каменному веку».

Под руководством европейских ученых большой вклад в развитие японской археологии внесли ученые Сикитанэ Нинагава и Кохэй Канда. Дальнейшим стимулом для развития археологии послужило открытие в 1877 г. Эдуардом С. Морзе раковинных куч близ Омори. Эта находка вызвала в Японии еще больший интерес к доисторической культуре.

В 1884 г. доктор Масагоро Цубои и его сотрудники по Токийскому университету основали Антропологическое общество; с 1886 г. Общество начало издавать собственный журнал. В 1895 г. доктор Енэкичи Миякэ и его коллеги основали Археологическое общество, которое в следующем году приступило к изданию своего журнала.

Археология в Японии была поднята до современного научного уровня благодаря работам доктора Киотского университета Хамада. В своих известных «Сообщениях об археологических изысканиях», которые начали выходить с 1917 г., он с большим знанием дела показал, как надо проводить археологические исследования и обрабатывать полученный материал. Достижения археологов Киото побудили ученых Антропологического института при Токийском университете начать изучение доисторической культуры в Восточной Японии.

Появившийся в 10—20-х гг. XX в. острый интерес к древней культуре продолжал возрастать вплоть до настоящего времени. В различных местах страны были организованы многочисленные научные объединения, которые способствовали популяризации науки. Самой большой известностью пользовалось, пожалуй, Общество по изучению археологии (в дальнейшем — Токийское археологическое общество), созданное в 1927 г. молодыми археологами Токио. Исследовательский институт доисторической культуры Ояма был организован примерно в то же время известным археологом Касива Ояма. Археологическое общество, основанное в 1937 г. учеными Киото под руководством доктора Хамада, также явилось важным объединением. В 1941 г. Токийское археологическое общество было распушено и вместо него было организовано более влиятельное Общество древней японской культуры.

Многолетние исследования японских археологов сделали возможным создание периодизации древних культур Японии. По этой периодизации выделяются следующие эпохи:

1. Период Дзёмон (неолит).
2. Период Яёи (употребление каменных, бронзовых и железных орудий).
3. Прото-исторический период курганов.
4. Исторический период (с VI — VII вв. н. э.).

Культура Дзёмон была культурой охотников и рыболовов. Для периода Яёи характерно развитие племен, занимавшихся сельским хозяйством. После второй мировой войны эта периодизация была дополнена еще одним периодом, названным «до-дзёмонским», или «докерамическим» периодом. Таким образом, всего выявлено пять периодов древней японской культуры.

Изучение древней культуры других стран Восточной Азии было начато японскими исследователями с 1895 г., вскоре после японо-китайской войны, но темпы работы в этой области стали расти лишь после окончания русско-японской войны.

¹ Данное сообщение профессора Токийского университета Намио Эгами опубликовано в журнале «The Oriental Economist», 1956, т. XXIV, № 544. Перевод печатается с сокращениями.— *Ред.*

Интенсивные исследования проводились в Корее, Южной Маньчжурии, Восточной Монголии, на Тайване, в Восточной и Западной Маньчжурии, Внутренней Монголии и в Центральном и Северном Китае. Наиболее видными исследовательскими организациями, принимавшими участие в изысканиях, были Дальневосточное археологическое общество, Академия восточной культуры, Маньчжуро-японское общество культурных связей и Институт по изучению восточной культуры.

Результаты работы были собраны в пятнадцатитомном «Атласе древних находок в Корее» и в других сообщениях, за которые руководитель работ доктор Тэй Сэкино получил премию от Французской академии. Дальневосточное археологическое общество, организованное в 1927 г. учеными Токийского и Киотского университетов, провело раскопки различных памятников в Маньчжурии и Внутренней Монголии, относящихся к периоду от каменного века до эпохи Юань. Это общество опубликовало свои открытия в двух сериях «Археологии Востока».

Академия восточной культуры провела обширные исследования императорских курганов, храмов и буддийских статуй периода правления династии Ляо и Цзинь (X—VIII вв.) в Северо-Восточном и Северном Китае. Она обследовала также остатки несторианского монастыря во Внутренней Монголии, обнаружив подтверждения существования первой католической церкви в Азии, основанной в XIV в. архиепископом Монте Корвино. Институт по изучению восточной культуры с 1938 г. провел семь экспедиций в буддийские пещеры Юнь-Ган в Северном Китае. Эти экспедиции, являющиеся наиболее полными из экспедиций подобного рода, привлекли всемирное внимание. Результаты были опубликованы в пятнадцатитомной работе Сэйити Мидзуно и Тосио Нагахиро «Юнь-Ган».

Маньчжуро-японское общество культурных связей совместно с Токийским и Киотским университетами обследовало руины древних горных укреплений в Восточной Маньчжурии, выстроенных во времена Когурё (начало нашей эры—VII в. н. э.). Руководители экспедиции доктор Хироси Икэути и доктор Суэдзи Умэхара опубликовали полученные результаты в специальном издании «Тун-гоу» (2 тома). Экспедиция этого общества ознакомилась также с императорскими могилами династии Ляо в Восточной Монголии; описание их дано в двухтомной работе доктора Дзицудзо Тамура и Юкио Кобаяси «Могилы и стенная живопись Цин-лин».

Таким образом, японские ученые приняли большое участие в археологических изысканиях и исследованиях в Восточной Азии, в частности в Корее, Монголии, Северо-Восточном и Северном Китае. Окончание войны на Тихом океане положило конец продвижению японской археологии в этом направлении.

После Второй мировой войны с особой силой проявился интерес к археологии со стороны простого населения. По всей стране были возобновлены археологические исследования. Были обследованы знаменитые местонахождения культуры Яёи и Торо (префектура Сидзуока). Японский парламент признал научное значение этих исследований и выделил на них значительные бюджетные ассигнования.

К сожалению, бесценными реликвиями прошлого, которые следовало поместить в музеи, завладели дилетанты. Кроме того, по незнанию было уничтожено много предметов, имевших огромное значение для ученых. Для исправления этого положения создана Японская археологическая ассоциация, задача которой состоит в том, чтобы объединить усилия всех исследователей. Эта организация следит за проведением раскопок на научной основе.

Японская археологическая ассоциация охватывает несколько специальных комиссий, которые изучают такие древние культуры, как Дзёмон, Яёи и курганный период. Одна из комиссий всецело занята изучением находок в Торо. Эксперты по архитектуре, биологии и географии присоединились к работе археологов. Было открыто поселение целой общины с жилищами, складскими строениями и рисовыми полями, которое дает возможность воссоздать ясную картину жизни наших предков. Итоги первых лет работы изложены в двухтомном издании «Торо». Следует назвать также следующие достижения японских археологов.

1. Была открыта докерамическая культура до-дзёмон различных ступеней развития в районах Канто, Тюбу и Хоккайдо, что дает веское основание предполагать существование в Японии культуры палеолита и мезолита.

2. Была принята пятистадийная классификация для культуры Дзёмон и детальная разработка каждого периода компетентными специалистами. Во время тщательного изучения самого раннего периода было обнаружено существование двух отдельных культур. Для одной из них характерны глиняные изделия с зигзагообразными узорами, нанесенными острием раковин, и с линейными узорами, сделанными лопаточкообразным орудием, часто находимым в Восточной Японии. Другая культура характеризуется керамикой с узорами типа извилистых нитей и со штампованным орнаментом, обнаруженной в Центральной и Западной Японии. Первая культура дает возможность предполагать раннее взаимное общение между Японией и районами, где процветали культуры гребенчатой керамики (Сибирь и Балтийское побережье).

3. Открыты мегалитические остатки в районе Тохоку. В частности, каменные круги, найденные в г. Ою (префектура Акита), были настолько больших размеров, что они привлекли внимание экспедиции Комитета по охране культурных ценностей. Более того, каменные пирамиды с каменными кругами, найденные на о. Хоккайдо,

дают возможность предполагать существование общения между о. Хоккайдо и Сибири, где часто обнаруживаются подобные остатки.

4. На о. Кюсю открыты захоронения урн, принадлежащих к культуре Яёи, которые были окружены дольменами. Факт нахождения аналогичных могил в Южной Корее подтверждает существование культуры дольменов, связывавшей северные районы о. Кюсю с Южной Кореей.

5. Проведено тщательное изучение курганного периода, который теперь может быть подразделен на три периода. Исследования показали, что в первом и втором периодах погребения производились в углубленных каменных камерах; в третий период наблюдается развитие камер с переходами (коридорами). Из круглых курганов с примыкающими прямыми дворами более других заслуживают упоминания мавзолей императоров Одзина и Нинтоку. Мавзолей Одзина имел площадь в 1433 960 м². Его строили тысячи человек в течение четырех лет.

6. Открыта тайная сокровищница в пятирусной пагоде храма Хорюдэи и тщательно изучены мумии Фудэивара Киёхара, Мотохира и Хидэхира в храме Тюсондэи в Хирандэуми. Были обследованы древние местонахождения общин в районах Тохоку и Хоккайдо, где сохранились оборонительные сооружения.

7. Обнаружена картинная роспись на камнях в пещере Фаггоппе около Отару на о. Хоккайдо, изученная в связи с другими росписями, найденными в пещере Тэмия в Отару (начало эпохи Мэйдзи).

Осенью 1956 г. в Иран и Ирак должна отправиться самая большая из когда-либо намечавшихся японских экспедиций. Она будет искать следы наших отдаленных предков, которые после многих сот тысячелетий кочевой жизни охотников и собирателей перешли к оседлости, чтобы заниматься земледелием и скотоводством. Это может пролить свет на ранний период мировой цивилизации, и тогда экспедиция, руководимая Институтом по изучению восточной культуры при Токнэйском университете, осуществит давнишний мечту японских археологов.

В маршрут экспедиции входит г. Мосул (Ирак), к западу от которого расположено несколько тепе (там в течение двух месяцев будут производиться раскопки), Сирия, Ливан и Иран.

Намечаемая экспедиция свидетельствует о стремлении Японии присоединиться к исканиям лучших мировых умов, работающих над решением важного научного вопроса.

Намио Эами

1 СЕССИЯ АРХЕОЛОГОВ КНР

С 21 по 27 февраля 1956 г. в Пекине состоялась I сессия археологов КНР, организованная Академией наук и Министерством культуры КНР, в которой приняли участие археологи, историки, преподаватели археологии в университетах, историки материальной культуры и др. — всего 180 человек из Пекина и 21 провинции. С основными докладами выступили президент Академии наук Го Мо-жо и заместитель министра культуры, директор Института археологии АН КНР Чжэн Чжэнь-до; кроме того, было заслушано и обсуждено 26 докладов о результатах полевых археологических экспедиций.

Сессия подвела итог археологических работ за шесть лет после образования КНР (1949—1955). Большая часть докладов была посвящена основным достижениям китайских археологов, давших новые материалы по всем периодам древней истории Китая.

Помимо остатков синантропа, найденных в пещере Чжоукоудянь, (район г. Пекина), обнаружены окаменевшие кости человека периода палеолита вместе с более чем двумя тысячами каменных рубил в д. Динцунь (уезд Сяньфэнь провинции Шапсы). Подобные находки были сделаны в местечке Хуаншаньцзи (район г. Цзыяна в провинции Сычуани) и в Цилиньшани (р-н г. Лайбиня в провинции Гуанси). Эти находки доказывают, что в период палеолита расселение человека в Китае не ограничивалось районом Чжоукоудянь и Ордоса и еще раз подтверждают теорию Энгельса о происхождении человека.

Новые неолитические находки за последние шесть лет обнаружены на обширной территории, доходящей на востоке до провинции Гирич, на западе — до Синьцзяна, на севере — до Внутренней Монголии и на юге — до острова Хайнань. Эти данные уточняют вопросы периодизации и распространения культуры неолитического периода. Китайские археологи многого достигли и в технике работ, раскапывая целые поселения неолитического периода. Например, на месте стоянки в деревне Баньлюцунь (г. Сиань) в течение двух последних сезонов нашли расписную глиняную посуду, много каменных полированных топоров, костяных игл и рыболовных крючков и др.; один из сосудов был наполнен зернами чумизы, являющейся и сейчас важной сельскохозяйственной культурой северного Китая. Ученым удалось установить общий вид древнего

поселения, существовавшего 4 тыс. лет назад, и отдельных жилых помещений, что представляет ценный материал для изучения первобытно-общинного строя в Китае.

Образ жизни иньского общества (II тысячелетие до н. э.) становится значительно яснее благодаря раскопкам древних поселений в г. Чжэнчжоу и гробниц в г. Аньяне. В Эрлигане (р-н г. Чжэнчжоу) найдены формы для литья бронзы, остатки гончарных печей и площадки, где производились костяные орудия. В д. Угуань (г. Аньян) был вскрыт крупный могильник с большим количеством погребений. В д. Дасьжуи (г. Аньян) и в народном парке г. Чжэнчжоу был раскопан целый ряд могил иньского времени. Все это еще более уточняет наши представления об общественном строе рабовладельческого общества и технике производства.

В гробницах Западного Чжоу (XII—VIII вв. до н. э.) в Доумынчжэне (г. Сиань) и в Яньдуншани (г. Даньту) найдено множество бронзовых предметов, среди которых один с надписью более чем в 100 иероглифов. Эта находка является важным дополнением к материалам по истории периода Чжоу.

Раньше бронзовые находки почти все расхищались, попадали к антикварам и прежде чем дойти до исследователя несколько раз переходили из рук в руки, поэтому оставалось неясным, из какого культурного слоя извлечена та или иная вещь, а также не сохранялись предметы, обнаруженные вместе с ней, что наносило большой ущерб науке. В настоящее время положение совершенно изменилось благодаря правильной методике полевых исследований, применяемой китайскими учеными.

За шесть лет найдено большое количество железных предметов эпохи «Воюющих Государств» (V—III вв. до н. э.). В Синлуне (провинция Жэхэ) обнаружены формы для литья железа, в уезде Хуйсянь, в Чанша, Аньшани и других местах — сельскохозяйственные орудия, по которым можно судить об уровне развития производительных сил того времени. Изделия художественных ремесел из захоронений эпохи Чжаньго в Хуйсяне, Чанша, Чанчжи и Лояне являются ценным материалом для истории искусства Китая. При раскопках в Люйге (уезд Хуйсянь) были найдены скелеты лошадей и отпечатки сгнившего дерева — следы 19 повозок. При тщательном изучении остатков удалось восстановить первоначальный вид этих повозок, являющихся ценным материалом для изучения средств передвижения того времени.

Огромно количество ханьских погребений (III в. до н. э.—III в. н. э.). Известно свыше ста могил с массовыми захоронениями, найденных в Сиани, Лояне, Аньшане, Чанша и других местах. После упорядочения и изучения материалов могильников можно будет определить их хронологическую последовательность и внести уточнения в историю развития материальной культуры, а также установить характер изменения в экономике и общественных отношениях того времени. В самые последние годы начаты раскопки городов и поселений периода Хань. В г. Лояне в культурных слоях этого времени уже в течение двух сезонов ведутся археологические работы, в результате которых удалось откопать древние городские стены и даже жилища, амбары, колодцы, дороги и различные предметы ханьского времени. В местечке Саньдао (г. Лоян) раскопаны остатки поселения периода Западных Хань, в котором сохранилось 5 зданий, 11 колодцев, 7 гончарных печей, 2 мощные камнем дороги. Число всех извлеченных предметов превышает 100 000. Несмотря на то, что большая часть повреждена, изучение их в сочетании с другими историческими памятниками может дать представление о жизни деревни, технике обработки полей, обжиг кирпича и т. п. Эти остатки жилищ дают богатый материал для изучения жизни народа.

Немало было изучено и памятников последующих периодов.

Что касается археологических работ в национальных районах, то в 1953 г. была организована разведывательная археологическая экспедиция в Уйгурский автономный район (Синьцзян). Она собрала много новых данных для сравнительного изучения вопроса о расселении людей на этой территории в древности и сейчас. В автономном районе Внутренней Монголии недавно обнаружены стоянки периода палеолита. В Суйдуне, Эрлане, Хэгоу в древних могилах найдено «ордосское» оружие, бронзовые предметы (зеркала) периода конца Западных Хань. Возможно, что это был район захоронения гуннов. В уезде Пань (провинция Гуйчжоу) есть новые находки каменных орудий. В Пиинине (провинция Юньнань) раскопано ханьское погребение, принадлежавшее женщине, погребенной в сидячем положении, вероятно, вождю племени. Среди вещей, находившихся при ней, сохранилось несколько бронзовых барабанов, аналогичных находимым во Вьетнаме, бронзовые двусторонние зеркала (эпохи Западных Хань) и бронзовые статуэтки, изображающие различные трудовые процессы. Все эти материалы очень ценны для изучения древней истории национальных районов.

Таковы важнейшие итоги шестилетних полевых археологических работ в Китае. Кроме того, на сессии был обсужден и утвержден перспективный план археологических работ на 12 лет.

После сессии каждый из ее участников уверенней и решительней будет продолжать свою работу. Под руководством партии и правительства ученые приложат все усилия к тому, чтобы китайская археология за 12 лет достигла уровня передовой мировой науки.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЭТНОГЕНЕЗУ КИРГИЗОВ

Во Фрунзе 10—14 ноября 1956 г. состоялась сессия, посвященная происхождению киргизов, организованная Институтом истории Академии наук Киргизской ССР при участии ИИМК и Института этнографии АН СССР.

В работе сессии участвовали ученые Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Якутии, Бурят-Монголии, Хакассии, Тувы, Алтая и Татарии. Сессия собралась после завершения работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции (1953—1955).

На сессии было заслушано 12 докладов. В докладе академика АН Киргизской ССР Б. Д. Джамгерчинова «Значение и задачи изучения проблемы этногенеза киргизского народа» были освещены основные теоретические вопросы этногенеза киргизов, показана роль исторической, археологической, этнографической, антропологической и языковедческой науки в изучении этногенетического процесса. Докладчик дал принципиальную критику расистско-империалистических концепций в освещении истории народов Азии, ставших на путь самостоятельного развития.

А. Н. Бернштам в докладе «Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа» выдвинул тезис о прямом родстве киргизов на Енисее в VI—VIII вв. и киргизов Тянь-Шаня и об общности их древней культуры. Процесс «накопления» монголоидных элементов в Средней Азии для докладчика означал «накопление» здесь тюркоязычных, т. е. киргизских элементов. Особенно бурно тюркские элементы начали проникать на Тянь-Шань в связи с гунскими походами с 49 г. до н. э., когда киргизы якобы попали в среду усуней. Киргизы появлялись на Тянь-Шане неоднократно и позднее, но все эти переселения не были достаточными для образования киргизской народности на Тянь-Шане. Процесс этногенеза киргизского народа докладчик делит на два этапа: первый этап протекал на Енисее, где потом произошел распад киргизской народности; второй этап протекал на Тянь-Шане, где произошло второе рождение этой же киргизской народности. После киданьского и монгольского завоеваний киргизы ушли в горы. Только в XVI в. они получили возможность консолидации.

В докладе Ю. А. Заднепровского «Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа» был сделан вывод, что все археологические памятники юга Киргизии не имеют отношения к киргизской истории и никаких следов пребывания киргизов на юге до XVI в. в археологическом материале нет.

Большой интерес вызвали доклады С. М. Абрамзона «Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии» и Е. И. Маховой «Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза». Докладчики отвергли попытки приравнять киргизов Енисея с киргизами Тянь-Шаня, ибо такой подход не учитывает тысячелетие, разделявшее историю этих двух народов. С. М. Абрамзон высказал мнение о не этническом, а политическом значении термина «киргиз» на Тянь-Шане в некоторые исторические периоды.

Доклад С. В. Иванова «Орнамент киргизов как этногенетический источник» был первой попыткой научно систематизировать киргизский орнамент, аналогии которому охватывают очень большую территорию — от Кавказа до Забайкалья.

В. С. Виноградов сделал доклад «Киргизское народное музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов», в котором показал связь музыкального искусства киргизов с другими народами, в том числе и с центрально-азиатскими.

Вопросам антропологического изучения древнего и современного населения Киргизии были посвящены доклады Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Миклашевской. Современный антропологический тип киргизов характерен для Центральной Азии. Он близок к монголам и бурятам. Палеоантропологический материал показывает, что вплоть до XIII в. н. э. на территории Киргизии преобладало европеоидное население древнего сако-усуньского происхождения. Монголоидные элементы начали проникать на рубеже новой эры. Современный антропологический тип сложился только после XIII в., и он в основном является пришлым из Центральной Азии.

Академик АН Киргизской ССР И. А. Батманов в докладе «Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа» отметил значительную близость киргизского языка к горно-алтайским.

В. А. Ромодин сделал доклад «Письменные источники как материал для изучения этногенеза киргизов». Он указал, что все самые осведомленные авторы подробно говорят только о киргизах на Енисее. Источники не дают оснований утверждать, что на Тянь-Шане были такие же киргизы, как и на Енисее.

Из выступавших в прениях никто не поддержал основную идею концепции А. Н. Бернштама о культурной и этнической общности енисейских и тяньшаньских киргизов. Отмечалось, что нельзя привлекать к решению проблемы этногенеза киргизов слабые монголоидные элементы, наблюдаемые в антропологическом типе андроновцев. Указывалось также, что археологически невозможно проследить наличие в III—I вв. до н. э. значительного тюркского населения в среде усуней и кангюй. Тюркское проникновение на Тянь-Шань и в Семиречье документируется появлением погребений алтайского типа, которые до VI в. н. э. здесь не известны. Отождествле-

ние любых тюрков с киргизами неправомерно. Неясные упоминания киргизов в X в. (Истахри, Худуд ал-Алем) не могут служить прочным основанием для какой-либо концепции. В прениях отмечалось, что появление алтайского типа погребений на Тянь-Шане и в Семиречье не привело к ликвидации местной археологической культуры. Курганы X—XIII вв. все еще носят черты древне-усуньской традиции, а население антропологически существенно отличается от современных киргизов.

В резолюции, принятой сессией, отмечается взаимодействие двух этнических элементов — центрально-азиатского и средне-азиатского. Указывается, что один из важнейших моментов этногенеза киргизов связан с событиями первой половины II тыс. н. э., когда на территорию Киргизии проникают большие массы предков современных киргизов. Вопрос о том, были ли отдельные группы киргизов на Тянь-Шане в I тыс. н. э. и в более раннее время, остается дискуссионным. Ставится задача усиленных поисков памятников II тыс. н. э., а также организация Монголо-Синьцзянской комплексной экспедиции.

Л. П. Зяблин

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

17—23 декабря 1956 г. в Казани состоялась конференция, посвященная археологии, древней и средневековой истории Поволжья. В ней участвовали археологи и историки гг. Астрахани, Горького, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Куйбышева, Ленинграда, Молотова, Москвы, Саранска, Саратова, Свердловска, Сталинграда, Таллина, Ульяновска, Уфы и Чебоксар.

Открывая конференцию, академик А. Е. Арбузов указал на ту огромную роль, которую играла Волга в жизни народов Восточной Европы.

В большой речи чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков подчеркнул важность изучения археологии Поволжья для решения многих исторических проблем. Необходимо изучение таких вопросов, как смещение бронзовых культур в Поволжье, движение венгров, структура и история Золотой Орды и т. д. Б. А. Рыбаков выдвинул ряд конкретных задач: сплошная разведка, изучение топонимики, усиление охраны памятников. Он рассказал о намечаемом издании «Корпуса археологических источников СССР».

С докладом «Неолит Среднего Поволжья» выступил А. Х. Халиков. Докладчик привел материалы второй Р. Луговской стоянки, которую он относит к мезолиту и сопоставляет с памятниками Борки, Елин Бор и Нижнее Адишево. Материал Среднего Поволжья III тысячелетия до н. э. близок к камским неолитическим культурам. К концу III — началу II тысячелетия до н. э. докладчик относит появление западных культурных элементов. Энеолитические памятники Среднего Поволжья, генетически связанные с предшествующими культурами, распространяются в первой половине II тысячелетия до н. э.

В докладе О. Н. Бадера «Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье» была обрисована в общих чертах неолитическая культура Прикамья. Докладчик охарактеризовал племена этой культуры как племена особой культурной группы стоявшие на стадии патриархально-родовых отношений. Энеолитическая культура Прикамья генетически близка предшествующим мезолитическим памятникам той же территории. В начале энеолита произошел сдвиг племен на запад. В пору расцвета энеолита отмечаются интенсивные связи с Зауральем. Нижнее Прикамье в начале эпохи бронзы относилось к той же культурной области, что и верхнее Прикамье. Во второй четверти II тысячелетия до н. э. в Нижнем Прикамье появились балановские племена, а в середине II тысячелетия — срубные. Докладчик высказал тезис о сложении основного ядра ананьинской культуры в Среднем Прикамье.

Доклад Н. Я. Мерперта был посвящен некоторым проблемам изучения эпохи бронзы в Поволжье. Взаимоотношение лесной и степной групп племен, хронологизация и синхронизация культур, экономическая и социальная структура племен, роль культурных общностей в этногенезе Поволжья — вот основные задачи, которые выдвинул докладчик. Н. Я. Мерперт высказал предположение о связи ямной культурной общности, объясняющейся как перемещением и взаимодействием племен, так и их конвергентным развитием, с неолитической культурой Прикаспия. Докладчик охарактеризовал памятники полтавкинского типа как ранний этап развития срубной культуры. В середине II тысячелетия до н. э. имело место широкое движение срубных племен на север. В сложении абашевской культуры докладчик отметил два компонента — срубный и фатьяновский. Н. Я. Мерперт усматривает причины передвижения срубных племен в несоответствии экстенсивного земледелия росту населения, обусловившем переход к кочевому скотоводству. В прениях была отмечена необходимость сопоставления ямной культуры с «мезолитическими» культурами Нижнего Поволжья и Подонья (И. В. Сеницин) и важность расчленения ямной культуры на локальные варианты (К. Ф. Смирнов).

В. П. Шилов в докладе «Раннежелезный век Поволжья» выделил три большие культурные зоны: ананьинскую (лесную), городецкую (лесостепную) и савромато-сарматскую (степную). Происхождение ананьинской культуры докладчик связал с миграцией племен из восточных районов Приуралья и Западной Сибири. Из общей массы городецких племен выделяются три группы: рязанская, саратовская и муромская. В. П. Шилов указал на преобладание в Саратовском Поволжье андроновского антропологического типа, что указывает на продвижение сюда племен, которое относится к прохоровскому этапу. В прениях отмечалось неоправданное преувеличение докладчиком роли пушной охоты и торговли (А. В. Збруева, Н. Ф. Калинин, В. Ф. Генинг, О. Н. Бадер).

Н. Ф. Калинин в своем докладе «Болгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник» поставил вопрос об одновременности бытования двух стилей надгробий. Морфологические, лексические и диалектические особенности этих стилей Н. Ф. Калинин объясняет наличием диалектов в едином болгарском языке. Тезис об одноязычности памятников XIII—XIV вв. вызвал возражения (В. Д. Дмитриев).

Доклад А. П. Смирнова был посвящен проблемам позднего железного века Поволжья. Докладчик остановился на истории болгарского переселения на Среднюю Волгу. По происхождению болгары — сармато-аланские племена, по языку — тюрки. К X в. А. П. Смирнов относит сложение феодального государства Волжской Болгарии. В спорном вопросе о буртасах докладчик отдал предпочтение локализации их в IX—X вв., предложенной Б. А. Рыбаковым. А. П. Смирнов отметил, что высокая культура Золотой Орды, изучение которой незаслуженно заброшено, является показателем высоких достижений культуры Руси, Хорезма и волжских болгар.

Доклад Н. И. Воробьева дал большой материал по истории расселения казанских татар в XV—XVIII вв. и культурных связей их с соседями.

На заседаниях секции неолита, бронзы и раннего железа было заслушано 12 докладов. Проблемы палеолита и мезолита на Волге были подняты в докладе О. Н. Бадера. Первичное заселение Поволжья докладчик относит к ашельской эпохе. В мустьерское время Поволжье было освоено человеком до р. Чусовой. Во второй половине мустьерского периода в связи с максимальным оледенением неандертальское население отступило на юг, что вызвало смешение неандертальских популяций и явилось одним из факторов ранней сапиентации неандертальцев именно на юге Европейской части СССР. Докладчик относит камские памятники верхнего палеолита к сибирской культурной общности, а окские — к европейской. Характер камской мезолитической культуры сближает ее с мезолитом Прикаспия и Причерноморья. О разведках палеолита на Средней Волге (Ундорье, Красная Глинка, Тунгуз, Переволоки) доложила З. А. Абрамова. Доклад «Культура поздней бронзы Прикамья» сделала А. В. Збруева. Признавая роль турбинских племен в сложении локальных вариантов ананьинской культуры, докладчик отметил ведущую роль в этом процессе племен Нижнего Прикамья эпохи поздней бронзы, имевших собственный металлургический центр. Доклад И. В. Синицина был посвящен поселениям родового общества бронзовой эпохи на Нижнем Поволжье. Стоянки времени ямной культуры были еще очень кратковременны и малочисленны. В срубную эпоху повсеместное распространение поселений говорит о значительном росте населения. Комплекс находок позволяет проследить генетическую преемственность племен срубной культуры от ямной. В докладе А. Х. Халикова «К вопросу о приказанской культурной общности» дается попытка периодизации этой культуры. Приказанская культура, по мнению докладчика, сложилась на основе местных неолитических племен под сильным воздействием абашевской, фатьяновской и срубной культур. О кремневом инвентаре приказанской культуры доложила Л. Я. Крижевская. К. В. Сальников в докладе «К вопросу об абашевской культуре» высказал мнение о единстве баланбашской и чувашской групп абашевских памятников. Докладчик поставил под сомнение тезис об активном участии срубной культуры в генезисе абашевской. Время абашевской культуры докладчик определил третьей четвертью II тысячелетия до н. э. О раскопках могильника балановского типа в с. Таутово, срубного поселения у д. Янмурино и о раскопках на Криушинских дюнах на Волге (Чувашская АССР) рассказала Н. В. Трубникова. Вопрос о распространении культуры змеи в Поволжье в эпоху бронзы был затронут Т. М. Минаевой в докладе о погребении близ станицы Дурновской Сталинградской области. Проблемам происхождения и территории расселения ранних сарматов был посвящен доклад К. Ф. Смирнова. Докладчик считает, что доно-волжские савроматы представляют собой потомков местных срубных племен, в состав которых вошли в виде компонента андроновские племена. К. Ф. Смирнов признает ираноязычность населения Поволжья, предшествующего савроматам, и объясняет это контактом с андроновскими и тазабагьбскими племенами. На керамическом материале и обряде погребений ранних сарматов VII—IV вв. до н. э. устанавливается их генетическая связь со срубной эпохой Поволжья. Южно-уральская группа раннесарматских племен имеет много черт андроновской культуры. О новых археологических памятниках эпохи неолита и бронзы на р. Вятке сообщил В. П. Денисов; на стоянке Буй I им были обнаружены следы жилищ с фатьяновской керамикой; О раскопках стоянки конца II — начала I тысячелетия до н. э. «Моечное озеро» доложила А. Е. Алихова.

На секции средневековья было заслушано 18 докладов. О раскопке Селик-сенского и Рожковского могильников кошибеевского и армиевского типов рассказал М. Р. Полесский. Е. И. Горюнова в докладе «К вопросу о мере» отнесла часть дьяковских памятников к мерянскому племени. Докладчик прослеживает связь мерянских племен с Прикамьем. Доклад А. Е. Алиховой был посвящен выделению локальных и временных вариантов древнемордовской культуры. В. Ф. Генинг сделал доклад «Этнические культуры Прикамья в эпоху железа». Для начала I тысячелетия н. э. докладчик выделяет три группы памятников (гляденовские, пьяноборские и памятники в районе р. Осы). Начало раннего средневековья В. Ф. Генинг связывает с крупными хозяйственными сдвигами. О новых антропологических материалах Прикамья доложила М. С. Акимова. Родановской культуре, ее границам и характерным признакам, был посвящен доклад В. А. Оборина. О городищах и селищах XIII—XIV вв. в Пензенской области рассказал М. Р. Полесский. Он указал на необходимость археологического изучения Наровчат-Мохши. В докладе М. Ф. Жиганова «К вопросу о земледелии Мордвы в XIII—XIV вв.» были приведены данные о раннем появлении плужного земледелия и о высоком уровне сельского хозяйства в XIII—XIV вв. у мордвы. Н. Я. Мерперт в докладе «Древнейшие болгарские племена» выделил раннеболгарский комплекс на основе широкого круга источников: салтовские памятники, памятники середины I тысячелетия в Болгарии, Кайбельский могильник в Поволжье. В докладе А. М. Ефимовой на основании материалов раскопок Сувара, Болгара и Балымер был в общих чертах обрисован процесс ассимиляции местных племен с болгарскими и история сложения феодальных болгарских городов в X в. Интересные материалы о доболгарских и раннеболгарских жилищах привели в своем докладе В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов. О. С. Хованская рассказала об уникальном украшении из Джукетау — изделия болгарского ювелира, сделанном, возможно, по заказу представителя финно-угорского племени. В докладе Г. А. Федорова-Давыдова были приведены новые археологические материалы о проникновении в Южную Чувашию болгар еще в X в. Б. Б. Жиромский осветил на археологических и нумизматических материалах вопрос о походе Булак Тимура и о разорении г. Болгары в 1361 г. Об уникальной находке в Уфе халцедоновой геммы, имеющей иранские аналогии, сообщил П. Ф. Ищеригов. Вопрос о земледелии татар до присоединения к России был посвящен доклад Ш. Ф. Мухаммедьярова. С докладом о фауне именковского городища выступили В. А. Попов и Т. М. Кулаева. О местоположении Булгара в X в. и о картах Поволжья XIV—XV вв. сделал сообщение А. Б. Булатов.

На секции эпиграфики и нумизматики было заслушано 7 докладов. Наибольший интерес вызвал доклад Э. Н. Наджипа «О переводе «Гюлистана» Саади на литературный язык Золотой Орды», посвященный новому источнику по культуре и истории Золотой Орды. Был заслушан доклад Г. В. Юсупова «Булгарско-эпиграфические памятники II стиля». В прениях был вновь поставлен вопрос об этногенезе чувашей и болгар. С докладами выступили А. Б. Булатов и С. С. Нугманов. С. А. Янина и Г. А. Федоров-Давыдов сделали доклад о начале монетной чеканки в Золотой Орде.

На этнографической секции было прочитано 12 докладов. Об исследованиях быта мордвы доложили К. Ю. Марк, Л. М. Сабуров и В. Н. Белицер, удмуртов — Г. Н. Трефилов, марийцев — К. И. Козлова, татар — Г. В. Юсупов, чувашей — Н. Р. Романов и В. Д. Дмитриев, башкир — Г. В. Юсупов. С докладами выступили также Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин и Н. Н. Никольский.

В резолюции, принятой конференцией, отмечалась неравномерность в археологических исследованиях Поволжья, наличие белых пятен на археологической карте, неудовлетворительное состояние охраны памятников, отсутствие комплексного изучения древней истории края, отставание источниковедческого анализа в работах археологов и историков. Был поднят вопрос об организации комплексной этнографической Поволжской экспедиции и о координации этнографических исследований.

Г. Ф.

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК АН СССР в 1956 г.

В 1956 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР было организовано более сорока экспедиций, производивших исследования на территории почти всех союзных республик страны. В работе многих экспедиций принимали участие музеи, научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения.

Основные работы в области палеолита сосредотачивались в районе Костенок. Палеолитическая экспедиция (рук. А. Н. Рогачев) начала исследования четырехслойной стоянки Аносовская II (Костенки XI). Вскрыты остатки слегка углубленного в землю жилища во втором культурном слое. Деснинская группа (рук. В. П. Левенюк) при разведках по левому берегу р. Десны от г. Брянска до

устья р. Судости обнаружила около ста новых местонахождений эпохи мезолита и неолита. Костенковский отряд (рук. П. И. Борисковский) исследовал позднепалеолитические поселения Костенки II и III. На первой стоянке было расчищено большое скопление костей мамонта. В Костенках III обнаружено три очага, многочисленные кремневые орудия и кости плейстоценовых животных. Разведками открыты следы двух палеолитических местонахождений в Поповом логу. В работах экспедиции принимал участие польский археолог В. Хмелевский.

Раскопки пещеры Фатма-Коба под руководством начальника Крымской палеолитической экспедиции С. Н. Бибикова (ИИМК и Институт археологии АН УССР) и при участии сотрудников Кукрекского отряда (рук. Е. А. Векилова) выявили мощный тарденуазский слой с двумя очажными прослойками и установили наличие азийского слоя. Бахчисарайский отряд (рук. А. А. Формозов) закончил раскопки стоянки в пещере Староселье, исследовал многослойную неолитическую стоянку Кая-Аросы в бассейне р. Качи и произвел разведки на Керченском полуострове, где были обнаружены неолитические и новая мустьерская стоянки.

О. Н. Бадером была найдена новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Клязьме у с. Доброго (близ г. Владимира).

Ставропольская палеолитическая экспедиция (Ставропольский краеведческий музей и ИИМК, рук. В. П. Любин) обнаружила ряд новых древнепалеолитических, верхнепалеолитических, мезолитических и более поздних местонахождений (Кардоник, Яворы и др.) в Зеленчукском и Усть-Джегутинском р-нах Ставропольского края. Юго-Осетинская экспедиция (рук. В. П. Любин) произвела исследования позднеашельской пещеры Кударо и обнаружила ряд местонахождений древнепалеолитического и мезолитического времени.

Северная (Вологодская) экспедиция (рук. А. Я. Брюсов) продолжила раскопки свайного поселения начала II тысячелетия до н. э. в местности «Стрелка» и в урочище «Селище» на стоянке начала I тысячелетия до н. э. (Кирилловский р-н Вологодской обл.). В работе экспедиции принимал участие финский археолог К. Мейндер.

Неолитический отряд (рук. Н. Н. Гурина) Прибалтийской комплексной экспедиции занимался археологическим обследованием бассейнов р. Великой и озер Себежских, Жижицкого, Селигер, Валдай и Пирос. В западных районах преобладают средневековые памятники; восточные районы дали значительное количество неолитических поселений. Работы неолитического Карельского отряда (рук. Н. Н. Гурина) сосредотачивались на неолитическом поселении Усть-Рыбежно на р. Паше (Ленинградская обл.) и на поселении эпохи бронзы—Усть-Рыбежно II. Обследование западного побережья Онежского озера дало ряд новых неолитических памятников.

Южно-Уральский отряд (рук. Л. Я. Крижевская) проводил разведки в Красноуфимском и Сажинском р-нах Свердловской обл. Обнаружено четыре неолитических местонахождения, из которых наибольший интерес представляют поселения с хорошо сохранившимся культурным слоем у дер. Черкасово и в устье р. Ай.

Неолитический отряд (рук. Д. А. Крайнов) Среднерусской экспедиции основное внимание уделил исследованию стоянок Золоторучье I и II (Ярославская обл.). На стоянках вскрыты славянский, фатьяновский, неолитический и ранне-неолитический или мезолитический слои. Обследованы также ранне-неолитическая стоянка Золоторучье III, стоянка, селище и курганная группа у Грехова ручья (близ г. Углича) и места находок фатьяновских предметов.

Интересные результаты в области неолита достигнуты при работе Ангарской экспедиции (рук. А. П. Окладников). Нижнеангарский отряд раскопал 15 неолитических погребений в районе г. Братска и многослойное поселение с остатками эпохи неолита, бронзы и раннего железа у Монастырского камня. Верхнеангарский отряд исследовал неолитические могильники у дер. Пономарево и у с. Усть-Уда.

Отряд первобытной археологии Молдавской экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР (рук. экспедиции Т. С. Пассек, рук. отряда Т. С. Пассек и Е. К. Черныш) раскапывал двуслойное неолитическое поселение у с. Флорешты (нижний слой—культура линейно-ленточной керамики, верхний—культура типа Боян). Вещественный материал позволяет считать эту стоянку наиболее ранним трипольским поселением. У с. Солончены Резинского р-на на поселении III тысячелетия до н. э. зафиксировано стратиграфическое залегание слоев, относящихся к раннему и среднему этапу трипольской культуры, и впервые открыто ранне-трипольское погребение (рук. работ Т. Г. Мовша). Вдоль среднего течения р. Реут обследовано 112 памятников эпохи палеолита, мезолита, триполья, ранней бронзы и скифской (рук. работ А. П. Черныш).

Камская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и Мологского университета (рук. О. Н. Бадер) продолжала исследования в зоне строительства Воткинской ГЭС и в районе устья р. Белой. На стоянках Заозерская, Ольховско-Первомайская и Барская Пристань обнаружен мезолитический кремневый инвентарь. Исследованы Кряжская неолитическая стоянка и стоянки Заюрчинская и «Чернашка» (эпоха неолита и бронзы). Экспедиция провела обследование более десяти неолитических стоянок у устья р. Белой и десяти стоянок различных этапов приуральской культуры турбинского типа. Было открыто 14 жилищ в основном гаринского

типа. Исследовались также памятники ананьинской, гляденовской, харинской и ломоватовской культур.

Отряд Башкирской экспедиции ИИМК АН СССР и Башкирского филиала АН СССР (рук. экспедиции и отряда А. В. Збруева) обследовал могильник и стоянку у дер. Метев-Томак, давшие смешанный материал срубной, андроновской и абашевской культур. Кроме этого, велись работы на могильнике срубной культуры у дер. Сардык, на стоянке и курганном могильнике того же времени близ дер. Ново-Баскаково. Разведочный отряд (рук. А. П. Шокуров) обнаружил более пятидесяти памятников эпохи неолита, бронзы и более поздних вдоль р. Белой, от устья до пристани Дюртюли. Гафурийский отряд (рук. Г. В. Юсупов) раскапывал городища эпохи раннего железа: Табынское, Воскресенское, Курмантаевское и Ниянташевское.

Западно-Сибирская экспедиция (рук. В. Н. Чернецов) произвела раскопки могильника на мысе Козел близ г. Тюмени. Большая часть погребений относится к IV в. н. э. На площади могильника проследены остатки кратковременных стоянок эпохи бронзы и кремневая мастерская. Продолжались работы по исследованию землянок эпохи бронзы на стоянке Козлов мыс II. Были обследованы берега р. Казымы от Юильского городка до устья.

При работах Дальневосточной экспедиции (рук. А. П. Окладников) у г. Ворошилова было обнаружено поселение древнейшей для Приморья «осиповской» культуры (верхний палеолит или мезолит). Раскопки поселения на так называемой «Сенькиной шапке» дали интересный материал переходной эпохи от каменного века к эпохе металла. Сахалинский отряд Дальневосточной экспедиции (рук. Р. В. Чубарова) открыл 12 стоянок эпохи неолита и более позднего времени. Производились также разведки на Курильских о-вах. В районе Красноярской сопки продолжалось исследование средневековых поселений.

Хакасской экспедиции ИИМК АН СССР и Хакасского научно-исследовательского института (рук. С. В. Киселев) закончены раскопки Большого Салбыкского кургана III в. до н. э. (Усть-Абаканский р-н). Вскрыто огромное сооружение высотой 11,5 м и 500 м в окружавшем склепом, где были погребены останки семи человек. Под четырьмя угловыми столбами ограды были найдены погребения связанных людей — взрослых и детей, принесенных в жертву.

Экспедиция ИИМК АН СССР, ГМИИ, МГУ и Керченского историко-археологического музея (рук. В. Д. Блаватский) продолжила исследования древнего Пантикапея. На северном склоне горы Митридат вскрыт ряд домов от VI — начала V в. до н. э. и до начала III в. н. э., колодец и вымостка I в. до н. э., водоемы I в. н. э. и конца II — начала III в., винодельная III в. н. э., уличные водостоки IV в. н. э. На северной окраине г. Керчи раскапывался двухкамерный склеп с уступчатым перекрытием II в. до н. э. и на северном склоне Митридатовой горы — вырезанный в материке разграбленный склеп сарматского времени.

Работами Восточно-Крымского отряда (рук. И. Т. Кругликова) были открыты в районе дер. Героевки и дер. Марьевки пять античных сельских поселений, обнаружен оросительный канал и погребение IV в. н. э. На поселении у дер. Героевки обнаружены остатки построек VI—V вв. до н. э.

Небольшие работы Новороссийской экспедиции (Новороссийский краеведческий музей, ИИМК АН СССР; рук. Н. А. Онайко) производились на Раевском городище (Краснодарский край), где исследовалось каменное здание конца IV—III в. до н. э. Найдены остатки расписной штукатурки. Впервые обнаружены две бронзовые монеты II—I вв. до н. э.

Боспорская экспедиция (ИИМК АН СССР, ЛГУ, Гос. Эрмитаж; рук. В. Ф. Гайдукевич) совместно с группой польских археологов, возглавляемой профессором К. Михаловским, вела работы на центральной части городища Мирмекий, где найдены остатки жилищ конца VI — начала V в. до н. э. К эллинистическому времени относятся терракотовые маски Диониса и женские фигурки, много монет и рельефные сосуды. 2-й отряд экспедиции (рук. М. М. Худяк и Л. Ф. Силантьева) продолжал исследование Нимфейского акрополя. 3-й отряд (рук. Э. Д. Рабинович) продолжал раскопки Илурата, где была раскрыта самая мощная южная башня городища. 4-й отряд (рук. С. И. Капошина) завершил исследование винодельческого комплекса (III—II вв. до н. э.) в с. Партизаны. 5-й отряд (рук. Н. С. Белова) заканчивал исследование сельской загородной усадьбы эллинистического времени у пос. Карантинного. 6-й отряд (рук. В. Д. Рыбалова) вел раскопки поселения эпохи бронзы у дер. Каменки. Здесь же было вскрыто два скорченных захоронения. 7-й отряд провел обследование района от Тобечикского озера к западу до дер. Светляки. Выявлен ряд городищ, сельских поселений и детально обмерен Царский курган.

Работами объединенной Советско-Польской Ольвийской экспедиции (ИИМК АН СССР, Институт археологии АН УССР и Варшавский университет; рук. от ИИМК — Е. И. Леви) продолжалось изучение северной части агоры. Целиком расчищена цистерна, в которой найдено около 1000 обломков терракотовых статуэток (вторая половина IV — вторая половина II в. до н. э.) и череп жертвенного быка. При раскопках храма Зевса (III в. до н. э.) выявлено продолжение субструкции западной стены храма и близ него культовые ямы, в которых были найдены фрагменты аттических краснофигурных киликов начала V в. до н. э. с посвятельными

надписями Зевсу, Афине, Аполлону. Открыта ранняя землянка, частично перекрытая фундаментом западной стены храма Зевса. Найдено шесть обломков мраморных плит с надписями, в том числе с почитательной надписью Аполлону Дельфинию (V в. до н. э.).

Работы Таманской экспедиции (рук. И. Б. Эеест) продолжались на Таманском городище на участке, начатом еще в 1954 г. Были пройдены слои V—I вв. до н. э. На некрополе Гермонассы вскрыты могилы VI—III вв. до н. э.

В 1956 г. продолжались раскопки Нижнедонской экспедиции (ИИМК АН СССР. Ростовский и Таганрогский краеведческие музеи; рук. Д. Б. Шелов) на городище и некрополе Танаиса. В северо-восточной части городища вскрыта оборонительная стена и примыкающий к ней комплекс построек. Установлено, что сооруженные стены относятся ко II в. н. э. Раскрыто несколько помещений III—IV вв. н. э., часть мощеного двора, подвальное и наземное сооружение II—III вв. н. э. В центральной части городища открыт глубокий колодец и часть подвального помещения IV в. н. э. В юго-западной части городища обнаружен другой участок оборонительной стены. За пределами городища раскопано более 50 грунтовых погребений и курган I в. н. э.

Отряд Нижнедонской экспедиции (рук. С. И. Капошина) производил раскопки могильника около Кобякова городища. Получены новые данные о населении Нижнего Дона в эпоху бронзы и в первых веках нашей эры.

Скифская Степная экспедиция (рук. Н. Н. Погребова) зарегистрировала по р. Ингулу от устья до с. Ново-Петровки (Николаевской обл., УССР) 21 поселение эпохи поздней бронзы, раннескифского времени и II—IV вв. н. э. Были произведены разведочные раскопки поселения VII—VI вв. до н. э. у с. Пересадовки. Открыто каменное пятикомнатное жилище, слегка углубленное в землю, которое свидетельствует о глубоких местных корнях домостроительства скифов.

Астраханской экспедицией (ИИМК АН СССР и Сталинградский краеведческий музей; рук. В. П. Шилов) начаты раскопки большого курганного могильника на р. Ахтубе у с. Ленинское. Наиболее интересны ранние «полтавкинские» захоронения в ямах с богатым инвентарем, характерным для катакомбных захоронений Северного Причерноморья. Вскрыты погребения VI—IV вв. до н. э. и богатое позднесарматское захоронение с золотыми вещами. Кроме этого, обнаружено одно погребение с конем (XI в.), инвентарь которого свидетельствует о контакте половцев с племенами Сибири.

Воронежский отряд Донской экспедиции (рук. экспедиции П. Д. Либеров) раскопал девять небольших курганов в группе «Частых курганов». В одном из них найдены сосуды срубной культуры. Были исследованы четыре поселения. На двух из них открыты слои эпохи бронзы, а на двух других — слои скифского времени. Северо-Донецкий отряд проводил разведку по течению р. Береки и обнаружил 25 поселений, относящихся в основном к эпохе бронзы. Кроме этого, совместно с Институтом археологии АН УССР производились раскопки поселений (на средства строительства канала Сев. Донец — Донбасс) у хутора Войновки (эпоха бронзы) и у хутора Шведовки (материал скифского и салтовского времени).

Скифский отряд (рук. А. Н. Карасев) Крымской экспедиции продолжал раскопки Неаполя Скифского. В северной части городища было доследовано большое здание с расписной многоцветной штукатуркой *in situ*, с изображениями людей, животных и загадочных знаков. В другом здании найдены многочисленные заготовки рогов молодых оленей. Найдена также терракотовая скифская маска.

Чкаловская экспедиция (ИИМК АН СССР и Чкаловский областной краеведческий музей; рук. К. Ф. Смирнов) обнаружила в Чкаловской обл. большое количество курганов и места разработки медной и железной руды. В одном из курганов в Ак-Булакском р-не обнаружено первое в южных районах этой области погребение ямной культуры. Раскопано захоронение воина — кочевника X в. с чучелом коня. Близ с. Любимовки вскрыт курган с пятью ранними сарматскими погребениями VI—IV вв. до н. э.

Отряд Скифской археологии (рук. А. И. Мелюкова) Молдавской экспедиции продолжал раскопки поселения предскифского времени (конец IX — нач. VIII в. до н. э.) близ г. Кишинева. Материал поселения говорит о связях между культурой племен предскифского периода лесостепной Молдавии и культурой племен Карпато-Дунайского р-на, а так же о родстве культур населения Молдавии предскифского и раннескифского периодов. Раскапывались зольники эпохи поздней бронзы у с. Гиндешты Флорештского р-на. Вскрыт один из зольных холмов и культовое место между тремя зольниками.

Чебоксарская экспедиция (ИИМК АН СССР и Чувашский научно-исследовательский институт; рук. А. П. Смирнов) проводила исследования в Чкаловском, Аликновском и Красноармейском р-нах Чувашской АССР. Изучено 23 памятника от эпохи поздней бронзы и до XIX в. Наиболее ранние памятники — могильник и курган фатьяновской культуры близ дер. Таутово. Исследовались Ямурузинская и Именьевская стоянки срубной культуры. Памятники конца II тысячелетия до н. э. представлены также Иванкиным городищем и городищем Тури-Выла в Аликновском р-не. Материал этих городищ имеет черты абашевской и срубной культуры. Обследованы памятники городищ болгарской культуры. Близ дер. Тигашево раскапывались феодальный замок и три селища X—XII вв. Изучена система оборонительных соору-

жений дома и мастерские ремесленников. Можно считать установленным, что болгары появились в Чувашии до X в., а феодальные отношения там сложились в X в.

Работы самой крупной экспедиции института — Новгородской (ИИМК АН СССР, МГУ; рук. А. В. Арциховский) производились на Неревском конце. Были докопаны четыре старых раскопа, а два новых доведены до уровня XIV в. Найдено 56 грамтов, среди них одна самая древняя целая грамота (XI в.). Особый интерес представляет «архив школьника» (11 грамтов и 5 рисунков). Найден клад 739 арабских монет (младшая монета 975 г.). Открыто около 100 срубов, костерная и ювелирная мастерские с соответствующим набором инструментов и вещей. В слоях XII в. прослежены остатки яблоневое сада. В работе экспедиции принимали участие финские археологи К. Мейнандер и Кескиталё.

Несколькими отрядами работала в 1956 г. объединенная Советско-Болгарская экспедиция (ИИМК АН СССР, МГУ, Институт археологии АН УССР; рук. Б. А. Рыбаков; участвовали болгарские археологи Ж. Выжарова и С. Гергиева). В г. Чернигове на князем дворе открыты остатки фундамента Михайловской церкви 1174 г. Под фундаментами церкви обнаружены жилища XI—XII вв. Среди инвентаря интересно отметить поливную керамику. В черниговском Детинце открыта гончарная мастерская XII в. Д. И. Блицфельдом раскопано несколько курганов Шестовицкой группы. Поросский отряд экспедиции (рук. Ю. А. Кухаренко) раскопал двуслойное поселение Гончариха у с. Сахновки, Корсунь-Шевченковского р-на, Черкасской обл., УССР (верхний слой VI—VII вв. н. э.; нижний слой — предскифское селище с характерными находками, среди которых имеется керамика, близкая к зарубинецкому типу IV—II вв. до н. э.). Обнаружены три могильника черняховской культуры с одновременными селищами по р. Роси и могильником с трупосожжением эпохи бронзы близ г. Корсунь-Шевченковского. Северо-Донецкий отряд экспедиции (рук. С. А. Плетнева) работал в районе хутора Зливка на селище и могильнике салтово-маяцкой культуры. Разведками открыто семь селищ (салтово-маяцкие, скифские и эпохи бронзы).

Московская экспедиция (рук. А. Ф. Дубынин) исследовала остатки архитектурного памятника XVI в. в Зарядье. В Можайском р-не Московской обл. производились раскопки Троицкого городища дьякова типа. Отрядами экспедиции (рук. Р. Л. Розенфельдт) обследованы в Можайском и Уваровском р-нах и по р. Рузе дьяковские городища, селища XI—XVII вв. и курганные группы.

В Славянской экспедиции (рук. П. Н. Третьяков) работали семь отрядов. Верхнеднепровский отряд (рук. П. Н. Третьяков) вскрыл почти полностью площадь городища Тушемля (Смоленская обл.). Исследованы остатки круглого сооружения в центре городища. Полесским отрядом экспедиции (рук. Ю. В. Кухаренко) раскапывались курганы VII—VI вв. до н. э. у с. Дубой (Столинский р-н Брестской обл., БССР). Впервые обнаружен могильник типа «подклошевы» у с. Головно (Волынская обл.). Продолжались раскопки могильника зарубинецкой культуры у с. Велемичи, Давид-Городокского р-на, Брестской обл. и на селище VIII—IX вв. н. э. у дер. Хотомель. Кроме этого, раскапывались ранние славянские курганы X—XI вв. в дер. Видибор (Столинский р-н Брестской обл.). В верховьях р. Припяти и у г. Бреста обнаружен новый вид больших славянских курганов с труположением, вероятно, принадлежавших дулбам. Днепровский отряд экспедиции (рук. О. Н. Мельниковская) обследовал 102 объекта по течению рр. Днепра и Сожа. В нескольких случаях зарубинецкие материалы найдены на памятниках «милоградской» культуры. Встречены длинные курганы. Стационарные раскопки были поставлены на городищах у с. Горошков (Речицкий р-н Гомельской обл.), в дер. Мохов и в дер. Колочин (IV—VI вв. н. э.). Днепровский левобережный отряд (рук. И. И. Ляпушкин) произвел раскопки на поселении близ с. Выгоничи и на поселении у с. Полужье. Найдены остатки эпохи бронзы, первых веков нашей эры, второй половины I тысячелетия н. э. и великокняжеской поры. Открыты раннеславянские полуземлянки с печами из кусков железной руды. В курганном могильнике у с. Полужье найдена керамика, близкая к роменско-боршевской. Деснинский отряд экспедиции (рук. Л. В. Артишевская) проводил разведки и раскопки городищ южновской и роменской культур по р. Судости в Брянской обл. Верхнеокский отряд (рук. Т. Н. Никольская) провел раскопки городища у дер. Николо-Ленивец в Дзержинском р-не Калужской обл. и на Зайцевском и Синоковском двуслойных городищах (VI—VII вв. и эпоха древней Руси) в Орловской обл. Были проведены разведки по рр. Черни и Зуше. Западно-Двинский отряд (ИИМК АН СССР и Великолукский краеведческий музей; рук. Я. В. Станкевич) продолжал исследования на территории Великолукской области. На городище VI—VII вв. н. э. у дер. Рудня (Пореченский р-н) раскрыто примыкающее к стене ритуальное сооружение со столбом в центре. Обследованы городища у дер. Сопливино и дер. Федосеево. Основные работы отряда были сосредоточены на городище XI—XII вв. у дер. Городище (близ г. Великие Луки), где вскрыты жилые и производственные сооружения (в том числе кузница). Среднеднепровский отряд Славянской экспедиции (рук. М. А. Тиханова) продолжал раскопки поселения эпохи полей погребений в Луке-Врублевской и разведку на Волыни.

Среднерусская экспедиция (рук. Н. Н. Воронин) работала шестью отрядами. Ростовский отряд (рук. Н. Н. Воронин) исследовал участок предполагаемого княжеского двора к северу от церкви Димитрия и Бориса и Глеба в г. Ростове, где под слоем планировочной насыпи обнаружен слой мерянского поселка. В результа-

те археологических работ сейчас можно сделать точную реконструкцию плана древнего Успенского собора (1161—1162), находящего себе аналогию во Владимирском Успенском соборе.

Мерянский отряд (ИИМК АН СССР, Ярославский и Костромской музеев; рук. Е. И. Горюнова) продолжал раскопки Попадьянского селища VI—VII вв. и Дурасовского городища (Ярославская и Костромская обл.). Смоленский отряд (рук. В. В. Седов) продолжил археологическую разведку древнерусской деревни в центральных районах Смоленской области. Открыто 60 древнерусских селищ, четыре городища, несколько курганных групп. Раскопки производились на поселениях у с. Яново (Починковский р-н) и с. Церковище. Владимирский отряд (ИИМК АН СССР и Владимирский областной краеведческий музей; рук. В. В. Седов) вел раскопки на городище и селище XI—XIII вв. у с. Пировы Городища (Вязниковский р-н Владимирской обл.). Обнаружены остатки ювелирного, костяного и стеклоделательного ремесел, найден шиферный крестик с религиозной надписью. Исследованиями в г. Гороховце установлено, что древнерусский город XII—начала XIII вв. находился на горе, где в XVII в. был построен Никольский монастырь. Обследована Ярополчья гора в г. Вязниках и установлена дата основания поселения — XVI в. Отряд экспедиции по изучению крепостей (рук. П. А. Раппопорт) изучал оборонительные сооружения в гг. Калуге (Симеонов город XIV в.), Торопце и Холме, в с. Красногорском (Великолукская обл.), в г. Опочке, у озера Коложе и в с. Велье (Псковская обл.). Рязанский отряд (рук. А. Л. Монгайт) проводил разведку в Рыбновском р-не Рязанской обл. и в Зарайском р-не Московской обл. Раскопки велись на Борисо-Глебском и Глебовском городищах и на Борисо-Глебском I селище, где открыты слои раннего железного века и славянские XIV—XVI вв. Производились также раскопки в саду кремля г. Переяславля-Рязанского (совместно с Рязанским краеведческим музеем). Прекрасная сохранность дерева позволила вскрыть остатки бревенчатых домов, мостовых, хозяйственных построек (конюшня, скотный двор). Найдены фрагменты привозной полихромной керамики XIV в., изделий из дерева, инвентарь шорника, сапожника, обувь, оружие. Интересна находка стеклянных браслетов в слое XIV в.

Белгородской экспедицией (рук. А. В. Никитин) проводилось изучение крепостных сооружений XVI—XVII вв. в г. Белгороде. Обнаружен небольшой клад серебряных украшений.

Работы по изучению древней Вологды (рук. А. В. Никитин), начатые еще в 1948 г., позволяют теперь говорить о развитии городской жизни в домонгольский период.

Галицко-Волынская экспедиция (рук. М. К. Каргер) завершила раскопки развалин храма XII в. около церкви Василия в г. Владимире-Волынском. Под развалинами обнаружены остатки более раннего кузнечного производства. В урочище «Михайловщина» раскопаны развалины большого храма-ротонды, по-видимому, соборной церкви Михайловского монастыря, упоминаемого в Ипатьевской летописи (XIII в.). В г. Переяславле-Хмельницком открыты развалины небольшой каменной башни и примыкающей к ней стены «каменного города», построенного в конце XI в. митрополитом Ефремом, и развалины небольшого храма XI в. (возможно, церкви Андрея «у ворот»).

Полоцко-Прибалтийский отряд (рук. Л. В. Алексеев) Прибалтийской комплексной экспедиции обследовал городища и курганные группы I—начала II тысячелетия в Молодеченской и Витебской обл. БССР. Раскопки производились на городищах Браслав (X—XII вв.) и Друцк. Славяно-литовский отряд (рук. Ф. Д. Гуревич) производил разведки в междуречье р. Немана и его притока Молчади. Открытые близ г. Новогрудка курганы и поселения датируются X—XI вв. Исследовалась Замковая гора в г. Новогрудке, где прослежены слои XIII—XV вв. и найдены следы деревянных сооружений, принадлежавших, вероятно, русскому городу XI—XIII вв. Выяснено, что исследованная территория была плотно заселена славянами уже в X—XI вв. Калининградская группа отряда (ИИМК АН СССР, Калининградский областной музей; рук. Ф. Д. Гуревич) продолжала раскопки городища Логвиново I, относящегося к культуре пруссов X—XII вв., и раскопала единственный на этой территории норманский могильник. Материал аналогичен известному скандинавскому могильнику Бирка.

Экспедиция Курского краеведческого музея (рук. А. Е. Алихова) исследовала городище VI—V вв. до н. э. Кузина гора (к западу от г. Курска на р. Сейм). Это городище замечательно необычным типом сооружений в виде дома, окружающего всю площадку городища, и особенностями оборонительной стены. Найдены фрагменты чернотерракотовых сосудов, амфор и лошечной посуды.

Мордовской экспедицией (Мордовский научно-исследовательский институт и ИИМК АН СССР; рук. А. Е. Алихова) закончены раскопки неолитического жилища на Саконовской стоянке (Мухтоловский р-н. Арзамасской обл.). Находки имеют аналоги среди ранне-неолитических памятников, например Малое Окулово.

Средневековый отряд (Бахчисарайский музей и ИИМК АН СССР; рук. В. В. Кропоткин) Крымской экспедиции продолжал раскопки раннесредневекового могильника на южном склоне Чуфут-Кале (Бахчисарайский р-н, Крымской обл., УССР). Проведены также небольшие разведочные работы на позднеантичном поселении III—V вв. н. э. у дер. Староселье.

В г. Кирове производились археологические разведки (Кировский областной краеведческий музей, ИИМК АН СССР; рук. Л. П. Гуссаковский) на территории кремля, где открыты остатки мостовых XIV—XV вв., деревянных срубных изб, хозяйственных сооружений и дренажной системы. На поселении в с. Никульчине вскрыты остатки наземного срубного жилища и полуземлянки XIV в.

Байдарская экспедиция (рук. А. Л. Якобсон) производила разведочные раскопки в Крыму на сельских поселениях V—X вв. н. э. у с. Роджеково и с. Ново-Бобровка (Балаклавского р-на). Выявлены сельские усадьбы, существовавшие с III—IV по IX в. н. э. В с. Роджеково также открыт могильник с погребениями, покрытыми каменными плитами или деревянными плахами.

Прутско-Днестровская экспедиция (рук. Г. Б. Федоров) обследовала древнерусское селище у с. Алчедар (открыты металлургический горн, известняковые жернова, остатки полуземлянок, многочисленный инвентарь), позднесарматский могильник у с. Бревичны, скифский могильник у с. Паены (обнаружены трупосожжения в урнах), средневековое молдавское селище у с. Паены (XV—XVIII вв.).

Отряд раннеславянской археологии (рук. Э. А. Рикман) Молдавской экспедиции продолжал раскопки крупнейшего могильника и селищ черняховской культуры у с. Будешты. Выявлен ряд интересных памятников скифской и черняховской культур и средневековья. Отряд средневековой молдавской археологии (рук. Г. Д. Смирнов) продолжал исследование Старого Орхоя, где были раскопаны земляная цитадель и «боярские хоромы» (XIV—XV вв) и большая печь по производству извести. Обнаружена гончарная печь для обжига молдавской сероглиняной керамики. Открыты два могильника скифского времени (у с. Б. Молоешты, Рыбницкого р-на и на городище Старого Орхоя).

Кармир-Блурская экспедиция АН Армянской ССР (Гос. Эрмитаж, ИИМК АН СССР; рук. Б. Б. Пиотровский) вела раскопки северо-западной цитадели, около ворот. В четырех кладовых найдено большое количество бронзового и железного оружия, бронзовые чаши, шлемы, щит с надписью царя Сардури II, много разнообразных бус и печатей, серебряная крышка сосуда, украшенная золотыми орнаментированными поясками и золотым навершием в виде плода граната. На сосуде имеется надпись урартского царя Аргишти I. Самая интересная находка этого года — глиняная клинописная табличка, содержащая указание царя Сардури III о передаче земли. Это уже четвертый документ, свидетельствующий о существовании в Тейшебани хозяйственного архива.

Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция (ИИМК АН СССР, Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР; рук. А. А. Иессен) состояла из трех отрядов. В Агдаме, на поселении Узерлик-тепе (рук. К. Х. Кушнарєва) продолжалась расчистка оборонительной стены из сырцового кирпича (в верхнем горизонте). В нижнем горизонте (первая или начало второй четверти II тысячелетия до н. э.) раскрыто много хозяйственных ям и два переносных очага. На поселении Кара-тепе (рук. отряда О. Ш. Исмизаде) раскопана часть внутренней площади здания VI в. до н. э., по всей вероятности замка. Вскрыты также слои последних веков до нашей эры и средневековый. На городище Оренкала, в пределах ремесленного квартала древнего Байлакана продолжалось изучение сооружения, связанного с гончарным производством; обнаружен сложный из обожженного кирпича бассейн, к которому был подведен отводной канал (время сооружения — не позднее XI в. н. э.). Нахичеванский отряд (рук. О. А. Абибуллаев) исследовал слои эпохи бронзы и раннего железа и начал исследование неолитического слоя на холме Кюль-тепе. Открыты круглые жилища с примыкающими к ним прямыми стенками как на Шенгавитском холме; обнаружены формы для отливки медных предметов.

Северо-Кавказская экспедиция (ИИМК АН СССР, Грозненский краеведческий музей; рук. Е. И. Крупнов) произвела разведки в Аргунском ущелье у с. Солнечное, где был открыт грунтовой могильник эпохи бронзы, давший материал, характерный для более западных районов северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Близ с. Луговое производились раскопки поселения неолитического времени и скифского грунтового могильника VI—V вв. до н. э. Часть могил была окружена кромехами, что указывает на связь с глубокой местной погребальной традицией. У станции Мекенской было раскопано три кургана. Самые ранние погребения относятся к древнейшей культуре, другие — к южному варианту катакомбной культуры. Кроме этих работ, в г. Кисловодске исследован каменный ящик с инвентарем, характеризующим культуру племени Кабардино-Пятигорья VII—VI вв. до н. э.

А. Н. Бернштам возглавлял работу Алайского отряда Киргизской экспедиции и Восточно-памирского отряда Таджикской экспедиции (АН Киргизской ССР, АН Таджикской ССР, ИИМК АН СССР). В долине рр. Маркансу и Аксу в ряде мест В. А. Рановым обнаружены следы человека позднего каменного века. На территории Алая (долина р. Коксу) в одном из погребений неизвестного ранее типа найдена бронзовая фигурка лося южносибирского облика. Погребения с сарматскими зеркалами в Карашваке и наскальные изображения V—III вв. до н. э. (долина Коксу) указывают на проникновение сарматских племен вплоть до Заилийского Алатау.

Ак-Бешимским отрядом (рук. Л. П. Зяблин) Киргизской экспедиции велась раскопки второго буддийского храма на городище Ак-Бешим (Чуйский р-н, Фрунзенская обл.). Выявлена общая планировка храма и вскрыты его основные архи-

тектурные части. В центре находилось обширное крестовидное в плане помещение святилища или алтаря. Перед алтарем был внутренний дворик. В алтарной части, в нишах, обнаружены суфы, служившие пьедесталами для скульптур. Среди фрагментов скульптур следует отметить находку трех голов, из которых две были окрашены. Сохранился небольшой фрагмент росписи храма. Южно-киргизский отряд (рук. Ю. А. Заднепровский) продолжил изучение городища Шурашабат в Уэгенском оазисе. Установлено, что в восточной части городища слои средневекового поселения (X—XII вв.) лежат непосредственно на слое древнего поселения (IV—I вв. до н. э.). При разведках обнаружено интересное селище западнее Исфаны, в бассейне р. Аксу (последние века до нашей эры и первые века нашей эры) и курганный могильник в районе строительства Уч-Курганской ГЭС.

В 1956 г. закончены археологические работы в зоне затопления Бухтарминской ГЭС. Исследования Восточно-Казахстанской экспедиции (рук. С. С. Черников) проводились четырьмя отрядами. На поселении Усть-Нарым установлено наличие трех слоев: неолитического, раннеандроновского и послеандроновского. Продолжены раскопки на поселении у дер. Трушниково. Раскопки курганов производились в двух пунктах — у аула Кула-Журга (18 курганов — III—I вв. до н. э.) и у дер. Усть-Буконь (22 кургана — V—IV вв. до н. э.). Палеолитическим отрядом при обследовании галечников р. Нарым собрано много орудий верхнепалеолитического облика. Работы Западно-Казахстанского отряда экспедиции на целинные земли (рук. В. С. Сорокин) были сосредоточены на могильниках Тасты-Булак I и II Новороссийского р-на, Актюбинской обл. Было раскопано 17 «каменных колец», относящихся к андроновской культуре. Близ этих могильников обнаружено одновременное им селище.

Работы Кара-Кумского отряда (рук. В. М. Массон) велись на трех объектах: на Джейтуне (конец V тысячелетия до н. э. — поздний неолит), на Кара-депе (первая половина III тысячелетия до н. э.) и на Геоксюре (вторая половина IV тысячелетия до н. э.), где были вскрыты части многокомнатных жилых домов, разделенных узкими улицами. Найдено около 40 целых расписных сосудов, мраморная статуэтка быка, многочисленные терракотовые статуэтки, среди которых две головки напоминают месопотамские памятники. Завершено вскрытие монументального здания IX—VII вв. до н. э. на цитадели Яз-депе в дельте р. Мургаба.

Отряд по изучению памятников каменного века (рук. А. П. Окладников) Таджикской экспедиции (рук. А. М. Беленицкий) обнаружил материалы ашельского и мустьерского времени в районе Кайракумского водохранилища. Ходжентский отряд (рук. Н. Негматов) раскапывал раннесредневековое городище в шахристане. Кайракумский отряд (рук. Б. А. Литвинский) исследовал памятники эпохи бронзы. Исфаринский отряд раскапывал курганы первых веков нашей эры. Кафирниганский отряд (рук. А. М. Манделъштам) вскрыл несколько десятков курганов в Бишкентской долине, давших материал, характерный для культуры древней Бактрии III—IV вв. н. э. Пенджикентский отряд (рук. А. М. Беленицкий) продолжал раскопки древнего Пенджикента, где были вскрыты новые помещения со стеной росписью.

Н. К. Лисицина

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИНОЗЕМЦЕВ

16 февраля 1957 г. в Ростове-на-Дону скончался декан историко-филологического факультета Ростовского государственного университета имени В. М. Молотова кандидат исторических наук археолог Георгий Александрович Иноземцев.

Родился Г. А. Иноземцев в 1902 г. в Батайске в семье железнодорожного фельдшера. В 1922 г. он окончил Донской археологический институт Главнауки Наркомпроса РСФСР, а в 1927 г. историко-филологическое отделение Северо-Кавказского государственного университета в Ростове-на-Дону.

Трудовую деятельность Г. А. Иноземцев начал с восемнадцатилетнего возраста, с течением времени все больше сочетая ее с научно-краеведческой работой по специальности археолога в ростовских научно-исследовательских организациях и музеях.

Уже первые публикации Г. А. Иноземцева, появившиеся в 1927 г. («Ростовское городище», «Древнее поселение в районе станицы Гниловской» и др.), свидетельствовали, что мы имеем в лице автора вдумчивого и серьезного исследователя древностей Подонья-Приазовья.

С начала 1939 г. им велись раскопки древних курганных погребений в окрестностях г. Ростова-на-Дону, близ станицы Аксайской и в других пунктах («Раскопки кургана в станице Верхне-Гниловской» в сб. «Памятники древности на Дону», т. I, Ростов-на-Дону, 1940).

Г. А. Иноземцевым систематически осуществлялись археологические разведки древних поселений в дельте р. Дона, сопровождавшиеся инструментальной съемкой. Им был составлен, в частности, наиболее точный и подробный топографический план известного Недвиговского городища (Танаиса) с прилегающей к нему округой.

Война прервала научные изыскания Г. А. Иноземцева. В 1942 г. он ушел на фронт и с честью совершил славный боевой путь война-патриота. Окончание войны застало его в должности командира гвардейской Витебской ордена Ленина и Красного Знамени стрелковой дивизии.

Правительство высоко оценило заслуги Г. А. Иноземцева, присвоив ему звание Героя Советского Союза и наградив его орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденами Александра Суворова и Александра Невского и многими медалями.

После демобилизации из рядов Советской армии Г. А. Иноземцев являлся директором Государственной научной библиотеки им. К. Маркса в Ростове-на-Дону, а с 1954 г. преподавателем и затем деканом историко-филологического факультета Ростовского государственного университета.

В 1955 г. Г. А. Иноземцев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Бронзовый век Нижнего Дона».

В послевоенные годы Г. А. Иноземцев выступил также в качестве автора книг по истории городов Ростова-на-Дону и Таганрога, составителя и редактора печатных библиографических указателей литературы по прошлому и настоящему Ростовской области.

Много и упорно работал покойный над упорядочением и систематизацией археологических собраний Новочеркасского музея и составлением для него научно-экспозиционного плана.

Научную и преподавательскую работу Г. А. Иноземцев сочетал с активной общественной деятельностью в качестве депутата горсовета, члена райкома партии, лектора Общества по распространению политических и научных знаний.

Б. В. Лукин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация изучения четвертичного периода
АК — Археологическая комиссия
БМНИИК — Бурято-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАК — Высшая аттестационная комиссия
ВГО — Всероссийское географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОИАК — Записки общества изучения Амурского края
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРГО — Известия Русского Географического Общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЮУОПОРГО — Известия Южно-Уссурийского отделения Приамурского Отдела Русского Географического Общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КФАН СССР — Казанский филиал АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей Антропологии и Этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы, истории
ОАК — Отчет Археологической Комиссии
ОИАК — Общество изучения Амурского края
ОРЯСАН — Отдел русского языка и словесности Академии наук
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИИЕТ — Труды Института истории, естествознания и техники
Тр. АС — Труды археологических съездов

Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. зап. Кабардинского НИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
AJ — Archaeological Journal (Кокугаку дзэсси, Tokyo, Archaeological Society) на японском языке
AJA — American Journal of Archeology
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ILN — Illustrated London News
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — Journal of Hellenic Studies
RA — Revue Archéologique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Д. А. Крайнов (Москва). К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время	3
А. В. Збруева (Москва). Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры	26
А. И. Тереножкин (Киев). Среднее Поднепровье в начале железного века	47
П. Н. Третьяков (Москва). К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.	64
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). К реконструкции Десятинной церкви	78
С. В. Киселев (Москва). Древние города Монголии	91

Публикации

А. П. Окладников, И. А. Некрасов (Ленинград). Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгытхын)	102
Н. Н. Гурина (Ленинград). Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР	115
Г. И. Андреев (Москва). Поселение Зайсановка I в Приморье	121
А. О. Мнацаканиан (Ереван). Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (предварительное сообщение)	146
Е. И. Крупнов (Москва). Первые итоги изучения восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1953 гг.)	154
А. К. Коровина (Москва). К вопросу об изучении Семибратних курганов	174
С. Н. Братченко (Ростов-на-Дону). Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону	188
К. В. Голенко (Москва). Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе (предварительное сообщение)	197
Л. А. Евтюхова (Москва). О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов)	205
Д. А. Авдусин (Москва). Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке)	228
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Монетная система Хорезма XIV в.	239

Мелкие заметки

В. Д. Блаватский (Москва). Мраморный трон из Пантикапея	247
П. О. Карышковский (Одесса). Находка римских монет в бассейне р. Кодымы	250
И. Т. Кругликова (Москва). Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское	253
В. В. Кропоткин (Москва). Крест-складень из Коктебеля	257
Н. Н. Воронин (Москва). Историко-архитектурные заметки	258

Критика и библиография

А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953)	265
М. В. Воробьев (Ленинград). Су Бин-ци. Погребения на «участке восточнее канала» на террасе Доуцзи	267
В. М. Массон (Ленинград). Поселение бронзового века в Южном Афганистане	269
С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова (Киев). Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955	270
В. М. Массон (Ленинград). R. Chirshman. Village perse-achéménide. Paris, 1954	275
Б. А. Шрамко (Харьков). А. Н. Москаленко. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955	277
Н. А. Сидорова (Москва). Новейшие археологические открытия в Греции	278
Г. А. Цветасва (Москва). Античные города Северного Причерноморья (Очерки истории культуры). М.—Л., 1955	288
Т. В. Блаватская (Москва). Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. София, 1956	293
Ю. В. Кухаренко (Москва). Slovenská archeologia. Bratislava, 1953—1956	296
Н. Н. Воронин (Москва). М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956	301

Хроника

Сергей Павлович Толстов (К пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной и общественной деятельности)	304
Намио Эгами (Япония). Прошлое и настоящее японской археологии	305
сессия археологов КНР	307
Л. П. Зяблин (Москва). Сессия, посвященная этногенезу киргизов	309
Г. Ф. (Москва). Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья	310
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г.	312
Некролог [Г. А. Иноземцев]	320

SOMMAIRE

D. Kraïnov (Moscou). Sur l'origine de l'élevage	3
A. Zbroueva (Moscou). L'âge du bronze tardif dans la région de Kama en rapport avec la formation de la culture d'Ananino	26
A. Térénokine (Kiev). La contrée du Dniepre moyen au début de l'âge du fer	47
P. Trétiakov (Moscou). Sur de la constitution ethnique de la population dans la contrée interfluviale de la Volga et de l'Oka au premier millénaire de notre ère	64
G. Korzoukhina (Léninograd). Essai de la reconstruction de l'église Dessiatinny	78
S. Kisselev (Moscou). Les villes anciennes de la Mongolie	91

Matériaux archéologiques

A. Okladnikov et I. Nekrassov (Léninograd). Nouveaux vestiges de la culture néolithique continentale dans la presqu'île de Tchoukotka	102
N. Gourina (Léninograd). Quelques données nouvelles sur la colonisation de la partie Nord-européenne de l'URSS	115
G. Andréev (Moscou). Le site Zaïssanovka I dans la région de Primorié	121
A. Mnatsakanian (Erevan). Fouilles des tumuli sur le rivage du lac de Sévane	146
E. Kroupnov (Moscou). Premiers résultats de l'étude archéologique de la région Est au pied du Caucase	154
A. Korovina (Moscou). Au sujet des tumuli Sémibratny	174
S. Bratchenko (Rostov-sur-le-Don). Gorodistché de Mokrotchaltir sur la rive droite du Bas-Don	188
K. Golenko (Moscou). Deuxième trésor des monnaies de Pathray	197
L. Evtiukhova (Moscou). Sur les tribus de la Mongolie Centrale au IX ^e siècle	205
D. Avdoussine (Moscou). Un nouveau monument de l'architecture de Smolensk	228
G. Fedorov-Davidov (Moscou). Le système monétaire de Khorezm au XIV ^e siècle	239

Notes brèves

V. Blavatsky (Moscou). Le fauteuil de marbre de la Panticapée	247
P. Karichkovsky (Odessa). Découverte des monnaies romaines dans la Transcarpathie	250
I. Krouglkova (Moscou). Sépulture du IV—V siècles de notre ère à Ayvasovka	253
V. Kropotkine (Moscou). La croix de Koktebel	257
N. Voronine (Moscou). Notes sur l'histoire d'architecture	258

Critique et bibliographie

A. Brussov (Moscou). La littérature danoise archéologique sur l'histoire de l'agriculture (1950—1953)	265
M. Vorobiev (Léninograd). Les sépultures sur le chantier du canal Est sur la terrasse Daoudzi	267
V. Masson (Léninograd). Le village de l'âge du bronze à l'Afghanistan du Sud	269
C. Bérésanskaja et O. Chapochnikova (Kiev). T. B. Popova. Les tribus de la culture des catacombes	270
V. Masson (Léninograd). R. Chirshman. Village perse-achéménide, Mémoires de la Mission archéologique en Iran, T. XXXVI	275
B. Chramko (Karkov). A. Moskalenko. Les vestiges de la haute antiquité dans la contrée du Haut-Don et du Don Moyen	277
N. Sidorova (Moscou). Nouvelles découvertes archéologiques en Grèce	278
G. Tsvetaeva (Moscou). Villes antiques de la Pontide (Aperçus de l'histoire de la culture)	288
T. Blavatskaya (Moscou). Inscriptions graecae in Bulgaria Repertae. Sofia. 1956	293
J. Koukharenko (Moscou). Aperçu de «Slovenská Archéologia», 1953—1956	296
N. Voronine (Moscou). M. A. Bezborodov. La production du verre dans la Russie ancienne	301

Chronique

La cinquantenaire anniversaire de S. P. Tolstov	304
Namio Egami (Japon). Le passé et le présent de l'archéologie de Japon	305
L'assemblée plénière d'archéologues de la République Populaire Chinoise	307
L. Ziabline (Moscou). L'assemblée plénière au sujet de l'ethnogenèse des Kirghizes	309
G. F. L'assemblée plénière de Kazan 1956	310
N. Voronine (Moscou). M. A. Bezborodov. La production du verre dans la Russie la culture matérielle de l'Académie des sciences de l'URSS en 1956	312
Ad memoriam <u>G. A. Inozemtzev</u>	320

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР приступает к составлению археологической карты Советского Союза. Это важное для науки мероприятие требует активного участия не только узкого круга специалистов, но и широкой советской общественности. Большую практическую помощь специалистам в этом могут оказать работники краеведческих музеев, учителя, школьники, а также многочисленные любители древностей своего края указаниями о местонахождении археологических памятников.

К последним относятся остатки древних поселений и могильников, а также отдельные находки вещей (орудия труда, оружие, монеты, черепки от посуды и пр.), свидетельствующие о пребывании человека в той или иной местности в глубоком прошлом. О большом интересе советских людей к предметам древности, находимым при земляных работах, экскурсиях и т. п., свидетельствуют письма, получаемые нашим Институтом.

Так, В. Д. Солочинский (г. Акмолинск) прислал описание коллекции каменных орудий труда, имеющей большое значение для изучения каменного века в Северо-восточном Казахстане. В его сообщениях имелись также дополнительные данные о древних валах в районе р. Дамсы и сведения о новой стоянке андроновской культуры близ г. Акмолинска.

Не менее важными для археологов оказались сведения, полученные от И. И. Корда из Магнитогорска. И. И. Корда открыл стоянки каменного века в районе г. Магнитогорска и собрал ценную коллекцию каменных орудий труда, которая может быть использована специалистами при изучении каменного века на Южном Урале.

А. Д. Киселев (с. Чеганда, Каракулинский район Удм. АССР) спас для науки вещи нескольких древних могил, обнаруженные им в разрушавшемся берегу р. Ямаша (приток Камы).

Подобные сообщения представляют большой интерес для исследователей. Они, несомненно, будут учтены при составлении археологической карты Советского Союза, а также при изучении древнейшей истории нашей страны.

О каждом археологическом памятнике необходимо давать следующие сведения:

1. Республика, область, край, АССР, нац. округ, район.
2. Наименование памятника и название, под которым памятник известен местному населению.
3. Местоположение памятника (по отношению к населенному пункту, реке, дороге, шоссе и т. п.).
4. Краткое описание памятника и его состояние.
5. Описание вещей, найденных при разведках, или случайных находок.
6. Куда сданы найденные вещи.
7. Кто составил карточку и дата составления.
8. Примечание.

Желательно прилагать схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д., а найденные вещи надо сдавать в ближайший краеведческий музей.